

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503

Индекс подписки

в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Свидетельство
о регистрации СМИ ПИ № ФС77-36826
от 14 июля 2009 г.)

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям
науки: 12.00.01, 12.00.02.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2019

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
педагогике, юриспруденции, образования,
а также правовому мониторингу,
инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Дмитрий Пашенцев

Помощник главного редактора:
Анна Небеснюк

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Home page:
www.education.law-books.ru

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

E-mail:
mail@law-books.ru

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2019

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Белиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Ю.М. Алпатов – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА "Московская гильдия адвокатов и юристов", Почетный адвокат России

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

А.В. Лагуткин – доктор юридических наук, доцент, адвокат МГКА "Московская гильдия адвокатов и юристов", действительный член РАЕН, член Президиума РАЕН, председатель отделения проблем управления РАЕН

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Д.А. Пашенцев**, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, кандидат юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.В. Алферова – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права, член Ассоциации юристов России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Почетный профессор права Института адвокатуры, нотариата и международных отношений

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.С. Кагосян – доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ

И.А. Колюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора

журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкаль-

ского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, директор гимназии № 710 Российской академии образования

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Габидуллина Ч.Ф. * «Мусорная» реформа в регионах Российской Федерации: социально-экономические аспекты 11

Устинова Е.В., Егорова Ю.А. * Социополитический аспект принятия законов об ограничении права ношения оружия в США 19

Дзиковская С.Г., Яковенко И.А. * Современные вызовы российскому федерализму и пути их преодоления 26

Гарсаев Л.М., Магомедова Р.М., Нахиташев З.М., Гусейнова И.С. * Из опыта Чеченской Республики по борьбе с экстремизмом и терроризмом 30

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Аламова С.М., Солдатов Я.В. * Проблемы экологического порядка в исследованиях общей теории права и отраслевых юридических дисциплин: вопросы теории и практики 36

Лебедева М.В., Вербина Г.Г. * Гендерные различия в ценностных ориентациях личности 40

Чимакадзе Ф.В. * Определённость права: содержание теоретико-правовой категории 43

Шаруева Н.В. * Основные подходы к изучению правовой культуры 53

Матчанова З.Ш. * Понятие «угроза» в свете актуальных проблем права международной безопасности и отдельных положений теории социальной травмы ... 58

Шиян О.В. * Антропологический подход к изучению влияния дарообмена на неформальные социально-экономические отношения 63

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Майстренко Г.А. * Законодательное совершенствование правовых норм об условно-досрочном освобождении осужденных 68

Павлов Д.М. * Включение в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) как дополнительная мера ответственности участников закупок для государственных и муниципальных нужд 72

Подольянский М.С. * Оператор связи как субъект рекламной деятельности: законодательство и практика 76

Васильев И.А. * Справедливость дисциплинарной ответственности при нарушении финансового ФЭЙР-ПЛЕЙУЕФА: практика Спортивного Арбитражного Суда (CAS) 81

POLICY AND LAW

Gabidullina Ch.F. * "Garbage" reform in the regions of the Russian Federation: socio-economic aspects 11

Ustinov E.V., Yegorova Yu.A. * Sociopolitical aspect of the adoption of laws to restrict the right to carry weapons in the United States 19

Dzikovskaya S.G., Yakovenko I.A. * Modern Challenges to Russian Federalism and Ways to Overcome Them ... 26

Garcayev L.M., Magomedova R.M., Nahibashiev Z.M., Huseynova I.S. * From the experience of the Chechen Republic in combating extremism and terrorism 30

PROBLEMS OF LAW THEORY

Alamova S.M., Soldatov Y.V. * Problems of ecological order in research of general theory of law and sectoral legal disciplines: issues of theory and practice 36

Lebedeva M.V., Verbina G.G. * Gender differences in personality value orientations 40

Chimakadze F.V. * Certainty of Law: Content of Theoretical-Legal Category 43

Sharueva N.V. * Basic Approaches to the Study of Legal Culture 53

Matchanova Z.S. * The concept of "threat" in the light of topical problems of international security law and certain provisions of the theory of social trauma 58

Shian O.V. * Anthropological Approach to Studying the Impact of Daromism on Informal Socio-Economic Relations 63

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Maistrenko G.A. * Legislative improvement of the law on parole of convicted persons 68

Pavlov D.M. * Inclusion in the register of unscrupulous suppliers (contractors, performers) as an additional measure of responsibility of procurement participants for state and municipal needs 72

Podolyansky M.S. * Communication Operator as a Subject of Advertising Activity: Legislation and Practice ... 76

Vasilyev I.A. * Fairness of disciplinary liability in case of violation of UEFA financial FAIR-PLAY: practice of the Sports Arbitration Court (CAS) 81

Tereshin M.V. * Legal Regulation of Personal Data Protection in the Russian Federation and the EU in the Context of Entry into Force of the General Data Protection Regulation (GDPR) 89

Терешин М.В. * Правовое регулирование защиты персональных данных в РФ и ЕС в контексте вступления в силу общего регламента по защите данных (GDPR) 89

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Бабич Д.В. * Особенности законодательства, регламентирующего отношения в сфере трансплантации в Республике Беларусь 94

Потапов Ю.А. * Ограничение прав человека в период действия особых правовых режимов 101

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Виноградов М.А. * Налоговые нарушения в сфере предпринимательской деятельности 108

Камышанский Д.Ю. * Об опыте Республики Казахстан по противодействию коррупции 113

Шинкарецкая Г.Г. * Цифровизация - глобальный тренд мировой экономики 119

Овчинников А.А. * Правовое регулирование отношений, возникающих при банкротстве застройщика 124

Гаряева К.М. * Правила о контролируемых иностранных компаниях в Российской Федерации 127

Субанова А.Б., Яркин А.А. * Актуальные проблемы вменения услуг по страхованию при оформлении банковских продуктов 132

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Шокумов Ю.Ж. * Место и роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики в сфере гражданского судопроизводства 136

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Потоцкий Н.К. * О месте и роли уголовно-исполнительной системы в структуре современного российского общества и государства 143

Нгуен Тхи Хай Иен * Влияние норм международного права на положения уголовного законодательства Вьетнама о преступлениях, связанных с торговлей людьми 149

Мехтидис Ю.Н. * О механизме реализации института условно-досрочного освобождения 152

Алиева С.Ю. * Причины и факторы, обуславливающие вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера 156

Полянко А.Н. * Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с оборотом недвижимого имущества Министерства обороны Российской Федерации 160

Сундуrowa О.Ф. * Отсрочка исполнения наказания по Уголовному кодексу Франции 164

HUMAN RIGHTS

Babić D.V. * Peculiarities of legislation regulating relations in the field of transplantation in the Republic of Belarus 94

Potapov Yu.A. * Restriction of human rights during special legal regimes 101

LAW AND ECONOMICS

Vinogradov M.A. * Tax violations in the sphere of business activity 108

Kamyschanskiy D.Y. * On the experience of the Republic of Kazakhstan on anti-corruption 113

Shinkaretskaya G.G. * Digitalization - a global trend in the world economy 119

Ovchinnikov A.A. * Legal regulation of relations arising in case of bankruptcy of the developer 124

Garyayeva K.M. * Rules on Controlled Foreign Companies in the Russian Federation 127

Subanova A.B., Yarkin A.A. * Actual problems of imputed insurance services in the preparation of bank products 132

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Shokumov Yu.Z. * Place and role of the Supreme Court of the Russian Federation in the formation of judicial practice in the field of civil procedure 136

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Pototsky N.K. * On the Place and Role of the Penal Correction System in the Structure of Modern Russian Society and the State 143

Nguyen Thi Hai Yen * Impact of International Law on Vietnamese Criminal Law on Trafficking in Persons Offences 149

MEKHTIDIS Y. N. * ON THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF PAROLE 152

Aliyeva S.Yu. * Reasons and Factors for Involvement of Minors in Terrorist Crimes 156

Polyanko A.N. * Forensic characterization of crimes related to trafficking in immovable property of the Ministry of Defense of the Russian Federation 160

Sundurova O.F. * Stay of execution under the French Penal Code 164

Ankosi M.M. * Causes of ethnic organized crime in the big city 168

CONTROL THEORY

Kosmin A.D., Kosmin E.A., Kovalchuk V.K. * Subsidiary mission of corruption: utopia or reality? 173

Анкоси М.М. * Причины этнической организованной преступности в большом городе 168

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А., Ковальчук В.К. * Субсидиарная миссия коррупции: утопия или реальность? 173

Зубова О.Г. * Структура ценностей населения России: теоретико-методологический анализ и эмпирические результаты 182

Плиев С.М., Плиева А.М. * Государственная состоятельность в контексте состоятельности новообразованных государств постсоветского пространства 190

Уразов Г.Д. * Контроль в системе представительных органов государственной власти в Российской Федерации: понятие, виды и формы 195

ИННОВАЦИИ

Стрельцова М.А., Вербина Г.Г. * Фасцинация как метод преодоления коммуникативных барьеров 201

Чернявский А.Г., Синяева Н.А. * Проблемы гуманитарного регулирования военных конфликтов в киберпространстве 206

Федорова И.И., Габидинова Г.С. * Методическое обеспечение оценки экономической эффективности инновационных проектов 216

Горбунова О.С., Петрякова С.В., Пильникова И.Ф., Крохалев А.А. * Сельскохозяйственная техника и концепция интернета вещей 222

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Янишевская Я.А. * Всемирный антидопинговый кодекс как правовая основа противодействия допингу в спорте 229

Васильев И.А. * Роль Спортивного арбитражного суда (CAS) в формулировании критериев статуса профессионального футболиста 233

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Букалерева Л.А., Остроушко А.В., Амандыкова С.К. * Коррупция в высшем образовании Великобритании 242

Кулажников В.В. * Обучение преподавателей в адъюнктуре образовательных организаций МВД РФ .. 247

Саркисян Т.Н. * Аспект культурной саморегуляции в контексте самореализации личности студента 255

Ибрашева Б.С., Шарапова В.М. * Анализ факторов для разработки стратегии вуза на основе SWOT-анализа 258

Шагбанова Х.С. * Лингвистическая адаптация иностранцев: сущность, структура и функции 264

Zubova O.G. * Structure of Russian Population Values: Theoretical and Methodological Analysis and Empirical Results 182

Pliev S.M., Plieva A.M. * State viability in the context of the viability of the newly formed states of the post-Soviet space 190

Urazov G.D. * Control in the system of representative agencies of state power in Russian Federation: concept, types and forms 195

INNOVATIONS

Strektsov M.A., Verbina G.G. * Fascination as a method of overcoming communicative barriers 201

Chernyavsky A.G., Sinyayeva N.A. * Problems of humanitarian regulation of military conflicts in cyberspace 206

Fedorov I.I., Gabidinov G.S. * Methodological support of evaluation of economic efficiency of innovative projects 216

Gorbachev O.S., Petryakov S.V., Pilnikov I.F., Krokhaliev A.A. * Agricultural equipment and concept of the Internet of Things 222

SPORTS LAW

Yanishovsky Y.A. * World Anti-Doping Code as a legal basis against doping in sports 229

Vasilyev I.A. * Role of the Sports Arbitration Court (CAS) in the formulation of criteria for the status of a professional football player 233

EDUCATION MANAGEMENT

Bukalero L.A., Ostroushko A.V., Amandykova S.K. * Corruption in higher education in Great Britain 242

Kuhadnikov V. V. * Training of teachers in the associate of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 247

Sarkisyan T. N. * Cultural self-regulation aspect in the context of student self-realization 255

Ibrasheva B.S., Sharapova V.M. * Analysis of factors for development of the university strategy on the basis of SWOT-analysis 258

Shagbanova H.S. * Linguistic adaptation of foreigners: essence, structure and functions 264

PEDAGOGICAL SCIENCES

Doynikov I.V. * On Teaching Discipline "Management of State and Municipal Property" 270

Kholodova M.V., Kolpetskaya O.Y. * Mass musical education of students of general education institutions at the modern stage: problems and prospects 275

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дойников И.В. * О преподавании дисциплины «Управление государственной и муниципальной собственностью» 270

Холодова М.В., Колпецкая О.Ю. * Массовое музыкальное воспитание обучающихся общеобразовательных учреждений на современном этапе: проблемы и перспективы 275

Яковлева Т.А. * Влияние изучения основ права на восприятие и понимание студентами категории закон (на материале ассоциативного эксперимента) 280

Пешкова А.Б. * Экспрессивы как один из видов речевых актов, выражающихся восклицательными предложениями (на материале русских и английских текстов) 287

Семенов О.Ю., Дёмко А.И. * Применение инфокоммуникационных SMART-технологий в образовательном пространстве учебного заведения 293

Мелентьев А.В. * Военно-патриотическое воспитание экстремальными видами спорта в военизированном вузе (альпинизм) 303

Симонова О.А., Чмых И.Е., Коккезов Д.У. * Обучение иноязычному говорению с применением технологий критического мышления 307

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Извекова А.А. * Особенности заключения договора международной купли-продажи товаров по праву России, ФРГ и США 312

Королев С.В., Лялина И.С. * Негаторное предупреждение в гражданском, трудовом и интернет-праве Германии 317

Фарниева М.Г., Оборотова С.А., Игнатова О.В., Черноусова Н.В. * Предпосылки реформирования российского законодательства в сфере благотворительности и призрения в конце XIX века 323

Майстренко Г.А., Майстренко А.Г. * Семейная политика КНР: исторический ракурс и современное состояние 330

Квачадзе О.Б., Мигунова Т.Л. * Концепция политических прав человека по средневековому праву германских городов XI-XIV вв. 335

Клюков В.Д. * Право на информацию и право на доступ к информации: понятие и соотношение. 344

КОРОТКО О КНИГАХ

Куркин Б.А. * Российское государство в 1917 году: монография / Отв. ред. С.А. Боголюбов, Д.А. Пашенцев, В.А. Селезнев. — М.: Юстицинформ, 2018. — 292 с. 350

Yakovleva T.A. * Influence of the Study of the Foundations of Law on the Perception and Understanding of the Law Category by Students (on the Material of the Associative Experiment) 280

Peshkova A.B. * Expressives as one of the types of speech acts expressed by exclamation sentences (on the material of Russian and English texts) 287

Semenov O.Y., Domko A.I. * Application of infocommunication SMART-technologies in the educational space of the educational institution 293

Melentyev A.V. * Military-patriotic education of extreme sports in paramilitary university (climbing) 303

Simonov O.A., Chmyy I.E., Kokkeзов D.U. * Training in Foreign Language Speaking Using Critical Thinking Technology 307

LEGAL ARCHIVE

Novyckova A.A. * Peculiarities of conclusion of the contract of international sale of goods under the law of Russia, Germany and the USA 312

Korolev S.V., Lyalina I.S. * Negatory Warning in German Civil, Labor and Internet Law 317

Farnieva M.G., Verovtova S.A., Ignatov O.V., Chernousova N.V. * Prerequisites for reforming Russian legislation in the sphere of charity and calling at the end of the 19th century 323

Maistrenko G.A., Maistrenko A.G. * Family Policy of the People's Republic of China: Historical View and Modern State 330

Kwachadze O.B., Migunova T.L. * Concept of political human rights under medieval law of German cities of XI-XIV centuries. 335

Klukov V.D. * Theright to information and theright to access to information: the concept and the relation. 344

SHORT ABOUT BOOKS

Kurkin B.A. * Russian state in 1917: monograph / Ote. Ed. S.A. Bogolubov, D.A. Pashentsev, V.A. Seleznev. - M.: Yusticininform, 2018. - 292 p. 350

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

ГАБИДУЛЛИНА Чулпан Фархатовна,
ассистент кафедры МТЭК
Тюменского индустриального университета
e-mail: chulpangabidullina@mail.ru

«МУСОРНАЯ» РЕФОРМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Непрерывный рост мусора является глобальной проблемой человечества. Не только в России, но и в мире увеличение числа свалок, отсутствие должного уровня переработки отходов составляют серьезную экологическую угрозу. В этой связи вопрос вывоза и утилизации мусора должен решаться на государственном уровне. В Российской Федерации изменения в области законодательства в отношении отходов вступили в силу с 1 января 2019 г. В настоящей статье автор раскрывает причины, содержание, социально-экономическую специфику и возможные последствия «мусорной» реформы в Российской Федерации как на развитие региональной экономики, так и на показатели уровня и качества жизни россиян.

Ключевые слова: «мусорная» реформа, твердые коммунальные отходы, раздельный сбор отходов, региональные операторы, утилизация мусора, рециклинг, правовое регулирование.

GABIDULLINA Chulpan Farhatovna,
assistant of the Department of MTEK
of Tyumen Industrial University

“GARBAGE” REFORM IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIO-ECONOMIC ASPECTS

Annotation. Continuous growth of garbage is a global problem of mankind. Not only in Russia, but also in the world, the increase in the number of landfills, the lack of an adequate level of waste recycling constitute a serious environmental threat. In this regard, the issue of removal and disposal of garbage should be resolved at the state level. In the Russian Federation, changes in the legislation on waste entered into force on January 1, 2019. In this article, the author reveals the causes, content, socio-economic specifics and the possible consequences of the “junk” reform in the Russian Federation both on the level of development of the regional economy, and on indicators of the level and quality of life of Russians.

Key words: “junk” reform, municipal solid waste, separate collection of waste, regional operators, garbage disposal, recycling, legal regulation.

На сегодняшний день параллельно с ростом населения страны неизбежно повышается уровень потребления. Практически каждый день стремительно развиваются новые технологии производства, позволяю-

щие производить все новые виды товаров. Как следствие, увеличивается объем отходов, производимых населением Российской Федерации. В результате, возникает проблема их утилизации,

которая в настоящее время становится важной задачей, не только в России, но и в мире.

Безусловно, мусор, представляющий собой одну из основных категорий отходов деятельности людей, далеко не всегда имел сугубо негативную окраску. В частности, в древних обществах, когда человек был в значительной степени частью природы, нежели теперь, мусор, производимый им, имел большую экологичность. Однако в условиях современной техногенной цивилизации, вещества, которые выделяют отходы, сильно загрязняют и разрушают окружающую среду. Ситуация осложняется тем, что развитие человечества невозможно остановить, и, как следствие, нельзя сделать производство мусора абсолютно безвредным для биосферы. Так, на современном этапе общество вынуждено искать пути выхода из сложившейся ситуации посредством создания новых технологий производства, позволяющих рационально утилизировать бытовые отходы и пускать их в переработку.

В настоящее время не представляется возможным справиться с постоянным ростом объема мусора без принятия серьезных мер на уровне государства. Проблема образования отходов заключается в том, что современная российская промышленность имеет высокий уровень ресурсоемкости и большой процент образования отходов производства. [16, с. 52]. С 2018 г. вводится полный запрет на захоронение перерабатываемых отходов, в частности на бумагу и стекло. Необходимо отметить, что в Российской Федерации пока не создана структура для их переработки и сортировки, а большая часть полигонов переполнена и находится в аварийном состоянии [10, с. 13]. Кроме того, использование (утилизация) и обезвреживание отходов - технологически сложное и экономически невыгодное дело [16, с. 52]. В этой связи необходимо разработать способы мотивации населения, сформировать комфортные и доступные условия для реализации этого важного мероприятия, устранив, тем самым, социальные и экономические препятствия на пути борьбы с массой и последствиями отходов человеческой деятельности. Не только в России, но и во многих промышленно развитых странах за последние десятилетия политика в области управления отходами подвергается существенным изменениям и ориентирована на снижение их количества, на развитие методов их максимального использования [15]. С 1 января 2019 г. российские регионы перешли на новую систему обращения с отходами. Как отмечается в СМИ, с этого времени задействована «мусорная реформа», предусматривающая новый порядок утилизации твердых коммунальных отходов (далее – ТКО) [11]. В этой связи большое значение приобретает

вопрос анализа содержания «мусорной реформы» в России, ее социальной и экономической специфики, в частности, тех последствий, к которым приведет ее введение (к примеру, рост тарифов, необходимость закупки дорогостоящего мусоросжигательного оборудования, строительство заводов по утилизации отходов, расходы на систему раздельного сбора мусора в государственном масштабе и проч.).

Однако в первую очередь необходимо ответить на вопрос о причинах «мусорной» реформы в стране. Первой причиной реформы по утилизации отходов является стремительный рост их числа на территории Российской Федерации. По сообщению законодательного Комитета, занимающегося реализацией «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [1], в России на сегодняшний день находится свыше 30 млрд т твердых бытовых отходов, в то время как перерабатывается всего около 10%, а остальное лишь складывается на полигонах [13]. В свою очередь, территории таких свалок с каждым годом увеличиваются. Академик РАН В. Осипов приводит еще меньшую цифру переработки отходов, составляющую сегодня лишь 5% [14].

Второй причиной, по мнению депутата Московской городской Думы Н. Зубрилина (фракция КПРФ), были безнадёжно устаревшие технологии обращения с мусором. Мусорные свалки на полигонах только в Московском регионе едва не привели к экологической катастрофе. В частности, под Волоколамском от мусорных газов пострадали дети, тяжелое положение сложилось в Южном и Юго-Восточном округах Москвы, а также в Балашихе, Люберцах и во многих других районах Подмосковья [14]. При этом вывозить мусор в соседние регионы не представляется возможным, так как желающих принимать его практически нет. Даже строительство 200 мусоросжигательных заводов, о чем говорил В.В. Путин на декабрьской пресс-конференции (2018 г.) [8], не является новшеством в технологическом аспекте.

Третьей причиной «мусорной» реформы было устаревшее законодательство в области борьбы с мусором, которое фактически не изменялось с 90-х годов прошлого века. В частности, для того, чтобы понять причины отсутствия в столице контейнеров для раздельного сбора пластика, стекла и бумаги, необходимо обратиться к законодательству более чем 20-летней давности. В 1998 г. в России вступил в силу ФЗ № 89 «Об отходах производства и потребления» [2], крайне необходимый в то время. Главной целью его принятия было выведение из теневого сектора экономики системы обращения с мусорными отходами. В частности, настоящим Законом устанавлива-

лись правила контрольно-надзорной деятельности, соответствие санитарным нормам и природоохранному законодательству. Важно отметить, что в нем отсутствовали какие-либо экономические показатели и положения о создании стимулов для сокращения образования отходов, введении системы их раздельного сбора и создании мусороперерабатывающих производств. При этом, со времени принятия данного Закона прошло уже более 20 лет, объемы мусора сильно возросли (в среднем по России его количество увеличивается на 3% в год). Кроме того, остро стоит проблема утилизации отходов в крупных российских городах, особенно в столице, где плотность населения чрезвычайно высока: свыше 19.8 млн человек, проживающих здесь, производят ежегодно 11 млн т твердых коммунальных отходов [17]. В свою очередь, те полигоны, на которые свозился мусор еще с советских времен, на сегодняшний день уже переполнены.

В этой связи Н. Колдобская отмечает, что если к концу 80-х годов XX в. процент вторичной переработки твердых коммунальных отходов составлял около 20% и функционировало свыше 5 тыс. пунктов сбора вторсырья, то после распада СССР эта система была разрушена [14]. В результате, в Москве т.н. рециклинг (переработка отходов) составляет только от 5 до 7%, а в целом в стране ситуация обстоит гораздо хуже. Кроме того, среди отходов, производимых каждым отдельным человеком, возрастает число упаковок, бутылок, старой электрической техники, батареек, люминесцентных ламп и т.п., т.е. мусора, нуждающегося в переработке. В России действует только один завод такого профиля в г. Челябинске, в работе которого часто возникают перебои, а налаженных программ по утилизации бытовой техники в настоящее время не существует.

Четвертая причина - рост в крупных российских городах нелегальных свалок мусора. Так, согласно статистике, на одну легальную свалку приходится две нелегальные [17], что может обернуться экологической катастрофой. Жители мегаполисов, например москвичи, пытаются вести борьбу со свалками отходов, стихийно возникающими вблизи их домов, часто не находят поддержки со стороны властей. Во многом это объясняется тем, что, признав незаконность свалки, город как собственник земли обязан ее рекультивировать, что представляет собой весьма затратное мероприятие. Это является не только причиной, но и тем обстоятельством, которое способно замедлить ход «мусорной» реформы. Ведь на сегодняшний день в Российской Федерации существует 1920 официально зарегистрированных полигонов накопления отходов, 16.000 разрешённых свалок и ещё 31.000 нелегальных свалок.

Вследствие этого огромная масса мусора непрерывно разрастается, приближаясь к местам проживания людей.

Все эти причины представляют серьезную угрозу для экологии страны и являются свидетельством того, что «мусорная» реформа необходима. Ситуация обостряется также ростом массовых протестов, в частности, связанных со строительством мусоросжигательных заводов вокруг Москвы, полигоном «Ядрово» в Волоколамском районе Московской области. Осознавая, что недовольство граждан положением с утилизацией отходов может возрасти, правительство вынуждено было выдвинуть проект «мусорной» реформы.

В настоящее время в России действуют несколько правовых актов, посредством которых регулируются вопросы отходов. Это - ФЗ от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [5], не претерпевший существенных изменений за предшествующий год, за исключением общих правил действия лицензий и периодичности проверок лицензиатов. данным документом утверждены требования к деятельности организаций, связанных с утилизацией отходов 1-4 класса опасности. Кроме того, действует ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4], в который в 2018 г. были внесены некоторые поправки о создании автоматической системы контроля выбросов и сбросов загрязняющих веществ, негативно влияющих на состояние окружающей среды. Наконец, ФЗ от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [3], согласно которому с 2018 г. санитарно-защитные зоны устанавливаются федеральным надзорным органом, а положение о санитарно-защитных зонах утверждается Правительством РФ. Следует отметить, что наибольшее значение в рамках вопроса вывоза и утилизации отходов имеет ФЗ от 24.06.1998 № 89 (с изм. и доп.) «Об отходах производства и потребления» [2]. Вступившие в силу поправки к этому Федеральному закону и стимулировали задействие кардинальных преобразований в данной сфере. В соответствии с его положениями можно заключить, что Правительство РФ стремилось создать современные мусороперерабатывающие заводы, так как это позволило бы решить проблему утилизации отходов. Вследствие этого свалки и полигоны должны быть ликвидированы, а ответственность за переработку отходов легла бы на владельцев земельных участков. Таким образом, те, кто владеет землей, вынужден будет самостоятельно оплачивать услуги уборки территории от ТКО. Однако введение «мусорной» реформы вносит ряд существенных изменений в действующее законода-

тельство. В частности, она предполагает, что во всех субъектах Российской Федерации приступят к работе региональные операторы, задачей которых будет управление мусорными потоками на основании территориальных схем и региональных программ. К этому моменту Минприроды России должно будет принять решение о том, какие практики сбора, сортировки и переработки отходов являются наилучшими. Усилиями операторов осуществляется как сбор и вывоз твердых коммунальных отходов, так и их утилизация. Согласно законодательству Российской Федерации, они несут ответственность за отведенную им территорию. Выбор этих операторов осуществляется на конкурсной основе из числа предприятий, принимающих участие в тендере на предоставление данной услуги государству. Как отмечают специалисты, у многих граждан бытует мнение о «формальности» проводимых конкурсов [12, с. 16]. Бесспорно, такая работа должна проходить под пристальным контролем органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Таким образом, важным социально-экономическим отличием от прежней ситуации в области вывоза и утилизации твердых бытовых отходов является то, что раньше они были жилищной услугой, тарифы на которую устанавливали ТСЖ или управляющие компании. С 1 января 2019 г. переработка ТКО стала одной из услуг для населения, и тарифы на пользование ею регулируются государством. В результате, в ежемесячных платежах граждан появится новая отдельная строка, аналогичная, например, регулярно получаемым счетам за отопление или газоснабжение. Отдельно следует отметить, что отказаться от данной услуги будет невозможно. В частности, по ст. 24.7 ФЗ «Об отходах производства и потребления» [2] все организации и владельцы жилой недвижимости будут обязаны заключить договор с местным оператором, который осуществляет переработку ТКО. Представляет интерес тот факт, что даже, если отходы граждан расходуются на фундамент строящегося дома, они будут обязаны заплатить по установленному тарифу. Таким образом, последствия реформы приведут к повышению расходов населения, не только проживающего в квартирах, но также загородных домах, на дачах, в коттеджах, а также членов садоводческих объединений и гаражных кооперативов.

Что касается размера оплаты за услуги переработки ТКО, то он будет рассчитываться на основании количества проживающих жильцов в квартире или доме. Таким образом, формулу, по которой будет исчисляться оплата, можно представить следующим образом: Цена = Норматив * Количество жильцов * Установленный тариф за

куб. При этом, последняя составляющая данной формулы будет различной в зависимости от типа жилья. Так, например, для загородного дома, коттеджа или квартиры будут предусмотрены разные тарифы. Если говорить о льготах на оплату за вывоз и переработку мусора, то они будут доступны исключительно тем гражданам, кто уже обладает таким правом на иные ЖКУ. В случае заключения договора садоводческого общества с региональным оператором тариф будет рассчитываться, исходя из количества членов объединения. Если дача имеет статус жилого строения, то ее собственник может самостоятельно принять решение относительно того, заключать ли ему договор напрямую с оператором, предоставляющим услуги, либо с самим садоводческим обществом. «Мусорная» реформа является не только расходной, но и всеобъемлющей для граждан, так как в соответствии с ней оплату за вывоз и переработку отходов обязаны вносить даже владельцы нежилых строений, имеющих статус «с правом проживания».

С точки зрения Правительства РФ, «мусорная реформа» предусматривает такую систему тарификации за услуги вывоза и утилизации мусора, которая удовлетворит как граждан, так и операторов, так как для первых она не будет являться слишком расходной статьей бюджета, а для вторых создаст экономически выгодные условия работы. Однако следует учитывать, что тарифы за услугу утилизации мусора для разных регионов страны будут варьироваться. В частности, эксперты прогнозируют повышение цен на вывоз ТКО для граждан в несколько раз. В частности, каждый рядовой гражданин должен будет платить от 200 до 350 руб. ежемесячно. Следовательно, семье, состоящей из четырех человек, необходимо будет выделить из своего бюджета на оплату вывоза и утилизации мусора от 800 до 1400 руб.

Неопределенным элементом в рамках данной услуги является возраст граждан, с которого они обязаны оплачивать вывоз и переработку мусора. Кроме того, неясными остаются основания установления правительством различных тарифов для регионов и городов. В частности, В. Бурматов, занимающий должность главы Комитета по охране окружающей среды, отмечал, что в Туруханской технологической зоне Красноярского края стоимость тарифа на данную услугу имеет тенденцию к увеличению в десятки раз. Следовательно, после вступления в силу «мусорной» реформы семья из трех человек вынуждена будет платить сумму около 12.000 руб. [13]. Это объясняется тем, что в установленные тарифы будет входить стоимость разноцветных контейнеров, предназначенных для разных видов отходов.

Кроме того, значительный объем средств, необходимых для оплаты услуги по вывозу и утилизации мусора, пойдет на строительство перерабатывающих заводов. Экономическая сторона вопроса определяется также необходимостью федерального центра затратить средства не только на разработку, но и на реализацию новых мер поддержки переработчиков вторсырья, а также просветительских мероприятий, направленных на формирование культуры раздельного сбора мусора в стране.

Говоря о социально-экономических аспектах «мусорной» реформы, нельзя не согласиться с мнением экспертов относительно того, что бытовые отходы далеко не всегда бесполезны, часто представляют собой нечто ценное (например, бумага, металл, пластик, дерево и проч.) [14]. Так как такой мусор является потенциальным товаром, при правильной его утилизации из него можно извлекать прибыль. В этой связи целесообразным было упорядочить данный процесс посредством создания, напр., хозяйственных структур, которые занимались бы переработкой мусора, при этом, контрольный пакет акций этих предприятий находился бы в руках государства. Заметим, проект «мусорной» реформы предопределяет рост необоснованных поборов с жителей за вывоз отходов. Таким образом, «мусорная реформа» превращается в очередной бизнес-проект конкретных чиновников. Кроме того, эксперты дают негативные прогнозы относительно влияния «мусорной» реформы на рынок рециклинга, так как фактически ее реализация будет способствовать разрушению формировавшихся длительное время региональных практик. Это объясняется тем, что решения, оказывающие влияние на рынок переработки отходов, принимаются на уровне регионов. При этом, необходимо учитывать тот факт, что чиновники на местах далеко не всегда делают выбор в пользу дорогостоящего раздельного сбора мусора.

Не только в провинциальных, но и в крупных городах осуществление «мусорной» реформы может затормозиться отсутствием программ в области обращения с отходами. Примером может служить Санкт-Петербург, где действует только госпрограмма «Благоустройство и охрана окружающей среды» [6], в которой не содержится никаких положений относительно внедрения системы раздельного сбора отходов (РСО). Территориальная схема, разработанная в 2016 г., также не предусматривает указаний о переходе к обязательной сортировке и переработке вторсырья [9]. Несмотря на то что в данный документ были внесены изменения от 28 февраля 2019 г., о внедрении системы раздельного сбора отходов (РСО) упоминается только в соглашении между властями

Санкт-Петербурга и новым региональным оператором – городским унитарным предприятием. В частности, отмечается что переход на систему РСО должен проходить поэтапно. Более конкретного хода и результата реформы данный документ не предусматривает.

Наряду с этим в Санкт-Петербурге благодаря усилиям волонтеров и предпринимателей уже сформировалась система РСО. В частности, субъекты малого и среднего бизнеса договариваются с жильцами, управляющими компаниями и ТСЖ, устанавливая рядом с многоквартирными домами контейнеры для вторсырья, после чего продают пластик, макулатуру, стекло и другие отсортированные отходы переработчикам.

Безусловно, действия представителей малого и среднего бизнеса с экономической точки зрения более выгодны населению. Однако они идут вразрез с федеральным законодательством, которое фактически может поставить придомовое РСО под угрозу закрытия. Это связано с тем, что региональные операторы могут запретить другим компаниям выстраивать на контейнерных площадках систему раздельного сбора твердых коммунальных отходов (ТКО). Это существенно осложнит задачу заготовителей вторсырья, так как им придется искать пути выхода из ситуации. К таковому можно отнести доказательство при помощи паспортов отходов и протоколов биотестирования того факта, что они занимаются сбором не ТКО, а например, отходов от использования товаров (ОИТ). Однако изменения, внесенные в ФЗ «Об отходах производства и потребления» [2], а также введение термина «ОИТ» допускают накопления вторсырья только вне контейнерных площадок. В то же время в некоторых областях России еще с 2018 г. действовала региональная программа по утилизации мусора, например в Калининградской области [7]. При этом в документе содержатся целевые показатели, связанные с развитием системы РСО. В частности, согласно документу, доля твердых коммунальных отходов, превратившихся во вторичное сырье на контейнерных площадках, должна увеличиться в регионе с текущих 3 до 10% к 2025 г. При этом региональным оператором стало новое государственное предприятие Калининградской области, а в ее нормативно-правовой базе прописана роль действующих игроков рынка рециклинга, наделенных статусом операторов по обращению с отходами.

Таким образом, можно заключить, что «мусорная» реформа является, с одной стороны, необходимой мерой, направленной на борьбу с ростом свалок в стране и способствующей предотвращению экологической катастрофы. Безусловно, для реализации этой цели требуется зани-

маться раздельным сбором и последующей переработкой мусора, в особенности, твердых бытовых отходов (например, картон, бумага, металл, дерево). В переработке особенно нуждается пластик, отходы которого представляют глобальную экологическую проблему. С другой стороны, несмотря на оправданность «мусорной» реформы, от ее введения сильно пострадает бюджет российских граждан. Неравномерность тарифов по разным городам и регионам определяет несправедливость реформы в отношении каждого конкретного гражданина страны. Большинство людей не производит такого количества отходов, утилизация которых требовала бы столь значительных материальных затрат. Во многом стоимость услуги на вывоз и утилизацию мусора определяется стремлением правительства окупить вложения в строительство мусороперерабатывающих заводов. Кроме того, «мусорная» реформа может отрицательным образом сказаться на рынке рециклинга в Российской Федерации.

Несмотря на изменения в законодательстве в отношении утилизации отходов, определенное время необходимо будет продолжать их захоронение, так как для быстрой реализации положений реформы может не хватить производственных мощностей. Кроме того, к выбору мест для мусорных полигонов и внедрения новых технологий работы с мусором следует подходить с научной точки зрения. В этом случае можно существенно повысить эффективность «мусорной» реформы и, как следствие, улучшить экологию и здоровье людей.

Отметим, что если данная реформа как одна из составляющих социально-экономических преобразований на уровне субъектов Российской Федерации оправдывает себя, то мы получим в конечном счете тот искомый набор социальных благ, который в наибольшей степени удовлетворяет общественным интересам в контексте повышения уровня и качества жизни населения региона [9, с. 21].

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 01.07.2019).
- [2] ФЗ от 24.06.1998 N 89-ФЗ (послед. ред.) «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 01.07.2019).
- [3] ФЗ от 30.03.1999 N 52-ФЗ (послед. ред.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии

населения» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 01.07.2019).

[4] ФЗ от 10.01.2002 N 7-ФЗ (послед. ред.) «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 01.07.2019).

[5] ФЗ от 04.05.2011 N 99-ФЗ (послед. ред.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 01.07.2019).

[6] Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 г. № 487 (с изм. на 28.02.2019). «О государственной программе Санкт-Петербурга “Благоустройство и охрана окружающей среды в Санкт-Петербурге”» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/822403594> (дата обращения: 01.07.2019).

[7] Постановление Правительства Калининградской области от 22.06.2018 N 365 «Об утверждении региональной программы в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Калининградской области» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW044;n=82333#07111854025834632> (дата обращения: 01.07.2019).

[8] Полный текст пресс-конференции Президента Российской Федерации Владимира Путина, 20 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://infoabad.com/v-mire/polnyitekst-pres-konferenci-vladimira-putina-20-dekabrya-2018-goda.html> (дата обращения: 01.07.2019).

[9] Баркенхоева Р.А. Повышение уровня и качества жизни населения как доминанта регионального развития // Вестник АГУ. Сер. 5: Экономика. - 2017. – Вып. 1 (195). - С. 13 - 22.

[10] Булатова Е.Р. Совершенствование утилизации твердых коммунальных отходов в Ставропольском крае // Молодежь и актуальные проблемы современной науки: материалы Росс. науч.-практ. конф. / под ред. О.Б. Бигдая. - Ставрополь, 2018. – Т. I. - С. 13 - 15.

[11] Вылегжанина У. ПЭТ-проблема. Рынок рециклинга в регионах не будет развиваться без корректировки «мусорной» реформы // Росс. газ. – Экономика Северо-Запада. 28.08. 2018. № 189 (7652) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2018/08/28/reg-szfo/chto-meshaet-szfo-perejti-na-novuiu-sistemu-obrashcheniya-s-othodami.html> (дата обращения: 01.07.2019).

[12] Жилиякова В.В. Проблематика введения мусорной реформы на территории Российской Федерации // Образование и право. - 2019. - № 4. - С. 14 - 17.

[13] Заворотный М. Мусорная реформа 2019 года: что нас ждет? 06.01.2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.allremont59.ru/news/musornaya-reforma-2019-goda-chto-nas-zhdet.html> (дата обращения: 01.07.2019).

[14] Мелитонян Ю. «Мусорная реформа» как способ грабежа народа. 22.02.2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://msk.kprf.ru/2019/02/22/108590/> (дата обращения: 01.07.2019).

[15] Рахметуллина Ш.Ж. Управление отходами как фактор улучшения экологической ситуации в регионе // Восточно-Европейский научный журнал. 06.04.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://eesa-journal.com/2017/04/06/upravlenie-otходami-kak-faktor-uluchsheniya-ekologicheskoy-situacii-v-regione/> (дата обращения: 01.07.2019).

[16] Семенюк Е.В., Катункина Е.В. «Мусорная» реформа. Цели и проблемы ее осуществления // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 52 - 55 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-yurisprudencii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-praktich/sektsiya-5-prirodoresursnoe-pravo-agrarnoe-pravo-ekologicheskoe-pravo/musornaya-reforma-tseli-i-problemy-ee-osushchestvleniya/> (дата обращения: 01.07.2019).

[17] Спецпроект «Ъ»: Грязь большого города. 23.01.2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ruslom.com/spetsproekt-gryaz-bolshogo-goroda/> (дата обращения: 01.07.2019).

Spisok literatury:

[1] Ukaz Prezidenta RF ot 19.04.2017 N 176 «O Strategii ekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[2] FZ ot 24.06.1998 N 89-FZ (posled. red.) «Ob othodah proizvodstva i potrebleniya» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[3] FZ ot 30.03.1999 N 52-FZ (posled. red.). «O sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[4] FZ ot 10.01.2002 N 7-FZ (posled. red.) «Ob ohrane okruzhayushchej sredy» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[5] FZ ot 04.05.2011 N 99-FZ (posled. red.) «O licenzirovanii otдел'nyh видов deyatelnosti» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[6] Postanovlenie Pravitel'stvo Sankt-Peterburga ot 17 iyunya 2014 g. № 487 (s izm. na 28.02.2019). «O gosudarstvennoj programme Sankt-Peterburga "Blagoustrojstvo i ohrana okruzhayushchej sredy v Sankt-Peterburge"» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://docs.cntd.ru/document/822403594> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[7] Postanovlenie Pravitel'stva Kaliningradskoj oblasti ot 22.06.2018 N 365 «Ob utverzhdenii regional'noj programmy v oblasti obrashcheniya s othodami, v tom chisle s tverdymi kommunal'nymi othodami, na territorii Kaliningradskoj oblasti» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW044;n=82333#07111854025834632> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[8] Polnyj tekst press-konferencii Prezidenta Rossijskoj Federacii Vladimira Putina, 20 dekabrya 2018 g. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://infoabad.com/v-mire/polnyi-tekst-pres-konferenci-vladimira-putina-20-dekabrya-2018-goda.html> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[9] Barkenhoeva R.A. Povyshenie urovnya i kachestva zhizni naseleniya kak dominantna regional'nogo razvitiya // Vestnik AGU. Ser. 5: Ekonomika. - 2017. - Vyp. 1 (195). - S. 13 - 22.

[10] Bulatova E.R. Sovershenstvovanie utilizacii tverdih kommunal'nyh othodov v Stavropol'skom krae // Molodezh' i aktual'nye problemy sovremennoj nauki: materialy Ross. nauch.-prakt. konf. / pod red. O.B. Bigdaya. - Stavropol', 2018. - T. I. - S. 13 - 15.

[11] Vylegzhanina U. PET-problema. Rynok reciklinga v regionah ne budet razvivat'sya bez korrektirovki «musornoj» reformy // Ross. gaz. – Ekonomika Severo-Zapada. 28.08. 2018. № 189 (7652) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://rg.ru/2018/08/28/reg-szfo/chto-meshaet-szfo-perejti-na-novuiu-sistemu-obrashcheniya-s-othodami.html> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[12] Zhilyakova V.V. Problematika vvedeniya musornoj reformy na territorii Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. - 2019. - № 4. – S. 14 - 17.

[13] Zavorotnyj M. Musornaya reforma 2019 goda: chto nas zhdet? 06.01.2019 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://www.allremont59.ru/news/musornaya-reforma-2019-goda-chto-nas-zhdet/>

goda-chto-nas-zhdet.html (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[14] Melitonyan Yu. «Musornaya reforma» kak sposob grabezha naroda. 22.02.2019 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://msk.kprf.ru/2019/02/22/108590/> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[15] Rahmetullina Sh.Zh. Upravlenie othodami kak faktor uluchsheniya ekologicheskoy situacii v regione // Vostochno-Evropejskij nauchnyj zhurnal. 06.04.2017 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://eesa-journal.com/2017/04/06/upravlenie-otxodami-kak-faktor-uluchsheniya-ekologicheskoy-situacii-v-regione/> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[16] Semenyuk E.V., Katunkina E.V. «Musornaya» reforma. Celi i problemy ee

osushchestvleniya // Aktual'nye voprosy yurisprudencii: sb. nauch. tr. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2017. S. 52 - 55 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-praktich/seksiya-5-prirodoresursnoe-pravo-agrarnoe-pravo-ekologicheskoe-pravo/musornaya-reforma-tseli-i-problemy-eye-osushchestvleniya/> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

[17] Specproekt «“»: Gryaz' bol'shogo goroda. 23.01.2018 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://ruslom.com/spetsproekt-gryaz-bolshogo-goroda/> (data obrashcheniya: 01.07.2019).

УСТИНОВА Екатерина Владиславовна,
доктор педагогических наук, профессор Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
e-mail:ekau7@yandex.ru

ЕГОРОВА Юлия Александровна,
кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
e-mail: liaego@yandex.ru

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НОШЕНИЯ ОРУЖИЯ В США

Аннотация. В статье исследуются причины нерешительности законодательных органов США в отношении принятия законов для ограничения продажи и применения огнестрельного оружия на фоне регулярных массовых расстрелов граждан и строгих ограничений в других государствах. Рассматривается международная статистика по данному вопросу. Право владения и ношения оружия гарантирует вторая поправка к конституции США, поэтому сложившиеся традиции и менталитет укрепили веру граждан в его необходимости. У сторонников ограничений в США нет организованного центра. В то время как противники ограничений объединились благодаря могуществу влиятельного оружейного лобби Национальной стрелковой ассоциации, которое защищает, прежде всего, интересы производителей оружия.

Ключевые слова: законы, ограничивающие ношение и применение оружия, бесконечные дебаты о ношении оружия, гражданские права, массовые расстрелы, Национальная стрелковая ассоциация, групповое мышление, психологическая неподготовленность.

USTINOVA Ekaterina Vladislavovna,
Doctor of Pedagogy, Professor of the Center for Linguistics and Professional Communication,
Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

EGOROVA Yuliya Alexandrovna,
candidate of philology, associate Professor of the Center for Linguistics
and Professional Communication, Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SOCIO-POLITICAL ASPECT OF GUN CONTROL LAWS ADOPTION IN THE USA

Annotation. The authors explore the reasons of legislative indecisiveness in the USA to adopt laws for gun control on the background of regular massive shootings and stricter gun laws' introduction in other countries. International statistics on the question is being considered. As the Second Amendment to the American Constitution guarantees the right of the people to keep and bear Arms, the culture and the mentality of USA citizens still reveals people's dependence and sympathy toward guns. The supporters of restricting gun laws don't have a strong center. While their opponents are united under the power and influence of the National Rifle Association, the lobby that predominantly represents the gun manufacturers.

Key words: gun control laws, ongoing gun debate, civil rights, mass shooting, the National Rifle Association, groupthink, psychological unpreparedness.

This article will focus on and explore the United States' significant problem of the gun control particularly from the social and political perspective, taking into consideration the actions that have been occurring within the last ten years. The fact that America "averaged at least one deadly mass shooting a month in 2018"[14], displays the shocking and annually evolving number of massacres and victims, and still appears to head most statistical gun and crime related rankings, illustrates the relevance of this issue in the 21st century and the urgent need for resolution in order to prevent as many criminal acts, mass shootings and accidental deaths as possible. An international comparison of gun-related killings that was made using the official records of 2013-2016 demonstrated US's highest rate of homicides (64%) in comparison to Canada's 30.5%, England and Wales' 4.5% and Australia's 13% [8] alongside being among six other countries that make up more than half of firearms deaths in the whole world [18]. Thus, not only does the given statistical data present a serious concern on the international level, but it also highlights major problems of public health, social and political spheres. Also, another reason why this ongoing gun debate has never come to an end and is still considered to be of great importance and relevance to this day is the concerning security of citizens at this stage. Arguably, due to the government's ignorance and failure to take appropriate political actions in time, it questions its overall ability to effectively cope with the Responsibility To Protect (R2P) [15] and handle the gun problem as successfully as other countries such as Australia. Consequently, we can see numerous unresolved political and social issues regarding this continuous gun control argument, which may appear to be the primary reason why the US suffers from a high number of massacres and mass shootings, both felonious and justifiable homicides as well as general gun violence to this day.

William Briggs in his book «How America got its guns: A History of the Gun Violence Crisis» shares the similar viewpoint, suggesting that taking major transformations in the U.S. current cultural, political and juridical climate along with the civil rights would help to resolve a question of the firearm legislation [4]. Furthermore, the gun debate seems to be analysed very carefully from the Social Psychology perspective referring to the ideas of firearms being a symbol of individuality [26], or in some cases the result of social and physical insecurities [5], which prevent the 'revolution' of gun culture. William Briggs's book and several journals such as Boylan, M. et al.'s «Debate: Gun Control in the United States» look for the possible explanation why the gun control issue has been on hold in terms of coming to one generic solution for many years. However, some professors

and philosophers imply the severe problems of non-compliance (Michael Huemer) [11] along with the idea of "...it is too late, it is too expensive, it is arguably illegal, and it is dangerous" [4], indicating that it is impossible, problematic and unrealistic to eliminate every single gun weapon. From this it follows, the restricting gun laws would probably not be obeyed by the people, purchasing the weapons except for the unlawful purposes.

Although various books, journals, and databases are going to be used as valid and reliable sources to effectively analyse the issue of firearms from the social and political aspect, newspaper articles and other media platforms play a huge role in informing US citizens and people around the world. CNN, BBC, Independent and The New York Times appears to be the first news sources which people access in order to discover what has happened in the most diverse places in the world, including the United States. Surely, newspaper articles may carry some bias, yet it does provide us with an accurate primary information such as the number of victims and the general details regarding one particular event involving guns and weapons. Whereas the majority of book authors evaluate the overall seriousness of the problem, possible causes and propose ways to improve safety of the living environment as well as to protect people without actually violating their freedom and human rights. Therefore, this article will compare America's current state of the gun debate with other countries such as Australia, Norway and the United Kingdom, and how they have decided to approach this question. Additionally, it will determine National Rifle Association's role and a significant influence concerning this debate, and its genuine motives behind the protection of The Second Amendment and "...the right of the people to keep and bear Arms, [which] shall not be infringed" [6]. This piece of work will also examine the effectiveness of small political and social changes that have been made within the past years, and estimate the threat of a possible change in the political ideology and regime along with a possible violation of the individual rights if stricter gun laws are to be introduced.

It has been estimated that mass shootings in America do have a significant impact on the gun policymaking process, demonstrating Republicans' tendency in loosening the gun laws in the year after a mass shooting, while Democrats tend to propose as much tougher legislation concerning guns as possible [19]. However, as soon as the media attention is drawn to a close, the calls for action come to a standstill respectively, which consequently lead to political paralysis. The same history repeats over and over again: the survivors of Sandy Hook Elementary School Shooting (2012) started protesting in favour of strengthening background checks, restricting assault

weapons and generally implementing stricter gun legislation. This issue remained unresolved and, apparently, unheard even after six years when in 2018 several surviving teenagers of the Parkland School Shooting confronted NRA and the governmental authority with the same questions and concerns that were expressed years before. What should disturb the most is that Barack Obama's gun safety proposal, which was passed to the Senate just a couple months after Sandy Hook event, was not supported, despite 90% of the country favoring the universal background checks, according to the polls [27]. It is striking that there are three crucial and leading socio-political factors that have been preventing the satisfaction of the surviving victims' request with regards to a considerable change of firearms laws for many years now.

To begin with, National Rifle Association seems to have an enormous execution of power, the leading role in the gun debate and the obedience of the US government, despite the insignificant number of Americans genuinely being the members of this lobbying group. NRA is a «longest-standing civil rights organization» [1], which is «widely recognized today as a major political force and as America's foremost defender of Second Amendment rights» [1]- which is how they describe themselves in order for the civilians to be convinced that they are a public interest group, such as National Association for the Advancement of Colored People (NAACP). However, it has been estimated that 80% of the gun owners are not the NRA members, who, indeed, make up only 1.5% of the overall US population. Taking this into consideration and the fact that 70 to 80 percent of NRA members themselves have supported a universal background check in 2018 [25], it is still not entirely clear why NRA's representatives and the statements they constantly make via media are turning the gun control issue into a confusing, frustrating and chaotic situation. To set the record straight, this lobbying group does not represent gun owners; it represents the gun manufacturers, from whom less than half of the NRA's funding comes in the form of fees and membership dues.

Meanwhile, the majority of income derives from the sponsorships and advertising for the gun companies such as Midway USA, Springfield Armory as well as Smith & Wesson. On account of NRA's loyal partners and a custom base, it was able to secure their firm position in the US and, arguably, establish the status of «untouchable,» challenging the government's opportunity to threaten and legally shut down the organisation. Thus, not only does the statistical data illustrate the problem of the civil society's support of and interest in the National Rifle Association, but it also seems like the group itself does not need people's support as long as it

cooperates with the weapon-produced commercial businesses. The real question at this point is whether the NRA the right and appropriate organisation to protect the Second Amendment and the individual rights in general, or does it instead exploit its stable position in the country for the personal gain and self-interest?

In June 2008 the Supreme Court recognised the Second Amendment to be the constitutional interpretation of individual rights, which arguably overturned 200 years of the previous decisions, claiming the exact opposite. Although the NRA, their pro-gun followers, and Red Communities were ready to celebrate their victory, not everyone was ready to jump on the same bandwagon. At that moment, the tension between the opposition had significantly intensified, and the gun question was no longer a harmless clash of interest with the intention of securing each sides' beliefs; it turned out to be a political war, in which at least till 2012 the opponents forgot to acknowledge the civilians' desires regarding their own home country. Since then, newspapers' soviet alike propaganda has been portraying the NRA as the people's enemy and even labeling it as a 'terrorist organisation' that enables mass shootings, heavily accepts financial support from both the US and Russian gun corporations and even interferes with domestic politics such as Donald Trump's victory in the 2016 presidential election [2]. Even though these are the serious accusations, which appear to be political assumptions based on little data provided, the frequent use of the word 'fraud' concerning the NRA organisation could easily be noticed, expressed by several political figures. For instance, in 1991 Former Chief Justice Warren Burger stated that the individual-right interpretation of the Second Amendment was "one of the greatest pieces of fraud, I repeat the word 'fraud,' on the American publicly special interest groups I have ever seen in my lifetime" [29]. Democratic Congressman Ted Deutch shares the same view, highlighting NRA's original purpose to promote and serve the gun manufacturers [28] rather than the ordinary people, and it successfully continues to do so without having any severe confrontations addressed towards this group.

There is a general consensus that the 'absence of common ground' between the Left and Right, Democrats and Republicans, gun control advocates and National Rifle Association, as well as their inability to reach compromise are considered to be the main reasons leading towards the US nation's potential breakdown along with adversely affecting the social and political spheres of the country. Although the journalist David French and Boylan et al. are correct about the inability to solve this matter unless the counterparts make a collective effort to hear each other and leave behind the tendency of taking any

actions driven solely by emotions; it seems that the more serious issue is the absence of a potent social organisation which is able to oppose the NRA effectively. In other words, America has almost everything to accomplish its goal of reforming the gun policy: according to the latest polls and statistics of 2019 the majority of citizens support tougher gun control laws [12], numerous influencers and celebrities such as Cara Delevingne, Jessica Alba and Justin Bieber have spoken out about gun debate and encouraged their fans to spare no effort in the fight against firearms and violence. In addition, American history has witnessed numerous legislative changes favoring anti-gun perspective, especially in the 20th century, illustrating that there have been several successful yet not long-lasting transformations in the gun culture. In 1968 the Gun Control Act was introduced following President John F. Kennedy's assassination (1963) which prohibited the sale of firearms to drug users, mentally ill and convicted felons along with the imposition of the interstate sale restrictions.

Nevertheless, the government's decision-making regarding guns has always been precarious, shifting from a more Democratic attitude to the Conservative one. Therefore, when The Brady Handgun Violence Prevention Act was passed in 1993, creating a system for background checks of licensed gun customers, soon after the implementation of the Firearm Owners' Protection Act (1986), easing the amends of the 1968 law; there was already a significant time gap between two legislations (1968 and 1993) so as to simultaneously have a positive impact on this matter. Perhaps, if 25 years had not passed between these two decisions, there would have been a strong foundation for the following leaders such as Barack Obama to develop a substantial gun control policy to eliminate or reduce a vast number of guns in the country.

On the other hand, if the gun control issue is examined from a social perspective rather than political, Jennifer Carlson and David Ropeik suggest the US society's psychological unpreparedness to bid farewell to the guns as a key reason. Their pieces of work that are based on several psychological and sociological studies, conducted by themselves and other researchers, conclude that the rich background of American gun culture has impacted the majority of citizens in identifying firearms as a symbol of their individuality and social identity, considering them as a normal part of the everyday routine [24]. Furthermore, in *Citizen Protectors: The Everyday Politics of Guns in an Age of Decline*, Carlson specifies that the pattern of socio-economic decline in the US profoundly affects men's ego, masculinity and their role as the family providers, leaving them with the feelings of economic and physical insecurity. Therefore, it

produces the situation of questioning their relevance and general security due to little trust towards police effectiveness, which men reassure by purchasing a gun and then identifying themselves as "citizen-protectors" [5]. So, although the American community might be in the right state of mind to proceed with the gun reform, it seems to be morally unprepared to ignore and sabotage all the previous decisions in the history of gun culture. Besides that, McCauley (1989), Crisp & Turner (2010) and Kahan (2013) conducted the independent experiments, aiming to understand why the gun debate has not moved from the same spot by focusing on the principles of the Social Psychology. Both studies came to a similar conclusion, offering the view that political bias and groupthink affect individuals' reasoning skills as well as decision-making abilities and thus, result in close-mindedness and increased conformity within the group [7] (American community in this case). Dan M. Kahan in 2013 ran a test asking the participants- liberals and conservatives both with advanced and no math skills - to estimate whether a law banning a concealed carry of firearms in public would increase or decrease the criminal rates, and afterward revealed the results which contradicted with the participant's political belief. The findings suggested that "political bias had erased the advantages of stronger reasoning skills" [3], therefore, when an individual is placed in a group environment, it is more likely for him to reconsider or suppress his personal views and follow the group dynamic, agreeing with a collective decision-making even though it contradicts with his understanding of political and social elements. This concept of groupthink may be directly linked to the gun debate in a sense that those who only associate firearms with violence and homicides, and do not understand how they could potentially be used for pleasure, present guns as a source of negativity, and thus any negativity should be eliminated. By simplifying the arguments for or against gun control, it is easier for politicians and interest groups such as the NRA to win the support of a particular community or group of people that are already affected by social psychological phenomenon- groupthink. For instance, for people who are not convinced that stricter gun legislation would reduce the number of crime incidents, National Rifle Association very skillfully makes the proposed gun laws unsuccessful and waters them down in order to later come up with the statement announcing that they were right from the beginning about the ineffectiveness of these laws. On the contrary, several media sources such as Quartz highlight the national benefits of National Firearms Agreement (Australia, 1996) which was introduced only 12 days after Port Arthur Massacre, arguing that due to the fact that there have been no school shootings in Australia since, if America implemented a similar legislation,

the outcome would be the same and their country would finally be free from any mass shootings. Unfortunately, these two countries are incredibly different, and such a simplistic approach towards the resolution of the gun debate is somewhat unrealistic.

Furthermore, the NRA, in particular, points out another major social problem of non-compliance, illustrating the ineffectiveness of the proposed gun control laws: "So-called 'universal' background checks will never be universal because criminals do not comply with the law"[21]. Professor Michael Huemer in his essay *Gun Rights and Noncompliance: Two Problems of Prohibition* mentions that the nation often misinterprets and misunderstands the gun issue by discussing whether the guns are good or bad, rather than focusing on the topic of gun laws. However, the problem with the laws, in general, is that they frequently do not have an intended effect, and they may even put the citizens and their health in danger since people tend to ignore some legislation and purchase something illegally. United States- just like any other leading country- has a very developed underground economy which involves illegal gun trafficking and a huge number of black markets which produce "about \$625 billion of illicit trade every year, and 1.8 billion jobs are created by the black market globally"[22]. This presents the view that even if the guns were to be banned, they would not magically disappear from the country; the firearms' sale would shift from the regular markets to the black ones and would still be obtained by regular people. Therefore, in order for the gun control laws including the background check to be successful and effective, the socio-economic matter regarding the sales market should be solved beforehand.

Additionally, gun owners can be divided into two categories: people who purchase a weapon for criminal (to kill or threaten someone) and non-criminal intentions (hunting and self-protection), and ideally, the government wishes to take away the guns from the hands of criminals to make it harder for them to commit other crimes, but allow non-criminals to keep them. But because such a plan will not work, gun restrictions must be applied to everyone. However, the problem is "criminals, to put it lightly, have a lesser average level of respect for law than the rest of us" [11], suggesting that the law would probably not stop the person who has independently decided to commit a felony. On the contrary, they would most likely affect non-criminal gun owners because those people would obey the gun law, and thus, the authorities would get the opposite of the intended effect: criminals would still possess guns, but the law-abiding citizens would be left with little or no protection. This is precisely what the NRA is fighting against so that the government would not have an advantage and the supreme power over citizens by disarming them and

taking away their rights in order to repress them. Moreover, Light highlights the problems of racial inequality and social insecurity as a call to change the idea of violent self-defense being legalized for the privileged and maintained as a weapon against the unprotected citizens [17].

To sum it up, the gun control issue appears to be one of the most complex and significant phenomena which are happening all around the world but is especially vivid in the United States. American population had witnessed periods when guns were considered people's enemy and the heart of violence and abuse as well as the times when they were essential for self-defense and protection. Since the decisions were continually changing along with the citizens' attitudes towards firearms, it placed America in a difficult position and made the gun debate almost impossible to solve. The NRA itself which claims to represent the interests of gun owners and, arguably, does its best to protect the Second Amendment and the individual rights, has not always opposed gun control. The lobbying group had its periods of attitude change and the presidents who had expressed completely different political beliefs before it came to a realisation that group might be transformed into a multi-billion 'corporation' by accepting the sponsorships from the gun companies and providing them with the full support. In 1934 Carl Frederick, who was the president of the NRA at that time, testified before Congress, saying: "I have never believed in the general practice of carrying weapons. I do not believe in the general promiscuous toting of guns. I think it should be sharply restricted and only under licenses"[9]. The transcript of the court case clearly indicates that Frederick's proposals and views are structured, rational and reasonable in comparison to some of the later presidents' bumper-sticker slogans such as "The Only Thing That Stops a Bad Guy With a Gun, is a Good Guy With a Gun"[16] and "Guns don't kill people, people kill people" which appear to be simplistic and carrying a self-interest agenda. National Rifle Association has a major power of voice in this debate, yet taking into consideration the millions dollar funding it receives from the gun manufacturers and their reputation of an inconsistent and questionable on some matters group. It seems to be using this power not to reduce the number of homicides and mass shootings, make a change towards a more secure country and independent from the state citizens, but to grow in size and supremacy, possibly with the intention of having control over the Congress and the important decision-making processes. Thus, as long as the NRA is not faced with a severe opponent, or being unraveled with their sincere intentions regarding the gun issue, their plan of gaining people's trust for the selfish purposes by

imitating to protect the Second Amendment may well continue to work out.

Furthermore, besides the problem of the NRA's strong political position in the country, there is an overall lack of unity and political support on both sides. Anti-gun control arguments are exclusively addressed by the NRA and no other organisations, and even though it has political support, to some extent, 67% of Americans are still convinced that the laws should be more stringent [23]. Meanwhile, the opposition is relatively weak in itself as it is mostly represented by the survivors of the mass shootings, the majority of whom happens to be teenagers and several public figures that are not directly related to the politics. The government should approach their arguments in all seriousness and treat the NRA's opposition in the same way, otherwise the lobbying group seems to be privileged for no reason, raising the problem of social inequality.

Numerous researchers and professors have argued that it is not so much the NRA's propaganda and pro-gun control supporters' weak representation of their objectives, but the society's psychological mindset, which is not ready for the dramatic change in the gun culture. Although the Supreme Court officially acknowledged the Second Amendment to be the document which provides American people with the right "to keep and bear arms"[6] for the purpose of self-defense only in 2008, guns have already been exercising in this country for several centuries. Admittedly, it does not erase the fact that they represent violence for some anti-gun supporters, yet it could make them more sympathetic towards guns as something historical and distinctive from any other nation. Moreover, the psychological influence appears on a more international level in a sense that Americans tend to compare the US to other countries such as Australia, Switzerland, Russia, and China that have introduced the stricter gun laws after the severe massacres occurred in all of these countries [20]. However, Americans tend to overestimate and generalise the benefits of firearms legislation in other countries, unrealistically expecting them to work out in the same positive way for their country. All of these countries are unique in terms of their size, history and political attitudes on the specific issues, including gun control. Although Australia is a clear example of the successful implementation of the National Firearms Agreement, which prevented any mass shootings since it has been passed, England has had the opposite effect. At the beginning of the 20th century England had no gun laws and the lowest murder rate in Europe, yet since the handguns got banned in 1997, the violence steadily increased, resulting in England having the highest crime rates in Western Europe [10]. On the other hand, Norway has Europe's highest percentage of gun ownership and the lowest

murder rates along with Austria's second-lowest European murder rate and the right to a right to own handguns [13]. Therefore, these global statistics present the view that there has been both ineffective and positive outcome after the stricter gun laws' introduction, suggesting that it is probably a good idea for the American government to look at the resolutions of the gun problem in other countries, but not necessarily follow their examples.

To conclude, it is true that the US government should rethink its ways of approaching the gun debate and pay more attention to the seriousness of this problem, taking into consideration the outrageous statistical data and crime rates. However, in order for this matter to be successfully solved, satisfying both sides of the opposition, the state should probably focus on broader social and political issues first such as the number of black markets, the NRA's secured and influential position in the country, and the citizens' psychological unpreparedness for the major reforms in the gun culture, all of which contribute to the debate's progression and not the resolution.

Список литературы:

- [1] About the NRA // Retrieved from <https://home.nra.org/about-the-nra/> (дата обращения: 14.07.2019).
- [2] Barker S. (2018). Is the NRA a terrorist organization? // Retrieved from <https://thetylt.com/politics/nra-terrorist-organization-florida-shooting> (дата обращения: 14.07.2019).
- [3] Beckett L. (2017). When bias beats logic: why the US can't have a reasoned gun debate // Retrieved from <https://www.theguardian.com/us-news/2017/oct/07/us-gun-control-debate-bias> (дата обращения: 14.07.2019).
- [4] Briggs W. (2017). How America Got Its Guns : A History of the Gun Violence Crisis (1st ed.). University of New Mexico Press.
- [5] Carlson J. (2015). Citizen-Protectors: The Everyday Politics of Guns in an Age of Decline. New York: Oxford University Press.
- [6] Constitution of the United States (1791), Amendment II.
- [7] Crisp R. & Turner R.N. (2010). Essential Social Psychology. 2nd. London: Sage.
- [8] FBI, Homicide Index Home Office, Statistics Canada, Australia Crime Statistics. An international comparison of gun-related killings as a % of homicides [Image] // Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-41488081> (дата обращения: 14.07.2019).
- [9] Frederick C. (2004). NRA President's Testimony During Congressional Debate of the National Firearms Act of 1934 // Retrieved from <http://www.keepandbeararms.com/nra/nfa.asp#p45> (дата обращения: 14.07.2019).

[10] Greenwood C. (1972). *Firearms Control: Armed Crime and Firearms Control in England and Wales*. London, England: Routledge & Kegan Paul Books; pp. 1–272.

[11] Huemer M. (2016). *Gun Rights and Noncompliance: Two Problems of Prohibition*. The Critique // Retrieved from <https://philpapers.org/archive/HUEGRA.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).

[12] Kahn C. (2019). Americans support gun control but doubt lawmakers will act: Reuters/Ipsos poll // Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-florida-shooting-anniversary-poll/americans-support-gun-control-but-doubt-lawmakers-will-act-reuters-ipsos-poll-idUSKCN1PX11I> (дата обращения: 14.07.2019).

[13] Kates D.B. & Mauser, G. (2007). Would banning firearms reduce murder and suicide? A review of international and some domestic evidence. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 30:2.

[14] Keneally M. (2019). The US averaged at least 1 deadly mass shooting a month in 2018 // Retrieved from <https://abcnews.go.com/beta-story-container/US/2018-mass-shooting-month-us/story?id=59418185> (дата обращения: 14.07.2019).

[15] Kikoler N. (2009). Responsibility to Protect // Retrieved from <https://www.rsc.ox.ac.uk/files/files-1/dp-responsibility-to-protect-2009.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).

[16] LaPierre W. (2018). The Only Thing That Stops a Bad Guy With a Gun, is a Good Guy With a Gun [Video] // Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Bh_55H8U030 (дата обращения: 14.07.2019).

[17] Light C. (2017). *Stand your ground: A History of America's Love Affair with Lethal Self-Defense*. Boston: Beacon Press.

[18] Lopez G. (2018). America is one of 6 countries that make up more than half of gun deaths worldwide. *Vox* // Retrieved from <https://www.vox.com/2018/8/29/17792776/us-gun-deaths-global> (дата обращения: 14.07.2019).

[19] Luca M., Poliquin C., & Malhotra, D. (2016). The Impact of Mass Shootings on Gun Policy. *SSRN Electronic Journal*. doi: 10.2139/ssrn.2776657

[20] Merelli A. (2018). Dear America, here's how other countries stop mass shootings // Retrieved from <https://qz.com/1212809/compare-us-mass-shootings-and-gun-control-to-germany-china-russia-switzerland-and-australia/> (дата обращения: 14.07.2019).

switzerland-and-australia/ (дата обращения: 14.07.2019).

[21] NRA. (2019). So-called "universal" background checks will never be universal because criminals do not comply with the law. [Blog] // Retrieved from <https://twitter.com/NRA/status/1083870006990065665> (дата обращения: 14.07.2019).

[22] O'Leary L., & Ament J. (2015). The biggest, baddest black markets in the US // Retrieved from <https://www.marketplace.org/2015/04/24/economy/biggest-baddest-black-markets-us> (дата обращения: 14.07.2019).

[23] Pane L., & Swanson E. (2019). AP-NORC Poll: Majority of Americans favor stricter gun laws // Retrieved from <https://www.apnews.com/99e6a9b480a947eab6da194697b8a303> (дата обращения: 14.07.2019).

[24] Ropeik D. (2012). Gun Control: It's Really About Guns As Symbols, Not Weapons. *Psychology Today* // Retrieved from <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/how-risky-is-it-really/201212/gun-control-its-really-about-guns-symbols-not-weapons> (дата обращения: 14.07.2019).

[25] Sherman A. (2018). Do majority of NRA members support background checks for guns? // Retrieved from <https://www.politifact.com/ohio/statements/2018/feb/27/tim-ryan/after-parkland-shooting-ohio-congressman-said-70-8/> (дата обращения: 14.07.2019).

[26] Umberger A. Theories of Social Psychology in the Gun Control Debate. *Academia.Edu* // Retrieved from https://www.academia.edu/4430868/Theories_of_Social_Psychology_in_the_Gun_Control_Debate (дата обращения: 14.07.2019).

[27] Utter G., & Spitzer, R. (2016). *The Gun Debate: An Encyclopedia of Gun Rights and Gun Control in the United States* (3rd ed., p. 232-233). Amenia, NY: Grey House Publishing.

[28] Vox. (2018). How the NRA hijacks gun control debates [Video] // Retrieved from <https://youtu.be/qcJeOphUtek> (дата обращения: 14.07.2019).

[29] Warren Burger interviewed by Charlayne Hunter-Gault, *The MacNeil/Lehrer NewsHour*, Public Broadcasting Service, December 16, 1991.

References

ДЗИКОНСКАЯ Светлана Григорьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Южного института менеджмента
e-mail: svetlana0673@rambler.ru

ЯКОВЕНКО Ирина Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры административного, частного и финансового права
Краснодарского кооперативного института
e-mail: irishasal@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОМУ ФЕДЕРАЛИЗМУ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. На основе системного анализа монографических источников, положений Конституции РФ в статье осуществлен анализ современных проблем федерализма в Российской Федерации. В статье также обозначена система вызовов целостности Российской Федерации. Особое внимание уделено исследованию внешних процессов, влияющих на актуализацию проблемы государственного устройства. По итогам осуществленного анализа предложены пути оптимизации российской государственности и законодательства.

Ключевые слова: федеративное устройство, субъект Федерации, наднациональный принцип, сложносоставные субъекты, федерализм, суверенитет.

DZIKONSKAYA Svetlana Grigoryevna,
PhD in Law, associate Professor,
Department of criminal law disciplines,
Southern Institute of management

YAKOVENKO Irina Aleksandrovna,
candidate of Philosophy, associate Professor,
Department of Administrative, Private and Financial Law,
Krasnodar cooperative Institute

MODERN CHALLENGES TO RUSSIAN FEDERALISM AND WAYS TO OVERCOME THEM

Annotation. Based on a systematic analysis of monographic sources, the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the article analyzes modern problems of federalism in the Russian Federation. The article also marks the system of integrity calls for the RF. Particular attention is paid to the study of external processes that affect the actualization of the problem of the state structure of the Russian Federation. Following the results of the analysis, the ways of optimizing Russian statehood and legislation were proposed.

Key words: the federal structure, the subject of the federation, the supranational principle, complex subjects, federalism, sovereignty.

В современной правовой доктрине новые грани приобрела дискуссия о перспективах оптимизации государственного устройства Российской Федерации [10]. В настоящий период времени сформировались новые вызовы, осмысление и противостояние которым – дело национальной безопасности. На сегодняшний день в российском федерализме наблюдаются две противоположные тенденции: усиливается самостоятельность субъектов Рос-

сийской Федерации в решении вопросов местного значения, и одновременно происходит централизация власти в стране.

Среди вызовов российскому федерализму наиболее значимыми следует назвать: 1) внешние: глобализация и предпринимаемые попытки некоторых государств постановки на обсуждение вопроса об обоснованности размера территории Российской Федерации; обострение искусственно создаваемой межрелигиозной и межэтнической

сегрегации; усиление экономических противоречий и борьбы за энергоресурсы; 2) внутреннее: декларированность принципа равенства всех субъектов Российской Федерации; возникающие время от времени центростремительные движения на территории государства из-за несбалансированной экономической и налоговой политики; существование искусственно созданных во времена совесткой власти «смешанных» межэтнических субъектов федерации; существование субъектов «доноров» и «реципиентов», формирующее экономические основы их разобщенности.

Прежде всего, обсуждается вопрос о наиболее эффективной форме взаимодействия центральной власти и власти субъектов Федерации. Россия является федерацией, образованной по смешанному, т.е. национально-территориальному признаку. Это уникальная модель государственного устройства, которая удивительным образом смогла противостоять разрушительному эксперименту (в 90-х годах XX в.) либеральной модели государственного устройства по англо-американскому образцу. Много усилий по оптимизации ситуации предприняла федеральная власть с начала XXI в., что, безусловно, стабилизировало обстановку. Вместе с тем, ряд авторов ставят под сомнение принятое в начале миллениума решение о создании жесткой вертикали исполнительной власти. Другие, напротив, считают, что именно оно позволило сохранить Российскую Федерацию как единое и нерушимое государство. Еще одна из наиболее спорных тем в рассматриваемом контексте – это перспектива создания российского национального государства. Так, в свое время Е.С. Троицкий и М.А. Молчанов [5, с. 19 - 12] высказывали идеи, не получившие широкой поддержки о том, что Россия может стать русским государством с территориальными автономиями для других народов. В.А. Тишков, Э.А. Паин, С.Я. Матвеева, Л.В. Поляков, А.Л. Янов, Т.А. Алексеева, В.Ю. Зорин, А.Д. Богатуров, Е.Н. Трофимов, В.А. Михайлов, Л.М. Дробизева считают возможным создание российской нации – государства в перспективе. Они утверждают, что хотя Россия еще не является национальным государством, поскольку не сложились еще российская нация, российский народ, гражданское общество, российская идентичность и т.д., она имеет реальную возможность стать им, т.е. российским национальным государством [2, с. 156]. В частности, Л.В. Поляков также уверен, что Россия может и должна стать национальным государством, так как для этого сложились все необходимые условия, и в первую очередь демографические [7, с. 110 - 112]. В.А. Никонов пытается обосновать, что Россия уже сегодня впервые стала нацией-государством [6, с. 81].

Обращаясь к детальному анализу обозначенной проблемы, нельзя не вспомнить И.А. Ильина, который отмечал, что «Россия есть... живой, исторически выросший организм. Этот организм... есть географическое, духовное, языковое и культурное единство, он есть государственное и стратегическое единство, есть сущий оплот европейского, а потому и вселенского мира, и равновесия [3, с. 327]. Совершенно справедливо указывал также и Г.П. Федотов: «Россия (СССР) – не нация, но целый мир, не разрешив своего призвания сверхнационального, не материкового, она погибнет, как Россия... Россия – единственное уцелевшее государство национальностей – имеет перед собой великую задачу опытного построения политического общежития народов. При удачном решении национальной проблемы в России, ее опыт может быть перенесен на мировое поле [11, с. 451 - 460]. Так, современная доктрина российской политической науки (К.С. Гаджиев, В.В. Ильин и др.) обоснованно утверждает, что Россия не государство – нация, а государство – сообщество, и таковым должно остаться [1, с. 28; 8]. Основываясь на приведенных аргументах, думается, что специфика российской государственности – в ее сложном, многонациональном, межконфессиональном содержании, складывавшемся на протяжении многовековой истории и подтвердившее свое право на существование. География, геополитическое положение – это второй тип наследственности, который можно облагораживать, но нельзя совсем изменить [2, с. 158]. Говорить о России как государстве мононации – путь в никуда. Нельзя согласиться с предложениями о таких методах совершенствования государственного устройства Российской Федерации, как: 1) добровольная интеграция республик в укрупненные субъекты Федерации в ходе референдумов, но реализации этого могут помешать местные элиты; 2) повышение статусов краев и областей, городов федерального значения до республик, создание специфических атрибутов для этого - утверждение новой Конституции и т.д.; 3) проведение политики межэтнической интеграции населения России, создания гражданской политической нации как общности людей [9, с. 22]. Они неизбежно приведут к обострению межэтнических конфликтов. Парадоксальна также и ситуация претензий глобализирующегося мира к Российской Федерации, поскольку на примере Европейского Союза отчетливо прослеживаются тенденции формирования новой государственности на основе принципа – «нация как надэтническое согражданство». Специалистами отмечается «федерализация» ЕС под воздействием человеческого фактора [4, с. 57]. Думается, исходя из исторических традиций, с учетом

допущенных ошибок и новых вызовов, Российская Федерация должна последовательно развивать названный концепт и формировать свою государственность в его рамках. Будущее Российской Федерации состоит в сохранении своего наднационального статуса и объединении народов и территорий на принципах федерализма. Альтузиус, опираясь на идею союзных и договорных социальных отношений как базовых в федеративном государстве. В этой связи особое внимание следует уделить вопросу о содержании принципов федерализма в РФ (ст. 5 Конституции РФ). Их анализ дает основание для вывода о несовершенстве правовой регламентации принципов федерализма в Российской Федерации. На наш взгляд, перечень принципов федеративного устройства, закрепленных в Конституции РФ, должен включать в себя следующее: государственный суверенитет, единство системы государственной власти, разграничение компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами, равноправие субъектов Федерации, равноправие и самоопределение народов Российской Федерации. Важным аспектом является и то, что следует говорить именно о суверенитете Российской Федерации, а не субъектов Федерации.

Резюмируя изложенное, считаем, что Российская Федерация должна сохранять свое федеративное устройство как наднациональное государство. Среди направлений оптимизации государственного устройства можно назвать: практическую реализацию равенства всех субъектов Федерации; отказ от сложносоставных и смешанных субъектов Российской Федерации; паритетное распределение полномочий между центральной властью и властью субъектов Федерации; создание национальных высококвалифицированных управленческих кадров, национальных элит, ориентированных на историческое и ментальное единство культур народов России.

Важно обеспечить разумный синтез национально-территориального и регионального принципов федеративного устройства России, баланс интересов всех населяющих ее народов.

Список литературы:

- [1] Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. - М.: Логос, 1997. - 540 с.
- [2] Гашокин И.В. Инвариативное и вариативное в национально-государственном устройстве России // Вестник Ставропольского гос. ун-та. - 2008. - № 5. - С. 154 - 158.
- [3] Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. Наши задачи: статьи 1951 - 1954 гг. - М.: Русская книга, 1993. - С. 326 - 340.

[4] Ковлер А.И. Европейская интеграция: впечатляющие результаты «федерализации» и обостряющиеся проблемы // Труды ИГП РАН. - 2016. - № 4 (56). - С. 35 - 60.

[5] Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис. - 2000. - № 1. - С. 7 - 22.

[6] Патриотизм и национализм. «Круглый стол» // Общественные науки и современность. - 2004. - № 4. - С. 71 - 86.

[7] Поляков В. Как Россия нас обустроивает. Избр. социально-философская публицистика. - М.: ИФ РАН, 1996. - 160 с.

[8] Россия: опыт национально-государственной идеологии / под ред. В.В. Ильина. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 231 с.

[9] Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. - М.: МОНФ, 1998. - 72 с.

[10] Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин Ю.Ю. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. - 2016. - № 12.

[11] Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. - М.: Наука, 1990. - С. 451 - 460.

Spisok literatury:

[1] Gadzhiev K.S. Vvedenie v politicheskuyu nauku. - M.: Logos, 1997. - 540 s.

[2] Gashokin I.V. Invariantivnoe i variativnoe v nacional'no-gosudarstvennom ustrojstve Rossii // Vestnik Stavropol'skogo gos. un-ta. - 2008. - № 5. - S. 154 - 158.

[3] Il'in I.A. Chto sulit miru raschlenenie Rossii // Il'in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T. 2. Kn. 1. Nashi zadachi: stat'i 1951 - 1954 gg. - M.: Russkaya kniga, 1993. - S. 326 - 340.

[4] Kovler A.I. Evropejskaya integraciya: vpechatlyayushchie rezul'taty «federalizacii» i obostryayushchiesya problemy // Trudy IGP RAN. - 2016. - № 4 (56). - S. 35 - 60.

[5] Molchanov M.A. Diskussionnye aspekty problemy «nacional'nyj interes» // Polis. - 2000. - № 1. - S. 7 - 22.

[6] Patriotizm i nacionalizm. «Kruglyj stol» // Obshchestvennye nauki i sovremen-nost'. - 2004. - № 4. - S. 71 - 86.

[7] Polyakov V. Kak Rossiya nas obustraivaet. Izbr. social'no-filosofskaya publi-ci-stika. - M.: IF RAN, 1996. - 160 s.

[8] Rossiya: opyt nacional'no-gosudarstvennoj ideologii / pod red. V.V. Il'ina. - M.: Izd-vo MGU, 1994. - 231 с.

[9] Smirnyagin L.V. Rossijskij federalizm: paradoksy, protivorechiya, predrassudki. - M.: MONF, 1998. - 72 с.

[10] Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Salomatin Yu.Yu. Obzor Vserossijskoj nauchnoj konferencii v

forme «kruglogo stola» zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Pravovaya poli-tika i pravovaya zhizn'» po teme «Federalizm: evolyuciya i sovremennoe sostoyanie» // Gosu-darstvo i pravo. – 2016. - № 12.

[11] Fedotov G.P. Budet li sushchestvovat' Rossiya // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. - M.: Nauka, 1990. - S. 451 - 460.

ГАРСАЕВ ЛейчийМагамедович,
доктор исторических наук,
профессор Чеченского государственного университета,
заведующий отделом этнологии ИГИ АН ЧР
e-mail: garsaev52@mail.ru

МАГОМЕДОВА Роза Мусаевна,
доктор исторических наук,
доцент кафедры истории
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: magomedovaroza@yandex.ru

НАХИБАШЕВ ЗакарьяМуртузович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Дагестанского государственного педагогического университета
тел. +7 988 292-61-38

ГУСЕЙНОВА ИрадеСафаратдиновна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета
e-mail: nazirova.irada@yandex.ru

ИЗ ОПЫТА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО БОРЬБЕ СЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. В статье раскрываются теоретические аспекты терроризма, его глобальные и региональные проявления, формы бытования религиозно-политического экстремизма, радикального исламизма в регионе. Рассматриваются общие методы, способы противодействия, формы профилактики посредством мобилизации возможностей этнокультурного ресурса. Авторы приходят к выводу, что экстремизм и терроризм многообразны, и они проявляются под различными масками, ибо в этих социальных девиациях переплетаются политические, идеологические, этнические и прочие компоненты, порою затрудняя возможность четкого определения их видов, форм бытования.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, ислам, религия, молодежь, этнокультурный ресурс, Чеченская Республика.

GARSAEV LeichiyMagamedovich,
Doctor of History,
Professor of Chechen state University,
head Department of Ethnology ISI Academy
of Sciences of the Czech Republic

MAGOMEDOVA RozaMusaevna,
doctor of historical Sciences,
associate Professor of history,
Dagestan state pedagogical University

NAKHIBASHEV ZakaryaMurtuzovich,
doctor of historical Sciences,
Professor of the Department of history
of Dagestan state pedagogical University

GUSEYNOVA IradeSafaratdinovna,
candidate of historical Sciences,
associate Professor of public administration and municipal management
of Institute of social and humanitarian education,
Moscow pedagogical state
University

FROM THE EXPERIENCE OF THE CHECHEN REPUBLIC ON COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM

Annotation. *The article reveals the theoretical aspects of terrorism, its global and regional manifestations, the forms of existence of religious and political extremism, radical Islamism in the region. General methods, methods of counteraction, forms of prevention by mobilizing the capabilities of an ethnocultural resource are considered. The authors come to the conclusion that extremism, like terrorism, is diverse, and they appear under various masks, because in these social deviations political, ideological, ethnic, etc. components are intertwined, sometimes making it difficult to clearly define their types and forms of existence.*

Key words: *extremism, terrorism, Islam, religion, youth, ethno-cultural resource, Chechen Republic.*

Тематика нашего исследования крайне сложная и требует глубокого осмысления и выработки своего эффективного решения. Для этого необходимо обратиться к генезису проблемы.

Вопросы борьбы с международным терроризмом и экстремизмом для Северного Кавказа имеют важное стратегическое значение. Настоящее исследование посвящено опыту Чеченской Республики, где эта борьба ведется эффективно и системно. Чеченскому кризису предрекались различные сценарии, где итогом являлось перманентное состояние войны и нестабильности всего региона. Однако события последних 10 лет стали переломными в новейшей истории государственно-правового развития Чеченской Республики в рамках российской государственности. Опыт чеченского народа в этой жестокой и, по сути, неравной борьбе чрезвычайно ценный, многогранный и при этом весьма трагический в части невосполнимых человеческих потерь за годы нахождения на острие сильного противостояния [1].

В современных условиях экстремизм и терроризм приобретают широкий международный характер, что сопряжено с существующими социальными системами, внешними и внутренними их коллизиями, конфликтами. В связи с этим французский философ Ж.Бодрийяр, подчеркивая универсальность и даже мобильность терроризма, отмечает, что он «как и вирусы, проник везде, он следует как тень за системой господства, всегда готовый выйти из тени, подобно двойному агенту». Характеризуя его состояние, а в определенной мере и сущность, он пишет, что больше нет демаркационной линии, которая позволяла бы обозна-

чить терроризм, ибо он находится в самом сердце культуры, которая «с ним борется, а видимый разрыв (и ненависть), который в глобальном плане разделяет эксплуатируемые и слаборазвитые страны с западным миром, тайно соединяется с внутренним разломом господствующей системы» [2, с. 4].

Сегодня термин «терроризм» имеет исключительно политическую окраску. Он неизбежно связан с властью, погоней за властью, приобретением власти и использованием ее для достижения политических изменений. Терроризм представляет собой насилие или, что не менее важно, угрозу насилием, используемую и нацеленную на достижение или продвижение некоей политической цели [2, с. 6].

Многие террористические акты на Северном Кавказе увязываются с радикальной и экстремистской деятельностью, в связи с чем перед органами власти возникла необходимость преодоления идеологической и практической деятельности неоваххабитов. Органы власти при поддержке официального духовенства региона приняли комплекс мер законодательного и идеолого-пропагандистского характера.

В Чеченской Республике, начиная с 2000-х годов, осуществляется целенаправленная деятельность против проявлений экстремизма, т.н. ваххабитов, салафитов, представляющих собой современные исламистские группировки, ориентирующие молодежь на крайние формы политической активности, борьбу против официальной власти, призывая ее к участию во всемирном джихаде. Подобная ориентация в период дудаевско-масхадовского режима привела к тому, что определенная часть молодежи (причем неболь-

шая) была социально, политически, идеологически дезориентирована, и самое главное – вовлечена в экстремистские и террористические организации. Ими преследовалась цель создания в регионе Кавказского халифата. В конечном счете это привело к трагическим последствиям, военным действиям, колоссальным разрушениям в Чечне. Стабилизация политической ситуации в Чеченской Республике потребовала не только восстановления разрушенного, но и реализацию системы идеологических мер, основанной на мобилизации ценностей этнической культуры чеченцев, национальных обычаев и традиций, исторически традиционных религиозных ценностей. Первый президент Чеченской Республики А.А. Кадыров уделял значительное внимание как социально-экономическому, так и духовному возрождению чеченского общества. Благодаря его деятельности удалось в короткие сроки сформировать республиканские органы власти, войти в правовое поле России, возобновить работу учреждений медицины, культуры, искусства, образования и науки. Он немало сделал для укрепления роли традиционного духовенства, старейшин, придавая большое значение их роли в сохранении и популяризации традиционных ценностей многонационального чеченского общества. В первую очередь особое внимание уделял А.А. Кадыров своей религиозно-политической деятельности. Благодаря ему были мобилизованы и воспроизводились традиционные исламские, суфийские и национально-культурные ценности чеченцев с целью противодействия проявлениям радикального исламизма, носителями которых в республике были ваххабиты, салафиты [2, с. 8].

Как отмечают ученые В.Х. Акаев, Ш.А. Гапуров и др., решительное противодействие религиозным экстремистам и террористам в Чеченской Республике оказывает ее глава, Герой России Р.А. Кадыров, который не раз публично заявлял, что он все сделает, чтобы полностью искоренить «ваххабизм». Регулярно организовывается и проводится в Грозном Международный миротворческий форум «Ислам - религия мира и созидания», имевший большое духовно-нравственное и политическое значение для мусульман и немусульман республики, Российской Федерации и мира. Участниками данного форума являются известные духовные лица Чечни, России, зарубежья, в докладах и выступлениях которых подчеркивается гуманистическая, миротворческая и созидательная роль ислама, осуждаются радикальные и экстремистские проявления под прикрытием религиозных лозунгов. На страницах светских и религиозных газет публикуются материалы, раскрывающие бесчеловечный, антигуманный характер деяний ваххабитов. Значительная идеологи-

ческая работа ведется среди молодежи. В связи с этим важное место должны занять исламские учебные заведения, созданные в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии, Адыгее, осуществляющие подготовку духовенства, ориентированного на традиционные исламские ценности, сложившиеся на Северном Кавказе, а в целом и в России. Современный опыт Чеченской Республики в деле эффективной борьбы с терроризмом, успешное возрождение республики из сложной поствоенной ситуации, активный переход к интенсивному развитию социально-экономической сферы можно с полной уверенностью охарактеризовать как «чеченский феномен». До настоящего времени на научном уровне вопрос изучения опыта Чеченской Республики поднимался лишь в локальном формате, между тем колоссальный опыт региона нуждается в широком исследовании и распространении.

В мае 2007 г. Р. Кадыров возглавил антитеррористическую Комиссию республики. Был подписан Указ о мерах противодействия терроризму на территории Чеченской Республики. Согласно данным Комиссии, с момента её образования (апрель 2007г.) спецподразделениями МВД по Чечне и УФСБ по Чеченской Республике были нейтрализованы 12 полевых командиров и 60 боевиков, задержаны 444 участника незаконных вооружённых формирований и их пособники, ликвидировано 283 базы, 452 тайника с оружием и боеприпасами [3].

Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна. Правильное понимание этих характеристик позволит власти и обществу обезопасить себя от проникновений на территорию страны деструктивных элементов, не прекращающих попытки заполнить, с одной стороны, имевший место идеологический вакуум, с другой – навязать идеи, чуждые мусульманам страны. Открытие в Грозном в 2008 г. крупнейшей мечети «Сердце Чечни», Российского исламского университета им.Кунта-Хаджи в столице Чеченской Республики, школ хафизов (учебных заведений для детей и подростков по изучению Корана) по республике, проведение регулярных международных научно-практических конференций (одна из последних – «Суфизм – безопасность для человека и стабильность в государстве») есть еще одна важная составляющая в борьбе с лжетечениями и идеологиями на территории Российской Федерации. Строительством крупных мечетей в каждом городе и районном центре, восстановлением священных для чеченцев зияртов шейхов и эвлиа, передачей на хранение реликвий пророка Мухамада (с I в.) был нанесен идеологический урон экстремистам, который лишил возможности

обвинять Чеченскую Республику и её власть в отсутствии должного отношения к религии.

Теперь немного о подготовке высокообразованных молодых специалистов в республике. По классификации, введенной в научный оборот исследователем В.Ю. Гадаевым, об отношении к религиозной вере и научным знаниям современную чеченскую молодежь ученый разделил на четыре типа: наличие веры, но отсутствие глубоких знаний; наличие знаний, но отсутствие глубокой веры; отсутствие глубоких знаний и отсутствие глубокой веры; наличие глубокой веры и наличие глубоких знаний [4, с. 19]. Именно с этим контингентом в Чеченской Республике проводилась и продолжает осуществляться большая колоссальная идеологическая и воспитательная работа. Здесь во главу угла ставится разъяснение того, что ислам запрещает любые теракты, совершаемые самоубийцами. Кроме того, сама природа самоубийц-смертников противоречит исламу.

При поддержке главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова была разработана «Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики». В ней была поставлена главная цель духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения на основе ценностей гуманизма, нравственности, духовности, применения традиционных ценностей чеченского этноса.

В практической реализации ее положений немало сделано органами власти республики, духовенством, представителями светских и религиозных учебных заведений, общественностью, учеными, писателями, журналистами.

В XI-XIII вв. акты террора совершали исмаилиты Ирана, известные как ассасины, русские народники, камикадзе – японцы, члены националистических движений в Индии, Шри-Ланке и т.д. [5, с. 12]. Следовательно, здесь важно установить мотивацию и провести контраргументацию, в первую очередь с помощью самой религии.

Руководство Чеченской Республики с открытым забралом защищало мусульман от циничных нападков как внутри страны, так и извне, реагируя массовой и беспрецедентной акцией на кощунственные карикатуры французского издания «Шарли Эбдо», защищало интересы многомиллионной уммы верующих в стране. Акцентированное внимание к развитию суфизма есть выстраивание жесткого заслона на пути международного терроризма и экстремизма. Вывод, сделанный на одной из научно-практических конференций председателем Совета улемов Чеченской Республики А.-Х. А. Кадыровым о том, что «суфизм помог нам выдворить из нашей республики экстремизм, радикализм и опровергнуть обвинение в непра-

вильности12его сын, который продолжил дело отца и делает на этом пути значительные успехи» [6].

21 декабря 2008 г. Грозный посетил с визитом глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас. Его визит напрямую связан с успехами чеченского народа с международным терроризмом.

23 апреля 2014 г. в Грозном под председательством Секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева состоялось выездное заседание Комитета секретарей советов безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Результатом стало подписание документов, касающихся вопросов развития системы коллективного реагирования государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации, взаимодействия по противодействию преступной деятельности в информационной сфере, совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки органов управления и формирования сил и средств системы коллективной безопасности [7].

19 июня 2014 г. Король Иордании Абдалла II прибыл в Грозный для встречи с главой Чеченской Республики Р.А. Кадыровым. Во время поездки он посетил подразделения специального назначения МВД по Чеченской Республике, имеющие опыт борьбы с международным терроризмом.

5 октября 2015 г. первый вице-президент Афганистана, генерал Абдул Рашид Дустум в Грозном встретился с главой Чеченской Республики Р.А. Кадыровым. Дустум отметил, что у республики есть реальный опыт борьбы с терроризмом [8].

Эффективное управление регионом, форсированный переход от разных стадий, требовавших длительного временного цикла, достигнуто путем формирования команды с ориентацией на эффективного руководителя. Здесь весьма четко проявились управленческие качества руководителя Чеченской Республики. Во главу угла ставится профессионализм человека вне зависимости от былых заслуг и регалий. Причем, речь идет о профессионализме, формирующемся в условиях повседневных реалий, и здесь опытность проявляется не по возрастному критерию, а по умению решать возникающие задачи быстро и качественно. Управленец должен быть мобильным, способным решить поставленную задачу. Интересы общества, ответственность перед обществом есть мерило его компетентности при оценке профессионализма и востребованности кадров. Именно поэтому в Чеченской Республике наблюдается высокая ротация аппарата государственных и муниципальных служащих. Только за период с 2000 по 2015 г. в министерстве по нацио-

нальной политике, печати и информации сменилось семь министров, количественные изменения имеют главную цель - повышение эффективности работы. Идет постоянный поиск и внедрение эффективных управленцев на всех уровнях.

Многое из того, что было успешно апробировано в Чеченской Республике, было также принято и в других регионах страны. Была объявлена беспощадная война теневому игорному бизнесу, в 2005 г. в Чечне «однорукие бандиты» были ликвидированы первыми среди других российских регионов. Следуя ч. 4 ст. 35 Конституции ЧР, закрепляющей, что общепризнанные традиции и обычаи народов Чеченской Республики – уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, гостеприимство, милосердие – священны, охраняются Конституцией и законами республики, в регионе было запрещено похищение невест, приводившее к конфликтным ситуациям внутри чеченского общества. Этот весьма положительный опыт нуждается в апробации и в других регионах Северного Кавказа.

Здесь будет уместен вывод, сделанный А.В. Малащенко в отношении Р.А. Кадырова: человек, который, занимая рутинный пост главы одного из 83 субъектов Федерации, попал в центр российской политики, не может не вызывать зависть [9, с. 120].

Особо отмечаем, что перед дагестанцами и чеченцами стоит общая задача – быть, как это было свойственно нашим предкам, едиными в общей борьбе с международным злом и терроризмом. Дагестанский народ как никто иной знает о важности единства и братства в этом деле. Совсем недавно одна из улиц Ленинского района г. Грозного была названа в честь Героя России Магомеда Нурбагандова. Весьма значимы слова главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова на церемонии открытия мемориальной доски: название улицы имени Нурбагандова есть дань уважения к дагестанскому товарищу, офицеру полиции, до конца исполнившему свой долг и сохранившему верность присяге и Отечеству. В Чечне и в Дагестане немало примеров, когда сотрудники правоохранительных структур проявляли настоящий героизм, мужество, верность присяге [10, с. 110].

Выводы и рекомендации. Как отмечают В.Х. Акаев и другие исследователи, для современной России, как и для многих стран мира, важнейшим дестабилизирующим фактором выступают экстремизм и терроризм, они представляют угрозу обществу и каждой отдельной личности. Как вид противозаконной деятельности экстремизм и его крайняя форма проявления терроризм мотивируются политическими, религиозными лозунгами. Социальную базу экстремизма, в том числе и терроризма, в основном составляют маргинальные слои населения, а также представители национа-

листических, религиозных движений и недовольная существующим порядком часть интеллигенции. В XXI в. количество террористических актов по всему миру продолжает расти. Так, в 2008 г. в мире произошло около 12 тыс. терактов, в результате которых пострадали 56 тыс. человек, в том числе 15 тыс. погибли, большинство из которых мирные жители, женщины и дети [11, с. 58].

Особую социальную актуальность приобретает приверженная к экстремизму молодежь. Нередко молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, представители которых активно разыгрывают «национальную карту». К сожалению, при реализации этого «негативного протестного потенциала» происходит развитие безнравственных принципов, насаждается фанатизм, отрицаются всяческие правовые нормы, конституционные обязанности [11, с. 58].

Среди практических предложений различных экспертов хотелось бы отметить некоторые солидаризирующие с нашим видением проблемы.

Создание на государственном уровне структур, непосредственно обеспечивающих формирование у граждан страны, придерживающихся разных духовно-культурных ценностей, толерантных отношений. Эти структуры могли бы быть организованы в рамках законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Осуществление религиозной подготовки и переподготовки представителей официального, традиционного духовенства с тем, чтобы повысить их теоретическую подготовку, формировать у них умения противодействовать радикалистской и экстремистской идеологии и практики неофициальных исламских структур, деятельность которых приобрела закрытый характер.

На основе изучения нравственно-гуманистического потенциала ислама формировать у учащихся мусульманских учебных заведений терпимых, уважительных отношений к иным этнокультурным и конфессиональным системам.

Изучение лучшего опыта религиозной подготовки духовенства в зарубежных странах, использование его в мусульманских регионах России.

Изучение в религиозных и светских учебных заведениях позиций ислама и христианства как основных конфессиональных систем страны и распространение их среди граждан.

Периодическое осуществление диалога между представителями официального и неофициального ислама.

Проведение межконфессионального диалога в России.

Реализация этих мер позволит значительно снизить уровень религиозно-политического радикализма, совершенствовать межэтнические, межконфессиональные контакты, позволит устано-

вить постоянный культурный диалог, столь важный для северокавказского региона. В этом процессе свою заинтересованность должны проявлять как представители официальных религий, так и органы власти, определяющие церковно-конфессиональную политику в стране.

Список литературы:

[1] Сайдумов Д.Х., Гарсаев Л.М. Об опыте ЧР по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом: сб. материалов региональной науч.-приклад. конф. «Духовно-нравственное воспитание молодежи – основа противодействия и профилактика экстремизма, терроризма, преступности, наркомании и алкоголизма». – Махачкала, 2017. – С. 110.

[2] Акаев В.Х., Келигов М.Ю., Нанаева Б.Б. Пути противодействия экстремизму и терроризму: теоретико-методологический подход. – Грозный, 2019. – С. 4.

[3] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430> (дата обращения: 14.05.2019).

[4] Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. – Грозный, 2011. – С. 19.

[5] Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. – 2006. – № 1. – С. 12.

[6] Кадыров встретился в Москве с Каддафи и пригласил его в Чечню [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/02nov2008/ramzan.html> (дата обращения: 14.05.2019).

[7] Ситуацию в регионе коллективной безопасности обсудили в Грозном на выездном заседании Комитета секретарей советов безопасности государств – членов ОДКБ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENTID=3345&SECTIONID=91> (дата обращения: 14.05.2019).

[8] Р. Кадыров и генерал Дустум в Грозном обсудили вопросы противодействия ИГ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=17130> (дата обращения: 14.05.2019).

[9] Малашенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности; Моск. Центр Карнеги. – М.: РПЭ (РОССПЭН), 2009. – С. 120.

[10] Сайдумов Д.Х., Гарсаев Л.М. Об опыте ЧР по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом: сб. материалов региональной науч.-приклад. конф. «Духовно-нравственное воспитание молодежи – основа противодействия и профилактика экстремизма, терроризма, преступности, наркомании и алкоголизма». – Махачкала, 2017. – С. 110.

[11] Акаев В.Х., Келигов М.Ю., Нанаева Б.Б. Пути противодействия экстремизму и терроризму: теоретико-методологический подход. – Грозный, 2019. – С. 58.

Spisok literatury:

[1] Sajdumov D.H., Garsaev L.M. Ob opyte ChR po bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom i ekstremizmom: sb. materialov regional'noj nauch.-priklad. konf. «Duhovno-nravstvennoe vospitanie molodezhi – osnovaprotivodejstviyaiprofilaktikaekstreemizma, terrorizma, prestupnosti, narkomanii i alkogolizma». – Mahachkala, 2017. – S. 110.

[2] Akaev V.H., KeligovM.Yu., Nanaeva B.B. Puti protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu: teoretiko-metodologicheskij podhod. – Groznyj, 2019. – S. 4.

[3] [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://sta-sta.ru/?p=10430> (data obrashcheniya: 14.05.2019).

[4] GadaevV.Yu. Molodoe pokolenie Chечenskoj Respubliki: problemy duhovnogo razvitiya. – Groznyj, 2011. – S. 19.

[5] Naumkin V.V. Islamskij radikalizm v zerkale novyh koncepcij i podhodov // Vostok. – 2006. – № 1. – S. 12.

[6] Kadyrov vstretilsya v Moskve s Kaddafi i priglasil ego v Chechnyu [Elektronnyjresurs] – Rezhim dostupa: <http://www.newsru.com/russia/02nov2008/ramzan.html> (data obrashcheniya: 14.05.2019).

[7] Situaciyu v regione kolektivnoj bezopasnosti obsudili v Groznom na vyezdnom zasedanii Komiteta sekretarej sovetov bezopasnosti gosudarstv – chlenov ODKB [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENTID=3345&SECTIONID=91> (data obrashcheniya: 14.05.2019).

[8] R. Kadyrovi general Dustum v Groznom obsudili voprosy protivodejstviya IG [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=17130> (data obrashcheniya: 14.05.2019).

[9] Malashenko A.V. RamzanKadyrov: rossijskijpolitik kavkazskoj nacional'nosti; Mosk. CentrKarnegi. – M.: RPE (ROSSPEN), 2009. – S. 120.

[10] Sajdumov D.H., Garsaev L.M. Ob opyte ChR pobor'be s mezhdunarodnym terrorizmom i ekstremizmom: sb. materialov regional'noj nauch.-priklad. konf. «Duhovno-nravstvennoe vospitanie molodezhi – osnova protivodejstviya i profilaktika ekstremizma, terrorizma, prestupnosti, narkomanii i alkogolizma». – Mahachkala, 2017. – S. 110.

[11] Akaev V.H., KeligovM.Yu., Nanaeva B.B. Puti protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu: teoretiko-metodologicheskij podhod. – Groznyj, 2019. – S. 58.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

АЛАМОВА С.М.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права
УВО «Университет управления «ТИСБИ»»,
г. Казань
e-mail: sm-alamova@mail.ru

СОЛДАТОВ Я.В.,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
УВО «Университет управления «ТИСБИ»»,
г. Казань
e-mail: yacovsoldatov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правовой концепции экологического порядка, выстраиваемой и развиваемой представителями зарубежных естественно-гуманитарных междисциплинарных научных направлений на рубеже XIX–XX вв. Концепция экологического порядка ставит перед исследователями важнейшие проблемы выживания человечества в условиях истощения природных ресурсов. Совершенствование научной и законодательной сфер по изучению, выявлению и предупреждению негативных последствий дестабилизации экологического порядка есть условие для реализации конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: экологический порядок, природные ресурсы, социогуманитаристика, законодательство.

ALAMOVA S.M.,

PhD in Law, associate Professor,
associate Professor of business law,
University of management «TISBI», Kazan

SOLDATOV Ya. V.,

PhD in History, associate Professor,
associate Professor of theory and history of state and law,
University of management «TISBI», Kazan

THE PROBLEMS OF THE ECOLOGICAL ORDER IN THE RESEARCH OF THE GENERAL THEORY OF LAW AND BRANCH LEGAL DISCIPLINES: THE THEORY AND THE PRACTICE

Annotation. The article deals with the problematic issues of the legal concept of environmental order, built and developed by representatives of foreign natural – humanitarian interdisciplinary research areas at the turn of the XIX–XX centuries. The concept of the ecological order poses to researchers the most important problems of human survival in the conditions of exhaustion of natural resources. Improving the scientific fields of law to study, detect and prevent negative effects of destabilization of the environment – is the condition for the realization of the constitutional rights and freedoms of citizens.

Key words: ecological order, natural resources, social and humanitarianism, legislation.

Концепция экологического порядка, формирование и становление которой изначально осуществлялись представителями зарубежных естественно-гуманитарных междисциплинарных научных направлений на рубеже XIX–XX вв., в числе задач ставила перед своими исследователями фундаментальные проблемы выживания человека в условиях загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, сокращения численности животного мира, увеличения риска техногенных катастроф, резкого увеличения промышленных объектов и др., в своей совокупности наносящих ущерб качеству жизнедеятельности человека и общества в целом.

Одним из первых представителей концепции экологического порядка Э. Геккелем, способствовавшим введению в научный оборот естественнонаучного знания категории «экология», в рамках зарубежной социологической школы была обоснована необходимость исследования кризисных явлений индустриального общества, в котором нивелировались ценности ответственности человека за жизнь будущих поколений.

В результате воздействия человеческой деятельности - антропогенного фактора ухудшения состояния природы, обусловленного интересами использования природных ресурсов с максимальной выгодой для прагматичных целей общества (групп, лиц) и наносящего вред целостности экосистемы, экология становится предметом изучения науки социальной экологии. Последняя уделяет глубокое внимание изучению несоответствия законов развития природы и социально-технологической эволюции, в которой влияние человека, в частности мигранта, на качество его же жизни исследуется в междисциплинарной парадигме и оценивается, доминирующим образом, негативно.

Изучение миграционных и демографических проблем на американском континенте отмеченного периода приводит другого исследователя – основателя чикагской социологической школы Р.Э. Парка и его единомышленников (А. Антоновски, Э. Берджесс, Г. Гурунт, Е. Стоунквист и др.) к выводу о том, что пограничность, отчужденность и неадаптированность мигрантов к социально-нормативному пространству (маргинальность) приводят к кризисному биопсихологическому и социокультурному состоянию мигранта, который длительное время представляет собой «культурный гибрид», с присущими ему дезорганизованностью, беспокойством, напряжением, аномией, фрустрацией и другими не способствующими функционированию экологического порядка качествами.

Спустя десятилетия, советская маргиналистика (Н. Темкин, В. Прол, Е. Стариков, П. Червинский), основываясь на глубоко идеологизирован-

ном марксистско-ленинском понимании социального устройства, где базисом является экономика, а надстройкой - право, «переносит» понятие «маргинальный человек» в концепцию экономического порядка с интерпретацией его в качестве «неполноценного» члена советского общества, сугубо в негативном и нарицательном смысле. При этом внимание советской социогуманитаристики на экологию как сферу, испытывающей трудности в связи с человеческой деятельностью, не останавливается.

Позднее мультидисциплинарное понятие «маргинальность» нашло свое отражение в сфере международного права. Так, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. маргинальность констатируется как наличие значительного числа «рискогенных групп» переселенцев, мигрантов, беженцев, лиц с асоциальным поведением, на существование которых должны обратить особое внимание органы государства, институты правосудия и правоохранительные системы, средства массовой информации и ученые, разрабатывающие программы и политику предупреждения правонарушений [8]. Влияние миграции, характеризующейся как явление маргинальное (отчужденное, пограничное), особенно остро встает сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные проблемы как на государственном, так и международном уровнях. Но в криминологических исследованиях объектом изучения становятся «маргинальная преступность» и меры предупреждения данного вида преступности, в том числе с позиции сохранения экологического порядка в широком общенаучном смысле [9].

Данная проблема приобрела значительный научный интерес у исследователей современного российского теоретического правоведения. Так, разработчики общеправовой теории маргинальности с общенаучных гуманистических позиций защиты конституционных прав и свобод человека, в том числе «маргинального человека» в его дуалистическом (зарубежном и отечественном) понимании, обосновывают необходимость формирования правовой этнополитики и правовой экологической политики, имеющих серьезное превентивное значение для установления законопорядка и в перспективе - экологического порядка в современных государственных устройствах.

Сложность рассматриваемой проблемы, а также особое значение для существования и развития современного социума поиска ее решения ставят перед наукой объективно обусловленную необходимость интеграции теоретического и отраслевого научного познания отдельных аспектов правовых основ установления экологического порядка, в частности, совершенствования правовых моделей в данной области [7]. Интегрирова-

ние широкого общетеоретического и узко прикладного подходов позволит, на наш взгляд, повысить эффективность принимаемых мер по восстановлению и поддержанию экологического порядка.

В отраслевых юридических науках предметом исследований ученых юристов, в числе прочего, являются непосредственно правонарушения в сфере экологии, составы экологических противоправных деяний (действия и бездействия), соответствующие санкции за их несоблюдение, которые должны строго определяться в законодательных актах. На федеральном уровне — в Уголовном кодексе РФ и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. На уровне субъектов Федерации — в существующих на их территории законах об административных правовых нарушениях.

Объектом экологического правового нарушения в отечественном кодифицированном законодательстве считаются общественные отношения в сфере окружающей среды в целом и ее составляющих элементах, регламентируемые и охраняемые действующими нормами права. Такого рода отношения в содержательной части затрагивают сферу собственности на ресурсы природного характера, природопользования, охраны окружающей среды от опасных воздействий, защиты экологических прав и законных интересов граждан.

Административная ответственность возникает при условии наличия действий, имеющих признаки состава экологического проступка, в частности умышленная либо неосторожная вина субъекта ответственности (физического или юридического лица), наличие юридической нормы, установившей запрет и содержащей санкцию за его нарушение [6].

Вид экологического правового нарушения зависит непосредственно от состава субъектов. Таким образом, субъектами дисциплинарной ответственности считаются должностные лица и сотрудники организаций, уголовной — должностные субъекты и граждане, административной — юридические лица, должностные субъекты и граждане.

В соответствии с действующим законом административная и уголовная ответственность физических лиц за совершенные экологические правовые нарушения может возникнуть с наступлением 16-летнего возраста. В порядке гражданского судебного производства граждане несут ограниченную ответственность с 14 до 18 лет, полную — по достижении 18 лет, т.е. с момента приобретения полной дееспособности. Трудовое законодательство не определяет каких-либо возрастных ограничений относительно применения дисциплинарной и материальной ответственности

субъектов, виновных в осуществлении экологических правонарушений в трудовой области [5].

Определенные сложности при привлечении к административной ответственности за экологические правонарушения создает и множественность субъектов реализации данного вида ответственности. Большое количество природоохранных структур и должностных лиц, призванных осуществлять контрольно-надзорные функции, ведет к затруднениям в правоприменении, дублированию функций и проявлениям коррупции среди чиновников.

Еще одной проблемой привлечения к административной экологической ответственности является излишняя мягкость норм ответственности за правонарушения в сфере охраны окружающей природной среды и их неадекватность масштабам экологических последствий [4].

В связи с этим очевидно, что перед теоретиками и правоприменителями стоит еще много важных и сложных задач, связанных с определением размера ущерба, нанесенного окружающей природной среде экологическими правонарушениями, а также необходимостью разработки эффективно действующего механизма контроля за восстановлением гармоничного состояния экологии того участка среды, которому был нанесен вред. Определенную проблему представляют и нарушения процедур привлечения к административной ответственности за экологические правонарушения.

Еще одна существенная проблема привлечения к административной ответственности за экологические правонарушения — легкомысленное отношение современного российского общества к экологическим проблемам в целом, а также поверхностный подход правоприменителей к оцениванию последствий, нанесенных окружающей среде [3].

На практике встречаются и нарушения процессуального порядка рассмотрения дела об экологическом правонарушении, что ведет к отмене решения по делу и, как следствие, невозможности привлечения виновного к административной ответственности за экологические правонарушения.

В правоприменительной практике с привлечением к уголовной и административной ответственности за экологические правонарушения связано множество разнообразных проблем:

- проблемы, связанные с наличием пробелов в законодательстве об охране окружающей среды, что не позволяет в полной мере как осуществлять ее охрану, в том числе путем привлечения нарушителей к административной ответственности, так и реализовать конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду;

- проблемы, связанные непосредственно с правоприменением.

Например, деятельность, связанная с привлечением виновных к административной ответственности за экологические правонарушения, требует наличия у судей и других субъектов правоприменения специальных и профессиональных знаний в сфере нарушения экологического законодательства, их информированности в сфере оценки вреда за совершение правонарушений в экологической сфере и т.д.

Таким образом, проблемы экологического порядка, изучаемые теоретической и отраслевыми науками, требуют дальнейших концептуальных разработок, обоснований положений о синергии различных когнитивных практик о необходимости сохранения экологического равновесия для обеспечения жизнедеятельности человека в условиях глобальных технологических преобразований мироустройства. Эти задачи могут быть выполнимы только в условиях развития и гармонизации правовой среды, обеспечивающей соблюдение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

- [1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 13.08.2019) // Росс. газ. – 2017. – № 1046.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «ГАРАНТ»
- [3] Административное право: учеб. / Л. М. Рябцев и др. – М.: Амалфея, 2018. – 414 с.
- [4] Илло Д.А. Проблемы борьбы с экологическими преступлениями: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] – Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads (дата обращения: 28.09.2019).
- [5] Ламакина М.В. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов // Молодой ученый. - 2017. - № 22. - С. 334 - 336.

[6] Петрухина О.А. Объект экологических преступлений // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. – 2013. - № 3 – С. 34–38.

[7] Салиева Р.Н., Солдатова А.В. Совершенствование правовой модели природоохранных зон: вопросы теории и практики // Образование и право. - 2017. - № 6. - С. 142 - 146.

[8] Степаненко Р.Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности. - Казань, 2012.

[9] Степаненко Р.Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и её предупреждение. монография / Р.Ф. Степаненко. - Казань, 2008.

Spisok literatury:

- [1] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 №195-FZ (red. ot 13.08.2019) // Ross. gaz. – 2017. – № 1046.
- [2] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 02.08.2019) // SPS «GARANT»
- [3] Administrativnoe pravo: ucheb. / L. M. Ryabcev i dr. – М.: Амалфея, 2018. – 414 с.
- [4] Illo D.A. Problemy bor'by s ekologicheskimi prestupleniyami: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: file:///C:/Users/User/Downloads (data obrashcheniya: 28.09.2019).
- [5] Lamakina M.V. Aktual'nye problemy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya kachestva i bezopasnosti pishchevyh produktov // Molodoj uchenyj. - 2017. - № 22. - S. 334 - 336.
- [6] Petruhina O.A. Ob'ekt ekologicheskikh prestuplenij // Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2013. - № 3 – S. 34–38.
- [7] Salieva R.N., Soldatova A.V. Sovershenstvovanie pravovoj modeli prirodohrannyh zon: voprosy teorii i praktiki // Obrazovanie i pravo. - 2017. - № 6. - S. 142 - 146.
- [8] Stepanenko R.F. Genezis obshchepравovoj teorii marginal'nosti. - Kazan', 2012.
- [9] Stepanenko R.F. Prestupnost' lic, vedushchih marginal'nyj obraz zhizni, i eyo preduprezhdenie. monografiya / R.F. Stepanenko. - Kazan', 2008.

ЛЕБЕДЕВА Марина Владимировна,
аспирант ФГБОУ ВО
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
e-mail: mail@law-books.ru

ВЕРБИНА Галина Георгиевна,
кандидат психологических наук,
доцент ФГБОУ ВО
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
e-mail: verbina.galia@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные различия в ценностных ориентациях. Раскрывается дифференциация понятий «гендера» и «пола». Отмечается, что гендерные различия в ценностных ориентациях исследуются многими учеными, как зарубежными, так и отечественными. Данная проблема имеет серьезное актуальное значение, так как известно, что ценностные ориентации направляют, регулируют, подкрепляют и мотивируют все действия человека.

Ключевые слова: гендер, пол, ценностные ориентации, половая дифференциация.

LEBEDEVA Marina Vladimirovna,
graduate student
I.N. Ulianov Chuvash State University

VERBINA Galina Georgievna,
PhD in Psychology,
assistant professor
I.N. Ulianov Chuvash State University

CERTAINTY OF LAW: CONTENT OF THEORETICAL-LEGAL CATEGORY

Annotation. The paper looks into gender differences in value orientations. The differentiation of the concepts of "gender" and "sex" is revealed. It is noted that gender differences in value orientations are studied by both Russian and foreign scientists. This issue is relevant, since value orientations are known to guide, regulate, reinforce and motivate all human actions.

Key words: gender, sex, value orientations, sexual differentiation.

В последние годы в обществе в большей степени растет интерес к различиям между мужчинами и женщинами и к их жизненным ценностям. Роль мужчины и женщины в социуме в наши дни подвергается серьезным изменениям. Известно, что ценностные ориентации определяют многие цели в жизни человека. Ценностные ориентации являются для человека его личностным смыслом и часто выражают то, что для него особенно важно в данный момент и в перспективе. Личностные смысловые представления также тесно связаны с формированием системы ценностных ориентаций [1]. К важнейшим характеристикам системы ценностных ориентаций относят принципы иерархии ценностей и их многоуровневость. «Принятие личностью цен-

ностей автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии» [2].

Проблема гендера настолько актуальна, что находится на одном из ведущих мест в научных исследованиях, как в России, так и за рубежом. Большой вклад в изучение гендерных различий внесли ряд исследователей: Ш. Берн, С. Бем, Е. Игли, И. Броверман, Р. Розеркантц, Р. Ашмор, Д. В. Воронцов, А. Е. Жичкина, О. Н. Арестова, А. Е. Войкунский и др. Изучением ценностных ориентаций занимались: И.С. Артюхова, Е.К. Киприянова, Н.А. Кирилова, В.М. Кузнецов, И.С. Кон, А.В. Мудрик, А.С. Шаров А.Ф., Амиров, К.Ш. Ахияров, Е.Н. Белова, Р.Г. Гурова, В.В. Ластовкая, Е.Л. Руднева, Т.Н. Семенова, А.С. Серый, М.С. Яницким и др.

Система полоролевых представлений складывалась веками и половая адекватность поведения мужчин и женщин была заложена самой природой. Как известно пол связан с биологическим статусом человека, определяя кем, является данный человек – мужчиной или женщиной. Гендер же определяет социально-психологический статус человека, выполнение ролей с позиций: «маскулинности» или «феминности». Психология пола признает женские и мужские роли равнозначно, но разными по содержанию [3]. А гендерная психология, анализируя проблемы половой дифференциации, делает акцент на иерархичности ролей и позиций мужчин и женщин [4]. Известно, что быть женщиной совсем не означает иметь только феминные характеристики и быть мужчиной не значит обладать только маскулинными характеристиками [5].

Анализ научной литературы показал, что исследователи чаще употребляют термин «гендер», чем термин «пол». Многие исследователи считают, что различия между мужчиной и женщиной создаются культурой той местности, где родились и живут мужчины и женщины и подчеркивают, что термин «пол» подразумевает различие следствием биологического пола. [7]. Особенно много исследований в зарубежной психологии посвящено изучению гендерных стереотипов. Полоролевая стереотипизация в первых исследованиях данной проблемы была связана с вычленением типичных различий в представлениях мужчин и женщин друг о друге и о себе. Подведя итоги данных исследований Дж. Макки и А. Шеррифс в 1957 году, обозначили два профиля: типичный мужской и типичный женский [6]. Под влиянием гендерных стереотипов формируются ценностные ориентации у мужчин и женщин по-разному. Особенно это заметно в период юности, когда происходит профессиональное самоопределение. В этот период, по мнению Н.В. Седовой: «осуществляется более глубокое осмысление человеком своих жизненных планов и позиций, идеалов и путей их достижения, своего рода переоценка ценностей» [8]. Усиленное социальное развитие личности в период взрослости влечет за собой максимальное ее включение в разные сферы социальных отношений, а также профессиональной деятельности. В период взрослости происходит усиление социального развития личности, максимальное включение ее в разные сферы общественных отношений и деятельности, что мобилизует все ее ресурсы [9]. В период взрослости мужчины реагируют на достижение середины жизни индивидуально. Многие из мужчин ответственны и берут на себя обязательства и по отношению к профессиональной деятельности и по отношению к семье. Существует много индивидуальных различий в

реагировании женщин на достижение среднего возраста, но есть и общие тенденции. Большинство женщин видят себя в рамках семьи, но есть и достаточное количество женщин, которые хотели бы преуспеть в профессиональном цикле. К общим тенденциям женщин среднего возраста исследователи относят ролевые конфликты, которые возникают на почве того, что женщинам трудно найти время и для семьи, и для работы [9, с. 321-323].

Результаты исследований Г. Оллпорта показали, что женщины в иерархии ценностных ориентаций основными считают этические, эстетические, социальные и духовные ценности. Мужчины же выбирают большей частью теоретические, экономические и политические ценности Г. Оллпорт связывает данные результаты с интересом мужчин к абстрактным знаниям, с потребностью в практическом успехе и стремлением к престижу и власти [10].

По результатам многих исследований данной проблемы можно сказать, что сложившийся веками уклад жизни берет свое, поэтому ведущими ценностями как у мужчин, так и у женщин остаются «здоровье», «настоящая дружба» и «семейная жизнь» (последняя имеет больший вес у женщин). Кроме того, для мужчин ведущей ценностью является «свобода действий и поведения», а для женщин — «уверенность в себе». Любимая работа и приятное времяпрепровождение имеют одинаковую значимость, но значительно уступают вышеперечисленным ценностям. Однако настораживает то, что на последних местах находятся такие ценности, как чувство долга, чистая совесть, развитие своих способностей. Не вселяют оптимизма и результаты, полученные А. И. Пеньковым: например, молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, которые имеют в основном высшее образование или обучающиеся в вузе, не выбрали такие ценности, как личностный рост, самопознание, саморазвитие, не выбрали также творчество, креативность и реализацию своих возможностей [5, с. 49-50].

Другие ценности и другая их значимость для мужчин и женщин выявлены в работе Т. В. Андреевой. По её данным у мужчин на первом месте выделяются такие ценности, как творчество, работа, познание, а у женщин - познание, друзья, равенство [12, с. 275-279]. По результатам исследования Р. Гумерова ценностные структуры мужчин и женщин достаточно похожие. Наиболее распространенные ценности и их порядок в иерархии ценностей у мужчин и у женщин по многим пунктам совпадает. Но это не говорит о том, что ценностные структуры мужчин и женщин полностью идентичны [13, с. 84-89]. Роль возраста и жизненного опыта показана в работе А.А. Игнатевой.

Так, если юноши отдают предпочтение среди терминальных ценностей здоровью, и только потом интересной работе, друзьям и любви, то взрослые мужчины приоритет отдают общественному признанию, на второе место ставят здоровье. Если у девушек первое место занимает любовь, затем друзья, материально обеспеченная жизнь, здоровье, счастливая семейная жизнь, интересная работа и свобода, то у женщин первое место занимает материально обеспеченная жизнь, затем свобода и здоровье. В то время как у юношей выше, чем у девушек, значимость таких ценностей, как здоровье, интересная работа, свобода, жизненная мудрость, творчество, познание, развитие, развлечения, продуктивная жизнь, у взрослых мужчин большую значимость, чем у женщин, имеют такие ценности, как общественное признание, друзья, познание, развитие, творчество. Если для девушек выше, чем для юношей, значимость любви, материально обеспеченной жизни, друзей, счастливой семейной жизни, уверенности в себе, то для женщин, по сравнению с мужчинами, — материально обеспеченная жизнь, интересная работа, свобода и продуктивная жизнь [14].

Таким образом, исходя из результатов теоретического анализа изучаемой проблемы, у юношей и девушек, у мужчин и женщин — различные ценностные ориентации. Результаты многих исследований данной проблемы показали, что сложившийся веками уклад жизни берет свое, поэтому ведущими ценностями как у мужчин, так и у женщин остаются «здоровье», «настоящая дружба» и «семейная жизнь».

Список литературы:

- [1] Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. — М., Наука, 1989. — 232 с.
- [2] Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. — 30 с.
- [3] Коннел Р. Современные подходы / Под ред. Здравомысловой Е.А., Темкиной А.А. // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 262 с.
- [4] Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клецкой. — СПб.: Питер, 2003. — 29 с.
- [5] Пеньков А.И. Изучение ценностных ориентаций // Психология 21 века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции — СПб, 2000. — С. 49-50.
- [6] Берн Ш. М. Гендерная психология. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. — 320 с.
- [7] Ким Л. Гендерные стереотипы // Исследовательский проект «Влияние социальных факторов на понимание гендерных ролей». Программа «Центрально-азиатские инициативы исследований». — Ташкент, 2002 // URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication> HYPERLINK (дата обращения: 12.07.2019). URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication&id=75&parent=1851&doc=8576>& HYPERLINK (дата обращения: 12.07.2019). URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication&id=75&parent=1851&doc=8576>&id=75 HYPERLINK (дата обращения: 12.07.2019). URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication&id=75&parent=1851&doc=8576>& HYPERLINK (дата обращения: 12.07.2019). URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication&id=75&parent=1851&doc=8576>&parent=1851 HYPERLINK (дата обращения: 12.07.2019). URL: <http://www.undp.uz/uz/download/index.php?type=publication&id=75&parent=1851&doc=8576>&doc=8576 (дата обращения: 12.07.2019).
- [8] Седова Н. В. Решение воспитательных задач в педагогической теории и практике // Вестник ТО-ГИРПО. — 2012. — №1. — С. 186 — 188.
- [9] Ермолаева М.В. Основы возрастной психологии и акмеологии: Учебное пособие. — М.: Издательство «Ось-89». 2003. — 416 с.
- [10] Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. М.: Смысл, 1999. — 425 с.
- [11] Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. — СПб.: Издательство «Питер», 2003. — 167 с.
- [12] Клецкая И.С. Гендерный подход и внутриличностные конфликты. // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 2-й междунар. конф. Минск.: ООО Энвила, М., 2000. — С. 275-279.
- [13] Гумеров Р. Социальная направленность проповеди: Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96» / МЦГИ. М., 1997. — С. 84-89.
- [14] Игнатьева А.А. Ценностные ориентации подростков в представлениях взрослых: Дипломная работа. — СПбГУ, факультет психологии, 2001.

ЧИМАКАДЗЕ Филипп Владимирович,
аспирант кафедры теории права, государства и судебной власти
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
e-mail: mr.chimakadze@mail.ru

ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПРАВА: СОДЕРЖАНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к пониманию содержания теоретико-правовой категории «определённость права», а также смежных с указанной категорией понятий: «юридическая определённость», «правовая определённость», «определённость закона». В рамках теоретико-правовой категории «определённость права» осуществлено обобщение содержания всех сходно употребляемых понятий. На основе привлечения материала философии сделан вывод о содержании теоретико-правовой категории «определённость права» как частнонаучного выражения философской категории «определённость». Осуществлено освобождение содержания теоретико-правовой категории «определённость права» от всех элементов, характеризующих внешние относительно права явления.

Ключевые слова: определённость, определённость права, юридическая определённость, правовая определённость, определённость закона, категория философии, частнонаучная категория, качество, свойство, признак.

CHIMAKADZE Philipp Vladimirovich,
post-graduate in the Department of Theory of the law,
the state and the judiciary,
Russian state University of justice

CERTAINTY OF LAW: SUBSTANCE OF THEORETICAL LAW CATEGORY

Annotation. The article analyzes the main approaches to understanding the substance of the theoretical and legal category "certainty of law", as well as concepts related to this category: legal certainty, law certainty, certainty of the law. The substance of all similarly used concepts is generalized within framework of theoretical and legal category "certainty of law". Based on the involvement of philosophy approach, author comes to conclusion that the substance of the theoretical and legal category "certainty of law" could be considered as a particular scientific term of the philosophical category of "certainty". The substance of the theoretical and legal category "certainty of law" was isolated from all the elements characterizing the phenomena external to the law.

Key words: certainty, certainty of law, legal certainty, certainty of the legal regulation, certainty of the legislation, category of philosophy, private-scientific category, quality, property, attribute.

Обращаясь к теоретико-правовым работам последних лет, можно с уверенностью заключить, что исследование связанных с определённостью права вопросов является настоящим трендом в современной отечественной теоретико-правовой науке. Отметим, что ранее научная разработка данной проблематики осуществлялась преимущественно трудами западных правоведов, в частности Г. Кельзена и Б. Леони. Однако в настоящее время в дело теоретической разработки указанной проблемной области активно включились и отечественные авторы, опубликовавшие немало научных монографий и статей по связанным с определённостью права вопросам (отметим, например,

работы Н.А. Власенко, А.В. Дёмина, С.В. Нарутто, А.А. Рукавишниковой (Плашевской) и др.).

Живое внимание и исследовательский интерес учёных, представляющих различные направления теоретико-правовой мысли и научные школы, направлен, прежде всего, на разрешение широкого спектра вопросов об установлении сущности правовой определённости и правовой неопределённости, определённости и неопределённости в праве, определённости и неопределённости права, определённости и неопределённости закона. Интеллектуальные баталии между отечественными правоведами ведутся не только на фронтах установления сущности приведённых категорий, но и на участках терминологического

противостояния: сам терминологический аппарат соответствующих исследований всё ещё остаётся неразработанным, что порождает вопросы о соотношении приведённых научных категорий, например вопрос о соотношении понятий «определённость права» и «правовая определённость».

В то же время, несмотря на достаточно большое количество появившихся в последнее время публикаций и исследований, проблематика сущности и содержания определённости права представляется всё ещё во многом неразрешённой в рамках современной теоретико-правовой науки. Мы можем констатировать, что в современной теоретико-правовой науке не только не сложилось какого-либо единого мнения относительно содержательного наполнения теоретико-правовой категории «определённость права», но нет даже сложившейся терминологии, которая обычно свидетельствует о высокой степени теоретической разработанности соответствующей области научного знания. Так, понятия «правовая определённость» [1; 2; 3], «юридическая определённость» [4] и «определённость закона» [5] используются различными авторами наравне с понятием «определённость права». Однако, поскольку все выше приведённые и используемые в научных источниках понятия в значительной мере пересекаются по содержанию вплоть до полного смешения и синонимии, — хотя они и обладают в ряде случаев возможностью конкурирующей интерпретации, — считаем, что все эти понятия в равной мере выражают представления различных авторов о содержательном наполнении категории «определённость права».

Если мы максимально обобщим точки зрения различных авторов, касающиеся вопроса о содержании понятия «определённость права» (учитывая содержание всех тождественно понимаемых понятий: «правовая определённость», «определённость закона»), то придём к выводу, что в содержание понятия «определённость права» современными авторами вкладываются в основном следующие наиболее общие значения: 1) определённость права как свойство внешней формы нормативных правовых предписаний, заключающееся в закреплении государственно-властной воли в виде ясно, точно, однозначно, внутренне непротиворечиво и сформулированных доступно для восприятия всеми адресатами государственной правотворческой деятельности общеобязательных нормативных правовых предписаний (тождественно содержанию понятия «формальная определённость права») [6, с. 44; 7, с. 10; 8, с. 91, 92]; 2) определённость права как выражение устойчивости правовых предписаний и стабильности правового регулирования общественных отношений во времени [9, с. 110 - 113];

3) определённость права как требование единообразности толкования права и стабильность правоприменительной практики [3, с. 25; 11, с. 312 - 430]; 4) определённость права как выражение ясности, точности и полноты изложения в решениях правоприменительных органов конкретных субъективных прав и обязанностей сторон правоотношения, спор по поводу осуществления которого был урегулирован актом применения права [4, с. 158]; 5) определённость права как выражение ясности действительных прав и обязанностей для субъектов конкретного правоотношения, возникающей в результате дачи им в рамках осуществления юрисдикционными органами своих властных полномочий разъяснений относительно правового регулирования данной конкретной фактической ситуации [12, с. 590].

Однако, по нашему мнению, из всех этих предлагаемых исследователями вариантов смыслового наполнения понятия «определённость права» (и всех понятий, используемых в тождественном значении) по своему содержанию теоретико-правовая категория «определённость права» пересекается только с понятием «формальная определённость права», выражающим внешнюю сторону существования нормативных правовых предписаний и потому непосредственно относящимся к самому праву как к совокупности устанавливаемых или санкционируемых государством и обеспечиваемых силой государственного принуждения нормативных предписаний, в своей совокупности выражающих целостную модель общественных отношений, характерную для общественной системы, находящейся на некотором этапе её исторического развития. Никакая иная точка зрения из всех выше приведённых не может в действительности относиться к содержательному наполнению понятия «определённость права», поскольку все эти точки зрения характеризуют внешние, находящиеся за пределами права явления, свойства которых поэтому определённость именно права не характеризуют. Даже если мы обратимся к лингвистике и рассмотрим словарные значения понятия «определённость», то обнаружим, что большое число исследователей сходятся на том, что данный термин синонимичен понятиям «ясность», «конкретность», «точность», «чёткость» [13, с. 452; 14, с. 211], т.е. к понятиям, которые относят нас к формальной определённости права.

Однако, несмотря на то что содержание понятия «формальная определённость права» входит в объём понятия «определённость права», считаем логически неправомерной остановку на отождествлении понятий «определённость права» и «формальная определённость», поскольку такое отождествление опирается, прежде всего,

на синонимику русского языка и терминологию обиходной речи. Привнесение же в науку обиходных значений слов не помогает в исследовании действительности, а лишь запутывает его вследствие множественности и вариативности смыслов, которые можно вложить в эти понятия. В свою очередь, поскольку функция научных категорий – выражение всеобщих устойчивых связей и отношений между явлениями и предметами действительности, любая частнонаучная категория, должна представлять собой не продолжение некоторого синонимического ряда обиходного словоупотребления, а детализацию категории более высокого уровня обобщения. Как пишет К.Н. Тяжков, категории конкретных наук есть форма выражения более общих философских категорий, поскольку отношение между философскими категориями и категориями конкретных наук – это отношение между общим и особенным [15, с. 1 - 4]. Относительно частнонаучной теоретико-правовой категории «определённость права» категорией более высокого уровня обобщения является философская категория «определённость». Следовательно, единственно научное употребление теоретико-правовой категории «определённость права» должно быть основано на применении в правоведении философской категории «определённость» и представлять собой её частнонаучное выражение.

Итак, предлагаем прежде всего установить философское и общенаучное содержание категории «определённость», а затем на основании этого знания – общее содержание теоретико-правовой категории «определённость права». Для разрешения первой поставленной задачи следует коснуться методологического вопроса о сущности категорий науки или же вопроса о том, что именно категории науки выражают. Автор находит ответ на этот вопрос в материалистической теории отражения сознанием человека объективно-реального внешнего мира. Согласно указанной теории, само содержание объективной действительности представляет собой вне и независимо от сознания существующую, объективную основу понятий и категорий, которые представляют собой формы идеального (мыслительного) отражения в сознании человека реальных предметов и явлений материального мира. Научные категории, будучи одной из идеальных форм отражения в сознании человека объективной действительности «рассматриваются как теоретические, идеальные выражения реальных отношений вещей» [16, с. 256], которые «абстрагированы от конкретной действительности, от бытия» [16, с. 231]. Соответственно этому философская и общенаучная категория «определённость» не отражает ничего того, чего бы ни было в объективной действительности,

а теоретико-правовая категория «определённость права», исследованию содержания которой посвящено настоящее исследование, не отражает ничего того, чего бы ни было в объективной действительности права – что находилось бы вне этого объективно существующего социального явления.

Такой объективный подход к исследованию содержания философской категории «определённость» в XIX в. продемонстрировал Г.В. Гегель, согласно точке зрения которого, определённость является характеристикой бытия предмета и отражает его ограниченность, устойчивость и конечность, а также существование различий в признаках предметов объективной действительности [17, с. 159]. Этот подход, вместе с тем, есть и основа для позднейшего философского понимания категории «определённость». В немногочисленных работах отечественных авторов, посвященных исследованию определённости, или в работах, где данная проблематика хотя бы некоторым образом затрагивалась, определённость обычно связывается с ограниченностью и обособленностью предметов действительности друг от друга. Так, В.И. Ленин в своей основной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» отмечает, что определённость связана с обособленностью и наличием граней между явлениями действительности [18, с. 139]. Позднейшие отечественные исследователи демонстрируют преемственный подход к разрешению этого вопроса. П.И. Визир характеризует определённость как категорию для обозначения любой формы обособленности объектов от друг от друг [19, с. 26]. Л.М. Гутнер считает, что определённость связана с устойчивостью, необходимостью, дискретностью, т.е. с наличием качественных границ между явлениями, с их пространственной и временной разделённостью [20, с. 70].

Здесь следует отметить, что связь определённости с обособленностью предметов, с их устойчивостью, необходимостью и дискретностью, как и «обозначение» определённостью различий и обособленности друг от друга предметов действительности, отражает лишь сторону взаимосвязей и отношений между предметами, но не раскрывает онтологическую сторону определённости – то внутреннее содержание предмета, которое обуславливает его отличие, отграниченность, устойчивость, необходимость, дискретность и обособленность в отношении с другими предметами действительности. Не стоит вдаваться в глубокие философские размышления, чтобы прийти к следующим выводам. Во-первых, что предмет является определённым лишь по факту своего существования и вне связи с другими предметами действительности, т.е. обладает

определённостью независимо от своих связей и отношений с ними. В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс связывают определенность не с взаимодействием предметов между собой, а с их «действительным», «чувственно-осознаваемым», «скверно-индивидуальным» существованием [21, с. 39]. Во-вторых, что отличие, отграниченность и обособленность предметов действительности друг от друга представляют собой следствие конкретного содержания предмета – его качества, которое во взаимодействии с другими предметами действительности обнаруживает свою неидентичность их конкретному качественному содержанию. Гегелем было установлено, что качество — это «тождественная с бытием определенность», которая неразрывно связана с объектом и выражает его определенность, специфичность, конечность, уникальность и отграниченность данного объекта от всех других вещей [17, с. 145].

В этом ключе небезынтересно было бы обратиться к этимологии самого слова «определённость». Как указывается в этимологических словарях русского языка, глагол «определить» в своём возникновении происходит от исконно русского слова «пределити», в значении положить предел, установить границу предмета [22, с. 282; 23, с. 242; 24, с. 394]. Однако положить предел, установив тем самым границу предмета, невозможно при отвлечении от того, что именно данный предмет в объективной действительности отграничивает ото всех иных предметов окружающего мира, т.е. в отвлечении от объективных качеств данного предмета, в своей совокупности образующих одно неповторимое целостное явление, полного аналога которому в объективной действительности не существует. В свою очередь, отличие, отграниченность и обособленность предметов действительности друг от друга обусловлены различиями в их объективном содержании, т.е. различиями в качестве. В Философском словаре под редакцией И.Т. Фролова написано: «Качественная определённость предметов и явлений есть то, что делает их устойчивыми, что и разграничивает их и создаёт бесконечное разнообразие мира» [25, с. 193, 194]. Человеческое мышление лишь фиксирует эти объективные качественные отличия предметов друг от друга и устанавливает «для себя» их нетождественность, руководствуясь при этом критерием объективного качественного различия предметов между собой. «Качество есть принцип различия и связи вещей», – пишет известный отечественный философ-материалист А.М. Деборин [16, с. 271].

Исходя из этих соображений, мы не можем не соглашаться с выводами современных исследователей, которые рассматривают категории «определённость» и «качество» в неразрывной

связи друг с другом, вплоть до полного отождествления этих понятий. «Качество, – отмечает Б.М. Кедров, – есть граница вещи, позволяющая отделять её от всех вещей другого рода и отождествлять (идентифицировать) её с вещами одного с нею рода» [26, с. 13]. По мнению Х. Лили, «качество является той самой определённой, которая придаёт явлению относительное постоянство и с изменением которой изменяется данное явление... Как внутренняя основная определённость, которая делает вещь тем, что она есть, качество разграничивает вещи друг от друга, придаёт им их самостоятельность, непосредственность» [27, с. 15]. В Философском словаре под редакцией В.И. Шинкарука категория «качество» рассматривается как свойственная вещам специфическая определённость, которая тождественна с их бытием и отличает их от иных вещей в определённой системе связей [28, с. 578]. Авторы Философского словаря характеризуют категорию «качество» как «существенную определённость предмета», в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов [29, с. 186]. Важным моментом качества является выражение в этом понятии тождественной с бытием целостности и тождественности предмета самому себе. В Энциклопедическом словаре содержится следующее определение: «Качеством называется такая определённость каждого предмета, явления или процесса, изменение которой означает коренное изменение этого предмета, явления или процесса» [30, с. 56]. Таким образом, качество выражает нечто неотъемлемое от предмета и онтологически характерное для него; качество лежит в основе его отличия от всех иных вещей, так что изменение качества предмета превращает его в иную вещь, сообщает ему иную определённость [26, с. 13, 14, 19]. Теряя своё качество, предмет перестаёт быть тем, чем он является – преобразуется в иной предмет [31, с. 43]. «Без качества, – указывает А.М. Деборин, – вещь лишена реальности, бытия» [16, с. 271]. Это также верно и в отношении определённости предмета, поскольку без бытия предмета нет и не может быть его определённости; определённость – это черта только реально существующего предмета действительности.

Приведенные точки зрения показывают следующее. Во-первых, в силу обладания качеством предмет веществен. Во-вторых, качество и определённость тождественны: качество характеризуется как «определённость», «внутренняя основная определённость» или «существенная определённость предмета». В-третьих, именно в силу обладания качеством предмет является обособленным, своеобразным и отграниченным от других предметов действительности: качество «раз-

граничивает вещи друг от друга» и составляет «основу отличия» вещи от всех иных вещей, так что «благодаря своему качеству» вещь отличается от другой. Следовательно, об определённости предмета уместно вести речь только в связи с его качеством: категории «качество» и «определённость» предполагают наличие друг друга и связаны между собой в неразрывном единстве: определённость – качественна, качество – определённо (независимо от связей и отношений между различными предметами действительности). Поскольку предмет имеет качество – он определён; поскольку предмет определён – он имеет качество. Качество и определённость онтологически присущи предмету и объективно не существуют в отрыве друг от друга: отсутствие у предмета качества равносильно небытию и неопределённости предмета, и, наоборот, отсутствие у предмета определённости равносильно его бескачественности и небытию. По нашему мнению, качество и определённость находятся в столь тесной связи, что их нельзя абстрагировать друг от друга и искусственно друг от друга обособлять. По этой причине в настоящей работе указанные категории рассматриваются как тождественные и нераздельные, в силу чего в дальнейшем нами не будет делаться различий между этими понятиями.

Теперь необходимо раскрыть объективное содержание этих категорий. В отличие от категории «качество», категории «определённость» в научной и философской литературе, как правило, не уделялось достаточного внимания, поэтому количество определений данного понятия относительно невелико. Так, Гегель писал, что определённость есть не что иное, как признак предмета, который служит помощью для его субъективного познания [17, с. 333]. Однако ссылка на точку зрения одного лишь Гегеля представляется явно не достаточной. Установление нами тождества категорий «качество» и «определённость» позволяет снять затруднение, связанное с отсутствием необходимого количества источников для установления содержания последнего понятия «определённость», путём установления содержания категории «качество». Выше нами был сделан следующий вывод: категория «качество» выражает нечто неотъемлемое и характерное для предмета, что делает его тем, что он есть, придает ему самостоятельное существование и обособляет его от всех других предметов, являясь естественной границей предмета, за пределами которой находятся иное качество, иной предмет. Однако такое абстрактное и предельно общее определение ещё не раскрывает объективного содержания качества и определённости предмета.

Какое же объективное содержание несёт в себе категория «качество»? В научной и фило-

софской литературе не сформировалось единого взгляда на этот счёт. Так, в Большой Советской Энциклопедии качество ассоциируется с устойчивой взаимосвязью образующих предмет элементов: «Качество отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от другого. Именно благодаря качеству каждый объект существует и мыслится как нечто отграниченное от других объектов» [32, с. 551]. Однако такое понимание рассматриваемой категории в большей мере применимо в сфере естественных наук. В науках же гуманитарного цикла анализ тех или иных общественных явлений зачастую не может разложить их на «элементы», либо же подобное разложение может дать об исследуемом предмете весьма поверхностное знание, что особенно явно прослеживается в теоретических дисциплинах.

Следующая точка зрения относительно содержания категории «качество» даётся авторами, которые связывают его со свойствами или признаками предметов. Так, И.Ф. Лукьянов считает, что «каждое свойство есть то или иное качество (основное или неосновное), а каждое качество – то или иное свойство (существенное или несущественное» [30, с. 45]. В Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «качество» отождествляется с наличием у предмета «существенных признаков, особенностей, отличающих один предмет или явление от других» [33, с. 233]. Но что же тогда представляет собой свойство предмета? Под свойством в философии обычно понимают такую категорию, которая характеризует какую-либо сторону предмета, обнаруженную во взаимодействии данного предмета с другими предметами или явлениями [34, с. 77]. Свойство, отмечается в Новой философской энциклопедии, есть любой признак, относительно которого предметы могут быть сходны между собой или отличаться один от другого [35, с. 237]. Как мы помним, качество лежит в основе отличия предмета от всех иных вещей. По нашему мнению, точка зрения, согласно которой качество, свойство и признак представляют собой тождественные понятия, является неприемлемой, поскольку она ведёт к заключению, что у предмета столько же качеств, сколько и свойств или признаков, из чего вытекает невозможность разграничения качественно определённых предметов между собой, поскольку свойства различных предметов могут совпадать, а действительное различие предметов друг с другом обнаруживается лишь в устойчивой взаимосвязи характеризующих эти предметы свойств или признаков.

Далее, один из возможных способов разрешения указанной проблемы, закономерно возникающей при отождествлении качеств и свойств предмета, – это выделение из всей совокупности свойств некоторого «существенного свойства», с которым

ассоциировалась бы качественная определённость предмета. Такую позицию занимает А.И. Уёмов, который определяет качество предмета как его «существенное свойство» [36, с. 39]. Что же представляет собой существенное свойство? Согласно определению, данному в Новой философской энциклопедии, существенным называется такое свойство, утрачивая которое предмет перестаёт быть самим собой и становится чем-то иным [35, с. 237]. В данном определении устанавливается взаимосвязь «существенного свойства» с онтологической устойчивостью предмета и тождественностью предмета самому себе, а также закономерность трансформации предмета в иной предмет – в случае потери им своего существенного свойства, чем последнее сближается с категорией «качество». Однако, на наш взгляд, понятия «существенное свойство» и «качество» также не являются тождественными, поскольку в данном случае также не разрешается проблема разграничения различных предметов действительности между собой: у ряда предметов может наблюдаться не одно, а несколько существенных свойств, при утрате одного из которых предмет перестаёт существовать в своём прежнем качестве, однако каждое из этих существенных свойств может быть присуще в то же время и иному предмету. Действительное различие предметов друг с другом в данном, как и вышеописанном случае, может быть обнаружено лишь в устойчивой взаимосвязи характеризующих эти предметы свойств или признаков.

По указанным причинам многие авторы сходятся на мнении, что качество предмета, как правило, не сводится к отдельным его свойствам, оно связано с предметом как с целым, охватывает его полностью и неотделимо от него [25, с. 193, 194; 37, с. 66; 38, с. 458]. Качество в этом отношении стоит выше, чем свойство и соотносится с ним как целое и часть [39, с. 14]. В указанном ключе А.Е. Коптелов с группой соавторов указывает, что «качество тесно связано со структурностью вещи, т.е. с определённой формой организации составляющих её элементов, свойств, вследствие чего оно есть не просто совокупность последних, а их единство и целостность» [40, с. 7]. Немецкий исследователь Г. Клаус рассматривает качество как «существенную определённость каждого явления, предмета или процесса, выражающуюся в закономерной связи составляющих его частей и присущих ему свойствах» [Цит. по: 41, с. 6]. Оба приведённых определения имеют в большей мере естественно-научное содержание, поскольку в них производится в некотором роде отождествление частей, элементов и свойств предмета, тогда как при исследовании многих общественных явлений более уместно вести речь об их свойствах, а не о частях или элементах. Но, тем не менее, данные определения будут нам полезны в дальнейшем исследовании – именно по той причине, что в

них отмечается сущностное единство частей, элементов и свойств предмета. Как следствие, метод обнаружения свойств предмета соответствует методу обнаружения его частей и элементов, которым является аналитический метод, направленный, по утверждению И. Дворкина, на расчленение изучаемых объектов действительности и познание их отдельных сторон и составных частей [42, с. 8].

В более узком, но уже полностью приемлемом для гуманитарной науки ключе качество определяется как «категория, обозначающая свойства предмета» [43, с. 16]. В Кратком словаре по философии под редакцией И.В. Блауберга качество определяется как «ещё структурно не расчленённая совокупность признаков, свойств предмета» [44, с. 134]. У.А. Казакова отмечает, что качество выражает органичное единство свойств и характеристик, определяющих самость или бытийность вещи, благодаря которой он является именно тем, а не иным [45, с. 135]. Однако если использовать в целях разграничения предметов между собой всю совокупность их признаков, то отграниченными друг от друга окажутся даже предметы, обладающие общими родовыми признаками, но отличающиеся друг от друга по второстепенным свойствам. По нашему мнению, такое жесткое обособление предметов друг от друга является необходимым на эмпирическом уровне научного познания, однако оно совершенно неприемлемо в рамках теоретической науки, основанной на высоком уровне теоретических обобщений, заключающих в себе одновременно моменты общности, особенности и единичности.

Разграничение предметов по их наиболее важным и существенным признакам даёт возможность выйти на более глубокие уровни научного обобщения эмпирических данных, и чем более существенные признаки предметов используются в рамках теоретического исследования, тем более глубок уровень теоретического обобщения. По этой причине мы соглашаемся с теми исследователями, которые ассоциируют качество предмета с совокупностью его наиболее существенных признаков, утрачивая которые, предмет перестаёт быть самим собой, утрачивает своё бытие и становится иным предметом. Так, З.Н. Крапивенский с соавторами определяет качество как «категорию, однозначно характеризующую сам объект (предмет, явление), слитую с ним определённость, общность и целостность всех его существенных свойств, которые придают ему относительную стабильность» [46, с. 26]. «Качество, – указывает Т. В. Тюрнева, – категория, выражающая совокупность существенных признаков, особенностей и свойств, которые отличают один предмет или явление от других и придают ему определённость» [36, с. 66]. «Качество, – пишет А. Ф. Назаренко, – это внутренняя, существенная определённость предметов, представляющая собой единство его важнейших

(существенных) свойств и выражающая его основные отличия от всех других предметов и явлений. В качестве, таким образом, воплощена неразрывная связь всех основных свойств предмета» [47, с. 305]. В Философском энциклопедическом словаре также говорится, что качество – это характеристика объектов, обнаруживающаяся в совокупности их существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определённую [48, с. 252].

Отталкиваясь от рассмотренных нами выводов философии, согласно которым качество предмета представляет собой совокупное единство всех его существенных признаков и свойств, а также совершая методологический переход от абстрактного к конкретному и от общего к частному, мы заключаем, что теоретико-правовая категория «определённость права», являющаяся частно-научным выражением философской категории «определённость», представляет собой выражение совокупного единства всех существенных признаков и свойств права, обуславливающих своеобразие данного социального явления и отграничивающих право от всех иных явлений социальной действительности. В данном ключе наибольший интерес представляет для нас точка зрения В.Н. Корнева, который, опираясь на выработанное Гегелем положение о тождестве определённости и качества предмета, абсолютно правомерно отождествляет определённую и качества права, лежащие в основе бытия этого социального явления [49, с. 23]. Таким образом, содержание теоретико-правовой категории «определённость права» должно охватывать все наиболее существенные свойства и признаки права и быть освобождено от всех элементов, характеризующих внешне относительно права явления социальной действительности.

Список литературы:

- [1] Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определённость» в современной юридической науке // Вестник Томского гос. ун-та. Право. - 2014. - № 3 (13). - С. 70 - 83.
- [2] Власенко Н.А. Разумность и определённость в правовом регулировании. - М.: ИНФРА-М, 2014. - 157 с.
- [3] Дёмин А.В. Неопределённость в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2014. - 48 с.
- [4] Рожков Д.Г. Понятие разумного срока в уголовном процессе // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». - 2012. - № 4 (33). - С. 157-159.
- [5] Кукушкин О.В., Каргин Ю.И., Котляров С.Б., Чичеров Е.А. Правосудие в системе применения права // Инновационный подход в решении проблем современности: теория, методология, практика / под ред. Г.Ю. Гуляева. - Пенза, 2016. - С. 53 - 63.
- [6] Ветютнев Ю.Ю. Эвристический потенциал герменевтики в исследовании права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. - СПб.: Алетейя, 2016. - 440 с.
- [7] Нарутто С.В. К вопросу о правовой определенности законодательства // Актуальные проблемы рос. права. - 2015. - № 11 (60). - С. 9 - 18.
- [8] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М.: «Статут», 2016. - 349 с.
- [9] Леони Б. Свобода и закон / пер с англ.: В. Кошкина; под ред. А. Куряева. - М: ИРИСЭН., 2008. - 308 с.
- [10] Дёмин А.В. Неопределённость в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2014. - 48 с.
- [11] Кельзен Ханс. Чистое учение о праве / пер. с нем.: М.В. Антонова и С.В. Лёзова. - СПб.: ООО ИД «Алеф-Пресс», 2015. - 542 с.
- [12] Александров А.С., Александрова И.А., Терехин В.В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. - СПб.: Алетейя, 2016. - 688 с.
- [13] Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ; Астрель, 2011. - 687 с.
- [14] Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А.С. Гавриловой. - М.: Аделант, 2014. - 512 с.
- [15] Тяжков К.Н. Категория «сущность» и её значение в познании общественных явлений. - Л. [б. и.], 1968. - 36 с.
- [16] Деборин А.М. Диалектика в немецкой классической философии. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 304 с.
- [17] Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика // Гегель Г.В. Собр. соч.: в XIV т. - М., Л., 1929. - Т. I. - 368 с.
- [18] Ленин В.И. Собр. соч.: в 55 т. - М.: Изд-во полит. лит., 1976. - Т. 18. - 525 с.
- [19] Визир П.И. Определённость и неопределённость как категории материалистической диалектики: автореф. дис. - Кишинев, 1972. - 26 с.
- [20] Павлов К.В. Неопределённость в социально-экономической сфере // Социальная сфера. - 2011. - № 29 (122). - С. 67 - 75.
- [21] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 29 т. - М., Л.: Гос. изд-во, 1929. - Т. 3. - 708 с.
- [22] Федорова Т.Л., Щеглова О.А. Этимологический словарь русского языка. - М.: «Дад-Ком», 2012. - 608 с.

[23] Этимологический словарь современного русского языка / под ред. М.Н. Свиридовой. - М.: «Аделант», 2014. - 512 с.

[24] Климова М.В. Большой этимологический словарь русского языка. - М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012. - 960 с.

[25] Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. - М.: Политиздат, 1987. - 591 с.

[26] Кедров Б.М. О количественных и качественных изменениях в природе. - М.: Госполитиздат, 1946. - 287 с.

[27] Лили Х. Контроль — гарантия качества. - М.: Изд-во стандартов, 1969. - 272 с.

[28] Філософський словник / за ред. В. І. Шинкарука. - Киев: Головна ред. УРЕ, 1973. - 600 с.

[29] Краткий философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. - М.: Госполитиздат, 1951. - 614 с.

[30] Энциклопедический словарь / под ред. Б.А. Введенского. - М.: Гос. науч. изд-во «БСЭ», 1954. - Т. 2. - 722 с.

[31] Лукьянов И. Ф. Сущность категории «свойство». - М.: Мысль, 1982. - 143 с.

[32] Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. - М.: Сов. энциклопедия, 1973. - Т. 11. - 608 с.

[33] Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М.: Рус. язык, 1987. - 797 с.

[34] Морозов В.В., Морозов В.Д. Диалектика: системы и развитие. - Мн.: Вышэйшая школа, 1978. - 223 с.

[35] Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: предисл. В.С. Стёпин, зам. председат.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. - М.: Мысль, 2001. - Т. 2. - 635 с.

[36] Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 39. - 184 с.

[37] Тюрнева Т.В. К проблеме выделения времени культуры в контексте европейского образовательного пространства в эпоху постмодерна // Вестник ИГЛУ. - 2011. - С. 60 - 68.

[38] Новая Российская Энциклопедия: в 12 т. / гл. ред. А.Д. Некипелов. - М.: Энциклопедия, Инфра-М, 2010. - Т. 7. - 479 с.

[39] Стремоухов А.В. Философско-правовые характеристики основных прав человека // Ленинградский юрид. журнал. - 2016. - С. 11 - 19.

[40] Коптелов А.Е., Пугин В.Б., Шилова Е.Г. Философия качества. - Архангельск: САФУ, 2016. - 155 с.

[41] Субетто А.И. Очерки теории качества (авторская ретроспекция). - М.: КГУ им. А.Н. Некрасова; Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. - 108 с.

[42] Дворкин И. Метод тов. Бухарина / под ред. Б. Боролина. - М.: ГОСИЗДАТ РСФСР «Московский рабочий», 1930. - 88 с.

[43] Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: в 58 т. / под ред. Ю.С. Гамбарова. - М.: Изд. РБИ Гранат, 1913. - Т. 24. - 642 с.

[44] Краткий словарь по философии / под общ. ред. И.В. Блуабера, П.В. Копнина, И.К. Пантина. - М.: Политиздат, 1970. - 398 с.

[45] Казакова У.А. «Качество жизни» как аксиологическая категория // Учёные записки Казанского гос. ун-та. - 2007. Т. 149, кн. 5. - С. 135 - 138.

[46] Крапивенский З.Н., Кураченко Ю.П., Шпектров Д.М. Оценка качества продукции (Из опыта машиностроительных предприятий Латв. ССР). - М.: Изд-во стандартов, 1968. - 120 с.

[47] Назаренко А. Ф. Универсальные связи бытия // Философия: учеб. для юрид. вузов / под ред. В. П. Сальникова и др., 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: СПбУ МВД России, 1999. - 430 с.

[48] Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - 840 с.

[49] Корнев В.Н. Диалектика неопределённости и определённости права // Государство и право. - 2018. - № 11. - С. 21 - 27.

Spisok literatury:

[1] Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A. Genezis kategorii «pravovaya opredelyonnost'» v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Pravo. - 2014. - № 3 (13). - S. 70 - 83.

[2] Vlasenko N.A. Razumnost' i opredelyonnost' v pravovom regulirovanii. - M.: INFRA-M, 2014. - 157 s.

[3] Dyomin A.V. Neopredelyonnost' v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. - Ekaterinburg, 2014. - 48 s.

[4] Rozhkov D.G. Ponyatie razumnogo sroka v ugovnom processe // Vestnik Omskogo un-ta. Ser. «Pravo». - 2012. - № 4 (33). - S. 157-159.

[5] Kukushkin O.V., Kargin Yu.I., Kotlyarov S.B., Chicherov E.A. Pravosudie v sisteme primeneniya prava // Innovacionnyj podhod v reshenii problem sovremennosti: teoriya, metodologiya, praktika / pod red. G.Yu. Gulyaeva. - Penza, 2016. - S. 53 - 63.

[6] Vetyutnev Yu.Yu. Evristicheskij potencial germenetiki v issledovanii prava // Yuridicheskaya germenetika v XXI veke: monografiya / pod obshch. red. E.N. Tonkova, Yu.Yu. Vetyutneva. - SPb.: Aleteiya, 2016. - 440 s.

[7] Narutto S.V. K voprosu o pravovoj opredelennosti zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy ross. prava. - 2015. - № 11 (60). - S. 9 - 18.

- [8] Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. - M.: «Statut». 2016. – 349 s.
- [9] Leoni B. Svoboda i zakon / per s angl.: V. Koshkina; pod red. A. Kuryaeva. - M.: IRISEN., 2008. – 308 s.
- [10] Dyomin A.V. Neopredelyonnost' v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. - Ekaterinburg, 2014. – 48 s.
- [11] Kel'zen Gans. Chistoe uchenie o prave / per. s nem.: M.V. Antonova i S.V. Lyozova. - SPb.: OOO ID «Alef-Press», 2015. – 542 s.
- [12] Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Terekhin V.V. Shest' kriticheskikh esse o prave i pravosudii // Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya / pod red. I.L. Chestnova. - SPb.: Aletejya, 2016. – 688 s.
- [13] Slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod obshch. red. L.G. Babenko. - M.: AST; Astrel', 2011. – 687 s.
- [14] Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka / pod red. A.S. Gavrilojov. - M.: Adelant, 2014. – 512 s.
- [15] Tyazhkov K.N. Kategoriya «sushchnost'» i eyo znachenie v poznanii obshchestvennyh yavlenij. - L. [b. i.], 1968. – 36 s.
- [16] Deborin A.M. Dialektika v nemeckoj klassicheskoj filosofii. - M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 304 s.
- [17] Hegel' G.V. Enciklopediya filosofskih nauk. Ch. I. Logika // Hegel' G.V. Sobr. soch.: v XIV t. - M., L., 1929. – T. I. - 368 s.
- [18] Lenin V.I. Sobr. soch.: v 55 t. - M.: Izd-vo polit. lit., 1976. – T. 18. - 525 s.
- [19] Vizir P.I. Opredelyonnost' i neopredelyonnost' kak kategorii materialisticheskoy dialektiki: avtoref. dis. - Kishinev, 1972. – 26 s.
- [20] Pavlov K.V. Neopredelyonnost' v social'no-ekonomicheskoy sfere // Social'naya sfera. - 2011. - № 29 (122). - S. 67 - 75.
- [21] Marks K., Engel's F. Sobr. soch.: v 29 t. - M., L.: Gos. izd-vo, 1929. – T. 3. - 708 s.
- [22] Fedorova T.L., Shcheglova O.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. - M.: «Dad-Kom», 2012. – 608 s.
- [23] Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka / pod red. M.N. Sviridovoj. - M.: «Adelant», 2014. – 512 s.
- [24] Klimova M.V. Bol'shoj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. - M.: OOO «Dom Slavyanskoj knigi», 2012. – 960 s.
- [25] Filosofskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. - M.: Politizdat, 1987. – 591 s.
- [26] Kedrov B.M. O kolichestvennyh i kachestvennyh izmeneniyah v prirode. - M.: Gospolitizdat, 1946. – 287 s.
- [27] Lili H. Kontrol' — garantiya kachestva. - M.: Izd-vo standartov, 1969. – 272 s.
- [28] Filosofskij slovar' / za red. V. I. Shinkaruka. - Kiev: Golovna red. URE, 1973. – 600 s.
- [29] Kratkij filosofskij slovar' / pod red. M.M. Rozental'ya, P.F. Yudina. - M.: Gospolitizdat, 1951. – 614 s.
- [30] Enciklopedicheskij slovar' / pod red. B.A. Vvedenskogo. - M.: Gos. nauch. izd-vo «BSE», 1954. – T. 2. - 722 s.
- [31] Luk'yanov I. F. Sushchnost' kategorii «svoystvo». - M.: Mysl', 1982. – 143 s.
- [32] Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya: v 30 t. / pod red. A.M. Prohorova. - M.: Sov. enciklopediya, 1973. – T. 11. - 608 s.
- [33] Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. - M.: Rus. yazyk, 1987. – 797 s.
- [34] Morozov V.V., Morozov V.D. Dialektika: sistemy i razvitie. - Mn.: Vyshejschaya shkola, 1978. – 223 s.
- [35] Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. / nauch.-red. sovet: predisl. V.S. Styopin, zam. predsedat.: A.A. Gusejnov, G.Yu. Semigin. - M.: Mysl', 2001. – T. 2. - 635 s.
- [36] Uemov A. I. Veshchi, svoystva i otnosheniya. - M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. — S. 39. - 184 s.
- [37] Tyurneva T.V. K probleme vydeleniya vremeni kul'tury v kontekste evropejskogo obrazovatel'nogo prostranstva v epohu postmoderna // Vestnik IGLU. - 2011. - S. 60 - 68.
- [38] Novaya Rossijskaya Enciklopediya: v 12 t. / gl. red. A.D. Nekipelov. - M.: Enciklopediya, Infra-M, 2010. – T. 7. - 479 s.
- [39] Stremouhov A.V. Filosofsko-pravovye harakteristiki osnovnyh prav cheloveka // Leningradskij yurid. zhurnal. - 2016. - S. 11 - 19.
- [40] Koptelov A.E., Pugin V.B., Shilova E.G. Filosofiya kachestva. - Arhangel'sk: SAFU, 2016. – 155 s.
- [41] Subetto A.I. Ocherki teorii kachestva (avtorskaya retrospekciya). - M.: KGU im. A.N. Nekrasova; Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2002. – 108 s.
- [42] Dvorkin I. Metod tov. Buharina / pod red. B. Borolina. - M.: GOSIZDAT RSFSR «Moskovskij rabochij», 1930. – 88 s.
- [43] Enciklopedicheskij slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat: v 58 t. / pod red. Yu.S. Gambarova. - M.: Izd. RBI Granat, 1913. – T. 24. - 642 s.
- [44] Kratkij slovar' po filosofii / pod obshch. red. I.V. Bluaberga, P.V. Kopnina, I.K. Pantina. - M.: Politizdat, 1970. – 398 s.
- [45] Kazakova U.A. «Kachestvo zhizni» kak aksiologicheskaya kategoriya // Uchyonye zapiski

Kazanskogo gos. un-ta. – 2007. T. 149, kn. 5. - S. 135 - 138.

[46] Krapivenskij Z.N., Kurachenko Yu.P., Shpektrov D.M. Ocenka kachestva produkcii (Iz opyta mashinostroitel'nyh predpriyatij Latv. SSR). – M.: Izd-vo standartov, 1968. – 120 s.

[47] Nazarenko A. F. Universal'nye svyazi bytiya // Filosofiya: ucheb. dlya yurid. vuzov / pod red. V. P.

Sal'nikova i dr., 2-e izd., ispr. i dop. – SPb.: SPbU MVD Rossii, 1999. – 430 s.

[48] Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. L.F. Il'ichyov, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalyov, V.G. Panov. - M.: Sov. enciklopediya, 1983. – 840 s.

[49] Kornev V.N. Dialektika neopredelyonnosti i opredelyonnosti prava // Gosudarstvo i pravo. – 2018. - № 11. - S. 21 - 27.

ШАРУЕВА Наталья Вячеславовна,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
e-mail: nshasamara@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Автором рассмотрены основные подходы к изучению феномена правовой культуры: социологический, антропологический (деятельностный), аксиологический. Обоснован вывод автора о том, что анализ тех или иных существенных характеристик правовой культуры как объекта исследования во многом определяется тем подходом, критериями её оценки, понимания и назначения, которые положены учеными в основу исследования сложного многоуровневого феномена.

Ключевые слова: правовая культура, методологические подходы, ценностные основания, юридическая деятельность.

SHARUEVA Natalya Vyacheslavovna,
applicant for a degree of the theory and history department
of the Kazan (Volga region) Federal University

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL CULTURE

Annotation. The author considers the main approaches to the study of the phenomenon of legal culture: sociological, anthropological (activity), axiological. The author concludes that the analysis of certain essential characteristics of legal culture as an object of research is largely determined by the approach, criteria of its evaluation, understanding and purpose, which are the basis for the study of complex multi-level phenomenon.

Key words: legal culture, methodological approaches, value bases, legal activity.

Анализ обширной отечественной и зарубежной литературы позволяет утверждать, что феномен правовой культуры исследован учеными достаточно широко, что свидетельствует о продолжающемся внимании исследователей к самым различным аспектам понимания данного феномена. Вместе с тем, среди ученых отсутствуют единые универсальные подходы к обоснованию существенных свойств и элементного состава этого сложного социокультурного и правового феномена. Анализ тех или иных существенных характеристик правовой культуры как объекта исследования во многом определяется тем подходом, критериями её оценки, понимания и назначения, которые положены учеными в основу исследования сложного многоуровневого феномена.

Методологическое значение категории «культура», по мнению Е.М. Павленко, заключается в том, что она, «во-первых, отражает всеобщее в явлениях культуры во всех её разновидностях и служит отправной точкой в движении научной мысли от абстрактного к конкретному; во-вторых, представляет собой ориентир в анализе эмпирического материала от теории наиболее философского уровня обобщений к теории культуры прав человека и правовой культуры, что

позволяет исследователю выявить специфику объектов жизнедеятельности общества именно в правовой сфере; в-третьих, указывает на важнейшие направления развития культуры прав человека и правовой культуры» [11, с. 18, 19].

В 1970-х годах советским историком и культурологом Л. Е. Кертманом впервые были предложены три основных подхода к изучению феномена культуры [10: с. 3]: 1) антропологический подход, в рамках которого культура рассматривается как совокупность благ, созданных человеком, в отличие от созданных природой; 2) социологический подход, согласно которому культура представляет собой компонент общественной жизни и выражена в совокупности духовных ценностей, накопленных человечеством (в свою очередь, данный подход подразделяется на ценностный и деятельностный); 3) философский подход, в рамках которого культура изучается как явление, не имеющее связи с общественным развитием.

Основываясь на указанных подходах к изучению культуры, отечественные ученые-правоведы применяли их в качестве основы изучения права, а также исследования феномена правовой культуры. Так, В.Н. Карташов и М.Г. Баумова значительно расширяют перечень подходов к изучению правовой культуры, обосновывая лингвисти-

ческий, психологический (психоаналитический), исторический, аксиологический, деятельностный, семиотический, культурологический и др. [9]. Подробный анализ основных методологических подходов к изучению понятия правовой культуры представлен в монографическом исследовании Л.А. Петручак «Правовая культура как детерминанта современного российского общества» (2012) [14, с. 11 - 29], в котором автором выявлены особенности исследования правовой культуры в рамках антропологического (деятельностного), социологического, философского, аксиологического, культурологического подходов. Безусловно, каждый из предложенных учеными подходов помогает выявить определенные характерные черты сложного феномена «правовая культура», подчеркивает различные грани данного явления.

На наш взгляд, правовую культуру можно определить как условие и среду социальных изменений, где праву, именно праву, принадлежит роль социального детерминанта, но не в целом общественного развития, а воспроизводства правовой жизни и обеспечения деятельности государства. При этом отметим, что сама культурная среда общества, социальной группы, индивида различается качественно по формам и уровням. Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что большая часть авторов исследуют феномен правовой культуры с позиции трех методологических подходов: социологического, антропологического (деятельностного) и аксиологического (ценностного). Обозначенные подходы, как представляется, наиболее полно раскрывают основное содержание феномена правовой культуры.

Сторонником социологического подхода к изучению правовой культуры А.П. Семитко правовая культура понимается как «синоним государственно-правовой системы, правовой сферы жизни общества», «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [17, с. 5]. В рамках данного подхода О.И. Цыбулевской и Т.В. Милушевой предлагается рассматривать правовую культуру «как своего рода матрицу, в рамках которой протекает социально значимая человеческая и общественная жизнь, выражающаяся в типах и формах организации деятельности общества и индивида, в создаваемых ими материальных и духовных ценностях», при этом, зона покрытия правовой куль-

туры выходит за рамки правовой сферы и «с точки зрения системного подхода, тесно связана с нравственной, политической культурой» [21, с. 9], с чем сложно не согласиться.

Обосновывая социокультурный подход к изучению права, среди ученых выработана позиция, что право как феномен культуры представляет собой древнейший механизм саморегуляции, культурно-нормативную ценность, на которую возлагается задача упорядочения, гармонизации общественных отношений [4, с. 11, 12; 12, с. 30, 31; 15, с. 40, 41]. Учеными отмечается неразрывная связь правовой культуры с государством. Так, например, Ф.Х. Галиев утверждает, что «понятия – государство и правовая культура так же взаимосвязаны, как и государство и его территория, люди и природа, право и закон и т.д.» [5, с. 28]. Он подчеркивает высокую роль правовой культуры в решении «собственных проблем» отдельных индивидов «с помощью именно правовых норм и в пределах того правового пространства, которое им обеспечивается государством», что способствует, в свою очередь, «формированию соответствующего статуса государства как правового» [6, с. 83]. О.Ю. Рыбаков указывает, что правовая культура, ее содержание соединяют в единую ценностную нить общий процесс развития современного общества и государства, продуцируют позитивные преобразования современных правовых систем [15, с. 40, 41], чью точку зрения мы склонны разделить.

В рамках настоящего исследования определенный интерес представляет антропологический (или деятельностный) подход к изучению правовой культуры, сущность которого сводится учеными к пониманию культуры через достижения человечества, накопленные за всю историю развития общества, совокупность всех благ, созданных человеком в различных сферах своей жизнедеятельности (профессиональной деятельности, творческой активности и т.д.). В рамках данного подхода «правовая культура представляется как правовая реальность, включающая нормы, правовые ценности, правовые ситуации и их реализацию в правовом порядке», иными словами, правовая культура представляет собой «все то, что создано человечеством в сфере права» [14, с. 11]. На наш взгляд, приведенные формулировки являются недостаточно полными. Культура не может быть выражена только через результат творческой (или любой иной) деятельности человека. Культура включает в себя и результат развития самого субъекта этой деятельности, т.е. человека-индивида.

Роль социального механизма по воспроизводству и передаче норм правового поведения отводит правовой культуре и В.Н. Синюков, кото-

рый справедливо полагает, что «часть этого механизма находится вообще вне культуры и определяется рядом психофизиологических закономерностей, которые наследуются» [18, с. 13]. Наследуемые признаки, по мнению ученого, «есть результат действия сложного механизма отбора характеристик поведения, в котором культурный опыт вполне способен фиксироваться на генетическом уровне», в то время как «генетическая сфера правового поведения испытывает влияние материально-вещественных условий существования людей и социальных факторов» [18, с. 14]. Данный подход, безусловно, заслуживает внимания и разделяется другими исследователями.

О.Н. Братусева предлагает дифференцировать правовую культуру на духовную и материальную, при этом, как утверждает она, «правовая культура гармонична только при условии, когда ее материальная составляющая выступает выразителем и носителем адекватных определенному типу духовной правовой культуры психологических и идеологических черт, определяемых правовым менталитетом» [3, с. 9, 10]. Выделяя в правовой культуре общества духовную и материальную составляющие, учеными обосновано предлагается акцентировать внимание на развитии духовного [13, с. 329] и нравственного аспектов [20, с. 16, 17] правовой культуры как естественных предпосылок развития культуры материальной. На наш взгляд, именно духовная составляющая правовой культуры способствует формированию правового сознания субъектов права, воспроизводству, сохранению, приумножению духовных ценностей и их последующей передаче от одного поколения к последующим.

Подчеркивая важную роль правовой культуры в процессе развития гражданского общества, Е.Ф. Усманова также определяет правовую культуру через уровень развития правосознания и законности, совершенство права и юридической техники, как один из способов описания относительно стабильных моделей социального поведения и влияния законодательства на общество [19, с. 47]. Рассматривая феномен правовой культуры с позиции деятельностного подхода, следует констатировать, что освоения правовой реальности, посредством деятельности человека в сфере права и опосредованную правом, правовая культура выражает собой совокупность накопленных человечеством представлений о должном, идеальном образе права, правовых феноменах, что обеспечивает оптимальные перспективы пути ее развития, возможности воздействия на правовую систему. Вместе с тем, правовая культура вбирает в себя лишь ту часть опыта развития человечества в сфере права, которая способна положительно генерировать правовую жизнь общества, в

связи с чем особую значимость приобретает аксиологический подход к исследованию феномена правовой культуры.

Аксиологический (или ценностный) подход предполагает определение правовой культуры через совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных человеком за всю историю своего существования. Согласно данному подходу, учеными определяется роль культуры как наивысшей ценности общественной жизни. Раскрывая содержание данного подхода, Е.В. Аграновская относит к понятию культуры не только «комплекс ценностей, направляющих и координирующих поведение людей, в том числе образцы и эталоны человеческого поведения», но и «совокупность институтов, посредством которых эти ценности сохраняются и распространяются, включая систему, осуществляющую контроль над ценностями, их отбор, распространение, внедрение в общественное сознание» [1, с. 12, 13]. В рамках данного подхода заслуживает внимания точка зрения О.Ю. Рыбакова о том, что правовая культура нестатична, находясь в постоянной динамике, она обеспечивает преемственность лучших образов человеческой мысли и результатов деятельности в правовой сфере [16, с. 14, 15]. По его мнению, политика правового государства, имея ценностное измерение, «с одной стороны, устанавливает определенные критерии развития правовой культуры, а с другой стороны, сами ценности правовой культуры оказывают свое влияние, являются параметрами дальнейшего движения общества по пути правового прогресса» [16, с. 16, 17]. Подобного представления придерживается И.А. Иванников, рассматривая правовую культуру через «выражение государственного опыта конкретных социальных общностей и индивидов в материальных и духовных продуктах жизнедеятельности, в навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение» [8, с. 13].

Рассматривая правовую культуру как совокупность всех ценностей, созданных человеком в сфере права, Э.И. Атагимова полагает, что «правовая культура характеризует уровень правосознания граждан и должностных лиц, совершенства законодательства, законности и правопорядка, работы правоприменительных, в т.ч. правоохранительных, органов, развития юридической техники, а также правотворческой и правореализационной культур как всего общества и отдельных его социальных групп, так и личности в отдельности» [2, с. 77, 78], с чем сложно не согласиться. По существу, правовая культура представлена в виде совокупности всех позитивных компонентов правовой деятельности человечества, способствующих переходу богатства позитивного социокульту-

турного опыта человеческой истории во внутреннее богатство индивида, социума. Правовая культура есть своего рода социальный регулятор, координирующий поведение общества (социальных групп, индивидов), основой которого является степень освоения субъектами права правовыми ценностями.

Выполняя функцию обеспечения преемственности правовых ценностей, традиций, идей, взглядов и убеждений, правовая культура результативно аккумулирует накопленный правовой опыт, вбирающий в себя достижения в области права, представлений о его сущности и назначении, представляющий своего рода культурно-исторический правовой код, позволяющий развиваться, в том числе, юридической науке, которая без оценок прошлого не может обоснованно выстроить будущего в области права. На наш взгляд, правовая культура немыслима вне правовых и нравственных ценностей, идей, убеждений, влияет своим содержанием, направленностью на характер функционирования права в его самых различных широко понимаемых воплощениях. Она динамична, изменяема в определенной части, но стабильна в своей основе, так как базируется на универсальных основаниях права, свойственного различным правовым семьям и системам. Именно правовая культура отражает воспроизводство и преемственность устойчивых правовых форм реализации права, юридической деятельности в целом.

Множественность подходов к объяснению структурно-содержательных характеристик правовой культуры объясняется: во-первых, использованием различных методологических инструментов в оценке данного феномена; во-вторых, различием мировоззренческих позиций ученых в части осмысления явлений правовой жизни, понятий «право» и «культура», в едином антологическом и аксиологическом векторе, определяющем значение правовой культуры в жизни современного общества как минимум на трех уровнях: персонализированном (на уровне отдельных индивидов), уровне социальной группы и общесоциальном.

Список литературы:

- [1] Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. – М.: Наука, 1988. – 145 с.
- [2] Атагимова Э.И. Правовая культура общества как основа правового государства // Вестник МГЭИ. – 2017. – № 3. – С. 77 – 82.
- [3] Братусева О.Н. Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 24 с.
- [4] Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование) / Бурьянов С.А., Кривенький А.И., Пашенцев Д.А., Романова Г.В.: монография. – М., 2018. – 200 с.
- [5] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2014. – 55 с.
- [6] Галиев Ф.Х. Правовая культура и проблема статуса государства / В сб.: Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: в 2 ч. – 2018. – С. 79 – 88.
- [7] Гусейнов А. И.-о Право как феномен культуры: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2007. – 48 с.
- [8] Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 11–17.
- [9] Карташов В. Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 200 с.
- [10] Кертман Л.Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеологических концепций // Новая и новейшая история. – 1973. – № 3.
- [11] Павленко Е.М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации. – М.: Права человека, 2016. – 216 с.
- [12] Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 29 – 32.
- [13] Петров А.В., Котрикова Т.Ю. Профессиональная правовая культура в системе правовой культуры общества // Вестник НУ им Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-1. – С. 326 – 331.
- [14] Петручак Л.А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества: монография / Л.А. Петручак. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – 400 с.
- [15] Рыбаков О.Ю. Личность и государство: основные подходы к концепции социального партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. № 5. С. 39-43.
- [16] Рыбаков О.Ю. Ценностные измерения российской правовой политики // Вестник СГЮА. – 2012. – № 5. – С. 11 – 17.
- [17] Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 1996. – 36 с.
- [18] Синюков В.Н. Юридическое образование и правовая культура // Правовая культура. – 2009. – № 1. – С. 13 – 30.
- [19] Усманова Е.Ф. Роль правовой культуры в процессе развития гражданского общества //

Общество: политика, экономика, право. - 2018. - № 7. - С. 47 - 50.

[20] Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. - 2006. - Т. 1. - № 1. - С. 15 - 30.

[21] Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Ценности правовой культуры и российская государственность // Правовая культура. - 2016. - № 4 (27). - С. 8 - 16.

Spisok literatury:

[1] Agranovskaya E.V. Pravovaya kul'tura i obespechenie prav lichnosti. - M.: Nauka, 1988. - 145 s.

[2] Atagimova E.I. Pravovaya kul'tura obshchestva kak osnova pravovogo gosudarstva // Vestnik MGEI. - 2017. - № 3. - С. 77 - 82.

[3] Bratuseva O.N. Pravovye kul'tury v usloviyah globalizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. - M., 2009. - 24 s.

[4] Voprosy globalizatsii kul'tury i zashchity kul'turnykh prav cheloveka i grazhdanina (mezhdisciplinarnoe issledovanie) / Bur'yanov S.A., Kriven'kij A.I., Pashencev D.A., Romanova G.V.: monografiya. - M., 2018. - 200 s.

[5] Galiev F.H. Sinkretizm pravovoj kul'tury sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. - M., 2014. - 55 s.

[6] Galiev F.H. Pravovaya kul'tura i problema statusa gosudarstva / V sb.: Problemy statusa sovremennoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt: v 2 ch. - 2018. - С. 79 - 88.

[7] Gusejnov A. I.-o Pravo kak fenomen kul'tury: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. - M., 2007. - 48 s.

[8] Ivannikov I.A. Konceptiya pravovoj kul'tury // Pravovedenie. - 1998. - № 3 (222). - С. 11-17.

[9] Kartashov V. N. Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktury, funktsii: monografiya / V.N. Kartashov, M.G. Baumova - Yaroslavl': YarGU, 2008. - 200 s.

[10] Kertman L.E. K metodologii izucheniya kul'tury i kritike ee ideologicheskikh koncepcij // Novaya i novejschaya istoriya. - 1973. - № 3.

[11] Pavlenko E.M. Obrazovanie v oblasti prav cheloveka kak osnova formirovaniya pravovoj kul'tury i kul'tury prav cheloveka v Rossijskoj Federacii. - M.: Prava cheloveka, 2016. - 216 s.

[12] Pashencev D.A. Rossijskaya pravovaya tradiciya pered vyzovom globalizatsii // Yuridicheskaya nauka. - 2016. - № 1. - С. 29 - 32.

[13] Petrov A.V., Kotrikova T.Yu. Professional'naya pravovaya kul'tura v sisteme pravovoj kul'tury obshchestva // Vestnik NU im N.I. Lobachevskogo. - 2013. - № 3-1. - С. 326 - 331.

[14] Petruchak L.A. Pravovaya kul'tura kak determinanta sovremennogo rossijskogo obshchestva: monografiya / L.A. Petruchak. - M.: ID «Yurisprudentsiya», 2012. - 400 s.

[15] Rybakov O.Yu. Lichnost' i gosudarstvo: osnovnye podhody k koncepcii social'nogo partnerstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. - 2004. № 5. С. 39-43.

[16] Rybakov O.Yu. Cennostnye izmereniya rossijskoj pravovoj politiki // Vestnik SGYuA. - 2012. - № 5. - С. 11 - 17.

[17] Semitko A.P. Razvitie pravovoj kul'tury kak pravovoj progress: problemy teorii i metodologii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. - Ekaterinburg, 1996. - 36 s.

[18] Sinyukov V.N. Yuridicheskoe obrazovanie i pravovaya kul'tura // Pravovaya kul'tura. - 2009. - № 1. - С. 13 - 30.

[19] Usmanova E.F. Rol' pravovoj kul'tury v processe razvitiya grazhdanskogo obshchestva // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. - 2018. - № 7. - С. 47 - 50.

[20] Cybulevskaya O.I. Pravovaya kul'tura sub"ektov vlasti: нравственный аспект // Правовая культура. - 2006. - Т. 1. - № 1. - С. 15 - 30.

[21] Cybulevskaya O.I., Milusheva T.V. Cennosti pravovoj kul'tury i rossijskaya gosudarstvennost' // Pravovaya kul'tura. - 2016. - № 4 (27). - С. 8 - 16.

МАТЧАНОВА Зоя Шарифовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена
e-mail: zoya2310@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «УГРОЗА» В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАВМЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-01233
«Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт»

Аннотация. Статья посвящена раскрытию понятия «угроза» в свете актуальных проблем права международной безопасности и в контексте отдельных положений теории социальной травмы. Автор основывается на том, что понятие «угроза» очень часто используется именно применительно к событиям международной жизни, поэтому угрозам международной безопасности уделяется особое внимание. В данной статье автор обращается к теории социальной травмы, поскольку она дает серьезные методологические возможности для изучения как современного, так и историко-правового материала. Автор констатирует существование тесной взаимосвязи международной и национальной безопасности: международные угрозы неизбежно порождают серьезные социальные травмы на национальном уровне, а угрозы, сформировавшиеся на национальном уровне, в свою очередь, причиняют социальную травму международному сообществу в целом. В завершение автор формулирует дефиниции понятия «угроза» в двух контекстах: права международной безопасности и теории социальной травмы. Профилактика социальных травм и угроз должна быть, по мнению автора, приоритетом внутренней и внешней политики всех государств мира.

Ключевые слова: угроза, социальная травма, международная безопасность, национальная безопасность, новые угрозы, субъекты международного права, акторы международных отношений, предупреждение социальной травмы.

MATCHANOVA Zoya Sharifovna,
PhD in Law,
associate Professor of the Department of International Law
of the Herzen State Pedagogical University of Russia

THE CONCEPT OF «THREAT» IN LIGHT OF THE URGENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY LAW AND CERTAIN PROVISIONS OF THE THEORY OF SOCIAL TRAUMA

Annotation. The article is devoted to the disclosure of the concept of "threat" in the light of topical issues of international security law and in the context of certain provisions of the theory of social trauma. The author is based on the fact that the concept of "threat" is very often used in relation to the events of international life, so the threats to international security is given special attention. In this article the author refers to the theory of social trauma, as it provides serious methodological opportunities for the study of both modern and historical and legal material. The author notes the existence of a close relationship between international and national security: international threats inevitably cause serious social trauma at the national level, and threats formed at the national level, in turn, cause social trauma to the international community as a whole. At the end of the article the author formulates definitions of the concept "threat" in two contexts: international security law and the theory of social trauma. Prevention of social trauma and threats should be, in the author's opinion, a priority of domestic and foreign policy of all countries of the world.

Key words: *threat, social trauma, international security, national security, new threats, subjects of international law, actors of international relations, prevention of social trauma.*

Реалии современной жизни таковы, что с понятием «угроза» мы сталкиваемся постоянно. Это понятие прочно вошло в информационный оборот и используется в самых разнообразных контекстах. Однако наиболее часто данный термин звучит применительно к событиям международной жизни, поэтому угрозам международной безопасности следует, на наш взгляд, уделить особое внимание.

При этом было бы неверным полагать, что данная проблематика актуальна только в контексте вопросов международного права или же его отрасли – права международной безопасности, либо в свете конфликтологии международных отношений и изучения проблем мировой политики. С нашей точки зрения, любая угроза – прямая или косвенная, глобальная или локальная, реально существующая или потенциально возможная – наносит серьезную социальную травму населению разных стран, разным народам, разным слоям населения, поэтому, исследуя понятие «угроза», мы обратимся и к отдельным положениям теории социальной травмы, которая в последнее время вызывает серьезный интерес у представителей отечественной юридической науки [1; 4; 7].

Теория социальной травмы дает немалые методологические возможности для изучения как современного, так и историко-правового материала, например, открывает новые возможности для оценки влияния революционных событий в разных странах на политико-правовое развитие субъектов и значимые изменения в международных отношениях и международной жизни [1].

Традиционно сложилось, что угрозы безопасности и их научно-практическое осмысление не были включены в область социологических исследований. На это обстоятельство, в частности, указывает А.Г. Смирнова, отмечая, однако, что «в последние годы появляется все больше социологических исследований, в которых угрозы рассматриваются в качестве важного компонента социального пространства» [10, с. 123].

По справедливому замечанию А.А. Дорской, правовая наука также не может обойти вниманием проблемы конструирования социального пространства и социального времени: социальное пространство и социальное время неразрывно связаны между собой, и одним из определяющих их факторов являются социальные травмы [5, с. 32, 33]. Угрозы, равно как и социальные травмы ими порождаемые, также существуют в определенном социальном пространстве и социальном времени и формируют «картину» без-

опасности страны, региона, мира в конкретный исторический период.

Поскольку понятия «угроза» и «безопасность» не существуют одно без другого, сначала раскроем содержание понятия «безопасность», что позволит в дальнейшем более предметно говорить об угрозах.

Безопасность как таковая представляет собой состояние защищенности от реально существующих или потенциально возможных угроз и опасностей. Безопасность немыслима без наличия комплекса средств и способов, позволяющих достигать и поддерживать ее, отражать опасность. Поэтому при определении параметров безопасности всегда важно сопоставлять ее с угрозами, их характером, масштабом, тенденциями развития.

Исходя из такого подхода к пониманию безопасности, международная безопасность представляет собой комплекс организационно-правовых, военно-технических и иных средств и способов противодействия угрозам, выходящим за национальные границы государств и влияющим на мирное существование и развитие государств и народов.

Современное состояние международных отношений, характеризующееся многообразием угроз, позволяет подразделять международную безопасность на виды в соответствии с различными критериями, наиболее значимыми из которых мы считаем следующие:

во-первых, субъектно-территориальный охват угроз, в рамках которого выделяются: всеобщая (глобальная) безопасность (безопасность всего мирового сообщества, всех государств и регионов мира); региональная безопасность (безопасность определенного географического региона) и субрегиональная безопасность (безопасность какой-либо части географического региона); национальная безопасность (безопасность отдельного государства, его территории и населения);

во-вторых, функциональная направленность угроз, что позволяет говорить о существовании таких видов безопасности, как военная, политическая, финансово-экономическая, информационная, экологическая, продовольственная безопасность и др.

К основным средствам обеспечения международной безопасности относятся: 1) мирные средства разрешения международных споров, закрепленные в гл. VI Устава ООН 1945 г.; 2) механизмы, предусмотренные документом «Повестка дня для мира» 1992 г.; 3) различные меры по укреплению мира. К основным способам обеспечения

международной безопасности относится всестороннее сотрудничество государств (прежде всего, военно-политическое), осуществляемое на трех уровнях: 1) универсальном (в рамках ООН); 2) региональном (в рамках участия в региональных международных организациях, а также в формате реализации совместных региональных программ и проектов в сфере безопасности); 3) двустороннем (в разных формах, как правило, на основе специальных двусторонних соглашений).

Причем, такое сотрудничество может осуществляться как на постоянной, так и на временной основе, хотя, совершенно очевидно, что именно сотрудничество на постоянной, договорной основе наиболее эффективно и востребовано. Способы и средства неразрывно связаны друг с другом: если средства в данном случае принято рассматривать как определенные международно-правовые «инструменты», то способы представляют собой различные организационно-правовые методы, которые избирают заинтересованные стороны в целях эффективного применения имеющихся средств поддержания международного мира и безопасности.

Важно учитывать, что международная безопасность имеет всеобъемлющий характер, т.е. не сводима только к военным аспектам, в ее обеспечении важны также политические, экономические, финансовые, гуманитарные, социальные, научно-технические, экологические, а с учетом современных реалий еще и информационные аспекты.

Безопасность, по мнению М.Ф. Петрушенко, «продолжает наполняться новыми смыслами на фоне актуальной матрицы вызовов и угроз мировому сообществу в целом, и отдельной личности в частности... Ряд новых подходов к безопасности сегодня сходятся в признании их «мягкой» природы: они действуют напрямую на общество и индивида, минуя уровень государства» [9, с. 349].

Действительно, все чаще исследователи уделяют внимание деструктивным действиям негосударственных субъектов. Так, например, С.В. Новоселов считает, что они представляют собой наиболее острую угрозу международной безопасности, и т.н. негосударственные угрозы как новые угрозы международному миру и безопасности, источником которых выступают негосударственные субъекты [8, с. 84, 85].

Однако, исследуя вопрос о трактовке понятия «угроза», пытаясь оптимально определить «границы», «охват» данного понятия, востребованного как в сфере права международной безопасности, так и в теории социальной травмы, неминуемо приходится сталкиваться с существующей в настоящее время размытостью понятий в исследуемой сфере, о чем, в частности, пишет А.А. Варфоломеев [3, с. 51].

Помимо прочего, важно учитывать такой аспект, как деятельность отдельных лиц и роль различных социальных групп (причем, как созидательную, так и, напротив, деструктивную). В этой связи Г.А. Дробот указывает, что «в рамках общемировой тенденции включения личности в глобальный социальный процесс усиливается и негативная активность отдельных индивидов, например, террористов» [6, с. 24].

Еще одним существенным моментом, важным для более глубокого осмысления содержания понятия «угроза», является констатация реально существующей конвергенции угроз международной и национальной безопасности. Это, по нашему мнению, позволяет более разнопланово подходить к «прочтению» угроз в контексте порожденных ими социальных травм. Так, И.Н. Бурганова приходит к некоторым выводам, которые нам представляются обоснованными: во-первых, ретроспективный анализ угроз национальной и международной безопасности показывает четкую тенденцию их сближения; во-вторых, произошла трансформация содержательной части национальной и международной безопасности – в сторону неклассического прочтения [2, с. 30]. Иными словами, констатируется смена «акцентов» с угроз и вызовов классического формата, т.е. использования военных действий, угрожающих безопасности какого-либо государства, на не менее опасные и деструктивные неклассические угрозы безопасности, т.е. невоенные угрозы, такие как радикализация общественных отношений, нелегальная миграция, коррупция, бедность и нищета, эпидемии и проч.

В целом, убеждены, что, с одной стороны, международные угрозы неизбежно порождают серьезные социальные травмы на национальном уровне, в то же время угрозы, сформировавшиеся на национальном уровне, будучи осознанными и прочувствованными разными субъектами международных отношений, причиняют социальную травму международному сообществу.

В современных условиях порой не только сами опасные и деструктивные события и явления наносят обширную социальную травму, но и в очень серьезной степени травмирующей является угроза их наступления. Это совершенно четко можно проследить на примере террористической угрозы. Так, в предшествующих работах в рамках разрабатываемой темы нами было предложено условно выделять три базовых уровня восприятия социальной травмы, которую наносят терроризм и террористическая угроза, а именно:

а) высокий уровень (перманентное ощущение напряженности и страха, тревожное ожидание повторения или усиления травмирующих ситуаций);

б) средний уровень (понимание и определенное прочувствование угрозы, которое при этом не порождает постоянного ощущения тревоги и страха);

в) низкий уровень (погруженность в свои дела и проблемы превалирует над общими угрозами и не предопределяет каждодневное психологическое состояние субъекта).

Подводя итоги и основываясь на вышеизложенном материале, считаем возможным конкретизировать содержание понятия «угроза» и определить его с позиций права международной безопасности и положений теории социальной травмы.

При определении понятия «угроза» в контексте права международной безопасности предлагаем придерживаться следующих дефиниций:

- угроза (в широком смысле) – это совокупность условий и обстоятельств, предпосылок и факторов, создающих опасность для нормального жизнеобеспечения населения либо конкретных лиц, а также стабильного и эффективного функционирования общества и государства;
- угроза (в узком смысле) – это потенциально возможное событие или явление, наступление или возникновение которого способно привести к нанесению ущерба определенному субъекту либо какой-либо сфере общественных отношений в целом.

Определяя понятие «угроза» в свете теории социальной травмы, полагаем целесообразным несколько уточнить предложенные выше дефиниции, сделав акцент на социальных травмах, которые неминуемо порождает любая угроза:

- угроза (в широком смысле) – это совокупность условий и обстоятельств, предпосылок и факторов, осознанных населением или властями государства (государств), а также отдельными людьми или социальными группами, наносящих им социальную травму в силу возникшей, существующей или усилившейся опасности;
- угроза (в узком смысле) – это потенциально возможное событие или явление, наступление или возникновение которого несет в себе явную или скрытую опасность, чем причиняет социальную травму определенному субъекту (субъектам).

Кроме того, вне зависимости от контекста, угроза может быть определена в сугубо коммуникативном смысле, а именно: это донесение (демонстрация, сообщение) в какой-либо форме одним субъектом (субъектами) другому субъекту

(субъектам) намерения и/или готовности совершения определенных действий, которые причинят материальный ущерб и/или моральный вред.

Угроза может сообщаться как под условием, т.е. с требованием совершить какие-либо действия, или, наоборот, воздержаться от каких-либо действий в интересах угрожающего субъекта, так и без какого-либо условия, т.е. без выдвижения требований или ультиматумов.

При этом угрожающий субъект может внятно формулировать и открыто сообщать мотивы своего поведения или же, напротив, демонстрировать немотивированность поведения либо размытость своих мотивов, что способно еще больше усугубить положение, причинить более ощутимую социальную травму и усложнить противостояние угрозе.

В целом, перед юридическим сообществом стоит сложная задача, которая заключается в выработке путей, способов, средств выхода из социально травмирующих ситуаций с тем, чтобы преодолеть социальную травму. Однако, говоря о преодолении социальной травмы, важно учитывать обстоятельство, на которое указывает А.А. Дорская, обозначая возможность существования двух вариантов развития событий: первый – преодоление социальной травмы переходит в завершающую стадию; второй – начинается новый цикл травматической последовательности, если смягченная травма таит в себе условие для появления нового вида травм [5, с. 28, 29].

В последнем случае мы как раз сталкиваемся с одной из потенциально возможных угроз, только угроз не явных, а латентных, скрытых, иногда длительное время «спящих», когда есть иллюзия разрешенности какой-либо проблемы, в то время как в реальности угроза формируется, развивается и набирает силу, но социум, мировое сообщество не осознают этого и оказываются совершенно неготовыми, беззащитными тогда, когда эта угроза начинает себя проявлять и наносить уже реально ощутимую новую социальную травму. Именно поэтому так важно предотвращать развитие угроз на «дальних подступах», поскольку противостоять «близким» угрозам всегда гораздо сложнее. Этот подход должен быть распространен и на социальные травмы: предупреждение социальных травм, недопущение возникновения социально травмирующих событий и развития социально травмирующих явлений общественной жизни (в том числе международной жизни) должно быть приоритетом внутренней и внешней политики всех государств мира.

Список литературы:

- [1] Бочкарев С.В. Социальная травма и революция в правовом дискурсе. Опыт Франции и России // Герценовские чтения – 2018. - СПб., 2018. - С. 49 - 51.
- [2] Бурганова И.Н. Национальная и международная безопасность в системе глобальных вызовов и угроз (на примере Российской Федерации) // Национальная безопасность и стратегическое планирование. - 2018. - № 1 (21). - С. 27 - 31.
- [3] Варфоломеев А.А. Негосударственные угрозы международной безопасности // Право и безопасность. - 2012. - № 3-4 (43). - С. 51 - 55.
- [4] Дорская А.А. Понятие социальной травмы: юридическое измерение // Основные тенденции и перспективы развития современного права. - М., 2018. - С. 41 - 45.
- [5] Дорская А.А. Символы зла в истории российского права. - СПб., 2018. - 164 с.
- [6] Дробот Г.А. Человек как субъект угроз международной безопасности (антропология безопасности) // Вестник Московского ун-та. Политические науки. - 2010. - № 4. - С. 21 - 24.
- [7] Игнатьева М.В. Социальная травма: взгляд российских антропологов права // Образование и право. - 2018. - № 9. - С. 77 - 80.
- [8] Новоселов С.В. Негосударственные субъекты как источники угроз для международного мира и безопасности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2013. - № 2 (35). - С. 80 - 88.
- [9] Петрушенко М.Ф. Социальное измерение международной безопасности: российский подход к матрице современных вызовов и угроз // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2017. - Т. 6. - № 4 (21). - С. 349 - 353.
- [10] Смирнова А.Г. Изучение угроз безопасности в социологии международных отношений // Вестник Ярославского гос. ун-та. Гуманитарные науки. - 2011. - № 2 (16). - С. 123 - 127.

Spisok literatury:

- [1] Bochkarev S.V. Social'naya travma i revolyuciya v pravovom diskurse. Opyt Francii i Rossii // Gercenovskie chteniya – 2018. - SPb., 2018. - S. 49 - 51.
- [2] Burganova I.N. Nacional'naya i mezhdunarodnaya bezopasnost' v sisteme global'nyh vyzovov i ugroz (na primere Rossijskoj Federacii) // Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. - 2018. - № 1 (21). - S. 27 - 31.
- [3] Varfolomeev A.A. Negosudarstvennye ugrozy mezhdunarodnoj bezopasnosti // Pravo i bezopasnost'. - 2012. - № 3-4 (43). - S. 51 - 55.
- [4] Dorskaya A.A. Ponyatie social'noj travmy: yuridicheskoe izmerenie // Osnovnye tendencii i perspektivy razvitiya sovremennogo prava. - M., 2018. - S. 41 - 45.
- [5] Dorskaya A.A. Simvoly zla v istorii rossijskogo prava. - SPb., 2018. - 164 s.
- [6] Drobot G.A. Chelovek kak sub"ekt ugroz mezhdunarodnoj bezopasnosti (antropologiya bezopasnosti) // Vestnik Moskovskogo un-ta. Politicheskie nauki. - 2010. - № 4. - S. 21 - 24.
- [7] Ignat'eva M.V. Social'naya travma: vzglyad rossijskih antropologov prava // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 9. - S. 77 - 80.
- [8] Novoselov S.V. Negosudarstvennye sub"ekty kak istochniki ugroz dlya mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. - 2013. - № 2 (35). - S. 80 - 88.
- [9] Petrushenko M.F. Social'noe izmerenie mezhdunarodnoj bezopasnosti: rossijskij podhod k matrice sovremennyh vyzovov i ugroz // Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie. - 2017. - T. 6. - № 4 (21). - S. 349 - 353.
- [10] Smirnova A.G. Izuchenie ugroz bezopasnosti v sociologii mezhdunarodnyh otnoshenij // Vestnik Yaroslavskogo gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. - 2011. - № 2 (16). - S. 123 - 127.

УДК 39 (392.2)
ББК 63.67

ШИЯН Ольга Владимировна,
аспирант Института этнологии
и антропологии Российской академии наук
e-mail: olga.shcijan@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ДАРООБМЕНА НА НЕФОРМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы подходы российских и зарубежных исследователей к изучению института дарообмена, его задач в формировании социальных, родственных, экономических связей. Изучена двойственная природа дара, состоящая из элементов добровольности и принуждения, мотивы, побуждающие людей осуществлять дарообмен. Определена роль даров в выстраивании властной иерархии в традиционных обществах и современных корпорациях, их морально-правовой аспект в обществах с обычным правом. Проанализировано влияние экономики дара на формирование теневой экономики и коррупции.

Ключевые слова: дар, дарообмен, потlach, экономика дарения, обычное право, теневая экономика, этнология.

SHIYAN Olga Vladimirovna,
post-graduate student of the Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences

ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE IMPACT OF GIFT-EXCHANGE ON INFORMAL SOCIO-ECONOMIC RELATIONS

Annotation. The article analyzes the approaches of Russian and foreign researchers to the study of the institution of gift exchange, its tasks in the formation of social, family, economic ties. There has been studied the dual nature of the gift, consisting of the elements of voluntariness and coercion and motives of people to carry out gift-sharing. There are determined role of gifts in building a hierarchy of power in traditional societies and modern corporations, their moral and legal aspects in common law societies. In article analyzed influence of the gift economy on the formation of the shadow economy and corruption.

Key words: gift, gift exchange, potlach, gift economy, common law, shadow economy, ethnology.

Антропологические исследования начала XX в. содержат сведения о традициях обмена подарками, солидарности, взаимности, моральной экономики, семейственности и покровительства, кумовства, блата, неформальных связей. За последнюю четверть века эти области взаимоотношений признаны коррупционными (такими международными институтами, как ООН, Европейский Союз, "Transparency International", Всемирный Банк и др.).

Однако перевод их в разряд преступлений и правонарушений без учета фактических социально-политических явлений и культурных практик, в которых используются коррупционные действия, охватывает суть феномена коррупции фрагментарно. Как следствие, широкие антикоррупцион-

ные кампании XX в. привели к разным результатам. В одних странах (Швеция, Сингапур, Голландия) борьба с коррупцией привела к росту экономического благосостояния, в других (Япония, США) - коррупция адаптировалась и легитимизовалась в действующих традициях государственного управления; в третьих (африканских, постсоветских странах) - не достигла поставленных целей и отбросила их развитие назад.

В данной статье представлен обзор научных подходов к природе дарообмена, его влиянию на формирование социальных и экономических отношений в обществах.

Осноположником теории обмена является британский этнограф-антрополог Дж. Фрэнсер, который в «Фольклоре в Ветхом Завете» [10] проанализировал связь между магическими суевери-

ями, дарообменом и социальной стратификацией общества. По мнению Дж. Фрезера, описанные в Ветхом Завете истории жертвоприношений древних народов определённым природным местам, как долины, высоты, рощи или деревья, были формой дифференциации «членов общества по шкале власти, по престижу и по привилегиям» [10] в зависимости от их материального состояния. Развивая эту идею в труде «Золотая ветвь», он выявил в психологии людей суеверную взаимосвязь между материальным подношением и возможностью влиять на текущий порядок явлений при условии строго соблюдения древних обычаев жертвоприношения. Прослеживал ученый эти признаки и в более поздних обществах.

Последователь Фрезера Б. Малиновский рассмотрел обмен в двух плоскостях: как психологический процесс социализации и установления крепких связей в обществе; как значимость «возникающих культурных и структурных сил для отношений обмена» [5]. Прожив три года на островах Тробриан в западной части Тихого океана, Малиновский развернуто описал практиковавшийся местными жителями способ обмена, как *kula ring*.

Основной принцип обмена дарами у тробрианцев заключался в постоянной циркуляции ювелирных изделий – браслетов из белых и ожерелий из красных раковин, регулярных актов гостеприимства и брачном обмене (в труде «Научная теория культуры»). Все описанные им формы сопровождались особой церемониальностью и требовали пожизненного участия в *kula ring* разных племен. В результате, принцип «один раз в *kula* – всегда в *kula*» обеспечивал обязательное пожизненное партнерство, сформировав широкую сеть социальных и культурных межплеменных отношений [5].

Оцениваемый нелогичным с западной точки зрения обмен одними и теми же предметами без возможности оставить их на постоянное пользование, на самом деле позволял сохранить баланс материального владения членами племен и обеспечить установление длительных персональных социальных связей. Так же временное обладание предметами *kula* стимулировало щедрость, которая по наблюдению Б. Малиновского, является признаком богатства и могущества у туземцев [5]. Однако дар имеет двойственную природу добровольности и принуждения. Эта гипотеза составила основу теории взаимовыгодного обмена М. Мосса.

Автор «Очерка о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» М. Мосс определил дарообмен как взаимосвязь трех обязанностей: дарить, принимать и отдавать подарки. Изучив традиционную культуру архаических

обществ, М. Мосс подробно описал практики взаимного обмена дарами, выделив общие характеристики и принципы социальной солидарности.

Так, по наблюдению М. Мосса, связь посредством вещей у народа маори (Новая Зеландия) представляет связь душ, так как «вещь сама обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь – это подарить нечто от своего “Я”» [6]. Поэтому циркуляция даров выступает духовной связью между людьми, племенами и вещами, наделенными частичками душ владельцев. В результате, выстраиваются межличностные отношения между членами этих групп.

Подарив подарок, туземец оказывается в положении превосходства, так как принявший его дар оказывается в положении должника до тех пор, пока не «расплатится» самим подарком или его эквивалентом. Таким образом, дар содержит и противоположные тенденции сближения и отдаления, подчинения и превосходства. В концепции Мосса получение вещей не останавливало циркуляцию даров, обладающих загадочной силой.

Как отмечали Малиновский и Мосс, дарообмен, осуществляемый членами племени с разным социальным статусом, подтверждал и узаконивал властную иерархию. Например, традиция потлача у индейцев северо-западной Америки обеспечивала налаживание общественных связей через перераспределение богатства общины. Цель потлача заключалась в завоевании влияния и авторитета в племени (своем, соседнем, вражеском) посредством раздаривания предводителями племен имущества и ценностей [2]. Демонстрация щедрости сопровождалась пиршеством и иногда завершалась полным разорением, негласно укрепляя позиции предводителя в племени.

По мнению экономического антрополога К. Поланьи и этнопсихологического антрополога М. Мид, дарообмен неотделим от экономических отношений, которые тесно переплелись с социальными отношениями, связанными с родственными и религиозными аспектами.

Этот тезис наглядно демонстрируется в сохранившихся до наших дней традициях возвращения в составе калыма – выкупа за невесту свадебных подарков *киіт* у тюркских народов (например, у казахов). В переводе с казахского *киіт* обозначает подарки сватов друг другу в виде одежды [4]. Само понятие “*киіт*” со временем приобрело символическое значение и могло обозначать одежду (халаты), отрезки ткани, скот (лошади) и деньги. Ими одаривались все родственники жениха, включая приехавших на сватовство гостей [9].

Прилюдное получение киіт легитимизовало обязанность отца и родственников жениха платить калым стороне невесты. Учитывая, что подарки киіт, полученные со стороны невесты, возвращались в ее семью с калымом, этнографы определяют его смысл в демонстрации положительного отношения со стороны родителей невесты, установлении и укреплении социальных связей между будущими родственниками. После приезда молодой жены в дом мужа молодая пара должна была в первую очередь раздарить до половины от приданого женщины [9].

Большая часть возвращалась отцу жениха, его родственникам, выделявшим скот, деньги и одежду в процессе многоэтапной свадебной церемонии. Помимо морального и экономического смысла, отдариванию предметов из приданого придавался магический смысл. К примеру, казахи верили и верят до сих пор, что вещи являются носителем их материального и статусного кода, т.н. «құт» (богатство, достаток) [9].

Подарив часть вещей, молодая жена передавала с ними часть своего «құт», повышая таким образом «счастливую долю» в судьбе получателя. Предметы «құт» сразу приобретали статус ценных, их не носили, а использовали для приданого уже собственных дочерей или в «киіт» сыновей.

Отклонения в количестве раздариваемых предметов или круга их получателей расценивались как выражение неуважения, неблагодарности и могли стать поводом для неприятия молодой невестки семьей мужа и жителями общины.

Таким образом, постоянная циркуляция даров имела социальный, экономический, моральный и сакральный смыслы. К дарам устанавливались требования по качеству и стоимости, что подтверждало статус одариваемых людей.

Антропологи неоднократно отмечали различия между системами западной и не западной системами экономического управления. Однако по мере усложнения систем государственно-экономического управления и доступа к ресурсам наблюдается их одновременное упрощение посредством появления неформальных практик. К примеру, на основании феномена «kula» и «потлач», описанного Б. Малиновским в теории «престижной» экономики, австралийский ученый У. Станнер установил дискурсивную связь с современными корпоративными традициями [8].

Параллели между дарообменом и современной неформальной экономикой прослеживаются им в форме регулярного обмена подарками начальству в канун праздников и услугами по мере возникновения необходимости участников

дарообмена. Неформальная сторона отношений, способствующая работе государственных служащих, также неоднократно становилась объектом исследований.

Российские ученые М. Додлова и М. Юдкевич экстраполировали теорию обмена дарами на неформальную сторону отношений в бюрократических организациях [3]. Рассматривая природу патрон-клиентских отношений, авторы установили истоки в форме обмена дарами между руководителем и подчиненным с целью их взаимного расположения друг к другу. Реальный смысл дарообмена заключался в наличии таких неформальных правил, как подчеркивание руководством значимости результатов труда работников, их поддержки и одобрения, а также дополнительного материального стимулирования, карьерного продвижения.

Дарообмен в коллективе предполагал также обязательную взаимность со стороны работников в виде добросовестности, лояльности, инициативности и выдающихся результатов труда [3]. Однако защита патрона и продвижение по карьерной лестнице могут предназначаться не способным работникам, а к примеру, лояльным, демонстрирующим добровольность и взаимность.

При отсутствии основных характеристик предмета дарообмена, как взаимность, доверие, пропорциональность и добровольность, система неформальных отношений может стать причиной усиления исполнения формальных правил, кланового разделения в коллективе и др. Эти проявления можно спрогнозировать, зная мотивы, которыми руководствуются участники обмена дарами в отношениях чиновников, как одного, так и разных рангов.

Взяв за основу шесть мотивов, рассмотренных Йореном Ван дэ Вэном (альтруизм, эгоизм обмена и эгоизм социального одобрения, стратегический мотив, чувство справедливости и эволюционный мотив), исследователи пришли к выводу о необходимости их дополнения еще одним мотивом власти, основанным на ожидании взаимности в получении аналогичных услуг [3].

В зависимости от ситуации и уровня взаимоотношений феномен дарообмена способен положительно влиять на продуктивность деятельности либо напротив, создавать условия для незаконных послаблений, преимущества и блага. Как отмечает Т. Парсонс, «деньги, доход или богатство, т.е. ресурсы, выражаемые или измеряемые деньгами, в условиях экономики с хорошо развитым денежным обменом становятся важным символом вознаграждения» [7]. Процесс дарообмена

воспринимается участниками как демонстрация своей готовности продолжать отношения, обмениваться услугами и поддерживать социальные связи.

Противоположным результатом дарообмена при возрастающей бюрократизации стало формирование ядра современной теневой экономики. По мнению перуанского исследователя Э. де Сото, главная причина теневой экономики кроется в «бюрократической заорганизованности, препятствующей свободному развитию конкурентных отношений» [1]. Возникает абсурдная ситуация, когда подробное нормативное регулирование наиболее важных сфер взаимоотношений не охватывает их разнообразие, а создает бюрократизм. Вкупе с бедностью населения, миграцией, дефицитом товаров и услуг и монополии власти действующие социальные практики и нормы поведения перетекают в плоскость т.н. неформальных отношений кумовства, его политического близнеца – лоббирования и более приземленного – блата. Основным мотивом коррупции выступает извлечение выгоды за счет злоупотребления властью.

Автор экономического подхода к анализу феномена коррупции американский профессор С. Роуз-Аккерман определяет его источники в желании отдельных лиц и компаний купить у государства в лице чиновников право на дополнительные льготы или материальные привилегии. «Плата [чиновникам. – Прим.] за получение материальной выгоды и является случаем коррупции» [11]. Помимо активного действия, предмет коррупции в социальных связях лиц/компаний - государства может составлять и намеренное бездействие, невмешательство со стороны чиновника, а также отстаивание интересов последних в других институтах власти (т.н. лоббирование).

Таким образом, дарообмен и архаичный потлач трансформировались в обязательную организацию для подчиненных «корпоративов», подтверждающих статус, щедрость и материальное благополучие руководства. Увеличение раздариваемых предметов влечет рост участников дарообмена и, как следствие, усиливает престиж социальных связей, в которые входят лица, владеющие ограниченным числом благ и услуг.

Анализ феномена дарообмена, его роли, задач, участников позволил определить его конструирующую роль в формировании обществ на разных временных отрезках. Так, теория дарообмена М. Мосса позволила понять роль дара в формировании социальных связей, на примере свадебной традиции кит у казахов, потлача у индейцев, а также существующих тенденций

материального и морального поощрения работников современных бюрократических организаций, определена роль дарообмена в формировании экономических связей неформального характера.

Список литературы:

- [1] Бочаров В. Антропология права. Статьи, исследования. – СПб.: СПбГУ, 2013.
- [2] Годелье М. Загадка дара / пер. с фр. - М.: Вост. лит., 2007. - С. 24.
- [3] Додлова М., Юдкевич М. «Обмен дарами» в отношениях государственных служащих // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. - № 3. - С. 337.
- [4] Казахско-русский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary> (дата обращения: 15.08.2019).
- [5] Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. - М., 2004. - С. 108, 506.
- [6] Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр. - М., 1996. - С. 100.
- [7] Парсонс Т. О социальных системах. - М.: Академический Проект, 2002. - 832 с.
- [8] Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ / под ред. Н.Е. Покровского и М.А. Козловой. – М.: Университет. книга, 2016. - С. 190.
- [9] Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. - Астана, 2009. - С. 129.
- [10] Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете / пер. с англ. 2-е изд., испр. - М., 1985. - С. 354 - 369.
- [11] Rose-Ackerman S. The Political Economy of Corruption // Corruption and the global economy / ed. K.A. Elliott. - Washington, DC: Institute for International Economics, 1997. - P. 31.

Spisok literatury:

- [1] Bocharov V. Antropologiya prava. Stat'i, issledovaniya. – SPb.: SPbGU, 2013.
- [2] Godel'e M. Zagadka dara / per. s fr. - M.: Vost. lit., 2007. - S. 24.
- [3] Dodlova M., Yudkevich M. «Obmen darami» v otnosheniyah gosudarstvennyh sluzhashchih // Ekonomicheskij zhurnal VShE. – 2007. - № 3. - S. 337.
- [4] Kazahsko-russkij slovar' [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary> (data obrashcheniya: 15.08.2019).
- [5] Malinovskij B. Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana / per. s angl. - M., 2004. - S. 108, 506.

[6] Moss M. Oчерk o dare // Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii / per. s fr. - M., 1996. - S. 100.

[7] Parsons T. O social'nyh sistemah. - M.: Akademicheskij Proekt, 2002. - 832 s.

[8] Praktiki splochnosti v sovremennoj Rossii: sociokul'turnyj analiz / pod red. N.E. Pokrovskogo i M.A. Kozlovoj. - M.: Universitet. kniga, 2016. - S. 190.

[9] Curaganova Z.K. Obmen darami v kazahskoj tradicionnoj kul'ture. - Astana, 2009. - S. 129.

[10] Frezer D.D. Fol'klor v Vethom Zavete / per. s angl. 2-e izd., ispr. - M., 1985. - S. 354 - 369.

[11] Rose-Ackerman S. The Political Economy of Corruption // Corruption and the global economy / ed. K.A. Elliott. - Washington, DC: Institute for International Economics, 1997. - P. 31.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются меры по совершенствованию законодательства об условно-досрочном освобождении осужденных, сложившаяся судебная практика по данной проблеме, а также имеющаяся правоприменительная практика в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, осужденный, норма права, приговор, суд, уголовно-исполнительная система.

MAISTRENKO Grigory Alexandrovich,
PhD in Law,
Senior Researcher of Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGISLATIVE IMPROVEMENT OF LEGAL NORMS ON CONDITIONAL- EARLY EARLY REMOVAL OF CONDEMNED

Annotation. The article discusses measures to improve the legislation on parole of convicts, the existing judicial practice on this issue, as well as the existing law enforcement practice in the institutions of the penal system.

Key words: parole, convict, rule of law, sentence, court, criminal-executive system.

Вопросы условно-досрочного освобождения являются весьма эффективным стимулом у осужденного к формированию законопослушного поведения в процесс отбывания наказания. Данные понятия приемлемы только для таких видов уголовных наказаний, которые связаны с лишением свободы осужденных. Вместе с тем, условно-досрочное освобождение - яркий пример индивидуализации содержания, мотив последующего поведения осужденного, которое будет выражаться в его правомерности [5, с. 224].

Применение данного вида поощрения позволяет существенным образом снизить нагрузку на уголовно-исполнительную систему, а также бюджетные нагрузки по содержанию осужденных, которые осознали противоправность совершенного ими деяния. В ходе отбывания наказания они осознали, что данное деяние противоречит правовым и общественным нормам, а также в процессе исполнения наказания показали себя таким образом, что администрация учреждения обоснованно считает, что дальнейшее отбывание наказания в

условиях ограничения свободы является не целесообразным.

При реализации воспитательных полномочий органы уголовно-исполнительной системы активно способствуют осужденным приобрести понимание того, что в определенных законом случаях и в соответствии с их поведением они могут гораздо раньше вернуться к своей семье, детям, друзьям, родственникам и т.д.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, с изменениями и дополнениями, утвержденными Распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р [1], в сфере социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными предполагает: создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению, включая не только совершенствование порядка замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания, но и обновление механизма условно-досрочного

освобождения, учитывающего при его применении в отношении осужденного как тяжесть совершенного преступления, отбытый срок наказания, рецидив преступления, так и возмещение ущерба потерпевшим.

В случаях, когда лица совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, условно-досрочное освобождение может сыграть отрицательную роль для таких осужденных, а также в целом для общества. Понимание безнаказанности, незначительности совершенного ими преступления не только не вызовет того необходимо осознания осужденным своего преступления, но также исключает возможность достичь целей наказания.

Неправильное применение института условно-досрочного наказания к осужденным может повлиять на авторитет судебной и государственной власти. Чувство безнаказанности, которое возникнет у лица, совершившего тяжкое и особо тяжкое преступление, которое по случайному стечению обстоятельств получит возможность условно-досрочного освобождения, также может негативно сказаться на авторитете и деятельности судебных и государственных органов [6, с. 804, 805].

Правильное применение института условно-досрочного освобождения, а также минимизация пагубных последствий для общества и государства при его применении являются предметом дискуссий различных ученых в совершенно разных сферах уголовно-правовых наук.

Наказание назначается только приговором суда, а дальнейшее исполнение наказания относится к компетенции федеральных органов власти.

В случае, когда суд принимает решение о реальном отбытии наказания для лица, совершившего преступление, то соответственно применение мер условно-досрочного освобождения будет осуществляться администрацией исполнительного учреждения в установленных законодательством Российской Федерации сроках и порядке.

В процессе отбывания наказания на применение условно-досрочного освобождения влияют:

- поведение осужденного при отбытии наказания;
- его отношение к учебе и труду;
- отношение к совершенному преступлению [9, с. 231].

При соблюдении перечисленных факторов наказание, вынесенное судом, перестает отвечать целям общественной опасности совершенного. Это создает дополнительную необходимость участия суда в процессе реализации наказания путем изменения, с учетом поведения и характеристики осужденного, предпринятых мер по услов-

но-досрочному освобождению, либо в сторону смягчения наказания.

Учитывая данный факт, согласно ст. 397 УК РФ, суд может рассмотреть вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания.

УК РФ в положениях ст. 79 [3, с. 42] предусматривает следующие основания для применения условно-досрочного освобождения:

- суд признает, что для исправления осужденного не требуется его полное отбывание наказания;

- осужденный полностью либо частично возместил вред, определенный решением суда;

- для применения условно-досрочного освобождения осужденный должен отбыть не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой и средней тяжести; не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление; не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ [3, с. 42]; не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 и 210 УК РФ [3, с. 175 - 180]; не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

Фактический срок отбытия осужденным наказания не может быть менее шести месяцев, после чего может рассматриваться вопрос об условно-досрочном освобождении.

Лицо, которое отбывает наказание в виде пожизненного лишения свободы, может быть также условно-досрочно освобождено при условии, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло наказание не менее двадцати пяти лет лишения свободы [8, с. 107].

При рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, кроме выше названных оснований, суд должен будет учитывать результаты судебно-психиатрической экспертизы в отношении такого осужденного [6, с. 581].

Реальное применение условно-досрочного освобождения вызывает целый ряд проблем. Закон не содержит положений, которые определяли бы критерии необходимого применения условно-досрочного освобождения либо отказа в его применении. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания» [2] также не дает ответа на данный вопрос. Суд, рассматривая вопрос об условно-досрочном освобождении лица, должен основываться изначально на принципах уголовного права, в частности на принципе законности.

Статья 79 УК РФ [3, с. 42] устанавливает достаточные основания для условно-досрочного освобождения лица, отбывающего наказание: признание его судом не нуждающегося в полном отбывании назначенного судом наказания для своего исправления и фактическое отбытие указанной в УК РФ части наказания. К сожалению, указанная статья [3, с. 42] не содержит четких критериев признания осужденного, который не нуждается в полном отбывании наказания. Эта расплывчатость влияет на последующую неясность при применении судами данной нормы закона.

Анализируя судебную практику, мы видим, что суды нередко обосновывают отказ в удовлетворении ходатайства осужденного или его представителя об условно-досрочном освобождении, без учета конкретики допущенных нарушений, что, в свою очередь, показывает, что оценка обстоятельств, по которым лицо может рассчитывать на условно-досрочное освобождение либо не может рассчитывать на него, не имеет определенных критериев, хотя закон прямо предусматривает условия, которые должны быть соблюдены. Количество освободившихся осужденных по УДО с каждым годом сокращается. Если до 2006 г. более половины освобождаемых лиц выходили на свободу досрочно, то к 2015 г. – лишь каждый пятый, в 2018 г. освобожденных по УДО сократилось на 25%. На этот процесс влияет то, что в учреждениях отбывают наказание лица, совершающие в основном тяжкие и особо тяжкие преступления, и их криминогенный состав ухудшается.

Данную проблему необходимо решать на законодательном уровне и установить, что может являться существенным нарушением для отказа в условно-досрочном освобождении, а что таковым являться не может. Данное положение не в полном объеме раскрывается в ст. 175 УИК РФ [4, с. 81]. По мнению исследователей, практических работников, конечно же, целесообразно разрабо-

тать конкретные критерии и закрепить их на законодательном уровне.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года», с изм. и доп. Распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р. // СЗ РФ. - 2010. - № 43, ст. 5544.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2009. - № 7.

[3] Уголовный кодекс РФ (принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.) (в ред. ФЗ РФ от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ) // СПС «Консультант-Плюс».

[4] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 2 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. - 1997. - № 2, ст. 198.

[5] Геворкян М.Р. Условно-досрочное освобождение от наказания // Аллея науки. - 2018. - Т. 8. - № 5 (21). - С. 222 - 225.

[6] Губко А.А. Некоторые аспекты развития закона об условно-досрочном освобождении в Российской Федерации // Аллея науки. - 2019. - Т. 1. - № 3 (30). - С. 579 - 584.

[7] Красинская Е.С. Основные направления совершенствования законодательства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Аллея науки. - 2018. - Т. 3. - № 10 (26). - С. 803 - 808.

[8] Кустова А.А. Проблемы совершенствования законодательства об условно-досрочном освобождении осужденных // NovaUm.Ru. - 2019. - № 19. - С. 106 - 108.

[9] Орехова Т.Н. К вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Вестник науки. - 2019. - Т. 4. - № 6 (15). - С. 228 - 233.

Spisok literatury:

[1] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) «O Konceptii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda», s izm. i dop. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2015 g. № 1877-r. // SZ RF. - 2010. - № 43, st. 5544.

[2] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.04.2009 № 8 (red. ot 17.11.2015) «O sudebnoj praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny

neotbytoj chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2009. – № 7.

[3] Ugolovnyj kodeks RF (prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 24 maya 1996 g.) (v red. FZ RF ot 26 iyulya 2017 g. № 200-FZ) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[4] Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ (v red. ot 2 aprelya 2018 g.) // SZ RF. – 1997. – № 2, st. 198.

[5] Gevorkyan M.R. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya // Alleya nauki. – 2018. – T. 8. – № 5 (21). – S. 222 – 225.

[6] Gubko A.A. Nekotorye aspekty razvitiya zakona ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii v

Rossijskoj Federacii // Alleya nauki. – 2019. – T. 1. – № 3 (30). – S. 579 – 584.

[7] Krasinskaya E.S. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya // Alleya nauki. – 2018. – T. 3. – № 10 (26). – S. 803 – 808.

[8] Kustova A.A. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh // NovaUm.Ru. – 2019. – № 19. – S. 106 – 108.

[9] Orekhova T.N. K voprosu ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya // Vestnik nauki. – 2019. – T. 4. – № 6 (15). – S. 228 – 233.

ПАВЛОВ Дмитрий Михайлович,
кандидат юридических наук
e-mail: dmitrymp@mail.ru

ВКЛЮЧЕНИЕ В РЕЕСТР НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОСТАВЩИКОВ (ПОДРЯДЧИКОВ, ИСПОЛНИТЕЛЕЙ) КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. Статья представляет собой анализ правовой природы включения в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), а также освещает отдельные проблемы, возникающие в связи с включением в указанный реестр.

Ключевые слова: реестр недобросовестных поставщиков, государственные (муниципальные) закупки, ФАС России.

PAVLOV Dmitry Mikhailovich,
PhD in Law

INCLUSION IN THE REGISTER OF UNSCRUPULOUS SUPPLIERS (CONTRACTORS, EXECUTORS) AS AN ADDITIONAL MEASURE OF RESPONSIBILITY OF PROCUREMENT PARTICIPANTS FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Annotation. The scientific article is an analysis of the legal nature of inclusion in the register of unscrupulous suppliers (contractors) and also highlights some of the problems that arise in connection with inclusion in this register.

Key words: register of unscrupulous suppliers (contractors), state (municipal) procurement, Federal Antimonopoly Service.

ФАС России является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹.

В рамках указанных полномочий ФАС России осуществляет ведение Реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (далее – Реестр).

С одной стороны, Реестр недобросовестных поставщиков служит инструментом, обеспечивающим реализацию целей регулирования отношений, определенных в общих положениях законодательства в сфере закупок, по добросовестной конкуренции и предотвращению злоупотреблений в сфере размещения заказов, следовательно, является механизмом защиты государственных и муниципальных заказчиков от недобросовестных

действий поставщиков (исполнителей, подрядчиков)².

С другой стороны, возникает правовой диссонанс, поскольку включение сведений в Реестр фактически есть дополнительная мера ответственности, применяемая посредством административного воздействия за совершение гражданско-правового деликта.

В Реестр включаются сведения:

- об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов,
- о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

Пунктом 4 ст. 445 ГК РФ³ установлено право обратиться в суд с требованием о понуждении

¹ См.: Положение о Федеральной антимонопольной службе, утвержденное постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331.

² См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 декабря 2017 г. № Ф01-5663/17 по делу № А39-2837/2016.

³ См.: Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

заключить договор. В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

Кроме того, сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки.

В отношении случаев расторжения договора по инициативе одной из сторон в связи с существенным нарушением другой стороной его условий складывается аналогичная ситуация.

В соответствии с п. 4, 5 ст. 453 ГК РФ в случае, когда до расторжения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Если основанием для расторжения договора послужило существенное нарушение договора одной из сторон, другая сторона вправе требовать возмещения убытков, причиненных изменением или расторжением договора.

Таким образом, по мнению автора, гражданским законодательством установлена гражданская ответственность за уклонение от заключения договора, а также ненадлежащее его исполнение, влекущее расторжение по инициативе контрагента, однако Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - ФЗ № 44-ФЗ) предусматривает дополнительную ответственность в виде включения в Реестр.

Теперь необходимо разобраться с правовой природой такого вида ответственности, как включение сведений в Реестр.

Как говорилось в начале, включение сведений в Реестр - одно из полномочий ФАС России.

Включение в Реестр не может быть названо административным наказанием, поскольку оно является мерой ответственности за совершение административного правонарушения, а также все возможные виды административных наказаний прямо поименованы в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Вместе с тем, повторимся, что фактически включение сведений в Реестр очень похоже на административное наказание по своей природе, в частности, на административное приостановление деятельности, распространяющееся лишь на возможность участвовать в закупках для государственных (муниципальных) нужд.

В Реестр включается информация:

об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов,

о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

При этом, помимо непосредственно информации, позволяющей идентифицировать само юридическое лицо, в Реестр также включаются данные лиц, как физических, так и юридических, оказывающих непосредственное влияние на осуществление хозяйственной деятельности недобросовестным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) (учредители, члены коллегиальных исполнительных органов, лица, исполняющие функции единоличного исполнительного органа юридических лиц).

Несомненно, указанная мера направлена на избежание злоупотреблений со стороны указанных лиц, позволяющих обойти факт включения поставщика (подрядчика, исполнителя) в Реестр, путем создания юридического лица с иным фирменным наименованием, но теми же руководителями, сферой деятельности, производственными мощностями.

Тем не менее, такой подход порождает ряд возможных проблем.

В частности, учредитель, не оказывающий непосредственного каждодневного влияния на текущую финансово-хозяйственную деятельность предприятия, может оказаться заложником неграмотного ведения дел менеджментом юридического лица и, как следствие, оказаться включенным в Реестр.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 31 ФЗ № 44-ФЗ заказчик вправе установить требование об отсутствии в Реестре информации об участнике закупки, в том числе информации об учредителях, о членах коллегиального исполнительного органа, лице, исполняющем функции единоличного исполнительного органа участника закупки - юридического лица.

Таким образом, при наличии нескольких юридических лиц, учредителем которых является лицо, включенное в Реестр, каждое из них фактически лишается права на осуществление поставок, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Более того, как следует из судебной практики¹, для отклонения заявки на участие в конкурентной процедуре достаточно наличия сведений об указанных выше лицах в Реестре, вне зависи-

¹ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 февраля 2017 г. № Ф07-11926/16 по делу № А13-8168/2016.

мости от того, в каком качестве они указаны в Реестре.

Таким образом, мера ответственности распространяется не только на само юридическое лицо, но также на его учредителей, иных руководителей, поскольку сведения о них также вносятся в Реестр.

Правила ведения Реестра утверждены постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)».

Работа ФАС России начинается после поступления в ее адрес документов, подтверждающих наличие оснований для включения в Реестр, от заказчика и заключается в следующем:

проверка наличия информации и документов, представленных заказчиком, на предмет соответствия требованиям указанных Правил;

проверка информации и документов на наличие фактов, подтверждающих недобросовестность поставщика (подрядчика, исполнителя).

Рассмотрение вопроса о включении информации осуществляется с участием представителей заказчика и лица, информация о котором направлена заказчиком для включения в Реестр. В случае неявки указанных лиц или их представителей рассмотрение указанного вопроса осуществляется в их отсутствие в пределах пяти рабочих дней с даты поступления документов. В рассмотрении вправе принять участие иные заинтересованные лица.

По результатам рассмотрения представленных информации и документов и проведения проверки фактов выносится решение о включении информации о недобросовестном поставщике (подрядчике, исполнителе) в Реестр (в случае подтверждения достоверности указанных фактов) или об отказе во включении информации о поставщике (подрядчике, исполнителе) в Реестр.

Как следует из судебной практики¹, размещение сведений об участнике размещения заказа в Реестре осуществляется лишь в случае, если антимонопольный орган в результате проведенной проверки установит факт уклонения участника размещения заказа от заключения контракта, выявит обстоятельства, свидетельствующие о намерении участника размещения заказа отказаться от заключения контракта, о направленности его действий на несоблюдение условий контракта или уклонение от его исполнения.

Таким образом, основанием для включения является только такое уклонение лица от заключения контракта или от исполнения условий кон-

тракта, которое предполагает его недобросовестное поведение, совершение им умышленных действий (бездействия) в противоречие требованиям ФЗ № 44-ФЗ, в том числе, приведшее к невозможности заключения контракта с этим лицом как признанного победителем конкурса и нарушающее права заказчика относительно условий (выявленных им как лучшие) и срока исполнения контракта, которые связаны, прежде всего, с эффективным использованием бюджетных средств и в предусмотренном бюджетным законодательством порядке².

ФАС России включает информацию о недобросовестном поставщике (подрядчике, исполнителе) в Реестр в течение трех рабочих дней с даты вынесения решения о включении информации о таком лице в Реестр.

Таким образом, по истечении трех дней такой недобросовестный поставщик (подрядчик, исполнитель) лишается на два года возможности участвовать в государственных (муниципальных) закупках.

По общему правилу, территориальные управления ФАС России принимают соответствующее решение и включают сведения в Реестр, в таком случае у поставщика (подрядчика, исполнителя) имеется возможность обжаловать указанное решение в коллегиальный орган федерального антимонопольного органа (ст. 52 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

В то же время, в отдельных случаях, связанных с осуществлением закупок, сведения о которых составляют государственную тайну, указанное решение может быть обжаловано только в судебном порядке, поскольку сведения в Реестр включает ФАС России как федеральный антимонопольный орган, а не его территориальные управления. Таким образом, фактически участники рынка, в зависимости от сферы осуществляемой деятельности, ставят в неравное положение: у одних имеется возможность обжалования во внесудебном порядке, а у других такая возможность отсутствует.

Во втором случае подобный подход обнажает ряд проблем. Во-первых, только судебный порядок обжалования означает значительные сроки рассмотрения, что приводит к нахождению в Реестре сведений о поставщике (подрядчике, исполнителе) продолжительное время, во время которого работа может быть парализована, если успешное функционирование организации существенно зависит от государственных заказов.

¹ См., напр.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2019 г. № 09АП-20234/19.

² См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 декабря 2017 г. № Ф01-5663/17 по делу № А39-2837/2016.

Более того, решение суда не является безапелляционным основанием исключения сведений из Реестра, решение суда отменяет решение антимонопольного органа о включении сведений в Реестр, и лишь следующим связанным действием является исключение неправомерно внесенных сведений из Реестра.

Во-вторых, часто организации, участвующие в закупках, сведения о которых составляют государственную тайну, могут быть единственными в своем роде, чью продукцию невозможно заменить иной. В таком случае становится возможным на два года срыв возможности поставки определенной продукции военного назначения, в связи с тем, что сведения о данном поставщике включены в Реестр.

Таким образом, включение указанных организаций, а также субъектов естественных монополий в Реестр может привести к невозможности функционирования государственных органов, угрожать обороноспособности и безопасности государства.

Вместе с тем, исключение возможности включения таких хозяйствующих субъектов в Реестр представляется избыточным. По мнению автора, представляется целесообразным предусмотреть особый порядок включения субъектов естественных монополий, а также организаций военно-промышленного комплекса, в Реестр:

- обязательный внесудебный порядок обжалования такого решения;
- увеличенный до 30 дней период от принятия антимонопольным органом решения до включения сведений об организации в Реестр;
- невключение сведений в Реестр до вступления в силу решения суда, в случае обжалования решения антимонопольного органа.

На основании изложенного можно обозначить следующие основные проблемы в рассмотренной сфере.

Включение сведений о недобросовестном поставщике (подрядчике, исполнителе) в Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) есть дополнительная административная мера ответственности, связанная с неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательств, возникающих в связи с участием в закупках для государственных (муниципальных) нужд.

Поскольку в Реестр включаются сведения об учредителях, членах коллегиальных исполнительных органов, лицах, исполняющих функции единоличного исполнительного органа юридических лиц, такие лица, даже не являясь виновными в неисполнении государственного (муниципального) контракта (уклонении от его заключения), автоматически несут ответственность, которая таким образом распространяется на всех связанных с ними лиц.

Крайне малый срок (три дня) между вынесением решения о включении в Реестр и непосредственно включением сведений в Реестр не позволяет поставщику (подрядчику, исполнителю) успеть обжаловать данное решение до момента начала его исполнения.

Включение в Реестр юридических лиц тех, чья продукция может быть уникальной для определенной сферы жизнедеятельности, фактически парализует возможность удовлетворения соответствующих государственных (муниципальных) нужд, в связи с чем, необходимо предусмотреть особый порядок включения субъектов естественных монополий, а также организаций, выполняющих государственный оборонный заказ, в Реестр.

ПОДОЛЯНСКИЙ Максим Сергеевич,
студент 2 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: maxpod1021@mail.ru

Научный руководитель:
СВИРИДОВА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: mail@law-books.ru

ОПЕРАТОР СВЯЗИ КАК СУБЪЕКТ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье анализируются материалы правоприменительной практики по вопросу отнесения оператора связи к рекламодателю. С учетом норм действующего законодательства, автор делает вывод о том, что оператор связи не может считаться рекламодателем в тех случаях, когда не является инициатором рассылки. При этом устранение существующих противоречий по данному вопросу видится не только в разработке и издании соответствующих разъяснений на уровне Верховного Суда РФ, но также установлении санкций за рассылку оператором смс-сообщений без заключения соответствующего договора с ее инициатором.

Ключевые слова: реклама, оператор связи, рекламодатель, рассылка, сеть электросвязи, согласие абонента.

PODOLYANSKY Maksym Sergeevich,
2nd year MA student of Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific leader:
SVIRIDOVA Ekaterina Aleksandrovna,
PhD in Law,
associate Professor of Department of legal regulation of
economic activity at Financial University
under the Government of the Russian Federation

SERVICE PROVIDER AS A SUBJECT OF ADVERTISING: LEGISLATION AND PRACTICE

Annotation. The article deals with law enforcement practice concerning the issue of the attribution a service provider to distributors. Relying on legal regulation, the author concludes that a service provider cannot be considered an advertisement distributor in the event that a service provider is not an originator of distribution. However, the options in resolving the outstanding differences on the question are not only development and publishing of appropriate explanations at the level of the High Court, but also the establishment of penalties for operators that take part in text messaging campaigns without concluding of an appropriate agreement with an originator of distribution.

Key words: advertising, service provider, advertisement distributor, distribution, telecommunications network, consent of the subscriber.

В современной научной доктрине все еще ведутся дискуссии относительно правового статуса субъектов экономи-

ческой деятельности, регламентированной нормами административного законодательства. Однако проблема прав и обязанностей участни-

ков правоотношений, возникающих в сфере рекламы, остается малоизученной в разрезе правоприменительной практики. Речь идет, в частности, о вопросе отнесения операторов связи к числу рекламодателей, когда имеет место распространение рекламы посредством электросвязи.

Действительно, мобильные телефоны стали неотъемлемой частью повседневной жизни, что обусловило динамичный рост смс-рассылок, адресованных гражданам. При этом анализ отчета Федеральной антимонопольной службы позволяет сделать вывод о том, что наибольшее число нарушений законодательства о рекламе совершается при распространении рекламы по сетям электросвязи. Если в 2017 г. их доля составила 19.88% от общего количества нарушений в рассматриваемой сфере, то в 2018 г. – уже 20.04% [1].

Ответственность за указанные нарушения ложится на рекламодателя и в подавляющем большинстве случаев связана с рассылкой рекламы без получения предварительного согласия абонента (ст. 18 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе») [2]. В свою защиту операторы ссылаются на Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [3] (далее – Закон о связи), который возлагает на них обязанность по доставке смс-сообщения и устанавливает ответственность за ее ненадлежащее исполнение (ст. 68). Кроме того, указанный Федеральный закон также предписывает операторам соблюдать тайну связи, т.е. исключать доступ к сообщениям посторонних лиц, не являющихся отправителями или получателями (ст. 63).

В связи с внесением в рассматриваемый правовой акт изменений, направленных на урегулирование отношений по рассылке сообщений по сетям подвижной телефонной связи [4], Федеральной антимонопольной службой были даны соответствующие разъяснения. В своем Письме от 5 декабря 2014 г. № АК/49919/14 орган указал, что, осуществляя такую рассылку, оператор связи не только выполняет обязательства по передаче и доставке сообщений, но также направляет их в сеть электросвязи, в связи с чем имеет юридико-технические возможности для проверки как содержания рекламных сообщений, так и наличия у заказчика согласия абонента на их получение. На этом основании сделан вывод, что оператор связи может считаться рекламодателем [5].

Следует отметить, что изложенная позиция во многом упрощает задачу правоприменителей, особенно в условиях, когда заказчики в целях экономии иницируют рассылки не напрямую через операторов связи, а привлекая посредников, использующих буквенно-символьные номера.

Выявить всю цепочку таких посредников, как правило, не представляется возможным, в то время как оператор связи всегда известен.

Так, ПАО «Мегафон» было привлечено к административной ответственности за рассылку рекламных сообщений с буквенного номера. В ходе рассмотрения дела было установлено, что рассылка осуществлялась на основании договора с заказчиком, однако антимонопольный орган посчитал, что у последнего отсутствовало согласие абонента на ее получение (сообщение было доставлено по ошибке). Он также отклонил доводы Общества о том, что оно не преследовало цели распространения рекламы, а лишь выполняло обязательства по оказанию услуг связи. Со ссылкой на вышеупомянутое письмо Федеральной антимонопольной службы ПАО «Мегафон» было признано рекламодателем [6].

По аналогичному делу антимонопольный орган указал, что, действуя на основании договора с заказчиком, оператор заранее проинформирован о предмете соглашения, а также целях осуществления рассылки. Отсюда вытекает его обязанность по получению согласия абонента, предусмотренного ст. 44.1 Закона о связи [7].

Анализируемая позиция правоприменителей позволяет утверждать, что операторы должны определять специально уполномоченных сотрудников, которые будут иметь доступ к содержанию переписки в целях его правовой оценки. Тем не менее, это, на наш взгляд, не согласуется с положениями ст. 63 Закона о связи, в соответствии с которыми ознакомление с смс-сообщениями возможно исключительно по решению суда, а служебная деятельность оператора не попадает в список исключений из этого правила, предусмотренных федеральными законами.

В связи с этим необходимо отметить, что среди антимонопольных органов сложился и альтернативный подход, согласно которому за операторами не признается статус рекламодателей. Так, Управление ФАС по Свердловской области, установив факт распространения рекламы без согласия абонента, прекратило производство по делу в отношении оператора, не выявив с его стороны нарушений действующего законодательства [8]. Приморское Управление ФАС признало в качестве рекламодателя не оператора, а заказчика (инициатора рассылки), с которым был заключен договор об оказании услуг связи [9]. Ярославское Управление ФАС также посчитало рекламодателем инициатора рассылки, осуществленной при посредничестве двух операторов [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в административной практике отсутствуют единые подходы к определению объема прав и

обязанностей оператора при доставке смс-сообщений рекламного характера. Аналогичная ситуация сложилась и в арбитражной практике, при этом, во всех случаях суды опираются на положения договоров, заключаемых операторами как с заказчиками, так и между собой. Так, в договоре на оказание услуг связи между ООО «Крафт Телеком» и ООО «Новак» было указано, что заказчик гарантирует соответствие составляемых им рекламных сообщений нормам законодательства. Кроме того, именно заказчик был обозначен в качестве единственного составителя таких сообщений, который также определяет их адресатов (абонентов). Оператор же взял на себя обязательства исключительно технического характера - по обеспечению отправки и доставки сообщений.

На основе вышеизложенных положений суд пришел к выводу о том, что рекламодателем является именно заказчик, а не оператор. Так же важно отметить, что, согласно позиции суда, оператор не может быть осведомлен о содержании смс-сообщения, поскольку это станет нарушением тайны связи [11]. Вынесенное по делу постановление было оставлено в силе Верховным Судом РФ [12].

Вышеизложенная правовая позиция легла в основу правоприменительной практики иных судов. В частности, Арбитражный суд г. Москвы указал, что именно инициатора рассылки надлежит считать рекламодателем, если по условиям заключенного с оператором договора он определяет содержание и адресатов сообщений. Кроме того, суд пришел к выводу, что оператор не имел правовой и технической возможности по проверке наличия согласия абонента на получение рассылки, поскольку договор с инициатором был заключен его агентом (от имени последнего) [13].

В рамках другого дела договор между оператором и инициатором рассылки отсутствовал, а сама рассылка осуществлялась через соединенные сети двух операторов – ПАО «ВымпелКом» и ПАО «МТС». Заключенное между ними соглашение о присоединении предусматривало обязательства каждой из сторон по предотвращению рекламных рассылок, однако абонент ПАО «ВымпелКом» получил смс-сообщение рекламного характера. На основе этих положений суд посчитал данного оператора рекламодателем, незаконно допустившим передачу указанного сообщения в свою сеть из сети ПАО «МТС» [14].

Не принял сторону оператора и 9-й ААС, который привлек его к административной ответственности за незаконную рекламную рассылку, хотя договор с заказчиком был заключен агентом оператора от собственного имени [15].

С точки зрения правовой доктрины особенно актуально дело, рассмотренное 11-м ААС. В основу решения суда было положено заключение специалистов ИЗиСП, в котором был проведен сравнительный анализ законодательства о рекламе и о связи и сделан вывод о том, что рекламодателем может считаться только инициатор рассылки [16].

Указанная позиция представляется справедливой и обоснованной в силу нескольких причин. Во-первых, у оператора отсутствуют правовые основания для ознакомления с содержанием передаваемых смс-сообщений, поскольку это будет являться прямым нарушением тайны связи. Отсюда вытекает, что оператор может считаться рекламодателем, если сам иницирует рассылку (например, по рекламе собственных услуг). Только в этом случае у него возникнет обязанность по получению предварительного согласия абонента, предусмотренного рекламным и связным законодательством.

Во-вторых, рассылка допускается лишь на основании договора по оказанию соответствующих услуг связи (ст. 44.1 Закона о связи), однако санкции за рассылку в отсутствие указанного договора в настоящее время не предусмотрены. Представляется, что именно по такому основанию оператор может нести ответственность, т.е. за нарушение связного, а не рекламного законодательства. А при наличии договора ответственность ложится на изначального инициатора рассылки, который и будет считаться рекламодателем.

С учетом всего вышеизложенного можно заключить, что в административной и судебной практике отсутствует единая позиция по вопросу признания оператора связи рекламодателем. При этом устранение существующих противоречий видится не только в разработке и издании соответствующих разъяснений на уровне Верховного Суда РФ, но также установлении санкций за рассылку оператором смс-сообщений без заключения соответствующего договора с ее инициатором.

Список литературы:

[1] Итоги осуществления государственного надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе за 2018 год // Федеральная антимонопольная служба. URL: https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (дата обращения: 21.09.2019).

[2] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. - 2006. - № 12, ст. 1232.

[3] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. - 2003. - № 28, ст. 2895.

[4] Федеральный закон от 21.07.2014 № 272-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» // СЗ РФ. - 2014. - № 30 (ч. I), ст. 4273.

[5] Письмо ФАС России от 05.12.2014 № АК/49919/14 «О применении новых положений Закона о связи для оценки правомерности рекламных рассылок». – Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.09.2019).

[6] Постановление Алтайского республиканского УФАС России от 21.10.2016 № 16/р // Федеральная антимонопольная служба. База решений и правовых актов. URL: Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

[7] Решение Московского УФАС России по делу о признаках нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе от 11 августа 2016 г. № 3-18-86/77-16 // Федеральная антимонопольная служба. База решений и правовых актов. URL: Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/ig-35944-ot-12-08-2016/> (дата обращения: 21.09.2019).

[8] Решение УФАС России по Свердловской области по делу о признаках нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе от 28 апреля 2016 г. № 9 // Архив Управления Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области.

[9] Решение Приморского УФАС России № 6/07-2017 от 10 июля 2017 г. // Федеральная антимонопольная служба. База решений и правовых актов. URL: Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

[10] Решение Ярославского УФАС России № 04-01/42-16 от 27 апреля 2018 г. // Федеральная антимонопольная служба. База решений и правовых актов. URL: Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

[11] Постановление 9-го ААС от 27 ноября 2014 г. по делу № А40-99466/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gjErHZAVUPlu/> (дата обращения: 21.09.2019).

[12] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2015 г. по делу № А40-99466/2014. - Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.09.2019).

[13] Решение АС г. Москвы от 17 февраля 2016 г. по делу № А40-171609/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bxUnClRrKoIT/> (дата обращения: 21.09.2019).

[14] Решение АС Свердловской области от 11.07.2018 по делу № А60-16619/2018. - Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.09.2019).

[15] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2016 № 09АП-

3038/2016 по делу № А40-166450/15. - Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.09.2019).

[16] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июля 2016 г. по делу № А49-7069/2015. - Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.09.2019).

Spisok literatury:

[1] Itogi osushchestvleniya gosudarstvennogo nadzora za soblyudeniem zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o reklame za 2018 god // Federal'naya antimonopol'naya sluzhba. URL: https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[2] Federal'nyj zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame» // SZ RF. - 2006. - № 12, st. 1232.

[3] Federal'nyj zakon ot 07.07.2003 № 126-FZ «O svyazi» // SZ RF. - 2003. - № 28, st. 2895.

[4] Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 272-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O svyazi”» // SZ RF. - 2014. - № 30 (ch. I), st. 4273.

[5] Pis'mo FAS Rossii ot 05.12.2014 № АК/49919/14 «O primenenii novyh polozhenij Zakona o svyazi dlya ocenki pravomernosti reklamnyh rassyllok». – Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[6] Postanovlenie Altajskogo respublikanskogo UFAS Rossii ot 21.10.2016 № 16/r // Federal'naya antimonopol'naya sluzhba. Baza reshenij i pravovyh aktov. URL: Rezhim dostupa: <https://br.fas.gov.ru> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[7] Reshenie Moskovskogo UFAS Rossii po delu o priznakah narusheniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o reklame ot 11 avgusta 2016 g. № 3-18-86/77-16 // Federal'naya antimonopol'naya sluzhba. Baza reshenij i pravovyh aktov. URL: Rezhim dostupa: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/ig-35944-ot-12-08-2016/> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[8] Reshenie UFAS Rossii po Sverdlovskoj oblasti po delu o priznakah narusheniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o reklame ot 28 aprelya 2016 g. № 9 // Arhiv Upravleniya Federal'noj antimonopol'noj sluzhby po Sverdlovskoj oblasti.

[9] Reshenie Primorskogo UFAS Rossii № 6/07-2017 ot 10 iyulya 2017 g. // Federal'naya antimonopol'naya sluzhba. Baza reshenij i pravovyh aktov. URL: Rezhim dostupa: <https://br.fas.gov.ru> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[10] Reshenie Yaroslavskogo UFAS Rossii № 04-01/42-16 ot 27 aprelya 2018 g. // Federal'naya antimonopol'naya sluzhba. Baza reshenij i pravovyh aktov. URL: Rezhim dostupa: <https://br.fas.gov.ru> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[11] Postanovlenie 9-go AAS ot 27 noyabrya 2014 g. po delu № A40-99466/2014 // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gjErHZAVUPlu/> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[12] Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 marta 2015 g. po delu № A40-99466/2014. - Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[13] Reshenie AS g. Moskvy ot 17 fevralya 2016 g. po delu № A40-171609/2015 // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bxUnCIRrKoIT/> (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[14] Reshenie AS Sverdlovskoj oblasti ot 11.07.2018 po delu № A60-16619/2018. - Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[15] Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 20.02.2016 № 09AP-3038/2016 po delu № A40-166450/15. - Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 21.09.2019).

[16] Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 28 iyulya 2016 g. po delu № A49-7069/2015. - Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 21.09.2019).

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: i.vasilev@spbu.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ ФИНАНСОВОГО ФЭЙР-ПЛЕЙ УЕФА: ПРАКТИКА СПОРТИВНОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА (CAS)

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 19-011-00528 «Концепт справедливости
в современной российской правовой системе».**

Аннотация. В Регламенте УЕФА по лицензированию и финансовому фэйр-плей (далее – Регламент УЕФА, Регламент)¹ представлена система лицензирования клубов для допуска к участию в соревнованиях, таких как Лига Чемпионов и Лига Европы. Система построена на требованиях, которые направлены на поощрение справедливой конкуренции (названные «финансовый фэйр-плей»), нивелирующей разницу финансовых возможностей клубов в соревнованиях УЕФА, улучшающие экономическое положение клубов, повышающие уровень прозрачности их бюджетов, надежности источников финансирования, выполнения ими своих долговых обязательств в установленный срок. Наряду с требованиями соответствия, финансовый фэйр-плей предполагает дисциплинарную ответственность в отношении клубов, допускающих нарушения. В этой связи полезно обратиться к практике Спортивного арбитражного суда (CAS), позволяющей выявить содержание финансового фэйр-плей с точки зрения соответствия целям регулирования. Если финансовый фэйр-плей направлен на поддержание справедливости в клубных соревнованиях УЕФА, тогда недопустимо расхождение между нормативными целями и правоприменением Регламента. В свою очередь, цели регулирования обуславливают обращение к таким общепрофессиональным принципам, как равное обращение при привлечении к ответственности за нарушение требований лицензирования и финансового фэйр-плей и (или) соразмерности применяемых дисциплинарных санкций.

Ключевые слова: лицензирование клубов и финансовый фэйр-плей, цели регулирования финансового фэйр-плей, справедливость ответственности, дисциплинарная ответственность, практика Спортивного арбитражного суда.

VASILIEV Ilya Alexandrovich,
PhD in Law, associate Professor,
associate Professor of theory and history of state and law,
St. Petersburg state University

FAIRNESS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY IN VIOLATION OF THE UEFA FINANCIAL FAIR PLAY: THE PRACTICE OF THE COURT OF ARBITRATION FOR SPORT (CAS)

Annotation. The UEFA Licensing and Financial Fair Play Regulations (hereinafter referred to as the UEFA Regulations, Regulations) present a licensing system for clubs for admission to competitions such as the Champions League and the Europe League. The system is built on requirements that aim to promote fair competition (called “financial fair play”), leveling the difference in the financial capabilities of clubs in UEFA competitions, improving the economic situation of clubs, increasing the level of transparency of their budgets, reliability of funding sources, and their debt obligations in due time. Along with compliance requirements, financial fair play involves disciplinary liability in respect

¹ UEFA Club Licensing and Financial Fair Play Regulations. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/Tech/uefaorg/General/02/56/20/15/2562015_DOWNLOAD.pdf

of clubs that commit violations. In this regard, it is useful to refer to the practice of the Sports Arbitration Court (hereinafter - CAS), allowing to reveal the content of financial fair play in terms of compliance with the objectives of the regulation. If the financial fair play is aimed at maintaining fairness in UEFA club competitions, then there should be no discrepancy between the regulatory objectives and the enforcement of the Regulations. In turn, the objectives of the regulation determine the appeal to such principles as the principles of equal treatment in violation of licensing requirements and financial fair play and (or) proportionality of the disciplinary sanctions applied.

Key words: *licensing of clubs and financial fair play, objectives of financial fair play regulations, equity of responsibility, disciplinary responsibility, practice of the Court of Arbitration for Sport.*

1. Введение

Решения CAS по спорам о нарушении требований лицензирования и финансового фэйер-плей предоставляют новый взгляд на дискуссию о справедливости регулирования финансового фэйер-плей, т.е. присутствия реальной, а не фиктивной цели справедливой конкуренции клубов: выравнивания имущественных возможностей и противодействия появлению задолженностей клубов (в том числе коррелирующих с доходами клуба).

Если подходить к вопросу системно, то можно утверждать, что цели регулирования фэйер-плей направлены на создание условий для финансовой стабильности футбольных клубов и целостности соревнований УЕФА. В свою очередь, **соответствие целям регулирования** может:

- 1) **предопределять неправовой характер отдельных норм или в целом Регламента УЕФА;**
- 2) **нарушать принципы равного обращения при привлечении к ответственности (или) соразмерности применяемых дисциплинарных санкций.**

В настоящем исследовании мы подробно рассмотрим второе содержание соответствия целям регулирования финансового фэйер-плей УЕФА через призму анализа CAS принципов равного обращения при привлечении клубов к ответственности и (или) соразмерности применяемых дисциплинарных санкций.

2. Основное исследование

2.1. Применение принципа равного обращения при привлечении клубов к ответственности за нарушение требований о лицензировании и финансовом фэйер-плей

Как считал клуб, в споре **CAS 2012/A/2824** [1], сравнивая данное дело с делом **РАОК** (paras. 48, 49), можно выявить много общего, но результаты значительно отличаются друг от друга. Это является демонстрацией двойных стандартов, которые применяются УЕФА и являются ярким примером злоупотребления УЕФА своим положением. УЕФА дал этому клубу второй шанс — если он совершит повторное нарушение, только тогда будет применена санкция. Клуб предложил кон-

кретный план действий и поэтому ему нужно дать второй шанс, как футбольному клубу **РАОК**.

Вопрос о равном отношении с точки зрения применения практики юрисдикционных органов УЕФА и CAS заключается в сравнении фактических обстоятельств двух споров, при установлении которой возможно говорить о нарушении данного принципа. В деле **РАОК** клуб столкнулся с финансовыми трудностями, но **не пытался завуалировать просроченные задолженности: действовал открыто и представил план реорганизации**. Поэтому юрисдикционный орган УЕФА решил, что отстранение от участия в соревнованиях может являться условной санкцией. Кроме того, клуб **РАОК не имел просроченной задолженности на 31 марта, когда ему была выдана лицензия**, и единственным нарушением клуба было наличие непогашенной задолженности на июнь и сентябрь 2011 г., что было выявлено в процессе наблюдения.

С учетом вышесказанного, ситуация между приведенным клубом примером дела **РАОК** и его делом различаются. Таким образом, **нельзя апеллировать к неравному обращению в процессе привлечения клуба к ответственности в деле CAS 2012/A/2824**. Данный вывод можно расширить позицией арбитража в споре **CAS 2013/A/3233** [2], согласно которой допуск клуба к участию в соревнованиях УЕФА, при условии наличия у него лицензии, выданной на основании недостоверной информации, будет **как раз примером нарушения принципа равного обращения** (para. 83).

2.2. Применение принципа соразмерности при привлечении клубов к ответственности за нарушение требований о лицензировании и финансовом фэйер-плей

В споре **CAS 2012/A/2824** нарушение принципа соразмерности было мотивировано клубом в связи с тем, что новое руководство, «унаследовав» финансовые проблемы, справляется с ними должным образом и уже совершило большое количество выплат клубам, игрокам. Несомненным доказательством успеха, по мнению клуба, выступает то, что истец сейчас выполняет действующий финансовый план, а это строго соответ-

ствуется главной цели – сокращению задолженности клуба. Такие позитивные результаты должны быть приняты во внимание юрисдикционным органом УЕФА, который должен был вынести соразмерное и справедливое решение. Приводя в пример практику, клуб обратился к делу *Olympiacos Volou* (para. 54), в котором привлекаемый к ответственности клуб совершил одно из самых серьезных правонарушений в спорте, а именно: был замешан в договорном матче. Сравнивая два спора, достаточно сложно понять, почему оба клуба получили одну и ту же санкцию – лишение права участия в соревнованиях УЕФА, имеющее условный характер.

Целями Регламента УЕФА является обеспечение клубам нормального финансового положения клубов и возможности действовать в качестве «надежного члена футбольной семьи». УЕФА должен обеспечить поддержку тем клубам, которые делают что-то правильно, но иначе, чем их предшественники. В деле **CAS 2012/A/2824** клуб следовал систематической политике ожидания решений от ФИФА или CAS, прежде чем произвести платеж по трансферному контракту, выплатить гонорары, компенсацию за подготовку и обучение игроков или произвести платежи по механизму солидарности. Иными словами, клуб оставался должником других клубов, ожидая, когда они предпримут меры, и никогда не платил до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение. Это позволило клубу необоснованно затягивать крайние сроки оплаты, при этом он был неспособен вносить плату вовремя. Клуб вследствие этого получил необоснованное преимущество и, кроме того, он поставил под угрозу финансовое благополучие своих клубов-кредиторов. Следует принять во внимание тот факт, что клуб получил выгоду в играх Лиги Европы, не разглашая при этом корректной и правдивой информации о задолженности, которая у него была. Нет никаких сомнений в том, что **все перечисленное есть нарушение принципов финансового фейр-плей**.

Клуб утверждал о несоразмерности санкции, проводя сравнение с делом *Olympiacos Volou*, но оба спора различаются: дело *Olympiacos Volou* было связано с договорными матчами, и клуб был исключен из Лиги Европы и, кроме того, *Olympiacos Volou* был условно лишен права на участие в последующих соревнованиях под эгидой УЕФА в течение трех лет с испытательным сроком пять лет.

В совокупности, как считал УЕФА, это оправдывает суровую санкцию в виде наложения штрафа и исключения из соревнований без испытательного срока. Поскольку санкция, примененная в обжалуемом решении, вполне **обоснована**

для клуба, который имел задолженности как на 31 марта, так и на 30 июня и 30 сентября и умышленно вводил в заблуждение, представляя их как «спорные». Решение не является несоразмерным только потому, что могло быть принято альтернативное решение. Как известно, практика CAS требует, чтобы такое решение было очевидно и чрезвычайно несоразмерным, что не имеет места быть в данном случае (paras. 127–129).

CAS согласился с позицией УЕФА – только то, что в деле может быть применена другая санкция, не делает санкцию несоразмерной. Клуб должен был доказать, что вынесенное юрисдикционным органом УЕФА решение **очевидно и чрезвычайно несоразмерно**. CAS также отмечает, что у истца был систематический подход брать на себя долговые обязательства перед другими клубами и игнорировать их до тех пор, пока не был принужден заплатить ФИФА или CAS: **клуб брал кредиты у других клубов и тем самым, создавал неравные условия**. При этом клуб не смог доказать, что выплаты не были им произведены добросовестно, якобы «следуя принципу ожидания окончательного решения для того, чтобы добиться корректного расчета» (para. 119). Если так, ему следовало представить решения компетентных органов со своей позицией и параметрами расчета. Поскольку **клуб проигнорировал эти требования других клубов и не оспорил их, то он действовал недобросовестно**.

В деле **CAS 2013/A/3453**[3] арбитраж должным образом объяснил, в чем смысл применения двойной санкции, которая состоит из штрафа и потенциального исключения из предстоящих соревнований. Данные меры являются надлежащими для наказания клубов, которые не соблюдают Регламент УЕФА: наложение одного штрафа, который стал бы достаточным для предотвращения дальнейших нарушений, **неизбежно означало его большой размер и оказало бы неблагоприятное воздействие на финансовое положение клуба, чем нарушил бы одну из основных целей**, предусмотренных Регламентом. С другой стороны, если исключение клуба, нарушившего Регламент УЕФА, из соревнований является условной санкцией до выплаты просроченной кредиторской задолженности к определенному сроку, наложение штрафа **необходимо для удержания клубов от злоупотреблений в форме регулярного откладывания выплаты до жестко установленного срока** (para. 84).

В споре **CAS 2013/A/3233**[4] клуб считал, что юрисдикционный орган УЕФА мог ограничиться штрафом или лишить права на участие в соревнованиях условно: такие меры были бы в большей степени согласованы с принципом соразмерно-

сти, который требует, чтобы санкция была соответствующей нарушению и необходимой. При этом необходимо учитывать, что действительность лицензии, выданной в соответствии с Регламентом УЕФА, является необходимым условием для допуска к соревнованиям. Соответственно, если это требование не выполняется и лицензия была выдана на основании недостоверной информации, **единственное возможное решение, которое может быть принято, заключается в том, чтобы отказать клубу в праве участия в соревнованиях УЕФА.** Основываясь на подобных размышлениях, CAS считает, что в таких спорах нет места для проверки на соразмерность примененной санкции (para. 82).

Следует подчеркнуть, что мировые соглашения, право предложения которых принадлежит УЕФА на основании Регламента, не являются эквивалентом санкций и поэтому их применение не является *a priori* соразмерным в сравнении с дисциплинарными санкциями [5], но правовой характер норм Регламента УЕФА выражается в праве выбора между мировыми соглашениями и дисциплинарными санкциями [6].

2.3. Применение национального законодательства для определения понятия «просроченная задолженность», используемого в Регламенте УЕФА

В деле CAS 2013/A/3067 [7] клуб считал, что, несмотря на применение Регламента УЕФА о лицензировании и финансовом фэйер-плей (далее – Регламент УЕФА), вопрос о просроченной задолженности следует решать с учетом налогового законодательства государства. Данные нормы **актуальны не только для решения вопроса, существовали или нет долги клуба, но и являлись ли они просроченными в отчетные даты, указанные в Регламенте УЕФА.**

Запрос клуба с просьбой о предоставлении отсрочки в рамках «добровольного срока оплаты» по национальному законодательству мог, очевидно, быть принят или отклонен налоговыми органами. Как считает клуб, в первом случае (при принятии запроса) налоговые органы опубликовали бы график погашения долга (в рассрочку, выплаты по которой должны были осуществляться в определенные даты) оставшейся суммы. Платежи, осуществлявшиеся в соответствии с таким календарем, затем стали считаться производимыми в рамках «добровольного срока оплаты», вследствие чего **эти платежи не могут считаться просроченными.** Во втором случае (если запрос был бы отклонен) налоговые органы установили бы крайний срок для осуществления оплаты, который должен был рассматриваться как финальная дата добровольного срока для оплаты.

Следовательно, до тех пор, пока финальная дата, установленная налоговым органом, не наступила, долг нельзя считать просроченным. Из этого следует, таким образом, что независимо от решения налоговых органов в отношении запроса о предоставлении отсрочки в рамках «добровольного срока оплаты» и **до тех пор, пока налогоплательщик выполняет указания налоговых органов, долг нельзя считать просроченным.**

При рассмотрении спора CAS 2013/A/3067 необходимо учитывать положения ст. 63.3 Устава УЕФА [8] и ст. R58 Кодекса CAS [9], в соответствии с которыми право, применимое к рассмотрению спора – нормы регламентов и актов спортивной организации, которая вынесла обжалуемое решение, т.е. УЕФА в нашем случае. Субсидиарно, следуя ст. R58 Кодекса CAS, применяется швейцарское законодательство. Как заметил арбитраж в деле CAS 2013/A/3067, если нужно было бы придерживаться другой точки зрения, согласно которой применение и толкование Регламента зависело бы от соответствующих национальных законов каждого из клубов, который принимает участие в соревнованиях УЕФА, **цели Регламента были бы поставлены под угрозу.** Смысл Регламента заключается в **установлении равных условий для клубов и обеспечении одинакового отношения ко всем участникам соревнований УЕФА.** Для того, чтобы убедиться в том, что долги клуба налоговым органам могут рассматриваться как просроченные или нет, CAS следует полагаться исключительно на Регламент и, в зависимости от обстоятельств, на швейцарское законодательство. Напротив, испанское законодательство не должно быть принято во внимание.

CAS отмечает, что в соответствии с принципом свободы ассоциаций, последняя может предусмотреть в своих актах, что в отношении вопросов применимого права будет использоваться другой набор правил. Это тем более верно, если ассоциация — как в этом деле — ставила перед собой цель создания наиболее благоприятных условий участия в международных соревнованиях футбольных клубов. Идея установления одинакового способа (независимо от того, где клуб находится) не является, конечно, произволом, но в полной мере согласуется с принципом свободы ассоциаций. Это также следует из практики CAS, в соответствии с которой **«правила УЕФА не могут быть преодолены национальным законодательством, поскольку это приведет к нарушению принципа равенства по отношению к клубам из разных стран» (para. 9.4).**

В связи с этим CAS считает, что — в противовес мнению апелланта — национальное законодательство не применяется без учета определе-

ния УЕФА «просроченной задолженности». На первый взгляд может показаться, что такое определение подходит только для договорных обязательств, поскольку только в отношении последних могут быть «установлены условия». Однако если учитывать Приложение VIII к Регламенту УФА в целом, то становится очевидным, что **это положение относится не только к договорным обязательствам, но ко всем видам обязательств, установленных данным Регламентом**. Таким образом, термин «просроченная задолженность» определен и должен рассматриваться **автономно, независимо от национального законодательства**.

2.4. «Молчаливое согласие» публичных органов на заявление клуба о предоставлении отсрочки для обязательных платежей

Как подчеркнул арбитраж в деле **CAS 2013/A/3067**, все необходимые условия, предусмотренные Приложением VIII к Регламенту УЕФА, были бы полностью соблюдены клубом, если бы он сделал запрос об отсрочке и получил письменное согласие от налоговых органов. Однако **отсутствие какой-либо обратной связи от налоговых органов и четкого решения о переносе крайнего срока платежа не может считаться соблюдением упомянутого требования (paras. 9.8, 9.9)**.

Делая этот вывод, CAS не игнорировал тот факт, что некоторые национальные законы признают концепцию «молчаливого согласия» в делах частных лиц, которые могут подать просьбу публичным властям, и последние не будут проявлять активность. Однако, если даже предположить, что в данном случае испанскими налоговыми органами было дано молчаливое согласие в отношении переноса крайних сроков выплат, **это не является достаточным, поскольку Регламент УЕФА однозначно требует, чтобы согласие было дано в письменной форме**.

Клуб считает, что достаточно того, что запрос был рано или поздно удовлетворен, поскольку налогоплательщик не обладает правом принудить налоговые органы принять решение в рамках определенных сроков, он **может только ждать вынесения решения**. По мнению клуба, это было бы неразумно применять санкции за задержку, ставшей результатом чрезмерной рабочей загруженности испанских налоговых органов, и он не может быть наказан за то, что испанские налоговые органы не смогли принять решение по его запросу в более сжатые сроки, то есть в рамках надлежащих в соответствии с Регламентом УЕФА сроков. Более того, клуб утверждает, что понятие «непреодолимой силы», закрепленный Приложением XI к Регламенту, не будет соблюдено, если не будет учтен тот факт, что у **апеллянта не было**

никакой возможности побудить налоговые органы принять решение.

CAS не приняла такую аргументацию клуба. Стоит отметить, что ситуация в рассматриваемом деле не отличается от той, когда **клуб просит у частного кредитора (клуба, к примеру) перенести крайний срок выплаты**: в этом случае должник также не обладает никакими полномочиями, способными заставить кредитора принять решение в отношении его просьбы, но **не является случаем непреодолимой силы**. Более того, арбитраж учитывает тот факт, что, вопреки заявлениям апелланта, должник имел определенное влияние на своевременное принятие решения относительно его запроса. Это влияние заключалось в том, что он **мог бы подать запрос о переносе крайнего срока выплаты раньше**: чем раньше была бы подана просьба, тем раньше могло бы быть принято решение об отсрочке. CAS считает, что запрос был сделан практически в самый последний момент перед отчетной датой и в том, что ответ не был получен в надлежащий срок, **нужно винить не только налоговые органы (para. 9.10)**.

2.5. Соблюдение клубом сроков для заключения в письменной форме отсрочки по выплатам

В споре **CAS 2013/A/3233** [10] арбитраж отмечал: не оспаривается тот факт, что по состоянию на 31 марта 2013 г. заявитель был должен налоговым органам по договорным обязательствам, возникшим до 31 декабря 2012 г. Как известно, в соответствии с Приложением VII к Регламенту, задолженность не считается просроченной, по смыслу этих правил, если клуб-должник сможет доказать до 31 марта, что он заключил соглашение об отсрочке, которое было принято в письменной форме с кредитором. В данном случае по состоянию на 31 марта 2013 г. не было письменного соглашения, подтверждающего, что национальные налоговые органы согласились продлить срок оплаты сверх установленного срока. Действительно, 3 января 2013 г. и 26 марта 2013 г. клуб подал в налоговые органы заявление для урегулирования своих финансовых проблем. Однако в свете Регламента УЕФА **недостаточно предпринимать действия в целях получения отсрочки – соглашение с компетентным налоговым органом должно быть заключено в письменной форме в рамках приемлемого срока**. Не оспаривается, что клуб заключил письменное соглашение с налоговыми органами о том, чтобы перенести и оплатить просроченную кредиторскую задолженность. Однако, такое соглашение было заключено 29 мая 2013 г., т.е. почти через два месяца после истечения допустимого срока.

Как заметил арбитраж в деле **CAS 2013/A/3233**, клубы должны не только выполнять материальные требования, установленные в актах и регламентах спортивных организаций, но **они должны выполнять эти условия в определенные даты**: для хорошей организации любого соревнования, необходимо использование четких сроков. В одном из решений арбитража (**CAS 2008/A/1579**) [11] отмечалось, что «вопрос о крайних сроках должен рассматриваться в соответствии с принципом равенства, это должно относиться ко всем клубам и национальным футбольным ассоциациям». Кроме того, цель установленного Регламентом УЕФА срока также отвечает **интересам правовой определенности** с учетом того, что первый отборочный раунд Лиги Европы УЕФА обычно проводится в начале июля.

2.6. Форс-мажорные обстоятельства, препятствующие осуществлению клубами выплат в надлежащие сроки

В споре **CAS 2014/A/3533** [12] арбитраж указал, что формулировка, язык и смыслапеллируемогорешения неопровержимы и ясны и требуют, чтобы клуб доказал, что он полностью оплатил к 31 января 2014 г. выявленную просроченную кредиторскую задолженность. Соблюдение этого требования было единственным способом предотвратить применение санкции, но клуб не выполнил данное условие. В этом отношении клуб утверждал, что **из-за финансовых проблем, а также в связи с трудной социальной и политической обстановкой** в стране он не мог полностью погасить свой долг иностранным клубам к 31 января 2014 г.

Позиция УЕФА заключалась в том, что ссылка клуба на социальную и политическую ситуацию в государстве не имеет отношения к рассматриваемому случаю: хотя вполне возможно, что такая ситуация затруднила для клуба осуществление платежей иностранным клубам, однако **клубу удалось перевести кредиторам определенную сумму** в январе 2014 г. Поэтому можно утверждать – настоящая причина неосуществления выплат заключается в том, что у клуба не было денег, и заявленные клубом обстоятельства **не являются форс-мажором**.

Обращаясь к практике CAS, можно отметить, что финансовые проблемы клуба или отсутствие финансовых средств последовательно отрицаются в качестве легального основания неисполнения обязательств (**CAS 2005/A/957**) [13]; **CAS 2006/A/1110** [14] (**CAS 2005/A/957, para. 56; CAS 2006/A/1110, para. 43.**). Арбитраж придерживается определения форс-мажорных обстоятельств, которое было дано ранее в решении **CAS 2002/A/388** [15]: форс-мажор, действительно, подразумевает объективное, а не личное, препят-

ствие, не зависящее от «обязанной стороны», т.е. непредвиденная сила, которой нельзя противостоять и в связи с возникновением которой исполнение обязательства становится невозможным (**p. 4**). Кроме того, **условия возникновения форс-мажора должны толковаться узко, поскольку форс-мажор есть исключение из принципа обязательной силы обязательства**.

В свете такого определения CAS считает, что ситуация, на которую ссылается клуб, **не может рассматриваться как случай форс-мажорных обстоятельств**: хотя арбитраж понимает экономическую ситуацию в стране клуба, тем не менее, считает, что условия для возникновения силы непреодолимых обстоятельств не удовлетворяются, поскольку ситуация в государстве не мешала клубу выплатить кредиторам определенную сумму в январе 2014 г. Клуб утверждал, что эти выплаты были экстренными платежами, проведенными через оффшорную компанию, поскольку произвести платежи в иностранной валюте из его государства в клубы, находящиеся за пределами, было технически невозможно. Тем не менее, CAS посчитал, что посредством этих чрезвычайных платежей клуб выполнил условия соглашения об отсрочке, которое он заключил с его кредиторами, тем самым **показывая, что объективно должник не был лишен возможности выполнить свои платежные обязательства из-за обстоятельств, которые им были заявлены в качестве форс-мажора**.

Помимо того, предполагаемые трудности с банковскими переводами в клубы, находящиеся за пределами государства никак не подтверждались конкретными доказательствами. В целях выполнения бремени доказывания апеллант должен был представить **доказательства в ходе этих разбирательств относительно того, почему через оффшорную компанию не удалось заплатить всю сумму задолженности**. Здесь будет уместно сослаться на решение **CAS 2008/A/1621** [16], в котором арбитражем была сформулирована позиция, что «клубу следовало заявить об общей бедственной ситуации в конкретном месте, что простой ссылки на общую проблемную ситуацию в конкретном месте недостаточно для оправдания нарушения на основе использования определенных обстоятельств в качестве форс-мажорных. Сторона, которая подает соответствующее заявление, должна идентифицировать и доказать, какой конкретный и точный факт помешал ей выполнять определенную деятельность» (**para. 62**). Поэтому CAS обоснованно в деле **CAS 2014/A/3533** занял позицию, что, судя по всему, клуб посредством платежей через оффшорную компанию мог выплатить всю сумму своим кредиторам к 31 января 2014 г., если

достаточное количество средств было бы доступны. Однако, как упоминалось клубом в апелляционном заявлении, «инвесторы клуба не предусматривали такие статьи расходов в бюджете клуба». Следовательно, **отказ клуба от своевременного исполнения своих обязательств был вызван причинами, входящими в сферу его ответственности (para. 63).**

3. Выводы

Система лицензирования клубов, которая основывается на контроле за финансовым положением клуба, требует, чтобы клубы находились в равном положении, отражающем справедливый баланс европейских соревнований под эгидой УЕФА. Таким образом, **один клуб не должен получать несправедливое преимущество, уклоняясь от исполнения своих обязательств, вытекающих из Регламента УЕФА, особенно ссылаясь на национальное законодательство или прибегая к фиктивным форс-мажорным обстоятельствам.** Неудивительно, что CAS сформулировал правило, согласно которому ссылка на национальное законодательство в контексте Регламента УЕФА возможна только тогда, когда это необходимо для применения Регламента и когда обращение к национальному законодательству **не подрывает цели Регламента.** Проанализировав представленную практику CAS, можно сделать вывод, что Регламент УЕФА не демонстрирует критериев не правового характера, отличаясь справедливой целью регулирования: ограничивает клубы, финансовые возможности которых позволяют им действовать не в экономической модели, затрачивая намного больше, чем зарабатывают, и иметь преимущество над клубами с балансом доходов и расходов [17; 18].

Продвижение интересов футбола как спорта через соблюдение требований лицензирования и финансового фэйр-плей является целью, которая должна быть принята во внимание при интерпретации положений, содержащихся в Регламенте УЕФА. **Положения Регламента УЕФА направлены на предотвращение споров о содержании используемых в нем понятий, вводя единообразное определение, к примеру, одному исключевых вопросов – что представляет собой «просроченная задолженность».** Регламент УЕФА позволяет **однозначно определить термины, и вследствие этого отсутствуют основания для применения принципа “contra proferentem”,** согласно которому при некоторой неясности того или иного положения договора оно толкуется против той стороны, которая составляла проект договора.

Обращаясь к практике CAS по интересующей нас категории дел, можно заметить, что, если

клубы в процессе наблюдения имели большие суммы по просроченным задолженностям или несколько задолженностей (или и то, и другое), к ним применялись кумулятивно такие санкции как лишение права на участие в соревнованиях и штраф. При этом количество и (или) размер просроченных задолженностей принимались во внимание при определении размера санкции. К примеру, в споре **CAS 2012/A/2824** арбитраж не имел сомнений, что несколько задолженностей, наряду с тем, что лицензию национальная футбольная ассоциация не должна была выдать клубу, мотивировали выбранные санкции. CAS отметил, что **примененная к клубу санкция является свидетельством того, насколько серьезно** (на одном уровне с манипулированием результатами соревнований, матчей) **УЕФА относится к нарушениям требований лицензирования и финансового фэйр-плей.**

Справедливость дисциплинарной ответственности при нарушении финансового фэйр-плей достигается при **условиях соблюдения** юрисдикционным органом УЕФА и CAS принципов равного обращения при привлечении к ответственности и соразмерности применяемых дисциплинарных санкций. При этом равное обращение клубы смешивают с соразмерностью, приводя в качестве аргументации санкции, использованные в кажущиеся клубам аналогичными делах. Такое заблуждение клубов по-прежнему оставляет в практике применения Регламента УЕФА открытым вопрос о содержании принципа «равного обращения». Вместе с тем, не только два приведенных нами принципа составляют фундамент справедливости финансового фэйр-плей, но и **соблюдение целей его применения.** В последнем случае, при наличии нарушений целей регулирования, **возможно говорить о признании не правовыми отдельных норм или даже в целом Регламента УЕФА.** К данной проблеме в практике юрисдикционных органов УЕФА и CAS мы обратимся в нашем следующем исследовании.

Spisok literatury:

[1] Arbitration CAS 2012/A/2824 Besiktas JK v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 31 October 2012. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2824.pdf>

[2] Arbitration CAS 2013/A/3233 PAE Giannina 1966 v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 9 December 2013 (operative part of 16 July 2013). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3233.pdf>

[3] Arbitration CAS 2013/A/3453 FC Petrolul Ploiesti v. Union des Associations Européennes de

Football (UEFA), award of 20 February 2014 (operative part of 28 January 2014). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3453.pdf>

[4] Arbitration CAS 2013/A/3233 PAE Giannina 1966 v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 9 December 2013 (operative part of 16 July 2013). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3233.pdf>

[5] Arbitration CAS 2018/A/5808 AC Milan v. UEFA. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Award_Final_5808.pdf, para. 142.

[6] CAS 2018/A/5808 AC Milan v. UEFA, para. 140.

[7] Arbitration CAS 2013/A/3067 Málaga CF SAD v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 8 October 2013 (operative part of 11 June 2013). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3067.pdf>

[8] UEFA Statutes. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/uefaorg/General/02/56/20/45/2562045_DOWNLOAD.pdf

[9] Code of Sports-related Arbitration. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2019__en_.pdf

[10] Arbitration CAS 2013/A/3233 PAE Giannina 1966 v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 9 December 2013 (operative part of 16 July 2013). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3233.pdf>

[11] Arbitration CAS 2008/A/1579 Fudbalski Klub Zemun v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 26 November 2008.

URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1579.pdf>

[12] Arbitration CAS 2014/A/3533 Football Club Metallurg v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 9 September 2014. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3533.pdf>

[13] Arbitration CAS 2005/A/957 Clube Atlético Mineiro v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 23 March 2006. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/957.pdf>

[14] Arbitration CAS 2006/A/1110 PAOK FC v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 25 August 2006 (operative part of 13 July 2006). URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1110.pdf>

[15] Arbitration CAS 2002/A/388, Ülker Sport / Euroleague, award of 10 September 2002. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/388.pdf>

[16] Arbitration CAS 2008/A/1621 Iraqi Football Association v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Qatar Football Association, award of 29 September 2008. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1621.pdf>

[17] Arbitration CAS 2016/A/4492 Galatasaray vs. UEFA. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/CASdecisions/02/44/19/46/2441946_DOWNLOAD.pdf

[18] Arbitration CAS 2018/A/5808 AC Milan v. UEFA. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Award_Final_5808.pdf, para. 77.

УДК 349

ББК 67.404.9

ТЕРЕШИН Марк Витальевич,

магистрант Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mtereshin@outlook.com

Научный руководитель:

РАХМАТУЛИНА Римма Шамильевна,

кандидат юридических наук, доцент
e-mail: rimin@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РФ И ЕС В КОНТЕКСТЕ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ОБЩЕГО РЕГЛАМЕНТА ПО ЗАЩИТЕ ДАННЫХ (GDPR)

Аннотация. В статье анализируется состояние российского и европейского законодательства о персональных данных в связи со вступлением в силу Регламента Европарламента и Совета ЕС 2016/679 от 27.04.2016, более известного как GDPR. Проводится рассмотрение Регламента в сравнении с Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных», как специального нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемый правовой институт в Российской Федерации. Делается вывод о том, что российское законодательство о персональных данных содержит некоторые недостатки, в частности отсутствие независимого органа по контролю за защитой персональных данных, которые могут быть нивелированы заимствованием соответствующих положений из Регламента и последующей гармонизацией законодательного регулирования в этой области в будущем.

Ключевые слова: персональные данные, GDPR, Общий Регламент ЕС по защите персональных данных, трансграничная передача и обработка данных, биометрические персональные данные, защита персональных данных.

TERESHIN Mark Vitalyevich,

master student of the Department of legal regulation of Economic activities,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:

RAKHMATULINA Rimma Shamilyevna,

PhD in Law, associate Professor

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EU IN THE CONTEXT OF THE ENTRY INTO FORCE OF THE GENERAL DATA PROTECTION REGULATION (GDPR)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the state of the Russian and European legislation on personal data in connection with the entry into force of the Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council from 27.04.2016, better known as GDPR. GDPR Regulation is being considered in comparison with Federal Law No. 152-FZ «On Personal Data», as a special regulatory legal act regulating the legal institution in question in the Russian Federation. It is concluded that the Russian legislation on personal data contains some shortcomings, in particular, the lack of an independent body to control the protection of personal data, which can be offset by borrowing the relevant provisions from the GDPR Regulation and the subsequent harmonization of legislative regulation in this area in the future.

Key words: personal data, GDPR, EU General Data Protection Regulation, cross-border data processing and transfer, biometrical personal data, personal data protection.

Основы для законодательного регулирования персональных данных и их защиты начали закладываться ещё в 1950-х годах. По информации компании DLA Piper, по состоянию на сентябрь 2019 г., в том или ином виде законы, формирующие правовую базу по защите персональных данных, действуют в 111 странах мира, и Россия не стала исключением.

Первоначально, законодательство европейских стран затрагивало лишь вопросы защиты неприкосновенности частной жизни граждан. Но уже в 1970 г. в Гессене (земля ФРГ) вступил в силу первый в мире Закон о персональных данных и их защите. После этой даты и в других странах Западной Европы были приняты законодательные акты различного уровня, регулирующие защиту персональных данных в конкретной стране. Важным документом наднационального уровня стала Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» 1981 г. (далее — Конвенция СЕ 1981 г.), известная также как Конвенция 108, которая вступила в силу с 01.10.1985 г. На сегодняшний день участниками данной Конвенции являются 47 государств Совета Европы, среди которых и Российская Федерация. Что касается Евросоюза, здесь в 1995 г. была принята Директива № 95/46/ЕС «О защите физических лиц в условиях автоматизированной обработки персональных данных и о свободном обращении этих данных», действовавшая до 2018 г.

Технический прогресс и распространение Интернета заметно повлияли на возможности обработки, накопления и хранения персональных данных граждан. По этой причине Еврокомиссия в 2012 г. начала процесс по подготовке и имплементации новых положений в области работы с персональными данными в странах ЕС, которые вступили в силу с 25 мая 2018 г. под названием «Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС “О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС”» (далее — Регламент). Субъектам накопления и обработки персональных данных даётся два года на приведение работы с персональными данными в соответствие с требованиями Регламента. Отметим, что Регламент носит не добровольный, а обязательный характер и должен напрямую применяться в странах - участницах ЕС (ст. 99).

В тексте Регламента законодатель сделал попытку установить единые для всех стран-участников правила обработки персональных данных, которые претерпели изменения для соответствия современному уровню развития информационных технологий. Вступление в силу Регламента

стало одной из наиболее значительных реформ сферы защиты персональных данных в Евросоюзе за последние 25 лет. В пояснительной записке к проекту Регламента законодателем было обозначено две основные причины его принятия: 1) повышение общего уровня развития общества и технологий, и связанные с ним угрозы правам и свободам личности при работе с его персональными данными; 2) непроработанность национального законодательства о персональных данных в отдельных странах Евросоюза. По мнению Ю. В. Травкина, вследствие продуманного подхода законодателей Евросоюза «европейский подход к проблеме работы с персональными данными в настоящее время получил значительное признание во всём мире» [8, с. 232].

Говоря об отечественном законодательстве, регулирующем сферу персональных данных, отметим, что оно также плотно связано с европейским. В частности, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) был создан и принят в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции СЕ 1981 г. и вследствие этого перенял многие её положения.

Несмотря на схожесть регулирования института персональных данных в России и Евросоюзе, в законодательстве имеются также и различия, которые могут влиять на трактовку некоторых понятий, а также на построение всей системы защиты персональных данных в целом. В связи с этим будет уместным и интересным сравнить эти системы между собой.

Согласно определению Закона № 152-ФЗ, персональные данные — это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу» (называемому также субъектом персональных данных) (п. 1 ст. 3). Аналогично, в соответствии с п. 1 ст. 4 Регламента персональные данные — это «любая информация, относимая к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Очевидно, что терминология используется весьма схожая, но Регламент более подробно определяет информацию, относящуюся к персональным данным. Отметим, что как Регламент, так и Закон № 152-ФЗ содержат широкое определение персональных данных. При этом А.А. Грибанов считает, что «только широкое определение позволяет эффективно достичь целей создания института охраны персональных данных» [5, с. 153], важнейшей из которых называются защита неприкосновенности личной жизни и семейной тайны (ст. 2 Закона № 152-ФЗ).

Статья 9 Закона № 152-ФЗ и ст. 7 Регламента указывают на необходимость получения согласия на обработку персональных данных

субъекта и уточняют особенности этого согласия. Регламент, к примеру, устанавливает требование о понятности и легкодоступности языка изложения этого согласия. Далее, согласие на обработку персональных данных должно запрашиваться отдельно от всех остальных условий и положений, при этом оно должно быть подробным (включать в себя все цели обработки) и явным (субъект должен явно поставить подпись или «галочку» на сайте о своём согласии, молчание не является согласием).

Отдельный вид персональных данных, которые присущи любому человеку с рождения, — это биометрические персональные данные. В соответствии со ст. 11 Закона № 152-ФЗ биометрические персональные данные — «это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых возможно установить его личность». Согласно п. 14 ст. 4 Регламента биометрические персональные данные — «это персональные данные, получаемые вследствие специальной технической обработки, связанные с физическими, психологическими и иными характеристиками физического лица, позволяющие однозначно идентифицировать конкретное физическое лицо или подтвердить его идентификацию». В качестве примера такого вида персональных данных могут быть изображения лица и отпечатки пальцев. А.А. Грибанов полагает, что содержащееся в отечественном Законе определение является более корректным и точным по сравнению с определением, закреплённым в Регламенте [5].

Далее, как Регламент, так и Закон № 152-ФЗ достаточно обширно определяют права субъекта этих данных. В обоих случаях люди могут ознакомиться с объёмом накопленной и обрабатываемой информации, а также изменить или вовсе удалить данные о себе из системы или хранилища. При этом в рассматриваемых правовых актах зафиксирован разный подход к реализации возможности ознакомления с данными. С одной стороны, по Закону № 152-ФЗ субъект имеет право получить сведения об обрабатываемых оператором данными путём направления запроса. С другой — по Регламенту оператор должен сам предоставить все сведения об обработке и накоплению данных в момент их получения от субъекта. Касательно удаления данных, Регламент определяет удаление информации как право субъекта данных, а по Закону № 152-ФЗ — как обязанность оператора. При этом в любом случае субъект всегда может отозвать своё согласие на обработку персональных данных о себе и затребовать их удаления у оператора.

При обработке данных в организации Закон № 152-ФЗ требует от организации-оператора

вести учёт деятельности по работе с персональными данными. Аналогично, Регламент также обязывает операторов вести учёт персональных данных в письменном или электронном виде. По Регламенту учёт обязаны проводить организации не менее чем с 250 сотрудниками, однако некоторые исследователи справедливо замечают, что такой учёт желателен в организациях любого размера [6].

Одно из заметных различий рассматриваемых правовых актов заключается в разнице по действию в пространстве, по кругу лиц, и во времени. В одном из аналитических обзоре Роскомнадзора указано, что норма о локализации персональных данных в российском законодательстве «применима к операторам, ведущих деятельность на территории России, вне зависимости от места регистрации и нахождения» [3]. Фактически, такой же принцип по распространению закона на иностранных лиц применяется в той или иной степени и к другим обязанностям, предусмотренным Законом № 152-ФЗ. Регламент тоже подразумевает действие его норм, в том числе в отношении иностранных лиц. Так, по ч. 2 ст. 3 Регламента, он применяется к обработке персональных данных субъектов на территории Евросоюза оператором, с местом нахождения за пределами ЕС в случаях, если обработка данных связана с предоставлением товаров или услуг таким субъектам персональных данных в ЕС независимо от их платности или бесплатности. Таким образом, в Регламенте не происходит ограничения сферы его действия по «национальному принципу».

Необходимость локализации персональных данных граждан, недавно закреплённая в российском законодательстве, тем не менее, подразумевает возможность трансграничной передачи персональных данных российских граждан. В контексте рассматриваемой темы сравнения отечественного и европейского законодательства отметим следующее.

Согласно ст. 12 Закона № 152-ФЗ, трансграничная передача персональных данных производится в государства, участвующие в рассмотренной ранее Конвенции СЕ 1981 г., а также в прочие страны, законодательство которых обеспечивает адекватный уровень защиты прав субъектов персональных данных. В свою очередь, Регламент устанавливает схожее определение трансграничной обработки данных и определяет необходимость уведомления субъектов персональных данных о рисках такой передачи и обработки. Регламент разрешает трансграничную обработку персональных данных в пределах единой группы компаний, но при этом обязывает их иметь единую корпоративную политику по охране и защите персональных данных субъектов.

Безусловно, действующее правовое регулирование сферы защиты персональных данных подразумевает и санкции за нарушения в этой области, что объясняется общественной важностью данного института. Так, за несоблюдение отечественного законодательства персональных данных, включая вновь принятые требования о локализации данных, предусматривается административная ответственность (закрепленная в ст. 13.11 КоАП РФ), которая с 1 июля 2017 г. получила существенные изменения. К примеру, произошло изменение подведомственности дел о нарушении положений Закона № 152-ФЗ: теперь дела о нарушении в сфере защиты персональных данных может возбуждать не только прокурор, но и должностное лицо Роскомнадзора. В свою очередь, Регламент предусматривает возможность принятия мер юридического характера за нарушение его положений компетентными надзорными органами ЕС и отдельных государств - членов Евросоюза, в том числе возможность наложения административных штрафов. Размеры штрафов могут достигать до 20 млн евро или же исчисляться в размере 4% от оборота денежных средств организации (исходя из того, что больше). Одним из наиболее заметных примеров привлечения к ответственности иностранной компании за нарушение Регламента на сегодняшний день является штраф американской компании Google регулятором Франции (CNIL) в размере 50 млн евро за недостаточное информирование пользователей при получении согласия на обработку и использование их личных данных владельцам ОС Android [9].

Конечно, ни одна организация — оператор персональных данных не может быть полностью защищена от возможных утечек персональных данных или иной потери контроля над ними. При этом действия, которые должен предпринять оператор в этом случае, описываются только в Регламенте. Так, если утечка всё-таки произошла, организация обязана незамедлительно сообщить об этом обстоятельстве как самому субъекту персональных данных, так и в надзорный орган. В противном случае она может быть подвергнута наложению штрафа.

По итогам аналитического сравнения можно сделать вывод о том, что российское законодательство о персональных данных всё ещё имеет ряд недостатков, в том числе некоторые обязательства по Закону о персональных данных затруднительны для исполнения бизнесом, либо же требуют значительных капиталовложений. Однако в целом отечественное законодательство о регулировании персональных данных (кроме некоторых нерешённых вопросов, например, по мнению Э.В. Талапиной, отсутствие независимого органа по контролю за обработкой персональных

данных) [7, с. 140] соответствует мировым стандартам. Эксперты Института исследований интернета высказали мнение о том, что регулирование деятельности провайдеров и интернет-компаний в части накопления и обработки данных их пользователей в России является одной из наиболее непроработанных сфер защиты персональных данных и частично вступает в противоречие с Регламентом [4, с. 3].

Напротив, Регламент содержит достаточно много удачных положений и подходов к правоприменению, которые можно будет успешно реализовать в отечественном правовом регулировании института защиты персональных данных. В то же время согласимся с тем, что и Регламент был принят не столько для помощи бизнесу, сколько для защиты частных лиц — субъектов персональных данных, что может негативно повлиять на рынок, так как интересы частных лиц и бизнеса в этом вопросе не всегда совпадают. В практическом плане у компаний, использующих в своём бизнесе и обрабатывающих персональные данные пользователей из Евросоюза и Российской Федерации, появляется обязанность соблюдать как Закон № 152-ФЗ, так и Регламент, что означает двойную нагрузку на бизнес.

Доработка Закона № 152-ФЗ, с учётом вступившего в силу Регламента, способствовала бы унификации российского и европейского законодательства об охране и защите персональных данных, более широким возможностям субъектов персональных данных управлять своими данными, а также развитию бизнеса и повышению инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. - N 31 (ч. 1), ст. 3451.
- [2] Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Аналитический обзор международного опыта по локализации баз данных, содержащих персональные данные граждан [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Obzor_po_lokalizacii.docx (дата обращения: 30.09.2019).
- [4] Анализ возможных последствий и влияния Регламента GDPR ЕС на бизнес российских операторов персональных данных (телекоммуни-

кационные компании, интернет-компании), предоставляющих услуги через интернет для лиц в странах ЕС в контексте действующего и вступающего с силу регулирования в РФ. - М.: Институт исследования Интернета, 2017. - 196 с.

[5] Грибанов А.А. Общий регламент о защите персональных данных (General Data Protection Regulation): идеи для совершенствования российского законодательства // Закон. - 2018. - № 3. - С. 149 - 162.

[6] Заведенская А. Влияние GDPR на российских операторов персональных данных [Электронный ресурс]. 05.08.2015. URL: https://www.ussc.ru/news/novosti/vliyanie_gdpr_na_rossiyskikh_operatorov_personalnykh_dannykh/ (дата обращения: 30.09.2019).

[7] Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды ИГП РАН. - 2018. - № 5. - С. 117 - 149.

[8] Травкин Ю. Персональные данные. - М.: Амалданик, 2007. - 430 с.

[9] La formation restreinte de la CNIL prononce une sanction de 50 millions d'euros à l'encontre de la société GOOGLE LLC. [франц.] [Электронный ресурс]. 21.01.2019. URL: <https://www.cnil.fr/fr/la-formation-restreinte-de-la-cnil-prononce-une-sanction-de-50-millions-deuros-lencontre-de-la> (дата обращения: 30.09.2019).

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 N 152-FZ (red. ot 31.12.2017) «О персональных данных» // SZ RF. - 2006. - N 31 (ch. 1), st. 3451.

[2] Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» [рус.,

англ.] (Prinyat v g. Bryussele 27.04.2016) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Analiticheskij obzor mezhdunarodnogo opyta po lokalizacii baz dannyh, sodержashchih personal'nye dannye grazhdan [Elektronnyj resurs]. 2018. URL: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Obzor_po_lokalizacii.docx (дата обращения: 30.09.2019).

[4] Analiz vozmozhnyh posledstvij i vliyaniya Reglamenta GDPR ES na biznes rossijskikh operatorov personal'nyh dannyh (telekommunikacionnye kompanii, internet-kompanii), predostavlyayushchih uslugi cherez internet dlya lic v stranah ES v kontekste dejstvuyushchego i vstupayushchego s silu regulirovaniya v RF. - М.: Institut issledovaniya Interneta, 2017. - 196 s.

[5] Griбанov A.A. Obshchij reglament o zashchite personal'nyh dannyh (General Data Protection Regulation): idei dlya sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva // Zakon. - 2018. - № 3. - S. 149 - 162.

[6] Zavedenskaya A. Vliyanie GDPR na rossijskikh operatorov personal'nyh dannyh [Elektronnyj resurs]. 05.08.2015. URL: https://www.ussc.ru/news/novosti/vliyanie_gdpr_na_rossiyskikh_operatorov_personalnykh_dannykh/ (дата обращения: 30.09.2019).

[7] Talapina E.V. Zashchita personal'nyh dannyh v cifrovuyu epohu: rossijskoe pravo v evropejskom kontekste // Trudy IGP RAN. - 2018. - № 5. - S. 117 - 149.

[8] Travkin Yu. Personal'nye dannye. - М.: Амалданик, 2007. - 430 с.

[9] La formation restreinte de la CNIL prononce une sanction de 50 millions d'euros à l'encontre de la société GOOGLE LLC. [franc.] [Elektronnyj resurs]. 21.01.2019. URL: <https://www.cnil.fr/fr/la-formation-restreinte-de-la-cnil-prononce-une-sanction-de-50-millions-deuros-lencontre-de-la> (дата обращения: 30.09.2019).

БАБИЧ Дмитрий Владимирович,

соискатель

e-mail: mail@law-books.ru

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье исследуются нормативные правовые акты в сфере трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь. Рассматриваются понятие и правовое регулирование объектов и видов трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь. Трансплантация органов и тканей – одно из наиболее быстро развивающихся сегментов медицины в Республике Беларусь. Особенностью правового регулирования отношений в сфере трансплантации является императивный характер и конкретность положений нормативных актов, практически отсутствующая пробельность исследуемого законодательства. Права реципиентов и доноров защищены в равной степени.

Ключевые слова: трансплантация, инструкция, реципиент, донор, законодательство о трансплантации, медицинское заключение, пересадка органов и тканей, Республика Беларусь, Конституционный суд, Закон «О трансплантации органов и тканей человека», забор органов и тканей, объект гражданско-правовых сделок.

BABICH Dmitry Vladimirovich
applicant

FEATURES OF LEGISLATION REGULATING RELATIONS IN THE FIELD OF TRANSPLANTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. The article examines the regulatory legal acts in the field of transplantation of human organs and tissues in the Republic of Belarus. The concept and legal regulation of objects and types of transplantation of human organs and tissues in the Republic of Belarus are considered. Organ and tissue transplantation is one of the fastest growing segments of medicine in the Republic of Belarus. A specific feature of the legal regulation of relations in the field of transplantation is the imperative nature and specificity of the provisions of regulatory acts, and the absence of a gap in the studied legislation. The rights of recipients and donors are equally protected.

Key words: transplantation, instruction, recipient, donor, transplantation legislation, medical report, organ and tissue transplantation, Republic of Belarus, Constitutional Court, the Law "On transplantation of human organs and tissues", organ and tissue sampling, object of civil law transactions.

В настоящее время в Республике Беларусь разработана довольно обширная нормативная база в сфере трансплантации органов и тканей. Трансплантация органов и тканей – один из наиболее быстро развивающихся сегментов медицины в стране. Развитие трансплантологии являлось основным направлением, определенным Программой развития здравоохранения Республики Беларусь на 2006 - 2010 годы, утвержденной постановлением Совета

министров РБ от 31 августа 2006 г. № 1116. В настоящее время отношения в сфере трансплантации регулируются Законом РБ от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека» [1], а также Законом РБ «О здравоохранении», который определяет в ст. 21 основания для констатации смерти и прекращения реанимационных мероприятий [2].

Закон очерчивает сферу своего действия, включая в нее отношения, возникающие при

трансплантации, за исключением, имеющих отношение к процессу воспроизводства человека (яйцеклетка, сперма, яичники, яички либо эмбрионы), крови и ее компонентов, а также тканевых компонентов, используемых для приготовления биоимплантов. Внесенные в Закон изменения от 21 июня 2012 г. дополнили перечень отношений, ранее регламентируемых этим актом. В сферу регулирования Закона вошли гемопоэтические стволовые клетки — комбинация клеток, полученных из костного мозга или периферической крови, в том числе пуповинной, и способных к восстановлению системы кроветворения при ее поражении вследствие заболевания.

В ст. 1 Закона трансплантация органов и (или) тканей человека понимается как замещение у больного путем проведения хирургической операции или манипуляции отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями, изъятыми в результате забора органов и (или) тканей человека.

Перечень объектов трансплантации определяется в подзаконных актах. В настоящее время это перечень органов и тканей человека, подлежащих трансплантации. Как и в Российской Федерации, этот перечень является исчерпывающим. Дополнения в него вносятся в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 5 Закона РБ от 4 марта 1997 г. «О трансплантации органов и тканей человека». В то же время, в отличие аналогичного в Российской Федерации документа, в Республике Беларусь в перечень вошли такие составляющие, которые не представлены в России, например, гемопоэтические стволовые клетки и некоторые мультивисцеральные комплексы. Такой подход белорусского законодателя позволяет урегулировать отношения, возникающие в сфере трансплантации стволовых клеток, признаваемой в настоящее время одним из наиболее перспективных направлений лечения тяжелых заболеваний. Закон подчеркивает, что органы и (или) ткани человека не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, за исключением сделок, носящих безвозмездный характер. Совершение возмездных сделок, а также реклама спроса и (или) предложений органов и (или) тканей человека запрещаются.

Как и в российском праве, белорусское законодательство о трансплантации предусматривает прижизненное и посмертное донорство. Выделение непосредственно в законе таких терминов, как «живой донор» и «умерший донор», вызвано тем, что в Законе уточняются нормы, регулирующие условия и процедуру забора органов и (или) тканей человека у донора в зависимости от его физического состояния.

Под умершим донором Закон понимает тело человека, у которого после смерти осуществляется забор органов для трансплантации реципиенту. Ключевой момент правового регулирования в области трансплантологии состоит в том, какую концепцию по изъятию органов и тканей у трупа использует государство. Стандарты Совета Европы отдают решение этого вопроса на усмотрение государства [3].

В Республике Беларусь в основе правил проведения трансплантации лежит так называемая презумпция согласия на изъятие органов и тканей человека после его смерти, трактуемая невыражением самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли, либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия. Ситуация с трансплантациями в Беларуси кардинально изменилась в 2008 г. - в Закон «О трансплантации органов и тканей человека» именно тогда были внесены положения о «презумпция согласия» [4]. В соответствии с изменениями в законодательстве о трансплантации 2012 г., принятыми Законом РБ от 13 июля 2012 г. № 407-З, гражданам предоставляется возможность отказаться от посмертного донорства [5]. Дееспособные граждане вправе представить в государственную организацию здравоохранения по месту жительства (месту пребывания), а также в иную государственную организацию здравоохранения, в которой им оказывается медицинская помощь, письменное заявление о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти. В отношении несовершеннолетних, за исключением тех, которые приобрели в установленном порядке дееспособность в полном объеме, и лиц, признанных в установленном порядке недееспособными, такое заявление представляется их законными представителями. В отношении лиц, не способных по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, данное заявление представляется супругом (супругой) или одним из близких родственников.

Руководитель государственной организации здравоохранения, руководитель структурного подразделения государственной организации здравоохранения или лица, исполняющие их обязанности, в течение шести часов с момента представления в государственную организацию здравоохранения письменного заявления о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти представляют соответствующую информацию в Министерство здравоохранения РБ для включения в Единый регистр трансплантации (ст. 10-1 Закона).

Следует отметить, что белорусский Закон о трансплантации – прогрессивный закон, соответствующий общеевропейской практике. Однако изменения, внесенные в Закон, вызвали негативную реакцию у отдельных групп населения, в связи с чем Конституционный суд РБ вынужден был решать вопрос о конституционности его положений и соответствия Конституции РБ. В Решении от 9 июля 2012 г. № Р-757/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам трансплантации органов и тканей человека”» [6] Конституционный суд РБ отметил, что, согласно Конституции, человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ч. 1 ст. 2); государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в законах (ч. 3 ст. 21); каждый имеет право на жизнь (ч. 1 ст. 24) и право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 45); государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25). Ряд положений Закона направлен на сохранение жизни пациента или восстановление его здоровья. Конституционный суд отмечает, что такое правовое регулирование устанавливает баланс прав и законных интересов доноров и реципиентов, согласуется с положениями Конституции РБ, гарантирует права граждан. Закрепленное в Конституции право на неприкосновенность и достоинство личности, обеспечиваемое государством (ст. 25), охватывает не только прижизненный период существования человеческого организма, но и правовую охрану тела умершего, включающую его физическую неприкосновенность и достойное к нему отношение. Исходя из новой редакции, забор органов у умершего донора не допускается, если при жизни данное лицо либо один из его близких родственников или законных представителей до его смерти (до момента забора органов) заявили в установленном порядке о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти. Отсутствие соответствующего заявления, свидетельствующего об отрицательном волеизъявлении лица к забору органов после смерти, рассматривается законодателем как предполагаемое согласие стать умершим донором. Конституционный суд отмечает, что закрепление законодателем презумпции согласия человека на изъятие у него органов для трансплантации после смерти в нормах Закона РБ «О трансплантации органов и тканей человека» и ст. 3 «Волеизъявление о достойном отношении к телу после смерти» Закона РБ «О погребении и похоронном деле» свидетельствует о предоставлении государственным организациям здравоохранения права распоряжаться

органами умершего без учета его воли либо без решения одного из его близких родственников или законных представителей, если они не выразили в установленном порядке отрицательного отношения к изъятию органов. При таком правовом регулировании, имеющем положительное значение для развития трансплантологии в Республике Беларусь, преследующем гуманные цели – сохранение жизни реципиента и восстановление его здоровья, важно соблюдать баланс защищаемых конституционных ценностей, надлежащим образом гарантировать реализацию гражданином либо его близкими родственниками или законными представителями права выразить несогласие на забор органов для трансплантации после смерти.

Вместе с тем, по мнению Конституционного суда РБ, нуждаются в дальнейшем законодательном регулировании отношения, касающиеся порядка и условий доступа заинтересованных физических лиц к Единому регистру трансплантации, определения четкого механизма информирования граждан о действующей презумпции согласия на забор органов для трансплантации в случае отсутствия соответствующего отрицательного волеизъявления со стороны гражданина либо его близких родственников или законных представителей. Анализ содержания статей Закона, предусматривающих согласование положений законов Республики Беларусь по вопросам трансплантации органов и тканей человека, показывает, что вносимые изменения и дополнения направлены на обеспечение ясности, определенности применяемых норм права и отдельных терминов с целью дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений в области трансплантации органов и тканей человека [7]. Данные изменения и дополнения согласуются с принципом верховенства права (ст. 7 Конституции) и вытекающим из него принципом правовой определенности. На основании изложенного Конституционный суд считает, что Закон по содержанию норм, форме акта и порядку принятия соответствует Конституции РБ.

При посмертном донорстве точное определение на законодательном уровне момента смерти имеет важное значение для трансплантации и определяется в Законе как необратимое прекращение деятельности головного мозга человека (смерть головного мозга), при котором искусственно с помощью лекарственных средств и медицинской техники могут временно поддерживаться его сердечная деятельность и дыхание. На основании ст. 21 Закона РБ от 18 июня 1993 г. (в ред. Закона РБ от 20.06.2008 г.) «О здравоохранении» и ст. 11 Закона РБ от 4 марта 1997 г. «О трансплантации органов и тканей человека»

Министерство здравоохранения РБ приняло Инструкцию о порядке констатации смерти от 20 декабря 2008 г. № 228 [8]. Особенностью этого документа является то, что в нем сосредоточены положения, касающиеся как взрослых, так и лиц младше 18 лет. Для российской трансплантологии отсутствие инструкции о констатации смерти ребенка стало непреодолимой преградой на пути развития детского донорства. Принятый в сентябре 2012 г. документ (постановление Правительства от 23.06.2012 г. «Об утверждении Инструкции о констатации смерти») воспроизвел положения Закона и не привнес ничего нового. В Республике Беларусь, согласно Инструкции, констатация смерти пациента осуществляется консилиумом врачей государственной организации здравоохранения, в которой находится пациент, с привлечением при необходимости врачей других организаций здравоохранения. Констатация смерти пациента осуществляется консилиумом в случае, когда: у пациента имеется сердечная деятельность; пациенту выполняется искусственная вентиляция легких; имеются предварительные данные о полной и необратимой утрате функций головного мозга у пациента (далее - смерть головного мозга). При этом причинами, способными привести к смерти головного мозга, могут быть: тяжелая черепно-мозговая травма; массивное субарахноидальное или внутримозговое кровоизлияние различной этиологии; обширное ишемическое нарушение мозгового кровообращения с отеком и дислокацией мозга; гипоксическое и ишемическое повреждение мозга любой этиологии, в том числе при длительной сердечно-легочной реанимации; температура тела пациента выше 32,2 градуса Цельсия; среднее артериальное давление выше 55 мм рт. ст. у лиц старше 18 лет, а у детей - согласно возрастным нормам. В случае, если клиническое обследование, выполненное консилиумом, доказало или подтвердило данные о смерти мозга, для констатации консилиумом смерти пациента последний должен установить причину поражения центральной нервной системы и определить, может ли она привести к смерти головного мозга; исключить все потенциально обратимые состояния со сходной клинической картиной, провести клиническое обследование, которое должно подтвердить отсутствие сознания, координированных движений и двигательных реакций в ответ на болевые раздражители. Смерть пациента констатируется консилиумом в случае, если каждое из двух клинических обследований, выполненных консилиумом с интервалом не менее 6 часов друг от друга, подтвердило смерть головного мозга на основании подпункта неизменяющихся показателей. В состав консилиума для констатации смерти пациента включаются врачи с

опытом работы по специальности не менее пяти лет, в том числе врач-реаниматолог; врач-невролог или врач-нейрохирург; иные врачи-специалисты для проведения дополнительных инструментальных исследований. В состав консилиума для констатации смерти не могут быть включены врачи-специалисты, принимающие участие в заборе и трансплантации органов и (или) тканей человека.

Констатация смерти у детей младше одного года осуществляется: в возрасте от семи дней до двух месяцев в случае, когда два клинических обследования, выполненных консилиумом с интервалом не менее 48 часов друг от друга, подтвердили отсутствие клинических признаков жизни, при двух выполненных с интервалом не менее 48 часов исследованиях, указанных в настоящей Инструкции, отсутствует электрическая активность мозга пациента, а также подтверждено отсутствие спонтанного дыхания, тест на которое проводится только во время второго обследования. В возрасте от двух месяцев до одного года в случае, когда два клинических обследования, выполненных консилиумом с интервалом не менее 24 часов друг от друга, подтвердили отсутствие клинических признаков жизни, указанных в п.п. 6.3 п. 6 настоящей Инструкции, и при двух выполненных с интервалом не менее 24 часов исследованиях, отсутствует электрическая активность мозга пациента, а также подтверждено отсутствие спонтанного дыхания, тест на которое проводится только во время второго обследования.

Диагностика смерти мозга у детей в возрасте до семи дней не выполняется.

Эксплантация органов и тканей достаточно жестко урегулирована подзаконными актами, определяющими порядок ее проведения. Забор органов у трупного донора для трансплантации проводится:

- государственными организациями здравоохранения, имеющими специальное разрешение (лицензию) на осуществление медицинской деятельности, включающее работы и услуги по забору, трансплантации органов и (или) тканей;
- в специально оборудованных помещениях государственных организаций здравоохранения, имеющих операционную и отделение интенсивной терапии и реанимации (анестезиолого-реанимационное отделение) для аппаратного поддержания функционального резерва органов и (или) тканей человека, искусственного поддержания его сердечной деятельности и дыхания;
- врачами-трансплантологами и членами бригады, обеспечивающими забор органов государственных организаций здравоохранения, врачами-патологоанатомами патологоанатомических

бюро (отделений), врачами-хирургами отдела биотрансплантатов Государственной службы медицинских судебных экспертиз (далее - ГСМСЭ) в отделениях (отделах) ГСМСЭ.

Координацию взаимодействия по подготовке и проведению забора органов у трупного донора с момента констатации смерти осуществляют: врачи-специалисты территориальных отделений по координации забора донорских органов для трансплантации государственных организаций здравоохранения; врачи-хирурги отдела биотрансплантатов ГСМСЭ.

Помимо посмертного, законодательство регулирует и прижизненное донорство. В соответствии с Законом, живой донор – лицо, добровольно давшее в установленном порядке согласие на забор органов и (или) тканей человека (далее – забор органов) для трансплантации органов и (или) тканей человека (далее – трансплантация) реципиенту.

В целях защиты отдельных категорий граждан Законом введена норма, ограничивающая круг лиц, которые могут быть живыми донорами. Так, в соответствии со ст. 7, живыми донорами не могут быть несовершеннолетние лица (за исключением случаев забора костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток); лица, признанные в установленном порядке недееспособными, а также лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями); лица, у которых обнаружены заболевания, являющиеся опасными для жизни и здоровья реципиента; беременные женщины; дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица, не являющиеся супругом (супругой) или близкими родственниками реципиента (за исключением случаев забора костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток) [9]. К близким родственникам относятся родители, усыновители (удочерители), дети, в том числе усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки. Представляется, что ограничение круга живых доноров будет способствовать ограничению купли-продажи органов и тканей.

Перед забором органов донор имеет право на получение полной и объективной информации о состоянии своего здоровья и последствиях, которые могут наступить в связи с осуществлением забора органов. Согласие на забор органов может быть в любой момент отозвано, за исключением случаев, когда врачи уже приступили к забору органов и его прекращение либо возврат к первоначальному состоянию невозможны или связаны с угрозой для жизни либо здоровья живого донора. Живой донор после осуществления у него забора органов имеет право на получение компенсации расходов, связанных с необхо-

димостью восстановления его здоровья в связи с забором органов; получение пособия по временной нетрудоспособности на период нетрудоспособности, наступившей в связи с забором органов. Инвалидность живого донора, наступившая в связи с забором органов, приравнивается к инвалидности, связанной с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием. В то же время донор обязан сообщить лечащему врачу государственной организации здравоохранения, осуществляющей забор органов, сведения о перенесенных им либо имеющихся у него заболеваниях и вредных привычках.

Забор органов для трансплантации у живого донора разрешается при соблюдении следующих условий:

- письменного предупреждения живого донора лечащим врачом государственной организации здравоохранения о возможном ухудшении его здоровья в связи с забором органов для трансплантации;
- наличия добровольного согласия живого донора на забор органов, выраженного в письменной форме, удостоверенного нотариально;
- проведения всестороннего медицинского обследования живого донора и наличия заключения консилиума врачей-специалистов о возможности забора у него органов для трансплантации.

Забор костного мозга или гемопоэтических стволовых клеток у несовершеннолетнего лица, которое не приобрело дееспособности в полном объеме, осуществляется с письменного согласия его законного представителя, удостоверенного нотариально, и органа опеки и попечительства. При письменном или устном возражении несовершеннолетнего лица забор костного мозга или гемопоэтических стволовых клеток не допускается.

Законодательство Республики Беларусь защищает не только интересы доноров, но и реципиентов. Потребность в трансплантации определяется на основании Инструкции о порядке вынесения заключения о необходимости трансплантации, принятой Постановлением Министерства здравоохранения РБ от 29.08.2012 № 134 [10]. Заключение выносится в государственных организациях здравоохранения, имеющих право в установленном законодательством Республики Беларусь порядке осуществлять трансплантацию. Основанием для рассмотрения врачом консилиумом необходимости трансплантации является такое состояние пациента, которое свидетельствует о том, что никакими иными методами оказания медицинской помощи невозможно сохранить жизнь пациента или восстановить его здоровье. В случае установления консилиумом врачей необходимости проведения трансплантации

составляется медицинское заключение по форме согласно приложению к настоящей Инструкции. Медицинское заключение оформляется в трех экземплярах, первый из которых выдается реципиенту, второй - направляется в государственную организацию здравоохранения по месту его жительства, месту его пребывания (по месту работы, службы, учебы - при наличии ведомственных организаций здравоохранения), третий - хранится в государственной организации здравоохранения, консилиумом врачей которой выдано данное медицинское заключение. Государственной организацией здравоохранения, врачебным консилиумом которой вынесено заключение, сведения о нем в письменном виде в течение одного дня с момента вынесения данного заключения передаются в Республиканский центр трансплантации органов и тканей на базе государственного учреждения здравоохранения «9-я городская клиническая больница» для дальнейшей координации деятельности по оптимальному подбору пар донор – реципиент. Если по истечении трех лет со дня выдачи реципиенту медицинского заключения трансплантация ему необходимых органа и (или) ткани не была произведена, необходимость проведения трансплантации должна быть установлена повторно в порядке, определенном указанной Инструкцией. В этом случае реципиенту выдается новое медицинское заключение.

Трансплантация осуществляется только с письменного согласия реципиента. При этом реципиент должен быть письменно предупрежден о возможном ухудшении его здоровья в результате предстоящего медицинского вмешательства. Если реципиентом является несовершеннолетнее лицо, которое не приобрело дееспособности в полном объеме, либо лицо, признанное в установленном порядке недееспособным, то трансплантация осуществляется с письменного согласия его законного представителя.

Трансплантация реципиенту, не способному по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, осуществляется с письменного согласия супруга (супруги) или одного из близких родственников. В исключительных случаях, когда промедление в проведении трансплантации угрожает жизни реципиента, а близкие родственники лица отсутствуют или установить их местонахождение невозможно, решение о проведении трансплантации принимается врачебным консилиумом, а при невозможности собрать его – врачом-специалистом, осуществляющим трансплантацию, с оформлением записи в медицинских документах и последующим уведомлением об этом должностных лиц государственной организации здравоохранения в течение суток.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Законодательство о трансплантации учитывает и регулирует не только современные направления трансплантации в форме пересадки органов и тканей, но и перспективные методы лечения тяжелых заболеваний – клеточную трансплантацию [11].

Белорусский законодатель разработал правовые основания не только для лечения лиц, достигших совершеннолетия, но и детей. При этом правила констатации момента смерти у детей жестко формализованы, с одной стороны, и не ограничивают проведение реанимационных мероприятий по времени – с другой.

Особенностью правового регулирования отношений в сфере трансплантации являются императивный характер и конкретность положений нормативных актов, практически отсутствующая пробельность исследуемого законодательства.

Интересы реципиентов и доноров защищены в равной степени. Создание Регистра трансплантации позволит оперативно оказать медицинскую помощь лицам, нуждающимся в трансплантации, осуществлять контроль над использованием органов и тканей и предотвратить нарушение права лица на выражение несогласия с посмертным донорством.

Серьезное превентивное значение имеет контроль со стороны прокуратуры за соблюдением закона при эксплантации и использованием донорских органов и тканей.

Подводя итоги рассмотрения белорусского законодательства о трансплантации, полагаю необходимым отметить большую сбалансированность и соблюдение интересов всех сторон процесса трансплантации в белорусском праве. Представляется, что отдельные законодательные решения, касающиеся контроля над использованием донорских органов и процедурой их эксплантации, создание единого для республики Регистра трансплантации, участие в осуществлении процедуры трансплантации прокуратуры существенно снижают криминальный потенциал исследуемой сферы и могут быть восприняты законодателем Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека» // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. – 1997. - № 9, ст. 196.

[2] Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» // Звязда. – 1993. - 6 авг.

[3] Баранов В.М. Проблемы обеспечения соответствия Конституции России международным стандартам в области прав человека / В.М. Баранов, М.А. Пшеничников // Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы Междунар. конф. – М.: Изд-во ИГП РАН, 1999. – С. 205 - 210.

[4] Закон Республики Беларусь от 9 января 2007 г. № 207-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека»» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. - № 15, 2/1304.

[5] Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 407-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам трансплантации органов и тканей человека» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2012. - 2/1959. - 19 июля.

[6] Решение от 9 июля 2012 г. № Р-757/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам трансплантации органов и тканей человека”» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2012. - 6/1221. – 21 июля.

[7] Кондрашова Т.В. К вопросу об единстве терминологии в уголовном законодательстве и праве // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – Вып. 2(7). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – С. 322 - 326.

[8] Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20 декабря 2008 г. № 228 «Об утверждении Инструкции о порядке констатации смерти и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 2 июля 2002 г. № 47» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. - № 30, 8/20250.

[9] Тасаков С. Искусственное прерывание беременности (аборт): уголовно-правовые аспекты / С. Тасаков, А. Шумилов // Уголовное право. – 2004. - № 2. – С. 69.

[10] Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 августа 2012 г. № 134 «О некоторых вопросах трансплантации органов и тканей человека» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. - № 11.

[11] Современная медицина и право / Я. Дргонец, П. Холлендер; пер. со словац. Л.И. Бадь. – М.: Юрид. лит., 1991. - 336 с.

Spisok literatury:

[1] Zakon Respubliki Belarus' ot 4 marta 1997 g. № 28-Z «O transplantacii organov i tkanej cheloveka» // Vedamasci Nacyyanal'naga skhodu Respubliki Belarus'. – 1997. - № 9, st. 196.

[2] Zakon Respubliki Belarus' ot 18 iyunya 1993 g. № 2435-XII «O zdavoohranenii» // Zvyazda. – 1993. - 6 avg.

[3] Baranov V.M. Problemy obespecheniya sootvetstviya Konstitucii Rossii mezhdunarodnym standartam v oblasti prav cheloveka / V.M. Baranov, M.A. Pshenichnov // Rossijskij konstitucionalizm: problemy i resheniya: materialy Mezhdunar. konf. – M.: Izd-vo IGP RAN, 1999. – S. 205 - 210.

[4] Zakon Respubliki Belarus' ot 9 yanvarya 2007 g. № 207-Z «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Respubliki Belarus' "O transplantacii organov i tkanej cheloveka"» // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus'. – 2007. - № 15, 2/1304.

[5] Zakon Respubliki Belarus' ot 13 iyulya 2012 g. № 407-Z «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakony Respubliki Belarus' po voprosam transplantacii organov i tkanej cheloveka» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – 2012. - 2/1959. - 19 iyulya.

[6] Reshenie ot 9 iyulya 2012 g. № R-757/2012 «O sootvetstvii Konstitucii Respubliki Belarus' Zakona Respubliki Belarus' "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakony Respubliki Belarus' po voprosam transplantacii organov i tkanej cheloveka"» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – 2012. - 6/1221. – 21 iyulya.

[7] Kondrashova T.V. K voprosu ob edinstve terminologii v ugovnom zakonodatel'stve i prave // Vestnik NU im. N.I. Lobachevskogo: Vlast' i pravo. – Vyp. 2(7). – N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2003. – S. 322 - 326.

[8] Postanovlenie Ministerstvazdavoohraneniya Respubliki Belarus' ot 20 dekabrya 2008 g. № 228 «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke konstatacii smerti i priznanii utrativshim silu postanovleniya Ministerstva zdavoohraneniya Respubliki Belarus' ot 2 iyulya 2002 g. № 47» // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus'. – 2009. - № 30, 8/20250.

[9] Tasakov S. Iskustvennoe preryvanie beremennosti (abort): ugovno-pravovye aspekty / S. Tasakov, A. Shumilov // Ugovnoe pravo. – 2004. - № 2. – S. 69.

[10] Postanovlenie Ministerstva zdavoohraneniya Respubliki Belarus' ot 29 avgusta 2012 g. № 134 «O nekotoryh voprosah transplantacii organov i tkanej cheloveka» // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus'. – 2012. - № 11.

[11] Sovremennaya medicina i pravo / Ya. Drgonec, P. Hollender; per. so slovac. L.I. Bad'. – M.: Yurid. lit., 1991. - 336 s.

ПОТАПОВ Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
e-mail: upotapov@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор
в динамике социальной травмы: российский опыт».**

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые положения функционирования такого института, как ограничение прав человека и гражданина. Актуальность проведенного исследования заключается, прежде всего, в том, что особые (специальные) правовые режимы в большинстве случаев предполагают ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, изменение прав организаций и общественных объединений, определяют особый порядок деятельности государственных органов. С этой целью предпринят анализ международно-правовых актов и норм национального законодательства.

Раскрываются основные термины и порядок введения, продления, отмены ряда правовых режимов, установленных российским законодательством, приводятся их сравнительно-правовые характеристики, делаются обобщения и выводы.

Подробно анализируются организационно-правовые аспекты деятельности журналистов и средств массовой информации в период действия чрезвычайного, военного положений, проведения контртеррористических операций и иных особых условий. Рассматривается порядок реализации прав и обязанностей, запретов и ограничений, установленных федеральным законодательством для журналиста в период ведения боевых действий локального и регионального уровней (внутреннего вооруженного конфликта).

Автором предлагаются пути решения научной и прикладной проблемы, связанной с адаптацией журналиста к новым, подчас непростым условиям внешней среды с обязательным соблюдением норм законодательства и сохранением социально ориентированной направленности журналистского творчества.

Вносятся предложения по совершенствованию федерального законодательства, направленные на урегулирование информационных правоотношений в период действия особых правовых режимов, поскольку процедура введения и реализации чрезвычайного положения регламентирована недостаточно подробно.

Ключевые слова: права и свободы человека, ограничение прав, особый правовой режим, чрезвычайное положение, военное положение, контртеррористическая операция, вооруженный конфликт, средства массовой информации, злоупотребление свободой массовой информации.

POTAPOV Yuri Alekseevich
PhD in Law, associate Professor,
associate Professor of General theoretical legal disciplines,
North-West branch Russian state University of justice

RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS DURING THE PERIOD OF THE SPECIAL LEGAL REGIMES

Annotation. The article deals with the theoretical and legal provisions of the functioning of such an institution as the restriction of human and civil rights. The actuality of the study is, first of all, that the special (special) legal regimes in most cases involve the restriction of constitutional rights and

freedoms of man and citizen, change the rights of organizations and public associations, determine the special order of activity of state bodies. To this end, an analysis of international legal acts and norms of national legislation has been undertaken.

The basic terms and the order of introduction, extension, cancellation of a number of legal regimes established by the Russian legislation are revealed, their comparative legal characteristics are given, generalizations and conclusions are made.

The organizational and legal aspects of the activities of journalists and the media during the period of emergency, martial law, counter-terrorism operations and other special conditions are analyzed in detail. The order of realization of the rights and duties, the bans and restrictions established by the Federal legislation for the journalist during conducting military operations of local and regional levels (internal armed conflict) is considered.

The author suggests ways to solve the scientific and applied problems associated with the adaptation of the journalist to new, sometimes difficult conditions of the environment with the mandatory observance of the law and the preservation of socially oriented focus of journalistic creativity.

Proposals are made to improve Federal legislation aimed at regulating information relations during the period of special legal regimes, since the procedure for the introduction and implementation of the state of emergency is not sufficiently regulated.

Keywords: *human rights and freedoms; restriction of rights; special legal regime; state of emergency; martial law; counter-terrorism operation; armed conflict; media; abuse of media freedom.*

Научная проблема, связанная с ограничением прав человека, занимает особое место среди теоретико-правовых исследований российских и зарубежных исследователей. Данная тема напрямую затрагивает основные права, свободы и интересы человека и гражданина, механизм ограничения которых должен быть досконально урегулирован международно-правовыми актами и национальным законодательством. По мнению ряда отечественных ученых, ограничения прав применяются не столько произвольно, сколько с определенной целью и в связи с конкретными обстоятельствами[25; 23].

Однако приведенный в научных публикациях перечень целей, пределов, условий ограничения прав человека и гражданина не является исчерпывающим. Как, например, указывает Д.О. Якубовская, исходя из духа и буквы уголовного, гражданского и других норм федерального законодательства, основаниями ограничения прав граждан также являются противоправные действия человека, грубо попирающие юридические и нравственные устои общества; нарушение прав и свобод человека в результате злоупотреблений со стороны другого лица [34].

Отдельную научную проблему представляют исследования природы и функционирования института ограничения прав лиц, наделенных законодательством рядом полномочий. В частности, журналистов, имеющих в соответствии с Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) право искать, запрашивать, получать и распространять информацию, а также реализующих иные – специальные – права в период осуществления профессиональной деятельности в

чрезвычайных и иных экстремальных условиях[21; 26].

В современных условиях быстро меняющегося мира журналист оказывается перед сложным выбором: как успеть за чередой событий, выбрать главные из них, не опоздать к месту действия, не проиграть в информационной борьбе конкурентам и при этом остаться честным и объективным. Такие принципы работы журналиста, как объективность, достоверность, оперативность и другие сегодня хорошо известны и студентам, и практикам. Проблема заключается в другом – как добиться адаптации журналиста к новым, подчас непростым условиям внешней среды и сохранить социально ориентирующую направленность творчества, как писать остро, полемично, уметь найти достойную фактуру и не нарушить закон, соблюсти этические принципы.

В качестве объекта исследования рассмотрим деятельность журналиста в период ведения боевых действий локального и регионального уровней (внутреннего вооруженного конфликта). Журналист, выполняющий профессиональные обязанности в зоне вооруженного конфликта, выступает в данном случае субъектом социально-правовых отношений.

В российском законодательстве имеются следующие понятия, содержащие элемент экстремальности, предельности, опасности: чрезвычайная ситуация, угроза безопасности, чрезвычайное положение, военное положение, авария, состояние войны, террористическая акция и контртеррористическая операция, диверсия и др. Достаточно часто подобные состояния и действия называют «горячими точками». Иными словами, «горячие точки» – это территории различного мас-

штаба, характеризующиеся высокой конфликтностью, представляющие из себя очаги кризиса, опасности. Следует также заметить, что это распространенное в журналистике и лексиконе граждан определение не имеет законодательного и нормативно-правового закрепления как в российском законодательстве, так и в международном праве.

Федеральным законодательством предусмотрены отдельные ограничения временного характера, применение которых закреплено, в частности, в п. «а» ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» (далее – ФКЗ о ЧП) [22]. Наряду с этим обстоятельством п. «б» ст. 12 указанного Закона допускается ограничение свободы печати и других СМИ. Данная правовая норма реализуется посредством введения предварительной цензуры, изъятия или ареста печатной продукции, радиопередающих, и иных технических средств. В период действия ЧП в соответствии с законодательством и ведомственными подзаконными актами устанавливается особый порядок аккредитации журналистов [6].

Выполнение указанных выше задач возложено, в том числе, на специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти – министерства и службы. В частности, на уровне федерального законодательства закреплены статус и полномочия войск национальной гвардии, органов внутренних дел, органов безопасности и других правоохранительных ведомств, а также возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции [11–13; 19; 20–22; 29].

В свете рассматриваемой проблемы необходимо сказать о таких важных с юридической точки зрения положениях, как цензура массовой информации и недопустимость злоупотребления свободой массовой информации [21; 32]. Определение такого понятия, как «злоупотребление свободой массовой информации» в законодательстве отсутствует. Вместе с тем ст. 4 указанного Закона приводит перечень случаев, когда такие злоупотребления могут иметь место [21; 30].

После известных трагических событий, связанных с серией террористических актов в ряде городов Российской Федерации, в 2006 г. была законодательно закреплена норма о том, что порядок сбора информации журналистами на территории (объекте) проведения контртеррористической операции определяется руководителем операции.

Статус лиц, участвующих в проведении контртеррористических операций и иных предусмотренных законодательством случаях, при освещении указанных событий в СМИ, зависит от статуса

режима, который вводится с целью наведения конституционного порядка.

Понятие особого правового режима в советской и российской юридической науке рассматривалось в различных аспектах. К числу ученых-юристов, занимавшихся разработкой данной темы, относятся такие исследователи, как В.В. Бородин [2], О.В. Виноградов [3], В.Н. Григорьев [4], А.Н. Домрин [5], М.-С.З. Ильясов [3; 7], С.В. Пчелинцев [24; 25], В.Б. Рушайло [27], А.В. Тарасов [2], В.И. Ушаков [2], В.Ю. Ухов [31], Н.Г. Янгол [35] и др.

Рассмотрим наиболее распространенные и разделяемые другими учеными подходы. Д.Н. Бахрах под правовым режимом понимает особый порядок регулирования общественных отношений. Данный порядок установлен в соответствии с законодательством и представляет совокупность правовых, организационных и специальных методов и средств. Их применение позволяет обеспечить должное социально-правовое состояние объектов, на которые направлен вводимый режим, и на устойчивое функционирование элементов государственного аппарата, органов местного самоуправления и др. [1].

Ряд ученых (М.-С.З. Ильясов, С.В. Пчелинцев, В.Б. Рушайло, М.А. Рыльская и др.) считают, что правовой режим – это своеобразная форма государственного управления, допускающая ограничение правосубъектности физических и юридических лиц, вводимая при различных условиях в качестве временной меры, направленной на обеспечение целостности и безопасности государства, личности и общества [6; 24; 25; 28].

А.В. Малько и В.Ю. Ухов называют ряд характерных признаков, присущих правовому режиму. В частности, указывается на особые полномочия государства по установлению (закреплению) данного режима и его обеспечение [10; 31]. Кроме того, в качестве одного из признаков является «наличие цели специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты или объекты права» [10]. Важной характеристикой правового режима является его цель – обеспечить благоприятные условия для удовлетворения интересов всех субъектов.

В начале 2000-х годов в России были приняты законы (специалисты их называли «режимными»), которые устанавливали специальные правовые режимы [9; 12; 14; 16; 22].

Принятие этих законов вызвало большую дискуссию среди ученых и практиков, поскольку было необходимо с юридической точки зрения заняться исследованием теоретических вопросов о статусе правовых режимов, так как специальный правовой режим в большинстве случаев предпо-

лагает ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, изменение прав организаций и общественных объединений [8].

В федеральном законодательстве установлено несколько видов правовых режимов. Во-первых, это чрезвычайное положение, порядок введения, продления, отмена которого регулируется соответствующим федеральным законом [22]. Во-вторых, на законодательном уровне закреплена такая правовая режим, как военное положение [12]. К числу особых правовых режимов также относятся чрезвычайная ситуация [17], военное время [12], контртеррористическая операция [20]. Еще два вида правового режима – особо опасных объектов [17] и закрытых административно-территориальных образований [16] – также установлены законом.

Рассматривая юридическую литературу о правовых режимах, можно сделать вывод, что процедура введения и реализации чрезвычайного положения регламентирована недостаточно подробно. Актуальной проблемой является наличие множества юридических документов, которые уточняют и подробно различают порядок введения, основания осуществления и реализации правовых режимов.

Как отмечает Н.Г. Янгол, в зарубежном и отечественном законодательстве сформирован институт чрезвычайного положения, предписывающий в случае реальной угрозы населению, территориальной целостности или иных угроз (каждое государство устанавливает свои цели введения чрезвычайных мер) объявлять ЧП [35].

В целях реальной угрозы для защиты национальной безопасности Президенту РФ предоставляется конституционное право введения таких видов особых правовых режимов, как военное положение и чрезвычайное положение [7].

Эти две режимные меры стоит отличать, так как они носят разный характер, хотя по своей сущности схожи. Основным отличительный критерий – цели введения военного положения и чрезвычайного положения.

Что касается процедуры осуществления правового режима чрезвычайного положения в современных условиях, то, на наш взгляд, серьезной проблемой, требующей кардинального решения, является бесконтрольное распространение информации, граничащее с нарушением закона. Общество и его институты, в том числе и СМИ, и другие информационные ресурсы, включая электронные, в новый российский период претерпели значительные изменения.

Действующий Федеральный конституционный закон о ЧП, а именно – его третья глава «Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения», нуждается в

дополнениях, касающихся ряда применяемых мер и ограничений, которые позволят должным образом регулировать обстановку на территории введения ЧП.

Проанализировав ситуацию, связанную с активным внедрением в повседневную жизнь граждан России современных информационных технологий, предлагается включить в Закон о ЧП дополнения, касающиеся частичного или полного ограничения доступа к сети Интернет на территории режима ЧП. Данная норма необходима, поскольку информационно-телекоммуникационные сети являются:

а) основным источником информации для граждан и иных лиц, проживающих в стране, а также для иных лиц, в том числе получающих такой доступ к электронным коммуникациям за пределами национальной юрисдикции государства;

б) основным средством обмена информации между большим количеством субъектов;

в) инструментом рекламирования и реализации запрещенных взрывчатых веществ, а также оружия, наркотических и психотропных средств и других запрещенных к обороту средств и материалов.

Не исключается, что в период действия чрезвычайного положения, информационно-телекоммуникационные сети могут использоваться для распространения:

а) ложной информации;

б) призывов к массовым беспорядкам и иным противоправным деяниям;

в) оборота оружия, боеприпасов, ядовитых веществ и иных опасных для жизни предметов и др.

Кроме того, определенную угрозу составляют «черные» информационные технологии, направленные на проведение провокаций, фальсификаций и иных действий разрушающего характера.

Важно понимать, что Интернет как глобальная сеть, его информационные ресурсы являются важными средствами и способами коммуникации граждан, институтов общества и государства. Популярность Интернета в настоящее время значительно возросла. Однако эта деятельность на национальном уровне нуждается в контроле со стороны государства и его органов безопасности и охраны правопорядка.

Вместе с тем, важно понимать, что данная проблема в свете обострения глобальных противоречий, возражений террористических угроз носит международный характер и должна найти свое решение на уровне международных организаций (к примеру, таких как Организация Объединенных наций и ее Совета Безопасности).

Список литературы:

- [1] Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право Российской Федерации: учеб. - М.: Норма, 2004. - 766 с.
- [2] Бородин В.В., Тарасов А.В., Ушаков В.И. Ограничение конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. - СПб.: СПбУ МВД России, 2008. - 155 с.
- [3] Виноградов О.В., Ильясов М.-С.З. Правовое регулирование чрезвычайного положения в Российской Федерации. - М.: АЭБ МВД России, 2009. - 226 с.
- [4] Григорьев В.Н. Правовой режим чрезвычайного положения // Правоведение. - 1991. - № 2. - С. 87-91.
- [5] Домрин А.Н. Чрезвычайное и военное положение: особенности советского законодательства и опыт применения // Историческое место советского общества: материалы Всеросс. науч. конф. / под общ. ред. А.Б. Ананченко. - М.: МПГУ, Институт истории и политики, 2016. - С. 163-173.
- [6] Ильясов М.-С.З. Административно-правовое регулирование общественных отношений при введении чрезвычайного положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2006. - 201 с.
- [7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. - 2014. - № 31, ст. 4398.
- [8] Котелевский Д.В. Институт федерального вмешательства в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2002. - 171 с.
- [9] Кудрявцев Ю.А. Государственные режимы. - СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2012. - 350 с.
- [10] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2003. - 248 с.
- [11] О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // СЗ РФ. - 2011. - № 1, ст. 2.
- [12] О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) // СЗ РФ. - 2002. - № 5, ст. 375.
- [13] О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // СЗ РФ. - 2016. - № 27 (ч. I), ст. 4159.
- [14] О Государственной границе Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-I (ред. от 29.07.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 17, ст. 594.
- [15] О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5486-I // СЗ РФ. - 1997. - № 41. ст. 8220-8235.
- [16] О закрытом административно-территориальном образовании: Закон Российской Федерации от 14.07.1992 № 3297-I (ред. от 29.06.2018) // Росс. газ. - 1992. - № 190.
- [17] О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. - 1994. - № 35. ст. 3648.
- [18] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. - 2006. - № 31 (ч. 1), ст. 3451.
- [19] О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СЗ РФ. - 2011. - № 7, ст. 900.
- [20] О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. - 2006. - № 11, ст. 1146.
- [21] О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I (с изм. от 17.01.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1992. - № 7, ст. 300.
- [22] О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. - 2001. - № 23, ст. 2277.
- [23] Опалева А.А. Цели ограничения прав человека и гражданина в конституциях европейских государств // Вестник МУ МВД России. - 2018. - № 4. - С. 173-175.
- [24] Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2006. - 53 с.
- [25] Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. - М.: Норма, 2006. - 480 с.
- [26] Рихтер А.Г. Свобода массовой информации и саморегулирование журналистики в условиях переходного периода: дис. ... д-ра фил. наук. - М., 2007. - 694 с.
- [27] Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы. - М.: Щит-М, 2000. - 263 с.
- [28] Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2004. - 347 с.
- [29] Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). - М.: Юстицинформ, 2016. - 312 с.

[30] Сойников С.А. Административно-правовое регулирование оборота массовой информации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2011. - 494 с.

[31] Ухов В.Ю. Административно-правовой режим чрезвычайного положения и нормы международного права // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. - 2016. - № 5. - С. 149-153.

[32] Шарков Ф.И. Интегрированные коммуникации: правовое регулирование в рекламе, связях с общественностью и журналистике: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ИТК «Дашков и К», 2011. - 336 с.

[33] Яковец Е.Н. Правовые режимы распространения информации в исключительных ситуациях, представляющих угрозу безопасности Российской Федерации // Военно-юрид. журнал. - 2014. - № 12. - С. 12-16.

[34] Якубовская Д.О. Механизм реализации ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2012. - 27 с.

[35] Янгол Н.Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. - СПб.: СПбГУАП, СПбУ МВД России, 2000. - 406 с.

Spisok literatury:

[1] Bahrah D.N., Rossinskij B.V., Starilov Yu.N. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. - М.: Norma, 2004. - 766 с.

[2] Borodin V.V., Tarasov A.V., Ushakov V.I. Ogranichenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj aspekt. - SPb.: SPbU MVD Rossii, 2008. - 155 с.

[3] Vinogradov O.V., Il'jasov M.-S.Z. Pravovoe regulirovanie chrezvychajnogo polozheniya v Rossijskoj Federacii. - М.: АЕВ МВД России, 2009. - 226 с.

[4] Grigor'ev V.N. Pravovoj rezhim chrezvychajnogo polozheniya // Pravovedenie. - 1991. - № 2. - С. 87-91.

[5] Domrin A.N. Chrezvychajnoe i voennoe polozhenie: osobennosti sovetskogo zakonodatel'stva i opyt primeneniya // Istoricheskoe mesto sovetskogo obshchestva: materialy Vseross. nauch. konf. / pod obshch. red. A.B. Ananchenko. - М.: МРГУ, Институт истории и политики, 2016. - С. 163-173.

[6] Il'jasov M.-S.Z. Administrativno-pravovoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij pri vvedenii chrezvychajnogo polozheniya v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. - SPb., 2006. - 201 с.

[7] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom

popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // SZ RF. - 2014. - № 31, st. 4398.

[8] Kotelevskij D.V. Institut federal'nogo vmeshatel'stva v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. - Omsk, 2002. - 171 с.

[9] Kudryavcev Yu.A. Gosudarstvennye rezhimy. - SPb.: Yurid. centr-Press, 2012. - 350 с.

[10] Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: monografiya. - 2-e izd., pererab. i dop. - М.: Yurist", 2003. - 248 с.

[11] O bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ (red. ot 05.10.2015) // SZ RF. - 2011. - № 1, st. 2.

[12] O voennom polozhenii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.01.2002 № 1-FKZ (red. ot 01.07.2017) // SZ RF. - 2002. - № 5, st. 375.

[13] O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 № 226-FZ (red. ot 11.10.2018) // SZ RF. - 2016. - № 27 (ch. I), st. 4159.

[14] O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii: Zakon Rossijskoj Federacii ot 01.04.1993 № 4730-I (red. ot 29.07.2018) // Vedomosti SND i VS RF. - 1993. - № 17, st. 594.

[15] O gosudarstvennoj tajne: Zakon Rossijskoj Federacii ot 21.07.1993 № 5486-I // SZ RF. - 1997. - № 41, st. 8220 - 8235.

[16] O zakrytom administrativno-territorial'nom obrazovanii: Zakon Rossijskoj Federacii ot 14.07.1992 № 3297-I (red. ot 29.06.2018) // Ross. gaz. - 1992. - № 190.

[17] O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodno i tekhnogennogo haraktera: Federal'nyj zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ (red. ot 23.06.2016) // SZ RF. - 1994. - № 35, st. 3648.

[18] O personal'nyh dannyh: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ // SZ RF. - 2006. - № 31 (ch. 1), st. 3451.

[19] O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (red. ot 01.04.2019) // SZ RF. - 2011. - № 7, st. 900.

[20] O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 18.04.2018) // SZ RF. - 2006. - № 11, st. 1146.

[21] O sredstvakh massovoj informacii: Zakon Rossijskoj Federacii ot 27.12.1991 № 2124-I (s izm. ot 17.01.2019) // Vedomosti SND i VS RF. - 1992. - № 7, st. 300.

[22] O chrezvychajnom polozhenii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 № 3-FKZ (v red. ot 03.07.2016) // SZ RF. - 2001. - № 23, st. 2277.

[23] Opaleva A.A. Celi ogranicheniya prav cheloveka i grazhdanina v konstituciyah evropejskih

gosudarstv // Vestnik MU MVD Rossii. - 2018. - № 4. - S. 173–175.

[24] Pchelincev S.V. Ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyah osobyh pravovyh rezhimov: metodologiya, teoriya, praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. - M., 2006. - 53 s.

[25] Pchelincev S.V. Problemy ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyah osobyh pravovyh rezhimov. - M.: Norma, 2006. - 480 s.

[26] Rihter A.G. Svoboda massovoy informacii v postsovetских gosudarstvah: regulirovanie i samoregulirovanie zhurnalistiki v usloviyah perekhodnogo perioda: dis. ... d-ra fil. nauk. - M., 2007. - 694 s.

[27] Rushajlo V. B. Administrativno-pravovye rezhimy. - M.: Shchit-M, 2000. - 263 s.

[28] Rushajlo V.B. Special'nye administrativno-pravovye rezhimy v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk. - M., 2004. - 347 s.

[29] Sal'nikov V.P., Borisov O.S., Kondrat E.N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 03.07.2016 № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» (postatejnyj). - M.: Yusticinform, 2016. - 312 s.

[30] Sojnikov S.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie oborota massovoy informacii v organah

vnutrennih del: dis. ... d-ra yurid. nauk. - M., 2011. - 494 s.

[31] Uhov V.Yu. Administrativno-pravovoj rezhim chrezvychajnogo polozheniya i normy mezhdunarodnogo prava // Vestnik NU im. N.I. Lobachevskogo. - 2016. - № 5. - S. 149 - 153.

[32] Sharkov F.I. Integrirovannye kommunikacii: pravovoe regulirovanie v reklame, svyazyah s obshchestvennost'yu i zhurnalistike: ucheb. posobie. 3-e izd., pererab. i dop. - M.: ITK «Dashkov i K», 2011. - 336 s.

[33] Yakovec E.N. Pravovye rezhimy rasprostraneniya informacii v isklyuchitel'nyh situacijah, predstavlyayushchih ugrozu bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Voenno-yurid. zhurnal. - 2014. - № 12. - S. 12–16.

[34] Yakubovskaya D.O. Mekhanizm realizacii ogranicheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2012. - 27 s.

[35] Yangol N.G. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo i isklyuchitel'nye pravovye rezhimy: istoriya i sovremennost'. - SPb.: SPbGUAP, SPbU MVD Rossii, 2000. - 406 s.

УДК 336.221.4
ББК 65.291

ВИНОГРАДОВ Максим Алексеевич
студент 4 курса Факультета анализа рисков и экономической
безопасности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: vinogradovmaxon@mail.ru

Научный руководитель: **ИВАНОВА Светлана Анатольевна**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

НАЛОГОВЫЕ НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Уровень теневой экономики в России составляет около 35% от ВВП из-за чего экономическая безопасность государства становится уязвимой, так как налоговые поступления от теневого сектора экономики отсутствуют. В работе обозначены схемы уклонения от налогов и способы выявления их на основе судебной практики, а также меры наказания на основе уголовного, гражданского и налогового кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: способы уклонения от налогов, экономическая безопасность государства, налоговые риски, дробление организации, договор купли-продажи, договор комиссии, договор лизинга, договор реализации долей в уставном капитале.

VINOGRADOV Maxim Alexeyevich,
3rd year student at the Faculty of Risk Analysis and Economic Security
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific advisor: **IVANOVA Svetlana Anatol'evna**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Operations of the Financial University
under the Government of the Russian Federation.

TAX VIOLATIONS IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP ACTIVITIES

Annotation. The level of the shadow economy in Russia amounts to about 35% of GDP, which makes the state's economic security vulnerable because there are no tax revenues from the shadow sector of the economy. The work identifies tax evasion schemes and ways to identify them on the basis of judicial practice, as well as penalties based on the criminal, civil and tax codes of the Russian Federation.

Key words: methods of tax evasion, economic security of the state, tax risks, fragmentation of an organization, purchase and sale agreement, commission agreement, leasing agreement, agreement on sale of shares in the authorized capital.

В современной России ключевым фактором коррупционной деятельности является незаконное получение экономической выгоды и избежание наказания. Представляется, что действенным способом минимизации

коррупции является реализация надзорной функции государства над деятельностью государственных служащих в предпринимательском секторе. В этой связи интересен опыт Германии. В Германии, вовремя и после срока государствен-

ной службы, запрещено в течении 5 лет заниматься предпринимательской деятельностью. В России, согласно п. 3 ч. 1 ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», государственным служащим запрещено заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, однако, запрета на ведение предпринимательской деятельности после государственной службы отсутствует, следовательно, государственный служащий, в случае отставки продолжает вести свой бизнес [11].

В большинстве случаев по административным делам привлекаются государственные служащие за ведение предпринимательской деятельности через доверенных лиц и/или наличие расходов, не связанных с оказанием услуг [3]. Следует отметить, что, государственный служащий, пользуясь своим служебным положением, представляет преимущества организации, например, в сфере государственных закупок и прочих фиктивных операций, которые способствуют уклонению от уплаты налогов и получению личной экономической выгоды [1].

Особую популярность получили махинации, связанные с уклонением от уплаты налогов с помощью фиктивных схем оптимизации налогов через фирмы однодневки, фиктивного дробления бизнеса с целью применения спецрежима (минимизации налогового бремени), фиктивного применения льготных налоговых ставок, фальсификация договоров и тому подобное [10]. Однако, чтобы привлечь к ответственности организацию, которая уклоняется от уплаты налогов, Следственному комитету следует в ходе налоговых проверок доказать умысел собственников бизнеса и обнаружить фиктивность операций с помощью документов, которые относятся к этим операциям. Если организация будет привлечена к ответственности налоговыми органами в уклонении от уплаты налогов умышленно, то ей придется доплатить налоги и штраф в размере 40% от суммы недоимки, согласно п.3 ст. 122 НК РФ [4].

Уклонение от уплаты налогов путем фиктивной оптимизации налогов через фирмы однодневки осуществляется посредством фиктивных сделок, которые осуществляются с главной целью – завышения расходной части, либо занижение доходной, например, реализация продукции по заниженной стоимости; приобретение продукции по завышенной стоимости. Организация и фиктивная фирма могут обойтись фиктивным документооборотом без реализации и приобретения оборудования, что в конечном итоге приведет к получению незаконной налоговой выгоды.

Для выявления данной схемы налоговым органам необходимо доказать фиктивность сделок следующими действиями:

1. Опрос руководства организации, приемщиков товаров, складских рабочих, бухгалтеров и контрагентов о ключевых моментах договора, его заключения и исполнения.

2. Сбор необходимых документов (договоры с контрагентами, товарные накладные, заявки, переписки, протоколы совещаний, журналы выезда-въезда, выдачи пропусков, складские книги и прочее).

3. Анализ документов и поиск несоответствий по ним, например, в договоре с контрагентом по приобретению/продаже товара, где количество товара указано в штуках, а в товарной накладной или в счет-фактуре в килограммах.

4. Анализ контрагентов: сбор сведений об организации и их операциях через ЦБ РФ и Росфинмониторинг.

5. Осуществление обысков помещений для поиска печатей фирмы-однодневки, специальных бланков аффилированных организаций, серверов, флешнакопителей и т.д.

6. Сравнение и анализ фактического движения товара и по бухгалтерской отчетности, объема поставок, а также наличие склада.

Уклонение от уплаты налогов с помощью фиктивного дробления бизнеса для выбора оптимальных систем налогообложения. Следует отметить, закон не запрещает делить организацию на несколько частей для достижения хороших финансовых результатов, однако налоговые органы будут проводить анализ, обыск и доказывать умысел руководства организации в уклонении от уплаты налогов.

Доказательства причастности организации к уклонению от уплаты налогов следующие.

1. Разделенные организации, которые характеризуются единым комплексом, ведут свою деятельность и зарегистрированы по одному адресу с общим персоналом и с единой материально-технической базой.

2. Бухгалтерскую и налоговую отчетность в разделенных организациях ведут одни и те же лица, реализуют товары и услуги по одной клиентской базе.

3. Наличие одинаковой спецодежды у персонала разделенных организаций.

4. Разделенные организации пользуются единым IP-адресом, хранят в единой базе общие документы финансовой хозяйственной деятельности организации и прочие бухгалтерские документы.

5. При приближении к сделке (получению прибыли) у одной из разделенных организаций, при приближении к лимиту по упрощенной системе налогообложения происходит расторжение договора и заключение договора с другой разделен-

ной организацией. Это происходит для того, чтобы разделенная организация не выходила из лимита по доходам при упрощенной системе налогообложения.

Для того, чтобы налоговыми органам выявить такую схему уклонения от уплаты налогов, им следует провести в организации проверку. При наличии у этих дробленных компаний одного склада и сотрудников, которые «путаются» в показаниях, в какой именно организации они работают, говорит о том, что дробление произошло умышленно с целью уклонения от уплаты налогов.

Однако, чтобы не было конфликтов с налоговыми органами при дроблении бизнеса на основе упрощенной системы налогообложения не с целью уклонения от уплаты налогов, а с целью расширения бизнеса следует:

удостовериться, что в раздробленных организациях надлежаще оформлены документы на собственные помещения, активы, персонал, а также у каждой разделенной организации свой исполнительный директор, бухгалтер, персонал и разная клиентская база.

не допускать различных договорных отношений между разделенными компаниями, то есть не пополнять оборотные средства и не предоставлять беспроцентные кредиты, займы по нерыночной процентной ставке, то есть по процентной ставке ниже чем у контрагентов. Другими словами, деятельность организаций должна иметь независимый характер, или же некая взаимосвязь должна быть обоснована деловыми задачами.

разделение организации должно иметь конкретную цель собственника разделить производственную деятельность, то есть разделение организации для производства разных товаров и услуг или разграничение по территориальному признаку, для расширения деятельности и увеличения доли на рынке.

Уклонение от уплаты налогов с помощью фиктивных льготных налоговых ставок в любой сфере, где организация имеет существенный размер основных средств осуществляется следующим образом. Организация, для уклонения от налога на недвижимость и транспортного налога, переводит свои активы, а именно здания, сооружения, технику и транспорт компании-резиденту офшорной экономической зоны, у которой ставка налога на прибыль незначительна. В конечном итоге, организация свои переведенные активы берет у компании-резидента в аренду, тем самым увеличивая расходы. После свершения этих действий налог на прибыль сокращается, а у компании-резидента образуется доход, с которого он платит меньший налог чем та организация.

Единственный фактор в данном случае, который может привлечь внимание налоговых

органов, это завышенная стоимость аренды. После того как налоговые органы это обнаружат, собственник понесет ответственность согласно 122 НК РФ [4].

В данном случае, чтобы обойти претензии от налоговых органов, сдача в аренду приобретенного имущества компании-резидента организации следует документально доказать обоснованность данного действия, например, ненадобность части недвижимого имущества для осуществления предпринимательской деятельности, в связи с этим возникает необходимость часть здания сдавать в аренду и т. д.

Также организации производят подмену договоров для уклонения от уплаты налогов, например, производят подмену договора о купле-продажи на договор лизинга, договор комиссии или же договор реализации долей в уставном капитале [9]. Для уклонения от уплаты налога на добавочную стоимость организация с аванса заключает договор займа и отгружает продукцию. После ее отгрузки, заемные средства засчитывают в счет ее оплаты или же заключает договор комиссии с другой организацией, при фактической сделки купли-продажи продукции [6].

При составлении договора комиссии, согласно ст. 990 ГК РФ, организация не уплачивает НДС и налог на прибыль до отгрузки товара, поэтому налоговые органы, при наличии подозрений в уклонении от уплаты налогов, в данной ситуации будут анализировать условия сделки и первичные документы: какие условия оплаты товара, перечисление частями или же всей суммы, изменение цен на продукцию, дата перевода денежных средств и оплаты товара, а также отчет комиссионера [2].

В случае обнаружения, в ходе анализа, что контрагент перевел денежные средства до отгрузки товара и наличия условия в договоре комиссии об оплате продукции не позднее определенного срока после поставки товара, говорит о том, что данный договор противоречит правовой природе и понятию посреднической сделки, другими словами, договор признается недействительным.

Если же организация не преследовала цель уклонения от уплаты налогов, но все же нарушила данные требования, налоговые органы могут признать умышленность в уклонении от уплаты налогов. Чтобы не попасть в такую ситуацию организация должна ознакомиться и соблюдать условия договора комиссии.

Также существует схема уклонения от уплаты налогов с помощью фиктивного договора реализации долей в уставном капитале. Организация, при продаже основных средств или прочих внеоборотных активов, чтобы не уплачивать НДС,

осуществляет договор займа и вносит средства в уставный капитал другой организации, которая намеревается продать свои активы. Организация, при получении средств в уставный капитал, передает имущество организации, которая стала дольщиком в уставном капитале, таким способом, организация приобретает долю в уставном капитале другой организации и уходит от уплаты НДС. Другими словами, договор по приобретению доли в уставном капитале прикрывает сделку купли-продажи активов [7].

Более известная схема по уклонению от уплаты налогов осуществляется через фиктивный договор финансового лизинга, согласно ст. 665 ГК РФ «арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение или пользование» [2]. То есть организации в целях уклонения от уплаты налогов и экономической выгоды подменяют договор купли-продажи на договор лизинга и оплачивают имущество в рассрочку, имеющие названия как лизинговые платежи. Экономическая выгода заключается в том, что при договоре лизинга происходит ускоренная амортизация имущества, другими словами, стоимость имущества будет списываться в расходы по налогу на прибыль несколько раз быстрее, тем самым уменьшая налог на прибыль организации.

В данном случае налоговые органы обращают особое внимание на 2 составляющие договора:

1. Срок лизинга и срок амортизации имущества, то есть если срок лизинга значительно меньше чем амортизация имущества, налоговые органы скорее всего начнут проводить проверку.

2. Наличие условий в договоре и на чьем балансе организации будет отображаться данное оборудование или имущество.

В случае каких-либо нарушений договора лизинга, налоговыми органами может быть переqualифицирован данный договор в договор купли-продажи [5].

Для того, чтобы не попасть под судебное разбирательство, договор лизинга с последующим приобретением предмета лизинга на основе лизинговых платежей должен заключаться на срок не менее срока амортизации имущества.

В случае каких-либо вышеперечисленных нарушений с уклонением от уплаты налогов, самая минимальная ответственность, которую организация может понести по причине плохого финансового состояния организации согласно п.1 ст. 122 НК РФ — это уменьшить штраф в несколько раз, во всех других случаях организация будет

вынуждена оплатить все не уплаченные налоги и штраф в полном размере (40% от суммы не уплаченных налогов в случае умышленного уклонения от налогов) [4].

Для минимизации налоговых рисков и обеспечения экономической безопасности, организации следует осуществлять налоговое планирование, а также осуществлять налоговую оптимизацию, при которой, следует качественно ознакомиться и разобраться с условиями оптимизации налогового бремени. Также при осуществлении предпринимательской деятельности, лицу принимающему решения необходимо ознакомиться с налоговым законодательством и при различных коммерческих операциях соблюдать его.

Список литературы:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации URL: http://genproc.gov.ru/documents/jurisprudence/supreme_court/administrative_cases/ (Дата обращения: 29.03.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. — № 238-239. — 08.12.1994.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2019) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Российская газета», № 148-149, 06.08.1998.
5. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2016 N 18АП-7872/2016, 18АП-8012/2016 по делу N А34-6036/2015 URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=102767#09088697813211082> (Дата обращения: 29.03.2019).
6. Приговор суда по ч. 1 ст. 199 УК РФ № 1-117/2017 | Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/546166.html> (Дата обращения: 29.03.2019).
7. Решение от 13 января 2016 г. по делу № А41-80579/2015 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Cp469AeSrdmB/> (Дата обращения: 29.03.2019).
8. Следственный комитет Российской Федерации URL: <https://sledcom.ru/> (Дата обращения: 29.03.2019).
9. Судебная практика по ст. 199 УК РФ URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/category/110.html> (Дата обращения: 29.03.2019).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) //

«Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

11. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ // «Российская газета», № 162, 31.07.2004.

Spisok literatury:

1. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL: http://genproc.gov.ru/documents/jurisprudence/supreme_court/administrative_cases/ (Appeal Date: 03/29/2019).

2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 11/30/1994 No. 51-ФЗ // Russian newspaper. - № 238-239. - 12/08/1994.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on 04/23/2019) (as amended and added, took effect from 04/26/2019) // Rossiyskaya Gazeta, No. 256 31.12.2001.

4. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of 31.07.1998 No. 146-FZ (as amended on 12/27/2018) // Rossiyskaya Gazeta, No. 148-149, 08/06/1998.

5. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal of 07/28/2016 N 18АП-7872/2016, 18АП-8012/2016 in case N A34-6036 / 2015 URL: [http://](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req = doc & base = RAPS018 & n = 102767 # 09088697813211082)

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req = doc & base = RAPS018 & n = 102767 # 09088697813211082 (Revised: 03/29/2019).

6. The verdict of the court under Part 1 of Art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation № 1-117 / 2017 | Tax evasion and (or) charges from the organization URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/546166.html> (Circulation date: 03/29/2019).

7. Decision of January 13, 2016 on case No. A41-80579 / 2015 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Cp469AeSrdmB/> (Appeal date: 03/29/2019).

8. Investigative Committee of the Russian Federation URL: <https://sledcom.ru/> (Appeal date: March 29, 2019).

9. Judicial practice under art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/category/110.html> (Revised: 03/29/2019)

10. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.04.2019) // Rossiyskaya Gazeta, No. 113, 06/18/1996, No. 114, 06/19/1996, No. 115, 20.06.1996, № 118, 06.25.1996.

11. Federal Law "On the Civil Service of the Russian Federation" dated July 27, 2004 No. 79-ФЗ // "Rossiyskaya Gazeta", No. 162, July 31, 2004.

КАМЫШАНСКИЙ Дмитрий Юрьевич,
аспирант заочной аспирантуры ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
e-mail: kamyshanski_dmitri@mail.ru

12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ОБ ОПЫТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный опыт борьбы с коррупцией на основе анализа уголовного законодательства Республики Казахстан, международных правовых актов в области противодействия коррупции, официальной статистики, научных подходов, материалов средств массовой информации и авторского понимания о преступлениях указанной категории.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, Уголовный кодекс Республики Казахстан, коррупционные преступления, международные правовые акты, официальная статистика.

KAMYSHANSKY Dmitry Yurievich,
correspondence post-graduate study of Griboyedov IMLE

ON THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN COMBATING CORRUPTION

Annotation. The article considers foreign experience of combating corruption on the basis of analysis of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, international legal acts in the field of anti-corruption, official statistics, scientific approaches, media materials and the author's understanding about the crimes of the specified category.

Key words: corruption, anti-corruption legislation, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, corruption crimes, international legal acts, official statistics.

В настоящее время на фоне складывающейся общественно-политической и социально-экономической обстановки достаточно часто констатируются факты коррупции в различных сферах жизнедеятельности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – государства – члены ОДКБ), в том числе Республики Казахстан. Коррупция в органах государственной власти и управления является наиболее острой проблемой, без кардинального решения которой невозможно эффективное развитие общества.

Совершение коррупционных преступлений продолжает представлять реальную угрозу национальной безопасности любого государства, поскольку затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности экономики, а также вызывает недоверие к государственным институтам.

Ни одному европейскому государству не удалось в полной мере решить проблему искоре-

нения коррупции. Коррупционированность многих государственных служащих в большинстве стран в разное время заставила национальные власти реагировать на коррупционные проявления путем принятия различных мер, в том числе уголовно-правовых [1].

В последнее время в ряде зарубежных государств осуществлены попытки по совершенствованию антикоррупционного национального законодательства. К настоящему времени во многих государствах – членах ОДКБ созданы и реализуются уголовно-правовые механизмы, направленные на борьбу с коррупцией. Тем не менее, их эффективность вызывает определенные сомнения, так как количество совершенных коррупционных преступлений продолжает увеличиваться [2; 3].

В связи с изложенным борьба с коррупцией и преступлениями коррупционной направленности является актуальной проблемой и для Республики Казахстан.

Уголовно-правовое регулирование противодействия коррупции на территории Казахстана

осуществляется Уголовным кодексом РК и Уголовно-процессуальным кодексом РК. Основа такого регулирования - Конституция РК, которая имеет высшую юридическую силу.

В свою очередь, национальное законодательство, регламентирующее вопросы противодействия коррупции в Республике Казахстан, можно разделить на две группы. К первой группе целесообразно отнести нормативные правовые акты прямого действия, направленные непосредственно на борьбу с коррупцией:

Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V «О противодействии коррупции»¹;

Закон РК от 18.11.2015 № 411-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия коррупции»² и др.

Во вторую группу входят нормативные правовые акты косвенного действия, которые затрагивают вопросы борьбы с коррупцией, но регулируют в первую очередь общественные взаимоотношения, не относящиеся к коррупции:

Конституционный закон РК от 26.12.1995 № 2733 «О Президенте Республики Казахстан»;

Конституционный закон РК от 18.12.1995 № 2688 «О Правительстве Республики Казахстан»;

Конституционный закон РК от 16.10.1995 № 2529 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов»;

Закон РК от 23.11.2015 № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан»;

Закон РК от 23.01.2001 № 148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан»;

Закон РК от 06.04.2016 № 480-V «О правовых актах»;

Закон РК от 15.04.2013 № 88-V «О государственных услугах» и др.

Следует отметить, что Уголовный кодекс РК³ содержит гл. 15 «Коррупционные и иные престу-

пления против интересов государственной службы и государственного управления», которой предусмотрена ответственность за преступления коррупционной направленности.

Коррупционными преступлениями по Уголовному кодексу в Республике Казахстан признаются:

– присвоение или растрата вверенного чужого имущества (п. 2 ч. 3 ст. 189);

– мошенничество (п. 2 ч. 3 ст. 90);

– совершение действий по выписке счета-фактуры без фактического выполнения работ, оказания услуг, отгрузки товаров (п. 4 ч. 2 ст. 216);

– создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой (п. 3 ч. 3 ст. 217);

– легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (п. 1 ч. 3 ст. 218);

– экономическая пропаганда (п. 1 ч. 3 ст. 234);

– рейдерство (п. 2 ч. 3 ст. 249);

– организация незаконного игорного бизнеса (п. 3 ч. 3 ст. 307);

– злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361);

– превышение власти или должностных полномочий (п. 3 ч. 4 ст. 362);

– незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364);

– воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 365);

– получение взятки (ст. 366);

– дача взятки (ст. 367);

– посредничество во взяточничестве (ст. 368);

– служебный подлог (ст. 369);

– бездействие по службе (ст. 370);

– злоупотребление властью (ст. 450);

– превышение власти (п. 2 ч. 2 ст. 451);

– бездействие власти (ст. 452).

Как верно отмечает ведущий специалист СМУС Карагандинской области И. Ахтаева, противодействие коррупции в Казахстане в настоящее время осуществляется на основе следующих принципов:

законности;

приоритета защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;

гласности и прозрачности;

взаимодействия государства и гражданского общества;

системного и комплексного использования мер противодействия коррупции;

приоритетного применения мер предупреждения коррупции;

поощрения лиц, оказывающих содействие в противодействии коррупции;

¹ См.: Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V «О противодействии коррупции» // ПАРАГРАФ: информационные системы [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=33478302 (дата обращения: 10.10.2019).

² См.: Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 411-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия коррупции» // ПАРАГРАФ: информационные системы [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32928272#pos=1;-173 (дата обращения: 10.10.2019).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-VЗКР//ПАРАГРАФ: информационные системы [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.10.2019).

неотвратимости наказания за совершение коррупционных правонарушений.

Цель противодействия коррупции в Казахстане - устранение коррупции в обществе.

Достижение цели противодействия коррупции реализуется посредством решения следующих задач:

- формирования в обществе атмосферы нетерпимости к коррупции;

- выявления условий и причин, способствующих совершению коррупционных правонарушений, и устранения их последствий;

- укрепления взаимодействия субъектов противодействия коррупции;

- развития международного сотрудничества по противодействию коррупции;

- выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных правонарушений.

В свою очередь, система мер противодействия коррупции в Республике Казахстан включает:

- антикоррупционный мониторинг;

- анализ коррупционных рисков;

- формирование антикоррупционной культуры;

- выявление коррупциогенных норм при производстве юридической экспертизы в соответствии с законодательством Республики Казахстан;

- формирование и соблюдение антикоррупционных стандартов;

- финансовый контроль;

- антикоррупционные ограничения;

- предотвращение и разрешение конфликта интересов;

- меры противодействия коррупции в сфере предпринимательства;

- выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений;

- сообщение о коррупционных правонарушениях;

- устранение последствий коррупционных правонарушений;

- формирование и публикацию Национального доклада о противодействии коррупции [4].

Следует отметить, что в условиях модернизации экономики и масштабных социальных преобразований в Казахстане была все более очевидна потребность в целостной антикоррупционной стратегии, тесно увязанной с современной социально-экономической политикой государства.

В связи с этим 26 декабря 2014 г. была утверждена новая Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015 - 2025 годы (далее – Стратегия).

Целью Стратегии являются повышение эффективности антикоррупционной политики государства, вовлечение в антикоррупционное

движение всего общества путем создания атмосферы «нулевой» терпимости к любым проявлениям коррупции и снижение в Казахстане уровня коррупции.

Ключевые направления противодействия коррупции, определенные Стратегией:

- противодействие коррупции в сфере государственной службы;

- внедрение института общественного контроля;

- противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах;

- предупреждение коррупции в правоохранительных и судебных органах;

- формирование уровня антикоррупционной культуры;

- развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции¹.

По мнению многих представителей научного сообщества Республики Казахстан [5; 6; 7; 8], всеми государственными органами государства принимаются ведомственные Программы и планы по борьбе с коррупцией, в которых заложены различные антикоррупционные мероприятия.

В частности, Департаментом государственных доходов (налоговыми органами) утверждены Стратегия борьбы с коррупцией в органах налоговой службы Республики Казахстан, Перечень коррупционных сфер в налоговых отношениях и мер по устранению в них коррупционных проявлений, Кодекс профессиональной этики работника органов налоговой службы, Хартия налогоплательщика. Положительную роль в противодействии коррупции оказывает введение Программы «Электронное правительство», позволяющее создавать полноценную «обратную» связь государства с населением посредством Интернет-ресурсов [9].

Однако, наряду с имеющимся в последнее время прогрессом Казахстана в вопросах противодействия коррупции, до сих пор остается достаточно большое количество проблем в указанной сфере деятельности.

Так, некоторые казахстанские эксперты отмечают, что коррумпированные слои бюрократического аппарата пытаются саботировать выполнение принятых государственных программ, таких как космическая, биотопливная, индустриально-инновационная, «чистая питьевая вода», 12-летнее школьное образование и др. [10].

Что касается Стратегии противодействия коррупции, частью которой является президентский план «100 конкретных шагов. Современное

¹ См.: Об антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015 - 2025 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://zakon.kz/4940522-korrupsiya-v-respublike-kazakhstan-i>.html (дата обращения: 10.10.2019).

государство для всех», озвученный Н.А. Назарбаевым на расширенном заседании Правительства РК в Астане 6 мая 2015 г., то под видом его скорейшей реализации иногда могут продвигаться весьма сомнительные законопроекты¹.

Обоснованной является позиция Т.М. Татубаева, в соответствии с которой «коррупцированным группам казахстанского общества свойственно создавать условия для самовоспроизводства и запускать механизмы торможения модернизационных процессов. Вечное “вчера” – вот их идеал, но это противоречит интересам страны, мешает формированию предпосылок развития, сужает его перспективы» [11].

Из этого закономерно следует, что доверие государственным органам Республики Казахстан выражает лишь 58.1% населения, из них полностью доверяют – 13.4%, частично – 44.7%. Доля заявивших о недоверии или затруднившихся с ответом составила 41.9% (соответственно 13.7% и 28.2%)².

В качестве конкретного примера можно рассмотреть т.н. «Хоргосское дело» 2013 г. – самый крупный уголовный процесс в истории Казахстана по обвинению в контрабанде четверых работников таможни и госбезопасности. Используя свое служебное положение, они обеспечивали беспрепятственное прохождение китайских товаров, принадлежавших организованной преступной группе Талгата Кайрбаева, через ряд таможенных постов Казахстана. Стоимость незаконно ввезенного и задержанного в 2011 г. груза составила 1.5 млрд тенге [12]. В 2014 г. все главные фигуранты указанного уголовного дела получили длительные сроки тюремного заключения.

Ниже приведена таблица Индекса восприятия коррупции по показателю распространенности коррупции в государственном секторе, рассчитанного по методике Transparency International³,

¹ Например, о праве руководителя при переводе на новое место вне конкурса назначить себе помощника, советника и секретаря.

² ТОО «ПРЭКО-Консалтинг». Аналитический отчет по социологическому исследованию «Определение Индекса восприятия коррупции в Республике Казахстан», проведенному по заказу Агентства РК по делам государственной службы и противодействию коррупции в период с июня по декабрь 2015 г. (проводится раз в пять лет).

³ Исследования в отношении коррупции проводятся различными независимыми и представительными организациями. Одна из таких организаций – международная неправительственная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Transparency International. Одним из направлений деятельности данной организации является ежегодное составление Индекса восприятия коррупции.

основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса (табл.).

Таблица

**Рейтинг восприятия коррупции
в Республике Казахстан**

№ п/п	Год	Место в рейтинге
1	2005	110
2	2006	111
3	2007	126
4	2008	145
5	2009	120
6	2010	120
7	2011	120
8	2012	133
9	2013	140
10	2014	126
11	2015	123
12	2016	131
13	2017	122
14	2018	124

Рассмотрев представленную таблицу, можно сделать вывод, что, согласно оценкам международной организации, приводимым в обнародованном пресс-релизе, Казахстан в 2018 г. занял 124-е место среди 180 стран, ухудшив свою позицию по сравнению с 2017 г. на два пункта. Он поделил свое место с такими странами, как Джибути, Габон, Мальдивы и Непал.

Важно, что среди государств – членов ОДКБ в глобальном рейтинге его обошли Беларусь (70-е место) и Армения (105-е место). При этом Казахстан опередил Кыргызстан (132-е место), Российскую Федерацию (138-е место) и Таджикистан (152-е место).

Доктор юридических наук, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова, директор НИИ государства и права им. Г. Сапаргалиева Н.Н. Турецкий верно отмечает, что «для полномасштабного противодействия коррупции требуется комплексная система национальной неподкупности, которая предполагает реальный гражданский контроль в установленных законом рамках, а нетерпимое отношение

к коррупции со стороны общества создаст благоприятную среду для борьбы с этим социальным злом. В связи с важностью антикоррупционной политики в государстве целесообразно принятие не отраслевой, а государственной программы по противодействию коррупции» [13].

Зачастую предпринимаемые Республикой Казахстан меры по противостоянию коррупции, как об этом свидетельствуют результаты анализа и обобщения юридической практики, недостаточно эффективны. Важным и перспективным представляется заимствование положительных достижений развитых зарубежных государств, в том числе государств – членов ОДКБ, в правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией.

Так же актуальным выступает решение вопроса о криминализации коррупционной деятельности юридических лиц в Республике Казахстан. Конвенция ООН требует гарантии ответственности юридических лиц, но не является категоричной относительно уголовно-правовой сферы. Однако более целесообразным кажется предусмотреть именно уголовную ответственность юридических лиц, поскольку это может позволить осуществить четкую градацию между уголовной и административной ответственностью.

По мнению доктора юрид. наук, профессора кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Казахского гуманитарно-юридического университета Р.Т. Нуртаева, «в методологическом плане для решения проблемы активизации борьбы с коррупцией правомерным представляется пересмотреть отдельные традиционно устоявшиеся в уголовном праве понятия и институты. Это касается, прежде всего, понятия уголовной ответственности юридических лиц. Множество коррупционных преступлений, наносящих колоссальный материальный, экологический и социальный ущерб, совершаются в результате преступной деятельности юридических лиц. А их невозможно привлечь к уголовной ответственности по той причине, что в статье 15 УК РК предусмотрена ответственность только физических лиц» [14].

Следует отметить, что этот вопрос нуждается в детальной проработке, потому что зачастую возникают проблемы, связанные с институтами соучастия, добровольного отказа от преступления, а также с необходимостью пересмотра принципов уголовного права.

Результаты проведенного анализа нормативных правовых актов, официальных статистик, научных трудов представителей научного сообщества Республики Казахстан и социологических опросов населения свидетельствуют о том, что в настоящее время борьба с коррупцией во всех

сферах жизнедеятельности государства является приоритетной задачей для Казахстана.

Несмотря на то что в Республике Казахстан предпринимаются определенные действия в сфере противодействия коррупции, зачастую они носят ограниченный характер, а бессистемность используемых подходов иногда сказывается на их низкой эффективности.

Для эффективного противодействия коррупции необходим системный подход, все элементы которого (в том числе нормы уголовного права) должны быть четко согласованы между собой. Так же требуется изучение и заимствование положительного опыта уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией в тех странах, в которых удалось добиться значительного снижения уровня коррупции, в том числе в государствах – членах ОДКБ.

Список литературы:

- [1] Камышанский Д.Ю. Уголовно-правовые меры противодействия коррупции в Республике Армения // Образование и право. 2019. - № 6.
- [2] Камышанский Д.Ю. Анализ уголовно-правовой характеристики преступлений коррупционной направленности в государствах – членах ОДКБ // Образование и право. – 2016. - № 10.
- [3] Потоцкий Н.К. Об оптимизации антикоррупционного образования // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. - 2018. - № 1.
- [4] Ахтаева И. Коррупция в Республике Казахстан и методы борьбы [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://zakon.kz/4940522-korrupsiya-v-respublike-kazakhstan-i.html> (дата обращения: 10.10.2019).
- [5] Жумабекова А.Ж. Общее понятие о коррупции, проблемы борьбы с коррупцией в Республике Казахстан // Казахская цивилизация (Университет Кайнар). - Алматы, 2018.
- [6] Мауленов Г.С. Имплементация международных норм в антикоррупционное законодательство Республики Казахстан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал СПб-ского междунар. криминологического клуба. - 2013. - № 1 (28).
- [7] Турецкий Н.Н. Антикоррупционная политика Казахстана на современном этапе // Диалектика противодействия коррупции: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф., 7 декабря 2012 г. - Казань, 2012.
- [8] Борчашвили И.Ш., Рахметов С.М. Проблемы противодействия коррупции по уголовному законодательству Республики Казахстан: монография. - Астана, 2012.
- [9] Жумабекова А.Ж. Общее понятие о коррупции, проблемы борьбы с коррупцией в Респу-

блике Казахстан // Казахская цивилизация (Университет Кайнар). - Алматы, 2018.

[10] Илеуова Г. Анализ угроз национальной безопасности РК на среднесрочную перспективу // Антитеррор. - 2018.

[11] Татубаев Т.М. Коррупция в Казахстане: масштабы материального и морального вреда // СОЦИУМ И ВЛАСТЬ. - 2017. - № 3 (65).

[12] «Хоргосское дело»: обвиняются 45 человек. 23 апреля 2013 г. Forbes Kazakhstan [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://forbes.kz/process/probing/horgosskoe_delo_obvinyayutsya_45_chelovek (дата обращения: 11.10.2019).

[13] Турецкий Н.Н. Антикоррупционная политика Казахстана на современном этапе // Дialeктика противодействия коррупции: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф., 7 декабря 2012 г. - Казань, 2012.

[14] Нуртаев Р.Т. Актуальные проблемы дальнейшего противодействия коррупции в Казахстане // Қазақстан Республикасы Заңнама институты ның жаршысы. - 2015. - № 3 (39).

Spisok literatury:

[1] Kamyshanskij D.Yu. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya korrupcii v Respublike Armeniya // Obrazovanie i pravo. 2019. - № 6.

[2] Kamyshanskij D.Yu. Analiz ugolovno-pravovoj harakteristiki prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti v gosudarstvah – chlenah ODKB // Obrazovanie i pravo. - 2016. - № 10.

[3] Potockij N.K. Ob optimizacii antikorrupcionnogo obrazovaniya // Ugolovnoe syddopporozhdenstvo: ppoblemny teorii i ppaktiki. - 2018. - № 1.

[4] Ahtaeva I. Korrupciya v Respublike Kazakhstan i metody bor'by [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://zakon.kz/4940522-korrupciya-v-respublike-kazakhstan-i.html> (data obrashcheniya: 10.10.2019).

[5] Zhumabekova A.Zh. Obshchee ponyatie o korrupcii, problemy bor'by s korrupciej v Respublike

Kazakhstan // Kazahskaya civilizaciya (Universitet Kajnar). - Almaty, 2018.

[6] Maulenov G.S. Implementaciya mezhdunarodnyh norm v antikorrupcionnoe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal SPb-skogo mezhdunar. kriminologicheskogo kluba. - 2013. - № 1 (28).

[7] Tureckij N.N. Antikorrupcionnaya politika Kazahstana na sovremennom etape // Dialektika protivodejstviya korrupcii: materialy II Vseross. nauch.-prakt. konf., 7 dekabrya 2012 g. - Kazan', 2012.

[8] Borchashvili I.Sh., Rahmetov S.M. Problemy protivodejstviya korrupcii po ugolovnomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan: monografiya. - Astana, 2012.

[9] Zhumabekova A.Zh. Obshchee ponyatie o korrupcii, problemy bor'by s korrupciej v Respublike Kazakhstan // Kazahskaya civilizaciya (Universitet Kajnar). - Almaty, 2018.

[10] Ilevova G. Analiz ugroz nacional'noj bezopasnosti RK na srednesrochnuyu perspektivu // Antiterror. - 2018.

[11] Tatubaev T.M. Korrupciya v Kazahstane: masshtaby material'nogo i moral'nogo vreda // SOCIUM I VLAST'. - 2017. - № 3 (65).

[12] «Horgosskoe delo»: obvinyayutsya 45 chelovek. 23 aprelya 2013 g. Forbes Kazakhstan [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://forbes.kz/process/probing/horgosskoe_delo_obvinyayutsya_45_chelovek (data obrashcheniya: 11.10.2019).

[13] Tureckij N.N. Antikorrupcionnaya politika Kazahstana na sovremennom etape // Dialektika protivodejstviya korrupcii: materialy II Vseross. nauch.-prakt. konf., 7 dekabrya 2012 g. - Kazan', 2012.

[14] Nurtaev R.T. Aktual'nye problemy dal'nejshego protivodejstviya korrupcii v Kazahstane // Қазақстан Respublikasy Заңнама институты ның жаршысы. - 2015. - № 3 (39).

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна,

доктор юридических наук,

главный научный сотрудник Института государства и права РАН

e-mail: gshink@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ - ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 18-29-16012.**

Аннотация. Внедрение цифровых технологий в экономику и в целом в жизнь человеческого общества становится все более мощным фактором развития. В настоящее время можно выделить три этапа цифровизации в соответствии с качественными изменениями, вносимыми в жизнь людей. На нынешнем, третьем, этапе становится особенно необходимым эффективное техническое и правовое регулирование цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, информация, информатизация, цифровая трансформация, электронные данные, Интернет, компьютерная грамотность, информационные технологии.

SHINKARETSKAYA Galina Georgievna,

Doctor of Law,

Chief Researcher, Institute of State and Law,

Russian Academy of Sciences

DIGITALIZATION - GLOBAL TREND OF THE WORLD ECONOMY

Annotation. The introduction of digital technologies in the economy and in general in the life of human society is becoming an increasingly powerful development factor. At present, three stages of digitalization can be distinguished in accordance with the qualitative changes made to people's lives. At this third stage, the effective technical and legal regulation of digitalization becomes especially necessary.

Key words: digitalization, information, informatization, digital transformation, electronic data, Internet, computer literacy, information technology.

Цифровизация или цифровая трансформация экономики – новое явление не только в нашей жизни, но и в жизни всего мирового сообщества. Цифровизация – это один из элементов формирования глобального информационного общества, когда главным двигателем прогресса становятся знания; эти знания в виде т.н. больших данных становятся и главным товаром. По образному выражению двух авторов, в настоящее время важен не факт обладания каким-либо ресурсом, а обладание информацией об этом ресурсе и возможность эту информацию использовать [3].

В принципе, цифровизация – это одна из форм обращения с информацией. Вот как она определяется в Распоряжении Правительства Российской Федерации: «Цифровизация - это переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую» [5], т.е. цифровизация – это процесс изменений путем массового внедрения цифровых технологий, которые производят,

развивают, распространяют и передают информацию.

В отличие от других способов инновации, цифровизация опирается на одновременное развитие многих технологий, среди которых: телекоммуникационные сети (мобильные или стационарные), компьютерные технологии (компьютеры, ноутбуки, беспроводные планшеты), программная инженерия (операционные системы, машинное обучение, искусственный интеллект), а также последствия их использования (общие платформы для разработки приложений, электронная доставка госуслуг, электронная коммерция, социальные сети, а также доступность информации на форумах, блогах и порталах).

Центром информационной или цифровой экономики является производство цифровых технологий и услуг. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), средний рост мировой торговли продуктами цифровой экономики в 2015 г. составлял 4%, а рост услуг – до 30% [16]. Внедрение таких

технологий ведет к массивным, взрывным изменениям, подобно тому, что было после распространения паровых машин, электричества и железных дорог по всему Земному шару, так что изменились и экономика, и общество [8].

Внедрение цифровых технологий в нашу жизнь, с одной стороны, очевидно, с другой - ее влияние на социальную и экономическую ситуацию в обществе пока неясно и пока нет ясного понимания, что внесет повсеместное внедрение цифровых технологий в жизнь общества.

Цифровые трансформации позволяют автоматизировать многие операции в производстве и распространении продукции, так что возрастает эффективность производства и сокращаются транзакционные расходы. С другой стороны, цифровизация открывает новые возможности для бизнеса, оказывая влияние на подбор кадров и методы их работы. Предоставление услуг государственными органами способствует доступу большего числа людей к системам здравоохранения и образования и в то же время улучшает каналы связи между населением и управляющими органами. Наконец, цифровая трансформация оказывает влияние на поведение людей и их взаимоотношения, способствуя социализации людей и облегчению их коммуникаций.

В связи с этим в обществе появились надежды на то, что с помощью цифровых технологий можно решить такие сложные социальные проблемы, как снижение уровня безработицы, борьба с бедностью, деградация окружающей среды.

По данным многих исследователей, попытки государств использовать преимущества цифровых технологий сосредотачиваются на развитии соответствующих отраслей промышленности [7; 12]. К.А. Семячков указывает, что в целом государства принимают однотипные меры, среди которых наиболее популярны: развитие инфраструктуры, представляющей основу для формирования новых моделей ведения бизнеса и построения научных и социальных сетей; снижение барьеров в отраслях цифровой экономики; повышение уровня владения цифровыми технологиями, обучение и перекавалификация специалистов; обеспечение доверия к надежности и безопасности цифровой инфраструктуры, оценка рисков; развитие цифрового сектора экономики [6].

Однако следует отметить, что цифровая трансформация может также принести потенциально негативный эффект, например, привести к сокращению числа рабочих мест и разорению компаний и уходу их из бизнеса, к кибер-преступности и к социальной аномии (этим словом обозначается разрушение традиционных устоев, крах человеческих личностей).

По мере развития информационных технологий исследователи отмечают изменения в их воздействии на производство и на общество в целом. Социологи отмечают, что в воздействии цифровой трансформации на общество проявляются приливы и отливы, некоторая волнообразность, которая зависит, прежде всего, от технологического прогресса и распространения инноваций [10].

Для отслеживания этих процессов лица, принимающие решения, могут не просто пассивно ожидать наступающих изменений, но могут также рассчитывать время, необходимое для осуществления той или иной инновации.

Цифровая трансформация состоит из двух одновременных процессов:

- развития технологий через инновации;
- освоение технологий предприятиями, правительствами, потребителями.

Важно проводить различие между этими двумя процессами, потому что развитие технологий (первый процесс) сильно опережает освоение технологий (второй процесс).

Это значит, что возможно образование значительного промежутка времени между тем, как продукт появится на рынке, и тем влиянием, которое он окажет на общество. Примером этого может служить появление компьютерных систем в 1940-е и 1950-е годы, которое, в общем, не оказывало никакого влияния на бизнес вплоть до 1990-х годов. Можно вспомнить известное высказывание Роберта Солоу в 1987 г.: «Многие уверены в том, что случилась Революция в Производстве по имени Программируемая автоматизация. Но как-то смущает, что явственно ощущается, как, наряду с нашей технологической революцией и коренными изменениями в нашем производстве, повсеместно, например, в Японии, производство замедлялось, так что компьютерный век проявлял себя где угодно, но не в статистике» [15].

Внедрение информационных технологий в социум имеет уже довольно длительную историю, в которой можно отметить вполне сложившиеся этапы, классифицируемые по введению в жизнь новых цифровых технологий, а также по тому воздействию, которое они оказывали на положение людей.

В основном исследователи выделяют три этапа, два первых уже вполне сложившихся, а третий – тот, в котором мы живем сейчас и который находится в развитии [2; 13].

Первый этап цифровизации начинается в конце 1950-х годов и связан с внедрением и освоением т.н. «зрелых технологий». Сначала это было просто процессом автоматизации существующего производства, а в дальнейшем вылилось в управление информационными системами, пред-

назначенными для обработки данных, что дало возможность вести мониторинг бизнес-процессов. Началось все с не очень заметных систем бронирования авиабилетов и отелей, а далее привело к развитию электронной торговли и распространению широкополосных фиксированных или мобильных средств связи, которые дают доступ к информации.

Знаменательным событием в конце 1960-х годов стало возникновение Интернета, время его глобального распространения, как и мобильной связи, назвали вторым этапом цифровизации. Сначала Интернет был исследовательским проектом Министерства обороны США, но впоследствии, в 1980-х годах, он был передан Национальному научному фонду, и доступ к нему предоставлен исследовательским учреждениям [14].

Распространение Интернета сопровождалось такими явлениями, как возникновение платформ, т.е. поисковых машин и торговых площадок, операции в Сети стали квалифицировать в зависимости от потребителя (B2B – Business to Business – информационное обеспечение предпринимателей; B2C – Business to Customer – информационное обеспечение частных потребителей). Вскоре появится и B2G – Business to Government – информационное обеспечение органов государства.

В этот же период появились т.н. облачные технологии – такая связь между компьютерами, когда с помощью Интернета создается целая сеть удаленных серверов, которые производят хранение, управление и обработку данных. Эти технологии позволяют сократить расходы и повысить надежность информационного обеспечения.

Примечательно, что скорость снабжения граждан и предприятий информационными технологиями повышается с каждым этапом цифровизации. Так, социальная сеть Фейсбук была запущена в 2005 г., а уже к 2015 г. 48.05% населения стран ОЭСР имели к ней регулярный доступ. При этом присоединение к Сети происходит быстрее в развивающихся странах [4].

Примерно с 2010 г. начинается третий этап цифровизации, который характерен внедрением в использование целых новых технологий. Можно выделить: большие даты, т.е. обработка крупных наборов данных для организации структур взаимоотношений между данными в процессе установления тенденций развития самых различных явлений; интернет вещей – создание связей между многими устройствами – хранилищами данных для формирования целостной картины какого-либо процесса; роботикс – программы цифровых технологий выполнения монотонной ручной работы, например, на автосборочном кон-

вейере; печать 3D – создание объектов путем последовательной печати отдельных пластов; искусственный интеллект и машинное обучение – программы, которые позволяют компьютеру осваивать новые программы без перепрограммирования. Человечество вступило в новый этап своего развития, когда явно заметен прорыв в отраслях экономики, ориентированных на технологические достижения, имеет место определенная зависимость от потоков данных и особенно от наличия коммуникационных сетей [11, с. 263].

Нельзя не учитывать и такой мощный фактор воздействия на финансовую часть мировой экономики, как возникновение т.н. биткойнов и других цифровых валют [9].

Детали третьего этапа пока не так четко проявились, как в первом и втором этапе, но развитие идет быстро.

На третьем этапе стала особенно очевидной необходимость выработки правового регулирования идущих процессов. Это не простая задача, которая включает в себя две:

- техническую стандартизацию, т.е. создание систем взаимозаменяемости и совместимости технических устройств и софта;
- унификацию правового регулирования деятельности участников компьютерного рынка, особенно в плане защиты прав интеллектуальной собственности.

В этих условиях становится ясно, что значение государственного регулирования не только не снижается, но даже возрастает, поскольку императивной потребностью становится развитие образования и формирования таких кадров, которые способны осваивать новые технологии; необходимо содействовать мобильности работников, так чтобы они могли не только переходить на новые рабочие места, но и в другие регионы. Кроме того, требуется разработка новых форм регулирования деятельности бизнеса.

Перед Правительством РФ стоят особые задачи. Как правильно указывает Д.А. Аверьянова, с точки зрения готовности к цифровой экономике Российская Федерация пока значительно отстает от ведущих в этой области стран. Тем не менее, тенденция роста объема рынка высоких технологий в стране положительная. В целом, хотя Россия и отстает от передовых стран на 58 лет, за период с 2011 - 2015 гг. объем цифровой экономики страны увеличился на 59%, это примерно 24% общего прироста ВВП [1].

Список литературы:

- [1] Аверьянова Д.А. Этапы развития цифровой экономики // Journal of Economy and Business. - 2019. - Vol. 3-1. - P. 11.

[2] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Цифровизация глобального мира и роль // Информационное общество. - 2018. - № 2. - С. 25 - 28.

[3] Джулий Л.В., Емчук Л.В. Информационные системы и их роль в деятельности современных предприятий // Perspective economic and management issues. Collection of scientific articles. Scientific journal management issues. Collection of scientific articles. Scientific journal "Economics and finance", "East West" Association For Advanced Studies and Higher Education. - 2015. - С. 130 - 134.

[4] Официальный сайт ОЭСР. URL: <https://www.oecd.org/science/> (дата обращения: 18.07.2019).

[5] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2019).

[6] Семячков К.А. Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями // Современные технологии управления. - № 8 (80) [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://sovman.ru/article/8001/> (дата обращения: 18.07.2019).

[7] Сухарев О.С. Информационная экономика, транзакционные издержки и развитие // Журнал экономической теории. - 2012. - № 1. - С. 50 - 61.

[8] Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. - 2018. - № 10. - С. 46.

[9] Хмыз О.В. Валютный компонент мировой финансовой архитектуры // Банковское дело. - 2011. - № 10. - С. 16 - 20.

[10] Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 18.07.2019).

[11] Шинкаревая Г.Г., Берман А.М. Цифровизация как инструмент развития региональных интеграционных объединений // Образование и право. - 2019. - № 7. - С. 262 - 269.

[12] Atkinson R., Castro D., Ezell S.J. The digital road to recovery: a stimulus plan to create jobs, boost productivity and revitalize America // The Information Technology and Innovation Foundation, Washington, DC. 2009. - P. 137.

[13] Basu S., Fernald J. Information and Communications Technology as a General - Purpose Technology: Evidence from US Industry Data // German economic Review. - 2007. - Vol. 8. - № 2. - P. 146 - 173.

[14] Greenstein S., Prince J. The diffusion of the Internet and the Geography of the Digital Device in

the United States. Working Paper. Institute for Policy Research. Northwestern University. - 2006.

[15] Solow R. We'd better watch out // New York Times, July 12, 1987. - P. 36.

[16] OECD (2015), OECD Digital Economy Outlook 2015, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232440-en> (дата обращения: 18.07.2019).

Spisok literatury:

[1] Aver'yanova D.A. Etapy razvitiya cifrovoj ekonomiki // Journal of Economy and Business. - 2019. - Vol. 3-1. - P. 11.

[2] Alekseenko O.A., Il'in I.V. Cifrovizaciya global'nogo mira i rol' // Informacionnoe obshchestvo. - 2018. - № 2. - С. 25 - 28.

[3] Dzhulij L.V., Emchuk L.V. Informacionnye sistemy i ih rol' v deyatel'nosti sovremennyh predpriyatij // Perspective economic and management issues. Collection of scientific articles. Scientific journal management issues. Collection of scientific articles. Scientific journal "Economics and finance", "East West" Association For Advanced Studies and Higher Education. - 2015. - С. 130 - 134.

[4] Oficial'nyj sajт OESR. URL: <https://www.oecd.org/science/> (дата обращения: 18.07.2019).

[5] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 g. № 1632-r «Programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus» (дата обращения: 18.07.2019).

[6] Semyachkov K.A. Cifrovaya ekonomika i ee rol' v upravlenii sovremennymi social'no-ekonomicheskimi otnosheniyami // Sovremennye tekhnologii upravleniya. - № 8 (80) [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://sovman.ru/article/8001/> (дата обращения: 18.07.2019).

[7] Suharev O.S. Informacionnaya ekonomika, transakcionnye izderzhki i razvitie // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. - 2012. - № 1. - С. 50 - 61.

[8] Halin V.G., Chernova G.V. Cifrovizaciya i ee vliyanie na rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. - 2018. - № 10. - С. 46.

[9] Hmyz O.V. Valyutnyj komponent mirovoj finansovoj arhitektury // Bankovskoe delo. - 2011. - № 10. - С. 16 - 20.

[10] Cifrovizaciya cheloveka: vliyanie cifrovых tekhnologij na obshchestvo [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html> (дата обращения: 18.07.2019).

[11] Shinkareckaya G.G., Berman A.M. Cifrovizaciya kak instrument razvitiya regional'nyh integracionnyh ob'edinenij // Obrazovanie i pravo. - 2019. - № 7. - С. 262 - 269.

[12] Atkinson R., Castro D., Ezell S.J. The digital road to recovery: a stimulus plan to create jobs, boost productivity and revitalize America // The Information Technology and Innovation Foundation, Washington, DC. 2009. - R. 137.

[13] Basu S., Fernald J. Information and Communications Technology as a General - Purpose Technology: Evidence from US Industry Data // German economic Review. - 2007. - Vol. 8. - № 2. - R. 146 - 173.

[14] Greenstein S., Prince J. The diffusion of the Internet and the Geography of the Digital Device in the United States. Working Paper. Institute for Policy Research. Northwestern University. - 2006.

[15] Solow R. We'd better watch out // New York Times, July 12, 1987. - P. 36.

[16] OECD (2015), OECD Digital Economy Outlook 2015, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232440-en> (data obrashcheniya: 18.07.2019).

ОВЧИННИКОВ Алексей Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЗАСТРОЙЩИКА

Аннотация. Статья посвящена оценке значения правового регулирования отношений, возникающих при банкротстве застройщика, а также проведен анализ правового механизма гарантий прав инвесторов.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, защита прав, застройщик, строительство, правовые гарантии, долевое строительство.

OVCHINNIKOV Alexey Aleksandrovich,
PhD in Law,
associate Professor of the Department of legal regulation
of Economic operations, Financial University
under the Government of the Russian Federation

THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS ARISING FROM THE BANKRUPTCY OF THE DEVELOPER

Annotation. The article is devoted to assessing the importance of legal regulation of relations arising from the bankruptcy of the developer, as well as an analysis of the legal mechanism for guaranteeing the rights of investors.

Key words: investment activity, protection of rights, builder, construction, legal guarantees, shared construction.

Практика жилого строительства резко изменилась с возникновением и развитием новых экономических отношений в России. Объекты строительства стали многократно расти, так как потребность в жилье у российских граждан очень высока. Так, в 2010 г. было построено порядка 225 тыс. м² квартир, а в 2018 г. зафиксировано около 450 тыс. м² построенных квартир¹. Необходимость оформления отношений между застройщиком и его контрагентами в отдельный вид договора – договор об участии в долевом строительстве – обусловлена заинтересованностью населения в скорейшем решении жилищных проблем, а также недостаточностью соответствующих инвестиций строительных организаций. Отношения, складывающиеся на рынке долевого строительства, требовали адекватного правового регулирования.

Цели участия граждан в долевом строительстве многоквартирных домов могут быть различными, начиная от удовлетворения жилищной потребности до получения прибыли в будущем от перепродажи жилого помещения, которое по окон-

чанию строительства будет передано в собственность участника долевого строительства [1].

Законодатель уделяет особое внимание правовому регулированию деятельности застройщика, осуществляющего долевое строительство.

Динамика изменений, вносимых в основные законы, относящиеся к деятельности застройщика и урегулированию отношений, возникающих при его несостоятельности, подтверждает намерение законодателя как можно более детально регламентировать права и обязанности участников долевого строительства.

Основообразующим документом во всех сферах правовых отношений, в том числе в сфере долевого строительства и банкротства, выступает Конституция РФ, являясь первоисточником для всех последующих норм законодательства. Именно Конституция приравнивает всех перед законом и наделяет всех равными правами, позволяет защищать свои права и законные интересы всеми дозволенными законом способами и гарантирует защиту этих прав и интересов в судебном порядке, содержит разновидность прав собственности на землю и прочие природные ресурсы, охраняет это право законом и указывает на право

¹ См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://cbsd.gks.ru>

неприкосновенности жилища. Кроме того, Конституция дает каждому право на использование своих способностей в предпринимательских и других законных интересах, право на различные виды объединений граждан, дает право таким объединениям иметь частную собственность¹.

Говоря о существующих способах погашения требований участников строительства, следует выделить правовой механизм замены застройщика, целью которого является завершение строительства многоквартирного дома и последующая передача жилых помещений участникам строительства [2].

Гражданский кодекс РФ дает дефиницию и все виды юридических лиц, что в нашем случае необходимо, поскольку застройщиком долевого строительства в соответствии с законом может быть юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы. Более того, именно в этом источнике мы найдем ответы на все вопросы, касающиеся возникновения юридического лица, его реорганизации и ликвидации².

Если Конституция РФ устанавливает гарантию права наследования, то Гражданский кодекс, в одной из своих частей, содержит конкретные требования, условия и порядок совершения необходимых действий, с целью обеспечения этой гарантии³.

Согласно действующему законодательству, можно выделить следующие меры по предупреждению нарушения прав контрагентов застройщика: залог, банковское поручительство и страхование ответственности застройщика.

Так же надо сказать о важности понятия залога и всего, что с ним связано, так как это тоже содержится в Гражданском кодексе РФ и является одним из указанных в Законе об участии в долевом строительстве способов обеспечения обязательств застройщика перед участниками долевого строительства.

Исполнение обязательств по договору об участии в долевом строительстве должно быть обеспечено при помощи залога. Отметим, что залог выступает в качестве обязательной составной части способа по обеспечению обязательств застройщика, наряду с которым застройщику предлагается выбрать поручительство банка⁴ или

страхование гражданской ответственности застройщика⁵.

Предметом залога выступает тот объект недвижимости, на котором по договору участия в долевом строительстве должен быть построен многоквартирный дом или иной объект недвижимости, т.е. объектом залога будет земельный участок, который на праве собственности, аренды или субаренды принадлежит застройщику – залогодателя. После того, как объект незавершенного строительства при государственной регистрации становится собственностью застройщика-залогодателя, этот объект незавершенного строительства также становится предметом залога, как и земельный участок, на котором этот объект недвижимости возведен.

Несмотря на достаточное обилие различных нормативно-правовых актов в данной сфере отношений, все-таки, как показывает практика, остаются некоторые моменты, которые все же не урегулированы, в связи с чем Пленумом Верховного Суда РФ принято постановление от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁶, которое отсылает нас к Закону РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁷, что еще раз подчеркивает момент участия граждан в договоре о долевом строительстве как непрофессиональных инвесторов.

Поскольку законодательство о долевом строительстве в России является достаточно молодым, соответственно и нормы по урегулированию отношений в случае несостоятельности застройщика тоже сформированы в отечественном законодательстве не так давно. В связи с этим данные нормативно-правовые акты постоянно подвергаются дополнениям и изменениям.

В настоящее время основной задачей совершенствования законодательства в данной отрасли представляется проведение «чистки» в рядах застройщиков с целью устранения на рынке строительных услуг недобросовестных участников. Стратегия по достижению данной цели прослеживается в ужесточении требований к деятельности застройщиков.

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. - 2007. - № 30, ст. 3745.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32, ст. 3301; 2008. - № 30 (ч. II), ст. 3616.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 49, ст. 4552.

⁴ См.: Федеральный закон от 18.07.2006 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных

домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2006. - № 156, ст. 3287.

⁵ См.: Федеральный закон от 30.12.2012 № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2012. - № 53 (ч. 1), ст. 7619.

⁶ См.: Росс. газ. - 2012. - № 156.

⁷ См.: СЗ РФ. - 1996. - № 3, ст. 140.

Ключевой проблемой исследования, помимо прочего, является вопрос о защите прав граждан, заключивших ДДУ в отношении нежилого помещения. Данный вопрос неоднократно становился предметом обсуждений на законодательном уровне. Актуальным вопрос остаётся и по сей день.

В связи с тем, что все представленные государством способы и меры по обеспечению законных прав граждан, вступающих в правоотношения, заключая договор об участии в долевом строительстве, не обеспечивают абсолютную гарантию, предлагается создание дополнительных мер, которые, в свою очередь, станут еще больше ограничивать свободу деятельности застройщика.

Для этого следует разработать «дорожную карту», направленную на повышение грамотности лиц, которые выступают в данных правоотношениях непрофессиональными участниками. В таком документе необходимо отразить пошаговую инструкцию для желающих приобрести недвижимость согласно Закону об участии в долевом строительстве.

Предлагается разработать «дорожную карту» в двух направлениях:

1) методические рекомендации по выбору застройщика, где будет подробно расписано, на что следует обратить внимание при выборе контрагента, какие документы следует проанализировать и как правильно заключить договор об участии в долевом строительстве;

2) инструкция для участника долевого строительства (в случае, если подразумевать под участниками всех лиц, имеющих к застройщику требование, связанное с конкретным объектом строительства, если же под участниками понимать только лиц с требованиями о передаче жилых помещений и денежными требованиями, то инструкция для контрагентов застройщика) на случай, если в отношении застройщика будет введена процедура банкротства.

Необходимо отразить поэтапно действия такого лица с указанием на его права, сроки, уполномоченные органы управления, к которым следует обратиться за получением определенного документа. Необходимо детально изложить форму заявления, с которым лицу следует обращаться в суд, чтобы предотвратить нарушение

сроков, а также последующие возможные проблемы из-за неверного оформления требований. Так, например, на практике лица, участвующие в деле о банкротстве застройщика, сталкивались со следующей проблемой: лицо, имеющее требование о признании собственности части объекта, находящегося в объекте строящегося многоквартирного дома, обратилось в арбитражный суд с требованием о признании права собственности на жилое помещение, указав в заявлении площадь жилья, указанную в договоре, который ранее был заключен между участником долевого строительства и застройщиком. После того, как объект долевого строительства был введен в эксплуатацию, а суд признал право собственности за лицом, зарегистрировать такое право на указанную недвижимость не удалось, так как площадь, указанная в требовании, и площадь фактическая после окончания строительства расходилась.

Подобных проблем, возникающих при защите прав гражданами, на практике возникает немало. В связи с этим предлагаем создание подробного документа, который будет изложен в доступном формате для лиц, в том числе не имеющих юридического образования.

Список литературы:

[1] Алтухов А.В. Гражданско-правовая защита прав участников долевого строительства многоквартирных домов при несостоятельности (банкротстве) застройщика: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. - С. 3.

[2] Барабина М.П. Проблемы незавершенного строительства в рамках дела о банкротстве застройщика - введение нового механизма замены застройщика при банкротстве // Право и экономика. - 2016. - № 7. - С. 23 - 26.

Spisok literatury:

[1] Altuhov A.V. Grazhdansko-pravovaya zashchita prav uchastnikov dolevogo stroitel'stva mnogokvartirnyh domov pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) zastrojshchika: dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2015. - S. 3.

[2] Barabina M.P. Problemy nezavershennogo stroitel'stva v ramkah dela o bankrotstve zastrojshchika - vvedenie novogo mekhanizma zameny zastrojshchika pri bankrotstve // Pravo i ekonomika. - 2016. - № 7. - S. 23 - 26.

ГАРЯЕВА Кермен Михайловна,
обучающаяся по магистерской программе
«Юрист для частного бизнеса и власти»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВИЛА О КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В 2015 г. в ходе деофшоризации российской экономики появился институт контролируемых иностранных компаний. В настоящей статье рассматривается история возникновения и развития правил о контролируемых иностранных компаниях в России, а также на основании действующего налогового законодательства проводится анализ каждого из элементов института КИК.

Ключевые слова: контролируемые иностранные компании, КИК, правила, деофшоризация.

GARIAEVA Kermen Mikhaylovna,
studying under the master's program
"Lawyer for the private business and the government",
Financial University
under the Government of the Russian Federation

Research supervisor:
IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of legal regulation
economic activity of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

CONTROLLED FOREIGN COMPANIES RULES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In 2015, during the deoffshorization of the Russian economy, the Institute of controlled foreign companies appeared. The article examines the history of the emergence and development of the controlled foreign companies rules in Russia, and analyses each element of CFC on the basis of the current tax legislation.

Key words: controlled foreign companies, CFCs, rules, deoffshorization.

Правила о контролируемых иностранных компаниях представляют собой комплекс правовых норм, возникающих между налоговыми органами и налогоплательщиками (физическими или юридическими лицами) в связи с установлением, исчислением и взиманием с налогоплательщика – контролирующего лица такой иностранной компании налога на

прибыль. Данные правила призваны способствовать противодействию уклонения от налогообложения, а также защите налоговой базы государства от размывания.

Для включения в российское законодательство правил о контролируемых иностранных компаниях были как экономические, так и правовые предпосылки. За время с 2001 по 2012 г. отток

капиталов из Российской Федерации в другие юрисдикции, как правило, низконалоговые (Кипр, Нидерланды, Британские Виргинские острова) вырос с 15.4 млрд долл. до 49.2 млрд долл. в год [1].

О возможном возникновении правил о контролируемых иностранных компаниях в России впервые упоминается в Основных направлениях налоговой политики в Российской Федерации на 2008 - 2010 годы, разработанных Министерством финансов РФ. Основные направления были одобрены Правительством РФ на заседании 2 марта 2007 г. и, помимо правил о контролируемых иностранных компаниях, включали в себя правила о трансфертном ценообразовании.

Правила о налогообложении контролируемых иностранных компаний введены Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов организаций)», который вступил в силу с 1 января 2015 г. [2]. Данные правила подразумевают налогообложение нераспределенной прибыли иностранных компаний, являющихся подконтрольными налоговым резидентам Российской Федерации. Необходимо отметить, что до 1 января 2015 г. в советской и в последующем российской правовой действительности не существовало такого термина, как «налогообложение контролируемой иностранной компании» (КИК) [3].

Правовая конструкция КИК включает в себя несколько элементов:

- контролирующее лицо иностранной компании;
- доходы, подлежащие налогообложению в рамках правил о контролируемых иностранных компаниях;
- доходы, освобождающиеся от налогообложения в рамках правил о контролируемых иностранных компаниях.

Контролирующее лицо иностранной компании

Критерий контроля базируется на доле участия в компании или на возможности оказывать определяющее влияние на распределение прибыли (дохода) иностранной компании или структуры.

Контролирующим лицом иностранной организации признаются физические или юридические лица — налоговые резиденты Российской Федерации в случаях, если:

- доля прямого или косвенного участия такого лица в иностранной организации больше 25%;

- доля прямого или косвенного участия такого лица в иностранной организации превышает 10% для физических лиц совместно с супругами и детьми, не достигшими совершеннолетнего возраста, при условии, что общая доля участия налоговых резидентов России в такой организации больше 50%;
- такое лицо оказывает или имеет возможность оказывать влияние на решения в отношении распределения прибыли иностранной организации [4].

В случае если лицо не удовлетворяет вышеперечисленным признакам участия, но осуществляет контроль над иностранной организацией в личных интересах или в интересах супруга или несовершеннолетних детей, то оно может быть признано контролирующим лицом.

Осуществлением контроля над организацией в целях применения правил КИК признается:

- оказание или возможность оказывать определяющее влияние на решения, принимаемые такой организацией в отношении распределения полученной организацией прибыли (дохода) после налогообложения (например, право вето согласно Письму Минфина от 20 июня 2017 г. N 03-12-11/2/38303);
- в силу прямого или косвенного участия в такой организации, или участия в договоре (соглашении), предметом которого является управление этой организацией, или иных особенностей отношений между лицом и организацией и (или) иными лицами.

Организация признается КИК в отношении физического лица на следующие даты:

- на дату принятия решения о распределении прибыли КИК (в виде дивидендов);
- на конец года (31 декабря), следующего за отчетным.

Лицо не признается контролирующим лицом иностранной организации, если его прямое или косвенное участие в такой организации осуществляется только через российскую публичную компанию или группу компаний.

В случае определения контролирующего лица иностранной структуры действует правило, что таким лицом по умолчанию является учредитель соответствующей структуры.

Тем не менее, в случае если будут соблюдаться все нижеследующие условия, то учредитель иностранной структуры без образования юридического лица не будет признаваться ее контролирующим лицом:

- учредитель не вправе получать или требовать получения (прямо или косвенно) прибыли данной структуры;
- учредитель не имеет полномочий по распоряжению прибыли данной структуры;
- учредитель не имеет права на получение активов структуры обратно в свою собственность в случае ее ликвидации;
- учредитель не имеет права на осуществление контроля над структурой, под чем понимается оказание или возможность оказывать определяющее влияние на решения в отношении распределения прибыли данной структуры).

Контролирующим лицом иностранной структуры без образования юридического лица также может признаваться иное лицо, если такое лицо осуществляет контроль над структурой, и выполняется хотя бы одно из следующих условий:

- лицо имеет фактическое право на доход из структуры;
- лицо имеет право распоряжаться имуществом структуры;
- лицо вправе получить имущество структуры в случае ее ликвидации [5].

Доходы, подлежащие налогообложению в рамках правил о контролируемых иностранных компаниях

Если прибыль КИК превышает установленный порог (в 2015 г. – 50 млн руб., в 2016 г. – 30 млн руб., в 2017 г. – 10 млн руб.), то физическое лицо должно будет подать декларацию по форме 3-НДФЛ за текущий год с указанием суммы дохода КИК за прошедший финансовый период. При этом к налоговой декларации необходимо приложить документы, подтверждающие величину нераспределенной прибыли КИК за данный период: финансовую отчетность и заключение аудитора в отношении КИК, зарегистрированных в государствах, которые не осуществляют обмен информацией в налоговых целях с Российской Федерацией.

Доходы, освобождающиеся от налогообложения в рамках правил о контролируемых иностранных компаниях

Доходы контролирующего лица в виде прибыли контролируемой иностранной компании могут освобождаться от налогообложения в России, если в отношении контролируемой иностранной компании выполняется хотя бы одно из условий, поименованных в ст. 25.13-1 НК РФ [6].

Изменения в законодательстве Российской Федерации о контролируемых иностранных компаниях

Начиная с 15 июня 2015 г. в течение трех месяцев с момента начала участия (учреждения

структуры), изменения доли (порядка) или прекращения участия, если доля превышает 10%, необходимо представить в налоговые органы уведомление об участии лица в иностранных организациях (структурах без образования юридического лица). Уведомление о КИК представляется в срок не позднее 20 марта года, следующего за налоговым периодом, в котором доля прибыли КИК подлежит учету у контролирующего лица. Например, прибыль КИК за 2018 финансовый год подлежит учету у контролирующего лица на 31 декабря 2019 г. (при условии, что финансовый год соответствует календарному году, т.е. включается в налоговую базу контролирующего лица за 2019 г.). Нарушение сроков подачи уведомлений подразумевает штрафы 50 тыс. и 100 тыс. руб. за позднее представление уведомления об участии и о КИК соответственно (за каждую организацию).

Тем не менее, даже достаточно суровые штрафы не послужили для налогоплательщиков стимулом для скорейшего раскрытия и обеления своих иностранных активов.

До недавнего времени международный обмен информацией для налоговых целей в большинстве случаев осуществлялся в рамках Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам (Россия подписала и ратифицировала Конвенцию 4 ноября 2014 г.) на основании мотивированных запросов от компетентных органов стран, заключивших межправительственные соглашения [7]. Впоследствии на основе данной Конвенции Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию был разработан Международный стандарт по автоматическому обмену информацией о финансовых счетах. На текущий момент к Стандарту присоединилось более 100 юрисдикций, включая Россию, осуществившую первый обмен информацией в сентябре 2018 г.

Особенностью Стандарта по сравнению с Конвенцией является то, что передача информации о финансовых счетах иностранных налогоплательщиков осуществляется автоматически, без необходимости запроса со стороны компетентных органов.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что мировая глобализация является мощнейшим стимулом для раскрытия активов состоятельных лиц и способствует успеху деофшоризационной политики, проводимой в государстве.

Нельзя не отметить, что с развитием глобализационных процессов также совершенствуется и законодательство России о контролируемых иностранных компаниях. Последние важные изменения были внесены в ноябре 2018 г. законопроектом № 442400-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации о налогах и сборах».

В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту он разрабатывался с учетом задач, озвученных Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ, с целью «стимулирования деловой активности российского бизнеса и улучшения бизнес-климата в стране путем устранения неоднозначного толкования норм Налогового кодекса РФ и упрощения механизмов их реализации» [8].

Так, были дополнительно проработаны случаи, когда лицо не признается контролирующим лицом иностранной организации: законопроект предлагает расширить указанное освобождение и на случаи участия в иностранных организациях через иностранные публичные компании при соблюдении некоторых условий.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что появление правил о контролируемых иностранных компаниях вызвано злободневными требованиями общества, которое стремительно развиваясь в процессе глобализации, нуждается в регулировании. Во избежание оттока капиталов, а также размывания национальной налоговой базы многие страны вынуждены были ввести правила, которые позволили облагать налогом доходы иностранных организаций, созданных с целью минимизации налогового бремени.

Список литературы:

[1] Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России: автореф. ... канд. юрид. наук. С. 58, 59. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Starzhenetskaya_avto.pdf

[2] Федеральный закон от 24.11.2014 N 376-ФЗ (ред. от 12.11.2018) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310891&rnd=0.5837257143859306#012433992699468055>

[3] Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России: автореф. ... канд. юрид. наук. С. 7. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Starzhenetskaya_avto.pdf

[4] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 06.06.2019), ст. 25.13-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

[5] Deloitte: Обзор ключевых положений законодательства о «деофшоризации». URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/ru-deofshorization.pdf>

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 06.06.2019), ст. 25.13-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

[7] Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186124/

[8] Законопроект № 442400-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442400-7>

[9] Законопроект № 687103-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/687103-7>

Spisok literatury:

[1] Starzheneckaya L.N. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya kontroliruemykh inostrannykh kompanij: opyt zarubezhnykh stran i Rossii: avtoref. ... kand. yurid. nauk. S. 58, 59. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Starzhenetskaya_avto.pdf

[2] Federal'nyj zakon ot 24.11.2014 N 376-FZ (red. ot 12.11.2018) «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii (v chasti nalogooblozheniya pribyli kontroliruemykh inostrannykh kompanij i dohodov inostrannykh organizacij)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310891&rnd=0.5837257143859306#012433992699468055>

[3] Starzheneckaya L.N. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya kontroliruemykh inostrannykh kompanij: opyt zarubezhnykh stran i Rossii: avtoref. ... kand. yurid. nauk. S. 7. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Starzhenetskaya_avto.pdf

[4] Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 31 iyulya 1998 g. № 146-FZ (v red. ot 06.06.2019), st. 25.13-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

[5] Deloitte: Obzor klyuchevykh polozhenij zakonodatel'stva o «deofshorizacii». URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/ru-deofshorization.pdf>

[6] Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 31 iyulya 1998 g. № 146-FZ (v red. ot 06.06.2019), st. 25.13-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

[7] Konvenciya o vzaimnoj administrativnoj pomoshchi po nalogovym delam. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186124/

[8] Zakonoproekt № 442400-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogah

i sborah». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442400-7>

[9] Zakonoproekt № 687103-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogah i sborah». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/687103-7>

СУБАНОВА Анна Буладовна,
студентка, Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: anna.subanova@mail.ru

ЯРКИН Александр Алексеевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: jarkin.alexandr@yandex.ru

ИСМАИЛОВ Исмаил Шапурович,
научный руководитель, преподаватель Департамента
правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: ishismailov@fa.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ УСЛУГ ПО СТРАХОВАНИЮ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные проблемы вменения страховых услуг при оформлении банковских продуктов. Проанализированы нарушения законодательства при осуществлении банковской деятельности путём миссинга. Выявлена и обоснована необходимость государственного регулирования данного явления. Особое внимание уделено правовому регулированию данной проблематики. На основании анализа нормативно-правовых актов устанавливается, что правовое регулирование в банковской сфере в настоящий момент содержит определённые пробелы и коллизии, которые необходимо устранить с целью полноценного обеспечения нормативно-правовой базы. Целью исследовательской работы является отражение проблемы миссинга в настоящее время при осуществлении кредитования и оформления иных банковских операций и услуг. В статье приведен анализ исследовательских работ, а также законодательства в банковской сфере. Авторы дают характеристику функций Банка России как мегарегулятора в финансовой сфере и раскрывают его полномочия в сфере банковской деятельности как органа контроля и надзора, раскрывающиеся при осуществлении контрольных полномочий. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины активного развития миссинга как явления финансового рынка. Авторы приходят к выводу, что миссинг является негативным явлением.

Ключевые слова: банковская деятельность, миссинг, страхование, Банк России, банк, кредитные организации, страховые услуги.

SUBANOVA Anna Buladovna,
student, the Financial university under the Government of Russia

YARKIN Alexander Alexeevich,
student, the Financial university under the Government of Russia

ISMAILOV Ismail Shapurovich,
supervisor, lecturer of the Department of legal regulation
of economic activities of the Financial University under the Government of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF IMPUTED INSURANCE SERVICES IN THE PREPARATION OF BANK PRODUCTS

Abstract. This article discusses the main problems of imputed insurance services in the preparation of bank products. Violations of the law were analysed in the implementation of banking activities through misseling. The need for state regulation of this phenomenon has been identified and justified. Particular attention is paid to the legal regulation of this issue. It is established on the regulatory legal acts that the legal regulation in the banking sector contains certain gaps and collisions at the moment that must be eliminated in order to full the regulatory framework. The aim of the research

is to reflect the problem of misselling at present time in the implementation of crediting and preparation of other banking operations and services. The article provides an analysis of researches and the legislation in the banking sector. The authors describe the functions of the Bank of Russia as a mega-regulator in the financial sector and disclose its powers in banking as it is a body of control and supervision, which are revealed in the implementation of control powers. In this article an attempt was took to reveal the main reasons for the active development of misselling as a phenomenon of the financial market. The authors came to a conclusion that misselling is a negative phenomenon.

Keywords: banking, misseling, insurance, Bank of Russia, bank, credit organizations, insurance services.

Чтобы рассмотреть поставленный вопрос о том, какие существуют проблемы при реализации банком своих услуг, в первую очередь стоит обратиться к правовой основе осуществления деятельности банковской организации. Отметим, что в юридической литературе нет единого определения банковской деятельности. Дефиниция «банковская деятельность» может рассматриваться по-разному: «в более узком смысле слова под банковской деятельностью понимается разновидность предпринимательской деятельности, заключающейся в совершении совокупности банковских операций и банковских сделок кредитными организациями (или Банком России)» [6]. Некоторые учёные, рассматривая данную дефиницию в широком смысле слова, считают, что банковская деятельность подразделяется на основную и вспомогательную. Так, по мнению Г.А. Братко, к основной деятельности банка можно отнести банковские операции и сделки, а к вспомогательной – систему безопасности, охрану и др. [2]. Банковская деятельность в Российской Федерации законодательно регламентирована. Если говорить про специальное законодательство, то, в первую очередь, необходимо упомянуть Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [10] и Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [7]. Стоит отметить, что Федеральный Закон о Банке России носит комплексный характер, поскольку содержит в себе не только нормы о функционировании ЦБ РФ, но и принципы работы его служащих, т.е. также регулирует трудовые отношения со своими работниками. Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности» включает в себя нормы, регулирующие банковские отношения и принципы деятельности банков. Помимо упомянутых ключевых законов в числе актов о банковской деятельности существуют и иные законы, которые также играют существенную роль в построении и функционировании банковской системы. Среди подобных можно назвать Федеральный Закон «О валютном регулировании и валютном контроле» [8], Федеральный Закон «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» [9] и др. Необходимо также обратить внимание на ведомственные акты

Банка России, поскольку они имеют правовое значение в законодательстве о банках.

Страхование – это защита интересов физических и юридических лиц, государства, его субъектов и муниципальных образований при наступлении страхового случая. Защита происходит путем выплаты денежных средств, которые формируются за счет страховых взносов или премий. Страховая деятельность осуществляется на основе Гражданского Кодекса Российской Федерации (глава 48) [3], специальных нормативных актов: Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [5], Федерального Закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [11] и иных.

Как известно, банк является коммерческой организацией, поэтому каждое его действие рассчитано на извлечение прибыли. В данной статье авторы рассматривают проблему, которая является настоящей трудностью для граждан, пользующихся услугами кредитных организаций: зачастую банки, желающие как можно дороже реализовать свои предложения, продают клиентам против их воли или обманом вместе с банковским продуктом страховую услугу. В этой процедуре участвует не только сам банк, «проталкивающий» страховки не нуждающимся в этом людям, но и страховая компания, которая стремится получить прибыль через банка-посредника. Проблема актуальна и никакие меры по ее устранению до сих пор не предпринимались: и банкам, и страховым организациям подобное сотрудничество выгодно, однако имеются примеры случаев, когда обманы клиентов в плане больших денежных сумм выходили за всевозможные границы.

Так, можно назвать следующие аспекты данной проблематики:

1. Прямое нарушение Закона «О защите прав потребителей» [4].
2. Открытые жалобы клиентов на навязывание ненужных им услуг.
3. «Мисселинг» страховых услуг через банковский канал.

Рассмотрим подробно каждый пункт. Прежде чем раскрыть содержание проблемы, необходимо сказать о ней с точки зрения права. О том,

что при подобных действиях права клиента банка нарушаются, гласит Закон «О защите прав потребителей» в статье. Также интересно заметить, что некоторые банкиры высказывали инициативу с просьбой создания отдельного закона, который бы регулировал взаимоотношения кредитных организаций и клиентов. Существуют мнения, что Закон «О защите прав потребителей» не может и не должен применяться к сфере финансовых услуг, и обосновывают это по-разному: кто-то полагает, что Закон РФ №2300-1 успешно применяется только к физическим товарам, но не к банковским продуктам, другие считают, что Закон не учитывает специфику финансовых услуг. Также некоторые представители банковского сообщества полагают, что закон, написанный почти 30 лет назад, не способен адаптироваться к современным реалиям, и, соответственно, действовать в такой технологичной сфере как банкинг. Что касается инициативных предложений о создании нового и специального закона, относящегося исключительно к финансовой сфере, в 2017 году направлялось письмо с этой просьбой Банку России, однако, никаких реальных действий с его стороны предпринято не было.

Клиенты открыто заявляют о своем недовольстве. Согласно свежим данным от 15 марта 2019 года, предоставляемых Банком России, доля жалоб граждан на навязывание ненужных им услуг составляет целых 21% от общего числа всех обращений. Также 11% от числа жалоб связаны именно с мисселингом инвестиционного страхования жизни (ИСЖ) [1]. Мисселинг – это замена одного продукта при продаже другим, т.е., по сути, обман клиента. С мисселингом можно столкнуться в любой финансовой организации, но чаще всего с таким можно столкнуться в банке. Сотрудники банков предлагают клиентам совершенно другие услуги вместо банковских, описывая предложение как более выгодное.

Банковская организация под видом вклада может предложить ИСЖ, паи паевого инвестиционного фонда, инвестиции в ценные бумаги и договоры негосударственного пенсионного обеспечения. Доход по таким предложениям и правда может быть выше, однако клиент и рискует больше: процент по данным продуктам не гарантирован и вложения не попадают в систему страхования вкладов. Зачастую клиенты невнимательно читают договор и быстро подписывают бумаги, руководствуясь только словами менеджера, продающего услугу. Но такой подход может создать множество проблем: будет сложно доказать, что клиент был введен в заблуждение, поскольку тот поставил свою подпись.

Следует сказать, что не стоит называть мисселинг исключительно плохим явлением. Во многом благодаря мисселингу уровень страхования жизни на нынешний момент находится на достаточном уровне. Также банк, продавая чужие продукты финансовых организаций, получает за это комиссионные, происходит взаимодействие организаций на выгодных условиях. Однако, по большей части, такое явление следует расценивать как негативное, поскольку методом заблуждения происходит затягивание клиента в рискованные инвестиционные проекты.

Список литературы:

- [1] Банковские продажи вывели ИСЖ в лидеры по мисселингу - ЦБ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.insur-info.ru/press/143906/> (дата обращения: 07.10.2019)
- [2] Братко А.Г. Банковское право (теория и практика). М., 2000
- [3] Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.
- [4] Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс
- [5] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
- [6] Осипова М.А. О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 2. С. 161–166.
- [7] Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // СПС КонсультантПлюс
- [8] Федеральный Закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
- [9] Федеральный Закон «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» от 23.06.1999 № 117-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
- [10] Федеральный Закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
- [11] Федеральный Закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 №40-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

Spisok literatury:

- [1] Bankovskie prodazhi vyveli ISZh v lidery po misselingu - CB RF [Elektronnyj resurs]. – Rezhim

dostupa: <http://www.insur-info.ru/press/143906/> (data obrashhenija: 07.10.2019)

[2] Bratko A.G. Bankovskoe pravo (teorija i praktika). M., 2000

[3] Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 № 14-FZ // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 29.01.1996, № 5, st. 410.

[4] Zakon RF ot 07.02.1992 №2300-1 «O zashhite prav potrebitel'ej» // SPS Konsul'tantPljus

[5] Zakon RF ot 27.11.1992 № 4015-1 «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPljus

[6] Osipova M.A. O ponjatii bankovskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Izvestija Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. S. 161–166.

[7] Federal'nyj Zakon «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» ot 02.12.1990 № 395-1 // SPS Konsul'tantPljus

[8] Federal'nyj Zakon «O valjutnom regulirovanii i valjutnom kontrole» ot 10.12.2003 № 173-FZ // SPS Konsul'tantPljus

[9] Federal'nyj Zakon «O zashhite konkurencii na rynke finansovyh uslug» ot 23.06.1999 № 117-FZ // SPS Konsul'tantPljus

[10] Federal'nyj Zakon «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» ot 10.07.2002 № 86-FZ // SPS Konsul'tantPljus

[11] Federal'nyj Zakon «Ob objazatel'nom strahovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv» ot 25.04.2002 №40-FZ // SPS Konsul'tantPljus

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

УДК – 347
ББК – 67

ШОКУМОВ Юрий Жирасланович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»
e-mail: mail@law-books.ru

12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор,
организация правоохранительной деятельности

МЕСТО И РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье показаны место и роль Верховного Суда РФ в формировании судебной практики в сфере гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, судебная практика, гражданское судопроизводство.

SHOKUMOV Yuri Zhiraslanovich,
PhD in Law,
associate Professor of Civil law and process,
Berkov Kabardino-Balkar state University

THE PLACE AND ROLE OF THE SUPREME COURT IN SHAPING JUDICIAL PRACTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The article shows the place and role of the Supreme Court of the Russian Federation in the formation of judicial practice in the field of civil proceedings.

Key words: Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, civil proceedings.

Судебное правотворчество [1] (формирование судебной практики в сфере гражданского судопроизводства) является особым проявлением деятельности судебной системы, профессиональной работы судей, с возможностью исправления ошибок нижестоящих инстанций вышестоящими [2]. В юридической литературе традиционно отмечается, что судебная реформа 1864 г. [3] связана с отменой в 1861 г. крепостного права и ускоренным, в связи с этим, развитием капитализма [4; 5]. Судебная реформа была необходима для создания эффективного механизма защиты собственности и личности [6; 7; 8], а также развития идеи правотворческой роли судов. Следует отметить, что идея правотворческой роли судов [9] основывалась, прежде всего, на судебной практике стран общего права [10; 11]. В первой трети XX в. в США стало развиваться теоретическое направление реализма [12]. Видным сторонником идеи судеб-

ного правотворчества в Старом Свете был французский правовед Франсуа Жени, чья теория «свободного научного исследования» оказала существенное влияние на общие принципы создания уложений и нормативных актов, а также методику их применения [13]. При этом, на основе обобщения двух подходов автор делает вывод о признании судебной практики формой судейского права, представляющей собой деятельность судей [14], которая, исходя из их правового опыта, направлена на единообразное понимание и применение норм права с закреплением результата в судебном акте [15]. Некоторые ученые отмечают излишнюю широту использования термина «судебная практика» [16; 17].

Некоторые исследователи подвергали [18] и подвергают критике данный (узкий) подход в силу того, что вне зависимости от формы осуществления правосудия судебное решение выносится именем Российской Федерации [19; 20]. Исходя из

этого, уместно относить к судебной практике и практику нижестоящих федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей [21]. При этом делается однозначный вывод о невозможности признания практики нижестоящих судов в качестве источника права [22]. Значение судебной практики, вырабатываемой Верховным Судом РФ, выражается в том, что Верховный Суд РФ: 1) вырабатывает положения, которые в дальнейшем закрепляются в законодательстве [23]; 2) конкретизирует оценочные понятия, установленные законодательством, приспособливает общеправовую норму к особенному и единичному - конкретным жизненным ситуациям, наполняя законодательство реальным содержанием, каждым новым судебным решением расширяя или сужая представление правоприменителя о содержании нормы [24]; 3) восполняет пробелы и устраняет противоречия в действующем законодательстве [25]; 4) представляет собой официальное толкование права и является обязательным для соответствующих судов [26].

В контексте отечественной правовой действительности существует острая необходимость в восполнении лакун, перманентно образующихся в законодательстве, требующая активной деятельности высшего судебного органа - Верховного Суда РФ, вынужденного восполнять правовые пробелы посредством имеющегося у него интерпретационного инструментария в виде постановлений Пленума и решений Президиума Верховного Суда РФ [27].

Одним из заметных примеров постановлений Пленума Верховного Суда РФ, регулирующих порядок гражданского судопроизводства, может служить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», в котором даны разъяснения, касающиеся правильного и единообразного применения судами положений законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде [28]. Кроме того, постановление содержит определения таких понятий, как «электронный документ» и «электронный образ документа», «электронная подпись», «личный кабинет» и т.п., разъясняет, каким образом судам проводить осмотр страниц в Интернете при необходимости [29].

По мнению автора статьи, именно реализация постановлений высших судебных органов способствует преодолению несовершенства самих нормативных правовых актов при их применении в гражданском и арбитражном процессе и реализации задач гражданского и арбитражного

судопроизводства по обеспечению правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции и укреплению законности и правопорядка [30].

С 1 октября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором существенно изменена редакция ст. 152 ГК РФ. Однако Постановление Пленума № 3 до настоящего времени не учитывает названные изменения в ст. 152 ГК РФ [31]. С 6 августа 2014 г. создан единый Верховный Суд РФ с одновременной ликвидацией Высшего Арбитражного Суда РФ, поэтому Постановление Пленума № 3 должно стать «руководством к действию» не только для судов общей юрисдикции, но и для арбитражных судов [32].

Исследование феномена судебного правотворчества как функции позволило прийти в рамках правовой доктрины к выводу о том, что функция процессуальной справедливости Верховного суда США выступает в качестве основы его деятельности [33]. Результаты проведенного исследования позволяют признать, что современные тенденции и перспективы развития права устремлены в сторону сближения правовой материи, предпосылками чему является интеграция в культурной, социальной, экономической сфере деятельности [34]. Однако при этом стоит учитывать особенности политической системы общества, специфику механизма правового регулирования и конъюнктуру системы сдержек и противовесов, сложившуюся в конкретном государстве в определенный исторический период его развития [35]. Подводя итог, следует сделать ряд выводов, касающихся предмета исследования [36]. Можно резюмировать, что в зарубежной юридической доктрине преобладают идеи о признании судебного правотворчества как неотъемлемой составляющей позитивного права, которому априорно присущи пробельность, коллизийность и многозначность [37].

Причем, судебное правотворчество выступает в качестве инструмента вспомогательного, а не субституционного (т.е. взамен законодателя), позволяя, тем самым, восполнить имеющиеся лакуны в законодательном регулировании и повысить эффективность реализации правовых норм. Право высших судебных органов издавать акты правотворческого характера, вытекающие из природы судебной власти и ее значения для государственного политико-правового строительства, защиты демократических институтов государства, сближения права и общества, законодательно закреплено на государственном уровне (конститу-

цией, федеральными конституционными законами, федеральными законами) [38].

Судебную практику необходимо рассматривать в двух аспектах - широком и узком. В широком смысле под судебной практикой понимается совокупность решений, принятых судами в рамках рассмотрения конкретных дел. В узком смысле - стоит понимать акты высших судебных органов, содержащие нормы восполняющего, корректирующего свойства, посредством которых происходит воздействие на право государства в целом [39]. Отметим, что именно узкий подход может применяться при определении судебной практики в качестве источника права [40]. При рассмотрении судьей судебного усмотрения как деятельности, предшествующей судебному правотворчеству, следует учитывать, что основополагающими моментами для определения правовых пределов (границ) судебного усмотрения является, с одной стороны, правопонимание, а с другой - судебное правоприменение [41].

После изучения судьей Верховного Суда РФ, жалобу при необходимости можно передать в Судебную коллегия по экономическим спорам. Составленные Судебной коллегией акты по экономическим спорам, в свою очередь, могут обжаловаться в Президиуме Верховного Суда РФ.

Президиум Верховного Суда РФ рассмотрел 6883 надзорных представления и жалобы по уголовным делам. Судьями также рассмотрены 683 надзорные жалобы на решения по административным делам и 219 жалоб по гражданским делам, 783 надзорные жалобы по экономическим спорам, рассмотренным арбитражными судами. Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ окончено производство по 646 делам. Рассмотрено 12 дел по правилам уголовного судопроизводства, 615 административных и гражданских дел [42].

От всех судебных коллегий была представлена своя отчетность, где приведено огромное количество цифр, но из них можно понять, что пересмотров в пользу жалобщиков не так уж и много. Обзор свидетельствует о том, что показатели работы Верховного Суда РФ не меняются [43]. Как и в прошлые годы, практически не отменяются приговоры по уголовным делам, их предпочитают немного изменять в ту или другую сторону либо отправлять на новое рассмотрение [44]. Из рассмотренных Судебной коллегией по уголовным делам в кассационном порядке 60 404 представлений и жалоб были удовлетворены обращения по 200 делам в отношении 217 лиц. Отменены приговоры в отношении лишь 13 лиц, изменены - в отношении 87 осужденных. Это 0.13% от всех рассмотренных в кассационном порядке обра-

ний. Так же вынесено 64 других определения с удовлетворением апелляционных жалоб и представлений, отменено 35 кассационных определений.

В сравнении с 2015 г. количество рассмотренных жалоб, отмененных и измененных Верховным Судом РФ, приговоров и решений судов примерно одинаково. Однако, по мнению Суда, нельзя говорить о том, что Верховный Суд РФ практически не исправляет ошибки нижестоящих судов - если Верховный Суд не отменил решение, то, значит, нижестоящий суд не допустил ошибки [42]. В Судебной коллегии было рассмотрено более 30 дел по второй кассации (подавалась кассационная жалоба в Коллегию по экономическим спорам). Это дает возможность при неудовлетворительном решении на уровне кассации использовать другие варианты, например, есть неплохой шанс, чтобы его рассмотрела Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ [45].

В действующей редакции Арбитражного процессуального кодекса РФ как основание отмене судебного акта в кассации называют значительное нарушение норм материального или процессуального права, повлиявшие на результат дела, не устранив которые нет возможности восстановить и защитить нарушенные права, свободы, законные интересы экономической деятельности [46], а также нарушенные публичные интересы, охраняемые законом. Дать более точную формулировку, какие именно нарушения норм права Коллегия по экономическим спорам может отнести к достаточно значительным, в данное время нет возможности [47].

Государственный субъект по экономическим спорам провел качественную регистрацию в силу части назначенного срока коллегии по экономическим спорам. Это связывают, в основном, с тем фактом, что многие определения состоят из перечислений обстоятельств и причин заявителя, и нет мотиваций, заслуживающих внимания [48].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ не считает основанием отмены судебных актов нарушение единообразия в применяемых судом нормах права. Но вероятность использования довода нарушения единообразия дает Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2014 г. № 307-ЭС14-22. В нем указывается, что отсутствие правовой определенности говорит о нарушении публичных интересов ст. 291.11 АПК РФ [49].

Кроме того, слепое копирование существующих столетия зарубежных судебных систем и принципов их работы, на наш взгляд, поможет улучшить российскую судебную систему [50]. Например, копирование англосаксонской правовой системы прецедентного права в современной

России в том виде, в котором она существует в Великобритании, естественно, возможно с большой осторожностью [51]. Важно то, что, с одной стороны, определенные неудачи в судебной реформе в части снижения общего доверия граждан и бизнеса к судьям, с другой - необходимость искать новые методы и способы борьбы с коррупцией в судах, не делают систему прецедентного права панацеей современной судебной системы России, но делают прецедентное право явлением, несущим стабильность и предсказуемость российской судебной системе [52].

Список литературы:

- [1] Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. - 2016. - № 7. - С. 21.
- [2] Шаповалова Я.В. Проблемы допустимости судебного правотворчества в российской правовой системе: теоретическая дискуссия // Общество: политика, экономика, право. - 2016. - №12. - С. 132.
- [3] Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. - СПб., 1866. - Ч. 1. - С. 377.
- [4] Указ Правительствующему Сенату. Царское Село, 20 ноября 1864 г.; Устав гражданского судопроизводства / сост. В.И. Буковский. - Рига, 1925.
- [5] Энгельман И.Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. - Юрьев, 1904. - С. 20.
- [6] Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. - Л., 1969.
- [7] Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. - Красноярск, 1970.
- [8] Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. - Л., 1977.
- [9] Румянцев М.Б. Особенности судебного правотворчества в Российской Федерации // Адвокат. - 2017. - № 2.
- [10] Зивс С.Л. Источники права. - М., 1981. - С. 186, 187.
- [11] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. - М., 1999. - С. 21 - 23, 98, 99, 248, 249, 256, 257, 287, 288, 295 - 297.
- [12] Черткова Ю. В. Идея судебного правотворчества за рубежом и ее перспективы в России // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2017. - Т. 3 (69). - № 1. - С. 239 - 246.
- [13] Цит. по: Берлявский Л.Г. Концепция правопонимания Оливера У. Холмса // Государство и право. - 2017. - № 1. - С. 80 - 88.
- [14] Шестак В.А. О совершенствовании процессуальных норм, регламентирующих сроки содержания под стражей и порядок их продления // Библиотека криминалиста. - 2018. - № 1 (36). - С. 114 - 117.
- [15] Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. Войны на большом ближнем востоке 1960-е – 2016. - М., 2016.
- [16] Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. - М., 1980.
- [17] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М., 1998. С. 90.
- [18] Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВЮИОН. - М., 1947. - Вып. 9. - С. 244.
- [19] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. - М., 1981. - Т. 2. - С. 332.
- [20] Малько А.В., Гук П.А. Судебная практика как средство формирования судебной политики: вопросы взаимодействия и влияния на законотворчество // Современное право. - 2011. - № 12. - С. 85.
- [21] Галузо В.Н., Афанасьев В.С., Батюк В.И. и др. Доказывание в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах Российской Федерации – М., 2016.
- [22] Ткачева Н.Н. К вопросу об отнесении судебной практики по гражданским делам к источникам гражданского процессуального права // Современное право. - 2013. - № 10. - С. 88 - 91.
- [23] Шаповалова Я.В. Проблемы допустимости судебного правотворчества в российской правовой системе: теоретическая дискуссия // Общество: политика, экономика, право. - 2016. - №12. - С. 132 - 134.
- [24] Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб., 2001. - С. 203.
- [25] Малько А.В., Храмов Д.В. Влияние судебной политики на судебную практику в современной России // Новая правовая мысль. - 2011. - № 6. - С. 28.
- [26] Дикарев В.Г., Олимпиев А.Ю. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть Интернет // Вестник МУ МВД России. - 2016. - № 8. - С. 147 - 152.
- [27] Карпович Е.В., Цыганков Н.С. Аргументационная техника французского Кассационного суда: история и современность // Труды молодых исследователей по сравнительному праву. - 2013. - № 1-2 (16-17). - С. 3 - 6.
- [28] Шестак В.А. О некоторых особенностях предъявления и поддержания гражданского иска в ходе судебного разбирательства по уголовным делам // Росс. юстиция. - 2017. - № 2. - С. 62 - 65.

[29] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Росс. газ. - 2010. - № 132.

[30] Гук П.А. Судебная политика и практика в правовой системе России // Росс. юстиция. - 2009. - № 8. - С. 9 - 11.

[31] Саломатин А.Ю. Верховный Суд США. Судебная правовая политика Дж. Джея до Дж. Робертса. - М., 2012.

[32] Газимагомедов М.А. Теоретико-правовые основы и специфика судебного правотворчества в Российской Федерации: постановка проблемы // Евразийская адвокатура. - 2015. - № 6 (19). - С. 80 - 84.

[33] White G.E. The Constitution and the New Deal. - Cambridge, Mass, 2000. - P. 205, 206.

[34] Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение: Основные типы (семьи) правовых систем мира: учеб. для вузов. - Киев, 2008.

[35] Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н. О некоторых аспектах определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. - 2016. - № 4 (136). - С. 130 - 134.

[36] Шестак В.А. Поддержание военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // Росс. следователь. - 2017. - № 16. - С. 19 - 23.

[37] Карпович Е.В., Цыганков Н.С. Аргументационная техника французского Кассационного суда: история и современность // Труды молодых исследователей по сравнительному праву. - 2013. - № 1-2 (16-17). - С. 3 - 6.

[38] Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / науч. консультант проекта Е.А. Скрипильев; отв. ред. А.В. Наумов. - М., 2003. - С. 14, 15.

[39] Шестак В.А. Отдельные вопросы судебной практики рассмотрения уголовных дел об уклонении от административного надзора и неоднократном несоблюдении установленных судом ограничений // Росс. судья. - 2017. - № 11. - С. 42 - 47.

[40] Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. - М., 2004. - С. 15.

[41] Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н., Канафин Н.А. Оперативно-розыскная деятельность в системе правоохраны в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Право и жизнь. - 2015. - № 11-12. - С. 127.

[42] Верховный суд отчитался за надзор. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-03-15/2_6948_vs.html

[43] Шестак В.А. О некоторых вопросах применения в современных условиях судами уголовно-правовых норм, содержащих неспециальные составы мошенничества, присвоения и растраты // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2018. - № 3 (27). - С. 178 - 183.

[44] Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н. Об истории развития таможенного законодательства России (с 1649 г. по настоящее время) // Право и жизнь. - 2015. - № 6. - С. 95.

[45] Олимпиев А.Ю. О субъектах дознания в Российской Федерации // Вестник МУ МВД России. - 2012. - № 1. - С. 231 - 233.

[46] Шестак В.А. О современной практике применения судами законодательства, регулирующего использование электронных документов в ходе уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. - 2018. - № 3 (38). - С. 213 - 217.

[47] Олимпиев А.Ю., Гаврюшкин Ю.Б. Противодействие посредничеству во взяточничестве в истории России и законодательстве зарубежных стран // Вестник МУ МВД России. - 2014. - № 4. - С. 89 - 98.

[48] Олимпиев А.Ю. Процессуальные органы как субъекты уголовного процесса в Российской Федерации // Вестник МУ МВД России. - 2012. - № 3. - С. 200.

[49] Стрелкова И.И. Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2002.

[50] Олимпиев А.Ю. Криминальный оборот наркотиков как одна из разновидностей организованной преступности // Вестник МУ МВД России. - 2013. - № 3. - С. 116 - 118.

[51] Шестак В.А. Об отдельных проблемных вопросах квалификации специальных видов мошенничества // Библиотека криминалиста. - 2018. - № 2 (37). - С. 372 - 377.

[52] Олимпиев А.Ю., Адмиралова И.А. Роль ОБСЕ в совершенствовании механизма борьбы с торговлей людьми на международном уровне // Административное и муниципальное право. - 2013. - № 5 (65). - С. 401 - 403.

Spisok literatury:

[1] Guk P. A. Sudebnoe normotvorchestvo: voprosy teorii i praktiki // Lex Russica. - 2016. - № 7. - S. 21.

[2] Shapovalova Ya.V. Problemy dopustimosti sudebnogo pravotvorchestva v rossijskoj pravovoj sisteme: teoreticheskaya diskussiya // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. - 2016. - No12. - S. 132.

- [3] Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g., s izlozheniem rassuzhdenij, na koih oni osnovany. Izdanie Gosudarstvennoj kancelarii. - SPb., 1866. - Ch. 1. - S. 377.
- [4] Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu. Carskoe Selo, 20 noyabrya 1864 g.; Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva / sost. V.I. Bukovskij. - Riga, 1925.
- [5] Engel'man I.E. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. 2-e izd., ispr. i dop. - Yur'ev", 1904. - S. 20.
- [6] Kazakevich T.A. Celesoobraznost' i cel' v obshchestvennom razvitii. - L., 1969.
- [7] Gendin A.M. Predvidenie i cel' v razvitii obshchestva. - Krasnoyarsk, 1970.
- [8] Makarov M.G. Kategoriya «cel'» v marksistskoj filosofii i kritika teleologii. - L., 1977.
- [9] Rumyantsev M.B. Osobennosti sudebnogo pravotvorchestva v Rossijskoj Federacii // Advokat. - 2017. - № 2.
- [10] Zivs S.L. Istochniki prava. - M., 1981. - S. 186, 187.
- [11] David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. - M., 1999. - S. 21 - 23, 98, 99, 248, 249, 256, 257, 287, 288, 295 - 297.
- [12] Chertkova Yu. V. Ideya sudebnogo pravotvorchestva za rubezhom i ee perspektivy v Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. - 2017. - T. 3 (69). - № 1. - S. 239 - 246.
- [13] Cit. po: Berlyavskij L.G. Konceptiya pravoponimaniya Olivera U. Holmsa // Gosudarstvo i pravo. - 2017. - № 1. - S. 80 - 88.
- [14] Shestak V.A. O sovershenstvovanii processual'nyh norm, reglamentiruyushchih sroki soderzhaniya pod strazhej i poryadok ih prodleniya // Biblioteka kriminalista. - 2018. - № 1 (36). - S. 114 - 117.
- [15] Hazanov A.M., Olimp'ev A.Yu. Vojny na bol'shom blizhnem vostokey 1960-e - 2016. - M., 2016.
- [16] Bonner A.T. Primenenie normativnyh aktov v grazhdanskom processe. - M., 1980.
- [17] Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. - M., 1998. S. 90.
- [18] Vil'nyanskij S.I. Znachenie sudebnoj praktiki v grazhdanskom prave // Uchenye trudy VIYuN. - M., 1947. - Vyp. 9. - S. 244.
- [19] Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. - M., 1981. - T. 2. - S. 332.
- [20] Mal'ko A.V., Guk P.A. Sudebnaya praktika kak sredstvo formirovaniya sudebnoj politiki: voprosy vzaimodejstviya i vliyaniya na zakonotvorchestvo // Sovremennoye pravo. - 2011. - № 12. - S. 85.
- [21] Galuzo V.N., Afanas'ev V.S., Batyuk V.I. i dr. Dokazyvanie v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom processah Rossijskoj Federacii - M., 2016.
- [22] Tkacheva N.N. K voprosu ob otnesenii sudebnoj praktiki po grazhdanskim delam k istochnikam grazhdanskogo processual'nogo prava // Sovremennoye pravo. - 2013. - № 10. - S. 88 - 91.
- [23] Shapovalova Ya.V. Problemy dopustimosti sudebnogo pravotvorchestva v Rossijskoj pravovoj sisteme: teoreticheskaya diskussiya // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. - 2016. - No12. - S. 132 - 134.
- [24] Lebedev V.M. Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya. - SPb., 2001. - S. 203.
- [25] Mal'ko A.V., Hramov D.V. Vliyaniye sudebnoj politiki na sudebnuyu praktiku v sovremennoj Rossii // Novaya pravovaya mysl'. - 2011. - № 6. - S. 28.
- [26] Dikarev V.G., Olimp'ev A.Yu. K voprosu o protivodejstvii beskontaktnomu sposoby sbyta narkotikov cherez set' Internet // Vestnik MU MVD Rossii. - 2016. - № 8. - S. 147 - 152.
- [27] Karpovich E.V., Cygankov N.S. Argumentacionnaya tekhnika francuzskogo Kassacionnogo suda: istoriya i sovremennost' // Trudy molodyh issledovatelej po sravnitel'nomu pravu. - 2013. - № 1-2 (16-17). - S. 3 - 6.
- [28] Shestak V.A. O nekotoryh osobennostyah pred'yavleniya i podderzhaniya grazhdanskogo iska v hode sudebnogo razbiratel'stva po ugovnym delam // Ross. yusticiya. - 2017. - № 2. - S. 62 - 65.
- [29] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2010 g. № 16 «O praktike primeneniya sudami Zakona Rossijskoj Federacii «O sredstvakh massovoy informacii» // Ross. gaz. - 2010. - № 132.
- [30] Guk P.A. Sudebnaya politika i praktika v pravovoj sisteme Rossii // Ross. yusticiya. - 2009. - № 8. - S. 9 - 11.
- [31] Salomatin A.Yu. Verhovnyj Sud SShA. Sudebnaya pravovaya politika Dzh. Dzheya do Dzh. Robertsa. - M., 2012.
- [32] Gazimagomedov M.A. Teoretiko-pravovye osnovy i specifika sudebnogo pravotvorchestva v Rossijskoj Federacii: postanovka problemy // Evrazijskaya advokatura. - 2015. - № 6 (19). - S. 80 - 84.
- [33] White G.E. The Constitution and the New Deal. - Cambridge, Mass, 2000. - P. 205, 206.
- [34] Skakun O. F. Obshchee sravnitel'noye pravovedenie: Osnovnye tipy (sem'i) pravovyh sistem mira: ucheb. dlya vuzov. - Kiev, 2008.
- [35] Olimp'ev A.Yu., Galuzo V.N. O nekotoryh aspektah opredeleniya ponyatiya "rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti" v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2016. - № 4 (136). - S. 130 - 134.
- [36] Shestak V.A. Podderzhanie voennymi prokurorami gosudarstvennogo obvineniya po

уголовным делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // *Ross. sledovatel'*. - 2017. - № 16. - С. 19 - 23.

[37] Karpovich E.V., Cygankov N.S. Argumentacionnaya tekhnika francuzskogo Kassacionnogo suda: istoriya i sovremennost' // *Trudy molodyh issledovatelej po sravnitel'nomu pravu*. - 2013. - № 1-2 (16-17). - С. 3 - 6.

[38] Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty: v 6 t. T. 3: Ot Svoda zakonov k sudebnoj reforme 1864 g. / nauch. konsul'tant proekta E.A. Skripilev; otv. red. A.V. Naumov. - M., 2003. - С. 14, 15.

[39] Shestak V.A. Otdel'nye voprosy sudebnoj praktiki rassmotreniya уголовных дел об уклонении от административного надзора и неоднократном несоблюдении установленных судом ограничений // *Ross. sud'ya*. - 2017. - № 11. - С. 42 - 47.

[40] Vereshchagin A. N. Sudebnoe pravotvorchestvo v Rossii: sravnitel'no-pravovye aspekty. - M., 2004. - С. 15.

[41] Olimpiev A.Yu., Galuzo V.N., Kanafin N.A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sisteme pravoohrany v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoj aspekt) // *Pravo i zhizn'*. - 2015. - № 11-12. - С. 127.

[42] Verhovnyj sud otchitalsya za nadzor. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-03-15/2_6948_vs.html

[43] Shestak V.A. O nekotoryh voprosah primeneniya v sovremennyh usloviyah sudami уголовно-правовых норм, soderzhashchih nespecial'nye sostavy moshennichestva, prisvoeniya i rastraty // *Biblioteka уголовного права i kriminologii*. - 2018. - № 3 (27). - С. 178 - 183.

[44] Olimpiev A.Yu., Galuzo V.N. Ob istorii razvitiya tamozhennogo zakonodatel'stva Rossii (s

1649 g. po nyneshnee vremya) // *Pravo i zhizn'*. - 2015. - № 6. - С. 95.

[45] Olimpiev A.Yu. O sub'ektah doznaniya v Rossijskoj Federacii // *Vestnik MU MVD Rossii*. - 2012. - № 1. - С. 231 - 233.

[46] Shestak V.A. O sovremennoj praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego ispol'zovanie elektronnyh dokumentov v hode уголовного sudoproizvodstva // *Biblioteka kriminalista*. - 2018. - № 3 (38). - С. 213 - 217.

[47] Olimpiev A.Yu., Gavryushkin Yu.B. Protivodejstvie posrednichestvu vo vzyatochnichestve v istorii Rossii i zakonodatel'stve zarubezhnyh stran // *Vestnik MU MVD Rossii*. - 2014. - № 4. - С. 89 - 98.

[48] Olimpiev A.Yu. Processual'nye organy kak sub'ekty уголовного processa v Rossijskoj Federacii // *Vestnik MU MVD Rossii*. - 2012. - № 3. - С. 200.

[49] Strelkova I.I. Podvedomstvennost' arbitrazhnomu sudu del po ekonomicheskim sporam i inyh del: dis. ... kand. jurid. nauk. - Ekaterinburg, 2002.

[50] Olimpiev A.Yu. Kriminal'nyj oborot narkotikov kak odna iz raznovidnostej organizovannoj prestupnosti // *Vestnik MU MVD Rossii*. - 2013. - № 3. - С. 116 - 118.

[51] Shestak V.A. Ob otdel'nyh problemnyh voprosah kvalifikacii special'nyh vidov moshennichestva // *Biblioteka kriminalista*. - 2018. - № 2 (37). - С. 372 - 377.

[52] Olimpiev A.Yu., Admiralova I.A. Rol' OBSE v sovershenstvovanii mekhanizma bor'by s trgovlej lyud'mi na mezhdunarodnom urovne // *Administrativnoe i municipal'noe pravo*. - 2013. - № 5 (65). - С. 401 - 403.

ПОТОЦКИЙ Н.К.,

доктор юридических наук, профессор,
Почётный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации
pototsky@adm.iile.ru

О МЕСТЕ И РОЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и содержание уголовно-исполнительной системы в современных условиях и в перспективе, а также всех аспектов ее функционирования.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, общество, государство, отрасли знаний, задачи и функции, структурные подразделения.

POTOTSKY N. K.,

Doctor of Law, Professor,
Honorary worker of higher professional education
of the Russian Federation

ON THE PLACE AND ROLE OF THE PENAL SYSTEM IN THE STRUCTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY AND THE STATE

Annotation. The article deals with the essence and content of the penal system in modern conditions and in the future, and all aspects of its functioning.

Keywords: criminal Executive system, society, state, branches of knowledge, tasks and functions, structural units.

В соответствии с современным пониманием уголовно-исполнительная система (УИС) – это сложное социальное образование, которое может быть исследовано в зависимости от поставленной цели под разным углом зрения. Всесторонний анализ УИС, содержания и специфики ее деятельности, прежде всего, предполагает рассмотрение места и роли этой сложнейшей социальной, государственной организации в структуре российского общества и государства, осуществляемых ею функций и реализуемых разнообразных видов социальной и государственной деятельности. Такой подход создает благоприятные условия для адекватного понимания как сущности и содержания УИС в современных условиях и в перспективе, так и всех аспектов функционирования, включая организационно-правовую деятельность данной социальной системы в целом, ее структурных подразделений, в частности оперативные аппараты исполнительных учреждений.

Рассмотрение поставленных вопросов может осуществляться с позиций самых различ-

ных отраслей знания, в частности социологии, кибернетики, теории (науки) управления, правовой науки, политологии, экономики и многих других. При этом каждая наука будет выделять и анализировать какой-то один из отраслевых аспектов затронутой проблемы под своим углом зрения и в собственных интересах. Любой из таких аспектов представляет значительный теоретический и практический интерес. Однако комплексное всестороннее освещение управления возможно лишь с позиций теории управления, прежде всего, такой ее отраслевой модификации, как теория управления УИС (встречаются и другие обозначения данной отрасли знания, например, управление органами, исполняющими наказания).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в истории развития теории и практики управления УИС эти вопросы длительное время в основном изучались и во многом продолжают изучаться с позиций и в пределах юридической науки, прежде всего, уголовного, уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права. Как показывает длительная практика,

стремление анализировать проблемы организации деятельности УИС, в том числе управление, только в пределах правовой науки выявляет недостаточность такого анализа, поскольку предмет и метод юридической науки не позволяют решить эту задачу в полном объеме. Это проявляется в формулировании самого названия рассматриваемой социальной организации, ее структурных элементов, описания основных параметров ее функционирования и существенно затрудняет процессы ее реорганизации, реформирования.

Несоответствие названия УИС ее социальному назначению и выполняемым функциям, по нашему мнению, отражается, в частности, в том, что данная система, с одной стороны, исполняет далеко не все уголовные наказания. В практической действительности уголовные наказания исполняют различные ведомства, органы и учреждения (Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, суд, УИС, ее конкретные структурные подразделения: уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, арестные дома, исправительные учреждения, тюрьмы). В этом смысле, по справедливому мнению А.И. Зубкова, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, и учреждения УИС не являются понятиями тождественными, так как последние исполняют всего четыре вида уголовных наказаний: арест, ограничение свободы, лишение свободы и смертная казнь. С другой стороны, УИС принимает активное участие в реализации других функций Российского государства, помимо правоохранительной, а в ее составе исполнения уголовных наказаний.

Недостаточность только юридического взгляда на УИС проявляется и в том, что в правовой литературе деятельность данной социальной организации рассматривается, прежде всего, как деятельность правоохранительная. Более широкий и уточненный взгляд на эту проблему, основанный на многочисленных материалах уголовно-исполнительной теории и практики, государственного управления, других отраслей науки и практики, позволяет признать это положение достаточно спорным, недостаточно полно раскрывающим сущность, содержание и назначение УИС, что, несомненно, сказывается на всех аспектах ее деятельности и реформировании. Здесь требуется применение более широкого по сравнению с юридическим инструментарием, который способствовал бы рассмотрению УИС в широком социологическом и организационно-управленческом контексте, связанном с выявлением ее места, роли, функций в российском обществе и, прежде всего, в структуре Российского государства, осуществляемых им направлениях деятельности, реализуемых функций.

В теории и практике справедливо указывается, что наиболее обобщенно и полноназначенное государства проявляется в первую очередь в его функциях, т.е. основных направлениях деятельности по решению главных задач, которые, имея единую сущность и во многом одинаковое с позиции технологии осуществление, по-разному реализуются и проявляются в разных сферах: экономике, области социальных, политических отношений, духовной сфере жизни общества. При этом необходимо различать функции государства и функции его структурных подразделений, конкретных органов. Последние вытекают из первых, обуславливаются ими, имеют более конкретный характер, зависят от сущности, задач, назначения этих органов. Так, судебные органы выполняют одни функции в обществе, в законодательной или исполнительной власти – другие и т.д.

Как известно, государство возникло в связи с объективной потребностью общества в этом политическом институте, призванном выполнять «общие дела» и обеспечивать организованность, упорядоченность отношений, складывающихся в обществе. По мере его развития задачи и функции государства, которые определяют его структуру, формы и методы деятельности, изменяются – одни отмирают, другие трансформируются, возникают новые. Существуют разные подходы к пониманию и классификации задач и функций государства. Так, среди функций государства выделяют, прежде всего, основные и неосновные. Первые связаны с главными задачами государства, которые, как правило, реализуются в течение длительных периодов времени и отражают его сущностные параметры на данном этапе движения (например, функция борьбы с преступностью, обороны и др.). Вторые связаны с задачами другого рода, которые чаще всего имеют оперативный характер (например, предотвращение стихийных бедствий). Выделяют также функции постоянные и временные, имеющие преходящий характер. Основные функции чаще всего имеют постоянный характер, неосновные могут быть временными, одноразовыми, но могут появляться в государственной практике неоднократно. Существуют функции общего характера, относящиеся к решению общегосударственных задач, вытекающие из «общих дел», характерные для государств разной социальной природы и типа (например, охрана правопорядка) и свойственные государству конкретного исторического типа. Функция охраны социалистической собственности, свойственная социалистическому государству, не свойственна государствам другого типа (например, в современном Российском государстве).

Различают также функции внутренние, которые государство осуществляет внутри страны, и

внешние, направленные вовне государства, страны, осуществляемые на международной арене (обороны, интеграции в мировое сообщество, поддержания установленного миропорядка, международного сотрудничества и др.) [1; 2]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что внутренние и внешние функции чаще всего тесно взаимосвязаны, взаимодействуют между собой, имеют общие области реализации. Так, внутренние функции могут иметь элементы внешних и наоборот (например, внешняя торговля), а внешние находят свое продолжение во внутренних (функция обороны требует создания соответствующей техники, подготовки кадров внутри страны). Такая взаимосвязь и взаимозависимость внутренних и внешних функций объясняет и определяет международные связи и направления государственных органов, в том числе в сфере деятельности УИС.

Классификация задач и функций имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как позволяет выявлять особенности их содержания, необходимые методы и формы реализации, специфику организации государственного управления при осуществлении тех или иных функций, в том числе в области исполнения уголовных наказаний, исправления, ресоциализации осужденных. При этом необходимо учитывать, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, всякая, особенно многокритериальная, классификация функций носит в известной мере условный характер. Одна и та же функция может относиться к функциям разного класса. Во-вторых, до настоящего времени в отечественной и зарубежной литературе отсутствует единство взглядов на выделение и содержательное рассмотрение конкретных функций государства. В одних работах авторы выделяют четыре основные функции государства – экономическую, социальную, политическую и идеологическую, а других – добавляют иные функции, например экологическую, правоохранительную, идеологическую, информационную и многие другие функции государства. Рассмотрим коротко основные функции современного Российского государства в целях определения степени участия УИС в их реализации.

Сущность и содержание экономической функции государства заключается в различной степени участия в экономической деятельности, например, в установлении условий и порядка данной деятельности, ее регулировании. Государство может предпринимать специальные меры в определении разрешаемых и запрещаемых законом форм экономической деятельности (например, недобросовестная конкуренция, против незаконных монополий и т. д.). Оно может устанавливать

в определенных случаях цены на некоторые товары, разрабатывать стратегические проблемы, заниматься прогнозированием и планированием экономического развития страны в целом или по отдельным регионам и отраслям, проводить национализацию или денационализацию определенных объектов собственности и др. В разных государствах степень и формы такого участия могут существенно различаться. В странах с рыночными отношениями назначение данной функции нередко проявляется, в частности, в расширении возможностей рыночных отношений и исправлении по мере возможности издержек в рыночной стихии.

Анализ деятельности УИС показывает, что данная социальная организация принимает самое активное участие в реализации экономической функции государства. При этом такая реализация осуществляется, как минимум, по нескольким направлениям. Во-первых, многие уголовно-исполнительные органы и учреждения активно выступают в качестве хозяйствующих субъектов, наделены правами юридических лиц. Во-вторых, государство наделяет УИС, прежде всего в лице Федеральной службы исполнения наказаний Минюста России, определенной компетенцией в области регулирования ряда экономических отношений указанных органов и учреждений.

Реализация социальной функции в различных государствах выполняется по-разному. Ее конкретное содержание определяется самыми различными факторами, условиями и является весьма разнообразным. В наиболее обобщенном виде данная функция направлена на регулирование в обществе и государстве социальных отношений, понимаемых в узком и специальном смысле слова. В частности, она охватывает, например, определение минимальной ставки оплаты труда в бюджетной сфере, установление денежных окладов работников; оказание помощи матерям и детям; выплату пособия по безработице, стипендии студентам; оказание материальной помощи молодежным объединениям; оказание различного рода социальных услуг населению: создание сети образовательных учреждений, медицинского обслуживания, систем транспорта и связи, путей сообщения, принятие различного рода мер по организации общественных работ и т. д. Таким образом, в результате выполнения данной функции государство осуществляет регулирование отношений между различными социальными и иными общностями и группами населения. Указанные и другие виды социальной деятельности должны осуществляться в соответствии с принципами социальной справедливости для обеспечения социальной солидарности и обществе. По своему характеру и направленности эта функ-

ция должна иметь общесоциальные назначение и цели.

УИС в различной форме и разными методами принимает активное участие в реализации этой важнейшей функции государства. Объектами этой деятельности выступают как сотрудники уголовно-исполнительных органов и учреждений, так и осужденные. Именно необходимость реализации данной функции в пределах УИС потребовала введения принципиально новой категории сотрудников – социальных работников, а также привлечения к этому виду деятельности многих других сотрудников уголовно-исполнительных органов и учреждений.

Политическая функция государства направлена в первую очередь на регулирование различных политических отношений, возникающих в обществе, государстве, в функционировании различных социальных и иных групп населения, политических партий и других объединений, установление нормативно закрепленных правил политической деятельности, например, предотвращение насильственных действий, запрещение тайных и вооруженных объединений, регулирование порядка проведения политических демонстраций, выборов государственных органов и референдумов, реализация политических прав граждан. В конечном счете реализация данной функции должна обеспечить создание необходимых условий для выполнения закрепленных в конституциях политических прав граждан, в том числе участия в государственной власти, включая конкретные государственные органы.

Вполне очевидно, что УИС, ее структурные подразделения, персонал в различной форме принимают участие в реализации политической функции. Это обстоятельство отмечается многими учеными и практическими работниками. «Политика в сфере борьбы с преступностью, применения уголовных наказаний и обращения с осужденными, как бы ни пытались деполитизировать эту сферу государственной деятельности различными отсылками на общечеловеческие ценности, всегда присутствует», – замечает А.И. Зубков.

Следующей функцией Российского государства является идеологическая функция. Ее содержание достаточно сложно и многообразно. В современный период происходит пересмотр отношения к данной функции, ее содержания и технологий реализации. Демократические государства провозглашают и обеспечивают идеологический плюрализм, поддерживают (в том числе материально) передовые идеологические течения, основанные на признании общечеловеческих ценностей. Не детализируя многие возникающие здесь вопросы, отметим, что в содержании идеологической функции важной составляющей, наряду с

другими, является воспитательная работа во всех ее многочисленных формах и проявлениях, включая ресоциализацию, исправление осужденных. В рассматриваемом отношении именно с реализацией этой одной из основных функций Российского государства в первую очередь и в основном связана деятельность УИС.

Правоохранительная (встречаются и другие ее обозначения – правового регулирования, правообеспечительная, охрана общественного порядка и т.д.) функция Российского государства достаточно широко освещается, прежде всего, в юридической литературе. Она направлена, с одной стороны, на поддержание сложившегося в обществе и государстве правопорядка, с другой – формирование новых правил, нового порядка в соответствии с новыми складывающимися условиями функционирования общества и государства.

В литературе, особенно юридической, в подавляющем большинстве случаев деятельность УИС в первую очередь и в основном связывается с реализацией именно данной функции государства, что, как уже отмечалось, в современных условиях требует серьезного уточнения. Даже краткий, проведенный выше анализ убедительно показывает, что анализируемая социальная организация принимает активное участие в реализации не только правоохранительной, но и многих других функций Российского государства.

Экологическая (природоохранительная) функция в системе функций государства приобрела особую актуальность и стала рассматриваться в качестве самостоятельной относительно недавно, примерно в последние десятилетия, в связи с прогрессирующим ухудшением природного состояния планеты. Издержки в организационной, в том числе управленческой, деятельности человека, нередко граничащей со стихийностью, одностороннее развитие современного производства нарушают сложившееся природное равновесие. Это зачастую приводит к техногенным авариям и катастрофам, например черная дыра и многие другие, оказывает вредное воздействие на экологическую систему, порой приобретает необратимые последствия. В этих условиях государство, используя все свои возможности, вынуждено все активнее заниматься природоохранительной деятельностью и восстановлением нарушенного равновесия.

Таким образом, внимательный анализ целевого назначения УИС, ее задач и функций показывает, что данная социальная государственная организация принимает участие в реализации многих функций Российского государства, прежде всего таких, как идеологическая, социальная, экономическая, политическая, правоохранительная и

др. Это обстоятельство подтверждает ранее высказанное положение о спорности отнесения УИС только к правоохранительным органам. Более точным с точки зрения организации и функционирования является, как справедливо отмечают многие современные авторы (А.А.Аксенов, Н.Н.Андреев, А.И.Зубков, Г.А.Туманов, И.В.Шмаров и др.), социолого-организационный взгляд, т.е. социологическое описание УИС, дополнение организационно-управленческой характеристикой. Правильное решение этих вопросов имеет важное значение, так как служит основой для точного определения места УИС в структуре российского общества и государства, содержания ее деятельности, целей, задач, функций и собственной структуры, параметров организации управления, в частности организации взаимодействия с другими государственными органами и общественными организациями оценки эффективности функционирования и т.д., в конечном счете адекватного познания и описания этой сложнейшей социальной организации.

Отмеченное выше обстоятельство, связанное с тем, что уголовно-исполнительная система в основном традиционно исследовалась преимущественно с позиций правовой науки, необходимость устранения возникающих при этом издержек предполагают активизацию ее освещения с учетом последних достижений и других отраслей знания, среди которых целесообразно выделить социологию. Социологический анализ уголовно-исполнительной системы предполагает, как уже подчеркивалось, рассмотрение ее в широком социальном контексте, связанном с выявлением ее места, роли, функций в общественном организме в целом [3]. Как известно, общество – это не механический агрегат индивидов, а система их социальных взаимодействий друг с другом. Процессы же социального взаимодействия не могут не согласовываться с нормами и правилами, принятыми в данном обществе. Это обстоятельство обуславливает наличие в обществе социальной организации, которая в широком смысле характеризует способы упорядочения действий отдельных индивидов и социальных групп. К важнейшим механизмам социальной организации относятся: а) социализация (процесс усвоения индивидами и группами норм и ценностей, господствующих в данной системе); б) социальный контроль (способ саморегуляции общественной системы, представляющий собой совокупность норм и ценностей, обладающих по отношению к индивиду принудительной силой, а также санкций, применяемых в целях осуществления этих норм и ценностей).

С позиции социологического анализа УИ предстает в качестве специально созданного социального института, осуществляющего приме-

нение определенных санкций к правонарушителям. Причем, в данном случае в большей мере идет речь о санкциях формальных, официально предписанных обществом, государством.

Очевидно, что система исполнения уголовных наказаний является таким социальным институтом, который играет особую роль в системе социального контроля, а следовательно, представляет собой важнейший компонент системы социальной организации в целом.

Как социальный институт система исполнения наказаний представляет собой совокупность: а) различных форм организации и регулирования особого типа социальных отношений – уголовно-исполнительных, точнее, исправительных; б) специальных учреждений, системы норм, социальных ролей, обеспечивающих реализацию функций, связанных с исполнением уголовных наказаний, исправлением осужденных в интересах как всего общества, так и его отдельных общностей. Возникновение подобного института обусловлено объективной потребностью общества в специальном регулировании отношений, направленных не только на ограждение социума от влияния лиц, совершивших правонарушения, но и на их возвращение к нормальному, т.е. соответствующему нормам общества поведению. Отсюда следует, что система исполнения уголовных наказаний как социальный институт имеет четко определенную цель, т.е. круг социально значимых потребностей, на удовлетворение которых направлена его деятельность. Он, помимо системы социальных норм, способов осуществления контрольных функций, реализует специфические методы социального контроля. К таким методам, по мнению американского социолога Т. Парсонса, относятся:

а) изоляция (применяется с целью отлучения лица, нарушившего социальную норму (девианта), от других индивидов). Применяется по отношению к осужденным, имеющим большие сроки наказания, реализуется как метод в тюрьмах закрытого типа;

б) обособление (предусматривает ограничение контактов девианта с другими людьми, однако не предусматривает полную изоляцию от общества). Применяется как метод по отношению к осужденным, имеющим небольшие сроки наказания, не совершивших тяжких преступлений, распространен в тюрьмах открытого типа.

Таким образом, рассмотрение уголовно-исполнительной системы в качестве социальной организации приводит к ряду важных выводов, имеющих как теоретическое, так и непосредственное практическое значение. Такой подход позволяет представить данную социальную организацию в виде сложного образования, сочетающего в

себе элементы организации и самоорганизации, сознательного и стихийного, формализованного и неформализованного. Активный учет этих параметров и характеристик УИС, способность и умение изучать, диагностировать протекающие здесь процессы, с учетом названных параметров и характеристик, во многом определяет эффективность управленческих решений и управленческой деятельности в целом в уголовно-исполнительной системе.

Список литературы:

[1] Андреев Н.А. Социология исполнения уголовных наказаний: учеб. пособие. - М.: Права человека, 2001.

[2] Шмаров И.В. Социологические проблемы исполнения уголовного наказа. - Рязань: РВШ МВД СССР, 1980.

[3] Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С.В. Степашина, П.В.Крашенинникова. - М.: Норма, 1998.

Spisok literatury:

[1] Andreev N.A. Sociologiya ispolneniya ugovnyh nakazaniy: ucheb. posobie. - M.: Prava cheloveka, 2001.

[2] Shmarov I.V. Sociologicheskie problemy ispolneniya ugovnogo nakaza. - Ryazan': RVSh MVD SSSR, 1980.

[3] Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. Penitenciarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstv yusticii Rossii. Istoriya i sovremennost' / pod red. S.V. Stepashina, P.V. Krashennnikova. - M.: Norma, 1998.

Нгуен Тхи Хай Иен,
к.ю.н., профессор Полицейской народной Академии
Министерства Общественной безопасности Вьетнама
e-mail: yenngoctxt@gmail.com

Рецензент – **Тит Александр Александрович,**
старший преподаватель кафедры Уголовного права и Криминологии
Академии МВД Республики Беларусь
e-mail: mail@law-books.ru

Научная специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

ВЛИЯНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЬЕТНАМА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Аннотация: В данной статье рассматривается влияние норм международного права на положения уголовного законодательства Вьетнама о преступлениях, связанных с торговлей людьми. Автор также анализирует содержание ст. 150, 151 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 года о данном виде преступления.

Ключевые слова: торговля людьми, международное право, уголовное право, Вьетнам.

Nguyen Thi Hai Yen,
Dr. senior lecture of the People's Police Academy
– Ministry of Public Security Viet Nam

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LAW ON VIETNAMESE CRIMINAL LAW ON TRAFFICKING OFFENSES

Resume: This article discusses the impact of international law on the criminal provisions of Vietnam on crimes related to trafficking in persons. The author also analyzes the content of Art. 150, 151 of the 2015 Vietnamese Criminal Code on this type of crime.

Keywords: human trafficking, international law, criminal law, Vietnam.

В настоящее время торговля людьми проявляется скрытно, маскируясь за такими многими формами действия как осмотр достопримечательностей, туризм, подписание бизнес контрактов, приглашение и вывоз рабочей силы, заключение брака через посредников и т.д. Жертвы преступлений по торговле людьми чаще всего склоняются к сексуальному рабству, принудительному труду, родам, являются донорами человеческих органов и т.д. В настоящее время жертвами таких преступлений становятся не просто женщины и дети, но и не мало случаев когда субъекты этого вида преступлений подвергают преследованию и мужчин, и детей.

Кроме того, при исследовании данного вида преступления можно отметить, что лица, которые совершают преступления в области торговли людьми во Вьетнаме, состоят в любом возрасте, но в целом они имеют низкий уровень образова-

ния и имеют много различных профессиональных компонентов. В отдельных случаях бывает, что те правонарушители, которые покупают и продают людей, когда то сами являлись жертвами предыдущей торговли людьми. Воспользовавшись сложной экономической ситуацией, отсутствием рабочих мест во многих населенных пунктах, а также отсутствием бдительности народа, преступники сформировали слаженный поток отправки людей за границу в целях их продажи, и в дальнейшем привлекая этих людей к проституции, к принудительному браку или принудительному труду и т.д.

Учитывая данную ситуацию, Уголовный кодекс Вьетнама (далее – УК Вьетнама) 1999 года регулировал только действие людей, связанное с торговлей людьми в целом, но не определял все понятие данного вида преступления. Понятие данного вида преступления было рассмотрено в

Совместном циркуляре № 01/2013/TTLT/TANDTC-VKSNDTC-BCA-BQP-BTP от 23 июля 2013 года. Соответственно, ст. 1 данного циркуляра гласит, что торговля людьми – это использование денег, имущества или других материальных благ для обмена людьми (от 16 лет и старше) в качестве товара, а именно, совершение одно из следующих действий:

- 1) продажа людей другим лицам, независимо от цели покупателя;
- 2) покупка людей для перепродажи другим лицам, независимо от того, кому перепродавать и цели покупателя;
- 3) использование людей в качестве имущества для обмена или оплаты;
- 4) покупка людей для эксплуатации, принудительного труда или других незаконных целей.

В целях устранения указанных недостатков УК Вьетнама 2015 года, вступивший в законную силу с 1 января 2018 года, определяет не только понятие данного вида преступления в соответствии с Совместным циркуляром 2013 года, но и указывает на обстоятельства,отячающие уголовную ответственность (ч. 2, 3). Кроме того, в ст. 151 данного Кодекса также внесены положения об уголовной ответственности за торговлю людьми в возрасте до 16 лет. Следовательно, можно отметить, что данные положения УК Вьетнама строились не только на основе внутригосударственных нормативно-правовых актов, но и на основе международных соглашений, в которых Вьетнам является участником.

Также, можно сделать вывод о том, что анализ и применение правовых норм в международно-правовой системе имеют большое значение в предупреждении, пресечении и борьбе, с преступлениями по торговле людьми, и имеет сильное влияние на процесс строения норм УК Вьетнама 2015 года, особенно в отношении преступлений по торговле людьми. К таким международным соглашениям относятся как:

1) Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и дополнительные протоколы, особенно Протокол от 15 ноября 2000 года о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее;

2) Декларацию АСЕАН о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми и т.д. Данные международные нормы являлись одним из правовых оснований для принятия в 2011 году Закона Вьетнама «О предотвращении и контроле преступлений по торговле людьми», а также для внесения изменений и дополнений в положения УК Вьетнама 2015 года о преступлениях, связанных с торговлей людьми.

По результатам исследований можно сказать, что положения международно-правовой системы оказывают большое влияние на положения УК Вьетнама 2015 года относительно преступлений, связанных с торговлей людьми, в частности:

Во-первых, воздействие на криминализацию действий, связанных с преступлениями по торговле людьми.

В соответствии с положениями ст. 5 Протокола о борьбе с торговлей людьми, законодательство Вьетнама содержит относительно адекватные положения о преступлениях, связанные с торговлей людьми, и эти преступления подлежат строгому наказанию.

В УК Вьетнама 2015 года поправки и дополнения в отношении состава преступления по торговле людьми и торговле людьми в возрасте до 16 лет (ст. 150, 151) были внесены на основании Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, и на основании Декларации АСЕАН о предупреждении торговли людьми, особенно женщинами и детьми. Сравнительно со ст. 119 и 120 УК Вьетнама 1999 года, ст. 150 и 151 УК Вьетнама 2015 года поправки были внесены с указанием конкретных действий в объективной стороне данного преступления. В частности:

1) в соответствии со ст. 150 УК Вьетнама 2015 года преступным деянием, связанным с торговлей людьми, является: передача или прием людей для дальнейшей передачи и получения денег, имущества или других материальных благ; передача или прием людей для сексуальной эксплуатации, принудительного труда, донорство частей тела жертвы или для других бесчеловечных целей; вербовка, транспортировка, укрытие других людей для выполнения действий в двух пунктах выше;

2) в соответствии со ст. 151 УК Вьетнама 2015 года преступлением по торговле людьми в возрасте до 16 лет является: передача или прием лиц в возрасте до 16 лет для передачи и получения денег, имущества или других материальных благ, за исключением гуманитарных целей; перевод или прием лиц моложе 16 лет для сексуальной эксплуатации, принуждения к труду, донорство органов или для бесчеловечных целей; вербовка, транспортировка и укрытие людей в возрасте до 16 лет для совершения действий в двух вышеуказанных пунктах.

Однако при сравнении с положениями п. 3 ст. 3 Протокола о борьбе с торговлей людьми, можно сказать о том, что УК Вьетнама 2015 года конкретно не указывает возраст лица, которого считают ребенком. В соответствии с Протоколом, детьми являются лица, которые младше 18 лет, но

с точки зрения права Вьетнама до сих пор детьми считаются лица, которые моложе 16 лет. Хотя Вьетнам является первой в Азии и второй страной в мире, которая ратифицировала Международную конвенцию о правах ребенка (КПР), но до сих пор Вьетнам является единственной оставшейся страной в АСЕАН, четвертой в Азии и 11-е место в мире еще не повысивший законный возраст детей до 18 лет. Причина этой проблемы исходит из правовой точки зрения государства и культурных традиций народа Вьетнама.

Во-вторых, влияние на полномочия расследования и юрисдикцию вне территории Вьетнама.

Законодатель Вьетнама конкретизировал положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в ст. 5, 6 УК Вьетнама. В соответствии с этим, государство Вьетнам также обладает юрисдикцией в отношении преступлений, которые совершены за пределами Вьетнама, в таких случаях, когда:

1) потерпевший является гражданином Вьетнама, либо лицом без гражданства, у которого имеется постоянное место жительства во Вьетнаме;

2) организованные преступления совершаются за пределами территории Вьетнама с целью совершения особо тяжких преступлений во Вьетнаме; либо отмывания денег за пределами территории Вьетнама с целью отмывания денег во Вьетнаме. Юрисдикция вне территории государства четко определена в двусторонних или многосторонних международных соглашениях, которые Вьетнам подписал с другими странами в каждой конкретной области.

В-третьих, воздействие на положения законодательства Вьетнама о защите и поддержке

жертв преступлений, связанных с торговлей людьми, и оказании помощи, реинтеграции общества.

Это содержание также соответствует общему духу Конвенции ООН о предупреждении транснациональной организованной преступности (ст. 24, 25) и Протокола, дополняющего Конвенцию о предупреждении торговли людьми (ст. 6, 7, 8). Как вьетнамское, так и международное право предусматривают такие вопросы, как: не наказывать жертвы; защищать физическую безопасность, защищать личную жизнь и личность жертв; меры по поддержке и оказанию помощи потерпевшим в процессе; репатриация и реинтеграция в сообщество и т.д.

Таким образом, положения вьетнамского права во многом сходны с положениями международного права о предупреждении преступлений, связанных с торговлей людьми, и борьбе с ними, что доказывает значительное влияние международного права в процесс заполнения вьетнамских правовых норм в области борьбы и предотвращения преступлений, связанных с торговлей людьми.

Список литературы

[1] Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam số 100/2015/QH13, thông qua ngày 27/11/2015;

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года;

[3] Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 года;

[4] Декларацию АСЕАН о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми.

МЕХТИДИС Юрий Николаевич,
аспирант
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
e-mail: mekhtidis.yury@yandex.ru

О МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы осуществления контроля за лицами, освобожденными условно-досрочно, в течение неотбытой части срока.

Ключевые слова: механизм реализации, институт условно-досрочного освобождения, осужденный, контроль, участковый уполномоченный полиции, административный надзор.

MEKHTIDIS Yury Nikolaevich,
post-graduate student
of Griboyedov IMLE

ON THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF PAROLE

Annotation. The article deals with the problems of control over persons released on parole, during the unexpired part of the term.

Key words: mechanism of implementation, institution of parole, convict, control, district police Commissioner, administrative supervision.

В исправительной системе современной России, в ходе ее развития, особое внимание уделялось применению наказаний, связанных с изоляцией от общества. Осужденному лицу, фактически ставшему на путь исправления, применяются меры поощрения и предоставляется право на подачу администрации учреждения ходатайства на условно-досрочное освобождение с прекращением отбывания назначенного ему наказания.

Условно-досрочному освобождению подлежат только осужденные лица, однозначно избравшие путь исправления. Однако в отношении данной категории лиц постоянно требуется со стороны уполномоченного специализированного государственного органа (ч. 6 ст. 79 УК РФ) исполнение функций, приводящих в действие составляющих (элементов) механизма реализации условно-досрочного освобождения, направленного на окончательное исправление осужденного, его социальную адаптацию в обществе. До настоящего времени такой уполномоченный специализированный орган не создан. Поэтому указанные функции формально возложены на участковых уполномоченных полиции, так как до настоящего времени не разработана соответствующая инструкция (наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции) по реализации механизма условно-досрочного освобождения в целях окончательного исправления

осужденного и социальной адаптации его в обществе.

Условно-досрочному освобождению подлежат осужденные лица, прилагающие все свои усилия для исправления, однако, как показывает практика, пользуясь несовершенством механизма реализации института условно-досрочного освобождения, лица, освобожденные от отбывания наказания, не стремятся соблюдать установленные обязанности, ограничения, запреты и уходят от ответственности за их нарушение.

Отсутствие на законодательном уровне мер принуждения за неисполнение установленных судом обязанностей, запретов, ограничений лицами, условно-досрочно освобожденными, способствует этому. Сложившаяся ситуация не позволяет достигать целей наказания, в результате чего повышается уровень повторной преступности. Следует признать, что в современных условиях механизм реализации института условно-досрочного освобождения крайне неэффективен.

Ранее в исследовательских работах, в частности, затронуты проблемы контроля над лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания [1], но вопросы, касающиеся таких элементов механизма реализации условно-досрочного освобождения, как условия и средства обеспечения, практически не исследовались. Не рассматривались формы и методы механизма реализации института условно-досрочного

освобождения, а также не подлежали исследованию криминологические характеристики осужденного лица, освобождаемого условно-досрочно. Не проводились также исследования в целом, в совокупности элементов механизма реализации условно-досрочного освобождения на предмет его эффективности. Не предлагались и не рассматривались соответствующие меры принуждения, не проводились научные исследования в целях моделирования оптимального алгоритма действий в реализации механизма института условно-досрочного освобождения и оценки ожидаемых результатов, обоснование их эффективности. Все это указывает на отсутствие в работах всестороннего анализа механизма реализации института условно-досрочного освобождения осужденных лиц к лишению свободы.

В связи с этим возникает необходимость во всестороннем исследовании механизма реализации института условно-досрочного освобождения в теоретическом и практическом аспектах, в целях установления причин и условий, способствовавших совершению преступлений лицом, условно-досрочно освобожденным в течение оставшейся неотбытой части наказания, а также в целях достижения максимальной эффективности в практике применения к лицу, совершившему преступление, и при наличии рецидива преступления, опасного и особо опасного, отбывающему наказание в виде лишения свободы.

В результате проведенного анализа механизма реализации института условно-досрочного освобождения, с установлением максимальных критериев его эффективности, возникающего в ходе применения судами правовой нормы ст. 79 УК РФ об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, установлены составляющие его элементы:

- основания и условия, способствующие применению механизма реализации условно-досрочного освобождения;
- процедура принятия судебного акта об условно-досрочном освобождении, необходимые и достаточные основания для установления судом обязанностей, запретов, ограничений лицам, условно-досрочно освобождаемым;
- применяемые формы и методы механизма реализации института условно-досрочного освобождения, с учетом криминологических характеристик осужденных лиц, освобожденных условно-досрочно для достижения целей и задач условно-досрочного освобождения (окончательное исправление осужденного, социальная адаптация в обществе);
- наступление ответственности за неисполнение лицами, условно-досрочно освобожденными, установленных судом обязанностей, запре-

тов, ограничений, совершивших иные правонарушения;

- применение уполномоченным специализированным органом мер принуждения за неисполнение установленных судом обязанностей, запретов, ограничений и совершение иных правонарушений лицами, условно-досрочно освобожденными;

- алгоритмы отмены условно-досрочного освобождения и назначение исполнения оставшейся не отбытой части наказания.

Институт условно-досрочного освобождения предоставляет возможность осужденным на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы. Но не освобождает их от установления судом административного надзора при наличии оснований, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Нормы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания реализуются в ст. 15, 79, 86 УК РФ.

Кроме УК РФ нормы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания неоднократно встречаются в УПК РФ (ч. 4, 4.1 ст. 397, ч. 5, 6 ст. 399), в УИК РФ (п. 8 ст. 172, ч. 1, 2 ст. 175). Отсюда обоснованно следует, что институт условно-досрочного освобождения является межотраслевым, его нормы относятся к таким отраслям права, как уголовное право, уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право (с изм. от 01.10.2019 г. № 331-ФЗ).

Восстановленный Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» институт административного надзора реализуется в нормах УК РФ (ст. 15, 18, 86, 314.1), УПК РФ (ч. 1 ст. 31, п. 1 ч. 3 ст. 150), УИК РФ (п. 8 ст. 172, ч. 1, 2 ст. 175), КоАП РФ (ст. 19.24).

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, являясь межотраслевыми институтами права, имеют идентичные цели и задачи, взаимодействуют между собой и дополняют друг друга. Оба института регулируют поведение освобожденного из мест лишения свободы.

Институт административного надзора не проводит разделение между освобождаемыми лицами из мест лишения свободы по отбытии назначенного им наказания и досрочно освобожденными от наказания. Они рассматриваются настоящим институтом в совокупности как лица, освобождаемые или освобожденные из мест

лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость.

Согласно ст. 79 УК РФ, лицо, отбывающее наказание, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Поэтому суд не обязан освобождать лицо условно-досрочно, ведь он может прийти к выводу, что лицо может достичь исправления, лишь продолжая отбывать назначенное ему наказание. Лицо, отбывающее наказание, имеет право только подать ходатайство об условно-досрочном освобождении и на рассмотрение этого ходатайства в суде, а не на само условно-досрочное освобождение.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, а именно:

- не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа;
- не посещать определенные места;
- пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания;
- трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение.

Установленный судом административный надзор возлагает в отношении освобождаемого лица административные ограничения и обязанности поднадзорного лица.

Ограничения, обязанности, применяемые судом при назначении «условно-досрочного освобождения от отбывания наказания» и «административного надзора», применяются для достижения однородных целей и задач.

Лицо, условно-досрочно освобожденное, как и находящееся под административным надзором, должно соблюдать и исполнять возложенные на него обязанности, установленные запреты и ограничения в течение оставшейся неотбытой части наказания.

Возложение судом на лицо, условно-досрочно освобожденное и находящегося под административным надзором, исполнение обязанностей, ограничений, запретов способствует его исправлению. Например, такие как: - не посещать определенные места (бары, дискотеки), детские объекты отдыха и учреждения; - находиться в ночное время по месту жительства; - выезжать за пределы населенного пункта; - заниматься определенными видами деятельности; - занимать определенные должности (в органах государственной власти и местного самоуправления, в учреждениях, в организациях, в общественных объединениях).

В соответствии с п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ злостное уклонение осужденного от исполнения обязанностей, возложенных на него судом, может служить основанием для отмены условно-досрочного освобождения.

Однако понятие «злостности» ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве не раскрывается. Не разработан и механизм реализации данной нормы. Например, при каких наступивших событиях должна происходить ее реализация.

Одним из оснований возможной отмены условно-досрочного освобождения является совершение условно-досрочно освобожденным в период неотбытой части наказания нарушения общественного порядка, за которое на него наложено административное взыскание.

Следует отметить, что между институтами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеется правовое различие.

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является поощрением и предоставляет возможность на досрочное освобождение от отбывания наказания осужденному лицу к наказанию в виде лишения свободы, отбывающему в исправительном учреждении, реализуется судебным решением судов общей юрисдикции Российской Федерации.

В отличие от института условно-досрочного освобождения, институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является репрессивным, устанавливает временное ограничение прав и свобод лицу, освобожденному из мест лишения свободы, в виде установленных судом ограничений, обязанностей, запретов, также реализуется судебным решением судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Рассматриваемые правовые институты имеют различные временные периоды действия. Так, институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания действует в течение оставшейся неотбытой части наказания, а институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, действует на определенный срок или до погашения судимости.

В отрасли уголовного права институт административного надзора не является её структурной составляющей, как институт условно-досрочного освобождения, а реализуется только через институты отрасли.

Рассматривая в совокупности применение институтов условно-досрочного освобождения и административного надзора, возникает соответ-

ствующая последовательность в реализации их правовых норм, так как нормы административного надзора реализуются после освобождения от отбывания наказания осужденного лица, которое освобождается от отбывания наказания нормами условно-досрочного освобождения. Поэтому, как представляется, необходимо рассматривать институт административного надзора как субинститут института условно-досрочного освобождения.

Механизмы реализации институтов условно-досрочного освобождения и административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеют аналогичную структуру, составляющие (элементы), а наличие других составляющих дополняют друг друга:

- основания и условия, способствующие применению механизма реализации;

- процедура принятия судебного акта, необходимые и достаточные основания установленных судом обязанностей, запретов, ограничений освобождаемым лицам;

- применяемые формы и методы механизма реализации институтов, с учетом криминологических характеристик освобожденных лиц, для достижения целей и задач условно-досрочного освобождения, административного надзора (окончательное исправление осужденного, социальная адаптация в обществе);

- наступление ответственности за неисполнение освобожденными лицами установленных судом обязанностей, запретов, ограничений, совершивших иные правонарушения;

- применение уполномоченным специализированным органом мер принуждения за неисполнение установленных судом обязанностей, запретов, ограничений и совершение иных правонарушений освобожденными лицами.

Чтобы механизмы реализации обоих правовых институтов выполнили установленные функции и достигли результатов поставленных задач, необходимо осуществлять их реализацию последовательно, тогда будет достигнута максимальная их эффективность. В результате, возникает новая форма реализации элементов механизма, приводящая в действие соответствующий алгоритм.

Новая форма механизма реализации для достижения целей и задач устанавливает применение элементов двух правовых институтов в совокупной последовательности, содержащих в себе временные этапы в виде неотбытой части наказания, испытательного срока до погашения судимости, реализуемые судебными решениями судов общей юрисдикции Российской Федерации.

То есть лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, вначале использует возможность досрочного освобождения, предоставленную ему институтом условно-досрочного освобождения, которая реализуется при помощи механизма его реализации, после чего возникающие у него обязанности реализуются через механизм реализации института административного надзора.

Таким образом, административный надзор следует рассматривать как необходимое наблюдение за соблюдением и исполнением лицом, условно-досрочно освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом ограничений, запретов, обязанностей в период неотбытой части наказания или до погашения судимости, с отсрочкой его исполнения или без таковой.

Институт административного надзора есть самостоятельная стадия в предложенном механизме, реализуется после института условно-досрочного освобождения и является достаточным условием повышения его эффективности.

В предложенном механизме реализации институт условно-досрочного освобождения и субинститут административного надзора не конкурируют между собой, а дополняют друг друга. Существив в механизме реализацию правовых норм, институт условно-досрочного освобождения корреспондирует субинституту административного надзора реализацию своих правовых норм, создавая согласованность действий всех элементов механизма на всем временном этапе. В результате, обеспечивается слаженное действие всех составляющих (элементов) в механизме реализации условно-досрочного освобождения, чем достигается максимальная эффективность в его применении.

В основе предложенного механизма субъекты правоотношений осуществляют совокупные действия, в реализации которых достигаются установленные цели обоих институтов и устраняются правовые пробелы в законодательстве.

Список литературы:

[1] Потоцкий Н.К., Ратушный Е.Е. Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания, и контроль за их поведением // Образование и право. - 2016. - № 4.

Spisok literatury:

[1] Potockij N.K., Ratushnyj E.E. Problemy social'noj adaptacii lic, osvobozhdennyh ot nakazaniya, i kontrol' za ih povedeniem // Obrazovanie i pravo. - 2016. - № 4.

АЛИЕВА Сурижат Юсуфовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических и
гуманитарных дисциплин
Дагестанского государственного университета,
филиал в г. Дербенте
e-mail: alievasurizhat@yandex.ru

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В статье рассмотрены социально-экономические, социально-политические, организационно-управленческие, идеологические, нравственно-воспитательные факторы, обуславливающие вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера. В качестве основополагающего фактора вовлечения несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера выступает процесс социализации, существенные дефекты которого обуславливают в большинстве случаев искаженное формирование личности и последующий переход несовершеннолетних на преступный путь.

Ключевые слова: факторы, детерминанты, причины, несовершеннолетние, вовлечение в совершение преступлений, преступления террористического характера.

ALIEVA Surizhat Yusufvna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Legal
and Humanitarian Disciplines,
Dagestan State University, Branch in Derbent

REASONS AND FACTORS FOR THE INVOLVEMENT OF MINORS IN THE PERFORMANCE OF CRIMES OF TERRORIST CHARACTER

Annotation. The article considers the socio-economic, socio-political, organizational and managerial, ideological, moral and educational factors that determine the involvement of minors in the commission of crimes of a terrorist nature. The fundamental factor in involving minors in committing crimes of a terrorist nature is the process of socialization, the essential defects of which in most cases lead to distorted personality formation and the subsequent transition of minors to the criminal path.

Key words: factors, determinant, reasons, non-adults, involvement of crimes, crimes of the terrorist character.

На современном этапе в Республике Дагестан наиболее распространены являются такие преступления, как террористический акт, посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, посягательство на жизнь государственных и общественных деятелей. Нередко в совершении преступлений террористического характера участвуют несовершеннолетние, что является последствием вовлечения несовершеннолетних в организованные структуры террористической направленности. Исследователи констатируют, что такого рода преступность с каж-

дым годом всё больше вовлекает в свои ряды молодых людей, в силу незначительного жизненного опыта не способных оценить реальный масштаб деятельности, в которую они оказываются втянутыми [11, с. 187].

Анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствуют о фактах участия членов молодежных группировок, включающих несовершеннолетних, в качестве боевиков, террористов, в массовых беспорядках, провоцируемых экстремистскими силами. Часто несовершеннолетние становятся жертвой этих неуправляемых событий. В процессе вовлечения в террористиче-

скую деятельность наряду с фактом совершения преступления приобретают значение эмоции, направленные на психику несовершеннолетнего, неокрепший интеллект, нарушающие его нормальное развитие.

Процесс вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера представляет собой сложную и разветвленную систему, которая, будучи обусловлена общими причинами преступности, имеет и свои особенности, связанные с возрастными, психологическими, иными особенностями личности несовершеннолетнего. Поэтому система противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера предполагает и обязательный анализ детерминант, способствующих данному явлению.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера – это, прежде всего, результат деформации нравственного и правового сознания личности подростков под воздействием различных негативных факторов. Такое преступление является результатом суммы ошибок, упущений и недостатков в воспитании подрастающего поколения: в семье, дошкольных и учебных заведениях, по месту жительства и работы; это результат и просчетов в деятельности соответствующих государственных учреждений, общественных институтов; результат малоэффективной координации их деятельности по противодействию.

В качестве основополагающего фактора вовлечения несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера выступает процесс социализации, существенные дефекты которого обуславливают в большинстве случаев искаженное формирование личности и последующий переход несовершеннолетних на преступный путь. В последние годы наблюдается тенденция роста конфликтных, отчужденных отношений между родителями и детьми. Такая тенденция опасна тем, что в трудных жизненных ситуациях несовершеннолетние могут обратиться за помощью к лицам с асоциальной направленностью, которые, в свою очередь, уделив детям минутное внимание, и, оказав помощь, становятся значимыми в жизни подростка и оказывают в дальнейшем существенное влияние на его поведение [6, с. 133]. Таким образом, неблагополучная ситуация в семье является условием для вовлечения в совершение преступлений террористического характера.

В условиях экономической и политической нестабильности и нарастания общей социальной напряженности, особенно пострадавшей категорией населения, оказались несовершеннолетние: значительно сузились возможности самореализации, приобщения

к социально полезной деятельности, удовлетворения их потребностей и интересов посредством институтов социализации. Официальные институты социализации: семья, школа, трудовые коллективы, досуговые учреждения сами переживают кризис и не в состоянии полноценно выполнять свои социальные функции. Поэтому главным институтом социализации несовершеннолетних, оказавшихся вне семьи, общеобразовательных учреждений, системы социальной защиты становится «улица» со своими правилами, целями и ценностными установками. Поэтому псевдорелигиозные ценности представителей нетрадиционного ислама являются доминирующим фактором вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера.

К семейному неблагополучию и ослаблению институтов социализации присоединяются социальные и правовые факторы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера. Это – ухудшение условий социализации несовершеннолетних в семье; рост числа малообеспеченных семей; увеличение числа родителей, реально не участвующих в жизни общества, оказавшихся без нормальной работы, условий существования; недостаточное количество или недоступность досуговых центров и мест отдыха для социализации несовершеннолетних; отсутствие общественных организаций, целью которых было бы оказание социальной и психологической помощи нуждающимся слоям населения; неспособность учреждений социализации несовершеннолетних справиться с поставленными перед ними задачами; несовершенство существующей системы назначения и исполнения наказания; непоследовательность правовой реформы в целом; недостатки законодательной базы по противодействию вовлечению несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера, отсутствие достаточной материальной обеспеченности проводимых мероприятий по противодействию данному преступлению.

Одним из направлений устранения недостатков законодательной базы по противодействию вовлечению несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера является усиление ответственности за совершение данного преступления. Как правильно отмечают В.Г. Кришин и Ф.Н. Багаутдинов, отягчение наказания за совершение преступления против несовершеннолетнего в уголовном законодательстве должны помочь сформировать у преступников определенную модель поведения» [7, с. 32-35].

Слабое финансирование мероприятий по противодействию вовлечению несовершеннолет-

них в совершении преступлений террористического характера является одним из факторов систематического недовыполнения федеральных программ борьбы с преступностью экстремистской и террористической направленности, имеющих в основном превентивную направленность. В настоящее время, как утверждает С.И. Герасимов, стала очевидной иллюзорность надежд, будто бы многое в области борьбы с преступностью может быть решено в результате естественного хода событий, само собой (на уровне так называемого общесоциального предупреждения), а также нестабильностью общественного развития в условиях переходного периода, его динамизмом, влекущим обилие «возмущающих воздействий», зачастую непредсказуемых, и рядом других обстоятельств, объективного свойства [3, с. 17]. «Уровень системного видения решения накопившихся проблем остается недостаточным; практически «выпали» из поля зрения вопросы организации профилактической деятельности, выработки инновационных форм взаимодействия различных структур управления. В результате предпринимаемые государством меры по оздоровлению среды несовершеннолетних, в том числе по противодействию вовлечению несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера, в большинстве своем имеют фрагментный характер» [10, с. 3]. Именно тщательная организация предупредительного воздействия на преступность как на стратегическом, так и на оперативно-розыскном уровнях, способна противодействовать вовлечению несовершеннолетних в совершении преступлений террористического характера.

Вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления способствует деполитизация образовательной сферы, которая привела к потере идеалов, падению нравов, идеологическому вакууму, заполнившемуся идеей неформального общения. Понимая сложившуюся ситуацию, представители нетрадиционного ислама охотно вводят в зону своего влияния подростков, следя за их профессиональным преступным формированием и ростом. Социальная база террористов расширяется за счет безработных, а также подростков из малообеспеченных, обнищавших семей.

В последние годы безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних стала в Российской Федерации массовым явлением, приобрела актуальность проблема несовершеннолетних маргиналов. Данное явление, по исследованиям ученых [4, с. 5], становится социальной болезнью. Представители бандформирований экстремистской направленности используют безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в своих

целях, извращая их и превращая в профессиональных убийц, «шахидов».

Современный подросток не имеет положительных примеров для подражания, идеалов, к которым он мог бы стремиться. Этому способствуют и возрождаемые атрибуты субкультуры представителей нетрадиционного ислама с ее «романтическими» лозунгами. По этой же причине движение «сторонников» нетрадиционного ислама без особых усилий вовлекает в свои ряды подрастающее поколение лекциями о газавате, о солидарности. Негативный оттенок в религиозную ситуацию республики вносят религиозные организации, не нехарактерные для Республики Дагестан, финансируемые централизованными религиозными формированиями, зарегистрированными за пределами Российской Федерации. Данные организации активизировали свою работу в регионах российского государства, меняя формы и методы работы, подстраиваясь под действующее законодательство. Под влияние этих организаций попадает значительное число несовершеннолетних. Анализ деятельности таких организаций свидетельствует об их целенаправленном воздействии на определенные социальные группы общества, в первую очередь на молодежь. Экстремистские религиозные настроения подрывают основы конституционного строя в регионах Российской Федерации. Как отмечает Д.М. Гаджиев, в числе криминогенных факторов этиологии вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления мы акцентируем внимание на феномене религиозного экстремизма. По мнению ученого, это нетрадиционное течение получило в Дагестане благодатную почву для распространения в силу сложности экономической ситуации [2, с. 12]. Тяжелая социально-экономическая ситуация в стране и высокая безработица почти не оставляют несовершеннолетним возможности выбора. В настоящее время 2,5 млн. несовершеннолетних (в РД более 10 000 по официальным данным) оказались без определенных занятий и что особенно опасно – без реальной позитивной жизненной перспективы. Такие несовершеннолетние являются резервом преступных формирований экстремистской направленности. Как правильно пишет Н.И. Москаленко, у населения складывается мнение, что государство «закрыло глаза» на поглощение «криминалитетом» подрастающего поколения [9, с. 4]. «Коренному перелому в сложившейся ситуации, полагаем, мешает отсутствие системности, последовательности и согласованности в деятельности министерств и ведомств, органов защиты правопорядка, надзирающих органов, призванных защищать будущее нашей страны» [5, с. 35-39].

Опасной тенденцией становится перерастание традиционных форм групповой подростковой преступности в организованные преступные формирования, которые демонстрируют профессионализм общеуголовной организованной преступности, тем самым, повышая общественную опасность данного явления [8, с. 4]. Особую тревогу вызывает увеличение числа агрессивно настроенных неформальных молодежных объединений экстремистской и террористической направленности, в том числе тех, которые в основу своего мировоззрения закладывают нацистскую и фашистскую символику. Следует согласиться с мнением А.В. Баженова о том, что именно подростковая преступность формирует тот тип личности, который будет доминировать и развиваться в дальнейшем [1, с. 4]. Подростки – это, образно говоря, барометр, позволяющий прогнозировать ценностные параметры будущего общества.

Список литературы:

- [1] Баженов А.В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника: Дис. ...канд. юрид. наук. – СПб. 1999. – 189 с.
- [2] Гаджиев Д.М. Религиозный экстремизм как криминогенный фактор // Государство и религия в Дагестане: Информационно-аналитический бюллетень. 2014. № 2. – С. 12.
- [3] Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 54 с.
- [4] Голодняк А.Ю. Криминологические особенности антиобщественного поведения подростков из маргинальной среды и предупреждение совершаемых ими преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 24 с.
- [5] Зарипова Г.А. Противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних // Законность. 2011. № 1. – С. 35–39.
- [6] Зиядова Д.З. Теоретические и прикладные проблемы преступности среди учащихся общеобразовательных учреждений: региональный аспект: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 62 с.
- [7] Кришин В.Г., Багаутдинов Ф.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних // Законность. – 2014. – № 4. – С. 32–35.
- [8] Коротков А.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организованной преступности несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2000. – 23 с.
- [9] Москаленко Н.И. Взаимодействие педагогов и старшеклассников в процессе предупреждения отклоняющегося поведения подростков: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2003. – 221 с.
- [10] Остапенко Н.И. Основы формирования системы управления профилактикой правонарушений несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 24 с.
- [11] Рыжов В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе // Образование и право. 2018. № 4. – С.183-192.

ПОЛЯНКО Алексей Николаевич,
следователь-криминалист ВСО СК России
по Волгоградскому гарнизону
e-mail: lexa-07@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается криминалистическая характеристика преступлений, связанных с оборотом недвижимого имущества Министерства обороны РФ, с помощью которой определяется не только методика расследования определенной группы преступлений, но также ее особенности.

Ключевые слова: законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Министерство обороны РФ, недвижимое имущество, криминалистическая характеристика, преступления в сфере недвижимости, военное имущество.

POLYANKO Aleksey Nikolaevich,
investigator criminologist,
GUS SK of Russia across the Volgograd garrison

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF A GROUP OF CRIMES RELATED TO REAL ESTATE TURNOVER OF THE MINISTRY OF DEFENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article discusses the criminalistic characteristics of crimes that are associated with the turnover of real estate of the Ministry of defense. The main essence of the forensic characteristics is that it is determined not only the method of investigation of a certain group of crimes, but also its features.

Key words: legislation, regulatory legal act, the Constitution of the Russian Federation, the criminal code of the Russian Federation, the Ministry of defence of the Russian Federation, real estate, forensic characteristics, crimes in the field of real estate, military property.

Несмотря на правовое положение Министерства обороны РФ¹, к сожалению, в отношении военного имущества совершаются различные правонарушения, в том числе и преступления.

Недвижимое имущество, которое находится в ведении Министерства обороны РФ, включает любое имущество, которое использует МО России в своей деятельности. Такое имущество определено как военное имущество, включающее любые материальные ценности. Значение термина «имущество» фактически определено в гражданском законодательстве [1]. Так, в ГК РФ (часть первая от 21 октября 1994 г.²) этот термин употреблен в ст. 2, 8, 8¹, 15, 16¹, 18, 24, 28, 37, 38, 41, 43, 44, 46, 48, 50, 50¹, 55, 56, 60², 61 – 64, 65², 65³, 66, 66¹, 66², 67, 67¹, 68, 69, 75, 76, 78, 80, 82, 86, 86¹, 93, 94,

106¹, 106³, 106⁵, 113, 123¹, 123², 123⁴ – 123⁶, 123⁸ – 123¹³, 123¹⁶ – 123²⁰, 123²⁰⁻¹ – 123²⁰⁻³, 123²¹ – 123²⁴, 123²⁷, 123²⁸, 126, 128, 130 – 132, 133¹, 137, 146, 147, 149², 167, 174¹, 176, 199, 209 – 219, 222, 223, 225, 233 – 239, 239², 242 – 250, 252 – 259, 263, 266, 269, 272, 274, 275, 277, 281, 290, 291, 294 – 303, 305 – 307, 313, 316, 329, 334 – 336, 338, 339, 339¹, 340 – 342, 342¹, 343 – 350, 350¹, 350², 351 – 353, 356 – 358, 358⁹, 358¹⁴, 358¹⁷, 364, 392¹, 409, 415, 429, 429³, 433, 448, 449¹.

Оборот военного имущества урегулирован на законодательном уровне. Из числа таких правовых актов, регламентирующих оборот военного имущества, в том числе и порядок сбережения военного имущества Министерства обороны РФ, относится Руководство по войсковому (корабельному) хозяйству, которое было утверждено приказом Минобороны РФ № 333 от 3 июня 2014 г.³

На основании данного подзаконного нормативного правового акта и действующего уголовного законодательства [2; 3; 4] преступления,

¹ См.: Вопросы Министерства обороны Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1082 от 16.08.2004 г. // СЗ РФ. – 2004. – № 34, ст. 3538; 2018. – № 32 (ч. II), ст. 5313.

² См.: СЗ РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301; 2019. – № 29 (ч. I), ст. 3844.

³ См.: Росс. газ. – 2014. – 31 дек.

которые совершаются в сфере оборота недвижимого имущества Министерства обороны РФ, можно разделить на две группы: преступления, совершаемые в отношении оружия, боеприпасов и военной техники, которые выступают предметом преступных посягательств, выделенных в специальные составы преступлений - ст. 346–348 УК РФ¹; преступления, совершаемые в отношении любого иного имущества, которое не включено в первую группу (например, присвоение вверенного военного имущества – ст. 160 УК РФ) [5].

Таким образом, предмет преступного посягательства, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 346–348 УК РФ, определяется как любое военное имущество.

Объект преступления раскрывается в сфере отношений, которые складываются в ходе использования Министерством обороны РФ недвижимого имущества. Об исследуемой группе преступлений речь идет в гл. 33 УК РФ, согласно которой в качестве объекта также может выступать военная служба.

Объект и предмет преступного посягательства относятся к основному элементу общей криминалистической характеристики преступлений.

Следующий элемент криминалистической характеристики определяется как обстановка совершения преступления.

Под обстановкой совершения преступления обычно понимается форма взаимосвязи физической и социальной среды, которая присутствует в механизме преступления. С помощью обстановки совершения преступления формируется преступный умысел или отказ от преступления.

Обстановкой совершения преступления охватываются такие явления, как умысел, роль субъекта преступления в его совершении, а также действия, которые были совершены с целью совершения данного преступления [6].

Умысел преступлений, предусмотренных в ст. 346 - 348 УК РФ, выражается в неосторожности должностных лиц. Данные преступления могут совершаться с целью личной заинтересованности либо в совокупности с преступлениями коррупционной направленности. В данном случае обстановка совершения преступления рассматривается в каждом конкретном случае отдельно.

Для криминалистической характеристики важным элементом является личность преступника.

Личность преступника определяется с помощью устойчивой совокупности социальных свойств и отношения лица, которое совершило

преступление, с внешними факторами, обусловившими его преступное поведение [7].

Личность преступника включает множество характеристик, которые впоследствии способствуют определению свойств личности, его склонность к совершению преступления.

Отметим, что для преступлений, которые связаны с оборотом имущества Министерства обороны РФ, особенностью личности преступника, является его служебное положение. Преступник имеет непосредственное отношение к военной службе, может быть материально-ответственным лицом за вверенное ему военное имущество.

Преступник может быть как мужского, так и женского пола.

Возраст преступника ограничивается от 20 до 45 лет, так как возраст сотрудников, проходящих службу в Министерстве обороны РФ, нормативно ограничен.

Образование у преступника, который совершает преступления против военного имущества, - среднее, средне-техническое, либо высшее.

Кроме того, в каждом конкретном случае определяется стаж службы преступника в Министерстве обороны РФ, а также его семейное положение.

В качестве потерпевшей стороны выступает представитель Министерства обороны РФ.

Способы совершения преступлений, связанных с оборотом недвижимого имущества МО России, следует разбить на две группы: во-первых, совершаемые путем свободного доступа; во-вторых, преступления, которые связаны с необходимостью преодоления преград.

В первом случае преступники проникают в транспортные средства или иное недвижимое военное имущество.

Ко второй группе способов совершения преступлений следует отнести взлом входной двери или запирающего устройства, выбивание оконного стекла, проникновение через форточку, применение подобранных ключа и т.п.

Предметы, которые используются при взломе с целью преодоления преграды, подразделяются на четыре группы: специально изготовленные инструменты – «фомки», отмычки, «раки» («лапы»), портативные металлорежущие аппараты; средства бытового назначения, переделанные для преступных целей (обрубленный лом, шило, отвертка, переделанные на отмычки, и др.); различные инструменты, не подвергшиеся переделке (отвертки, стамески, ломы, топоры, клещи, сверла, буравы, гаечные ключи, монтировки, ножовки, домкраты и др.); иные предметы, не относящиеся к орудиям труда и инструментам (куски железных труб, прутьев и т.п.).

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. // СЗ РФ. - 1996. - № 25, ст. 2954; 2018. - № 31, ст. 4818.

Выбор и осуществление способа совершения преступления зависят от различных факторов, в число которых включаются: место расположения объекта посягательства; количество и характер преграды на пути к месту нахождения предметов преступной деятельности; их численность, ценность и другие характеристики (хрупкость, габариты и т. п.); количество преступников, их профессиональные и криминальные навыки; наличие технических средств для преодоления преград; времена года; время совершения самого преступления.

Существенным элементом общей криминалистической характеристики преступлений признается слеодообразование.

Следы обладают практическим значением при расследовании преступлений, способствуют обнаружению и изобличению лиц, которые совершили преступление [8; 9].

Любая преступная деятельность характеризуется своим материальным выражением – следами, оставленными на месте происшествия.

При совершении преступлений, предусмотренных ст. 346 - 348 УК РФ, могут образовываться следующие следы: следы обуви и ног человека; следы рук человека (отпечатки пальцев); следы орудий и инструментов, с помощью которых было совершено преступление; следы транспортных средств, не относящихся к военному имуществу; биологические, химические, механические следы.

Исходя из приведенной классификации следов, следует отметить, что их наличие может быть различным в каждом конкретном случае, и поэтому необходимо тщательно осуществлять процесс поиска самих следов, который проводится незамедлительно после того, как стало известно о совершенном преступлении.

Необходимость признания особой опасности похищения военного имущества объясняется и тем, что такое имущество предназначено только для нужд государства и общества (а не для отдельных лиц), для выполнения одной из важнейших функций государства – обеспечения обороноспособности государства, а значит безопасности всего населения Российской Федерации. Расхищение военного имущества умаляет военный потенциал государства, делает его слабым и уязвимым, подрывает защищенность граждан Российской Федерации от внешней агрессии, дестабилизирует баланс политических, экономических, правовых, социальных мер, направленных на защиту государства.

Преступность наносит существенный, порой невосполнимый вред интересам общества, нарушает гарантированное Конституцией РФ [10] права и свободы граждан, снижает уровень безопасности общества и государства.

Исследование социальных последствий преступности способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности в этой сфере, совершенствованию законодательства.

При совершении преступлений, связанных с недвижимым имуществом Министерства обороны РФ, возникают также и социальные последствия.

В числе данных последствий причинение реального вреда, наносимого преступностью общественным отношениям, который выражается в сочетании причинно-следственных связей (ущерб, урон, потери, убытки и т.п.).

Таким образом, криминалистическую характеристику преступлений, связанных с недвижимым имуществом Министерства обороны РФ, составляет сочетание таких элементов, как предмет (объект) посягательства, личность преступника, обстановка совершения преступления, способ совершения преступления, следы, которые образуются в ходе совершения преступления, последствия преступления.

Установление вышеназванных элементов способствует выбору методики расследования конкретного вида преступления, а также ускоряет раскрытие неочевидных преступлений.

Список литературы:

[1] Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. - 2017. - № 3. - С. 71 - 74.

[2] Галузо В.Н. О системе уголовного законодательства в Российской Федерации // Конвенционные начала в уголовном праве: Междунар. науч.-практ. конф., 22 ноября 2013 года / отв. ред. Б.В. Яценко. - М.: РПА Минюста России, 2014. - С. 99 - 104.

[3] Галузо В.Н. «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 23 мая 2014 г. / науч. ред. С.Л. Никонович. - Тамбов - Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. - С. 74 - 78.

[4] Галузо В.Н., Никонович С.Л. Уголовное законодательство в системе законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 14 - 15 мая 2015 г. / отв. ред. В.И. Третьяков. - Краснослободск (Волгоградская область): ИП Головаченко Е.А., 2015. - С. 117 - 123.

[5] Баженов А.В. Военное имущество как предмет преступлений коррупционной направлен-

ности // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). - Казань: Бук, 2016. - С. 226 - 228.

[6] Трунцевский Ю.В. Обстановка совершения преступления. 2-е изд.: монография. - М.: РУСАЙНС, 2017.

[7] Долгова А.И. Криминология. - М.: Норма, Инфра-М, 2013. - С. 85.

[8] Коршунова О.Н. Криминалистика: курс лекций. СПб.: СПб-ский филиал РТА, 2010. - С. 74.

[9] Коршунова О.Н., Серова Е.Б. Понятие, предмет, задачи, система и методы криминалистики // Курс криминалистики: в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Юрид. центр, 2016. - Т. 1. Общая теория криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. - С. 42, 43.

[10] Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. - 2014. - № 11. - С. 98 - 102.

Spisok literatury:

[1] Eriashvili N.D., Galuzo V.N. O nekotorykh problemakh institucionalizatsii grazhdanskogo prava v Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj zhurnal grazhdanskogo i togovogo prava. - 2017. - № 3. - С. 71 - 74.

[2] Galuzo V.N. O sisteme ugovnogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii // Konvencionnye nachala v ugovnom prave: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 22 noyabrya 2013 goda / otv. red. B.V. Yacelenko. - М.: RPA Minyusta Rossii, 2014. - С. 99 - 104.

[3] Galuzo V.N. «Ugovnyj zakon» ili «ugolovnoe zakonodatel'stvo» v Rossijskoj Federacii:

problema sootnosheniya terminov // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki. Sekciya «Pravo i pravoprimerenie»: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 23 maya 2014 g. / nauch. red. S.L. Nikonovich. - Tambov - Lipeck: Izd-vo Pershina R.V., 2014. - С. 74 - 78.

[4] Galuzo V.N., Nikonovich S.L. Ugolovnoe zakonodatel'stvo v sisteme zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy ugovnogo zakonodatel'stva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 14 - 15 maya 2015 g. / otv. red. V.I. Tretyakov. - Krasnoslobodsk (Volgogradskaya oblast'): IP Golovchenko E.A., 2015. - С. 117 - 123.

[5] Bazhenov A.V. Voennoe imushchestvo kak predmet prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2016 g.). - Kazan': Buk, 2016. - С. 226 - 228.

[6] Truncevskij Yu.V. Obstanovka soversheniya prestupleniya. 2-е изд.: монография. - М.: RUSAJNS, 2017.

[7] Dolgova A.I. Kriminologiya. - М.: Norma, Infra-M, 2013. - С. 85.

[8] Korshunova O.N. Kriminalistika: kurs lekcij. SPb.: SPb-skij filial RТА, 2010. - С. 74.

[9] Korshunova O.N., Serova E.B. Ponyatie, predmet, zadachi, sistema i metody kriminalistiki // Kurs kriminalistiki: v 3 t. 2-е изд., pererab. i dop. - SPb.: Yurid. centr, 2016. - Т. 1. Obshchaya teoriya kriminalistiki. Kriminalisticheskaya tekhnika. Kriminalisticheskaya taktika. - С. 42, 43.

[10] Galuzo V.N. Vozmozhno li obespechenie edinoobraznogo ispolneniya zakonodatel'stva pri otsutstvii ego sistematsizatsii? // Gosudarstvo i pravo. - 2014. - № 11. - С. 98 - 102.

УДК 37.07
ББК 74.4

СУНДУРОВА Оксана Федоровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП
email: oksanasundurova@mail.ru

12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ ФРАНЦИИ

Аннотация. В статье проводится исследование оснований, условий предоставления и видов отсрочки наказания, регламентированной в УК Франции. Выбор рассматриваемой проблемы актуален с позиций модернизации УК РФ. При проведении исследования автор применяет сравнительно-правовой и системно-структурный метод познания. По его мнению, в УК Франции предусматривается больше возможностей для применения отсрочки по сравнению с УК РФ. С учетом проведенного анализа в работе обосновываются предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, а именно: 1) дополнить ст. 82 УК РФ видами наказаний, при назначении которых возможно применение отсрочки отбывания (обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы); 2) дополнить ч. 4 ст. 603 УИК РФ положением о предоставлении отсрочки при отбывании принудительных работ; 3) установить испытательный срок в пределах от одного года до пяти лет; 4) предусмотреть в ст. 82 УК РФ возложение обязанностей на осужденного, с учетом его личности, трудоспособности и здоровья, способствующих достижению целей нахождения и нормального развития ребенка в семье и исправления осужденной (осужденного); 5) дополнить ч. 6 ст. 178 УИК РФ, закрепив в ней меры контроля при исполнении отсрочки отбывания наказания.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, наказание, исполнение наказания, исправление осужденного, отмена отсрочки, смягчение наказания, сокращение срока отсрочки.

SUNDUROVA Oxana Fedorovna –
PhD in Law,
associate Professor of the Chair of criminal law disciplines,
Russian state University of justice Kazan brunch

POSTPONEMENT OF SERVING (EXECUTION) OF PUNISHMENT UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FRANCE

Annotation. The article studies the grounds, conditions of granting and types of deferral of punishment regulated in the Criminal Code of France. The choice of the problem under consideration is relevant from the standpoint of modernization of the Russian Criminal Code. When conducting research, the author applies the comparative legal and system-structural method of cognition. In his opinion, the French Criminal Code provides for more opportunities for applying the grace period in comparison with the Russian Criminal Code. Based on the analysis, the work substantiates proposals for improving the criminal and penal legislation, namely: 1) supplement art. 82 of the Criminal Code of the Russian Federation with the types of punishments for the appointment of which it is possible to apply deferral of serving (compulsory labor, correctional labor, forced labor); 2) supplement Part 4 of Art. 603 PEC of the Russian Federation by the provision on the postponement of the serving of forced labor; 3) establish a trial period ranging from one year to five years; 4) provide in Art. 82 of the criminal code of the Russian Federation assignment of duties on the condemned taking into account his personality, working capacity and health promoting achievement of the purposes of finding and normal development of the child in a family and correction condemned (condemned); 5) supplement Part 6 of Art. 178 PEC RF, securing in it control measures in the execution

of the deferment of serving the sentence; 6) to fix in Part 6 of Art. 82 of the Criminal Code of the Russian Federation on the non-application of deferral of serving a sentence to an additional sentence.

Key words: the crime, criminal liability, punishment, execution of punishment, correction of a convict, cancellation of deferment, commutation of punishment. reduction of the delay period.

В сеобщей тенденцией в развитии уголовно-правовой политики является расширение применения различных видов отсрочки отбывания (исполнения) наказания. Однако следует отметить, что в Российской Федерации суды достаточно сдержанно относятся к назначению отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82 и 82.1 УК РФ; в 2015 г. отсрочка отбывания наказания по ст. 82 УК РФ была назначена 1586; в 2016 г. – 1535; в 2017 г. – 1616; в 2018 г. – 1613 лицам, а по ст. 82.1 в 2015 г. она была назначена 106; в 2016 г. – 89; в 2017 г. – 71; в 2018 г. – 56 лицам [1].

Думается, что такая практика обусловлена тем, что оба вида отсрочки могут применяться к ограниченному кругу осужденных, а также определенным несовершенством их законодательной регламентации. А.И. Рарог, в связи с этим, отмечает низкий уровень юридической техники, казуистичность и пробельность нормы об отсрочке отбывания наказания большим наркоманией и ее малоприспособленность для практического применения [2, с. 183]. В научной литературе проблема исследования института отсрочки наказания в целях совершенствования этого института актуальна и в настоящее время [3; 4; 5; 6].

Из-за недостаточной изученности проблемы относительно недостаточного применения отсрочки в судебной практике и с позиций интересов совершенствования правовой регламентации отсрочки отбывания наказания представляется плодотворным обращение к законодательному опыту Франции, основные постулаты которого характерны и для УК РФ.

В УК Франции предусмотрена отсрочка как при назначении наказания, так и в связи с его исполнением. При исполнении наказания суд может применить следующие виды отсрочки: простую; полную или частичную; исполнения наказания с режимом испытания; исполнения наказания с возложением на осужденного обязанности, а при назначении наказания суд применяет отсрочку: при совершении проступков и по делам о нарушениях; простую; с режимом испытания.

К условиям применения судом простой отсрочки в отношении физического лица УК Франции относит: 1) отсутствие факта отбывания уголовного или тюремного заключения в течение пятилетнего срока до совершения деяния; 2) случаи назначения тюремного заключения сроком не более пяти лет, штрафа (за нарушение пятого

класса), штрафа-дней, лишение конкретных прав или ограничение права. Законодатель рассматривает исключение применения отсрочки при назначении конфискации имущества, а также дополнительных видов наказаний; 3) назначение тюремного заключения при осуждении в течение срока, предусмотренного к иному наказанию, чем уголовное или тюремное заключение (ст. 132-20) [7]. В отношении юридического лица предусмотрены условия: 1) отсутствие осуждения в течение пятилетнего срока (за общеуголовное преступление или проступок) к штрафу, размер которого превышает 400 000 франков; 2) назначение штрафа, запрет на занятие прямо или косвенно каким-либо видом профессии или общественной деятельности; исключение из участия в договорах (от имени государства); право обращения с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг и др.; 3) если отсутствовало осуждение в предшествующие пять лет за общеуголовные преступления или проступок к штрафу (ст. 132-32 УК) [7].

Общим основанием для отмены отсрочки исполнения наказания физическому и юридическому лицу является его осуждение после предоставления отсрочки исполнения наказания к уголовному или тюремному заключению. В случае несовершенства в течение пятилетнего срока общеуголовного преступления или проступка приговор, которым назначена простая отсрочка, признается, как не имевшим места. Приговор за нарушение, в отношении которого была применена отсрочка, также может признаваться не имевшим места, если в течение двух лет осужденный не совершает общеуголовное преступление или проступок, или нарушение пятого класса, а затем выносится новый приговор без отсрочки, которым отменяется отсрочка, предоставленная предыдущим приговором.

В соответствии со ст. 132-40 УК Франции применяется отсрочка исполнения наказания с водворением лица в режим испытания. При соблюдении всех обязанностей и правопослушном поведении в течение испытательного срока приговор считается не имевшим места. Отсрочка может быть отменена в случае: 1) несоблюдения возложенных обязанностей; 2) совершения общеуголовного преступления или проступка, при назначении за их совершение лишения свободы. В течение всего испытательного срока с испытуе-

мым предусматривается проведение работы специалиста по пробации [8, с. 399].

В УК Франции закреплено положение о полной или частичной отмене отсрочки исполнения наказания. В качестве примера может послужить назначение тюремного заключения, здесь отсрочка исполнения наказания распространяется только на его часть (пять лет). Если отсрочка не была отменена, то наказание в виде штраф-дней, либо штрафа или части штрафа должны исполняться. Однако такое смягчение, как применение частичной отмены отсрочки при исполнении наказания, возможно один раз (ст. 132-49).

В случае назначения отсрочки за совершение общеуголовного преступления или проступка устанавливается испытательный срок в пределах от 18 месяцев до 3 лет. В этот период осужденный подвергается мерам контроля, а также на него возлагаются предусмотренные УК обязанности (132-44). Характерным представляется положение о приостановлении этого срока в связи с призывом на военную службу.

У осужденного есть право обращаться за мерами помощи, которые помогли бы ему разрешить сложные ситуации, возникшие в процессе его ресоциализации. Однако при прохождении осужденным военной службы или заключении его под стражу на него не возлагаются ни обязанности, не распространяются их меры помощи. Мерами контроля являются: обязательная явка по вызову судьи; предоставление социальному работнику всех запрашиваемых документов; предоставление информации об изменении места работы; места жительства; об отъезде и о возвращении; разрешении судьи по исполнению наказаний на отъезд за границу (ст. 132-144).

Обязанности осужденного предусмотрены в ст. 132-45 УК Франции. Назовем лишь некоторые из них: проживать в определенном месте; подтверждать свое участие в семейных расходах или регулярно выплачивать алименты; возмещать полностью или частично ущерб, нанесенный в результате совершения преступления, даже если отсутствует гражданский иск и др. [7].

В УК Франции (в ст. 132-46) содержится перечень мер помощи, которые могут применяться к осужденным в период испытания с указанием цели их применения – содействие усилиям осужденного, направленным на его социальную реадaptацию. Предусматривается также общественная и материальная помощь. Возможно для оказания помощи осужденным привлечение любых государственных или частных организаций. Логичным является то, что закрепление мер помощи направлено в первую очередь на преду-

преждение совершения осужденным новых правонарушений в течение испытательного срока.

Еще один вид отсрочки – это отсрочка исполнения наказания с возложением на осужденного обязанности выполнения работы в общественных местах. Для ее применения должно быть согласие осужденного. В случае если он отказывается от применения рассматриваемого вида отсрочки или его отсутствия в судебном заседании, то отсрочка не применяется. При предоставлении этой отсрочки и полного выполнения полного объема работ в интересах общества приговор считается не имевшим места (ст. 132-54).

В отдельных статьях законодатель Франции рассматривает предоставление отсрочки исполнения наказания при совершении проступков и по делам о нарушениях. При этом особо важным является ответ на вопрос: находится ли социальная реадaptация виновного на пути к ее достижению или уже она достигнута? Если она достигнута, то виновного могут освободить от наказания, а решение об освобождении не заносится в карту-теку судимости. Обязательным для суда является учет разных факторов, например, возмещен ли ущерб, находится ли лицо на пути к достижению цели социальной реадaptации, как скоро прекратятся негативные последствия от учиненного преступления.

Таким образом, исследование обозначенной проблемы показывает, что уголовное законодательство Франции предусматривает гораздо больше возможностей для применения отсрочки как при назначении наказания, так и при его исполнении, по сравнению с УК РФ.

К достоинствам УК Франции, по нашему мнению, относятся: 1) отсутствие ограничений для ее применения по кругу лиц; 2) возможность применения разных видов отсрочки, в том числе (что представляется особенно интересным) с обязательным привлечением к труду в общественных местах; 3) закрепление в УК оснований, при наличии которых приговор признается не имевшим место; 5) помощь лицам, которым предоставлена отсрочка в их реадaptации.

С учетом проведенного анализа нами предлагаются предложения, направленные на совершенствовании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: 1) дополнить ст. 82 УК РФ видами наказаний, при назначении которых возможно применение отсрочки отбывания (обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы); 2) дополнить ч. 4 ст. 603 УИК РФ положением о предоставлении отсрочки при отбывании принудительных работ; 3) установить испытательный срок в пределах от одного года до

пяти лет; 4) предусмотреть в ст. 82 УК РФ возложение обязанностей на осужденного с учетом его личности, трудоспособности и здоровья, способствующих достижению целей нормального развития ребенка в семье и исправления осужденной (осужденного); 5) дополнить ч. 6 ст. 178 УИК РФ, закрепив в ней меры контроля при исполнении отсрочки отбывания наказания.

Как известно, УК РФ закрепляет два вида отсрочки отбывания наказания в ст. 82 и 821 [9]. Очевидным является сходство положений об отсрочке с помещением осужденного в режим испытания по УК Франции с положениями об условном осуждении УК РФ (ст. 73, 74) [9]. Дума-ется, именно сходство с условным осуждением и приводит к более узкому ее применению в судеб-ной практике Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Судебный департамент Российской Феде-рации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
- [2] Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2016. – С. 183.
- [3] Бриллиантов А.В. Отсрочка отбывания наказания: вопросы теории и практики // Уголов-ное право. – 2019. – № 2. – С. 11.
- [4] Степаненко Р.Ф. Преступность лиц, веду-щих маргинальный образ жизни, и её предупре-ждение: монография. – Казань, 2008.
- [5] Степашин В.М. Условное осуждение и отсрочка отбывания наказания: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 328 с.
- [6] Калинина Т.М., Палий В.В. Иные меры уголовно-правового характера: науч.-практ. ком-ментарий / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2011. – 152 с.

[7] Уголовный кодекс Франции. URL: <https://constitutions.ru/?p=5859> (дата обращения: 29.06.2019).

[8] Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 399.

[9] Уголовный кодекс Российской Федера-ции. – М.: Проспект, 2019.

Spisok literatury:

- [1] Sudebnyj departament Rossijskoj Federacii // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
- [2] Kachestvo ugovalnogo zakona: problemy Obshchej chasti: monografiya / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2016. – С. 183.
- [3] Brilliantov A.V. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya: voprosy teorii i praktiki // Ugolovnoe pravo. – 2019. – № 2. – С. 11.
- [4] Stepanenko R.F. Prestupnost' lic, vedushchih marginal'nyj obraz zhizni, i eyo preduprezhdenie: monografiya. – Kazan', 2008.
- [5] Stepashin V.M. Uslovnnoe osuzhdenie i otsrochka otbyvaniya nakazaniya: monografiya. – М.: Yurilitinform, 2016. – 328 s.
- [6] Kalinina T.M., Palij V.V. Inye mery ugovolno-pravovogo haraktera: nauch.-prakt. kommentarij / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2011. – 152 s.
- [7] Ugolovnyj kodeks Francii. URL: <https://constitutions.ru/?p=5859> (data obrashcheniya: 29.06.2019).
- [8] Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb. / pod red. I.D. Kozochkina. 3-e izd., pererab. i dop. – М.: Volters Kluver, 2010. – С. 399.
- [9] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. – М.: Prospekt, 2019.

МУРТАЗ Михайлович Анкоси,
адъюнкт Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: murtaz.ankosi@mail.ru

БОРЬБА С ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК РАЗНОВИДНОСТЬЮ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ГОРОДЕ МОСКВА

Аннотация. Одним из важнейших направлений политики любого государства остается борьба с преступностью, в том числе, организованной этнической преступностью. Данная преступная деятельность не ограничивается границами Российской Федерации. Феномен организованной преступности присущ не только как совершения конкретных преступных деяний, сколько, как само становления преступного сообщества (преступной организации) или преступных групп их существование.

Ключевые слова: этническая организованная преступность, социальный контроль, социальная следа, преступление, межнациональные отношения, закон.

MURTAZ Mikhail Ankosi,
the graduated in a military academy of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation of V.Ya. Kikotya

COMBATING ETHNIC CRIME AS A FORM OF ORGANIZED CRIME IN MOSCOW

Annotation. One of the most important policies of any State remains the fight against crime, including organized ethnic crime. This criminal activity is not limited to the borders of the Russian Federation. The phenomenon of organized crime occurs not only as the commission of specific criminal acts, but as the very formation of a criminal association (criminal organization) or criminal groups their existence.

Key words: ethnic organized crime, social control, social trace, crime, inter-ethnic relations, law.

Ученые разных стран при изучении такого феномена как «организованная преступность», пришли к единому мнению о том, что невозможно разработать эффективный метод, найти эффективные законодательные нормы по противодействию организованному криминалитету не уяснив его сущность и не зафиксировав его в конкретном понятии. Определения организованной преступности - это крайне важно для законодателя, только тогда можно будет криминализировать все структуры организованной преступности. Достичь цели привлечения к уголовной ответственности высших руководителей: преступных сообществ, преступных организаций, корпораций, а также «теневых» руководителей преступного мира[11].

Криминальный феномен в ходе своего развития стал развиваться по нескольким направлениям: Первое направление – получение максимальной выгоды от преступной деятельности (сюда также можно отнести как коррупцию, так и совершения разного рода преступных деяний).

Второе направление - обеспечение максимальной безопасности по отношению к государственному преследованию. В отличие от первого направления, сюда помимо коррупции необходимо добавить легализацию преступной деятельности. Развития «организованной преступности» по этим векторам направления привело к образованию своеобразного криминального мира[18].

Организованная группа может объединиться для совершения неоднократных преступлений легких или средней тяжести, при этом, во главе группы иметь руководителя, обладать устойчивостью, сплоченностью иметь внутригрупповые нормы поведения, общие материально-финансовые средства для осуществления своей преступной деятельности, т.е. обладать всеми характерными признаками и элементами преступного сообщества (преступной организации), но при этом их преступная деятельность будет направлена на совершения не обязательно тяжких или особо тяжких преступлений. Также необходимо проектирование и создание федеральных целе-

вых программ, цель которых будет направлена на профилактику и предупреждение создания организованных преступных сообществ (преступных организаций), организованных групп и т.д.[19] Целесообразно, по мнению диссертанта, создать программу упреждающего действия для всех форм и видов организованной преступности, во взаимодействии государство и общественных организаций всех уровней[11].

В настоящее время все большее число криминологов склоняются к тому, что борьба с преступностью должна выражаться не в ужесточении санкций, а в профилактике преступного поведения. Нужно не допускать, а по возможности предупреждать совершение преступлений и, тем самым, предотвращать наступление негативных последствий[13].

Проблема этнических группировок в структуре организованной преступности является малоизученной в науке силу ряда причин. Этнические преступные формирования представляют собой группы, сообщества (организации), специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований). Отнесение преступной группировки к этнической не определяется однородностью ее национального состава, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность группировки определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение[8]. Без создания нации невозможно современное демократическое общество[9]. Другое дело, что в составе нации может оказаться не один, а несколько народов. Возьмем пример Швейцарии, население которой говорит на четырех языках - немецком, французском, итальянском, ретороманском - и, тем не менее, представляет собой единую швейцарскую нацию[10].

Эффективность предупреждения преступности на основе и в правовом поле социального развития; муниципальных образований, регионов, республик, краев и трудовых коллективов, а также профилактика преступлений – это задача всего общества и всех органов Российской Федерации, решаемая различными экономическими, политическими и правовыми методами и способами, специально направленными на ликвидацию причин преступлений, а также условий, способствующих их совершению[7].

Криминалистическая профилактика является составной частью правовой профилактики. Данную профилактику проводят дознаватели, следователи работники уголовно-розыскных отделов полиции и органов безопасности, а также эксперты-криминалисты, специалисты. Для того, чтобы выполнить данные профилактические

задачи, необходимы, как минимум, определенные условия: профилактические меры по предупреждению преступности должны быть эффективными, необходимо применять их своевременно и профессионально обученными и подготовленными кадрами, данных ведомств и структур[14].

Анализ уголовного законодательства, на основе которого ведется противоборство с «криминальным миром», показывает, что совершение любого незаконного деяния предусмотренного действующими нормами Уголовного кодекса РФ может осуществляться организованными преступными группами или преступными сообществами (преступными организациями)[7].

Значительная часть организованных преступных групп в Москве носит этнический характер, создается по земляческому принципу, что делает такие преступные группы более устойчивыми, связанными круговой порукой. Борьб с такой преступностью крайне сложно[21]. Например, за период 1998-2013 гг. количество преступлений, совершенных в Москве этническими группами, увеличилось вчетверо[20].

Одной из особенностей этнической преступности является ее значительная распространенность в городах федерального значения (город Москва, город Санкт-Петербург и город Севастополь)[17]. Разумеется, этническая преступность должна учитываться и в уголовном законодательстве. В первую очередь это относится к Уголовному кодексу РФ от 24 мая 1996 г., введенном в действие с 1 июля 1997 г. Фактическое существование этнической преступности необходимо учитывать и в законодательстве городов федерального значения[17].

Таким образом, несмотря на условность термина «этническая преступность» его необходимо рассматривать в качестве разновидности организованной преступности. Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений. Во-первых, этническая преступность представляет совокупность преступлений, совершаемых участниками организованных групп по этническому признаку и на определенной территории[2]. Во-вторых, этническая преступность, как правило, присуща городам федерального значения. В-третьих, в законодательстве городов федерального значения необходимо принимать во внимание особенности этнической преступности и выделять финансовые и организационные ресурсы для противодействия ей[3].

Следует отметить, что наблюдается взаимосвязь причин и условий миграции с причинами и условиями конкретной преступной деятельности. Так, причины и миграции, и совершения конкретного преступления в данном случае – эконо-

мические[16]. Условиями же миграции являются следующие обстоятельства:

1) установление уголовной ответственности за совершение определенного деяния на территории страны. Например, в Китае введен мораторий на вырубку своих лесов, а за убийство одного амурского тигра возможно назначение наказания в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет (ст. 341 УК КНР). В РФ совершение аналогичного деяния повлечет лишь наложение штрафа. Незаконный оборот наркотических средств с целью получения прибыли по УК КНР карается смертной казнью (ст. 347 УК КНР), по УК РФ совершение аналогичного деяния повлечет как максимум лишение свободы, причем на довольно небольшой срок[1].

Как отмечают Г. Глonti и Г. Лобжанидзе: «В 1982 году, в Тбилиси, (Грузия) состоялась большая сходка воров, на которой обсуждались вопросы необходимости трансформации воровского сообщества в современном мире и увеличении участия воров в экономической и политической жизни в СССР. Автором этого проекта выступал известный «вор в законе» из Грузии: Джаба Иоселиани. Данную позицию поддерживали другие грузинские и кавказские криминальные авторитеты, что было вполне объяснимым явлением. В Грузии уже тогда сложилась ситуация тесного взаимодействия преступных кланов с региональной правительственной иерархией. В республике процветали взяточничество и другие виды коррупции и государственные чиновники по существу являлись структурными звеньями преступного сообщества»[5].

В общей массе миграционной преступности – и по России, и в Москве и Санкт-Петербурге – все эти составы зарегистрированы.

Преступления этнических группировок в Москве:

Азербайджанские- наркобизнес, мошенничество, валютные операции, грабежи автомобилей.

Армянские- заказные убийства, разбойные нападения, банковские махинации.

Грузинские - поставщик воров в законе, грабежи, вымогательство, финансовые махинации.

Татарские- грабежи, заказные убийства, вымогательство.

Чеченские- вымогательство, торговля оружием, разбой.

Таджики- доставка наркотиков[23].

В настоящее время, как точно отмечает Я.И. Гилинский, осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля. Действительно, криминологи все чаще акцентируют внимание на том, что репрессия видимых результатов по снижению

уровня преступности не дает, в связи, с чем можно сделать вывод, что общая превенция неэффективна. Также относительно стабилен уровень рецидива, что свидетельствует о неэффективности частной превенции. Более того, длительное нахождение в местах лишения свободы не исправляет или перевоспитывает осужденных, а скорее негативно влияет на психику и нравственность человека[4].

Предупреждение совершения преступлений и их профилактика невозможна без объяснения причин преступности, которые кроются как в психологии конкретного лица, так и социально-экономическом и политическом состоянии государства, поэтому борьба с преступностью должна проводиться комплексно на всех этих уровнях[12]. Но все же, вне зависимости от причин, каждое преступление совершено конкретным лицом и именно личность преступника представляет собой общественную опасность. Общественная опасность личности выражает потенциальную возможность выбора лицом преступного поведения, которая понимается как внутренняя предрасположенность к совершению индивидом преступных деяний[22].

Возникает необходимость проработки мер эффективного оперативно-розыскного противодействия группам осужденных отрицательной направленности, сформированных по этническому принципу. Успешным решением данной задачи может послужить наличие комплексного подхода к документированию действий отдельных лиц из этнической группы осужденных отрицательной направленности с учетом психологических особенностей, выбора объектов оперативной проверки или разработки[15].

Документирование преступной деятельности этнических преступных групп осужденных в исправительных учреждениях должно осуществляться путем сбора информации как гласно, так и с использованием негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности с обязательным проведением специальных технических мероприятий[6].

К наиболее применяемым негласным методам документирования противоправной деятельности этнических групп осужденных в условиях исправительных учреждений можно отнести содействие органам, осуществляющим ОРД, ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - ФЗ Об ОРД), и проведение оперативно-розыскных мероприятий с применением специальных технических средств, предусмотренных п. 6, 10, 11 ч. 1 ст. 6 ФЗ Об ОРД, направленных на получение сведений, подтверждающих преступную деятельность[9].

Предупреждение деятельности этнических групп экстремистской идеологии в местах лишения свободы должно осуществляться как массово, так и индивидуально с помощью профилактических мероприятий воспитательного характера среди осужденных с привлечением общественных организаций; организации оперативно-розыскных мероприятий, нацеленных на выявление активных членов религиозных объединений и групп экстремистской идеологии, оказывающих негативное влияние на осужденных[19]. В настоящее время даже представители законодательной власти признают необходимость создания в Российской Федерации ведомства, направленного на борьбу с организованной преступностью. В данное время борьбу с организованной преступностью ведут Федеральная служба безопасности РФ, Министерство внутренних дел РФ, другие правоохранительные органы[16].

Список литературы:

- [1] Анжиров И.В. Структурные особенности и специфика деятельности этнических преступных сообществ в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 7-12.
- [2] Анкоси М.М. О допустимости обособления этнической преступности в городах федерального значения Российской Федерации // International Journal "Criminal procedure problems of theory and practice". 2019. № 1.
- [3] Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119- 123.
- [4] Гишинский Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права. СПбГУ, 2013. № 6. С. 8-31.
- [5] Глonti Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004. С. 37.
- [6] Горяинов, К.К., Хромов, И.Л. Этническая преступность в местах лишения свободы и ее предупреждение // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы: тезисы международной научно-практической конференции 28-29 октября 2004 г. - Рязань, 2004.
- [7] Гриб В.Т. Организованная преступность - различные подходы к ее пониманию // Государство и право. - 2007. N 1. С. 7.
- [8] Зюков А.М. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых представителями разных этнических групп. Автореф. дисс... канд. юрид. наук, Рязань, 2005 г.
- [9] Касаев И.Х. Виктимологическая характеристика пострадавших от деятельности этнических преступных группировок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 98-102.
- [10] Кондратенко Ю.В. Криминологическая характеристика этнической организованной преступности // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 295-296.
- [11] Криминология: Учебник / Под ред. А.И. Долговой. М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 1008.
- [12] Кузьмина Н.В. Этническая преступность как предмет криминологического и уголовно-правового изучения: вопросы становления теории // Российский следователь. 2010. № 5. С. 25-28.
- [13] Курташев В.Н. Психологический механизм юридической деятельности (личностный аспект). Ярославль: ЯрГУ. 2010. С. 23-24.
- [14] Номоконов В.А. Борьба с преступными организациями: американский опыт и российские реалии // Криминологический журнал. 2014. № 4. С. 46- 53.
- [15] Оганесян, С.С. Истоки правового нигилизма нашего народа // Представительная власть. - 2011. - № 5-6.
- [16] Олимпиев А.Ю. Криминальный оборот наркотиков как одна из разновидностей организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 116-118.
- [17] Олимпиев А.Ю. О субъектах дознания в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 231-233.
- [18] Олимпиев А.Ю., Адмиралова И.А. Роль ОБСЕ в совершенствовании механизма борьбы с торговлей людьми на международном уровне // Административное и муниципальное право. 2013. № 5 (65). С. 401-403.
- [19] Олимпиев А.Ю., Гаврюшкин Ю.Б. Противодействие посредничеству во взяточничестве в истории России и законодательстве зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 89-98.
- [20] Таких гостей нам не надо. Этническая преступность в Москве выросла в четыре раза // Российская газета - Федеральный выпуск № 69(6341). 26.03.2014.
- [21] Тимина Т.Н., Кудряшова Г.Н., Сахарова Т.А. Проблемы мониторинга этнической преступности в Санкт-Петербурге // Криминалистика, криминология, ОРД. 2016. № 4 (72). С. 138-143.
- [22] Толкачев С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // ИГП «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1. С. 1-12.
- [23] Этническая парадигма уголовной политики / А.М. Зюков. Владимир: ИП Журавлева, 2009.

Spisok literatury:

- [1] Anzhurov I.V. Strukturnye osobennosti i specifika deyatel'nosti etnicheskikh prestupnykh soobshchestv v sovremennoy Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2010. № 1. S. 7-12.
- [2] Ankosi M.M. O dopustimosti obosobleniya etnicheskoy prestupnosti v gorodakh federal'nogo znacheniya Rossijskoj Federacii // International Journal "Criminal procedure problems of theory and practice". 2019. № 1.
- [3] Galuzo V.N. Konstitucionno-pravovoj status Rossii: problema imenovaniya gosudarstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 5. S. 119- 123.
- [4] Gilinskij YA.I. Nekotorye tendencii mirovoj kriminologii // Rossijskij ezhegodnik ugolovnoho prava. SPbGU, 2013. № 6. S. 8-31.
- [5] Glonti G., Lobzhanidze G. Professional'naya prestupnost' v Gruzii (vory v zakone). Tbilisi, 2004. S. 37.
- [6] Goryainov, K.K., Hromov, I.L. Etnicheskaya prestupnost' v mestah lisheniya svobody i ee preduprezhdenie // Reforma ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy: tezisyy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 28-29 oktyabrya 2004 g. - Ryazan', 2004.
- [7] Grib V.T. Organizovannaya prestupnost' - razlichnye podhody k ee ponimaniyu // Gosudarstvo i pravo. - 2007. N 1. S. 7.
- [8] Zyukov A.M. Kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij, sovershaemykh predstaviteleyami raznykh etnicheskikh grupp. Avtoref. diss... kand. jurid. nauk, Ryazan', 2005 g.
- [9] Kasaev I.X. Viktimologicheskaya harakteristika postradavshih ot deyatel'nosti etnicheskikh prestupnykh gruppirovok // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2013. № 1 (23). S. 98-102.
- [10] Kondratenko YU.V. Kriminologicheskaya harakteristika etnicheskoy organizovannoy prestupnosti // Biznes v zakone. 2008. № 1. S. 295-296.
- [11] Kriminologiya: Uchebnik / Pod red. A.I. Dolgovo. M.: Norma; Infra-M, 2010. S. 1008.
- [12] Kuz'mina N.V. Etnicheskaya prestupnost' kak predmet kriminologicheskogo i ugolovno-pravovogo izucheniya: voprosy stanovleniya teorii // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 5. S. 25-28.
- [13] Kurtashev V.N. Psihologicheskij mekhanizm yuridicheskoy deyatel'nosti (lichnostnyj aspekt). YAroslavl': YArGU. 2010. S. 23-24.
- [14] Nomokonov V.A. Bor'ba s prestupnymi organizatsiyami: amerikanskij opyt i rossijskie realii // Kriminologicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 46- 53.
- [15] Oganessian, S.S. Istoki pravovogo nihilizma nashego naroda // Predstavitel'naya vlast'. - 2011. - № 5-6.
- [16] Olimpiev A.YU. Kriminal'nyj oborot narkotikov kak odna iz raznovidnostej organizovannoy prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 3. S. 116-118.
- [17] Olimpiev A.YU. O sub'ektah doznaniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 1. S. 231-233.
- [18] Olimpiev A.YU., Admiralova I.A. Rol' OBSE v sovershenstvovanii mekhanizma bor'by s trgovley lyud'mi na mezhdunarodnom urovne // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 5 (65). S. 401-403.
- [19] Olimpiev A.YU., Gavryushkin YU.B. Protivodejstvie posrednichestvu vo vzyatochnichestve v istorii Rossii i zakonodatel'stve zarubezhnykh stran // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 4. S. 89-98.
- [20] Takih gostej nam ne nado. Etnicheskaya prestupnost' v Moskve vyroslo v chetyre raza // Rossijskaya gazeta - Federal'nyj vypusk № 69(6341). 26.03.2014.
- [21] Timina T.N., Kudryashova G.N., Saharova T.A. Problemy monitoringa etnicheskoy prestupnosti v Sankt-Peterburge // Kriminalistika, kriminologiya, ORD. 2016. № 4 (72). S. 138-143.
- [22] Tolkachev S.P. Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i kross-kul'turnaya anglijskaya literatura // IGP «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2013. № 1. S. 1-12.
- [23] Etnicheskaya paradigma ugolovnoj politiki / A.M. Zyukov. Vladimir: IP ZHuravleva, 2009.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

КОСЬМИН Анатолий Данилович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры
«Государственное муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
академик Российской академии естественных наук,
e-mail: kosmin.39@mail.ru

КОСЬМИНА Елена Анатольевна,
доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Управление, политика и право»
Омской академии гуманитарных наук и образования,
e-mail: kosmina.07@mail.ru

КОВАЛЬЧУК Валерий Константинович,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры методологии социологических исследований
социологического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
e-mail: valeriikov@mail.ru

СУБСИДИАРНАЯ МИССИЯ КОРРУПЦИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. Главный авторский посыл, мессидж в представленной статье заключается в обосновании субсидиарной роли коррупции как эксклюзивного института, инструмента упорядочения социальных процессов, разрешения институционального конфликта между укоренившимися и внедряемыми нормами в жизни социума. Коррупция рассматривается как феномен объективной обусловленности, который невозможно преодолеть, но можно и нужно минимизировать до уровня, не препятствующего поступательному развитию общества.

Ключевые слова: коррупция, субсидиарность, аргументы, обстоятельства, необходимость, разумность.

KOSMIN Anatoly Danilovich,
Doctor of Economics, Professor,
Professor, Department of State Municipal Administration and Customs,
Omsk State Technical University,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

KOSMINA Elena Anatolyevna,
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Management, Politics and Law,
Omsk Academy of Humanities and Education

KOVALCHUK Valery Konstantinovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Methodology
of Sociological Research sociological faculty of
Moscow State University. M.V. Lomonosov

SUBSIDIARY MISSION OF CORRUPTION: UTOPIA OR REALITY?

Annotation. *The main message of authorship, the message in the presented article is to justify the subsidiary role of corruption as an exclusive institution, an instrument for streamlining social processes, resolving the institutional conflict between rooted and implemented norms in society. Corruption is seen as a phenomenon of objective conditioning, which cannot be overcome, but can and must be minimized to a level that does not impede the progressive development of society.*

Key words: *corruption, subsidiarity, arguments, circumstances, necessity, rationality.*

*Все человеческое – богатство, честь ...
радость, печаль и т.д. – имеет свою определенную
меру, превышение которой ведет к разрушению и гибели.
Г. Гегель*

Оправной точкой исследования послужило утверждение (убеждение) первого замдиректора Международного валютного фонда (МВФ) Д. Липтона (предостережение, артикулируемое на широкую аудиторию гайдаровского форума 2017) о том, что у России нет шансов выйти даже на среднемировые темпы роста экономики, если не будет решена проблема защиты прав собственности, если не будет обеспечено верховенство права и независимость судебной власти, если не будет проводиться полномасштабная борьба с коррупцией [2], в которой руководитель правительства увидел главную причину снижения привлекательности делового климата в стране.

Российская Федерация относится к странам, где коррупция получила достаточно широкомасштабное распространение, свидетельством чего является призыв ее руководства развернуть антикоррупционную борьбу (за 2018 г. средний размер взятки на душу населения вырос по сравнению с 2017 г. на 25% и составил 809158 руб.; а всего в коррупционной тени находится 49-50% ВВП) [15].

Коррупция – это институт вселенского масштаба, представляющий собой, прежде всего, только лишь своего рода специфический функциональный придаток физиологического (человек рождается с инстинктивным желанием наживы), который запускается, приводится в действие социальным механизмом (т.е. социализируется). Источник коррупции, как иного зла, дурного, греха, лежит в самой сердцевине человека как простой части природы, этой неисчерпаемой основы всех вещей [8, с. 4404]. Она является непреодолимым следствием свободы индивидуума – этого неизбежного постулата человеческой природы¹.

Коррупция является естественным и объективно обусловленным «спутником» любой социально-экономической системы с момента инсти-

туализации семьи, частной собственности и государства. А темп (или уровень) политического и государственного устройства детерминирует масштабы коррупционных процессов и их тренд [7, с. 26].

Своим появлением и дальнейшим жизнеутверждением коррупция обязана событиям и явлениям различного свойства: а) антропологического, б) экономического, в) этического и г) институционального [8, с. 4409-4413].

Коррупция – это специфическая форма оппортунистического поведения – представляющая собой алгоритм, способ действия акторов в соответствии с собственными интересами, не ограниченный (способ) моральными устоями и противоречащий интересам других акторов и интересам общества в целом [9].

Одним из показателей, с помощью которых определяется статистика коррупции в мире, как известно, является Индекс восприятия коррупции (ИВК), измеряемый по шкале от 0 до 100 баллов (от самого высокого ее уровня до наименьшего). ИВК – это ежегодный составной показатель коррупции в государственном секторе различных стран, определяемый (рассчитываемый) неправительственной Международной организацией «Transparency International» по своей методике, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса [14].

Инструментальная роль проводимых указанной организацией рейтингов заключается в том (или рейтинги проводятся для того), чтобы провести анализ мирового сообщества на предмет надежности инвестиций (и не только). Ведь коррупция представляет собой огромный фактор опасности для инвесторов, поскольку экономические показатели в значительной степени зависят от факторов неэкономической природы, которыми, к сожалению, новый инвестор не способен

¹ «Нельзя преодолеть необходимое» - Эсхил.

управлять. Индексы восприятия коррупции свидетельствуют о снижении реализации позитивного потенциала коррупции, о степени ее компенсации

многочисленных и многообразных институциональных сбоев в различных странах мира [1].

Таблица 1

**Топ-10 наиболее и наименее коррумпированных стран мира
(на 01.01.2019)**

Наиболее коррумпированные страны	Ранг	ИБК	Наименее коррумпированные страны	Ранг	ИБК
Сомали	180	10	Дания ¹	1	88
Сирия	179	13	Новая Зеландия	2	87
Судан (нижний)	178	13	Сингапур	3	85
Йемен	177	14	Финляндия	4	85
Северная Корея	176	14	Швейцария	5	85
Афганистан	172	16	Швеция	6	85
Ливия	170	17	Норвегия	7	84
Венесуэла	168	12	Нидерланды	8	82
Россия	149	28	Канада	9	81
Гвинея	138	28	Люксембург	10	81

Источник [14].

В других странах, более или менее благополучных: в странах G7 индекс восприятия коррупции (ИБК) составляет – в Великобритании-80, в Италии-52, в США-71, в Германии-80, в Японии-73 и во Франции-72; в странах G5 ИБК составляет – в Бразилии-35, в Индии-41 в Китае – 39 и в ЮАР-43.

Российские чиновники неустанно повторяют как мантру о том, что по сравнению с коррупцией в зарубежных странах в России еще не все так плохо (ну, конечно же, за последние 3 года страна опустилась на 30 позиций с 119-й в 2015 году до 149-й в 2018 году, то есть не так уж плохо по сравнению с 31 страной третьего мира (из 180), расположенных после РФ.

В России коррупция как одна из форм экономического девиантного поведения (напр., теневого предпринимательства) в постсоветский период подвергает коррозии государственные институты [4, с. 81-96]. Конечно, периодически проводятся показательные расследования, выявляются крупные коррупционеры правоохранительных органов, подпольные миллионеры и неправомерно разбогатевшие чиновники различных

уровней, руководители крупных строительных компаний и т.д. Случается, что не все акторы коррупционной деятельности, прежде всего верхушечной коррупции, получают заслуженное наказание власти (что свидетельствует о наличии в стране касты неприкасаемых, априорно помилованных клептоманов).

По данным председателя Национального антикоррупционного комитета (НАК), «около 30% бюджета в той или иной степени вовлечено в коррупционный оборот» [15]. Речь идет, прежде всего, о госзаказах и закупках – самых мощных и распространенных источниках верхушечной коррупции.

О масштабах коррупции в различных органах государственной власти косвенно свидетельствуют выявленные специалистами Всероссийской антикоррупционной общественной приемной – чистые руки жалобы граждан на коррупцию в этих органах.

В расположенной ниже таблице 2 приводится процентное соотношение жалоб на коррупцию в наиболее коррумпированных органах вла-

¹ «В стране возросла корпоративная ответственность и реализуется стремление к достижению полной прозрачности в политике».

сти, которое свидетельствует как о рекордном сокращении жалоб, так и о рекордном их росте.

Таблица 2.

О соотношении жалоб на коррупцию государственных органах

Органы государственной власти	Уровень коррупции (в %)		
	2014г.	2018г.	2018г. в % к 2014г
Судебная система	28.5	77.5	272.0
Полиция	20.4	25.2	123.5
Прокуратура	17.4	15.8	90.8
Следственный комитет	15.7	15.8	100.6
Органы региональной власти и местного самоуправления	7.1	3.7	52.1
Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков	1.4	0.9	64.3
Федеральная служба безопасности	0.71	0.9	126.8
Федеральная служба исполнения наказаний	5.0	2.8	56.0

Источник: [6].

Рекордный рост жалоб приходится (как и ожидалось) на судебную систему. «Что касается сословия юристов, - писал К. Маркс, - стряпчих, поверенных и адвокатов, к услугам которых прибегают при выборах, то они, разумеется, имеют совершенно законное право на свой гонорар. Нельзя же требовать от них, чтобы они тратили свое время и «устраивали дело даром»» [10, с. 557]. Имеются примеры того, что российские судьи извлекают немалую коррупционную выгоду из благополучно «разваливаемых дел» не только коррупционеров (корруптеров – дающих взятки), но и иных криминальных групп.

По итогам 2018 г. зарегистрировано 30 495 преступлений коррупционной направленности, что на 2.9% больше по сравнению с 2017 г. Удельный вес преступлений коррупционной направленности, в общем количестве зарегистрированных преступлений также увеличился до 1,5% по сравнению с 1.4% в 2017 г. (на 7.1%) [15].

Свидетельством высокой коррупции в России (как уже отмечалось), является призыв ее властей развернуть антикоррупционную борьбу, устраняя ее (коррупции) глубинные причины:

- низкий уровень развития экономики;
- отсутствие политической конкуренции;
- несовершенные законодательство и судебная система;
- большой разрыв в уровне доходов различных групп населения;
- слабость общественных институтов;
- безнаказанность чиновников высокого ранга;
- отсутствие жесткого контроля и регламентации деятельности чиновников всех уровней;
- негодные принципы отбора тех, кто осуществляет государственное управление.

Масштабы коррупции детерминируются глубиной расхождения между новой жизнеспособной и отмирающей действительностью. Сопроводив старые порядки на «погост», коррупция, по логике вещей, должна минимизироваться и стабилизироваться на естественно необходимом уровне, на каждый данный момент, определяемом политическими, экономическими, культурными и иными факторами эндогенного и экзогенного происхождения.

Естественный уровень коррупции для разных стран – это уровень, не подрывающий нравственные устои общества (т.е. приличествующий обществу улучшенных нравов) и его социально-политическую стабильность, а также обуславливающий повышение делового климата в стране, приток прямых иностранных инвестиций и инвесторов, столь необходимых для динамического и устойчивого социально-экономического развития.

Объективными критериями успешности противодействия коррупции, её минимизации, принято считать:

- высокий авторитет власти;
- высокое доверие к судам и судебной системе;
- нетерпимость в обществе к проявлениям коррупции;
- высокий уровень правовой культуры среди населения;
- широкий общественный контроль;
- подлинную независимость органов по расследованию фактов коррупции;
- стабильно работающую систему мониторинга работы чиновников;
- доверие общества и государства к работе этических комиссий и принципам, на которых строятся соответствующие этические кодексы;
- справедливое распределение природной ренты;
- успешная работа социальных лифтов, каналов продвижения и закрепления во власти глубоконравственных профессионалов;
- высокие темпы экономического роста;
- рост доходов населения и сокращение неравенства.

Как таковых объективных критериев успешности противодействия коррупции в России не обнаруживается и потому не следует особо доверять статистике федеральных органов государственной власти – МВД, Генпрокуратуры, ФСБ, Счётной палаты и прочих министерств и ведомств, выдающих «на-гора» нерепрезентативные показатели. Следует ежегодно знакомиться с отчётом ранее указанной неправительственной организации, которая пришла к выводу, что граждане России утратили веру в эффективность борьбы с коррупцией как социальным злом, поскольку она не снижается, а повышается.

По данным социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, 70% граждан считают, что в России очень высокий уровень коррупции, а самыми высокор腐порционными сферами современного общества – медицинскую отрасль, ГИБДД, сферу ЖКХ, полицию, судебную систему и прокуратуру [17].

Руководитель центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International Russia полагает, что оценить объёмы коррупции методом прямого исследования с точки зрения монетарного рынка практически невозможно, поскольку значительная часть коррупционных проектов в России отошла от примитивных форм [14]. Это, скорее всего, наблюдается в сфере незаконного лоббизма, конфликтов интересов, фаворитизма и протекционизма, nepotизма (покровительство родственником), отмывание денежных средств, использование иностранных денежных инструментов, нарушение законов и ограничений. Всё это находится вне поля правового регулирования и не поддается подсчету, поскольку является по существу латентным. Ведь коррупция имеет атмосферическую природу – она вроде бы повсеместно, но в каждом конкретном случае не хватает достоверности и деталей. Коррупция, как одна из форм накопления – «есть завоевание мира общественного богатства», она расширяет область прямого и косвенного извлечения богатства с помощью разнообразных практик, конструируемых креативными и клептоманами, коррупционерами, избегающими «шума и брани и отличающимися боязливой натурой» (К. Маркс).

Ранее мы отмечали, что теория неэкономических форм капитала (прежде всего социального, политического и административного) позволяет корректно теоретически описать процесс формирования не только крупных и средних собственников в нашей стране, но и крупных, и средних коррупционеров, а также принципы осуществления отбора тех, кто осуществляет государственное управление [7, с. 64-74]. Эта теория объясняет, что коррупция порождается процессом развития государства, а её потенциал (коррупции) умножается по мере того, как центральная власть воспроизводит себя как при разделении, так и при делегировании функции не только в пользу вновь созданных структур (министерств и ведомств), но также в пользу частного бизнеса [12]. Именно процесс делегирования власти вписывает коррупцию в саму структуру государства. Коррупция, таким образом, плоть от плоти теологического механизма государства, в реальном материале действительности сопровождаемая теологическим механизмом рынка постепенно и незаметно.

В России (как и ранее в СССР) эти формы капитала (точнее, их персонифицированные формы) играли и играют поныне трудно переоценимую роль в распределении статусных позиций, материальных благ и услуг, национального богатства в целом, а также в их перераспределении.

Таблица 3

**Объективные критерии успешности по минимизации коррупции
в ТОП-10 наименее коррумпированных стран мира**

Наименее коррумпированные страны и Россия	Индекс человеческого развития (ИЧР)		Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США 2011 по ППС)	Квинтиль- ный коэф- фициент дохода ¹	Коэф- фициент Джини ²	Доверие к судеб- ной сис- теме ³	Доверие к пра- витель- ству ⁴
	Рей- тинг	Значе- ние					
Дания	11	0,929	47918	4,0	28,2	85	57
Новая Зеландия	16	0,917	33970	..	..	63	61
Сингапур	9	0,932	82503	..	..	89	93
Финляндия	15	0,920	41002	3,9	27,1	83	60
Швейцария	2	0,944	57625	5,2	32,5	78	82
Швеция	7	0,933	47766	4,6	29,2	69	56
Норвегия	1	0,953	68012	4,1	27,5	88	72
Нидерланды	10	0,931	47900	4,4	29,3	71	67
Канада	12	0,926	43433	6,2	34,0	67	65
Люксембург	21	0,904	65016	5,0	31,2	76	74
Россия	49	0,816	24233	6,6	37,7	36	38

Источник: [3, с. 22, 30, 72].

В таблице 3 представлены, по существу, основные условия, детерминирующие коррупцию как атрибут действительности и необходимости (о чём свидетельствуют указанные ниже лидирующие позиции стран, достигнувших минимальных значений коррупции, в главных рейтингах 2018 года). Как отмечал Ф. Энгельс, «все необходимое оказывается, в конечном счёте, разумным» [13], а «разумность тождественна предусмотрительности, дальновидности» [11].

Некоторые из ТОП-10 стран наименее коррумпированных являются лучшими в следующих главных рейтингах 2018 года:

- самые конкурентоспособные экономики в Сингапуре, Швейцарии, Нидерландах, Швеции и Дании;
- самые лучшие для ведения бизнеса страны;
- новая Зеландия, Сингапур, Дания, Норвегия, Швеция;
- самые лучшие страны для высококвалифицированных специалистов: Швейцария, Дания, Норвегия, Нидерланды, Канада, Финляндия, Швеция, Люксембург;
- самые лучшие системы здравоохранения в Норвегии, Нидерландах, Люксембурге, Финляндии, Швейцарии и Швеции;

¹ отношение среднего дохода богатеющих 20% населения к среднему доходу беднейших 20% населения.

² показатель характеризующий отклонение фактического распределения доходов отдельных лиц или домохозяйств в определенной стране от абсолютного равенства.

³ процент респондентов, ответивших «да» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа, «Доверяете ли Вы судам и судебной системе Вашей страны?»

⁴ процент респондентов, ответивших «да» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа, «Доверяете ли Вы правительству Вашей страны?»

– самые миролюбивые страны: Новая Зеландия, Дания, Канада и Сингапур;

– самые лучшие страны для пенсионеров: Норвегия, Швеция, Нидерланды, Дания и Финляндия;

– самые счастливые граждане в Финляндии, Норвегии, Дании, Швейцарии, Нидерландах, Канаде и Новой Зеландии.

В этих странах среднегодовой прирост ВВП составляет от 1% в Швеции до 3,5% в Сингапуре. Не очень высокие, разумеется, но стабильно устойчивые, и никакая из них страна не ставит задачи достижения темпов роста экономики, превышающих среднемировые темпы.

Нам представляется, что достигнутые успехи по минимизации коррупции в ТОП-10 странах мира, выраженные количественно в диапазоне от 81 до 88 баллов, следует считать (признать) легитимными, законными, имеющими предельно допустимую меру, оставив за коррупцией, за её позитивными потенциалом неисчерпаемую функциональность – способность примерять конкурирующие нормативные системы.

Борьбу с коррупцией (в России эта борьба ведется не с событиями и явлениями, её порождающими, а всего лишь с её последствиями) следует понимать, как перманентную, непрекращающуюся работу властей всех уровней (включая и власть четвертую – СМИ) по изменению, по гуманизации в широком смысле слова самой ткани общественных отношений, по «усовершенствованию движущегося мира и участвующего в этом движении человека» (Л. Толстой). Но эта борьба должна выстраиваться, базироваться на занимающей центральное место в диалектике Г. Гегеля категории противоречия как единства взаимоисключающих и одновременно – взаимопредполагающих друг друга противоположностей. Из этого единства противоположностей невозможно исключить какую-либо составляющую этой диалектической пары (как это пытался сделать в своё время французский теоретик анархизма, мелкобуржуазный социалист П. Прудон – его идея заключалась в том, чтобы «очистить», устранить отрицательную сторону диалектической пары). Он подверг резкой критике Луи Наполеона Бонапарта, который впервые в истории после Великой французской революции обнаружил основания для криминализации коррупции, но разглядел в ней позитивный потенциал демократизации общества, прибегнув, тем не менее, к ограничению её масштабов, прежде всего, её верхушечной части – и упразднил неопотизм.

Коррупцию уничтожить невозможно, как невозможно свести к нулю показатели инфляции, бедности, неравенства, безработицы и иных явлений общественной жизни, позитивный потенциал

которых, имеющих определенную меру в развитии человеческого общества доказан, как утверждал Р. Декарт, ещё древними философами. Но о том, как можно радикально переломить повышающийся тренд коррупционной деятельности в России, отметил глава Счетной палаты РФ А. Кудрин, полагающий, что справиться с «жестоккой и триллионной» коррупцией в России позволит внедрение лучших мировых практик по открытости органов государственной власти. Он также отмечает, что возглавляемый им контролирующий орган станет «аудитором открытости министерств и ведомств», - информирует «РИА Новости» [16].

Введение лучших в мире практик по открытости органов власти позволит, по мнению главы СП РФ, на 50% справиться с коррупцией, но для этого надо предпринять три шага:

первый шаг – обеспечить полноту и достоверность баз данных. «Сегодня министерства не выполняют законодательство по открытости» - отметил А. Кудрин;

второй шаг – писать «понятным языком» все законы и законопроекты. «Был хороший опыт, когда законопроекты выставлялись на дискуссию. Сейчас это практически прекращено» - добавил А. Кудрин;

третий шаг – «это открытый диалог. Обратная связь должна иметь разные формы» [16].

Рецепт борьбы с коррупцией, предложенный чиновником, как таковой борьбы не предусматривает, а внедрение лучших мировых практик по открытости органов государственной власти не повлияет никоим образом, не прямо и не косвенно, на укрощение масштабной коррупции.

Необходимо внедрять лучшие мировые практики не по открытости органов государственной власти, а по её подотчётности обществу.

По мнению экспертов Международной организации «Transparency International» для предупреждения коррупции требуется введение общегосударственной этики, критериями действенности которой станут: честность и отчётность в принятии решений, в частности, в распределении государственных средств; эффективная работа главного аудитора; независимые средства массовой информации; достойный доверия частный сектор; независимые судьи, следователи и прокуроры; выборный парламент, имеющий право требовать отчётности от государственных чиновников [14].

Напомним, что нынешний медианный ИБК (или его срединное или центральное значение) составляет 39 баллов, означающий, что первые по списку 50% государств имеют ИБК в диапазоне 88 – 39 баллов, а вторые – 50% государств имеют ИБК в диапазоне 40 – 10 баллов.

Экватор «коррупционного круга» в 39 баллов находится на равном расстоянии от наименьшего и наибольшего значений ИБК. Для того чтобы Россия «перевалила» за экватор по ту его сторону, где ИБК наибольший (т.е. уровень коррупции наименьший), требуется всего лишь каких-то три шага и Россия сразу поднимется на 14 баллов до отметки в 42 балла. Фантастический проект очередного единомышленника (Alter-EGO) Т. Мора (один из предыдущих его единомышленников считал возможным всего лишь за 500 дней вытащить из руин экономику, другой – сделать счастливыми граждан страны, наделив их приватизационными чеками (ваучерами) и т.д.).

Борьба с указанными социально-экономическими явлениями общественной жизни заканчивается при достижении ими определенной действительной и разумной меры, превышение которой губительно для социума. Кстати говоря, предельно допустимые, приемлемые показатели безработицы, инфляции, неравенства, бедности, теоретически обоснованы и эмпирически подтверждены. Эмпирически подтверждаются также и последствия превышения определенной их меры¹.

Что же касается коррупции, то имеющиеся эмпирические её показатели свидетельствуют о превышении её разумного и необходимого уровня, приемлемой меры, долженствующей быть теоретически обоснованной и эмпирически подтвержденной: полагаем, что не следует превышать обозначенную ранее меру коррупционной деятельности, пролонгируя оставшейся её части инструментальный потенциал по выявлению «зла», конвертируемого в добро, помогая институализировать новые правила, новый порядок, вытесняя старые [1]. Оставить за оставшейся жизненно необходимой коррупцией роль навигатора, компаса, указывающих местонахождение узких мест в правовом поле, напрямую не обнаруживаемых властью.

Заключение

Общий вывод сводится к тому, что особых фундаментальных оснований для повышения градауса надежд на сокращение масштабов коррупционной деятельности в российском государстве (в его различных сферах деятельности – МВД, ЖКХ, ФТС и т.д.) в ближайшее время не предвидится. И прежде всего это потому, что нельзя победить то, что является «продуктом» (коррупцией) деятельности борцов с коррупцией (противоестественна,

¹ Примечательно и странно то, что в Глобальных целях и задачах в области устойчивого развития, определенных ООН до 2030 года, не нашлось места для вселенской коррупции. А вот сокращение неравенства, безработицы, ликвидация нищеты (но не бедности) оказались в числе индикаторов целей в области устойчивого человеческого развития [3].

немыслима борьба пчёл с мёдом). И это печально, поскольку коррупция, являясь негативной системной характеристикой институтов государственного и муниципального управления, «коррозией, которая не признает границ» (К. Лагард – МВФ), выводит ежегодно из страны значительную часть ВВП (стремительно приближающуюся к размеру годового бюджета – 30-48% ВВП), препятствуя тем самым достижению устойчивого экономического роста, повышению конкурентоспособности экономики и благосостояния граждан.

Не имея целостной программы борьбы с коррупцией, правительство предпринимает лишь разрозненные и бессистемные меры. Такая борьба походит на бой с лернейской гидрой: одну голову рубишь, а на её месте отрастает сразу несколько других.

Россия является очень богатой страной по количеству компетентных организаций, контролирующих, выявляющих, пресекающих и карающих акторов коррупционной деятельности, но не достигающих результатов, приближающихся к результатам антикоррупционной деятельности стран Запада, Юго-Восточной Азии, не имеющих такого большого количества компетентных органов.

Все дело в том, что там борьбой с коррупцией занимаются «всерьёз». Именно это ключевое слово надо взять на вооружение нашей правящей элите [5, с. 168].

Пока же в России, перефразируя А. Данте, коррупционеры следуют своей дорогой, а власти продолжают говорить что угодно и никакой реальной, конкретно определенной комплексной борьбы с коррупционной деятельностью акторов не предлагают и которые, по умолчанию, должны не что-то делать, а делать, что должно, предвосхищая и опережая множество иных пока ещё неизвестных практик коррупционной деятельности, которые «готовит просвещения дух» (А. Пушкин), коим обладают креаторы – клептоманы и который сулит им гораздо больше удивительных новелл, «открытий чудных» в стране с дефектами государственного аппарата, сложностями низкого экономического роста и хозяйственной эффективности, преступности и криминализации правоохранительных структур, авторитарного и недемократического характера политических институтов, с системными проблемами образования и здравоохранения, аморальностью чиновников и прочими проблемами, увязываемыми с коррупцией и связь которой с последними обретает характер устойчивого и объективно обусловленного эмпирического факта.

«Разрубить гордиев узел» коррупции в России, оставив ее столько, сколько нужно (ее приемлемый уровень для специфического российского

государства) возможно лишь при одном важнейшем забытом обстоятельстве – цивилизованном и демократическом принципе подбора и расстановки государственных управленцев (один из рожденных Великой французской революцией принципов гласит: «во власти должны быть люди – профессионалы, которые тяготеют властью»).

Как известно, Наполеон считал необходимым и целесообразным допускать к власти чиновников только со специально полученным образованием. В России Наполеон не почитаем (министр спорта становится министром строительства, банкир – министром неизвестной ему отрасли – сельского хозяйства, журналист – возглавляет космическую отрасль, а дети чиновников всех уровней – природой весьма одаренные, похоже, – кто в министрах, кто в заместителях, кто в председателях различных компаний и т.д.

На государственном уровне в Российской Федерации заявлен курс на модернизацию государственных институтов, что подразумевает, в т.ч. выработку механизмов для рационального управления общественными процессами с опорой на букву духа закона. Результатом такого рода модернизации должно стать усовершенствование системы государственного управления, достижение нашим обществом современных мировых стандартов развития [5]. Но в условиях политической нестабильности, несовершенства законодательства, невысокой эффективности работы отдельных органов государственной власти и управления, слабости органов местного самоуправления, неразвитой политической культуры среди граждан, отсутствии устоявшихся демократических традиций и т.д., конечно же, достаточно сложно разработать и на практике реализовать мероприятия, которые способствовали бы снижению распространенности коррупции в стране до уровня, который не препятствовал бы поступательному развитию всего общества [9].

Список литературы:

- [1] Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 36-47.
- [2] Гайдаровский форум РАНХ и ГС 2017 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gaidarforum.ru> (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [3] Доклад «Индексы и индикаторы человеческого развития: обновленные статистические данные 2018» / Пер. с англ.; ПРООН. - М.: Издательство «Весь мир». 2019. – 196 с.
- [4] Ковальчук В.К. Институциональные формы и методы борьбы с девиантным поведением в экономике // Межфакультетский сборник научных трудов «Институт налоговой амнистии» / Под общ. ред. М.В. Романенко. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 81-96.
- [5] Ковальчук В.К., Халиков М.С. Теоретические взгляды на процесс модернизации // Социальные и правовые проблемы экономического развития: Межфакультетский сборник научных трудов / Под общ. ред. А.П. Сысоева, М.С. Халикова, А.И. Усова / Вып. № 3. М.: Университетская книга, 2013. С. 120-126.
- [6] Коррупция в России: Независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной – чистые руки [Электронный ресурс] // URL: (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [7] Косьмин А.Д., Кузнецова О.П. Коррупция как конвертационная форма общественно значимых персонифицированных статусных позиций и модулей совокупного общественного капитала: монография. – М.: Издательство «Экономика», 2015. – 235 с.
- [8] Косьмин А.Д., Кузнецова О.П. Коррупция как форма свечения высокого уровня примитивности // Российское предпринимательство. 2015. – Т. 16. №24. С. 4403-4418.
- [9] Косьмин А.Д., Метелев С.Е. Природа и основные направления минимизации коррупции // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. №1 (63). С. 136-144.
- [10] Маркс К. Избирательная коррупция в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 549-553.
- [11] Платон. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Ч. I. – М.: 1975.
- [12] Хестанов Р. Государство без коррупции — это русское чудо // Эксперт. – 2012. №46. С. 26-30 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [13] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч.- 2-е изд. – Т. 21. С. 269-317.
- [14] Официальный сайт компании «Transparency International» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org.ru> (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [15] Официальный сайт электронного журнала «Коррупции нет» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-1348/html> (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [16] Официальный сайт агентства «РИА Новости» [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 12.07.2019 г.).
- [17] Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wciom.ru> (дата обращения: 12.07.2019 г.).

ЗУБОВА Оксана Геннадьевна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры методологии социологических исследований
социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
e-mail: zubovaoksana@bk.ru

СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

Аннотация. В статье на основе данных всероссийского социологического исследования, проведенного в апреле-мае 2019 года в 22 субъектах Российской Федерации, анализируется структура ценностей взрослого населения России. Теоретико-методологической основой исследования ценностной структуры российского населения стала теория ценностей М. Рокича и Ш. Шварца, позволяющая описать типологическое состояние общества по Р. Инглхарту. Было выявлено, что в ценностной структуре сохраняют высокую значимость традиционные ценности семьи, здоровья и материального достатка, а роль «пост-материалистических» ценностей по классификации Р. Инглхарта является незначительной.

Ключевые слова: ценности, ценностная структура, современное российское общество, социально-демографические показатели.

ZUBOVA Oksana Gennadiyevna,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Department of Methodology of Sociological Studies,
Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN POPULATION VALUES STRUCTURE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS AND EMPIRICAL RESULTS

Annotation. Based on the data of an all-Russian sociological study conducted in April-May 2019 in 22 regions of the Russian Federation, the article analyzes the structure of values of the adult population of Russia. The theoretical and methodological basis of the study of the value structure of the Russian population was the theory of values of M. Rokich and S. Schwartz, which allows us to describe the typological state of society according to R. Inglehart. It was revealed that in the value structure the traditional values of family, health and material wealth remain highly significant, and the role of "post-materialistic" values according to R. Inglehart's classification is insignificant.

Key words: values, value structure, modern Russian society, socio-demographic indicators.

Введение

Актуальность исследования ценностей населения России в социологической науке не снижается. Анализ ценностей как ядра общественного сознания, позволяет выявлять трансформацию ценностных ориентаций в процессе динамичного развития современного российского общества, сопровождающегося экономическими спадами и подъемами, переживающего глубинные социальные преобразования.

В зарубежных и российских исследованиях были заложены основные теоретические подходы к изучению ценностей как социальных явлений, при этом сама ценностная проблематика выступает сферой междисциплинарных исследований.

Ценности в социологии рассматриваются с точки зрения нормативного регулирования поведения людей, перспектив развития личности и поддержания целостности социальных систем.

Э. Дюркгейм выделял в ценностях идеалы, основная задача которых заключается в транс-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00548 Конкурс А. «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России».

формации реальностей, к которым они принадлежат [4]. М. Вебер определял через ценности мотив социального действия, основанного на вере [3].

В концепции Т. Парсонса ценности выступают независимым структурным компонентом любой социальной системы. Социолог выделяет их нормативный характер, определяя ценности как представления о желаемом типе социальной системы, регулирующие процессы принятия обязательств субъектами действия, обеспечивающие сохранение и воспроизводство культурных образцов [11]. В интерпретации Э. Гидденса ценности выступают как представления личности или групп людей о том, что одобряемо и социально приемлемо [9].

Данные подходы позволяют рассматривать ценности как основу жизнедеятельности личности, ориентира для выбора определенной направленности действий.

Н.И. Лапин дал следующее определение этому понятию: «Ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм, они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях» [6, с. 360].

Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций (семья, карьера, образование и т.п.), выступающих мотивационным фактором личностного развития. Их содержание определяется мировоззренческими убеждениями человека. Развитые ценностные отношения — признак зрелости личности, а незрелость — признак инфантилизма.

В.А. Ядов при формировании модели иерархии диспозиционной структуры личности, ставил

ценностные ориентации в вершину пирамиды, нижний уровень которой занимают фиксированные установки, затем более высокий уровень — социальные фиксированные установки, после них — направленность интересов личности, затем — ценностные ориентации [8].

Можно классифицировать ценности по разным основаниям: сферы общественной жизни (материальные, духовные), предметная направленность (политические, эстетические и т.д.), уровень социокультурного развития (традиционные, современные, общечеловеческие), основная функция (порицаемые, одобряемые, базовые).

Д.А. Леонтьев описал следующие формы существования ценностей: общественные идеалы, их предметное воплощение и мотивационная структура личности, побуждающая в своей деятельности реализацию этих идеалов [7].

В нашем исследовании использовалась классификация ценностей на основе подхода М. Рокича и модификации Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца.

М. Рокич определял ценность через устойчивое убеждение относительно предпочтительного способа поведения или конечной цели существования [12]. На основе характера ориентиров поведения человека М. Рокич выделил 18 наиболее значимых терминальных (ценности-цели) и 18 инструментальных (ценности-средства) ценностей, образующих в совокупности иерархическую структуру в сознании личности. Терминальные ценности наиболее устойчивы к изменениям, чем инструментальные и выступают для последних доминирующим началом.

Терминальные	Инструментальные
Активная деятельная жизнь	Аккуратность
Жизненная мудрость	Воспитанность
Здоровье	Высокие запросы
Интересная работа	Жизнерадостность
Красота природы и искусства	Исполнительность
Любовь	Независимость
Материально обеспеченная жизнь	Нетерпимость к недостаткам
Наличие хороших и верных друзей	Образованность
Общественное признание	Ответственность

Познание	Рационализм
Продуктивная жизнь	Самоконтроль
Развитие	Смелость
Развлечение	Твердая воля
Свобода	Терпимость
Счастливая семейная жизнь	Честность
Счастье других	Чуткость
Творчество	Широта взглядов
Уверенность в себе	Эффективность в делах

Методика М. Рокича позволяет проанализировать направленность личности и выявить ее отношение к обществу, другим людям, себе, определив жизненные приоритеты и основные поведенческие модели. Так как нам было важно связать ценности и их изменения с качеством жизни, то мы использовали в исследовании терминальные ценности, отражающие базовые потребности людей. Сгруппировав предложенный список, мы выделили из него следующие ценности: материально обеспеченная жизнь; здоровье; счастливая семейная жизнь; благополучие семьи; познание; свобода; творчество; удовольствие, стабильность. Из инструментальных ценностей для нашего исследования были выбраны поведенческие практики, связанные со способами достижения материального благополучия и основанные на ценностях честности, альтруизма или на противоположных им качествах.

Опираясь на разработанную теорию М. Рокича, Ш. Шварц предложил свою новую классификацию ценностей [13]. Он рассматривал ценности как нормативные идеалы и личные приоритеты людей. Для нашего исследования актуально такое разделение, так как часто люди руководствуются одними идеалами, но в реальных практиках поступают иначе. Исследователь выделяет 10 типов ценностей, отражающих кросскультурно универсальные человеческие потребности как осознанные цели: конформность, традиции,

доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижения, власть, безопасность.

Классификация Ш. Шварца, в отличие от М. Рокича, дополняется новыми ценностями, связанными с существующими потребностями, в частности с базовой потребностью в безопасности, выступающей на протяжении долгого времени приоритетной ценностью для различных групп населения. В нашу группу выделенных ценностей мы добавили безопасность, в том числе и национальную, связав ее с ценностью патриотизма.

Структура ценностей населения формируется в условиях определенного типа общества. Р. Инглхарт описал связь процесса формирования ценностей и модернизации, характеризующейся сдвигами в базовых ценностях [10]. В зависимости от ориентаций на определенные ценности различаются «материалисты», для которых характерны традиционные ценностные ориентиры на материальный достаток, семью и безопасность и постматериалисты, связанные с новыми ценностями прав, свободы, экологической культуры, что определяет разные общественные модели и показывает произошедшие структурные изменения. Поэтому выделенные нами ценности были сгруппированы на основе общих характеристик разных общественно-политических моделей, изменение которых связано с происходящими процессами модернизации.

Традиционные ценности	Инновационные ценности
1. Безопасность	1. Гедонизм
2. Стабильность	2. Долгая жизнь

3. Материальная обеспеченность	3. Познание
4. Патриотизм	4. Свобода
5. Счастливая семейная жизнь	5. Творчество

Методология

Теоретико-методологической основой исследования ценностной структуры российского населения стала теория ценностей М. Рокича и Ш. Шварца, позволяющая описать типологическое состояние общества по Р. Инглхарту.

Был выбран метод анкетного опроса. Выборочная совокупность составила 1803 человека. При ее формировании применялся метод территориально-квотного отбора, что обеспечило представительство результатов исследования ко всему взрослому населению России от 18 лет и старше по полу, возрасту, социальному статусу и территориальному расселению с погрешностью $\pm 3,5\%$. В структуру выборочной совокупности вошли 22 субъекта Российской Федерации. В соответствии с особенностями их социально-поселенческой структуры опрос проводился в центральных городах (49%), в районных городах (28%) и в сельских пунктах (23%), отбираемых случайным образом. В ходе исследования решалась задача, связанная с описанием ценностей

разных групп населения современного российского общества.

Результаты и дискуссия

На основе проведенного всероссийского исследования, мы можем выделить и описать ценностную структуру населения России, определив влияние на выбор респондентов таких социально-демографических показателей, как пол, возраст, образование, род деятельности, семейное положение, уровень доходов, территориальная принадлежность.

В исследовании было опрошено 42,5% мужчин, 57,5% женщин в возрасте от 18 лет и старше, имеющих высшее образование (54,3%), среднее специальное (30,8%), среднее (14,9%), состоящих в браке (54,8%) и не имеющих семью (45,2%), работающих (69,7%), не работающих (30,2%), проживающих в центральных городах (50,5%), районных городах (24,1%), селах (25,4%).

Респондентам задавался вопрос о том, что они считают наиболее важными в их жизни, обобщенные результаты представлены в схеме № 1.

Наиболее важные ценности населения России

Как самое важное для разных групп населения современного российского общества было выделено крепкое здоровье и долголетие (87,5%). Ценность здоровья становится базовой в потребностях людей старшего возраста, но как показывает эмпирическое исследование, актуальность сохранения здоровья начинает активно волновать людей как среднего возраста, так и молодежи в возрастных границах от 25 лет и старше. При этом, ценность здоровья среди молодежи и людей среднего и старшего возраста отличается тем, что ее значимость на уровне сознания часто не соотносится с поведенческими практиками. На выбор респондентов не влияет территориальная принадлежность, уровень материального состояния, образование. Женщины (85,8%) чаще, чем мужчины (88,5%) выделяют для себя ценность здоровья, но фактор пола не является приоритетным в этом выборе. Изменение отношения к терминальной ценности здоровья у различных групп населения связано как с популяризацией здорового образа жизни, так и возрастанием негативных факторов, влияющих на ухудшение физического и психологического состояния людей. С точки зрения личностного фактора, здоровье рассматривается как необходимый капитал для дальнейшей счастливой жизни [2]. А для современного общества важным показателем становится сохранение здоровья и увеличение продолжительности жизни населения.

На следующем месте у жителей России находится «уверенность в будущем благополучии своих детей» (85,8%). Совсем не важным для себя это считают лишь 2% опрошиваемых. Уверенность в будущем своей страны и возможности благополучной жизни для следующих поколений выступает одним из ключевых факторов в оценке общественным мнением перспектив социального роста и развития. Это отражает базовую потребность личности чувствовать себя в безопасности и защищенности, включая будущие перспективы.

«Чувствовать себя свободным в своей стране» предпочли в своих ответах 84,1% респондентов. Важнее всего это для молодежи и людей среднего возраста, с высшим образованием, женщин, городских жителей, с высоким и средним материальным достатком. Гендерный показатель связан с изменением роли и статуса женщины в современном обществе, возможностью большего выбора в построении успешной карьеры.

Ценность семьи всегда являлась важным критерием для жизни человека в традиционном обществе, но и в новых социально-экономических условиях, сохраняет свою актуальность [1]. Для 83,7 % опрошенных самым важным является

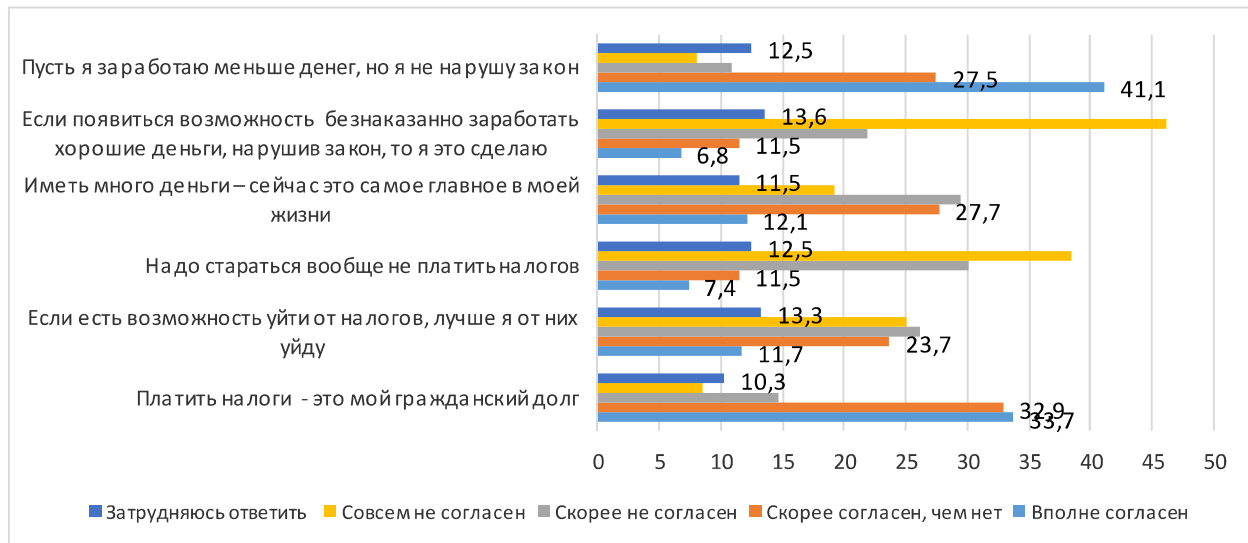
«создание крепкой, дружной, счастливой семьи». Процент ответивших больше среди жителей сельских населенных пунктов и районных городов, а также женщин, чем мужчин. Причем по возрасту это не только молодежь, но и все другие возрастные группы, с разным семейным статусом, наличием или отсутствием детей. В общественном мнении россиян оптимальное количество детей в семье как идеальное и планируемое – это двое. При этом, по территориальному признаку нет значительных различий, как это было в поведенческих практиках традиционного общества (центральный город – 57,8%, районный город – 56,3%, сельский населенный пункт – 53,5%). Наблюдается тенденция, связанная с сознательным отказом от желания иметь детей, влияние на эту установку пола, образования и материального достатка не выявляется.

Важным в иерархии ценностей для 81,5% населения является «жизнь в стабильном государстве». Ценность стабильности и устойчивого развития как основного тренда, связанна с базовой потребностью в безопасности, являющейся важным критерием для оценки возможностей общества обеспечить для этого все необходимые условия, а также показатель эффективного функционирования основных политических институтов.

Следующей выбранной ценностью в иерархии выступает «достижение материального достатка», это важнее всего для 68,3% опрошенных. Материальные блага всегда занимали одно из главных мест в иерархии жизненных ценностей разных групп информантов. При этом, как видно из исследования, материальный фактор не является приоритетным в структуре ценностей, но отражает базовые потребности различных групп населения. Для 28,9% это не столь важная ценность, и только для 2,7% совсем не важная. Территориальная принадлежность, пол, образование, профессиональная принадлежность не оказывают значительного влияния на выбор этой ценности информантами. По возрастным особенностям, важнее всего материальный фактор для молодежи (75,4%) и людей среднего возраста (74,9%), ценность для людей старшего возраста составляет 54,8%.

Были определены и социальные установки населения по отношению к способам достижения материального достатка, результаты представлены в диаграмме № 2.

Диаграмма 2. Социальные установки населения по отношению к способам достижения материального достатка.

Согласно данным опроса, с утверждением о том, что лучше меньше зарабатывать, но не нарушать закон согласны в целом 68,6% населения (65,3% мужчин и 70,8% женщин), не согласны – 18,9% (21,5% мужчин и 17,1% женщин). А с возможностью безнаказанно получать деньги, нарушая закон, соглашается 18,3% населения (23,9% мужчин и 14,2% женщин), не согласны – 68,15% населения (63,3% мужчин и 72,3% женщин), были и те, кто затруднился с ответом на данный вопрос. В новых социально-политических условиях повышается общий уровень гражданской и правовой культуры, гендерный признак оказывает влияние на выбор в получении быстрой материальной выгоды или соблюдения законности.

При исследовании формирования ценностной структуры населения России, необходимо выделить ценность патриотизма как связанную с

общественными идеалами и конкретными практическими действиями. Важным в приоритетах для 66,9% респондентов является «защита Родины от тех, кто ее разрушает», для 64,6% - это «любовь и укрепление Родины», для 62,3% - это ее «защита от внешних врагов». По мнению Г.И. Козырева образ врага, особенно внешнего и исходящей от него угрозы способствует отвлечению от сложной социально-экономической ситуации ради укрепления безопасности страны в современном мире [5].

При этом, мы получили следующее результаты, представленные в таблице №1 на основе ответов на проективный вопрос о том, какие действия соотносятся с позицией опрашиваемых, если их страна реально подвергается различным внешним угрозам.

Таблица 1. Отношения населения России к внешним угрозам

	Вполне согласен	Скорее согласен, чем нет	Скорее не согласен	Совсем не согласен	Затрудняюсь ответить
Если на Россию будет совершено нападение, я готов защищать её с оружием в руках	28,8	23,7	14,4	12,4	20,7
Если на Россию совершат нападение, лучше из нее уехать	6,9	14,4	25,1	36,2	17,4

Я готов покинуть Россию и жить в любой стране, лишь бы я имел там достойный заработок и высокий уровень жизни	15,0	20,7	22,6	28,5	13,3
Я не покину Россию и мы должны добиться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни	33,5	31,6	12,0	7,3	15,6
Как бы мне не жилось в России, я никогда её не покину	28,5	23,0	16,6	11,1	20,9

Установка на готовность защиты страны есть у 28,8% населения, не согласны с этим 12,4% населения. Среди жителей центральных городов с утверждением, что они готовы защищать свою Родину – это 24,5%, районных городов – 33,7%, села – 30,3%. По гендеру, это 41,7% мужчин и 28,1% женщин, 8% людей со средним образованием, 5,7% со средним специальным и 7,2% с высшим. По возрасту – 22,4% молодежи, 65,7% среднего возраста, 31,2% старшего. Уезжать из страны при любых условиях не станет 28,5% населения. По территориальному признаку это жители центральных городов – 20,9%, районных городов – 27,6%, сельской местности – 38,2%, по гендеру 28,9% мужчин и 28,1% женщин, 35,8% людей со средним образованием, 33,1% со средним специальным образованием и 23,7% с высшим, 19,2% молодежи, 75,6% среднего возраста и от 61 и выше – 59,6%.

Строить карьеру, достойно жить в своей стране будет стремиться 61,5% россиян, но при этом, ради лучшей жизни готовы покинуть страну 35,7% россиян.

Прагматизм и преобладание индивидуалистических интересов в большей степени соотносится с возрастом от 18 до 30 лет. Актуализируется и такая гедонистическая ценность как «комфортно жить, ни в чем себе не отказывая». Она важна по значимости для 63,4% населения, для 37% – это не столь важно, а для 10% – совсем не важно. Территориальная принадлежность, пол, образование не оказывают влияние на ответы респондентов, разница наблюдается в возрасте, так для молодежи (75%) и людей среднего возраста (67%), это наиболее значимая ценность, соотносящаяся с философией современного общества потребления.

На последнем месте в выборе мировоззренческой позиции, соответствующая принцип: «брать от жизни все, получать как можно больше удовольствия». Важнее всего это для мужчин (47,8%), чем женщин (40,9%), проживающих в центральных и районных городах (46,6%, 44,8%),

чем в сельской местности (39,5%), молодежи и среднему возрасту (59%, 42,7%), чем старшему поколению (28,4%), людям со средним образованием (53%), чем высшим (43%).

Оказались не столь важными для населения ценности, связанные с самореализацией и самообразованием. Так возможность реализации своих творческих способностей важна для 52,6%, не столь важна для 37% населения, совсем не важна для 10,4%. При этом, это важнее для молодежи (61,6%), людей с высшим образованием (58,8%), женщинам (54,9%) и проживающим в центральных городах (58,2%).

Постигать духовное наследие предшествующих поколений важнее всего для 49,7% респондентов. Среди них, люди с высшим образованием (58,8%), проживающие в центральных городах (58,2%), женщины (54,9%), средняя и старшая возрастные группы (56,6%, 57,8%). Профессиональная принадлежность так же оказывает влияние на формирование мировоззрения личности и расстановку жизненных приоритетов, как и фактор неравенства возможностей центра и периферии в доступе к культурным благам, особенности разных поколений, деятельность основных образовательных институтов и агентов социализации.

Таким образом, в системе ценностей современного населения России присутствуют как традиционные, связанные с семьей, здоровьем, материальным достатком, так и инновационные, отражающие как личные, так и социально-экономические изменения.

Выводы

Результаты социологического исследования позволили определить иерархию ценностей разных групп населения России.

Социологический анализ ценностных ориентаций является особенно важным в условиях нестабильности и социально-экономических изменений российского общества. Практика структурных преобразований ставит вопрос о ценностном наполнении перехода социетальной системы

к новому качеству. С одной стороны, в массовом сознании россиян сохраняются традиционные ценности, а с другой – моделируется новая структура ценностного сознания потребительского общества. Молодежь выступает той социально-демографической группой, которая больше всего подвержена данным изменениям. Но, как видно, по результатам исследования, у молодежи сохраняется еще традиционная базовая система ценностей.

Важнее всего для жизни россиян ценность безопасности, семьи, патриотизма, здоровья и материального достатка. Высокий уровень ценности патриотизма связан с тем международным фоном, который определяет необходимость консолидации общества и усиливает потребность в безопасности. Ценность любви к Родине понимается с точки зрения идеала и реальной практике, здесь имеются значительные расхождения. В ситуации прямой угрозы не все группы населения готовы защищать свою страну. Выделяется та часть молодежи и людей среднего возраста, для которых преобладающими выступают потребности в лучших условиях жизни, что не связывается с конкретной страной проживания. Индивидуалистическая направленность преобладает над общественными интересами.

Наименьшую ценность для населения представляет познание и творчество. Это связано с общим социокультурным фоном и пропагандой ценностей, соотносящихся с культурой потребления. Фактор материального достатка не оказывает значительного влияния на мнения респондентов, отмечается зависимость от пола, женщины чаще, чем мужчины отмечали в приоритете данные ценности, территории проживания, так возможностей в центральных городах для самореализации больше, особенно для молодежи, поэтому выбор тех, кто здесь проживает был чаще, а также фактор возраста, наибольшая ценность отмечали люди среднего возраста, что связано с потребностью в самоактуализации и развитии.

Можно выделить ценность безопасности и стремление к стабильности как те ценности, которые выделяются разными группами населения, в том числе молодежью на протяжении уже длительного периода общественных преобразований в стране. А инновационная ценность свободы отмечается по возрасту чаще молодежью и людьми, проживающими в районных и центральных городах, работающих, материально обеспеченных, значительных различий по фактору пола не выявляется.

В общей структуре ценностей, материальные преобладают над духовными. Гедонизм, стремление к комфорту присуще части молодежи и людям среднего возраста. Но это не является массовой тенденцией, а материальный достаток

не входит в самую отмечаемую по приоритетам категорию для всего населения.

Ценности как характеристика сознания отражают основные общественные характеристики, связанные с происходящими и будущими изменениями. Так, согласно теории модернизации, в целом структура ценностей является «материалистической», но выявляется переход к «пост-материалистическим» ценностям, обусловленный произошедшими социально-экономическими и политическими трансформациями.

Изменения в структуре ценностей российских граждан требуют социологического осмысления и разработки новой ценностной матрицы, соответствующей современным условиям функционирования общества.

Список литературы:

- [1] Агаджанова Э.Р., Ефимова О.И. К вопросу о семейных ценностях: от античности к современности // Симбирский научный вестник. 2015. № 2 (20). С. 134-139.
- [2] Бояк Т.Н. Здоровье как ценность. // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 9. С. 142-145.
- [3] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено; коммент. А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1990.
- [4] Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения. Пер. с фр. А. Б. Гофмана. // Социологические исследования. 1991. № 2. С.106–114.
- [5] Козырев Г.И. Социология общественного мнения: образ врага в истории, теории и общественном сознании. — М.: ИНФРА-М, 2017. — С. 80.
- [6] Лапин Н.И. Базовые ценности россиян. Социальные установки, жизненные стратегии. Символы. Мифы. — М., 2003.
- [7] Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.follow.ru/article/344> (дата обращения 15.07.2019 г.).
- [8] Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. Ядова В.А. — Л., 1979.
- [9] Giddens A. Constitution of society. Cambridge, 1984.
- [10] Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton Univ. Press. 1997.
- [11] Parsons T. The Social System. — Glencoe: Free Press, 1951. — С. 12.
- [12] Rokeach V. The Nature of Human Values. The Free Press. N.Y., L., 1973. С. 3.
- [13] Schwartz S.H. Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses // Documentation for ESS-1. 2003.

ПЛИЕВ Сослан Муратович,
кандидат политических наук,
директор центра социально-политических исследований
Юго-Осетинского государственного университета
им. А.А. Тибилова
e-mail: pliev_sm@mail.ru

ПЛИЕВА Аза Муратовна,
начальник отдела науки и профессионального образования
Министерства образования и науки
Республики Южная Осетия
e-mail: pliev_am@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НОВООБРАЗОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Целью статьи является анализ экспертных определений термина «государственная состоятельность», для применения этого термина к новообразованным государствам. В статье рассматриваются различные подходы к определению основных признаков термина «государственная состоятельность», а также обозначены основные трудности определения признаков данного термина. На основе анализа различных подходов делается заключение о необходимости четкого определения термина состоятельности. Основной акцент сделан на группе подходов, дающих понимание состоятельности или несостоятельности государства. Определение данного терминологического аппарата очень важно для признания или непризнания молодых государств, вставших на путь самоопределения.

Ключевые слова: государство, признаки государства, государственная состоятельность, дееспособность, институциональные возможности, несостоятельность, признаки.

PLIEV Soslan Muratovich,
Candidate of Political Sciences,
Director of the Center for Social and Political Studies of
South Ossetian State University named after A.A. Tibilov

PLIEVA Aza Muratovna,
Head of the Department of Science and Professional Education
Ministry of Education and Science of the
Republic of South Ossetia

STATE STABILITY IN THE CONTEXT OF STABILITY OF THE NEWLY FORMED STATES OF THE POST-SOVIET SPACE

Annotation. The purpose of the article is to analyze expert definitions of the term "state solvency", for the application of this term to newly formed states. This article discusses various approaches to determining the main features of the term "state solvency", and also identifies the main difficulties in determining the features of this term. Based on the analysis of various approaches, a conclusion is drawn on the need for a clear definition of the term viability. The main emphasis is on a group of approaches that give an understanding of the viability or insolvency of the state. The definition of this terminological apparatus is very important for the recognition or non-recognition of young states that have embarked on the path of self-determination.

Key words: state, signs of the state, state solvency, legal capacity, institutional capacity, insolvency, signs.

Н е смотря на то что государства существуют много лет, термин «государственная состоятельность» сравнительно недавно появился в политологический дискурс и пока еще не нашел своего более или менее четкого определения в политической теории. Основной причиной этого является сложность и многогранность такой базовой категории как «государство», с которой «состоятельность» связана напрямую. По мнению, Т. Pfister «От состояния к состоятельности» утверждает, что универсальной формулировки для состоятельности быть не может, поскольку понятие «государство» трудно «загнуть» в терминологические рамки. По его мнению, государство не является инвариантом, а представляет собой совокупность систем и «практик правления». Говоря проще, основные качества, которые делают государство государством, сильно варьируются [1]. По мнению Mette, государство – многогранный термин, поскольку имеет несколько уровней анализа и может быть определено разными способами. Оно, как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения, – крайне многоаспектный феномен. Государство можно рассматривать как структуру, как набор правил, организаций, представителей власти [2]. Но, не смотря на все сложности, хотелось бы разобраться в коллизиях данного термина.

Попробуем выделить несколько определенных состоятельности. В рамках этих определений состоятельность определяется, как способность государства выполнять свои функции в обществе. Jackson писал, государство, которое не справляется со своими основными функциями, считается «несостоявшимся государством» (failed state) [3]. Самые большие расхождения в рамках этих определений заключаются в том, какие функции считать основными и каким образом оценивать дееспособность государства. Для Nettl, состоятельное государство – это государство, которое способно эффективно выполнять властные функции. В основе состоятельности – институциональная централизация основных функций государства [4]. Следовательно, если что-то мешает институциональной централизации и консолидации в государстве, то это мешает его состоятельности. Согласно исследователям Mette и Ole Hersted, в основе вышеизложенного подхода лежит противопоставление государства и гражданского общества, т.е. состоятельным государством является то государство, в котором институты власти концентрируют основные ресурсы для принятия решений, в то время как гражданские институты слабы. Противоположностью состоятельности являются институты гражданского общества или «системы гражданской власти» [5]. Данному подходу противостоит другой подход. Mette и Hersted

выступают с позицией, что аппарат государственной власти не должен быть изолированным от общества. Состоятельность – это продукт взаимодействия между гражданами и представителями власти, а также между суверенными государствами [6]. Evans также поддерживает данную позицию, он выдвигает гипотезу, что государству для развития требуется умение сочетать автономию с взаимодействием с определенной частью общества. В идеале такая связь обеспечивает государство постоянной информацией о проблемах развития, а также о том, как адаптировать политический курс для решения данных проблем, в то же время автономия бюрократических структур от политиков и общественных групп улучшает взаимодействие и эффективность внедрения политического курса [7]. Evans делает акцент на синергии общества и государства. Katzenstein доказывал, что успех государств в выстраивании роли монополиста может подорвать способность к автономии и эффективное вмешательство может сделать из государства арену для социального конфликта, поэтому взаимодействие общества и государства при определении стратегии только мешает [8]. Рассматривая издержки данной модели, Evans предполагает, что государству, которое является только автономным от общественных лидеров при принятии решений, будет не хватать источников для сбора информации и реальному пониманию вещей происходящих в государстве. Государство будет неспособно разрешить проблемы, которые требуют «коллективного участия» [9]. L. Evans вводит в оборот такой показатель как «зависимость власти». Государственные управленцы разрабатывают инструкции, административные и технические институты для обеспечения информацией и советами в обмен на отдачу со стороны бизнеса в разделении ответственности для реализации целей. По мнению Evans и Weiss, в истории полно случаев, когда автономные государства не были состоятельными [10]. Зачастую государства с высоким уровнем автономии неспособны достигать свои намеченные цели [11]. R. Putnam полагал, что в основе демократии лежит принцип Взаимодействие между государством и гражданским обществом ускоряет разрешение коллективных проблем. Putnam выступает против противопоставления «сильного общества и слабого государства» [12], он полагал, что дееспособное государство – это то государство, в котором удалось найти общий язык во взаимодействии гражданского общества и государственных институтов. E. Ostrom в свою очередь анализировала различные стратегии взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом при решении проблем городской инфраструктуры на примере

Нигерии и Бразилии. Если в Бразилии государственные чиновники ориентировались на кооперацию с общественностью в разработке и реализации стратегии, то в случае с Нигерией процесс внедрения был исключено обязанностью бюрократии [13].

В свою очередь Evans, использует такой термин как «безгосударственное общество» (stateless society), предполагает, что, состоятельность государства проявляется не в консолидации политики, а, наоборот, в ее отсутствии: т.е. способность государства к децентрализации собственных функций и их ограничение [14]. Ученные разделяющий данный подход выступают с позицией, что «безгосударственные общества» представляют собой новый тип состоятельности, который в первую очередь бывает у наиболее развитых стран, в которых функции институтов государства существенно сократились, но они стали более эффективными. В этих политиях институты гражданского общества берут часть государственных функций на себя. И так, государство считается состоятельным, если его институты эффективно выполняют «оставшийся» набор функций.

F. Fukuyama в качестве примера «безгосударственного общества» приводит Америку, в которой сложилась антиэтатистская политическая культура [15]. Данный вид культуры проявляется в федеративной системе отношений, в разделении властей, в системе сдержек и противовесов. По мнению Fukuyama, именно в Америке удалось решить проблему чрезмерной концентрации функций у государственных институтов. Тем не менее, даже в США не всегда удается найти баланс. В статье «Состоятельность в первую очередь» Fukuyama делает акцент на транзитологическом аспекте состоятельности. По его мнению, переход к демократическому режиму возможен только при условии построения сильных государственных институтов. Другими словами, государству в условиях перехода необходимо в первую очередь стать состоятельным [16]. По его мнению, неудачный опыт демократического транзита и «экспорта» демократии в ряде стран обусловлен тем, что состоятельность, приносимая извне, подрывает возможность создания собственных институтов для внутренних акторов [17]. Это приводит к сильной зависимости транзитного государства от внешних конструкторов, что, в конце концов, может привести к потере легитимности данных институтов в глазах граждан. Таким образом, потеря легитимности институтов в глазах даже части граждан может стать угрозой для состоятельности. Fukuyama делает основной акцент на анализе институциональных способностях государства (institutional capacities). Наиболее состоятельные государства, по мнению

Fukuyama, – это те, государства, у которых «институциональные способности» на высоком уровне.

Другим значимым вопросом к состоятельности стал вопрос о том, какие государственные функции считать наиболее значимыми. Jackson при выделении ключевых функции государства исходит из тех базовых социальных ценностей, которые государству следует поддерживать: безопасность, свобода, порядок, справедливость и социальное обеспечение [18]. Данные ценности требуют от государства выполнения его основной функции - функции социального арбитража.

Ильина же считает, что, ключевыми параметрами при концептуализации состоятельности должны служить институциональная эффективность и консолидированность политики [19]. При этом ученый акцентирует внимание на отличии состоятельности (stateness) от синонимичных слов, таких как статусность (statehood). Если статусность позволяет государству претендовать на свое место в «координатной сети», то состоятельность описывает внутренние и внешние возможности государства для реализации своего потенциала. Другими словами, если полития эффективно реализует свой потенциал, то она является состоятельной, т.е. у нее появляется возможность занимать «особое» место в «координатной сети». Таким образом, по мнению Ильина, основной функцией государства, определяющей ее состоятельность, является способность государства к реализации своего потенциала. В соответствии с тем, насколько государство эффективно справляется с данной функцией, можно де факто определить место государства в координатной сетке и ее возможности.

Pfister, напротив, уделяет больше внимания динамической и процессуальной характеристикам состоятельности, по роли государства в текущих социальных трансформациях можно судить о наличии или отсутствии состоятельности [20], основными же функциями государства являются поддержка единства и связи «государственного аппарата» и поддержка социальной связи в целом [21]. Государственный аппарат состоит из институтов, содержание и внутренняя структура которых постоянно должны изменяться в соответствии с социальными ожиданиями. Pfister доказывает, что государство уже не может полагаться только на монополию на «легитимное насилие» как основу для репродукции власти, на данный момент государство вынуждено рассматривать легитимность каждого своего действия [22]. Более высокий уровень состоятельности подразумевает способность системы к гибкому реагированию на вызовы и к выстраиванию внутренней конкурентной среды вокруг и внутри институтов. Государство не должно рассматриваться как единый

субъект, а скорее как результат соревнования государственных образований внутри политики [23].

Bartolini считает, состоятельность следует описывать как аккумуляцию ресурсов, регулирующий, репрессивный потенциал государства во взаимодействии с обществом. S. Bartolini предложил широкий спектр ключевых параметров при определении уровня государственной состоятельности. Он считал, что, при определении данного термина необходимо брать в расчет следующие аспекты: 1. Наличие организационного потенциала для мобилизации ресурсов (бюрократия и система налогообложения); 2. Внешняя консолидация территории (армия); 3. Поддержка внутреннего порядка (полиция и судебная система); 4. Регулирующая активность государства в экономической и социальной сферах [24].

Согласно вышеупомянутому, одним из факторов, заметно влияющих на состоятельность того или иного государства, является уровень идентификации граждан с государством. Так, по мнению Z. Elkins идентификация гражданина с государством является показателем состоятельности государства. При этом важно учитывать, что существуют два основных составляющих состоятельности той или иной политики: чувство идентификации с государством (например, «я – американец») и позитивное отношение к нему («я горжусь тем, что я американец») [25]. Если при первом варианте тот или иной гражданин ощущает свою принадлежность к политике, то во втором случае говорится о его лояльности к ней. Хотя лояльность к той или иной политике усиливает чувство идентификации с ней, что в свою очередь влияет на государственную состоятельность, оба варианта по своей внутренней природе являются самодостаточными: как идентификация возможна без лояльности, так и лояльность возможна без идентификации. Так, например, США благодаря своей «мягкой силе» (soft power) [26] способны заполучить лояльность граждан других государств, продуцируя на них свои ценности и нормы. Также высокий уровень идентификации с государством у определенной группы граждан не означает отсутствия других идентичностей, которые для тех же граждан окажутся важнее государства. Например, гражданин может идентифицировать себя больше с регионом, с этнической группой или с религиозной общиной [27]. Восприятие себя в рамках государства у этнического большинства и меньшинств различается, чем больше разница в восприятии, тем больше рисков для состоятельности. Проблема состоятельности в работах J. Linz и A. Stepan тесно связана с вопросами консолидации демократических режимов. По их мнению, наиболее консолидированными демократи-

ческими режимами являются те из них, которым удалось усилить свою состоятельность. Усилить состоятельность, а как следствие - осуществить консолидацию, особенно сложно в мультиэтнических обществах, поэтому в данных сообществах требуется пристальное внимание государства к национальным меньшинствам. Шансы на консолидацию демократии и усиление состоятельности в мультиэтническом государстве возрастают, если оно предоставляет единое гражданство и эффективно защищает индивидуальные права [28]. Stepan утверждает, что отсутствие единого гражданства и, как следствие, ущемление прав определенной категории граждан создает риски для государственной состоятельности, поскольку «отчужденные граждане» не идентифицируют себя с государством. Daskalovski, развивая гипотезу Stepan, доказывает, что основными проблемами государственной состоятельности, мешающими консолидации, являются проблемы государственных границ и гражданства. Одним из условий решения проблем, связанных с состоятельностью и консолидацией, является необходимость конгруэнтности в отношениях между демосом и политией [29]. Именно от сбалансированности и гармоничности этих отношений зависит наличие или отсутствие государственной состоятельности.

Migdal считает, состоятельность заключается в возможности государства реагировать на предпочтения общества и влиять на социально-экономическое развитие в соответствии с ними. Таким образом, институциональные способности формируют обратную связь между государством и обществом. Важным аспектом также является наличие ресурсов у государственных акторов, если у них немного ресурсов для управления, то они, либо пассивно реагируют на запросы общества, либо они неспособны воплотить политические курсы, нацеленные на экономическое и социальное развитие [30].

Подводя итог вышесказанного, можно отметить тот факт, что точки зрения исследователей разобщены в понимании и определении состоятельности государства. И это не странно так как нет классического определения термину «государство», которое бы не подвергалось критике хотя бы одной из политологических школ мира. Поэтому необходимо отметить, что для малых новообразованных государств не так важно с точки зрения политической жизни терминологическое определение их государственной состоятельности. Ведь с терминологией ученые могут определяться годами, а процесс политической жизни новообразованных государств динамично развивается. Нельзя забывать, что формально-юридически в основе образования любого

государства лежит исключительно воля народа; государство порождается суверенитетом этого народа [31, с. 65]. И при наличии такого рода волеизъявления, со стороны своего населения, любое государство вправе выстраивать национальную стратегию внешней и внутренней политики.

Необходимо объединять научные сообщества новообразованных государств, в части вырабатывая терминологического аппарата для продвижения своих политико-правовых идей.

Список литературы:

- [1] Pfister T. From State to Stateness, Queen's University, Belfast School of Politics and International Studies, 2004.
- [2] Mette K. and Ole Hersted H., Demstar, Democracy, the State, and Administrative Reforms, Conceptualizing State Capacity, Research Report No. 6, University of Aarhus, 2002.
- [3] Jackson R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. New York: Cambridge University Press, 1990.
- [4]. Nettl J. P. The State as a conceptual variable// World politics. – Princeton, 1968, Vol. 20, N 4. - P. 559-592.
- [5] Evans P. Embedded Autonomy. States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- [6] Mette K. and Ole Hersted H., Demstar, Democracy, the State, and Administrative Reforms, Conceptualizing State Capacity, Research Report No. 6, University of Aarhus, 2002.
- [7] See Evans, 1995.
- [8] Katzenstein P. J. Small States in World Markets. Ithaca NY: Cornell University Press, 1985.
- [9] See Evans, 1995. - P. 12
- [10] Weiss L. The Myth of the Powerless State. Governing the Economy in a Global Era. Polity Press, 1998.
- [11] Mette K. and Ole Hersted H., Demstar, Democracy, the State, and Administrative Reforms, Conceptualizing State Capacity, Research Report No. 6, University of Aarhus, 2002.
- [12] Putnam R. D. Making Democracy Work; Civic Traditions in Modern Italy, Princeton: Princeton University Press, 1994.
- [13] Ostrom E. Crossing the Great divide: Coproduction, Synergy and Development, World Development, 1996, Vol. 24, No. 6. – P. 1073-1087.
- [14] Evans P. Embedded Autonomy. States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- [15] Fukuyama F. The Missing Dimension of Stateness, Johns Hopkins University, 2006, Mode of access: pdf (дата посещения: 26.06.2019).
- [16] Fukuyama F. Building Democracy After Conflict, "Stateness" first, Journal of Democracy Volume 16, 2005.
- [17] See Fukuyama, 2005. - P. 85.
- [18] Jackson R. and Sorensen G. Introduction to International Relations, 2010.
- [19] Ильин М.В. В поисках систематической классификации политий, Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Ред. кол.: Ю.С. Пивоваров, гл. ред., и др. – М., 2008.
- [20] Pfister T. From State to Stateness, Queen's University, Belfast School of Politics and International Studies, 2004.
- [21] See Pfister, 2004. - P. 8.
- [22] See Pfister, 2004. - P. 23.
- [23] Jessop, B. State Theory. Putting the Capitalist State in its Place. Cambridge: Polity Press, 1990.
- [24] Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – P. 69–71, 90–95.
- [25] Elkins Z. and Sides J. Seeking Stateness, 2008.
- [26] See Nye, 2004; Organski, Kugler, 1980.
- [27] See Elkins, 2008. – P. 2.
- [28] Linz J. and Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation, Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1996.
- [29] Daskalovski Z. Democratic Consolidation and the 'Stateness' Problem: The Case of Macedonia, University of Oxford, The Global Review of Ethnopolitics, Vol. 3, no. 2, January 2004. – P. 52-66.
- [30] Migdal J. S. Strong Societies and Weak States. State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.
- [31] Шинкарецькая Г.Г., Рыжов В.Б. Взаимное признание союзных республик в качестве независимых государств: историко-правовые аспекты // Образование и право. 2016. № 4. - С. 64-68.

Г.Д. УРАЗОВ

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация
e-mail: mail@law-books.ru

КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ФОРМЫ

Аннотация: в статье представлена современная система представительных органов власти в РФ и выявлены их основные признаки. На основе анализа различных точек зрения относительно понятия «контроль представительного органа власти» были выделены характерные особенности данного понятия (содержание, объект, цель) и сформулировано авторское определение. Кроме того, в статье был сделан акцент на обособлении видов и форм контроля в системе представительных органов власти в РФ, приводится систематизация видов контроля, а также сопоставление законодательно закрепленных форм контроля в соответствии с его видами.

Ключевые слова: представительный орган власти, контроль представительного органа власти, виды контроля, формы контроля.

G.D. URAZOV,

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

CONTROL IN THE SYSTEM OF REPRESENTATIVE AGENCIES OF STATE POWER IN RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, TYPES AND FORMS

Annotation: the article considers modern system of representative authorities in the Russian Federation and their main features are identified. Based on the analysis of various points of view regarding the concept of “control of a representative authority”, the characteristic features of this concept (content, object, purpose) were identified and the author’s definition was formulated. In addition, the article emphasized the separation of types and forms of control in the system of representative authorities in the Russian Federation, provides a systematization of types of control, as well as a comparison of legislatively established forms of control in accordance with its types.

Key words: representative agencies of State power, control of the representative authority, types of control, forms of control.

Система представительных органов власти является неотъемлемой частью демократического общества, основанного на принципе разделения властей. В

РФ на современном этапе развития государства структура представительных органов власти включает в себя несколько уровней (см. рисунок 1).

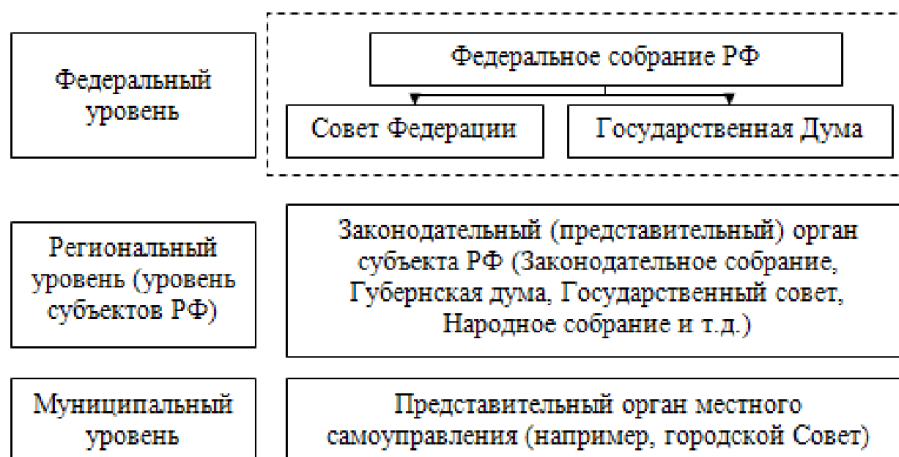

Рисунок 1 – Структура представительных органов власти в современной России

Кроме того, некоторые исследователи, например Е.С. Лапатухина включает в структуру представительных органов власти, наряду с перечисленными выше, выборных должностных лиц различных уровней, объясняя свою позицию тем, что «выборные должностные лица наряду с представительными органами выражают волю своих избирателей»[5]. Однако, нельзя в полной мере согласиться с данным утверждением, ввиду того, что основным принципом функционирования любых органов власти в демократическом обществе, как представительных так и исполнительных, является выражение воли населения государства и следование общественным интересам. При этом, как отмечает Н.В. Петухова, представительный орган власти может называться таковым только при соответствии следующим основным признакам[6]:

Во-первых, особый порядок формирования на основе выборов с учетом представления интересов различных групп и слоев населения государства.

Во-вторых, принятие решений на принципах коллегиальности.

В-третьих, принимаемые органом нормативно-правовые акты имеют высшую юридическую силу.

Среди основных полномочий (или функций) представительного органа власти выделяют законодательную инициативу, разработку бюджетов и контроль.

В рамках настоящей статьи остановимся на контрольных полномочиях представительных органов власти.

Необходимо отметить, что контрольные полномочия являются одной из основных функций представительных органов власти в развитых демократических государствах в не зависимости от сложившейся формы правления, несмотря на значительное ее влияние на параметры и возможности практической реализации контрольных функций.

Что касается российского правового регулирования, то до настоящего времени ни один из нормативно-правовых актов не содержит трактовки термина «контроль представительного органа власти». Так, принятый в 2013 году Федеральный закон «О парламентском контроле» не содержит трактовки данного понятия, выделяя только предмет контроля, его цели, принципы и формы осуществления.

Современные отечественные исследователи, как правило, не выделяют контрольные полномочия как отдельную функцию представительного органа власти. Так, например, Н.А. Богданова определяет контроль как «часть законодательной функции представительного органа в противовес исполнительным органам власти»[1]. В.И. Фадеев говорит о «взаимообусловленности законодательной и контрольной функции»[7], указывая на природу представительного органа власти как инструмента представления интересов народа.

Можно согласиться с данными утверждениями, ввиду того, что разработке и принятию нормативно-правовых актов должен сопутствовать контроль, основанный на опыте принятых и реализуемых законов для исключения утверждения неэффективных норм. Однако, немаловаж-

ную роль играет контроль бюджетного процесса представительного органа власти, направленный на утверждение сбалансированного бюджета, а также эффективное его исполнение.

К настоящему времени в отечественных исследованиях конституционного права не сложилось единой трактовки понятия «контроль представительных органов власти» (далее контроль ПОВ). Так, например, Г.Е. Зенин определяет «контроль ПОВ», как «совокупность мер по непрерывной проверке и наблюдению за деятельностью системы государственной власти с целью предупреждения несоответствий и устранению нарушений»[4].

П.А. Бышков трактует «контроль ПОВ», как «законную деятельность представительного органа власти, представляющую собой наблюдение и основанное на нем выявление и предотвращение несоответствий, нарушений и злоупотреблений при исполнении нормативных предписаний со стороны органов государственной власти и должностных лиц»[2].

А.Р. Гиздатов и А.Т.Карасев рассматривают «контроль ПОВ» как «систему проверки и мониторинга законности функционирования органов исполнительной власти, осуществления полномочий должностными лицами данных органов с целью оценки их действий и реагирования на возможные нарушения»[3].

Исходя из вышеуказанных трактовок понятия «контроль ПОВ» можно выделить его характерные особенности:

1. Содержание – совокупность мер по наблюдению, проверке, мониторингу.
2. Объект – деятельность органов исполнительной власти и должностных лиц.
3. Цель – выявление и предотвращения ошибок и нарушений, связанных с исполнением правовых актов.

По нашему мнению, перечень объектов контроля со стороны представительных органов вла-

сти необходимо расширить, включив в него иные органы, участвующие в государственном управлении, например ЦБ РФ, государственные внебюджетные фонды, ЦИК РФ. Кроме того, цель контроля не должна ограничиваться выявление нарушений, связанных с исполнением правовых актов различных уровней, но и быть направлена на соблюдение интересов и прав граждан государства.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем следующее определение: «контроль ПОВ» представляет собой совокупность мер по наблюдению, проверке, мониторингу за деятельностью органов исполнительной власти и других органов, участвующих в государственном управлении, а также их должностных лиц, с целью выявления и предотвращения ошибок, нарушений и злоупотреблений, связанных с исполнением правовых актов различных уровней, а также направленных на соблюдение интересов и прав граждан государства.

Актуальность и необходимость исполнения контрольной функции представительного органа власти выражается в значительном количестве различных форм контроля. Форма контроля ПОВ представляет собой комплекс мер по осуществлению контрольных функций, находится в прямой зависимости от цели контроля и имеет определенный механизм реализации. При этом формы контроля необходимо отличать от видов контроля. Вид контроля формируется на основании различных критериев и может быть выражен в различных формах контроля.

В трудах отечественных исследователей рассматриваются различные классификационные признаки видов контроля ПОВ. При этом, наиболее полная систематизация видов контроля представительных органов власти, базирующаяся на исследовании зарубежного и отечественного опыта, предложена в работе Н.В. Петуховой (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Систематизация видов контроля представительных органов власти, предложенная Н.В. Петуховой[6].

Критерий	Форма
уровень власти	федеральный, региональный, муниципальный
субъект	представительный орган, должностное лицо
время осуществления	предварительный, текущий, последующий
сфера (содержание)	соблюдение прав человека, финансовый контроль, в сфере обороны, в сфере информационной безопасности и т.п.
задачи	информативный, санкционирующий, решающий
коллегиальность	большинство, меньшинство
полнота охвата	общий (комплексный), специальный
процедура	гласный, негласный
основания	юридический, политический
повод контрольных действий	конкретный, абстрактный
обязательность проведения	обязательный, факультативный
объект воздействия	внешний, внутренний

Необходимо отметить, что наибольшими контрольными полномочиями наделены федеральные представительные органы власти, а именно Государственная Дума и Совет Федерации. Формы контроля, осуществляемые данными органами зафиксированы на законодательном уровне в ФЗ «О парламентском контроле»¹. Проведем сопоставление форм и видов контроля представительных органов власти в соответствии с указанным Законом на федеральном уровне.

Относительно субъектов контроля, на законодательном уровне закреплены следующие формы (см. таблицу 2).

Несмотря на то, что деление контроля по времени его проведения (предварительный, текущий, последующий) на законодательном уровне применимо только к бюджетной сфере, по нашему мнению такую систематизацию можно отнести и к

другим сферам контрольных полномочий (например, при разработке и принятии нормативно-правовых актов, а также при их исполнении). Данный контроль может быть осуществлен в форме парламентских слушаний:

- обсуждение деталей и норм закона перед его принятием (предварительный контроль),
- анализ практики реализации и применения норм закона (текущий),
- определение причин несоблюдения или нарушения норм закона (последующий).

Относительно задач осуществления контрольных полномочий представительных органов власти на федеральном уровне выделяют информативный и санкционирующий контроль. Необходимо отметить, что в большей части форм контроля представительных органов власти являются информативными (или безсанкционными).

¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (с изменениями и дополнениями на 3 августа 2018 года).

Таблица 2 – Формы контроля представительных органов власти федерального уровня¹

Субъект	Форма контроля
Государственная Дума	Рассмотрение вопроса о доверии Правительству РФ
	заслушивание отчетов о результатах деятельности Правительства РФ
	рассмотрение годовых отчетов ЦБ РФ и заслушивание докладов главы ЦБ РФ
Совет Федерации	заслушивание ежегодных докладов Генерального прокурора РФ о состоянии правопорядка и соблюдения законности в стране
Государственная Дума и/или Совет Федерации	парламентские запросы
	заслушивание ответов руководителей и должностных лиц органов исполнительной власти и иных федеральных органов на вопросы членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы
	заслушивание в целях получения информации по вопросам, носящим чрезвычайный характер
	парламентские слушания
	контроль при издании нормативно-правовых актов
	контроль в сфере бюджетных правоотношений
	осуществление взаимодействия со Счетной палатой РФ
	осуществление взаимодействия с Уполномоченным по правам человека в РФ
Совместно (Государственная Дума и Совет Федерации)	парламентские расследования
Депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации	депутатские запросы

Среди информативных форм выделяют заслушивание отчетов, заслушивание докладов, заслушивание ответов на вопросы и т.д. Несмотря на информативную природу указанных форм контроля, они позволяют в полной мере проводить оценку информации о соблюдении прав и свобод граждан государства, соблюдения законности, выявлять нарушения и несоответствующие действия как подконтрольного органа в целом, так и его должностных лиц, что дает возможность в дальнейшем привлекать их к ответственности на соответствующем уровне. К санкционирующим видам контроля можно отнести рассмотрение вопроса о доверии Правительству РФ.

По обязательности проведения контроля со стороны представительных органов власти выделяют обязательные и необязательные (факультативные) формы. Обязательные формы прописаны на законодательном уровне и не могут быть проигнорированы. К таким формам можно отнести: заслушивание ежегодных докладов, отчетов, рассмотрение вопроса о доверии Правительству РФ и т.д. Среди необязательных (факультативных) форм контроля представительных органов власти относят: парламентские запросы, депутатские запросы, парламентские слушания, парламентские расследования и другие. По полноте охвата, выделяют общий (комплексный) контроль, кото-

¹ Составлено автором статьи на основании: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (с изменениями и дополнениями на 3 августа 2018 года).

рый относится к подконтрольному органу в целом без выделения конкретных сфер контроля (например, ежегодное заслушивание отчетов Председателя Правительства РФ). Специальный контроль представительного органа власти относится к определенной сфере, и, как правило, осуществляется в форме «парламентского часа», на котором заслушивается информация о конкретных сферах деятельности подконтрольного органа.

Несмотря на то, что представленная систематизация видов и форм контроля представительных органов власти закреплена на законодательном уровне только по отношению к федеральным органам власти, она является актуальной для российской практики государственного управления и может быть применена на различных уровнях (федеральном, региональном и муниципальном).

Список литературы:

[1] Богданова Н.А. Некоторые проблемы народного представительства и их воплощение в деятельности современного парламента – М., 2016. – С. 34.

[2] Бышков П.А. Контрольные полномочия представительного органа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 24–27.

[3] Гиздатов А.Р., Карасев А.Т. Парламентский контроль в системе государственного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 36.

[4] Зенин Г.Е. Конституционно-правовые дефекты системы законодательного регулирования парламентского контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. – С. 32.

[5] Лопатухина Е.С. Контрольные функции органов представительной власти. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. – С. 27.

[6] Петухова Н.В. Парламентский контроль в системе народно представительства Российской Федерации Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2017. – С. 28.

[7] Фадеев В.И. Парламентский контроль в системе разделения властей в Российской Федерации. Конституционное развитие России и Украины. – М., 2017. – С. 109.

Spisok literatury:

[1] Bogdanova N.A. Nekotorye problemy narodnogo predstavitel'stva i ih voploshchenie v deyatel'nosti sovremennogo parlamenta – М., 2016. – С. 34.

[2] Byshkov P.A. Kontrol'nye polnomochiya predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2018. – № 9. – С. 24–27.

[3] Gizdatov A.R., Karasev A.T. Parlamentskij kontrol' v sisteme gosudarstvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 9. С. 36.

[4] Zenin G.E. Konstitucionno-pravovye defekty sistemy zakonodatel'nogo regulirovaniya parlamentskogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2018. № 9. – С. 32.

[5] Lopatuhina E.S. Kontrol'nye funkcii organov predstavitel'noj vlasti. Diss. ...kand. yurid. nauk. М., 2009. – С. 27.

[6] Petuhova N.V. Parlamentskij kontrol' v sisteme narodno predstavitel'stva Rossijskoj Federacii Diss. ...kand. yurid. nauk. М., 2017. – С. 28.

[7] Fadeev V.I. Parlamentskij kontrol' v sisteme razdeleniya vlastej v Rossijskoj Federacii. Konstitucionnoe razvitie Rossii i Ukrainy. – М., 2017. – С. 109.

СТРЕЛЬЦОВА Марина Александровна,

аспирант ФГОУ ВПО

«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

e-mail: mail@law-books.ru

ВЕРБИНА Галина Георгиевна,

кандидат психологических наук доцент ФГОУ ВПО

«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

e-mail: verbina.galia@yandex.ru

ФАСЦИНАЦИЯ КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена «Фасцинация». Рассматривается роль фасцинации в межличностном общении, ее влияние на психоэмоциональное состояние участников общения. Раскрывается важность фасцинации в преодолении коммуникативных барьеров.

Ключевые слова: фасцинация, общение, коммуникативные барьеры, харизма, аттракция.

STRELTSOVA Marina Aleksandrovna,

post-graduate student,

Ulianov Chuvash state University

VERBINA Galina Georgievna,

PhD in Psychology, associate Professor

of the Ulianov Chuvash state University

FACCINATION AS A METHOD OF OVERCOMING COMMUNICATIVE BARRIERS

Annotation. The article is devoted to the study of the «Fascination» phenomenon. The role of fascination in interpersonal communication and its impact on the mental and emotional state of the participants are dealt, with in this article. The importance of fascination in overcoming communication barriers is revealed.

Key words: fascination, communication, communicative barriers, charisma, attraction.

Согласно определению, используемому в психологическом словаре, фасцинация — специально организованное вербальное воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего возрастает возможность ее воздействия на их поведение [1, с. 426]. Однако некоторые исследователи не согласны с таким определением, считая фасцинацию более широким понятием. По мнению В. Соковина, существующее определение фасцинации открывает только один аспект — речевой, психолингвистический и не охватывает фасцинирующего действия, которое оказывают на человека визуальные образы, запахи, тактильные ощущения, вызывающие вол-

нующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас [2, с. 14 - 89]. Г.М. Андреева рассматривает фасцинацию как средство, помогающее принять информацию и ослабляющее действие фильтров, примером таких средств, служащих проводником информации, создающих дополнительный фон и помогающих в преодолении контрсуггестии, относит музыкальное сопровождение речи, визуальное ее сопровождение ярким цветовым решением [3, с. 58].

Вопросом изучения фасцинации как явления, тесно связанного с коммуникативными процессами в человеческом общении, занимались Н.Л. Мухомелешвили, Ю.А. Шрейдер, которые рассматривали роль фасцинации в процессе прямой

и не прямой коммуникации. Роль фасцинации в своей книге «Я говорю, мы говорим...» упоминал А. Войскунский. С его точки зрения, фасцинация может проявляться огромным многообразием приемов и способов. Он считает, что нет универсального фасцинирующего приема, что даже сама информация, произнесенная ко времени и к месту, может блокировать фильтры недоверия, проявляя фасцинирующие свойства [4, с. 68 - 79].

Ярким проявлением явления фасцинации может служить воздействие на сознание людей харизматичных личностей. Согласно определению Макса Вебера, «харизмой называется качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или по меньшей мере специфически особыми силами и свойствами недоступными другим людям» [5, с. 22]. Изучением феномена «харизмы» занимались еще мыслители Древней Греции (от греч. Charisma - «божественная милость»). По мнению древних мыслителей, этим даром наделены лидеры, способные оказывать влияние на окружающих людей. Ксенофонт Афинский описывал харизму «как искусство властвовать над людьми по их добровольному согласию» [6]. А это представляется возможным только в случае полного преодоления барьера недоверия.

В древнегреческой мифологии харитами называли богинь, воплощающих радостное начало жизни. Аглая - «сияющая», Ефросина - «благомыслящая», Талия - «цветущая». Так же к харитам относят богиню убеждения Пейфо (греч. «убеждение») - постоянную спутницу Афродиты, которая сыграла роковую роль, обвинив шею Пандоры золотым ожерельем [7, с. 52]. Аглая, Ефросина, Талия олицетворяют собой красоту, молодость, а ведь такие параметры, как привлекательная, красивая внешность оказывают огромное влияние на возникновение такого явления, как аттракция.

Единого определения понятия аттракции не существует и рассматривается многими исследователями как установка на партнера. Г.М. Андреева рассматривает аттракцию в контексте межличностных отношений, в которых присутствует эмоциональный компонент. Аттракция - процесс формирования привлекательности какого-то человека для воспринимающего, в результате чего рождаются особые отношения [3, с. 90]. Возникновение симпатии, дружбы, любви способствует возникновению доверительных отношений, так как вовлечение в эмоциональные отношения способствует более высокой оценке друг друга в процессе общения. Это приводит к возникновению более сплоченных, комфортных отношений внутри групп людей и формированию мощной

«Мы» идентификации с группой, что приводит к значительному ослаблению защитного фильтра контрсуггестии и усилению суггестивного влияния. Развитие аттракции способствует повышению уровня конформности. Таким образом, аттракция проявляет фасцинирующие свойства, блокируя барьеры недоверия между участниками общения [8, с. 38].

В основе механизма возникновения фасцинации, по предположению Ю.В. Кнорозова, лежит иррадиация. Этот механизм объясняет явления, происходящие в психике человека под воздействием фасцинации. Воздействие через рецептор на один участок постепенно распространяется на весь анализатор, за исключением «сторожевого поста», через который осуществляется контакт с индуктором (раппорт) [9, с. 324 - 334].

В процессе формирования фасцинативной доминанты в ее очаге накапливаются импульсы, количество которых увеличивается и подавляет активность других центров, это, в свою очередь, приводит к изменениям психического состояния в виде мгновенной концентрации внимания, захваченности, сброса критичности и сужения сознания, изменения и стирания предшествующих психических состояний. Все это позволяет держать адресата во власти коммуникатора. Этим можно объяснить эффективность фасцинации в борьбе с коммуникативными барьерами [2, с. 14 - 89].

«Для успеха акта коммуникации присутствие достаточно сильной фасцинации в сообщении является необходимым условием» [10, с. 5].

Ю.В. Кнорозов выделяет пять подразделений сигналов, в зависимости от преобладания информации или коммуникации. Если рассматривать фасцинацию как способ преодоления коммуникативных барьеров, необходимо уделить внимание третьему и четвертому подразделению. Третье подразделение представляет собой сочетание информации и фасцинации в сигнале в равных количествах. Примером может служить яркое и запоминающееся выступление докладчика на конференции, когда преподнесение новой интересной информации в равной степени дополняется эмоционально окрашенной манерой выступления. Четвертое подразделение подразумевает собой преобладание фасцинации над информацией. Яркими примером четвертого подразделения являются многократное прочтение любимой книги или прослушивание уже знакомой песни, чтение молитв верующими. Фасцинация есть тот раздражитель, который оказывает влияние на эмоциональную сферу человека [9, с. 324 - 334].

Наиболее эффективным, на наш взгляд, является использование третьего подразделения, т.е. сочетание информации и фасцинации, что позволит под воздействием последней донести

набольшее количество информации, пробудит к ней интерес, что, в свою очередь, позволит запустить процесс аутокоммуникации, за которой последует процесс превращения внешней информации в информацию личного знания, превратит ее в часть сознания адресата, станет частью его личного убеждения, тем самым предотвратит развитие барьеров коммуникации и позволит наладить эффективное общение.

Обмен информацией в процессе общения обязательно предполагает воздействие на поведение партнера. Коммуникация – это, по сути, влияние, психологическое воздействие одного коммуникатора на другого с целью изменения его поведения. Измерением эффективности коммуникации можно считать силу оказанного воздействия, а также величину изменений во внутреннем мире человека, произошедших в результате совершившейся коммуникации [3, с. 56].

Восприимчивость человека к воздействию, зависимость субъекта от другого человека понимаются Б.Ф. Поршневым, В.М. Бехтеревым как феномен доверия и рассматривается ими как проблема социально-психологического внушения (суггестии). Так как суггестия может представлять собой угрозу для психики не только человека, но и всего организма в целом, подвергая риску его жизнедеятельность. В процессе развития человечества сформировался защитный механизм, призванный оградить его от негативного воздействия суггестии, который, по мнению Б.Ф. Поршнева, формируется с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности. Согласно его представлениям, в коре головного мозга под воздействием суггестии, которая в данном случае представляет собой влияние слова на психику, формируется очаг возбуждения. Вокруг очага возбуждения по закону обратной индукции торможения и возбуждения формируется очаг торможения, который Б.Ф. Поршневым именовал контрсуггестией. Если рассматривать суггестию тождественной доверию, то контрсуггестия есть недоверие [11].

Таким образом, доверие и недоверие представляют собой своеобразные фильтры, возникающие на пути информации, получаемой в процессе коммуникации, которая должна проникнуть в сознание адресата и оказать на него влияние.

В современном обществе на фоне бурного социального, экономического, культурного, информационного обмена вопрос доверия и недоверия возникает особенно остро по причине различия ценностных ориентаций, норм поведения и целей субъектов общения [12, с. 21]. Фильтр недоверия формируется как индивидуальная психологическая особенность в процессе социализации человека. Люди склонны больше доверять тем, с кем они идентифицируют себя как «Мы», в этом

случае уровень доверия будет наиболее высок, в то же время к участникам общения, попадающим под категорию «Они», степень доверия будет уменьшаться, вплоть до полного его отсутствия [11]. Такая зависимость отчетливо просматривается на примере религиозных различий, которые представляют собой одну из форм проявлений коммуникативного барьера социокультурных различий. Коммуникативные барьеры – это психологические препятствия, возникающие на пути передачи адекватной информации.

Российский историк, социолог Б.Ф. Поршневым классифицировал барьеры коммуникации на три формы: избегание, авторитет, недопонимание. В свою очередь, в последнем он выделяет четыре уровня непонимания: фонетический, семантический, стилистический и логический. Барьеры избегания представляют собой наиболее раннюю форму развития контрсуггестии как механизма психологической защиты, они представляют собой попытки реципиента избежать источника воздействия, уклониться от контакта с ними и могут выражаться как просто попыткой избежать контакта и предотвратить возникновения общения, так и проявляться в такой манере слушания, когда из вежливости создается видимость заинтересованности, включенности в процесс общения, при этом ход мыслей может быть далек от обсуждаемой темы. Максимальный уровень доверия, возникающий в группах, социальных общностях, с которыми индивид идентифицирует себя как «Мы», способствует формированию механизма защиты от выраженного влияния суггестии, очень характерного в этих ситуациях и который проявляется в виде разделения окружающих (коллеги, родственники, религиозные общины и т.п.) по степени авторитетности и формированию т.н. барьера авторитета, при котором происходит противопоставление личности авторитета окружающим [11].

При возникновении этой разновидности коммуникативных барьеров происходит неприятие информации при недостатке авторитета коммуникатора. При этом содержательный смысл самой информации имеет принципиально меньшее значение в сравнении со степенью авторитетности коммуникатора. Фонетический барьер возникает как результат использования различных знаковых средств передачи информации. Диапазон фонетического непонимания велик – от незначительного до полного. В основе возникновения фонетического барьера лежит множество источников, к примеру: различие диалектов, используемых участниками общения, существенные дефекты речи и дикции, невыразительное вещание, даже сообщение на повышенных тонах может приводить к тому, что понимание слушателя будет заблокировано. Причиной возникновения семан-

тического барьера служат те ситуации, при которых люди по ряду причин не понимают смысла сказанного, чаще всего это возникает между участниками общения, принадлежащим к различным субкультурам внутри доминирующей культуры. Субкультура представляет собой относительно изолированное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственной системой ценностей, норм, своими характерными для данной субкультуры обычаями, кроме того, они имеют свой, отличный от других, специфический язык, жаргон, сленг. Стилистический барьер возникает при несоответствии стиля речи коммуникатора и ситуации общения или стиля речи и актуального психологического состояния реципиента.

Барьеры отношений возникают в результате индивидуально-психологических особенностей людей, вступающих в процесс общения. Каждый человек воспринимает окружающую действительность через призму своего субъективного видения, которое сформировалось в процессе сугубо индивидуального жизненного опыта, следовательно, что является понятным и приемлемым для одного участника общения, может вызывать неприятие у другого. Барьеры социокультурных различий возникают на почве несовпадения общего культурного уровня участников общения. К данному виду барьеров можно отнести социальный барьер, когда взаимонепонимание возникает как результат различия в принадлежности участников к различным социальным слоям. С яркой демонстрацией политического барьера можно столкнуться на примере жарких дебатов в период предвыборных кампаний в органы власти, возникающих по причине различных представлений, идеологий. Так же к социокультурному барьеру относят религиозный, профессиональный. Коммуникативные барьеры выполняют важнейшую функцию в процессе межличностного общения, выполняя роль фильтра на пути огромного многообразия поступающей информации, однако при определенных условиях они могут негативно отразиться на межличностных отношениях. Яркий пример негативного влияния - когда человек, погруженный в свои внутренние переживания, мечтания, может пропустить важную для него информацию. Барьер авторитета, возникающий в подростковом возрасте, когда в роли авторитета может выступать личность асоциальная, которая может способствовать развитию асоциальных установок.

В современном мире существует большое количество рекомендаций, призванных распознавать и преодолевать возникающие барьеры коммуникации. Одним из способов преодоления коммуникативных барьеров можно считать фасцина-

цию. Первым, кто ввел понятие фасцинации (от лат. Fascinatio «завораживать, очаровывать, околдовывать»), является Ю.В. Кнорозов - историк, этнограф, основатель советской школы майянистики. По определению Ю.В. Кнорозова, фасцинация - это такое действие сигнала, при котором принятая ранее информация полностью или частично стирается. Согласно его представлениям, сигнал, передаваемый в процессе коммуникации, может иметь две составляющие - информацию и фасцинацию. Если информация представляет собой команду, то роль фасцинации заключается в том, чтобы воздействовать на органы чувств как раздражитель. Выступая в роли раздражителя, фасцинация повышает вероятность выполнения команды [9, с. 324 - 334].

Таким образом, необходимо отметить важность дальнейшего изучения явления фасцинации с целью нахождения действенных способов преодоления коммуникативных барьеров в процессе межличностного общения и повышения эффективности общения.

Список литературы:

- [1] Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.
- [2] Соковин В. Фасцинолог. Штрихи к профессии III тысячелетия. - Екатеринбург: АФА, 2009. - 196 с.
- [3] Андреева Г.М. Социальная психология: учеб. - М.: Аспект-Пресс, 2003. - 420 с.
- [4] Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. - М.: Знание, 1982. - 192 с.
- [5] Weber M. The sociology of religion // Transl. by E. Fischoff. Introd. by T. Parsons. - L.: Methen, 1965. - LXVII. - 308 p.
- [6] Ксенофонт. Сократические чтения. - М.: Мир книги, Литература, 2007. - 386 с.
- [7] Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. - М.: Ладомир, 1999. - 528 с.
- [8] Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. - М.: МГУ, 1987. - 175 с.
- [9] Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. - М.: Наука, 1973. - С. 324 - 334.
- [10] Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы / ВИНТИ РАН. - 1997. - № 8. - С. 1 - 17.
- [11] Поршнев Б.В. Контрсузгестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психологи. - М.: Мысль, 1972. - С. 7 - 35.

[12] Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. - М.: Институт психологии РАН, 2008. – 571 с.

Spisok literatury:

[1] Psihologiya. Slovar' / pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Politizdat, 1990. – 494 s.

[2] Sokovin V. Fascinolog. Shtrihi k professii III tysyacheletiya. - Ekaterinburg: AFA, 2009. – 196 s.

[3] Andreeva G.M. Social'naya psihologiya: ucheb. - M.: Aspekt-Press, 2003. – 420 s.

[4] Vojskunsij A.E. Ya govoryu, my govorim... Ocherki o chelovecheskom obshchenii. - M.: Znanie, 1982. – 192 s.

[5] Weber M. Thesociologyofreligion // Transl. by E. Fiscoff. Introd. by T.Parsons. - L.: Methen, 1965. – LXVII. – 308 p.

[6] Ksenofont. Sokraticheskie chteniya. - M.: Mir knigi, Literatura, 2007. – 386 s.

[7] Ellinskie poety VII—III vv. do n. e. Epos. Elegiya. Yamby. Melika. - M.: Lodomir, 1999. – 528 s.

[8] Gozman L.Ya. Psihologiya emocional'nyh otnoshenij. - M.: MGU, 1987. – 175 s.

[9] Knorozov Yu.V. K voprosu o klassifikacii signalizacii // Osnovnye problemy afrikanistiki. - M.: Nauka, 1973. – S. 324 - 334.

[10] Muskhelishvili N.L., Shrejder Yu.A. // Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Ser. 2. Inform. processy i sistemy / VINITI RAN. - 1997. - № 8. – S. 1 - 17.

[11] Porshnev B.V. Kontrssugestiya i istoriya (Elementarnoe social'no-psihologicheskoe yavlenie i ego transformaciya v razvitii chelovechestva) // Istoriya i psihologi. - M.: Mysl', 1972. – S. 7 - 35.

[12] Kuprejchenko A.B. Psihologiya doveriya i nedoveriya. - M.: Institut psihologii RAN, 2008. – 571 s.

ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г.,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного (государственного)
и международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

СИНЯЕВА Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного (государственного)
и международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В настоящей статье авторы обосновывают, что, несмотря на стремительное накопление национальных киберарсеналов, на настоящий момент не существует международного консенсуса по применению «права вооруженных конфликтов» по отношению к кибервойнам, которые обычно считаются формой «боевых действий иррегулярных войск». Эта путаница связана как с быстрым распространением киберметодов ведения войны, так и с отсутствием прецедентов международного регулирования враждебных вторжений в киберпространство. Судя по количеству стран, наращивающих наступательный потенциал в киберпространстве, а также принимая во внимание высказывания и факты, приведенные в настоящей статье, опасность крупномасштабного киберстолкновения вполне реальна. В данной статье рассматриваются основные принципы права вооруженных конфликтов, которые могут лечь в основу обсуждения будущих положений возможного к заключению договора или резолюции по киберпространству.

Ключевые слова: киберпространство, субъекты кибервойн, инновации, многосторонний режим, электромагнитный спектр, международный договор.

CHERNYAVSKY A.G.,

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional (State)
and International Law of the Military University
Ministry of defence of the Russian Federation

SINYAEVA N.A.,

PhD in Law, associate Professor,
head of the Department of Constitutional (State)
and International Law of the Military University
Ministry of defence of the Russian Federation.

PROBLEMS OF HUMANITARIAN REGULATION OF MILITARY CONFLICTS IN CYBERSPACE

Annotation. In this paper, the authors argue that, despite the rapid accumulation of national cyber Arsenal, at the moment there is no international consensus on the application of the “law of armed conflict” in relation to cyberwarfare, which is usually considered a form of “irregular warfare”. This confusion is due to both the rapid proliferation of cyber warfare techniques and the lack of precedents for international regulation of hostile invasions of cyberspace. Judging by the number of countries building up offensive capabilities in cyberspace, as well as taking into account the statements and facts given in this article, the danger of a large-scale cyber clash is quite real. This article discusses the basic principles of the law of armed conflict, which may form the basis for discussion

of future provisions of a possible Treaty or resolution on cyberspace.

Key words: *cyberspace, the subjects of cyber warfare, innovation, the multilateral regime of the electromagnetic spectrum, an international Treaty.*

В настоящей работе термин «кибервойна» используется в самом широком смысле и охватывает различные действия, связанные с нанесением ущерба через киберпространство другими странами или влиятельными негосударственными акторами. Термин может обозначать защиту информационных и коммуникационных систем, важных объектов инфраструктуры, защиту от нападения на системы вооружений или военные командные центры, а также проведение эквивалентных наступательных операций против противника.

Электромагнитный спектр – отнюдь не новая сфера противостояния, однако разрушительные инновации и растущая зависимость людей от техники делают онлайн-цели все более привлекательными для государств, стремящихся к достижению максимального эффекта при минимальных затратах. Это особенно актуально для малых стран, которые хотят получить ассиметричное превосходство на поле боя в XXI в. Хотя кибернетические приемы и методы ведения войны только зарождаются, новое поколение кибероружия и кибервоинов обещает видоизменить войны в XX в.

Если следующая война действительно будет вестись в киберпространстве, то что может принять международное сообщество для ее регулирования или осуществления контроля над этой сферой? Отдавая должное растущей взаимозависимости между кибервойнами и международными отношениями, авторы в данной работе попытаются обосновать необходимость введения многостороннего режима, который мог бы позволить регламентировать кибервойны на глобальном уровне.

Для ведения кибервойн разрабатываются уникальные, порой многоуровневые средства, которые могут быть как оборонительными, так и наступательными.

Потребность в создании именно многоуровневой системы защиты связана с тем, что взаимосвязь всех перспективных киберсистем предполагается осуществить через средства единой для пользователей любого уровня глобальной коммуникационной сети. Разрабатываемые средства (сетевые шифраторы, комплект программных технических средств) должны будут обеспечивать проверку законности доступа к информационным ресурсам, идентификацию пользователей, регистрацию всех действий потребителей и персонала с возможностью оперативного и последующего

анализа, а также необходимый уровень конфиденциальности.

По способам внедрения в состав информационных ресурсов противника и воздействия на них наступательные средства программно-технического воздействия (СПТВ) подразделяют на следующие классы:

- «логическая бомба» - скрытая управляющая программа, которая по определенному сигналу или в установленное время приходит в действие, уничтожая или искажая информацию, воспрещая доступ к тем или иным важным фрагментам управляющего информационного ресурса или дезорганизуя работу технических средств. Подобное вмешательство в АСУ войсками и оружием может коренным образом повлиять на ход и исход боя, операции;

- «программный вирус» - специализированный программный продукт, способный воспроизводить логические бомбы и внедрять их дистанционно в информационные сети противника, самостоятельно размножаться, прикрепляться к программам, передаваться по сети;

- «троянский конь» - программа, внедрение которой позволяет осуществить скрытый несанкционированный доступ к информационному массиву противника для получения разведывательной информации;

- нейтрализатор текстовых программ, обеспечивающий сохранение естественных и искусственных недостатков программного обеспечения (ПО);

- преднамеренно созданные, скрытые от обычного пользователя интерфейсы для входа в систему, вводимые в ПО разработчиками с корыстными или диверсионно-подрывными целями;

- малогабаритные устройства, способные генерировать ЭМИ высокой мощности, обеспечивающие вывод из строя радиоэлектронной аппаратуры.

В качестве первоочередных объектов применения СПТВ (с точки зрения нанесения максимального возможного ущерба) могут рассматриваться информационные элементы систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, пунктов управления высшего звена и обслуживающих их вычислительных центров и узлов связи. В мирное время подобного рода воздействие может оказываться также на важные для государства цели, как банковская система, система управления воздушным движением, психологическое воздействие на

население государства-противника (особенно в приграничных районах) с помощью средств радио - и телевизионного вещания.

К характерным чертам СПТВ можно отнести радикальность и псевдо-избирательность действия, универсальность, скрытость, внезапность, экономичность, многовариантность и свободу пространственно-временного маневра.

Хотя мир еще не вел тотальных кибервойн, но эксперты по киберпродуктам и военные стратеги ожидают развертывания настоящего межгосударственного киберсражения уже в ближайшие годы [1]. Особую тревогу с точки зрения международной безопасности вызывает крайне слабая система регулирования и контроля в этой области перед лицом растущей угрозы. Поскольку все больше и больше жизненно важных для населения планеты функций осуществляется через киберпространство, социально-экономические последствия полномасштабной кибератаки могут парализовать современное государство, в котором все пронизано сетями. Генерал Кевин Чилтон из Стратегического командования США (USSTRATCOM)¹, чье мнение разделяют многие военные руководители, считает, что нанесение серьезного киберудара по стране с информационно развитой экономикой может вызвать нанесение массированного ответного удара с применением обычных вооружений, а в отдельных случаях даже ядерных средств [2]. По его словам, национальные стратеги «не отвергают никаких вариантов реагирования на военные действия в киберпространстве» [3].

В настоящей работе термин «кибервойна» используется в самом широком смысле и охватывает различные действия, связанные с нанесением ущерба через киберпространство другими странами или влиятельными негосударственными акторами. Термин может обозначать защиту информационных и коммуникационных систем, важных объектов инфраструктуры, защиту от нападения на системы вооружений или военные командные центры, а также проведение эквивалентных наступательных операций против противника.

Стремясь предотвратить «войны всех против всех» в киберпространстве, международное сообщество сталкивается с огромными структурными проблемами. Менее чем за четверть века термин «киберпространство», введенный писателем фантастом Уильямом Гибсоном, превратился из достояния виртуального мира, в цифровой мир

быстро растущего сетевого общества². Стремительный прогресс в области информационных и коммуникационных технологий связал почти 2 млрд «цифровых» граждан в невидимой среде киберпространства [4]. Но как случилось, что эта цифровая область сложных схем и программного обеспечения превратилась в новый театр военных действий и поле сражения? Поиски ответа на этот вопрос следует начать с рассмотрения эволюции военной стратегии США после войны во Вьетнаме.

В определенном смысле современные кибервойны уходят корнями во времена зарождения телекоммуникационной связи не большие расстояния. С появлением телеграфа, телефона и радио гражданские и военные руководители получили уникальную возможность управления передвижением и развертыванием войск. Можно констатировать, что использование коммуникационных систем в режиме реального времени кардинальным образом изменило систему управления войсками благодаря повышению политического участия в принятии решений по действиям на поле боя. Президент США Авраам Линкольн был первым главнокомандующим, который использовал телеграф для отдачи прямых приказов своим генералам во время сражений [5; 6]. Телефон, телеграф и радио также предоставили политическим руководителям возможность осуществлять беспрецедентный контроль над своими представителями за рубежом: правительство королевы Виктории широко использовало телеграф для официальной связи между Лондоном, с одной стороны, и военачальниками, дипломатами и наместниками за рубежом – с другой [7].

Во время Первой мировой войны инструмент международной связи стал неотъемлемым компонентом сухопутных, морских и воздушных операций. В ходе Второй мировой войны сами сложность и масштаб конфликта обусловили необходимость в создании кибернетически контролируемого оружия. Увеличение огневой мощи сухопутных, морских и военно-воздушных сил повысило потребность в высокой точности и предсказуемости. Особенно актуальным это было для артиллерии и криптологии. В период между 1943 и 1946 гг. армия США разработала первый компьютер общего назначения для повышения точности своих таблиц стрельбы. В тот же период британские специалисты по взлому кодов, работавшие в Бретчли-Парк, расшифровали более 3 тыс. немец-

¹ USSTRATCOM объединяет все виды войск, в него также входят подрядные организации министерства обороны и гражданские лица.

² Термин «кибер» был введен Норбертом Винером в книге «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (Cambridge, MA: MIT Press, 1948). Термин «киберпространство» Гибсон использовал сначала в одном из своих ранних рассказов, а потом в популярном романе «Нейромант» (New York: Ace Books, 1984).

ких сообщений «Энигмы» благодаря криптологическим инновациям Алана Тьюринга [8]. Чтобы противостоять ударам немецкой авиации, англичане и американцы использовали средства международной связи и вычислительной техники вкупе со сверхчастотными волнами для разработки активных систем ПВО [9].

Атомный век лишь ускорил развитие кибернетики, поскольку необходимость в еще более точном, надежном и быстром управлении выросла в геометрической прогрессии. Развертывание ядерного оружия потребовало разработки самых современных воздушных и космических сетей связи. Между 1950 и 1960 гг. ядерная и космическая гонка привела к изобретению транзистора, лазера, микропроцессора и пакетной коммутации, что обусловило настоящий прорыв в новых информационных и коммуникационных технологиях. С 1970-х годов многие из этих военных и космических технологий стали использоваться в гражданском секторе.

Информация как оружие

Наученные горьким опытом неудач во Вьетнаме, где применение тактики Второй мировой войны и войны в Корее часто оказывалось бесполезным, американские военные стратеги настойчиво искали возможность одержать решающую победу в «холодной войне». В начале 1970-х годов инновационного мыслителя Эндрю Маршалла переманили из Rand Corporation (Research And Development) в Министерство обороны США, где он возглавил управление сетевой оценки (Office of Net Assessment) [9]. В Пентагоне Маршаллу была поставлена приоритетная задача найти для НАТО способ одержать победу над блоком стран Варшавского договора, не прибегая к ядерному ответу. В своем первом ведомственном докладе Маршалл рассказал о прогрессе, достигнутом американскими военными лабораториями в разработке нового поколения «умного» оружия, которое позволит существенно увеличить летальность в рядах противника при сокращении потерь в живой силе США. Повышение точности стало возможным благодаря новому поколению программного обеспечения и электроники на базе микропроцессора. В силу закона Мура баланс информационных сил на поле сражения «холодной войны» должен был измениться уже в ближайшем будущем¹.

¹ Закон Мура был сформулирован соучредителем Intel Гордоном Муром в статье, опубликованной в 1965 г. Он предсказал, что быстродействие и память в микроэлектронике имеют экспоненциальный характер развития, поскольку количество процессоров, которые могут быть размещены на интегральных схемах, каждый год будет удваиваться.

По другую сторону «железного занавеса» советские военные стратеги тоже ожидали грядущую революцию в военном деле. Проводимые в СССР аналогичные исследования подчеркивали растущую взаимосвязь между микроэлектроникой и современными приемами и методами ведения военных действий. Однако, в отличие от американских специалистов по планированию, которые рассчитывали на усиление военной мощи США благодаря кремниевой революции, в СССР были обеспокоены неспособностью экономики обработать цифровую революцию в свою пользу. СССР быстро уступал свои позиции США в микроэлектронике. Позднее преимущество США в информационных технологиях позволит им взять верх над советской военно-промышленной базой [10]. Рейган был полон решимости во что бы то ни стало избежать использования тактического оружия в Европе и охотно представил военному ведомству колоссальный бюджет для нивелирования любого стратегического преимущества, которое имелось у СССР.

Хотя обычно в военном деле информация ассоциируется с технологическими достижениями, она также включает в себя изменения в стратегии, операции и тактике. Еще древние римляне использовали информацию как оружие на поле боя, а эффект неожиданности всегда был важнейшим тактическим приемом. В ответ на стремительный технологический прогресс XX в. военные аналитики и футурологи, понимая устарелость и неадекватность традиционной стратегии войн, обсуждали, как предстоящий век информации изменит способы ведения войны. Этим занимались не только Соединенные Штаты, но и другие страны не могли сравниться с масштабностью американских инвестиций в разработку и развитие концепций информационных войн. Большая часть такого планирования в сфере «информационных войн» осуществлялась для обоснования целого ряда новых систем вооружений и программ, в том числе предшественника современного Интернета ARPANET (Advanced Research Projects Agency Network) – компьютерной сети, созданной Агентством Министерства обороны США по перспективным исследованиям.

Когда информационные системы стали важной частью военных операций, была разработана новая американская доктрина информационной войны (ИВ). Тем самым, к физическим аренам боевых действий (суша, море и воздух) добавились электромагнитный спектр и информационное пространство. Целью ИВ было использование информационных средств в качестве стратегического оружия для введения противника в заблуждение и побуждение его к опрометчивым действиям. Хотя в первые десятилетия существова-

ния киберпространства информационные и вычислительные технологии были примитивными по сравнению с тем, что имеются сейчас, военное руководство США не сомневалось, что в XXI в. информационные войны вытеснят остальные. Для США революция в военном деле конца 1990 годов означала перемены в трех областях: информационные операции, системы вооружения и космос. К ним Майкл Шмитт добавляет четвертое поколение РВД: милитаризацию гражданской деятельности [11]. Под этим он подразумевает интеграцию гражданского персонала и гражданской инфраструктуры в театр боевых действий XXI ве. И как будет отражено в работе, милитаризация гражданской деятельности и инфраструктур в киберпространстве выходит за существующие правовые рамки, регулирующие ведение войн.

Хотя стратеги «холодной войны» отводили место информационной войны на обычном поле боя, во втором десятилетии XXI в. многие аспекты информационной войны перекочевали в военные сферы, в гражданскую. Согласно статистическим данным, опубликованным Министерством внутренней безопасности США, количество зарегистрированных попыток несанкционированного проникновения как в частные, так и в государственные компьютерные системы, увеличилось с 24 тыс. в 2006 г. до 37 тыс. в 2007 г. Об этом сообщил высокопоставленный чиновник Том Келлерман¹, добавив, что, по оценкам ФБР, возможностями осуществить кибернетическое нападение обладают 108 государств [12].

Начиная с 2000 г. зарегистрированные попытки кибернетических вторжений, финансируемых государствами, варьировались от взлома правительственных веб-сайтов до нападений на критически важные инфраструктуры. В 2000 г. израильские оперативники вывели из строя общедоступные веб-сайты Хезболлы и Палестинской национальной администрации (ПНА). Это нападение послужило основанием открытия «священной кибервойны», палестинцы ответили ударами по финансовым и государственным системам Израиля. В 2001 г. морской спор в Южно-Китайском море привел к тому, что Китай совершил кибернападение на предприятие энергоснабжения в Калифорнии, вызвав сбой в работе целой сети [13]. В сентябре 2007 г. Израиль осуществил успешную кибератаку на сеть противовоздушной обороны Сирии, что обеспечило его ВВС нанесение бомбового удара по предположительному ядерному объекту, возводившемуся в Сирии [14]. В 2008 г. несколько веб-сайтов радио «Свободная Европа»/

радио «Свобода» (РСЕ/РС) были выведены из строя ложными запросами о соединении, доходившими до 50 тыс. хитов в секунду. Схема атаки была весьма сложной, ответственность за нее возлагалась на главу Республики Беларусь, который якобы пытался не допустить освещения РСЕ/РС акций протеста против его правительства [15].

По сообщениям ЦРУ, в 2007 г. кибератакам подвергались несколько общественных электрических сетей в ряде регионов, как внутри, так и за пределами США. Руководители коммунальных предприятий весьма неохотно решаются говорить об опасности. В конце 2009 г. американский адмирал в отставке Майкл Макконел, занимавший посты главы ЦРУ, Агентства военной разведки и Агентства национальной безопасности, заявил, что у США имеются противники, способные отключить основные сегменты энергосистемы США [16]. Взломав сеть, продвинутый хакер может получить такой же доступ и полномочия, что и системный администратор [17]. С 2005 г. регистрируются нападения на программно-аппаратный комплекс сбора данных и диспетчерского контроля SCADA в городах Бразилии². Джон Малдер, специалист по безопасности Sandia Laboratories³ при Министерстве энергетики США, рассказал, как Sandia, заручившись согласием энергетических и водных компаний, выявляла уязвимости, пытаясь взломать их системы и другие важные цели, чтобы выработать соответствующие меры защиты [18].

Получившие широкую огласку атаки на эстонские сети в 2007 г. и государственные системы Грузии в 2008 г. были осуществлены, как считалось, русскими патриотично настроенными хакерами или официальными русскими агентами [19]. НАТО откликнулось на отключение сети Эстонии созывом экстренного заседания Североатлантического совета, а в 2008 г. на саммите в Бухаресте альянс анонсировал свою первую кибероборонную политику, что стало первым случаем, когда международная военная организация признала кибербезопасность аспектом коллективной обороны. НАТО заявляет, что в случае массивной кибератаки на государство-члена новая политика кибербезопасности альянса представ-

¹ Келлерман, член Комиссии по кибербезопасности 44-го президента, работал в Службе безопасности казначейства Всемирного банка и занимался киберразведкой.

² SCADA — мировой стандарт общественной инфраструктуры с микропроцессорным управлением, широко используется на предприятиях, в государственных энергетических и транспортных сетях. Информация может собираться в различных местах и направляться на центральный компьютер.

³ Являясь государственным предприятием на подряде, Sandia осуществляет исследования и дает экспертные заключения по вопросам, связанным с ядерным оружием, системами защиты и внутренней безопасности, а также безопасности энергетических ресурсов.

ляет возможности для эффективного и адекватного реагирования [20].

Как и борьба с терроризмом, кибербезопасность является одновременно делом и внутренних правоохранительных органов, и военных, и часто отделить одно от другого не представляется возможным. Вышеупомянутые примеры ясно показывают, что вмешательство в работу Интернета - сейчас отнюдь не невинная игрушка в руках киберподростков или бунтующих взрослых и способно вывести из строя критически важную инфраструктуру или военные сети.

С укреплением позиций кибербезопасности в системе национальной безопасности правительства многих стран готовы наращивать имеющиеся у них возможности для перенесения «боевых действий» в онлайн-зону противника. Судья-адвокат, полковник Чарльз Уильямсон из Разведывательного управления BBC США заявляет, что мир отказался от менталитета крепости в реальном мире и мы должны выйти за его рамки в киберпространство, поскольку США стоят перед лицом постоянно возрастающих угроз в своем военном и гражданском киберпространстве. Он хочет, чтобы у Америки имелась возможность осуществлять ковровые бомбардировки в киберпространстве для обеспечения надежного сдерживания. Для этого, полагает он, необходимо построить «ботнет – сеть из компьютеров («зомби»), зараженных ботами, которая сможет направить такое огромное количество трафика на целевые компьютеры, что те потеряют способность поддерживать между собой связь и окажутся бесполезными для противников. Иными словами, по его утверждению, пришло время отказаться от стратегии прошлых конфликтов и использовать цифровые мощности и опыт для создания мощной и гибкой системы сдерживания, способной добраться до противника далеко за пределами нашей крепости и нанести ему удар, пока есть возможность [21]. По словам бригадного генерала Чарльза Шагга, заместителя командира 24-й военно-воздушной дивизии, BBC США также намереваются автоматизировать многие параметры своей кибернетической обороны, что создает совершенно новый набор этических и правовых проблем [22].

США первыми начали заниматься политикой кибервойн и командных инициатив, захватив в этих сферах лидерство, но с 2007 г. ряд государств тоже принялись укреплять свою киберзащиту, стараясь не привлекать к этому внимание международной общественности. Эти инициативы включают все, начиная от вербовки будущих кибервойнов до создания полномасштабных киберкомандований. Как правило, создание военной системы управления для киберпространства означает, что государство стремится к возможностям нанесения киберударов. Приведем обзор того, что делают

как развитые, так и развивающиеся страны для наращивания своих наступательных и оборонных мощностей в киберпространстве.

Летом 2009 г. Великобритания объявила о своей программе по кибербезопасности в рамках всеобъемлющей Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy) с образованием двух новых органов. Политика координируется Офисом кибербезопасности (Office of Cyber Security - OCS) Кабинета министров. В задачи Офиса входят координация политики в правительственных структурах, рассмотрение этических и правовых вопросов, а также анализ отношений с другими странами в этой области.

Создание нового центра безопасности виртуальных операций (Cyber Security Operations Centre) призвано объединить ресурсы и опыт гражданского и государственного секторов. Комментируя эти инициативы, лейбористское правительство заявило, что оно охотно координирует свои действия с США и другими союзниками [23]. В январе 2010 г. лидер Консервативной партии Дэвид Кэмерон заявил, что киберопасность – важная часть стратегии национальной безопасности его партии [24]. Подобные высказывания делают Великобританию первым членом ЕС (хотя с 1 января 2020 г. Великобритания хочет выйти из ЕС), объявившим о создании действенной стратегии с целью противостоять киберугрозам национального уровня.

Великобритания наращивает свои силы для ведения войны в киберпространстве и создает новое подразделение, которое будет насчитывать до 2000 специалистов в этой сфере.

Новые кибервойска создаются по инициативе Министерства обороны Великобритании и Центра правительственной связи (Government Communications Headquarters, GCHQ), отвечающего за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

Новые кибервойска создаются на фоне растущей угрозы со стороны России и будут ориентированы на наступательные кибероперации, отмечает телеканал. В состав подразделения будут входить специалисты GCHQ, военнослужащие и контрактники.

В своем интервью бывший глава объединенного командования Вооруженными силами Великобритании генерал Ричард Бэрронс заявил, что наращивание киберсил имеет первостепенное значение для Великобритании в условиях, когда другие страны (вроде России) уже наступают. «Имея наступательные кибертехнологии в Великобритании, мы уравниваем силы на поле боя и получаем новые средства для сдерживания и наказания государств, которые хотят причинить нам вред», — сказал он [25].

В начале 2010 г. Южная Корея объявила о намерении создать военное командование по кибервойнам для отражения атак на свои военные и правительственные информационно-технологические системы со стороны Северной Кореи других стран. Будучи одной из самых компьютеризированных стран в мире, она пережила ряд кибератак и заявила, что в 2004 г. Китай использовал вирусы для кражи информации из государственных сетей [26]. Ряд представителей НАТО выразили заинтересованность во включении Южной Кореи и других стран Восточной Азии в свою сеть киберзащиты через Программу глобального партнерства (Global Partnership Programme).

В 2008 г. индийская армия начала подготовку к «боям на цифровом поле сражения». Индия подвергалась многочисленным кибератакам и заявила, что удары были нанесены кибернетическими структурами Китая [27]. Военное руководство Индии занялось укреплением киберзащиты, подключив к этому свыше 15 тыс. военнослужащих. Кроме того, оно заявило о необходимости периодического кибераудита безопасности Управлением кибербезопасности индийской армии (Cyber-Security Establishment) [28]. Индия также приступила к разработке доктрины кибервойны, основанной на ее стратегической ядерной доктрине [29]. Под руководством компьютерной команды экстренной готовности США CERT (Computer Emergency Response Team) правительство в Нью-Дели создало индийскую CERT для оказания помощи в регистрации инцидентов и ликвидации последствий нападения, а также укрепления сети и систем [30; 31]. Учитывая быстрый рост индийского IT-сектора и связанных с ним отраслей промышленности, страна находится на пути превращения в «киберсверхдержаву».

Есть основания полагать, что Народно-освободительная армия Китая (НОАК) стремится бросить вызов американскому господству в электромагнитном спектре, если страна окажется втянутой в двустороннее военное противостояние. В докладе Конгрессу США американской комиссии по изучению отношений США и Китая еще в 2008 и 2009 гг. отмечается увеличение наступательного потенциала китайского правительства. По оценкам, мониторингом общественной и государственной безопасности в Китае занимаются 30 тыс. киберполицейских, судя по всему, которые обладают достаточной квалификацией и опытом для совершения кибернападений [32]. В качестве целей, представляющих интерес для НОАК, были названы разрабатывающийся легкий многоцелевой истребитель JSF и система управления воздушным движением BBC США [33]. В январе 2010 г. Google обвинил Китай в содействии нападению на свои информационные системы, что привело к дипломатическому скандалу с США на самом высоком уровне [34]. В ответ Китай обвинил США

в разжигании кибервойны [35]. В 2003 г. бывший на этом посту директор Департамента электронных методов ведения войны НОАК Дэ Цинмин выступил с инициативой принятия комплексной программы, включавшей кибернападение, электронные атаки и скоординированные кинетические атаки при проведении военных операций [36].

В Израиле департаментом, ответственным за защиту сетей Армии обороны Израиля, является МАЦОВ (MATZOV – аббревиатура на иврите Центра шифрования и защиты информации). Она действует в рамках Управления командования, контроля, связи компьютеров и разведки С [37] и создает алгоритмы кодирования, которые используются для шифрования данных в сетях Службы внутренней безопасности ШАБАК и МОССАДа, а также в мейнфреймах национальной корпорации, ответственных за электро- и водоснабжение. Управление С регулярно тестирует кодирование и брандмауэры. Военное руководство страны заслуженно гордится кибервозможностями израильтян и высоким техническим уровнем страны, что позволяет Израилю обходиться без иностранных технологий и помощи [38].

Список литературы:

- [1] Натан Ходж: «Генерал, нам следует стереть этих хакеров с лица земли ядерным ударом» (WIRED, 13 May 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/danger-room/2009/05/general-we-just-might-nuke-those-cyber-attackers/>, accessed 11 Dec. 2009).
- [2] Речь Кевина Чилтона на Симпозиуме по киберпространству, состоявшемся 7 апреля 2009 г. в Омахе [Электронный ресурс]. URL: http://www.stratcom.mil/speeches/23/2009_Cyberspace_Symposium.
- [3] Jeff Schogol, 'Official: no options "off the table" for US response to cyber-attacks', Stars and Stripes (mideast edn), 8 May 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stripes.com/article.asp?section=i04&article=62555>, accessed 11 Jan. 2010.
- [4] На 30 сентября 2009 г. общее количество интернет-пользователей по всему миру оценивалось в 1 733 993 741 человек: 'Internet usage statistics: the internet big picture', Internet World Stats, 30 Sept. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internet-worldstats.com/stats.htm>, accessed 20 Jan. 2010.
- [5] Tom Wheeler, 'How the telegraph helped Lincoln win the Civil War', History News Network, George Mason University, 20 Nov. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://hnn.us/articles/30860.html>, accessed 17 Dec. 2009.
- [6] Tom Wheeler, Leadership lessons from the Civil War: winning strategies for today's managers (New York: Doubleday, 1999).

[7] Tom Standage, *The Victorian internet* (New York: Walker, 1998), p. 154—157.

[8] Gregg Keizer, 'British Museum unveils WWII computer replica', *Information Week*, 8 Sept. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.informationweek.com/news/security/government/showArticle.jhtml?articleID=492700296>, accessed 12 Jan. 2010.

[9] Gordon Barrass, 'The renaissance in American strategy and the ending of the great cold war', *Military Review*, Jan.—Feb. 2010, p. 102 [Электронный ресурс]. URL: http://usacac.army.mil/CAC2/MilitaryReview/Archives/English/MilitaryReview_20i00228_art0i6.pdf, accessed 22 Dec. 2009.

[10] John Arquilla, from statements to Mark Williams, 'Technology and the future of war-fare', *Technology Review* (MIT) 23 Mar, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.technologyreview.com/BizTech/wtr_i6620,295,pi.html, accessed 11 Dec. 2009;

[11] Michael Schmitt, 'Bellum Americanum', in Michael Schmitt, ed., *The law of armed conflict into the next millennium* (Newport: Naval War College, 1998), p. 394 - 400.

[12] Jack Germain, 'The art of cyber-warfare, part 1: the digital battlefield', *TechNews-World*, 29 April 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teclmewsworld.com/rss-ory/62779.html?wlc=i263772777>, accessed 9 Jan. 2010.

[13] Kenneth Geers, 'Cyberspace and the changing nature of warfare', *SC Magazine*, 7 Aug. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmagazineus.com/cyberspace-and-the-changing-nature-of-warfare/article/ii5929/>, accessed 11 Jan. 2010.

[14] Eshel, David, 'Israel adds cyber-attack to IDF', *Aviation Week's DTI*, 9 Feb. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.military.com/features/0,15240,210486,00.html>, accessed 22 Feb. 2010.

[15] 'Cyberjamming', *Wall Street Journal Europe*, 29 April 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB12094246671951083.html>, accessed 11 Jan. 2010.

[16] 'Urgency of this cyber-security work', *United States Cyber-Consequences Unit* [Электронный ресурс]. URL: http://www.usccu.us/#The_Urgency_of_This_Cyber-Security_Work, accessed 3 Jan. 2010.

[17] Siobhain Gorman, 'Electricity grid in US penetrated by spies', *Wall Street Journal*,

8 April 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB123914805204099085.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[18] Интервью Малдера, взятое Стивеном Крофтом 'Cyber-war: Sabotaging the system', 60

Minutes, CBS broadcast, 8 Nov. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2009/11/06/60minutes/main5555565.shtml>, accessed 08 Jan. 2010.

[19] John Markoff and Andrew Kramer, 'US and Russia differ on a treaty for cyber- 27 June 2009, p. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2009/06/28/world/28cyber.html?_r=1, accessed 11 Dec. 2009.

[20] Rex Hughes, 'NATO and global cyber defense', *The Bucharest Conference Papers*, I - man Marshall Fund & Chatham House, 2008, p. 51, 52.

[21] Charles Williamson, 'Carpet bombing in cyberspace', *Armed Forces Journal*, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armedforces-journal.com/2008/05/3375884>, accessed 11 Jan. 2010.

[22] Mark Ballard, 'US automates cyber defences to offset skills crisis', *Computer Weekly*, 18 Feb. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computerweekly.com/Articles/2010/02/18/240349/us-automates-cyber-defences-to-offset-skills-crisis.htm>, accessed 19 Feb. 2010.

[23] Gordon Corera, 'Cyber-security strategy launched', *BBC News*, 25 June 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8118348.stm, accessed 12 Jan. 2010.

[24] David Cameron, 'How Britain can best address the threats of the twenty-first century', address at Chatham House, London, 15 Jan. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chathamhouse.org.uk/events/view/-/id/1419/>, accessed 20 Jan. 2010.

[25] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2018/5ba423539a79473007627b39>

[26] 'South Korea to launch cyber-warfare command', *Defense Technology News*, Agence France-Presse, 11 Jan. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defencetalk.com/skorea-to-launch-cyber-warfare-command-23649/>, accessed 12 Jan. 2010.

[27] Indrana Bagchi, 'China mounts cyber-attacks on Indian sites', *Times of India*, 5 May 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/China_mounts_cyber_attacks_on_Indian_sites/articleshow/3010288.cms, accessed 11 Dec. 2009.

[28] 'Indian army gears up for cyber, electronic warfare', *India Defence*, 5 Feb. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.india-defence.com/reports/3824>, accessed 12 Jan. 2010.

[29] Amit Sharma, 'Cyber wars: a paradigm shift from means to ends', in Christian Czosseck and Kenneth Geers, eds, *The virtual battlefield: perspectives on cyber-warfare* (Amsterdam: IOS Press, 2009).

[30] Indian Computer Emergency Response Team, Ministry of Communications and Information Technology (Government of India) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cert-in.org.in/roles.htm>, accessed 11 Jan. 2010;

[31] 'Computer Security Incident Response Team & Center', Network Security Solutions [Электронный ресурс], <http://www.mynetsec.com/services/csirt-cert-setup>, accessed 12 Jan. 2010.

[32] Larry Wortzel, 'China goes on the cyber-offensive', Far Eastern Economic Review, January 2009, on-line post 9 Jan. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feer.com/es-says/2009/january/china-goes-on-the-cyber-offensive>, accessed 11 Jan. 2010.

[33] Siobhan Gorman, August Cole and Yochi Dreazen, 'Computer spies breach fighter-jet project', Wall Street Journal, 21 April 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB124027491029837401.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[34] Michael Sheridan, 'China's great internet stand-off', Sunday Times, 17 Jan. 2010.

[35] 'China accuses US of cyberwar', Wired Magazine, 25 Jan. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/threatlevel/2010/01/china-accuses-us/>, accessed 25 Jan. 2010.

[36] Larry Wortzel, 'China's cyber-offensive', Wall Street Journal, 1 Nov. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703399204574508413849779406.html>, accessed 19 Dec. 2009.

[37] Siobhan Gorman, August Cole and Yochi Dreazen, 'Computer spies breach fighter-jet project', Wall Street Journal, 21 April 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB124027491029837401.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[38] Yaakov Katz, 'IDG bolstering computer defense', Jerusalem Post, 17 Dec. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid=>

[asp?section=i04&article=62555">asp?section=i04&article=62555](#), accessed 11 Jan. 2010.

[4] Na 30 sentyabrya 2009 g. obshchee kolichestvo internet-pol'zovatelej po vsemu miru ocenivalos' v 1 733 993 741 chelovek: 'Internet usage statistics: the internet big picture', Internet World Stats, 30 Sept. 2009. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.internet-worldstats.com/stats.htm>, accessed 20 Jan. 2010.

[5] Tom Wheeler, 'How the telegraph helped Lincoln win the Civil War', History News Network, George Mason University, 20 Nov. 2006 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://hnn.us/articles/30860.html>, accessed 17 Dec. 2009.

[6] Tom Wheeler, Leadership lessons from the Civil War: winning strategies for today's managers (New York: Doubleday, 1999).

[7] Tom Standage, The Victorian internet (New York: Walker, 1998), p. 154—157.

[8] Gregg Keizer, 'British Museum unveils WWII computer replica', Information Week, 8 Sept. 2006 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.informationweek.com/news/security/government/showArticle.jhtml?articleID=492700296>, accessed 12 Jan. 2010.

[9] Gordon Barrass, 'The renaissance in American strategy and the ending of the great cold war', Military Review, Jan.—Feb. 2010, p. 102 [Elektronnyj resurs]. URL: http://usacac.army.mil/CAC2/MilitaryReview/Archives/English/MilitaryReview_20i00228_art0i6.pdf, accessed 22 Dec. 2009.

[10] John Arquilla, from statements to Mark Williams, 'Technology and the future of war-fare', Technology Review (MIT) 23 Mar, 2006 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.tech-nologyreview.com/BizTech/wtr_i6620,295,pi.html, accessed 11 Dec. 2009;

[11] Michael Schmitt, 'Bellum Americanum', in Michael Schmitt, ed., The law of armed conflict into the next millennium (Newport: Naval War College, 1998), p. 394 - 400.

[12] Jack Germain, 'The art of cyber-warfare, part 1: the digital battlefield', TechNews-World, 29 April 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.teclmewsworld.com/rss-iory/62779.html?wlc=i263772777>, accessed 9 Jan. 2010.

[13] Kenneth Geers, 'Cyberspace and the changing nature of warfare', SC Magazine, 7 Aug. 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.scmagazineus.com/cyberspace-and-the-changing-nature-of-warfare/article/ii5929/>, accessed 11 Jan. 2010.

[14] Eshel, David, 'Israel adds cyber-attack to IDF', Aviation Week's DTI, 9 Feb. 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.military.com/features/0,15240,210486,00.html>, accessed 22 Feb. 2010.

Spisok literatury:

[1] Natan Hodzh: «General, nam sleduet steret' etih hakerov s lica zemli yadernym udarom» (WIRED, 13 May 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.wired.com/danger-room/2009/05/general-we-just-might-nuke-those-cyber-attackers/>, accessed 11 Dec. 2009).

[2] Rech' Kevina Chiltona na Simpoziume po kiberprostranstvu, sostoyavshemsya 7 aprelya 2009 g. v Omahe [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.stratcom.mil/speeches/23/2009_Cyberspace_Symposium.

[3] Jeff Schogol, 'Official: no options "off the table" for US response to cyber-attacks', Stars and Stripes (mideast edn), 8 May 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.stripes.com/article>.

[15] 'Cyberjamming', Wall Street Journal Europe, 29 April 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB120942466671951083.html>, accessed 11 Jan. 2010.

[16] 'Urgency of this cyber-security work', United States Cyber-Consequences Unit [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.usccu.us/#The_Urgency_of_This_Cyber-Security_Work, accessed 3 Jan. 2010.

[17] Siobhain Gorman, 'Electricity grid in US penetrated by spies', Wall Street Journal,

8 April 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB123914805204099085.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[18] Interv'yu Maldera, vzyatoe Stevenom Kroftom 'Cyber-war: Sabotaging the system', 60 Minutes, CBS broadcast, 8 Nov. 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2009/11/06/60minutes/main5555565.shtml>, accessed 08 Jan. 2010.

[19] John Markoff and Andrew Kramer, 'US and Russia differ on a treaty for cyber- 27 June 2009, p. 1 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.nytimes.com/2009/06/28/world/28cyber.html?_r=1, accessed 11 Dec. 2009.

[20] Rex Hughes, 'NATO and global cyber defense', The Bucharest Conference Papers, I - man Marshall Fund & Chatham House, 2008, p. 51, 52.

[21] Charles Williamson, 'Carpet bombing in cyberspace', Armed Forces Journal, 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.armedforces-journal.com/2008/05/3375884>, accessed 11 Jan. 2010.

[22] Mark Ballard, 'US automates cyber defences to offset skills crisis', Computer Weekly, 18 Feb. 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.computerweekly.com/Articles/2010/02/18/240349/us-automates-cyber-defences-to-offset-skills-crisis.htm>, accessed 19 Feb. 2010.

[23] Gordon Corera, 'Cyber-security strategy launched', BBC News, 25 June 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8118348.stm, accessed 12 Jan. 2010.

[24] David Cameron, 'How Britain can best address the threats of the twenty-first century', address at Chatham House, London, 15 Jan. 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.chathamhouse.org.uk/events/view/-/id/1419/>, accessed 20 Jan. 2010.

[25] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2018/5ba423539a79473007627b39>

[26] 'South Korea to launch cyber-warfare command', Defense Technology News, Agence France-Presse, 11 Jan. 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.defencetalk.com/skorea-to-launch-cyber-warfare-command-23649/>, accessed 12 Jan. 2010.

[27] Indrana Bagchi, 'China mounts cyber-attacks on Indian sites', Times of India, 5 May 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/China_mounts_cyber_attacks_on_Indian_sites/articleshow/3010288.cms, accessed 11 Dec. 2009.

[28] 'Indian army gears up for cyber, electronic warfare', India Defence, 5 Feb. 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.india-defence.com/reports/3824>, accessed 12 Jan. 2010.

[29] Amit Sharma, 'Cyber wars: a paradigm shift from means to ends', in Christian Czosseck and Kenneth Geers, eds, The virtual battlefield: perspectives on cyber-warfare (Amsterdam: IOS Press, 2009).

[30] Indian Computer Emergency Response Team, Ministry of Communications and Information Technology (Government of India) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cert-in.org.in/roles.htm>, accessed 11 Jan. 2010;

[31] 'Computer Security Incident Response Team & Center', Network Security Solutions [Elektronnyj resurs], <http://www.mynetsec.com/services/csirt-cert-setup>, accessed 12 Jan. 2010.

[32] Larry Wortzel, 'China goes on the cyber-offensive', Far Eastern Economic Review, January 2009, on-line post 9 Jan. 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.feer.com/esays/2009/january/china-goes-on-the-cyber-offensive>, accessed 11 Jan. 2010.

[33] Siobhan Gorman, August Cole and Yochi Dreazen, 'Computer spies breach fighter-jet project', Wall Street Journal, 21 April 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB124027491029837401.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[34] Michael Sheridan, 'China's great internet stand-off', Sunday Times, 17 Jan. 2010.

[35] 'China accuses US of cyberwar', Wired Magazine, 25 Jan. 2010 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.wired.com/threatlevel/2010/01/china-accuses-us/>, accessed 25 Jan. 2010.

[36] Larry Wortzel, 'China's cyber-offensive', Wall Street Journal, 1 Nov. 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703399204574508413849779406.html>, accessed 19 Dec. 2009.

[37] Siobhan Gorman, August Cole and Yochi Dreazen, 'Computer spies breach fighter-jet project', Wall Street Journal, 21 April 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB124027491029837401.html>, accessed 10 Jan. 2010.

[38] Yaakov Katz, 'IDG bolstering computer defense', Jerusalem Post, 17 Dec. 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: [http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid =](http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid=)

ФЕДОРОВА Ирина Игоревна,

магистрант

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,

Набережночелнинский институт (филиал),

e-mail: feodoro.timur2014@yandex.ru

ГАБИДИНОВА Гульназ Сабирзяновна,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры экономики предприятий и организаций

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,

Набережночелнинский институт (филиал),

e-mail: gab-gul@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. Решающую роль в инновационном созревании и в развитии бизнеса с точки его расширения является инвестирование проектов и идей. Только правильное внедрение инновационного проекта поможет любому предпринимателю расширить свой бизнес, а зачастую стать успешными на долгое время. Актуальность состоит в том, что в условиях рыночной экономики, российским учреждениям в сфере предпринимательства довольно часто приходится сталкиваться с проблемами выживания на рынке, конкурентоспособности и другими немаловажными факторами.

Ключевые слова: инновационный проект, бизнес-план, бизнес, инновации, рыночная экономика.

FEDOROVA Irina Igorevna,

graduate student,

Kazan Federal University,

Naberezhnye Chelny Institute (branch),

GABIDINOVA Gulnaz Sabirzyanovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Department of Economics of Enterprises and Organizations,

Kazan Federal University,

Naberezhnye Chelny Institute (branch)

METHODOLOGICAL ASSESSMENT OF EVALUATION OF ECONOMIC EFFICIENCY OF INNOVATIVE PROJECTS

Annotation. A decisive role in the innovative development and investment of projects and ideas. Only the correct implementation of the investment project allows any business to expand its business, and often become successful for a long time. The relevance is that, in a market economy, Russian institutions in the field of entrepreneurship often have to face problems of survival in the market, competitiveness and other important factors.

Key words: innovation project, business plan, business, innovation, market economy.

Каждый предприниматель и вообще любой начинающий человек, который хочет заняться бизнесом, задается вопросом, стоит ли вообще вкладывать свои средства в какое-либо дело. Поэтому чтобы обезопасить свои средства и в какой-то степени в дальнейшем приумножить свой капитал, предприниматели используют такой инструмент как инновационный проект.

В наше время все чаще возникают вопросы инновационного развития, которые прежде всего являются объектами очень явного внимания, на уровне государственного регулирования и на уровне отдельных предприятий. Самым явным из методов повышения инновационной активности является то, в степени которого определяется уровень развития, такой как финансирование инноваций. Можно отметить, что в инвестиции в

определенные инновационные проекты, зависит наибольшая успешность структур разного уровня.

Конечно же, можно сказать, что невозможно согласовывать, безусловно, все инновационные проекты, в связи с этим увеличивается ответственность в определении на работах и выявление грамотных управленческих решений по оценке эффективности улучшения и отбору инновационных проектов [1, с.56]. Конечно же, все эти действия выявляются на основе действующих положений в фирмах и критериев оценки проектов на определенные объекты и субъекты, выделенных методов оценки.

Необходимо понять разницу в отличиях между инвестиционными и инновационными проектами. Для инновационных проектов характерны такие черты, как специфические риски и неопределенности, которые, безусловно, обусловленные технической и рыночной новизной инноваций [2, с. 25]. Вследствие этого и возникает потребность в подходах новшеств оценки эффективности того или иного инновационного проекта.

Но есть, многие научные разработки по тематике инноваций, несмотря на их значительное превосходство в разнообразии, многие из них посвящены лишь описанию теоретических аспектов инновационной деятельности и оценки эффективности инновационных проектов [3, с. 23]. В существующих методических положениях, которые применяются для оценки эффективности инновационных проектов, приводятся лишь описание методов оценки эффективности [4, с. 79]. В них не встречаются четкие алгоритмы отбора методов оценки экономической эффективности инновационных проектов. Необходимы новые принципы, новые подходы к оценке эффективности инновационных проектов с учетом существующих методов оценки в соответствии с характеристиками инновационных проектов [6, с. 5]. В связи с этим возникает актуальность в исследуемой статье по выбранной теме.

Итак, прежде чем приступить к теоретическим основам инновационного проектирования, необходимо определиться с понятиями «инновация» и «проект».

Инновация – это то, что введено впервые, чего не было прежде. С глобальной позиции это нечто, что является инновацией только в случае конкурентной борьбы на глобальных рынках технологий и техносфер либо существовавших, либо в нововведениях [7, с. 190]. То есть инновация является так называемым продуктом деятельности в творческой среде, изобретением, открытием, которое влияет на производительность и конкурентоспособность предприятия перед другими фирмами.

Рассмотрим данную теорию согласно законодательства. Итак, согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»» от 21.07.2011 № 254-ФЗ, инновация - «это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». Таким образом, мы можем уточнить, что понятие инновация принадлежит ко всем звеньям жизненного цикла в экономической деятельности. Итак, под инновацией мы ведем понятие того, что может стать необходимым предметом в собственности интеллектуальной капитализации и обращения.

Продолжая обсуждения данного вопроса, хочется отметить также, что существует масса методик по оценке эффективности инновационных проектов, среди которых можно выделить:

Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (третья редакция) (далее - Методические рекомендации);

Методические рекомендации по оценке экономической эффективности финансирования проектов, имеющих своей целью коммерциализацию результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее - Рекомендации);

Методику ЮНИДО и другие российские и зарубежные работы по оценке эффективности проектов [8, с. 25].

Как и во второй редакции, Методические рекомендации не предлагают точных алгоритмов оценки эффективности инновационных проектов. Из существенных недостатков данных рекомендаций мы можем выделить один главный, который ведет за собой остальные: это четкая отчетность с данными и результатами, как с положительными, так и с отрицательными при проекте инвестиций и неопределенность при инновационном проекте. С инновационной деятельностью в дальнейшем будет очень сложно прогнозировать.

Также важно указать, что в Методических рекомендациях в основном опираются оценивать инновационный проект, не как базисное целое, а как оценку инноваций проекта в целом, что не дает разрешение оценивать проект в системе. При таком методе оценка инноваций объединяется к двум случаям «тиражируемая» инновация и «эксклюзивная». Во всех случаях рекомендуется оценить через NPV. Однако, в данном случае не учитывается тот факт, что дисконтируемые методы оценки допустимы, если у нас есть аналог инновации. Кроме того, стоит указать, в Методических рекомендациях не придавать значения

стадии НИОКР. Для решения данного вопроса официально рекомендованы и ведены к применению «Методические рекомендации по оценке экономической эффективности финансирования проектов, имеющих своей целью коммерциализацию результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ» (далее - Рекомендации).

Рекомендации, прежде всего, направлены на оценку эффективности результатов в коммерческой сфере опытно-конструкторских работ, учитывая потенциал трансфера технологий и его осуществление. После результаты ОКР и проверок опытных образцов осуществляются для применения Рекомендаций информацией для необходимости.

В этих рекомендациях употребляются собственные показатели, которые по смыслу близки к показателю NPV, видимые к доходам в случае прямого кредитования, а также долгосрочного вклада средств. В рейтинг проектов выстраивается зависимость от принимаемых показателями в ходе расчетов. В данный проект на основе выявленных критериев выявляется на основе отбора проектов и вопрос решается на основе целесообразности вложений в данный проект.

Итак, чтобы понять, что представляет собой инновационный проект, нужно воспринять, что такое вообще инвестиции в инновационный проект. Для каждого человека инвестиции означают вложение собственных средств для умножения своего капитала в будущем. И это действительно так, но инвестиции также нужны не только для самого инвестора, но в чистую для человека, который хочет реализовать свои идеи в реальность. Тогда инвестиции в этом плане являются первостепенными и важными для обоих людей.

Инвестиции свою очередь могут быть разного рода, то есть долгосрочными, краткосрочными, зарубежными, региональными и другими. Но сегодня речь пойдет только о краткосрочных и долгосрочных инвестициях.

Конечно же, эти два термина говорят сами за себя, то есть краткосрочные инвестиции означают, что денежные средства возвращаются быстро, а долгосрочные долго, если говорить простым языком.

Данный показатель единственный, с его помощью выявляется оценка улучшения эффективности инновационных проектов и формируется рейтинг проектов, а при расчетах не учитывается неопределенность параметров.

В итоге изучения данных параметров хочется отметить, методики оценки эффективности инновационных проектов, существующие на территории Российской Федерации, не доработаны в пол-

ной мере, а также не предлагаемы в решении внятных алгоритмов оценки эффективности.

В настоящее время, вернее в современных условиях огромное влияние имеется у информационных технологий и процессов. Учет их основывается и является обязательным при проектировании и оценке эффективности, требующий организации единственной модели учитывающей состояние уровня информатизации на примере предприятия, особенности инновационных процессов и технологий на данном предприятии [9, с. 112].

Как и всякая информационная модель оценки эффективности инновационных проектов, непосредственно включает в себя перечень в совокупности характеристик. Можно те или иные характеристики, в зависимости от критерия рассмотрения инноваций, относить существенным или второстепенным. Разделения их в методике характеристик на существенные и второстепенные напрямую приводит к множественным выводам в результатах оценки эффективности инновации.

Конечно же, такого вида обстоятельство выглядит, как начало в изучении пункта анализировать инновацию как сложную систему [5, с. 11] включающую совокупность элементов (характеристик). Такой взгляд подвергает к изучению теории системного подхода и системного разбора анализа инноваций. Развитие системного подхода [11, с. 116] приведет к синергетическому подходу и оценки последствия инновации.

Информационный подход при оценке эффективности инноваций выполняет функции: информирования, обеспечения и анализа инновационных процессов [12, с. 55]. Информационный подход к анализу инновационных проектов включает следующие процессы:

- построение информационной модели инновации;
- построение информационной ситуации, описывающей внедрение инновации;
- рассмотрение информационных отношений между инновацией и информационной ситуацией, между информационной ситуацией и средой;
- агрегативное описание характеристик инновации во взаимосвязи как элементов системы;
- содержательное описание характеристик инновации в виде семантических информационных единиц [13, с. 10];
- применение коррелятивного анализа [14, с. 6] для выявления скрытых отношений и связей в инновационном проекте

На последнем процессе следует обратить особое внимание. В современных условиях боль-

шинство инноваций связаны со сложными системами и структурно представляют сложные системы с большим количеством связей и отношений. Таким образом, при оценке эффективности приходится иметь дело с комплексом «инновация - сложная техническая система». Это приводит к необходимости углубленного и многоуровневого анализа. Реальная ситуация состоит в том, что в сложных системах могут возникать обратные или паразитические внутренние связи, которые первоначально не видны. Для выявления таких связей применяют дополнительные виды анализа к числу которых относятся факторный, коррелятивный, дискриминантный и другие.

В рамках информационного подхода оценивается информационная потребность в инновации, для чего применяют разнообразные модели информационной потребности в виде пентграммы [17, с. 39] или в виде тринитарной системы [15, с. 16].

В иностранных государствах инновационные проекты оцениваются независимо от инвестиционных, т.е. есть четкое разделение между ними. Популярностью пользуются методики STAR (Strategic technology assesment review) и UNIDO.

Авторами методики STAR являются ученые крупнейших университетов США. Данная методика основана на многолетнем опыте сотрудничества с такими фирмами, как Intel, Hewlett-Packard, General Electric, IBM, Citibank и другие.

Эти зарубежные методики имеют следующие недостатки:

- в STAR-методике большинство рисков повторяются, что приводит к необоснованным итогам;
- при оценке не рассматриваются все возможные сценарии развития событий. Критерии оценивания назначаются экспертами;
- учет мнения различных экспертов является не достаточно проработанным;
- российские компании не могут перенять зарубежные методики из-за специфики рынка и принятых норм и стандартов.

Итак, проведенный анализ отечественных методов оценки инноваций, используемых в настоящее время, а также анализ зарубежных методов оценки инноваций позволяет сделать вывод о невозможности использования данных методов отечественными субъектами инновационной системы.

Если говорить об учетных, которые еще называют данные системы статистическими методами, то они не учитываются конъюнктура на финансовом рынке, инфляция, распределение инвестиций во времени и риски. Помимо этого, эти методы основаны в бухгалтерских оценках структур расчетов, которые в свою очередь явля-

ются условной величиной и зависят от выбранной учетной политики компании. Поэтому для оценки эффективности инновационных проектов эти методы не всегда применимы. Кроме того многие ученые не рекомендуют вообще оценивать инновационные проекты с помощью этих методов и мы в свою очередь солидарны с их мнением.

Но, несмотря на то, что вторая группа методов, основанных на DCF- подходе, достаточно традиционны в применении их к оценке инновационных проектов, они имеют ряд недостатков, которые следует описать.

Во-первых, дисконтированные методы подходят для долгосрочных проектов, так как дисконтирование представляет собой распределение денежных потоков во времени. Отсюда следует необходимость в прогнозных данных, что не всегда является простой задачей для инновационных проектов. Во-вторых, выбор правильной ставки дисконтирования является второй сложной проблемой. Ставка дисконтирования должна отражать риск стратегических инвестиций, которые рассматриваются компанией, и, это само по себе достаточно сложная задача для проекта, который характеризуется высокой степенью неопределенности. В-третьих, необходимо выделить проблему анализа и расчета отправной точки, то есть того, с чем сравниваются альтернативы проекта, есть ли аналог инновационного проекта. И наконец, оценка будущих денежных потоков не берет в расчет, что риск и управленческая гибкость могут стать факторами приносящими ценность.

Например, менеджер проекта может:

- а) уменьшить, приостановить или остановить негативные процессы, которые могут начаться в ходе реализации проекта;
- б) развить положительные черты проекта;
- в) отсрочить проект до получения новой информации;
- г) изменить стратегию в соответствии с новыми условиями и т.п.

Все эти факторы учитываются при оценке третьей группой методов с помощью анализа реальных опционов.

Однако, применение реальных опционов не всегда уместно из-за ряда причин: они присутствуют не в любом проекте, их расчет неточен и поддается манипулированию. А также чрезмерное увлечение опционами может привести к просчетам.

Поэтому, чтобы воспользоваться этим методом анализа для оценки проектов, необходимо условие выполнения следующих требований:

- а) проект и опционы к нему должны принадлежать одной рыночной нише, а также не противоречить стратегии;

б) проект должен быть гибким и адаптивным, чтобы менеджеры проекта могли принимать управленческие решения.

Осталось ответить только на один вопрос, об составляющих эффекта инновационной деятельности и подходов к оценке ее эффективности в зависимости от стадии жизненного цикла инновации.

Эффект инновационной деятельности, как стоит отметить, является многоаспектным. Составляющие данного эффекта от реализации инноваций являются разнокачественными, но взаимосвязанными. Они характеризуют результат инновационного процесса, но только по присущим им критериям и показателям. Очень часто нет возможности их точной количественной оценки. В связи с существенным различием целевых критериев отдельных стадий и этапов инновационного процесса возникают трудности при расчете интегрального эффекта от инновации. Например:

Размер эффекта от реализации инноваций непосредственно определяется их ожидаемой эффективностью, которая зависит от целевого критерия:

- в продуктовом отношении - это повышение качества и рост товарного ассортимента;
- в технологическом плане - это увеличение производительности труда и улучшение условий труда;
- в функциональном смысле - это повышение управленческой эффективности;
- в социальном плане - это рост качества жизни людей.

Очевидно, что экономическая ценность инноваций непосредственно определяется для целевой аудитории их ожидаемой (прогнозируемой) полезностью, позволяющей преодолеть проблему ограниченности того или иного вида привлеченных ресурсов [16, с. 122].

Оценка социальных последствий инноваций - это наиболее сложная в методологическом аспекте проблема определения эффективности инновационной деятельности [18, с. 30]. С одной стороны, достижение социальных целей должно лежать в основе оценки любого проекта, поскольку их конечная цель - это повышение качества жизни людей и обеспечение возможности гармоничного развития общества. Но с другой стороны, многие проявления социального эффекта нельзя измерить прямо или косвенно, приходится оперировать лишь качественными показателями (это относится, например, к улучшению здоровья, удовлетворению эстетических запросов и т.д.). Как правило, чем значительнее социальное достижение, тем труднее провести его интегральную количественную оценку.

Хотелось бы также отметить, что при определении величин различных видов эффектов инновационных проектов, наряду с определением соответствующей эффективности, необходимо учитывать и величину потенциальных рисков инновационного проекта.

Допустимы также условия, когда ситуации нелегко характеризовать эффектами, возникающими при многих выявлениях в инновациях, то есть невыполнимо однозначно заключение, ведение в новой тематике положительным или отрицательным воздействием. Как, например, производство электроэнергии с применением ядерных реакторов разрешает существенно сбавить ее себестоимость, но при этом АЭС - это серьезные производственные объекты (экономическая эффективность в данном случае высокая, а социальная - иногда отрицательная) [10, с. 38].

Таким образом, обнаружение и выявление большинства допустимых эффектов и последствий, возникающих при широком применении и разработке инновации, показывает необходимым условием для ведения всей оценки инновационного проекта. Стоит отметить, что все имеющиеся методики оценки эффективности инновационных проектов, можно смело выводить о том, что проблема о присутствии довольно явных и разборчивых методов оценки довольно понятно. Но данные методики не соответствуют и не отвечают на вопрос, каким из методов оценки инновационных проектов лучше пользоваться для всевозможных проектов в характеристиках. Понимание нынешних методов оценки эффективности инноваций и инвестиций имеет наибольшее значение в практике, потому что дает разрешение менеджерам принимать и выявлять квалифицированные проблемы в сфере инновационной деятельности и с большим преимуществом и высоким уровнем применять ограниченные ресурсы организации. Помимо этого, владение достоинствами и недостатками используемых в наше время методов оценки эффективности инноваций и инвестиций может способствовать улучшению этих методов.

Итак, в статье показаны и изучены моменты для инвестиционных проектов, что относятся к различным стадиям инновационного процесса, приспособляются разнообразные целевые критерии принятия соответствующих решений. Поэтому и подходы к оценке эффективности инвестиций по отдельным стадиям инновационного процесса существенно различаются.

Ведь, рассмотренные в статье вопросы будут способствовать в будущем к совершенствованию методов экономического анализа эффективности инвестиционной и инновационной деятельности организаций.

Список литературы:

- [1] Кузык Б.Н. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. 2018. Т. 11. № 1. С. 56-67.
- [2] Мильнер Б. Инновационное развитие и сетевое управление // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 9. С. 25-33.
- [3] Кудж С.А. Системный подход // Славянский форум. 2017. 1(5). С. 22 -25.
- [4] Мызрова О.А. Развитие и современное состояние теории инноваций // Инновации. 2016. № 7. С. 79-83.
- [5] Цветков В.Я., Омельченко А.С. Инновация и инновационный процесс как сложная система // Качество, инновации, образование. 2016. № 2. С. 11-14.
- [6] Илюшина Е.О., Шадрин А.Д. Инноватика, качество, стандартизация, образование // Качество. Инновации. Образование. 2018. № 9. С. 2-10.
- [7] Лёвин Б.А. Университетский ресурс в инновационном цикле // Мир транспорта. 2016. Т. 12. № 6 (55). С. 190-200.
- [8] Бортник И.М. и др. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2017. № 9 (167). С. 25-38.
- [9] Цветков В.Я. Информатизация, инновационные процессы и геоинформационные технологии. // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016. № 4. С. 112-118.
- [10] Кудж С.А. Многоаспектность рассмотрения сложных систем // Перспективы науки и образования. 2018. № 1. С. 38-43.
- [11] Ожерельева Т.А. Системный анализ пространственной инновации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12. С. 116-120.
- [12] Коваленко А.Н. Системный подход создания интегрированной информационной модели // Славянский форум. 2017. 2 (6). С. 51-55.
- [13] Кудж С.А. Коррелятивный анализ как метод познания // Перспективы науки и образования. 2016. № 5. С. 9 -13.
- [14] Розенберг И.Н. Информационные революции и информационные потребности // Дистанционное и виртуальное обучение. 2017. № 4. С. 5-12.
- [15] Гусев Б.В., Мнацаканов В.А., Лёвин Б.А. Рациональное развитие транспортной инфраструктуры крупных городов и мегаполисов // Вестник КИГИТ. 2017. № 2. С. 16-24.
- [16] Романов И.А. Проекты, связанные с инновациями // Успехи современного естествознания. 2018. № 7. С. 122-124.
- [17] Лёвин Б.А. Инноватика в научном обеспечении транспортной безопасности // Мир транспорта. 2017. № 1. С. 38-41.
- [18] Бутко Е.Я. Системный подход в формировании структуры // Славянский форум. 2017. 2 (16). С. 25-31.

УДК 338.43
ББК 49

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург
e-mail: OS-Bakunova@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Владимировна,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург
e-mail: ukadr1201@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург
e-mail: pilnikovai@mail.ru

КРОХАЛЕВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург
e-mail: krohalev_aleksandr1989@inbox.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА И КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Аннотация. «Сельскохозяйственная техника — это широкий спектр технических средств, предназначенных для повышения производительности труда в сельском хозяйстве путём механизации и автоматизации отдельных операций или технологических процессов» [1]. В сельском хозяйстве техника в основном применяется на сельскохозяйственных объектах и предприятиях. Цифровизация сельского хозяйства - одна из основных стратегических задач развития страны и обеспечения ее продовольственной безопасности. С использованием цифровых технологий в сельском хозяйстве изменяется повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам.

Данная статья посвящена сельскохозяйственной технике и цифровым технологиям в отрасли. На примере Свердловской области рассмотрены концепция Интернета вещей, проблемы сельхозпроизводителей и пути их решения.

Авторы пришли к мнению, что потребность в обеспечении продовольственной безопасности области дает аграрной отрасли хорошую возможность за короткое время перейти из традиционно консервативной в высокотехнологичную, способную внедрять инновационные решения и разработки, которые предлагает сегодня концепция Интернета вещей.

Ключевые слова: сельскохозяйственная техника, цифровизация, цифровое сельское хозяйство, IT-технологии, сельское хозяйство, аграрная сфера, Интернет вещей, инновации.

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics,
senior Lecturer, Department of accounting and auditing,
Ural state Agrarian University,
Ekaterinburg

PETRYAKOVA Svetlana Vladimirovna,
senior lecturer of the Department of accounting and audit,
Ural state Agrarian University,
Ekaterinburg

PILNIKOVA Irina Fedorovna senior Lecturer,
Department of accounting and auditing,
Ural state Agrarian University,
Ekaterinburg

KROKHALEV Alexander Anatolyevich,
senior Lecturer, Department of accounting and auditing,
Ural state Agrarian University,
Ekaterinburg

AGRICULTURAL EQUIPMENT AND THE CONCEPT OF THE INTERNET OF THINGS

Annotation. *“Agricultural machinery is a wide range of technical tools designed to increase labor productivity in agriculture by mechanizing and automating individual operations or technological processes” [1]. In agriculture, machinery is mainly used in agricultural facilities and enterprises. Digitalization of agriculture is one of the main strategic tasks of the country’s development and ensuring its food security. Using digital technologies in agriculture, a person’s daily life, industrial relations, economic structure and education are changing, as well as new requirements for communications, computing power, information systems and services.*

This article is about agricultural technology and digital technology in the industry. The article considers the concept of the Internet of things, the problems of agricultural producers and ways to solve them using the example of the Sverdlovsk region.

The authors came to the conclusion that the need to ensure food security in the region gives the agricultural industry a good opportunity in a short time to switch from traditionally conservative to high-tech, able to implement the innovative solutions and developments that the concept of the Internet of things offers today.

Key words: *agricultural machinery, digitalization, digital agriculture, IT-technologies, agriculture, agricultural sector, Internet of things, innovations.*

Введение

Введение машинной техники в сельское хозяйство совершалось гораздо медленнее, чем в промышленность. Сельскохозяйственные машины и орудия (одно- и многолемешные плуги, культиваторы, разрыхляющие почву или уничтожающие сорняки, сеялки, жатвенные машины, сноповязалки) были рассчитаны, в основном, на конную тягу. «С 50-х годов XIX в. получили некоторое распространение паровые тракторы, или, как их тогда называли, «самодвижущиеся локомотивы» и «паровые плуги», одним из наиболее видных изобретателей которых был англичанин Джон Фоулер. Однако систематически применялись в сельском хозяйстве в это время лишь локомотивы, использовавшиеся при молотье и некоторых других работах» [2].

Использование робототехники в аграрной сфере, необходимость цифровизации сельского хозяйства в своих работах рассматривали извест-

ные российские ученые: Н.И. Абрамова, А.В. Акимов, М.И. Горбачев, А.А. Гришин, Л.П. Кормановский, Ю.Ф. Лачуга, Н.М. Морозов, Ю.Н. Никулина, П.А. Савиных, Е.А. Скворцов, В.Н. Суровцев, Е.А. Тяпугин, Ю.А. Цой, О.С. Чеченихина, С.В. Шаныгин и др. Однако с развитием инноваций, с внедрением новых технологий на базе развития Интернета тема применения сельскохозяйственной техники в век Интернета особенно актуальна.

Цель исследования

Оценить возможность внедрения IT-технологий в производство сельскохозяйственной продукции.

Задачи исследования

Изучить состояние сельскохозяйственной техники в Свердловской области, опыт зарубежных стран в сфере IT-технологий, преимущества внедрения Интернета вещей для пользователей

— фермеров или персонала сельхозпредприятий. Ведь с помощью специальных конструкторов пользователи системы получают шанс производить свой продукт и внедрять собственные инновации. В таком случае, например, каждый фермер будет иметь возможность лично сменить «ручной» процесс анализа качества почв, воды, погодных условий в конкретном участке его угодий системой мониторинга путем формирования задачи через конструктор приложений.

Результаты исследования

Нынешнее сельское хозяйство хотя и обладает современной техникой, но обеспеченность ею и ее состояние порой оставляют желать лучшего. В 2018 г. в сельскохозяйственных организациях Свердловской области наблюдалось небольшое увеличение парка некоторых видов сельскохозяйственной техники (табл. 1).

Таблица 1

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях Свердловской области

Виды с/х техники	2012г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Тракторы	4888	4515	4253	3850	3677	3638	3717
Комбайны:							
зерноуборочные	812	780	714	641	616	573	596
картофелеуборочные	70	71	70	59	63	60	63
кормоуборочные	404	384	355	334	330	323	310
Плуги всех видов	1163	1085	1006	906	882	867	887
Культиваторы тракторные всех видов	1075	1006	926	840	804	778	789
Сеялки тракторные	1351	1217	1084	981	919	849	886
Жатки валковые	107	102	114	103	93	108	107
Косилки	837	757	696	631	602	638	639
Пресс-подборщики	482	453	440	394	399	421	404

В 2018 г. сельскохозяйственными организациями приобретено: 131 трактор, 26 зерноуборочных и 25 кормоуборочных комбайнов, 41 машина для посева, 41 плуг, 31 культиватор, 26 доильных установок, 15 жаток валковых. Количество пресс-подборщиков увеличилось на 17 единиц, кормоуборочных комбайнов – на 13, разбрасывателей твердых минеральных удобрений и машин для внесения в почву твердых органических удобрений – на 3 единицы.

Наибольшая часть новой техники приобретена в сельскохозяйственных организациях: Ирбитского муниципального образования (тракторов – 20, культиваторов – 8, плугов – 5), Белоярского городского округа (тракторов – 17, культива-

торов – 6, машин для посева и дождевальных машин и установок – 3), Байкаловского муниципального района (машин для посева – 8, в том числе сеялок – 8, доильных установок – 5, плугов – 3), что позволило сельскохозяйственным организациям в некоторой степени компенсировать выбытие сельхозтехники [9].

За 2018 г. было списано по износу сельскохозяйственной техники: 186 тракторов (без тракторов, на которых смонтированы землеройные, мелиоративные и другие машины), 52 машины для посева, 36 культиваторов, 32 плуга; комбайнов: 40 зерноуборочных и 21 кормоуборочный; 25 доильных установок.

Таблица 2

**Обеспеченность сельскохозяйственных организаций
Свердловской области тракторами и комбайнами**

Виды с/х техники	2018 г.	2017 г.	2018 г. в % к 2017 г.
Приходится на 100 тракторов, штук			
плугов	24	24	100,0
сеялок	23	24	95,8
косилок	18	17	105,9
культиваторов	21	21	100,0
борон	362	354	102,3
грабель	10	10	100,0

Интенсивность процесса обновления сельскохозяйственной техники характеризуют относительные показатели – коэффициенты обновления и ликвидации. Коэффициенты обновления увеличились в 2018 г. по сравнению с 2017 г.: жатки валковые – с 10.3 до 13.9%, культиваторы – с 3.3 до 4.0%, комбинированные агрегаты – с 4.7 до 6.1%, плуги – с 4.5 до 4.7%, посевные комплексы – с 5.7 до 6.0%, кормоуборочные комбайны – с 6.5 до 7.7%. Но положение дел с технической оснащённостью агропромышленного комплекса Свердловской области остается сложным. Коэффициент ликвидации превышает коэффициент обновления по основным видам техники [10].

В настоящее время ухудшающаяся экологическая ситуация, рост стоимости энергоносителей и падение плодородности земель станут серьезным препятствием для производства необходимого количества продовольствия. По прогнозам, ближе к 2050 г. для питания человечеству понадобится на 70% больше продуктов, чем сегодня. Соответственно, вышеперечисленная техника не будет справляться с возникшими проблемами. Решить эти проблемы можно путем изменения методов ведения сельхоздеятельности, в частности внедряя новейшие технологии и инновационные решения, наподобие концепции Интернета вещей.

«Умное» поле, какое оно?

Даже несмотря на то что сельское хозяйство многим кажется консервативной отраслью, она является одной из первых, где начали использовать IoT-технологии, в частности Интернет вещей

(Internet of Things, IoT). IoT – «глобальная концепция взаимодействия и обмена информацией различными устройствами, машинами, системами посредством интернета» [7]. За счет автоматизации процесса и его проверки путем разнообразных «умных» устройств данная концепция дает возможность свести к минимуму участие человека в процессе производства продукции.

IT-технологии наиболее актуальны в полеводстве при выращивании зерновых культур. С появлением и применением «умных» устройств управление продуктивностью посевов с учетом изменений в среде обитания растений стало возможным. Данная возможность позволяет решить две основные проблемы сельхозпроизводителей: 1) увеличение урожайности; 2) уменьшение расходов.

Однако такого рода инновации только набирают известность. Даже в США, по данным министерства сельского хозяйства этой страны, уровень эксплуатации тех же технологий точного земледелия варьируется от 30 до 50% (в зависимости от региона). Хотя, стоит отметить, что США является одной из ведущих стран по использованию IoT-технологий в различных отраслях.

Аналитики из Goldman Sachs Group заявляют, что значительное большинство государств, которые энергично развивают свое сельское хозяйство, мягко переходят из «аналога» на «цифру». По их сценарию, использование новых технологических решений способно повысить мировое сельхозпроизводство на 70% к 2050 г. Это позволит сельхозпродукции вырасти почти на 800 млрд долл.

Менять технику и инфраструктуру

Однако для того, чтобы данная технология работала, прежние машины и агрегаты не помогут, нужны новые. Следует заметить, что их изготовители широко начинают переходить на выпуск продукции, которая сможет стать частью IoT. Главные мировые компании, которые работают в сфере агромашинопроизводства, уже строят свои стратегии развития, исходя из потребности диджитализации и автоматизации большинства сельхозпроцессов. Наглядным в этом контексте является пример Германии, которая на государственном уровне взяла курс на диджитализацию промышленности [8].

Так же отметим, что Европа, в отличие от США, гораздо меньше использует сельхозтехнику с навигационной системой. Это связано с тем, что в ЕС преобладают мелкие семейные фермы, которые, в свою очередь, не нуждаются в технике, тем более в «умной», так как она дороже.

Главными пользователями новых технологий являются немалые агропромышленные комплексы в странах активного сельхозпроизводства. Основными проблемами использования «умных» устройств в агросекторе этих стран становятся:

- финансовая составляющая;
- неполное развитие инфраструктуры и покрытие беспроводной связи 3G/4G
- значительная энергоемкость имеющихся технологий.

Н перспективы, которые сулит операторам мобильной связи внедрение IoT-технологий в АПК (увеличение объема услуг связи, трафика, клиентов и т.д.), рано или поздно вынудит их перестроить сетевую инфраструктуру. Вполне возможно, что существенным толчком к этому станет ожидаемое появление к 2020 г. нового стандарта связи 5G.

Автоматизация всего и вся

Какие же «прорывные» решения может дать Интернет вещей для агросферы? Кроме основных — увеличение урожайности и уменьшение расходов, с помощью IoT-устройств можно внедрять целый набор других решений, которые непосредственно влияют на процесс изготовления сельхозпродукции. К ним можно отнести дистанционное управление сельхозтехникой и технологическими операциями, контроль разнообразных процессов и состояний и многое другое.

Беспилотные сельхозмашины с помощью специальной программы способны в автоматическом режиме реализовывать как обработку почвы, так и уборку урожая. Их использование позволит автоматизировать практически весь сельскохозяйственный цикл. При этом могут применяться

не только наземные «беспилотники», но и летательные аппараты [6]. С помощью специальных камер и высокочувствительных сенсоров они способны за укороченный промежуток времени просканировать поля больших размеров. «Собранная ими информация позволит создавать электронную 3D-карту полей, рассчитывать показатели для внесения удобрений, осуществлять контроль за работой транспорта и сельхозмашин, охрану угодий и т.п. Так же немало решений касается переработки и хранения сельхозпродукции. Автоматизация этих процессов позволяет уменьшить затраты на персонал и улучшить условия хранения собранного урожая» [7].

Как можно видеть, здесь значимая роль отводится датчикам и сенсорам. Характерность конструкции и работы этих устройств дает возможность размещать их на дальних расстояниях и через Сеть, безвыездно получать информацию о состоянии разных полей и культур, а именно: параметры влажности, температуры, уровень засоренности сорняками, фазы роста и т.п.

Однако, чтобы получить такого рода информацию в соответствующей местности, качество и устойчивость работы беспроводной связи должно быть на высоте. Это обеспечит бесперебойную работу задействованных в системе IoT-устройств. Не менее важным является взаимодействие всех участников IoT-системы: производителей, поставщиков соответствующих устройств и услуг, разработчиков приложений и решений, их пользователей и, конечно же, самих «умных» устройств. Площадкой, объединяющей их всех под одной «крышей» и дающей возможность «общения», является соответствующая IoT-платформа — центральный компонент экосистемы IoT.

Заключение

Во время исполнений IoT-решений, в силу взаимодействия сторон IoT-системы между собой, всегда будет формироваться некая экосистема партнеров. IoT-платформа представляется в виде посредника, с помощью которого устройства и компоненты системы могут делиться данными.

Помимо этого, она дает возможность развивать пользовательские приложения и сервисы. Это будет хорошо сказываться на использовании возможностей IoT самими пользователями: фермерами или персоналом сельхозпредприятий. С помощью специальных конструкторов юзеры системы получают шанс производить свой продукт и внедрять собственные инновации. В таком случае, например, каждый фермер будет иметь возможность лично сменить «ручной» процесс анализа качества почв, воды, погодных условий в конкретном участке его угодий системой мониторинга посредством формирования задачи через

конструктор приложений, т.е. путем добавления соответствующего модуля конструировать практически любой набор нужных данному фермеру решений и обмениваться ими на платной или безвозмездной основе с другими фермерами.

При этом, присутствие общей платформы как бы «социализирует» образованное ими решение, делая его доступным другим пользователям. А это уже будет обозначать мягкий перевод к глобальным многопользовательским платформам, основой которых является гармоничная синергия трех компонентов: социального, контентного и аппаратного, получившим название социальных IoT-платформ (Slot). Многие эксперты считают, что будущее «умного» сельского хозяйства именно в таких платформах, при этом, одним из главных факторов популяризации Интернета вещей, в том числе и для аграрной отрасли, будет социальная составляющая.

В любом случае, мировой тренд на увеличение числа продовольствия дает аграрной отрасли хорошую возможность за короткое время перейти из традиционно консервативной в высокотехнологичную, способную впитать в себя те инновационные решения и разработки, которые предлагает сегодня концепция Интернета вещей.

Список литературы:

- [1] Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Фатеева Н. Б. Проблемы управления персоналом на предприятиях АПК // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народно-хозяйственных комплексов: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ф.Е. Удалова, В.В. Бондаренко. - 2018. - С. 46 - 50.
- [2] Зуева С.В., Тимофеев А.Г. Информационные технологии в сельском хозяйстве. технологии точного земледелия // Социально-экономические проблемы развития муниципальных образований: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых: сб. - 2009. - С. 185 - 187.
- [3] Горбунова О.С., Петрякова С.В., Радинова С.В., Пильников Л.Н. Роботизация тепличных комплексов в сфере цифровизации экономики сельского хозяйства // Образование и право. - 2019. - № 4. - С. 123 - 130.
- [4] Лялин Д.В., Лялина Т.М., Горбунова О.С. Организационно-экономический механизм развития рынка технических средств в АПК региона // Аграрный вестник Урала. - 2014. - № 12 (130). - С. 84 - 87.
- [5] Пустуев А.Л., Горбунова О.С., Набоков В.И. и др. Зарубежные модели формирования человеческого капитала аграрной сферы и их использование // Аграрный вестник Урала. - 2017. - № 4 (158). - С. 17.
- [6] Скрябин А.П. Технология использования беспилотных летающих аппаратов в сельском хозяйстве // Eurasia Science: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. - 2017. - С. 6 - 9.
- [7] Сельскохозяйственная техника [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.wikiwand.com/ru/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0
- [8] Умное сельское хозяйство и интернет вещей: будущее не за горами [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://integral-russia.ru/2017/09/25/umnoe-selskoe-hozyajstvo-i-internet-veshhej-budushhee-ne-za-gorami/>
- [9] Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <http://www.mcx.ru/>
- [10] Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
- Spisok literatury:
- [1] Zarubina E. V., Simachkova N. N., Fateeva N. B. Problemy upravleniya personalom na predpriyatiyah APK // Povyshenie upravlencheskogo, ekonomicheskogo, social'nogo i innovacionno-tekhnicheskogo potentsiala predpriyatij, otraslej i narodno-hozyajstvennyh kompleksov: sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. F.E. Udalova, V.V. Bondarenko. - 2018. - S. 46 - 50.
- [2] Zueva S.V., Timofeev A.G. Informacionnye tekhnologii v sel'skom hozyajstve. tekhnologii tochnogo zemledeliya // Social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya municipal'nyh obrazovanij: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov i molodyh uchenyh: sb. - 2009. - S. 185 - 187.
- [3] Gorbunova O.S., Petryakova S.V., Radionova S.V., Pil'nikov L.N. Robotizaciya teplichnyh kompleksov v sfere cifrovizacii ekonomiki sel'skogo hozyajstva // Obrazovanie i pravo. - 2019. - № 4. - S. 123 - 130.
- [4] Lyalin D.V., Lyalina T.M., Gorbunova O.S. Organizacionno-ekonomicheskij mekhanizm razvitiya rynka tekhnicheskikh sredstv v APK regiona // Agrarnyj vestnik Urala. - 2014. - № 12 (130). - S. 84 - 87.
- [5] Pustuev A.L., Gorbunova O.S., Nabokov V.I. i dr. Zarubezhnye modeli formirovaniya chelovecheskogo kapitala agrarnoj sfery i ih ispol'zovanie // Agrarnyj vestnik Urala. - 2017. - № 4 (158). - S. 17.
- [6] Skryabin A.P. Tekhnologiya ispol'zovaniya bespilotnyh letayushchih apparatov v sel'skom

hozyajstve // Eurasia Science: sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. - 2017. - S. 6 - 9.

[7] Sel'skohozyajstvennaya tekhnika [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.wikiwand.com/ru/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0

[8] Umnoe sel'skoe hozyajstvo i internet veshchej: budushchee ne za gorami [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <http://integral-russia.ru/2017/09/25/umnoe-selskoe-hozyajstvo-i-internet-veshhej-budushhee-ne-za-gorami/>

[9] Ministerstvo sel'skogo hozyajstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.mcx.ru/>

[10] Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru>

ЯНИШЕВСКАЯ Яна Андреевна,
Российский футбольный Союз,
главный специалист по взаимодействию с международными
организациями отдела протокола

ВСЕМИРНЫЙ АНТИДОПИНГОВЫЙ КОДЕКС КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОПИНГУ В СПОРТЕ

Ключевые слова: допинг, спорт, Всемирный антидопинговый кодекс, спортсмен, физическая нагрузка, соревнования.

Актуальность. Актуальность исследования определяется, во-первых, ведущимися научными дискуссиями и отсутствием единого мнения о природе и роли Всемирного антидопингового кодекса как правовой основы противодействия допингу в современном спорте, во-вторых, определением проблем и обоснованием путей их решения в аспекте повышения эффективности противодействия допингу в спорте.

Цель статьи. Цель статьи заключается в разработке функционально-правового подхода, определяющего место, цели и задачи Всемирного антидопингового кодекса как правовой основы противодействия допингу в спорте.

Методы. Ведущим методом исследования проблемы явился дедуктивный метод, позволивший изучить природу Всемирного антидопингового кодекса. Ведущий метод, заложенный в основу решения проблемы, состоит в изучении правовых основ реализации основных положений Всемирного антидопингового кодекса.

Результаты. В статье доказана теоретическая нерешенность проблемы определения функций прокурора. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что наделение некоторых положений, касающихся организации и деятельности прокуратуры, статусом принципа, представляется надуманным и искусственным.

ВВЕДЕНИЕ.

Современный спорт постоянно требует от спортсмена новых физических усилий на уровне предельного функционирования систем всего организма, обеспечивающих мышечную деятельность, когда резервы организма уже исчерпаны. В этом случае наступает защитная реакция организма - утомление, физиологическое состояние организма спортсмена, проявляющееся снижением работоспособности в результате неспособности системы к выполнению специфической физической нагрузки заданной интенсивности. Такая реакция совершенно естественна и служат лишь одной цели - отказу от нагрузок и восстановлению. Говоря философским языком, человек должен остановиться и задуматься, по плечу ли ему такая нагрузка?

1.1. История принятия Всемирного антидопингового кодекса. Всемирный антидопинговый кодекс был принят в 2003 г. Всемирным антидопинговым агентством и начал действовать в 2004 г. Измененный Всемирный антидопинговый кодекс был утвержден Советом учредителей Всемирного антидопингового агентства 17 ноября 2007 г. Пересмотренный Всемирный антидопинго-

вый кодекс вступил в силу с 1 января 2009 г. он полностью соответствует Международным стандартам ВАДА.

Сегодня каждый пятый молодой человек умирает во время занятий спортом. Анализ 1866 случаев внезапной смерти спортсменов США с 1980 по 2006 гг. показал: с 1980 по 1993 гг. в стране было зарегистрировано 576 случаев смерти спортсменов, а с 1994 по 2006 гг. - уже 1290 случаев, то есть на 123% больше. Авторы данного исследования пришли к выводу - ежегодно число случаев смерти спортсменов в США увеличивается на 6%. При этом национальный регистр внезапной смерти спортсменов США регистрирует до 115 случаев в год. Это означает, что каждые три дня в США внезапно умирает человек, вовлеченный в организованный спорт.

Частота смерти в спорте не только из года в год растет. Она также значительно превосходит таковую в популяции. Польский исследователь В. Halawa, проанализировав 16 исследований, касающихся данной проблемы, подсчитал, что риск внезапной смерти среди спортсменов в 5-10 раз выше, чем в популяции. Например, смертность спортсменов в США в 2,4 раза выше, чем в популяции. Среди молодых спортсменов частота вне-

запной смерти еще выше в 2-4 раза чаще, чем у ровесников из контрольной группы. Данные факты свидетельствуют о том, что спорт сегодня вышел за рамки полезности и как вид человеческой деятельности стал небезопасен.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА.

Сегодня в мире допингом считается нарушение одного или более антидопинговых правил, установленных кодексом всемирного антидопингового агентства (WADA). Допинг сегодня получил широкое распространение среди спортсменов разных стран, не только в спорте высших достижений, но и в любительском, и даже детско-юношеском.

2.1. Применение препаратов. Препараты могут быть разрешены к применению спортсменами одного вида спорта и запрещены атлетам другого. Есть разница в применении различных препаратов на различных этапах подготовительного и соревновательного периода. Конечно, спортсмены тоже люди и могут болеть. В таком случае существует обязательная процедура заполнения различных документов, которые потом предоставляются антидопинговой службе. WADA разрабатывает новые лабораторные методы, позволяющие обнаруживать в крови спортсменов все больше лекарственных препаратов. В принципе все эти новости можно узнать и на сайте WADA и в национальных антидопинговых службах.

2.2. Роль спортивных врачей. При планировании выступлений спортивные врачи должны не только тщательно следить за состоянием спортсмена, но и проверять все принимаемые им лекарства. Беда заключается в том, что запрещенное вещество может быть в лекарственном препарате не основным, может быть указано мелкими буквами, или вообще упущено. Очень внимательно следует относиться к различным БАДам. Известно, что их производители далеко не всегда указывают на этикетке весь состав.

В любом случае, ответственность за применение допинга всегда лежит на самом спортсмене. Прежде всего, потому, что это именно его здоровье, его доброе имя и его результаты. При дисквалификации аннулируются его достижения, ставятся под сомнение не только последние результаты, но и все предыдущие победы. Страдает и престиж команды, страны.

Но не надо думать, что допинг это безобидно для здоровья. Число внезапных смертельных случаев в спорте неумолимо растет. Часто причина не вполне ясна. Нагрузки в спорте высших достижений колоссальны и сами по себе представляют испытание для организма. А очень многие препараты, относящиеся к допингу, давая краткосроч-

ный результат, в длительной перспективе ухудшают и здоровье спортсмена, и его результаты. Допинговые фармакологические препараты стимулируют физическую работоспособность, истощая резервные запасы организма спортсмена, повреждая функцию и структуру отдельных систем и органов, нанося вред его здоровью и социальной активности, подвергая его юридической ответственности.

2.3. Ответственность за допинг. Применение допинга в современном профессиональном спорте запрещено. Как правило, за использование допинга спортсмены наказываются дисквалификацией на различный срок, а результаты прошедших соревнований при этом аннулируются. Разрешение на терапевтическое использование запрещенных веществ позволяет спортсменам, нуждающимся в запрещенных веществах, применять их в определенном виде спорта в течение ограниченного периода времени. Разработан международный стандарт WADA. А для унификации процесса выдачи такого разрешения представителям различных видов спорта в разных странах. Критерии выдачи разрешения приведены ниже:

Заявление о получении разрешения должно быть подано не позднее чем за 21 сутки до события. У спортсмена наступит существенное ухудшение здоровья, если при лечении хронического заболевания не будет применяться данное запрещенное вещество. Разрешение не улучшит спортивную форму иначе, чем благодаря улучшению состояния здоровья в результате лечения подтвержденного заболевания. Запрещенное вещество нельзя заменить другим препаратом. Применение запрещенного вещества не может быть следствием предыдущего использования какого-либо запрещенного вещества.

2.4. Статистика. По статистическим данным ВАДА 2011 г. (www.wada-ama.org) можно констатировать тот факт, что применение спортсменами запрещенных субстанций и методов выявляется практически в каждом виде спорта. Напротив, о рациональности подхода в борьбе с допингом.

В последние годы в специальных лабораториях различных стран проводится очень большая работа по выявлению случаев применения допинга в спорте. По статистическим данным ВАДА за 2011 г. также можно утверждать, что на первом месте неблагоприятных результатов применяемых запрещенных веществ находятся анаболические стероиды – 3,325 положительных проб. На втором месте находятся стимуляторы, всего выявлено 718 случаев положительных результатов, из них 283 случаев применения (39,4%) метилгексанамина. На третьем месте находятся неблагоприятные результаты анализа

на применение каннабиноидов – 445 положительных случаев, из них 442 (99,3 %) THC. На четвертом месте – класс S диуретики и маскирующие агенты, всего 368 неблагоприятных результатов анализа, из них 123 (33,4%) – фуросемид.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ.

Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о необходимости наряду с проведением антидопинговых образовательных программ (лекций, семинаров и др.) более жесткое применение существующих санкций к спортсменам, тренерам, врачам и другому персоналу спортсменов за назначение или применение запрещенных препаратов.

3.1. Разрешенные и запрещенные средства в спорте. Четкая грань между разрешенными и запрещенными средствами в спорте должна определяться не представителями антидопинговой службы, а на основе разумных соглашений между WADA и теми структурами государственных и общественных организаций, которые непосредственно отвечают за подготовку спортсменов, ее медицинское и научное обеспечение.

3.2. Научные знания. Необходимо дать спортсменам надлежащие знания научных основ разработки и использования стимулирующих веществ, расставив в курсах определенных дисциплин (химии, биохимии, физиологии, спортивной фармакологии и т. д.) соответствующие акценты, ознакомить спортсменов с последствиями применения определенных препаратов.

3.3. Изменение антидопинговой политики. В антидопинговой политике необходимо сместить акцент с карательных мер на профилактику. Проблему не решить до тех пор, пока в учреждениях, занимающихся подготовкой юных спортсменов, не будут введены в обязательную программу обучения и воспитания атлетов занятия по этике спортивного поведения. Отметим, что первые шаги в этом направлении сделали сами спортсмены, дисквалифицированные за использование допинга.

3.4. Этика и спорт. Наиболее сложной в социально-философском плане является духовная (этическая) проблема целей и средств достижения желаемого спортивного результата. Здесь мы усматриваем одну возможность – сформировать иерархию ценностей в сознании спортсмена и (или) баланс ориентаций, при котором этические установки для индивида будут более значимы, чем ценности престижа и ориентации прагматические (карьерные и материальные). В воспитании спортсмена это означает переориентацию его профессиональных целей и средств их достижения.

4. ОБСУЖДЕНИЯ.

В современном мире год от года растет значение спортивных побед на крупнейших международных турнирах. Как верно отмечает Е.А. Литинская, в политическом аспекте они повышают национальный престиж и демонстрируют мощь государства. В экономическом плане страны, занимающие лидирующие позиции на международной спортивной арене, получают право на проведение крупнейших международных турниров, что привлекает иностранный капитал в экономику государства.¹

Известные биатлонисты Д. Ярошенко и А. Прокунин обратились в Национальную антидопинговую организацию с предложением выпустить для юных спортсменов брошюру с объективной информацией о запрещенных препаратах и об их реальной опасности – физической, психологической и духовной (этической).²

Согласно одному из последних отчетов Российского антидопингового агентства (РУСАДА), только в 2018 году 61 спортсмен был дисквалифицирован за употребление запрещенных препаратов. Наибольшее количество – 14 человек – в тяжелой атлетике. Второе место делят легкая атлетика и пауэрлифтинг (по 9 человек). Далее следуют гребля (6 спортсменов), велоспорт (5 спортсменов), спортивная гимнастика, бокс, биатлон и дзюдо (по 2 спортсмена).

По одному атлету дисквалифицировано в баскетболе, гандболе, самбо, синхронном плавании, лыжном двоеборье, лыжных гонках, плавании, спортивной стрельбе, стрельбе из лука и в спорте для лиц с ограниченными возможностями (слепых). Пожизненно от большого спорта отстранены семь человек.³

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По-прежнему остается низким уровень знаний антидопинговых правил у спортсменов и тренеров, что приводит, в том числе, и к уклонению спортсменов от допинг-контроля. Более того,

¹ См.: Литинская Е.А. Допинг в спорте: социальный-философский аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2011. № 3 (15). – С. 186.

² См., напр.: Платонов В.Н. Допинг в спорте и проблемы фармакологического обеспечения подготовки спортсменов / В.Н. Платонов, С. А. Олейник, Л.М. Гунина. – М. : Советский спорт, 2010. – 308 с.

³ См., напр.: Захарова С.А. Допинг в спорте: средство или противостояние / С. А. Захарова, Р. Г. Ханафеева // Актуальные проблемы спортивных правоотношений : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск : Урал. гос. ун-т физ. культуры, 2010. – С. 79–86; Макинтайр А. После добродетели: исследование теории морали : пер. с англ. / А. Макинтайр. – М. : Екатеринбург : Акад. проект : Деловая кн., 2000. – 376 с.

среди тренеров различного профессионального уровня, и особенно тренеров, ведущих подготовку молодых спортсменов, процветает попустительское и пренебрежение к вопросам применения запрещенных веществ и выполнения антидопинговых правил. Во время расследования фактов нарушений со стороны спортсменов наблюдаются элементы халатности и неумышленного применения препаратов по назначениям врачей поликлиник или в результате самолечения.¹

6. РЕКОМЕНДАЦИИ.

В статье 18.2 Всемирного антидопингового кодекса указывается на необходимость для антидопинговой организации осуществления планирования, реализации и мониторинга информационных и образовательных программ. Отмечается, что программы гарантируют получение участниками обновлённой и точной информации. По крайней мере в отношении списка запрещённых веществ, влияния применения допинга на состояние здоровья, процедуры допинг-контроля, прав и обязанностей спортсменов. Программы должны также способствовать продвижению духа спорта, чтобы создать антидопинговое окружение.

¹ См., напр.: Планида Е.В., Ванхадло А.А., Мужжухин Д.А., Лытина А.В. Формирование национальных антидопинговых программ по видам спорта с учетом риска применения запрещенных веществ и методов. Методические рекомендации. - Минск, 2012.

Федерации (ассоциации, союзы) по видам спорта и другие заинтересованные стороны, осуществляющие разработку информационно-образовательной программы, должны гарантированно придерживаться следующей логики и последовательности действий:

- а) анализ текущей ситуации в определённом виде спорта;
- б) ежегодный план мероприятий;
- в) разработка и реализация информационно-образовательной программы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Литинская Е.А. Допинг в спорте: социально-философский аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2011. № 3 (15). - С. 186.

[2] Планида Е.В., Ванхадло А.А., Мужжухин Д.А., Лытина А.В. Формирование национальных антидопинговых программ по видам спорта с учетом риска применения запрещенных веществ и методов. Методические рекомендации. - Минск, 2012.

[3] Платонов В.Н. Допинг в спорте и проблемы фармакологического обеспечения подготовки спортсменов / В.Н. Платонов, С. А. Олейник, Л.М. Гунина. – М.: Советский спорт, 2010. – 308 с.

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: i.vasilev@spbu.ru

РОЛЬ СПОРТИВНОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА (CAS) В ФОРМУЛИРОВАНИИ КРИТЕРИЕВ СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФУТБОЛИСТА

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 18-311-00244 «Обобщение и анализ
правовых позиций Спортивного арбитражного суда (CAS)
в отношении определения статуса профессионального футболиста».**

Аннотация. Регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов (*Regulations on the Status and Transfer of Players*) определяет два возможных статуса игрока: профессионал и любитель. Критерии, которые должны проводить черту между двумя статусами, на первый взгляд представляются достаточно простыми. Игрок является профессионалом, если (1) заключил договор в письменной форме с клубом и (2) клуб выплачивает игроку больше, чем компенсацию фактически понесенных расходов вследствие футбольной деятельности за этот клуб. ФИФА как союз, объединяющий футбольные ассоциации из разных правовых порядков, не мог на нормативном выбрать большую степень детализации, чем представленная в Регламенте. В связи с этим важная роль привнесения в регулирование статуса нормативной определенности отводится спортивным правоприменительным инстанциям, рассматривающим споры в футболе, на вершине иерархии которой Спортивный арбитражный суд (CAS). Особенности квалификации статуса, оказывающего непосредственное влияние на применение большинства норм Регламента, предусмотренных только для профессионального футболиста, на настоящий момент являются устоявшимися благодаря многолетней практике CAS. Роль Спортивного арбитражного суда в формулировании критериев автор статьи продемонстрировал через основные выводы CAS в связи с определением статуса профессионального игрока.

Ключевые слова: Регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов, статус футболиста, футболист-профессионал, Спортивный арбитражный суд (CAS), дополнение регулирования правоприменительной практикой.

VASILIEV Ilya Alexandrovich,
PhD in Law, associate Professor,
associate Professor of theory and history of state and law,
St. Petersburg state University

THE ROLE OF THE COURT OF ARBITRATION FOR SPORT (CAS) IN THE FORMULATION OF CRITERIA FOR THE STATUS OF A PROFESSIONAL PLAYER

Annotation. FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players determine two possible player statuses: professional and amateur. Criteria that should draw a line between the two statuses, on one hand, seem to be quite simple. A player is professional if (1) has entered into a contract in writing with the club and (2) the club pays the player more than reimbursement of actual expenses incurred as a result of football activities for this club. FIFA, as union uniting football associations from different legal orders, couldn't choose a greater degree of detail than the one presented in the Regulations. In this regard, the important role of introducing the status of regulatory certainty into the regulation is assigned to sporting jurisdictional bodies that deal with disputes in football, at the top of which hierarchy is the Court of Arbitration for Sport (CAS). The specifics of qualifying a status that

has a direct impact on the application of most of the rules of the Regulations, provided only for a professional football player, are currently well-established thanks to the long-term practice of CAS. We will demonstrate the role of the Court of Arbitration for Sport through the main findings of the CAS in connection with determining the status of a professional player.

Key words: *FIFA Regulations on the status and transfer of players, status of a player, professional player, amateur player, Court of Arbitration for Sport (CAS), judicial activism.*

В предыдущих публикациях мы достаточно подробно останавливались на разных контекстах вопроса определения Спортивным арбитражным судом (далее – CAS, арбитраж) статуса футболиста в зависимости от фактических обстоятельств, которые могли носить вполне определенный, двойственный, дискуссионный и даже фиктивный характер [1; 2; 3; 4; 5; 6]. К материалам и выводам данных научных статей мы будем прибегать и в настоящем исследовании.

Отметим, что споров, в которых рассматривалась бы исключительно проблема статуса футболиста, в практике CAS немного. Разумеется, речь идет не о том, что статус игрока является вопросом «на поверхности» и поэтому эффективно разрешаем как национальными ассоциациями, так и юрисдикционными органами ФИФА. Скорее следует говорить о том, что к идентификации статуса в процессе разрешения спора прибегают тогда, когда присутствуют два условия: (1) предмет основан на профессиональном статусе футболиста (например, компенсация за подготовку и обучение игрока) и (2) как минимум у одной из сторон возникают сомнения относительно точности предшествующего определения статуса (к примеру, сведения о статусе в паспорте игрока отличаются пробельностью).

Если систематизировать позиции арбитража по проблеме определения статуса, мы можем отметить восполнением регулирования ст. 2 Регламента ФИФА по статусу и переходам футболистов (далее – Регламент ФИФА)¹. Здесь будет уместно сразу сослаться на несколько решений CAS. Так, в деле CAS 2006/A/1177 [7] арбитраж отметил, что определение профессионального статуса, представленное в Регламенте ФИФА, – только основа для квалификации статуса игрока и при конкретных фактических обстоятельствах дополняется разными признаками. Два критерия, перечисленные в ст. 2 Регламента ФИФА, являются отправной точкой для определения их содержания в каждом случае: при рассмотрении спора CAS 2010/A/2069 [8] арбитраж указал на «стартовое» значение критериев разграничения профессионального и любительского статусов футболистов, наполняющихся смыслом в процессе право-реализационной и правоприменительной деятельности. При этом обратим внимание, что в

споре CAS 2015/A/4214 клуб-апеллянт был обоснованно признан CAS стороной, которая должна нести риск полноты и достоверности информации (ключевой из которой является статус футболиста), использованной для принятия решения о регистрации игрока в том или ином статусе [9]. Однако, как было отмечено арбитражем в деле CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713 [10] положения Регламента ФИФА не рассматривают возможность существования футболистов, которые на основании письменного договора получали бы оплату их услуг, но при этом были бы зарегистрированы в качестве любителей в национальной ассоциации. Ни одна из норм Регламента ФИФА не указывает на то, что для определения статуса профессионала необходимо еще выполнение третьего критерия – регистрация национальной ассоциацией именно в таком статусе (para. 45). CAS обоснованно указал, что в таком случае появлялась бы возможность для злоупотреблений: к примеру, если для получения статуса профессионального футболиста как основанию возникновения права на получение компенсации за его подготовку и обучение от клуба требовалось бы решение ассоциации по регистрации игрока в качестве профессионала.

Естественное существование в национальных правовых порядках различных договорных конструкций между клубом и игроком не должно рассматриваться в качестве основания для расширительного толкования критериев ст. 2 Регламента ФИФА об определении статуса футболиста. Рассмотрим позиции CAS в отношении первого из критериев.

Критерий 1. Игрок заключил договор в письменной форме с клубом.

В деле CAS 2013/A/3207 [11] арбитраж изложил позицию о необходимости буквального толкования понятия «профессиональный футболист». Поскольку одним из критериев приобретения такого статуса является наличие письменного договора между клубом и игроком, вполне очевидно, что невозможно рассматривать в качестве такового соглашение в устной форме, хотя и легальное в определенных правовых порядках. Несмотря на то что в положениях Регламента ФИФА нет определения «письменной» формы договора или признаков такой формы, но восполняет регулирование практика арбитража. Как было отмечено в деле CAS 2008/A/1521 [12],

¹ Regulations on the Status and Transfer of Players.

швейцарское законодательство позволяет считать договор заключенным в письменной форме, если соглашение содержит «оригинальные подписи сторон» (para. 61).

В споре CAS 2004/A/691 [13] арбитраж давал оценку с точки зрения влияния на статус футболиста таким соглашениям, как «предварительный договор» (pre-Contract) и «не профессиональный ученический договор» (non-professional Scholarship Agreement). По мнению клуба, несовершеннолетний игрок подписал «не профессиональный ученический договор» как соглашение футболиста-любителя и предварительный договор с клубом, неотъемлемым приложением к которому являлся проект трудового договора, что убедительно свидетельствовало о статусе любителя. Поддержать такую позицию в рассматриваемом споре означало легализацию третьего статуса футболиста: наряду с профессиональным игроком и любителем, некий «обучающийся игрок» как промежуточный статус. Последний должен был бы в таком случае основан на некоем «договоре на обучение», не влекущем приобретение статуса профессионального игрока. Однако CAS обоснованно препятствовал неоправданному расширению смысла положений ст. 2 Регламента ФИФА: в данном акте не отмечается множества соглашений, и игрок является либо профессионалом, либо любителем, в зависимости от соответствия критериям (para. 31).

Как таковые «предварительный договор» в совокупности с «не профессиональным ученическим договором» не могут повлиять на статус футболиста, если не содержат второго критерия – игрок получает больше, чем компенсацию фактически понесенных расходов вследствие футбольной деятельности за этот клуб. В дальнейшем такая правовая позиция последовательно проводилась в правоприменительной практике CAS. Например, в деле CAS 2006/A/1027 арбитраж обоснованно указал на иррелевантность названия контракта, тогда как важны понесенные для его исполнения клубом фактические расходы как признак оплаты услуг игрока. Дополнительно подчеркнем со ссылкой на дело CAS 2004/A/691, что на статус игрока не влияет гипотетическое нарушение норм национального законодательства, если оно препятствует заключению трудового договора при наличии действующего договора футболиста-любителя и (или) предварительного договора (para. 33). Поэтому вполне закономерно, что в споре CAS 2012/A/2904 арбитраж в очередной раз обратил внимание на не восприятие Регламентом ФИФА концепции «не любительского» контракта игрока и иных промежуточных юридических договорных конструкций [14].

В споре CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 арбитраж дал оценку двум аргументам, связанным с содержанием договорных отношений между клубом и игроком, влияющим на статус последнего. Во-первых, между клубом и игроком было заключено «соглашение о спортивной подготовке», которое именует игрока «тренируемый», не являющееся трудовым договором в письменной форме [15]. Во-вторых, ежемесячные выплаты футболисту со стороны клуба вызвали вопрос, поскольку являлись недостаточными, чтобы считаться оплатой труда в сравнении со сложившейся практикой в государстве (para. 48). Однако CAS обоснованно обратил внимание на отсутствие доказательств в пользу аргумента о том, что «соглашение о спортивной подготовке» не является письменным договором. Положения Регламента ФИФА не указывают на присутствие дополнительных критериев определения статуса спортсмена, тогда как в данном споре ответчики предпринимали попытку представить в таком качестве «природу соглашения», названия договора, определения статуса игрока национальной ассоциацией (para. 73).

В паспорте футболиста должны быть указаны все клубы, которые заключали с ним соглашения, равно как и его статус в период выступлений за данные клубы. Как следствие, клубы расположены к доверию сведениям, содержащимся в паспорте, и могут планировать свою трансферную политику на его основе. Тем не менее, как и любой документ, паспорт футболиста не лишен рисков ошибок, поскольку ведется соответствующей национальной футбольной ассоциацией. Каким образом CAS использует информацию о статусе, представленную в паспорте игрока? В деле CAS 2016/A/4604 арбитраж указал, что паспорт игрока убедительно демонстрирует: футболист был любителем в то время, когда он играл за клуб-ответчик и профессионалом, как только он заключил договор с клубом-апеллянтном. Следовательно, бремя доказывания обратного возлагается на апеллянта [16]. С другой стороны, CAS постулирует вывод о том, что информация в паспорте футболиста по умолчанию не является решающим доказательством при разрешении спора. Так, в споре CAS 2014/A/3710 Bologna FC 1909 SpA v. FC Barcelona [17] арбитраж установил, что паспорт игрока имеет прямое отношение к выявлению истории карьеры игрока и играет важную роль в расчете суммы компенсации за подготовку и обучение, но, тем не менее, паспорт не является убедительным доказательством для определения статуса и клуба, которому подлежит к выплате данная компенсация. Аналогичную позицию занял CAS в деле CAS 2011/A/2375, не согласившись с тем, что международный трансферный сертифи-

кат, указывающий на перевод игрока как любителя или профессионала, сам по себе достаточное доказательство для определения статуса игрока [18]. В то же время в решении **CAS 2014/A/3785** [19] **Federación Peruana de Fútbol v. Club Budapest Honvéd FC KFT** арбитраж решил, что неточная информация, предоставленная национальной ассоциацией, которая не внесла в паспорт футболиста тот факт, что он выступал и тренировался в одном из клубов, препятствует праву клуба-апеллянта требовать выплаты компенсации за подготовку и обучение игрока.

Критерий 2. Клуб выплачивает игроку больше, чем компенсацию фактически понесенных расходов вследствие футбольной деятельности за этот клуб.

В споре **CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150** [20] арбитраж предложил решение, каким образом следует выявлять оплату труда, услуг футболиста в соглашении с клубом. По сути, иррелевантен размер превышения зафиксированной в договоре оплаты над фактически понесенными футболистом расходами вследствие осуществления им профессиональной деятельности за клуб. Как обоснованно считает CAS, не имеет значения, «намного» или «немного» больше такое превышение, так как Регламент ФИФА не фиксирует минимальный размер оплаты труда профессионального футболиста (**para. 4**). Значит, игрок может рассматриваться в качестве профессионала, даже если им подписан договор с минимальным оплатой его услуг. Анализируя положения договора между клубом и футболистом в деле **CAS 2016/A/4604**, арбитраж отметил, что игрок получал ежемесячный платеж, который был назван «субсидией» и должен был использоваться для «приобретения книг, различных школьных принадлежностей, одежды и других расходов, связанных с его возрастом и состоянием, которые «выпускник» должен использовать разумным и адекватным образом в интересах своего учебного процесса» [21]. Хотя первый контракт с клубом заключен в письменной форме, CAS не был убежден в том, что критерий об оплате услуг футболиста был соблюден: скорее всего ежемесячные выплаты были направлены исключительно на компенсацию фактических расходов игрока, понесенных им в связи с футбольной деятельностью. В этой связи арбитраж указал, что первый контракт с клубом был любительским договором (**para. 130**). Совершенно к другому выводу арбитраж мог бы прийти, если клуб-апеллянт доказал, какие расходы футболист осуществлял, что означало бы приобретение им профессионального статуса во время выступлений за клубы (**para. 133**). В деле **TAS 2014/A/3609** [22] арбитраж обратил внимание, что никакие из доказательств в

действительности не подтверждают факт профессионального статуса игрока во время выступления за клуб-ответчик (**para. 60**). Апеллянт представил расчеты, согласно которым компенсировались расходы игрока в связи с выполнением его обязательств за клуб: футболист должен был появляться на тренировках примерно 20 раз и проживал удаленно от места проведения тренировок. Для проверки расчета размера компенсации понесенных расходов CAS проверил расстояние при помощи сети Интернет, чтобы признать разумной получившуюся цену за километр (**para. 69**). Как отметил арбитраж, регулярные выплаты были предназначены для покрытия его расходов и только таких сумм, а с учетом сделанного расчета данная компенсация расходов являлась частичной, и, даже добавив фактически полученные бонусы, игрок скорее всего не полностью возместил бы свои затраты (**para. 72**).

В споре **CAS 2006/A/1027** [23] арбитраж дал оценку выплате бонусов футболисту с точки зрения второго критерия статуса. Игрок заключил с последним из клубов в письменной форме некий договор, и несмотря на то что аналогичная ситуация не была обнаружена в отношениях игрока с другим клубом, которые не были оформлены письменным договором, документально было подтверждено – ему были выплачены определенные бонусы. Рассмотрев ситуацию, арбитраж сформулировал свою позицию: зафиксированный в соглашении между клубом и игроком бонус последнему не может препятствовать признанию любительского статуса футболиста. Как отметил арбитраж в решении **CAS 2006/A/1177**, экспертное заключение о ежегодном увеличении суммы компенсации в любительском договоре вследствие необходимости соответствия возрастающим потребностям игрока в связи с его взрослением не подтверждается сопоставлением расходов и размером согласованной компенсации. Для CAS при установлении такого критерия профессионального статуса, как превышение компенсации фактически понесенных расходов, имеет значение не догматическое обоснование клубом некой методологии (возможно, действительно существовавшей при формулировании условий договора между клубом и игроком), а сопоставление двух сумм: выплаты в пользу футболиста и фактических расходов. Так, в упомянутом деле, по мнению арбитража, размер выплат от клуба футболисту превышал цель компенсации фактически понесенных расходов, а значит игрок обладал статусом профессионала [24].

В споре **CAS 2015/A/4214** арбитраж пришел к выводу, что фиксированная сумма компенсации

расходов футболиста, согласованная в контракте с клубом, не представляла собой оплату труда игрока. Включение в любые любительские договоры фиксированного размера компенсации расходов футболистов признается допустимым и не противоречащим любительскому статусу игрока [25]. Данный подход не влияет на любительский статус до тех пор, пока покрываются фактические расходы игрока, и размер компенсации не начинает указывать на природу оплаты труда. Заметим, что при ином, менее разумном подходе, футболисту потребовалось бы подтверждать все свои расходы документально для их компенсации, что означало бы не только значительные административные осложнения для клуба, который не обладает большим бюджетом, но и выходило бы за пределы общемировой практики заключения любительских договоров.

Вопрос о применимости национального регулирования к определению содержания второго критерия профессионального статуса футболиста получил оценку CAS в нескольких решениях. В споре **CAS 2016/A/4597** [26] клуб-апеллянт считал, что заключенный между ним и футболистом договор не включал условия о «вознаграждении», поскольку согласованная в его положениях оплата в размере «минимума», установленного национальной ассоциацией футболистов, не может считаться заработной платой. Арбитраж обращал внимание, что, поскольку футболисту была выплачена минимальная заработная плата, определенная ассоциацией, вполне очевиден вывод – игрок получил за свою футбольную деятельность больше, чем просто компенсацию фактически понесенных расходов и поэтому является профессионалом (**para. 106**). В деле **CAS 2007/A/1213** [27] клуб-апеллянт ссылался на то, что профессиональный статус игрока противоречил регулированию национальной ассоциации (**para. 24**). Как считал клуб-апеллянт, в соглашении с игроком, действительно, была согласована выплата ежегодной суммы, но ее размер был ниже значения, которое было установлено актом национальной ассоциации для оплаты труда профессиональных футболистов. Обращаясь к тексту соглашения, арбитраж обратил внимание на положения п. 2, согласно которому «клуб должен гарантировать игроку необходимые условия для технической подготовки, адекватной его статусу не профессионального игрока, в частности, для участия в обучении и прочей деятельности за клуб...» (**para. 34**). Однако клубом-апеллянтом не были предоставлены ни отчеты о расходах, ни любые другие доказательства, которые доказывали бы уровень фактических расходов, понесенных игроком. В отсутствии таковых, CAS посчитал, что выплачиваемая футболисту сумма пре-

вышает разумные расходы для осуществления футбольной деятельности за клуб, а значит игрок обладал статусом профессионала (**para. 35, 36**). В споре **CAS 2011/A/2375** арбитраж обратил внимание на утверждения клуба-апеллянта о том, что сумма, выплаченная игроку во время пребывания в клубе, была связана только с авансом расходов, понесенных вследствие переезда в другое государство. Согласно одному из актов национальной футбольной ассоциации о регистрации профессиональных контрактов, ежемесячный доход футболиста не мог быть ниже определенной суммы, тогда как, согласно контракту, игрок имел право получать ежемесячную зарплату, в несколько раз превышающую упомянутую сумму [28]. По мнению арбитража, это убедительно свидетельствовало о том, что сумма, полученная игроком, была фактически оплатой труда профессиональному игроку в соответствии с условиями контракта.

Установление CAS факта существования трудовых отношений между клубом и игроком позволяет выполнить второй критерий профессионального статуса, поскольку означает оплату труда, услуг футболиста, а не только компенсацию понесенных им затрат в результате футбольной деятельности за клуб. В споре **CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713** и **CAS 2015/A/4335** арбитраж сформулировал позицию о возможных признаках, доказывающих существование между клубом и игроком отношений работодателя и работника соответственно. Во-первых, если с момента подписания договора футболист согласился оказывать услуги для клуба. Во-вторых, в качестве вознаграждения за свои услуги игрок имел право не только на ежемесячную заработную плату и бонусы в случае, если он играл, но и пользовался другими правами и льготами. В-третьих, футболист обязуется не заниматься спортивной деятельностью и не вступать в трудовые и коммерческие отношения без согласия клуба, в ином случае ему грозит штраф. В-четвертых, игрок находился в расположении клуба и не возвращался домой. В-пятых, расходы футболиста сразу оплачивались клубом, а не им самим с последующей компенсацией клубом. Перечисленные признаки не свидетельствуют в пользу любительского статуса и указывают на трудовые отношения и характерны для профессиональных контрактов [29; 30].

В деле **CAS 2014/A/3659 & 3660 & 3661** [31] перед арбитражем был поставлен вопрос о соотношении, с одной стороны, факта регистрации игрока за национальной ассоциацией в статусе любителя на срок действия «ученического договора» между ним и клубом-апеллянтом и, с другой – рядом вопросов, по мнению клубов-ответчиков, ставящих под сомнение данный статус (**para. 21**).

Во-первых, вызывало сомнения, что 22-летний игрок в его четвертый сезон профессионала подписал «ученический договор», тогда как он провел 34 из 41 официальных матчей за основную команду клуба. Во-вторых, зафиксированный в положениях договора размер вознаграждения игрока, вне зависимости от понесенных затрат, свидетельствовал против любительского статуса игрока. По мнению клубов-ответчиков, такое расходование объясняется скрытой компенсацией заработной платы за первый год (**para. 47**). Данный вывод подтверждался и последовательностью договорных отношений сторон: по окончании «ученического договора» стороны сразу же заключили профессиональный контракт. Как заметил CAS, если футболист находился в статусе любителя и поэтому получал только компенсацию своих фактически понесенных расходов, цели клуба и игрока совпадают – заменить любительский договор профессиональным. При этом условия такой замены очевидны: футболист должен удовлетворить или превзойти ожидания клуба во время действия любительского договора, чтобы стороны пришли к договору, условия которого удовлетворяют критериям профессионального футболиста, перечисленным в положениях ст. 2 Регламента ФИФА. В ситуации, когда любительский договор заменяется профессиональным контрактом, оплата труда всегда составляет в определенной степени компенсацию за достижения игрока во время действия предыдущего соглашения с ним. Однако это не означает, что футболист в течение срока любительского договора приобретает неоспоримое право на профессиональный контракт и соответствующую оплату [32].

Выводы

1. CAS обоснованно не считает, что квалификация статуса футболиста, произведенная его национальной ассоциацией, является решающим или убедительным фактором. Сошлемся на позицию арбитража в споре **CAS 2009/A/1781**, согласно которой в положениях Регламента ФИФА не проводится различия между фактами подписания договора и регистрацией игрока в определенной статусе в национальной футбольной ассоциации [33] с точки зрения юридических последствий (например, осуществления компенсации за подготовку и обучение игрока). Действительно, игроки должны быть зарегистрированы за клубы, чтобы последние могли пользоваться их услугами, но при этом не все футболисты имеют письменные контракты, так как некоторые являются любителями. Профессиональные игроки заключают письменный контракт, а клубы регистрируют его, чтобы они могли пользоваться услугами футболистов в соревнованиях под эгидой национальных футбольных ассоциа-

ций. И подписание контракта, и регистрация в определенном статусе – компоненты одного и того же процесса. В ситуации, когда статус игрока оспаривается, компетентные юрисдикционные органы или арбитраж должны определить статус игрока строго в соответствии с Регламентом ФИФА.

2. Если следовать позиции арбитража, паспорт футболиста, выданный национальной ассоциацией, обладает определенной ценностью как источник сведений о статусе игрока, но данные сведения являются опровержимой презумпцией. Поэтому не имеет значения, какой статус компетентная национальная ассоциация присвоила игроку в паспорте игрока. Однако данная презумпция является опровержимой на основе доказательств, бремя представления которых возложено на заинтересованную в том сторону. CAS обоснованно указал, что в таком случае появлялась бы возможность для злоупотреблений: к примеру, если для получения статуса профессионального футболиста как основания возникновения права на получение компенсации за его подготовку и обучение от клуба требовалось бы решение ассоциации по регистрации игрока в качестве профессионала.

3. Арбитраж посчитал заключение профессионального договора по окончании любительского соглашения как естественную ситуацию в футболе: зарекомендовавший себя игрок получает предложение от клуба с оплатой его труда и в течение срока действия любительского соглашения не имеет никакого гарантированного права на профессиональный договор. Факт преемственности контрактов не следует *a priori* рассматривать в качестве подтверждения замаскированной заработной платы по любительскому договору, отложенной до профессионального контракта. Таким образом, не носит доказательного характера размер компенсации в любительских договорах, уступающий уровню оплаты труда в последовавшем профессиональном контракте.

4. CAS рассматривает любые расходы, понесенные игроком вследствие участия в матче или тренировке за клуб (к примеру, транспортные расходы, расходы на проживание, стоимость страховки, стоимость экипировки), в качестве возмещаемых клубом игроку-любителю без угрозы изменения статуса на профессионала. Арбитраж обоснованно не прибегает к “judicial activism” и не расширяет содержание второго из критериев статуса футболиста выполнением финансового условия: к примеру, границей суммы компенсации клубом фактически понесенных игроком затрат.

5. Согласно позиции арбитража, включенные в любительский контракт с футболистом бонусы по умолчанию не являются подтвержде-

нием второго критерия профессионального статуса игрока. Для обратного вывода необходимо произвести расчеты, учитывая уровень фактических расходов. При этом возможно, что регулярное вознаграждение («бонусы») используется для покрытия расходов, и даже с его учетом игроку не компенсировались бы все затраты, что убедительно подтверждает любительский статус футболиста. Вследствие этого, как указывал CAS, можно допускать и фиксированную ставку для компенсации игроку связанных с футболом расходов без необходимости точного расчета, если данная ставка в целом отражает средние расходы игрока.

6. В вопросе определения статуса игрока арбитраж не всегда игнорирует национальное регулирование, определяющее некие пороговые значения оплаты труда профессионального футболиста. К примеру, в деле **CAS 2011/A/2375** CAS согласился с таким доказательством как актом национальной футбольной ассоциации о регистрации профессиональных контрактов, согласно которому ежемесячный доход футболиста не мог быть ниже определенной суммы. Поскольку, согласно контракту, игрок имел право получать ежемесячную зарплату, в несколько раз превышающую упомянутую сумму, это убедительно свидетельствует о том, что сумма, полученная игроком, была фактически оплатой труда профессиональному игроку в соответствии с условиями контракта [34].

Список литературы:

- [1] Васильев И. А. Договоры между клубом и футболистом как критерий определения статуса спортсмена в практике Спортивного арбитражного суда (CAS) // Вестник Академии права и управления. - 2018. - № 3 (52). - С. 51 - 59.
- [2] Васильев И.А. Паспорт футболиста и определение статуса игрока: практика Спортивного арбитражного суда // Образование и право. - 2018. - № 9. - С. 128 - 137.
- [3] Васильев И.А., Дорский А.А., Сеницына Н.И. и др. Интерпретация Спортивным арбитражным судом (CAS) норм Регламента ФИФА по статусу и переходам футболистов, условий соглашений между клубом и спортсменом в целях определения профессионального или любительского статуса // Вестник Академии права и управления. - 2018. - № 4 (53). - С. 87 - 96.
- [4] Васильев И.А., Дорский А.А., Сеницына Н.И. и др. Интерпретация регулирования национальных футбольных ассоциаций и восстановление Спортивным арбитражным судом (CAS) содержания соглашений между клубом и спортсменом в целях определения статуса игрока // Образование и право. - 2018. - № 12. - С. 196 - 208.
- [5] Дорский А.А., Сеницына Н.И., Шабалина Е. А., Шмигельская Н.А. Определение статуса футболиста в практике Спортивного арбитражного суда (CAS): некоторые проблемы применения норм Регламента ФИФА по статусу и переходам футболистов // Образование и право. - 2018. - № 9. - С. 165 - 177.
- [6] Шабалина Е.А., Сеницына Н.И., Дорский А.А., Шмигельская Н.А. «Ученический договор» клуба с футболистом и паспорт игрока как критерии определения статуса профессионального спортсмена в практике Спортивного арбитражного суда (CAS) // Образование и право. - 2018. - № 7. - С. 119 - 130.
- [7] Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28 May 2007, para. 7.4.5.
- [8] Arbitration CAS 2010/A/2069 Galatasaray A.S. v. Aachener TSV Alemannia F.C., award of 16 August 2010.
- [9] Arbitration CAS 2013/A/3207 Tout Puissant Mazembe v. Alain Kaluyituka Dioko & Al Ahli SC, award of 31 March 2014, para. 109.
- [10] Arbitration CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713 Hamrun Spartans FC v. Amsterdam FC, Club Quick Boys & Almere City FC, award of 10 July 2012.
- [11] Arbitration CAS 2013/A/3207 Tout Puissant Mazembe v. Alain Kaluyituka Dioko & Al Ahli SC, award of 31 March 2014.
- [12] Arbitration CAS 2008/A/1521 VfB Admira Wacker Modling v. A.C. Pistoiese s.p.A., award of 12 December 2008.
- [13] Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9 February 2005.
- [14] Arbitration CAS 2012/A/2904 FK Baník Most v. Asociación Atlética Argentinos Juniors, award of 11 March 2013, para. 78.
- [15] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra, award of 17 February 2016, para. 60.
- [16] Arbitration CAS 2016/A/4604 Ängelholms FF v. Kwara Football Academy, award of 12 January 2017, para. 126.
- [17] Arbitration CAS 2014/A/3710 Bologna FC 1909 S.p.A. v. FC Barcelona, award of 22 April 2015.
- [18] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK DAC 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 29.
- [19] Arbitration CAS 2014/A/3785 Federación Peruana de Fútbol (FPF) v. Club Budapest Honvéd FC KFT, award of 5 June 2015.
- [20] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos

Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra.

[21] Arbitration CAS 2016/A/4604 Ängelholms FF v. Kwara Football Academy, award of 12 January 2017, para. 129.

[22] Arbitrage TAS 2014/A/3609 CS Grevenmacher c. Associação Desportiva e Recreativa Pateleira, sentence du 13 mars 2015.

[23] Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Topp Oss, award of 13 July 2006.

[24] Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28 May 2007, para. 31.

[25] Arbitration CAS 2015/A/4214 Nõmme JK Kalju v. FK Olympic Sarajevo, award of 28 April 2016, para. 84.

[26] Arbitration CAS 2016/A/4597 SC FC Steaua Bucuresti v. FC Internazionale Milano SpA, award of 15 February 2017.

[27] Arbitration CAS 2007/A/1213 U.S. Fiorenzuola 1922 v. Portsmouth City F.C., award of 21 August 2007.

[28] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK Dac 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 26.

[29] Arbitration CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713 Hamrun Spartans FC v. Amsterdam FC, Club Quick Boys & Almere City FC, award of 10 July 2012, para. 53.

[30] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra, award of 17 February 2016, para. 92.

[31] Arbitration CAS 2014/A/3659 & 3660 & 3661 KSV Cercle Brugge v. Clube Linda-A-Velha & Club Uniao Desportiva e Recreativa de Alges & Sport Club Praiense, award of 11 May 2015.

[32] Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9 February 2005, para. 50.

[33] Arbitration CAS 2009/A/1781 FK Siad Most v. Clube Esportivo Bento Gonçalves, award of 12 October 2009, para. 89.

[34] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK Dac 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 26.

Spisok literatury:

[1] Vasil'ev I. A. Dogovory mezhdu klubom i futbolistom kak kriterij opredeleniya statusa sportsmena v praktike Sportivnogo arbitrazhnogo suda (CAS) // Vestnik Akademii prava i upravleniya. - 2018. - № 3 (52). - S. 51 - 59.

[2] Vasil'ev I.A. Pasport futbolista i opredelenie statusa igroka: praktika Sportivnogo arbitrazhnogo

suda // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 9. - C. 128 - 137.

[3] Vasil'ev I.A., Dorskij A.A., Sinicya N.I. i dr. Interpretaciya Sportivnym arbitrazhnym sudom (CAS) norm Reglamenta FIFA po statusu i perekhodam futbolistov, uslovij soglashenij mezhdu klubom i sportsmenom v celyah opredeleniya professional'nogo ili lyubitel'skogo statusa // Vestnik Akademii prava i upravleniya. - 2018. - № 4 (53). - S. 87 - 96.

[4] Vasil'ev I.A., Dorskij A.A., Sinicya N.I. i dr. Interpretaciya regulirovaniya nacional'nyh futbol'nyh associacij i vosstanovlenie Sportivnym arbitrazhnym sudom (CAS) soderzhaniya soglashenij mezhdu klubom i sportsmenom v celyah opredeleniya statusa igroka // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 12. - C. 196 - 208.

[5] Dorskij A.A., Sinicya N.I., Shabalina E. A., Shmigel'skaya N.A. Opredelenie statusa futbolista v praktike Sportivnogo arbitrazhnogo suda (CAS): nekotorye problemy primeneniya norm Reglamenta FIFA po statusu i perekhodam futbolistov // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 9. - S. 165 - 177.

[6] Shabalina E.A., Sinicya N.I., Dorskij A.A., Shmigel'skaya N.A. «Uchenicheskij dogovor» kluba s futbolistom i pasport igroka kak kriterii opredeleniya statusa professional'nogo sportsmena v praktike Sportivnogo arbitrazhnogo suda (CAS) // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 7. - S. 119 - 130.

[7] Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28 May 2007, para. 7.4.5.

[8] Arbitration CAS 2010/A/2069 Galatasaray A.S. v. Aachener TSV Alemannia F.C., award of 16 August 2010.

[9] Arbitration CAS 2013/A/3207 Tout Puissant Mazembe v. Alain Kaluyituka Dioko & Al Ahli SC, award of 31 March 2014, para. 109.

[10] Arbitration CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713 Hamrun Spartans FC v. Amsterdam FC, Club Quick Boys & Almere City FC, award of 10 July 2012.

[11] Arbitration CAS 2013/A/3207 Tout Puissant Mazembe v. Alain Kaluyituka Dioko & Al Ahli SC, award of 31 March 2014.

[12] Arbitration CAS 2008/A/1521 VfB Admira Wacker Modling v. A.C. Pistoiese s.p.A., award of 12 December 2008.

[13] Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9 February 2005.

[14] Arbitration CAS 2012/A/2904 FK Baník Most v. Asociación Atlética Argentinos Juniors, award of 11 March 2013, para. 78.

[15] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação

Académica de Coimbra, award of 17 February 2016, para. 60.

[16] Arbitration CAS 2016/A/4604 Ängelholms FF v. Kwara Football Academy, award of 12 January 2017, para. 126.

[17] Arbitration CAS 2014/A/3710 Bologna FC 1909 S.p.A. v. FC Barcelona, award of 22 April 2015.

[18] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK DAC 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 29.

[19] Arbitration CAS 2014/A/3785 Federación Peruana de Fútbol (FPF) v. Club Budapest Honvéd FC KFT, award of 5 June 2015.

[20] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra.

[21] Arbitration CAS 2016/A/4604 Ängelholms FF v. Kwara Football Academy, award of 12 January 2017, para. 129.

[22] Arbitrage TAS 2014/A/3609 CS Grevenmacher c. Associação Desportiva e Recreativa Pateleira, sentence du 13 mars 2015.

[23] Arbitration CAS 2006/A/1027 Blackpool F.C. v. Club Topp Oss, award of 13 July 2006.

[24] Arbitration CAS 2006/A/1177 Aston Villa FC v. B.93 Copenhagen, award of 28 May 2007, para. 31.

[25] Arbitration CAS 2015/A/4214 Nõmme JK Kalju v. FK Olympic Sarajevo, award of 28 April 2016, para. 84.

[26] Arbitration CAS 2016/A/4597 SC FC Steaua Bucuresti v. FC Internazionale Milano SpA, award of 15 February 2017.

[27] Arbitration CAS 2007/A/1213 U.S. Fiorenzuola 1922 v. Portsmouth City F.C., award of 21 August 2007.

[28] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK DAC 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 26.

[29] Arbitration CAS 2012/A/2711, 2712 & 2713 Hamrun Spartans FC v. Amsterdam FC, Club Quick Boys & Almere City FC, award of 10 July 2012, para. 53.

[30] Arbitration CAS 2015/A/4148 & 4149 & 4150 Sheffield Wednesday FC v. Louletano Desportos Clube & Internacional Clube de Almancil & Associação Académica de Coimbra, award of 17 February 2016, para. 92.

[31] Arbitration CAS 2014/A/3659 & 3660 & 3661 KSV Cercle Brugge v. Clube Linda-A-Velha & Club Uniao Desportiva e Recreativa de Alges & Sport Club Praiense, award of 11 May 2015.

[32] Arbitration CAS 2004/A/691 FC Barcelona SAD v. Manchester United FC, award of 9 February 2005, para. 50.

[33] Arbitration CAS 2009/A/1781 FK Siad Most v. Clube Esportivo Bento Gonçalves, award of 12 October 2009, para. 89.

[34] Arbitration CAS 2011/A/2375 FK DAC 1904 a.s. v. Zoltan Vasas, award of 31 October 2011, para. 26.

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов
e-mail: mail@law-books.ru

ОСТРОУШКО Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ
e-mail: mail@law-books.ru

АМАНДЫКОВА Сауле Кошкеновна,
доктор юридических наук, профессор,
декан высшей школы права Республики Казахстан
e-mail: mail@law-books.ru

КОРРУПЦИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

**Исследование выполнено в рамках проекта № АР05132612
«Правовые аспекты трансформации вузов в коммерческие
акционерные общества в целях реализации Плана Наций».**

Аннотация. Коррупция в высшем образовании - актуальная тема в области образовательных исследований. В данной статье рассматриваются проблемы коррупции в высшем образовании Великобритании на основании данных, опубликованных в средствах массовой информации и научных исследованиях. Основные результаты исследования указывают на следующее: многие формы коррупции в образовании Великобритании универсальны и соотносятся с аналогичными проявлениями в других областях общественной жизни не только этой страны, но и других стран, в то же время существуют региональные отличия, связанные с особенностями национальной системы образования; выявлена общая тенденция возрастающего беспокойства государства проблемами коррупции в академической среде. Результаты исследования помогают определить, каким аспектам коррупции в высшем образовании нужно уделить больше внимания в будущем для улучшения национальной системы высшего образования.

Ключевые слова: Великобритания, коррупция, образование, высшее учебное заведение, аккредитация, взятка, взяточничество, растрата, мошенничество, nepotism, плагиат.

BUKALEROVA Lyudmila Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Peoples ' friendship University of Russia

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich,
PhD in Law, associate Professor,
Financial University under the government of the Russian Federation

AMANDYKOVA Saule Koshkenovna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the higher school of law of the Republic of Kazakhstan

CORRUPTION IN HIGHER EDUCATION IN THE UK

The study was carried out within the framework of project no. AR05132612
 “Legal aspects of transformation of universities into commercial joint stock
 companies in order to implement the plan of Nations”.

Annotation. *Corruption in higher education is a hot topic in the field of educational research. This article examines the problems of corruption in higher education in the UK on the basis of data published in the media and research. The main results of the study indicate the following: many forms of corruption in education in the UK is universal and correlate with similar manifestations in other areas of public life not only of this country but of other countries, at the same time, there are regional differences associated with the peculiarities of the national system of education; revealed a General trend of growing concern state the problem of corruption in the academic environment. The results of the study help to determine which aspects of corruption in higher education need to be given more attention in the future to improve the national higher education system.*

Key words: *UK, corruption, education, higher education institution, accreditation, bribery, bribery, embezzlement, fraud, nepotism, plagiarism.*

П рисутствие коррупции в высшем образовании во всем мире вызывает возрастающее беспокойство для государства и бизнеса, поскольку это влияет на эффективность и продуктивность подготовки компетентных кадров для будущего развития национальных экономик [11]. С быстрой интернационализацией высшего образования и растущим объемом подготовки в ведущих университетах Великобритании специалисты для иностранных государств вопросы доверия к качеству британского образовательного процесса в целом приобретают особую важность [2].

Существуют три главных универсальных для любой страны проблемы в высшем образовании - доступ, качество и социальная справедливость. Коррупция затрагивает всех трех из них. Это оказывает негативное влияние на качество высшего образования и других услуг; это увеличивает неравенство в доступе к высшему образованию. Все эти проблемы в полной мере присущи высшему образованию Великобритании. Анализ коррупции в контексте главных британских социально-экономических изменений и образовательных реформ помогает определить, каким аспектам ее проявлений нужно уделить больше внимания в ходе создания механизма ее противодействию и какие приоритетные задачи должны разрешены в первую очередь.

Слово «коррупция» происходит от лат. *corruptio*, которое в средние века характеризовало моральное разложение, злое поведение, разложение и гниль. В Великобритании сложилось понятие коррупции в высшем образовании как системы неофициальных отношений, установленных, чтобы отрегулировать неофициальный доступ к материальным и нематериальным активам через злоупотребление служебным положением

общественного или корпоративного доверия [9]. Мы также поддерживаем мнение, что предоставление доступа к финансируемому государством высшему образованию по любой предпосылке, кроме академических заслуг, должно быть отнесено к коррупции [10]. Доступ к высшему образованию в обмен на взятку в Великобритании также есть коррупционное проявление в образовании. Особенностью британской правовой системы является признание того, что коррупция в высшем образовании может иметь место как в государственных, так и в частных высших учебных заведениях.

В данной статье анализируются формы коррупции в высшем образовании Великобритании, для чего предлагается следующая классификация коррупционных проявлений:

по средствам: взятки, вознаграждения, родство, личные связи, взаимный обмен услугами и мошенничество;

по формам: взяточничество, предоставление привилегии родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств, мошенничество, растрата, обман, плагиат, нарушение трудовой дисциплины и нарушение условий контракта;

по сферам: доступ к высшему образованию, доступ к учебному процессу, нарушение процедур вручения дипломов, изменение учетных данных, помощь при лицензировании и аккредитации, повышение квалификации при служебном продвижении, доступ к финансируемым исследованиям, получение грантов, льготные медицинские услуги.

Субъектами коррупции в Великобритании признаются государственные университеты, негосударственные университеты, студенты университетов, администрации образовательных органи-

заций, административные служащие, связанные с сопровождением процесса образования студентов.

В то же время нерациональное использование ресурсов в большинстве случаев, если это не преследует личной выгоды, не рассматривается как факт коррупции. Например, инвестиции в реконструкции мест служебной деятельности ректоров университета рассматривают как нерациональное использование университетских ресурсов. Системное неумелое руководство оказывает негативное влияние на авторитет образовательных организаций, однако не рассматривается как акт коррупции, пока не будут доказаны растрата, мошенничество или другая незаконная деятельность.

Основной формой коррупции в системах высшего образования Великобритании является взяточничество всех типов и форм, доминируют среди них предложения денежных средств, однако взятки также предлагаются в форме предметов потребления, включая товары длительного пользования и продукты питания, услуги, в том числе сексуальные, а также различные преференции на основе принципов взаимности, родственных связей или фаворитизма.

Мошенничество как коррупционное явление в университетах Великобритании известно в различных формах. Во-первых, это мошенничество с распределением исследований по заказам различных организаций, которое происходит в исследовательских университетах, где это одна из главных функций вуза, наряду с обучением и наукой. Мошенничество с исследованиями происходит, когда процедуры предоставления права на исследование неправильно регулируются или реализуются, чтобы соответствовать интересу участвующих сторон, и результаты подтасовываются, чтобы оправдать определенные вложения [6]. Во-вторых, существует мошенничество со здравоохранением, которое происходит в университетских клиниках, медицинских центрах и других медицинских учреждениях, которые работают под покровительством высших учебных заведений. Объективная сторона мошенничества со здравоохранением заключена в том, что у пациентов и/или страховых компаний запрашивают чрезмерную цену за выполняемые услуги; взимаются средства за невыполненные услуги, или услуги не предоставлены в полной мере согласно регламентов их оказания. В-третьих, мошенничество в высшем образовании Великобритании может проявляться как мелкое, завуалированное под платное оказание дополнительных услуг, нарушение законодательства для личной выгоды, там, где услуги должны оказываться бесплатно, например, взимание платы за выполнение определенной

работы сотрудниками университета по заполнению документов [8]. В-четвертых, мошенничество существует в виде навязывания информации, которой студенты должны преимущественным образом воспользоваться, включая наличие списков предпочтительных поставщиков финансовых услуг, за возможные вознаграждения и разделение прибыли в обмен на сотрудничество с заинтересованными лицами [3].

Растрата как явление коррупции в высшем образовании Великобритании работает в двух основных направлениях: растрата фондов университета, переданного для управления университетскими сотрудниками и растрата средств непосредственно самим университетом, включая незаконное присвоение грантов на проведение исследований от правительства.

Обман - еще одно проявление коррупции в Великобритании. Обман проявляется в передаче студентами ответов на тесты и вступительные испытания [4]. Обман нельзя рассмотреть как относительно невинную или менее явную форму коррупции, так как покупка курсовой работы онлайн зачастую заменяет потребность заплатить взятку напрямую преподавателю, и последний вовлечен в коррупцию, скрывая свою истинную личность за виртуальным образом при использовании современных информационных технологий, однако студент достигает той же цели получения от конкретного лица незаработанной оценки за деньги. Плагиат при написании научных работ также признается коррупционным нарушением, если он был выявлен, но автор не претерпел никаких негативных последствий после установления данного факта.

Другое явление, которое расценивается как коррупционное проявление в образовании Великобритании – это злоупотреблением собственностью университета. Многие высшие учебные заведения страны управляют большими академическими средствами, помещениями и землей. Образуют состав данного правонарушения деяния по передаче мест в студенческих общежитиях в аренду частным предприятиям, мигрантам и проч., в то время как студентам отказывают в жилье в этих общежитиях из-за недостатка места, а деньги, полученные от арендаторов, перенаправляются в карманы администраторов учебных заведений.

Коррупция в доступе к высшему образованию в Великобритании основывается на следующих факторах: наличие стандартизированных тестов и заданий на всех этапах образовательного процесса, которыми управляют университеты; сбор средств, спонсорство, пожертвования, подарки и вклады, в том числе анонимные, на развитие университетов; повышение сумм оплат

сотрудникам университета благодаря внешним источникам дохода; неравные начальные условия для студентов, включая дополнительное время для теста на студентов с синдромом дефицита внимания (ADD), особые потребности которого основаны на ложных или неправильных медицинских диагнозах; строго нормированное время, которое выделяется преподавателю для общения со студентом как потребителем образовательных услуг.

Есть формы коррупции в высших учебных заведениях Великобритании, ставшие известными еще со времен средневековых университетов, такие как организация банкетов для преподавателей как поступающими в вуз студентами, так и выпускниками в период после получения диплома, которые считаются невинной традицией и, как правило, правоохранительные органы не относят эти факты к правонарушениям [1].

Коррупция, связанная с процедурами получения дипломов, выражена в выполнении обязательных формальностей за вознаграждение, таких как проверка учетных данных, расшифровка стенограммы, подсчет образовательных кредитов и проч., а также производство, продажа и использование поддельных дипломов.

Лицензирование и аккредитация являются процедурами контроля качества вузов, которые уязвимы для коррупции. Предоставление услуг ниже установленных стандартов создает почву для взяток высших учебных заведений в агентства по аккредитации, чтобы получить или продлить аккредитацию и продолжить оставаться в образовательном бизнесе. Данные деяния в странах англосаксонской системы носят единичный характер [5].

Коррупция при найме на работу в университеты Великобритании проявляется в низкой прозрачности конкурсных процедур и отсутствии объективности при замещении должностей, когда на результаты найма влияют взятки, протекционизм и различные виды дискриминации. Кроме того, известны методы найма призрачных преподавателей, чтобы использовать их зарплаты, финансируемые за счет государства, в целях личного использования или использования для целей учебного заведения или отдельного его подразделения.

Уровни взаимодействия, где в британском высшем образовании происходит коррупция, включают отношения между государством и университетом, бизнесом и университетом, факультетом и студентами, факультетом и администрацией вуза, студентами и администрацией и студентами и государством. Коррупция во взаимодействиях государства и университета включает злоупотребления, связанные с получением

финансирования, студенческой финансовой помощи, распределением государственных грантов, предоставлением некоммерческого статуса и льготного налогообложения. Коррупция в отношениях бизнеса и университета, как правило, проявляется в виде финансирования научных исследований заранее заказанными результатами, предоставлением частных образовательных кредитов на сомнительных основаниях и мошенничестве со здравоохранением. Коррумпированные действия между преподавателями и студентами включают все виды взятки, нарушения дисциплины, а также оплату студентами бесплатных образовательных услуг. Коррупция в отношениях администраций и факультетов вузов находит свое выражение в несправедливой оценке заслуг отдельных преподавателей, продвижениях по карьерной лестнице и увольнениях. Главная форма коррупции в отношениях администрации со студентами - нарушение условий контракта, когда администрация университета не предоставляет качественные услуги образования, как предусмотрено договором. Наконец, коррупция в отношениях между государством и студентами включает мошенничество с финансовой помощью, когда студенты обманывают правительство о своей платежной способности, а также манипуляциями с правовым статусом, проявляющимися в том, что студенты используют образовательные программы с государственной или частной поддержкой, не имея на то законных оснований, например, граждане Соединенного Королевства обучаются по льготным программам для иностранных студентов.

Проявлениями коррупции в Великобритании также считаются неоправданно высокие гонорары для приглашенных спикеров, которые могут быть ключевыми фигурами в распределении фондирования и грантов, являются государственными чиновниками или имеют любую иную силу по принятию важных для вуза решений. Здесь гонорары юридически могут играть роль взятки.

К взяткам могут быть отнесены и добровольные пожертвования в том случае, если природа денег не ясна и может быть преступной, или даритель обвиняется в финансовых злоупотреблениях [7].

Факты коррупции в высшем образовании Великобритании получают хорошее освещение в средствах массовой информации. Уровень прозрачности коррупциогенных проявлений достаточно высок, что позволяет качественно оценить проблему, ее значение, масштаб, объем и множество форм проявления. Положительный эффект такого высокого уровня прозрачности коррупции в высшем образовании нашел отражение в направлениях и темпе реформ, которые происходят в

сфере высшего образования Великобритании, следствием чего стало повышение уровня контроля и координации со стороны правительства, учебных заведений и общественности за образовательным процессом. Все это привело к увеличению выявленных фактов взяточничества, мошенничества, обмана, плагиата, подделки дипломов, несоблюдений условий контракта и других форм нарушений.

Spisok literature:

- [1] Bardhan, P. (1997) Corruption and Development: a review of issues // *Journal of Economic Literature*, 35, 1320-1346.
- [2] De Wit, H. (2002) Internationalization of Higher Education in the United States and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis. - Westport, CT: Greenwood.
- [3] Field, K. & Keller, J. (2017) Cuomo Accuses Education Dept. of Lax Oversight of Lenders: in continuing scandal, aid administrators develop new code of conduct, *Chronicle of Higher Education*, 53 (4 May), A33.
- [4] Henry, J. (2001) More Heads Found Guilty of Tests Cheating, *Times Higher Education Supplement*, 8 October.,
- [5] Holdsworth, N. (2006) Minister: blow the whistle on bribes, *Times Higher Education Supplement*, 1573.
- [6] Jacobson, J. (2005) MIT Fires Biology Professor Who Admitted Faking Data, *Chronicle of Higher Education*, 52(12) (November 11), A13.
- [7] Mangan, K. (2003) Many Medical Professors who Serve on Review Boards also have Industry Ties, Study Finds, *Chronicle of Higher Education*, 14.
- [8] Martin R.W. (2017) There's trouble with transparency in the UK's academies.
- [9] Miller, S., Roberts, P. & Spence, E. (2005) Corruption and Anti-Corruption: an applied philosophical approach.; Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall; Thelin, J. (1982) Higher Education and Its Useful Past. - Cambridge, MA: Schenkman.
- [10] Osipyan A. Corruption in Higher Education: Does it Differ across the Nations and Why? // *Research in Comparative and International Education*, 2008.
- [11] Silova, I., Johnson, M. & Heyneman, S. (2007) Education and the Crisis of Social Cohesion in Azerbaijan and Central Asia, *Comparative Education Review*, 51(2) (May), 159 - 180. URL: <http://dx.doi.org/10.1086/512022>

КУЛАЖНИКОВ Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
полковник полиции,
e-mail: kulazh@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В АДЪЮНКТУРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РФ

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации образование и наука являются одними из ведущих стимулов роста конкурентоспособности страны на международной арене. В этой связи сегодня довольно остро стоит вопрос качественной подготовки будущих специалистов, способных полноценно реализовывать полученные в процессе обучения навыки в профессиональной деятельности. Наряду с высшей ступенью образования в гражданских ВУЗах РФ – аспирантурой, в системе Министерства обороны и силовых ведомств действует такой институт, как адъюнктура, призванный подготовить преподавателей с широким набором компетенций, конкурентоспособных на рынке труда в постоянно изменяющихся социально-экономических реалиях. Несмотря на то, что термин «адъюнктура» существует достаточно длительное время, не каждый рядовой гражданин понимает его смысл. Настоящая статья посвящена выявлению сущности, задач, функций и роли адъюнктуры образовательных организаций МВД РФ. Автором была предпринята попытка проанализировать и обобщить преимущества обучения в адъюнктуре, а также проблемы данного направления высшего образования, проработка которых позволит существенно повысить эффективность подготовки кадров для военных ведомств.

Ключевые слова: адъюнктура, образовательные организации МВД РФ, подготовка педагогических кадров, научно-исследовательская деятельность, перспективы и проблемы адъюнктуры.

KULAZHNIKOV Vadim Vladimirovich,
Candidate of Law, docent
Head of Department State legal and civil law disciplines
of the Vladivostok branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation", police colonel

TEACHING TEACHERS IN ADJUNCTURE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS MIA RF

Annotation. At present, in the Russian Federation, education and science are among the leading incentives for increasing the country's competitiveness in the international arena. In this regard, today the issue of quality training of future specialists who are able to fully realize the skills acquired in the process of training in professional activity is quite acute. Along with the highest level of education in civilian higher educational institutions of the Russian Federation - graduate school, the institution of the Ministry of Defense and law enforcement agencies has such an institution as postgraduate study, designed to prepare teachers with a wide range of competencies that are competitive in the labor market in constantly changing socio-economic realities. Despite the fact that the term "adjuncture" exists for a rather long time, not every ordinary citizen understands its meaning. This article is devoted to identifying the nature, tasks, functions and role of the adjuncture of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The author made an attempt to analyze and generalize the advantages of training in postgraduate studies, as well as the problems of this area of higher education, the study of which will significantly increase the effectiveness of

training for military departments.

Key words: *adjunct, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, teacher training, research activities, prospects and problems of adjunct.*

В настоящее время в системе МВД России одной из основных форм подготовки преподавателей для высшей школы является сеть адъюнктур. Сущность термина «адъюнктура» в системе МВД, в особенности в рамках подготовки преподавательского состава, в настоящее время является понятной исключительно лицам, деятельность которых связана с системой высшего образования. Несмотря на то, что данное понятие является довольно распространенным, часто только специалисты знакомы со значением, функциями и ролью адъюнктуры.

Первоначально под адъюнктами понимались помощники руководителей различной профессиональной направленности, например, на госслужбе, в научных кругах и т. д. Однако, со временем данное понятие закрепилось и осталось только в системе ВУЗов. На сегодняшний день указанный термин присущ только высшему образованию Министерства обороны и силовых ведомств. Если давать дефиницию понятию адъюнктура, то под ней следует понимать третью и высшую ступень подготовки кадров для военных ведомств. В этой связи, перед рассмотрением вопроса о подготовке преподавателей в адъюнктуре образовательных организаций МВД РФ, необходимо подробно остановиться на сущности, задачах, функциях и роли адъюнктуры в системе современного высшего образования. В настоящее время институт адъюнктуры существует в таких ведомственных учебных заведениях как МВД, ФСБ, ВС МО и является формой образования, основная цель которой состоит в подготовке кадров для преподавания, а также для научной работы [6, с. 66]. Адъюнктура отсутствует только в Ведомственном университете прокуратуры РФ, что обусловлено его большей близостью к гражданским высшим учебным заведениям в силу специфики предметного курса. В этом смысле можно провести сравнение с продолжением обучения, которое выбирают выпускники гражданских ВУЗов, желающие поступить в аспирантуру, по итогам окончания которой они получают ученую степень и также имеют возможность преподавания. В настоящее время значение адъюнктуры существенно возросло в связи с реформированием милиции в полицию, полномасштабной модернизацией структуры, функций и критериев оценки деятельности ее сотрудников, и в первую очередь, в связи с необходимостью организации и подготовки высокопрофессиональных кадров органов внутренних дел. Система подготовки пре-

подавательских кадров в адъюнктуре образовательных организаций МВД РФ ориентирована на непрерывное воспроизводство необходимого числа высококомпетентных специалистов органов внутренних дел с широким набором профессиональных характеристик, которые позволяют им оперативно и эффективно решать задачи, возникающие перед ними в процессе исполнения своих должностных обязанностей.

В этой связи, профессиональная подготовка преподавателей в адъюнктуре образовательных организаций МВД РФ требует постоянного внедрения инновационных образовательных технологий, технического переоснащения и совершенствования в соответствии с современными требованиями, в том числе – действующего законодательства в стране и регионах, оптимизации соотношения теоретических знаний и практических профессиональных навыков.

К основным задачам адъюнктуры относится обеспечение научно-педагогической подготовки кадров, которая достигается в процессе организационно-методического обеспечения работы с адъюнктами очной и заочной форм обучения; представление в органы государственной статистики и ДГСК МВД России отчетов о работе адъюнктуры; подготовка материалов для рассмотрения вопросов работы адъюнктуры на заседаниях ученых советов ВУЗов различных ведомств [12].

Адъюнктура также выполняет ряд важнейших функций в системе образования, которые определяют ее специфику, а именно:

1. Учет и контроль деятельности адъюнктов на основании их индивидуальных учебных планов, в том числе – контроль проведения аттестации адъюнктов;
2. Предоставление в Департамент государственной службы и кадров МВД (ДГСК МВД) России списков вновь зачисленных в высшее учебное заведение адъюнктов спустя один месяц после издания приказа;
3. Выполнение поручений начальника ВУЗа, его заместителя по научной работе, решений Ученого совета высшего учебного заведения по вопросам подготовки научно-педагогических и научных кадров;
4. Подготовка в установленные сроки приказов и распоряжений, ведение протокольной документации в частности, о допуске и сдаче вступительных экзаменов, о зачислении в адъюнктуру, об аттестации адъюнктов и т.п.
5. Организационное обеспечение научно-педагогической подготовки кадров для комплекту-

щих органов, которая включает в себя, в частности, организацию набора и распределения адъюнктов, учебно-воспитательного процесса по дисциплинам научной и педагогической подготовки в адъюнктуре, аттестации адъюнктов, контроля за соблюдением адъюнктами служебной дисциплины и требований, предъявляемых к сотруднику органов внутренних дел, а в случае нарушений, проведение служебных проверок и внесение предложений руководству ВУЗа по применению мер дисциплинарного воздействия к виновным, вплоть до отчисления из адъюнктуры и т.д.

6. Осуществление индивидуально-воспитательной работы с адъюнктами [12].

Помимо вышеперечисленных функций, адъюнктура выполняет совместную работу с кафедрами высших учебных заведений различных ведомств, а именно:

1. Контролирует выполнение адъюнктами индивидуального плана научной подготовки;

2. Принимает участие в проведении аттестаций адъюнктов;

3. Подготавливает предложения по отчислению тех адъюнктов, которые не справляются с выполнением плана индивидуальной научной подготовки;

4. Предоставляет адъюнктам возможность принимать участие в научных конференциях, семинарах и иных мероприятиях, которые проводятся в том высшем учебном заведении, где обучаются адъюнкты, а также в других ВУЗах;

5. Организует прохождение адъюнктами педагогической практики [12]. При этом необходимо отметить, что в процессе осуществления своей деятельности адъюнктура осуществляет более тесное взаимодействие с теми кафедрами, при которых она существует по соответствующим научным специальностям. В свою очередь, за организацию текущей научной работы адъюнктов, своевременное выполнение ими индивидуальных планов, грамотную подготовку диссертационных работ несет ответственность начальник кафедры.

Наряду с этим, кафедры также несут ответственность за адъюнктов, так как обязаны обеспечить их рабочими местами при высшем учебном заведении, осуществлять своевременную подготовку и организовывать обсуждение материалов, связанных с темами диссертационных исследований адъюнктов, закреплять за последними квалифицированных научных руководителей. Именно кафедры должны утверждать индивидуальные планы подготовки адъюнктов в течение трех месяцев, а также предоставлять список тем диссертаций на утверждение ученому совету высшего учебного заведения. В обязанности членов кафедры входит заслушивание адъюнктов о выполнении ими индивидуальных планов, а также прове-

дение ежегодной аттестацию адъюнктов, на основании которой принимается решение о целесообразности их дальнейшего обучения в адъюнктуре. Наконец, кафедры ВУЗов различных ведомств, где действует адъюнктура, обязаны произвести рецензирование и обсуждение диссертаций адъюнктов на своих заседаниях, а также решить вопрос о назначении официальных оппонентов и ведущей организации после того, как диссертационное исследование было одобрено на кафедре и рекомендовано к защите. Кафедры представляют собой тот уровень управления, который конкретизирует общие задачи образовательного процесса применительно к конкретным специальностям [4, с. 50].

К функциям адъюнктуры относится решение вопросов дальнейшего трудоустройства адъюнктов, их материально-финансовой поддержки в период пребывания в адъюнктуре, организации участия в разного рода культурно-массовых, спортивных мероприятиях, а также мероприятиях по охране правопорядка, запланированных МВД РФ при ВУЗе. Указанные функции должны быть реализованы адъюнктурой совместно с другими подразделениями высшего учебного заведения.

Переходя к вопросу о подготовке педагогических кадров в период обучения в адъюнктуре, следует отметить, что в рамках получения образования адъюнкты могут обучаться как в очной, так и в очно-заочной и заочной форме. В случае получения очного образования срок обучения составляет три года, при заочном – четыре. Учебный год по очной форме обучения начинается с 1 сентября. Организация в праве перенести срок начала учебного года по очной форме обучения на срок, не превышающий 2 месяца. По очно-заочной и заочной формам обучения, а также при сочетании различных форм обучения срок начала учебного года устанавливается организацией [13].

Правом на приобретение послевузовского образования в адъюнктуре пользуются офицеры среднего, старшего и высшего состава. Зачисление в адъюнктуру осуществляется на конкурсной основе согласно плану комплектации высшего учебного заведения. Адъюнкт может поступить в один из ВУЗов, которые относятся к системе МВД, либо в военное структурное подразделение, состоящее в ведении Министерства образования РФ. Учебные программы адъюнктуры ВУЗов составляется в соответствии с длительностью срока обучения (3 или 4 года). Они включают в себя не только углубленное изучение отдельных дисциплин, но и обязательную научно-исследовательскую работу, так как итогом обучения в адъюнктуре является написание диссертационного исследования. Наряду с этим адъюнкты могут принимать участие в написании научных статей. В

том случае, если адъюнкты получают послевузовское образование без отрыва от основного места работы, написание диссертации может стать для них весьма трудной задачей. Для разрешения этой проблемы адъюнкт может быть закреплен не только за научным руководителем, но также и за консультантом. Как и в аспирантуре гражданских высших учебных заведений, адъюнктам необходимо сдавать кандидатский минимум, включающий в себя экзамен по английскому языку, философии и основной дисциплине. Процесс обучения осуществляется под контролем научного руководителя, назначенным в ректорате высшего учебного заведения. Научный руководитель, который осуществляет контроль работы над текстом диссертации адъюнкта с момента выбора темы и до защиты исследования, избирается из числа наиболее опытных педагогов, имеющих звание профессора. В том случае, если тема диссертационного исследования находится на стыке двух научных направлений, адъюнкт в праве иметь не только научного руководителя, но также и консультанта.

Таким образом, главная цель, которую преследует обучение в адъюнктуре – написание диссертации для получения ученой степени, которая представляет собой основное содержание исследовательской работы. После защиты диссертации, адъюнкт может как избрать для себя профессию преподавателя, так и заняться научной деятельностью, либо вернуться на старое место службы.

Подготовка будущих преподавателей в адъюнктуре имеет определенные перспективы и ряд преимуществ. В первую очередь, необходимо отметить, что тем адъюнктам, которые избрали очную форму обучения, засчитывается рабочий стаж (в том случае, если они обучаются на бюджетной основе – выплачивается стипендия). При этом, на получение штатной должности в преподавательской составе ВУЗа адъюнкт может претендовать только в случае своевременного и успешного выполнения индивидуального учебного плана и научно-исследовательской работы.

Значительным преимуществом подготовки специалистов в адъюнктуре является возможность их самостоятельного определения научно-теоретического или практического направления обучения. Таким образом, адъюнкты могут ставить перед собой совершенно конкретные цели будущего пополнения педагогического состава силовой и военной отрасли, либо ведения научно-исследовательской работы.

При этом, необходимо учитывать, что подготовка в адъюнктуре является бесплатной только для лиц, несущих службу в том же ведомстве, к которому относится высшее учебное заведение, в

иных случаях адъюнктам доступно только платное образование.

Еще одним преимуществом обучения будущих преподавателей в адъюнктуре является присвоение степени кандидата наук после защиты диссертационного исследования, что позволяет не только исполнять обязанности преподавателя в военном училище или ином военном образовательном учреждении, но также занимать должности в академиях и институтах МВД.

Наконец, несомненным преимуществом обучения в адъюнктуре является возможность для адъюнктов как очной, так и заочной формы осваивать учебную программу, сохранив при этом за собой основное место работы.

Содержание образования будущих преподавателей в адъюнктуре определяется направленностью конкретного ВУЗа, однако в перечень обязательных входят следующие учебные предметы: педагогика, психология и научная методология, основная дисциплина. В этой связи основной целью данного обучения является приобретение знаний в области разных научных методик, которые в последствие будут реально применимы на практике. В результате прохождения адъюнктуры будущие педагоги приобретают не только опыт работы в коллективе, а также навыки руководителя, но и учатся применять современные технологии и научные достижения.

В рамках будущей деятельности адъюнкта перспективными представляются следующие три направления:

1. Продолжить деятельность в качестве штатного педагога одного из ВУЗов МВД, либо военного ведомства.

2. Выбрать карьеру ученого и сосредоточиться на исследовательской работе с целью внедрения в науку полученных результатов. В данном случае кандидат наук должен продолжить обучение в докторантуре.

В том случае, если обучающийся в адъюнктуре будет уволен с военной службы, либо из силовых структур, за ним сохраняется возможность получить должность, соответствующую его специальности при наличии ученой степени.

Однако, помимо преимуществ обучения педагогов в адъюнктуре МВД, следует остановиться на некоторых проблемах этого направления послевузовского образования. В настоящее время остро стоит следующий вопрос: «Как совершенствовать подготовку адъюнктов по научно-педагогическим специальностям, в силу того, что офицеры в большей части имеют высшее военное образование?» [14, с. 157].

Выявление трудностей подготовки будущих педагогов на третьей высшей ступени образования имеет большое значение, так как работа над

ними и их последующее устранение позволит добиться положительных изменений в системе высшего профессионального образования сотрудников, и как следствие, повысить качество педагогической деятельности. В свою очередь, только высококвалифицированный педагог способен в полной мере использовать свои профессиональные данные в будущей учебно-педагогической деятельности, а также разрешать задачи по подготовке сотрудников полиции, готовых обеспечивать правопорядок [1, с. 3].

В последнее время особенно актуальным является поиск путей повышения эффективности послевузовской подготовки, имеющий большое значение как для будущих теоретиков, так и для практиков в той или иной военной отрасли. Вложения в качество образования являются одним из видов инвестиций в человеческий капитал, которые позволяют повысить уровень системы управления на государственном уровне.

Первостепенную роль в рамках подготовки преподавателей в адъюнктуре МВД РФ играет не столько инвестирование в образовательный процесс как таковой, сколько в повышение уровня «образователей». Это объясняется тем, что только авторы процесса обучения могут способствовать поддержанию последнего на должном уровне. Трансформации в образовательной системе адъюнктуры МВД РФ в настоящее время являются необходимыми, так как без них невозможно преодолеть существующие проблемы и сохранить высокое качество подготовки.

Также необходимо отметить, что формирование личности профессионала своего дела может быть успешным только посредством ежедневного и многолетнего участия сотрудника в решении практических задач. Достичь высшей степени профессионализма невозможно только в рамках высшего учебного заведения, что объясняется значительным уклоном образовательного процесса в теоретическую область. Как следствие, это определяет необходимость поиска проблем, с которыми сталкивается ВУЗ при подготовке педагогических кадров, а также возможностей их устранения, что, в конечном счете, позволит сформировать личность с таким набором профессиональных качеств, которые позволят повысить эффективность ее будущей практической деятельности.

Первой проблемой является снижение уровня субъектов образовательного процесса. Среди причин этого явления можно выделить как субъективные (в частности, низкую способность, либо ее отсутствие к осуществлению педагогической деятельности как таковой), так и объективные условия, на которые весьма затруднительно оказывать влияние, используя организационно-

управленческие методы воздействия [17, с. 49]. В этой связи большую роль играет эффективная образовательная социализация будущих педагогов, позволяющая существенно повысить качество образования в высшем учебном заведении. По этому поводу В.А. Огульчанский соглашался с А.В. Милехиным, который отмечал, что зачастую «... представления о процессе социализации, особенностях социализированной личности носят стихийный характер и сформированы спонтанно на субъективном уровне на основе житейских понятий» [11, с. 68]. Низкая фактическая способность кандидатов на поступление в адъюнктуру из числа сотрудников органов внутренних дел к образовательной социализации является существенной проблемой сегодняшнего дня. Как отмечал М. Поляков, высшие учебные заведения должны быть нацелены на подготовку научно-исследовательских кадров, помогая обучаемым делать свой экзистенциальный выбор – отдать дальнейшую жизнь служению научной истине. Ведь именно в образовательной среде высших учебных заведений возникло понятие «интеллектуал», под которым принято понимать человека, профессия которого базируется на мышлении и преподавании своих мыслей [8, с. 190].

Стоит также отметить, что даже если у учащихся в процессе освоения ВУЗовского курса возникает интерес к тем наукам, которые не связаны напрямую с юриспруденцией, в последствие он может быть сглажен практико-ориентированной деятельностью в области охраны правопорядка. Сверх того, человек, занимающийся данным видом деятельности, как правило, имеет весьма искаженное оценочное представление об обществе. Отрицательный эффект профессии состоит в том, что когда сотрудник непрерывно вынужден контактировать с достаточно специфическими категориями граждан, например, преступниками, потерпевшими и т.д., со временем он начинает полагать, что из этих индивидов и состоит общество. Постоянная работа в области противоправного поведения граждан, несомненно накладывает отпечаток на личность и психологию человека, осуществляющего деятельность в данной сфере, а именно: проявляется стремление доказать вину преступника, отыскать новые факты, возбудить уголовное дело на основании заявления потерпевшей стороны и т.д. Между тем, педагогическая деятельность требует от сотрудника совершенно противоположных личностных качеств, в частности, коммуникабельности, доверия, эмпатии, толерантности и проч. В условиях повседневной деятельности в области охраны правопорядка формирование таких личностных качеств представляет собой весьма трудную задачу. Так, по мнению некоторых ученых, «...

подобная ситуация не способствует качеству подготовки научно-педагогических кадров, поэтому целесообразно отбирать в адъюнктуру лиц, проявляющих склонность к научно-исследовательской и педагогической деятельности» [5, с. 139-140], или имеющих реальный педагогический опыт. В этой связи, отсутствие эффективной образовательной социализации следует признать первоочередной проблемой в области подготовки сотрудников в системе адъюнктуры МВД РФ.

Второй проблемой является недостаточный уровень профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава, ведь одним из ведущих условий, определяющих успешность учебно-воспитательного процесса адъюнктов организаций МВД России, является высокий уровень компетенций, реализуемых в деятельности их преподавателей [2, с. 39-41]. Последние, в свою очередь, должны не только быть широко эрудированы в своей дисциплине, но также обладать высокой степенью юридической грамотности, быть коммуникабельными, чтобы адъюнкты могли обратиться к ним с любым научным вопросом [3]. При этом, необходимо учитывать, что понятие «профессиональная компетентность» не имеет однозначного определения в силу того, что его компоненты полностью не определены. Однако действующее нормативное регулирование профессионального образования для конкретизации критериев сформированности профессиональной компетентности предполагает использование профессиональных стандартов, должностных регламентов и инструкций, формулирующих требования к квалификациям по конкретным видам трудовой деятельности.

При возникновении вопроса определения профессиональных компетенций в сфере высшего образования, следует обратиться к тексту Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [10], а также к Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 годы [16] и Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014-2020 гг. [15]. В указанных документах содержатся основные требования к профессиональным навыкам, которые должны быть сформированы в процессе подготовки будущего педагога-ученого. Формулировка компетенций, которыми должен обладать адъюнкт по окончании высшего учебного заведения, позволяет сочетать фундаментальность профессиональных базовых знаний с инновационностью мышления и практико-ориентированным научным подходом к разрешению конкретных научных и образовательных проблем.

Третьей проблемой, с точки зрения современных исследователей, является несоответ-

ствие программ адъюнктуры тем профессиональным задачам, с которыми могут столкнуться будущие специалисты. Действующая система образования в высшей школе не позволяет достичь уровня педагогического мастерства, которое является необходимой составляющей деятельности квалифицированного преподавателя [7]. Как следствие, молодые педагоги, которые только начинают свою карьеру в образовательных организациях МВД РФ, рискуют довольно часто сталкиваться с трудностями профессионального характера [9, с. 31-36].

Четвертая проблема состоит в том, что в настоящее время в системе МВД России не существует таких образовательных организаций, которые выпускали бы специалистов по физической подготовке для военных ведомств. Как следствие, преподаванием физической культуры в адъюнктуре занимаются бывшие спортсмены, которые не имеют требуемого уровня образования. Для решения этой проблемы необходимо создать специальный факультет подготовки специалистов в образовательных организациях по физической культуре и спорту, а для того, чтобы поднять образовательный уровень уже практикующих работников, необходимо организовать курсы повышения квалификации при кафедрах физической подготовки ведущих образовательных организаций, входящих в систему МВД России [18, с. 104-135]. Кроме того, достаточно эффективным методом расширения компетенций преподавателей физической культуры в адъюнктуре МВД является стажировка в практикующих органах, в рамках которой они получают возможность более глубоко изучить опыт применения физической силы и специальных средств. В их дальнейшей профессиональной деятельности это позволит преподавателям применить полученные навыки, за счет чего существенно повысится уровень подготовки адъюнктов ВУЗов МВД России.

Наконец, в последнее время учеными отмечается заметное снижение качества подготовки научно-педагогических кадров в вузах МВД России. Если ранее адъюнкты в большей степени были сосредоточены на подготовке диссертационных исследований, в настоящее время вектор их внимания сместился в область освоения будущей профессии. Как следствие, будущие педагоги стали видеть свою основную задачу не в качественной подготовке будущего научного труда, а только в его скорейшем написании. Указанное обстоятельство в значительной степени нивелирует педагогический акцент подготовки преподавателей-исследователей.

На наш взгляд, при учете вышеуказанных проблем подготовки педагогов в адъюнктуре образовательных организаций МВД РФ можно суще-

ственно повысить профессиональные компетенции будущих специалистов, снизить риски трудностей в сфере преподавания, а также существенно увеличить преимущества высшего образования в адъюнктуре.

Список литературы:

[1] Авдрианов М.М. Совершенствование процесса подготовки профессиональных кадров для органов внутренних дел: автореф. дис. канд. пед. наук. Киров, 2002. - 24 с.

[2] Амелъчаков И. Ф. Совершенствование системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации // Профессионал. 2007. № 6. - С. 39-41.

[3] Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. М.: АСТ, 2002. - 132 с.

[4] Белоус О.И., Гупалов М.М., Смирнов А.М. Система управления образовательным процессом при подготовке специалистов в высшем военном учебном заведении // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 11 (129). - С. 48-56.

[5] Гуляев В.Н., Иванов Е.С., Логинов И.П., Хасанов Р.Ш. К вопросу о подготовке научно-педагогических кадров на современном этапе развития высшей военной школы // Военный академический журнал. 2017. № 1 (13). - С. 139-148.

[6] Дудолаев А.А. К вопросу о военно-профессиональной подготовке педагогических кадров для высших военно-учебных заведений // Вестник военного университета. 2007. № 1 (9). - С. 66-75.

[7] Зашихин В.С. Профессиональная подготовка преподавателей специализированных образовательных учреждений к преодолению затруднений в педагогической деятельности: дис. канд. пед. наук. Ижевск, 2011. - 17 с.

[8] Милёхин А.В. Феномен «социализации» в представлении субъектов образовательного процесса // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. - С. 59-70.

[9] Никольская О.Л. Психолого-дидактические затруднения учителей при освоении инновационных технологий // Педагогика. 2005. № 6. - С. 31-37.

[10] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 2017 № 7 Ст. 711.

[11] Огульчанский В.А. Формирование профессионально-педагогического мастерства специалистов физической культуры и спорта на этапе вузовского образования: дис. канд. пед. наук. Волгоград, 2004. - 19 с.

[12] Положение об адъюнктуре МВД Российской Федерации // URL: <https://gigabaza.ru/doc/39087.html> (дата обращения: 11.07.2019).

[13] Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 19 ноября 2013 г. N 1259 с изм. и доп. на 2019 г.) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/7> (дата обращения: 11.07.2019).

[14] Султанова К.Г. Повышение качества подготовки адъюнктов по научно-педагогическим специальностям в военных вузах внутренних войск МВД РФ // Мир, науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). - С. 157-159.

[15] Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014-2020 гг. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2019).

[16] Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2019).

[17] Филимонов О.В. Образовательная социализация адъюнктов в Академии управления МВД России: проблемы и пути решения // Психология и право. 2018. Том. 8. № 3. - С. 48-59.

[18] Чернилевский Д.В. Психолого-педагогическая подготовка преподавателя высшей школы XXI века: учебное пособие для вузов / А. В. Морозов, Д. В. Чернилевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Традиция: Академический Проект, 2004. - 559 с.

References:

[1] Avdrianov M.M. Sovershenstvovanie processa podgotovki professional'nyh kadrov dlya organov vnutrennih del: avtoref. dis. kand. ped. nauk. Kirov, 2002. - 24 s.

[2] Amel'chakov I. F. Sovershenstvovanie sistemy professional'noj podgotovki, perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii // Professional. 2007. № 6. - S. 39-41.

[3] Baranov A.A. Stress-tolerantnost' pedagoga: teoriya i praktika. M.: AST, 2002. - 132 s.

[4] Belous O.I., Gupalov M.M., Smirnov A.M. Sistema upravleniya obrazovatel'nym processom pri podgotovke specialistov v vysshem voennom uchebnom zavedenii // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2015. № 11 (129). - S. 48-56.

[5] Gulyaev V.N., Ivanov E.S., Loginov I.P., Hasanov R.SH. K voprosu o podgotovke nauchno-pedagogicheskikh kadrov na sovremennom etape razvitiya vysshej voennoj shkoly // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2017. № 1 (13). - S. 139-148.

[6] Dudolaev A.A. K voprosu o voenno-professional'noj podgotovke pedagogicheskikh kadrov

dlya vysshih voenno-uchebnyh zavedenij // Vestnik voennogo universiteta. 2007. № 1 (9). - S. 66-75.

[7] Zashihin V.S. Professional'naya podgotovka prepodavatelej specializirovannyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij k preodoleniyu zatrudnenij v pedagogicheskoy deyatel'nosti: dis. kand. ped. nauk. Izhevsk, 2011. - 17 s.

[8] Milyohin A.V. Fenomen «socializacii» v predstavlenii sub'ektov obrazovatel'nogo processa // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2012. № 2. - S. 59-70.

[9] Nikol'skaya O.L. Psihologo-didakticheskie zatrudneniya uchitelej pri osvoenii innovacionnyh tekhnologij // Pedagogika. 2005. № 6. - S. 31-37.

[10] Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ (red. ot 13.07.2015) // SZ RF. 2017 № 7 St. 711.

[11] Ogul'chanskij V.A. Formirovanie professional'no-pedagogicheskogo masterstva specialistov fizicheskoy kul'tury i sporta na etape vuzovskogo obrazovaniya: dis. kand. ped. nauk. Volgograd, 2004. - 19 s.

[12] Polozhenie ob ad'yunkture MVD Rossijskoj Federacii. [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://gigabaza.ru/doc/39087.html> (data obrashcheniya: 11.07.2019).

[13] Poryadok organizacii i osushchestvleniya obrazovatel'noj deyatel'nosti po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya - programmam podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture (ad'yunkture) (utv. prikazom Ministerstva

obrazovaniya i nauki RF ot 19 noyabrya 2013 g. N 1259 s izm. I dop. na 2019 g.). [Electronic resource]. - Access mode: URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/7> (data obrashcheniya: 11.07.2019).

[14] Cultanova K.G. Povyshenie kachestva podgotovki ad'yunktov po nauchno-pedagogicheskim special'nostyam v voennyh vuzah vnutrennih vojsk MVD RF // Mir, nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2015. № 1 (50). - S. 157-159.

[15] Federal'naya celevaya programma «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii» na 2014-2020 gg. [Electronic resource]. - Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya: 11.07.2019).

[16] Federal'naya celevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2016-2020 gody. [Electronic resource]. - Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (data obrashcheniya: 11.07.2019).

[17] Filimonov O.V. Obrazovatel'naya socializaciya ad'yunktov v Akademii upravleniya MVD Rossii: problemy i puti resheniya // Psihologiya i pravo. 2018. Tom. 8. № 3. - S. 48-59.

[18] CHernilevskij D.V. Psihologo-pedagogicheskaya podgotovka prepodavatelya vysshej shkoly XXI veka: uchebnoe posobie dlya vuzov / A. V. Morozov, D. V. CHernilevskij. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Tradiciya: Akademicheskij Proekt, 2004. - 559 s.

САРКИСЬЯН Татьяна Николаевна,
кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Института морского транспортного менеджмента,
экономики и права
ФГБОУ ВО «Государственный морской университет
им. адмирала ф.ф. Ушакова»
e-mail: tatnik2304@yandex.ru

АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ В КОНТЕКСТЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с культурной саморегуляцией в контексте самореализации личности студента. Отмечается влияние культурных ценностей на формирование личностных качеств у современного российского студента. Обозначаются и иные факторы оказывающие ключевую роль на трансформацию поведенческих установок у молодежи. Представлены рекомендации в части организации учебного процесса в ВУЗе.

Ключевые слова: культурная саморегуляция, самореализация личности, культурные ценности, российское студенчество, учебный процесс, образовательная политика, высшее образование.

SARKISYAN Tatyana Nikolaevna,
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Department of Humanities disciplines
Institute of Maritime Transport Management,
Economics and Law, State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov

ASPECT OF CULTURAL SELF-REGULATION IN THE CONTEXT OF SELF-REALIZATION OF STUDENT PERSONALITY

Annotation. The article discusses issues related to cultural self-regulation in the context of self-realization of the student's personality. The influence of cultural values on the formation of personal qualities in contemporary Russian students is noted. Other factors that play a key role in the transformation of behavioral attitudes among young people are also indicated. Recommendations regarding the organization of the educational process at the university are presented.

Key words: cultural self-regulation, personal self-realization, cultural values, Russian students, the educational process, educational policy, higher education.

Уровень развития человечества на современном этапе ставит перед молодыми специалистами условия, при которых они должны постоянно заниматься повышением профессионального уровня. Специалисты должны самостоятельно изучать актуальные обновления, заниматься самостоятельным продвижением в профессиональном плане. Наличие основных знаний и высокий уровень культуры позволяет хорошо приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям работы. Это находит собственное отображение в работе разных уровней самостоятельной организации, которая затрагивает индивидуальные структуры сознания. Таким образом, личность переходит на новый уровень.

Смысл существования человека во многом зависит от основной его деятельности. Данной теории придерживаются, например, С. Франк, С. Рубинштейн и др. Смысл жизни можно проследить согласно тому, какие ценности у личности имеются.

Во время изучения теоретической основы проблемы саморегуляции, что также относится и к вопросам, которые касаются ценностей, требуется расценивать личность как итог влияния окружающего общества, процесса освоения человеком действующих норм культуры и социальной жизни, а также самореализации.

С самого начала молодые люди опираются на те, определенные ценности, которые им были

привиты. Они проходят процесс подготовки к пониманию новых аспектов культуры. У личности происходит переосмысление взглядов общества, а также взглядов окружающих людей. Согласимся со справедливым мнением В.К. Ковальчука о том, что личность, освоившая многообразие ценностного мира, может осознанно определять приоритеты в своем развитии [3, с. 277]. Благодаря ценностно-смысловым установкам студенческая молодежь получает возможность культурного самоконтроля. Особенности управления собой в сфере культуры, как правило, отходят на задний план в системе принуждения индивидуума к общественным установкам. Соответственно, культура значимости выходит на первое место по сравнению с духовной культурой [4]. Удачно, когда происходит взаимное дополнение.

Проблемный аспект. Возникает достаточно серьезный конфликт между определенным временем, которое дается для исследования учебного материала и заданной темы, а также временем, необходимым для данного изучения фактически. Этот проблемный аспект получил название «конфликт требуемого и необходимого».

Вероятное решение:

1. Создание более крупных тематических блоков материала для обучения, предлагаемого студентам.

2. Нахождение проблем в курсе дисциплины обучения с целью их решения, смена стандартной последовательной схемы рассмотрения на аналитику их системно-структурной составляющей.

Одним из наиболее вероятных способов разрешения поставленного вопроса является использование таких технологий образования, которых не было ранее. Базой для процесса образования должна выступать сформированность умений у обучающихся к самостоятельной подстройке меняющейся системы знаний. Необходимо адаптировать все под определенные форматы общения в обыкновенной жизни, профессиональной деятельности и прочих. Сейчас же базой учебного процесса становятся характеристики имеющегося количества данных у студента, которые он смог запомнить.

Базой последовательного направления выступает смещение основного центра учебного процесса в сторону большей самостоятельности. Особенно это касается тех ее проявлений, которые необходимо соблюдать еще до посещения лекции по определенной теме. Одними из наиболее распространенных форм здесь выступают: прохождение тестирования, выполнение индивидуальных заданий, заполнение тетрадей, интерактивное общение наставника и обучающегося.

К примеру, можно провести лекцию, выполненную в формате небольшой конференции, к

которой студенты должны подготовиться заранее. Во время самостоятельной подготовки они в конспектах должны выполнить определенное задание, которое выполняет функцию досье основной тематической проблемы. Рассматривая материал, предоставленный по данной теме, можно выписывать дефиниции основных категорий и понятий. Обучающиеся могут создавать логические структурные схемы. В конспектах оформляются учебные вопросы. К основным характеристикам, которые необходимы для увеличения значимости задаваемых вопросов, следует причислить такие, как: взаимосвязь с актуальными проблемами, новизна, взаимосвязь с изучаемыми вопросами и историческими фактами, индивидуальная оценка происходящего. Те студенты, которые придумают лучшие вопросы, получают своеобразные бонусы.

Занятия проводятся по такой схеме: начальная (организационные действия, различные проверки и вступление от преподавателя) и завершающая (итоги) части являются традиционными. Лектор выслушивает поставленные вопросы и дает на них ответы. После этого награждают авторов интересных вопросов. Чтобы оживить эмоциональный и интеллектуальный фон, следует использовать видеоматериал для демонстрации ключевых эпизодов по заданной теме.

Также стоит отметить, что предварительная подготовка к занятиям, которые проводятся в такой форме, может осуществляться с помощью сетевого общения. Преподаватель оказывается удаленным от студентов. Это совпадает с методикой вебинара. Если проводить занятия по такому методу, то это поможет сократить время на учебный процесс. Стоит отметить положительное влияние данной методики на формирование личности обучающегося.

Практическое использование вышеописанных методик показывает, что привлечение студентов к научным и учебным исследованиям помогает разрешить ряд дидактических вопросов:

- 1) увеличение взаимосвязанности различных предметов для улучшения подготовки специалистов;

- 2) обучение студентов способам и приемам учебной работы, а также проведение исследований;

- 3) повышение навыков для самостоятельной деятельности и развитие творческих возможностей [2].

Принимая во внимание все вышеперечисленное, можно прийти к выводу, что такой учебный процесс дает возможность интегрировать различные гуманитарные предметы. Это помогает привлечь обучающихся к исследовательской, научной и учебной деятельности.

В нынешних педагогических и психологических исследованиях говорится о том, что успешность в учебе, профессиональной деятельности зависит от того, насколько развита осознанная саморегуляция. Иными словами, от организации и контроля основной деятельности.

Повышая уровень планирования и жизненной рефлексии, развивается уверенность студентов, а также повышается желание к самореализации.

Во время обучения в ВУЗе составление планов творческой деятельности взаимосвязано с качествами саморегуляции. Сюда стоит отнести наличие инициативы, способности совместной деятельности, упорство.

Самооценка является одним из наиболее важных аспектов личности. С. Рубинштейн отмечал, что самооценка имеет ключевое значение, и она взаимосвязана с культурными и общественными мотивами. Она же влияет на стремление к выполнению социальных обязательств, самореализацию и т. д. Самостоятельная оценка является регулятором нравственности деятельности и поведения человека. Данный механизм взаимосвязан с ответственностью [5].

На повышение мотивации могут влиять:

- уверенность в собственных силах обучающихся;
- эффект загадки;
- эффект любопытства;
- планирование целей;
- создание ситуаций в процессе обучения постоянного поиска;
- создание благоприятных ситуаций для поддержания стимула у студентов к учебному процессу.
- использование эффекта вызова и др.

Вопросы саморегуляции во время обучения взаимосвязаны с преодолением проблемы создания социально-активного индивидуума, который смог бы добиться положительных результатов в своей работе.

Для своевременного и качественного исполнения заданий преподавателя студенты должны обладать качествами саморегуляции, которые могут охарактеризовать их с коммуникативной, интеллектуальной, волевой, эмоциональной, деятельной и организационной сторон [1].

Как отмечалось ранее, студенты должны усваивать большие объемы информации, что создает огромные нагрузки. В данных условиях нехватка соответствующих навыков саморегуляции учебного процесса приводит к неуспеваемости. Для преодоления сложностей обучающиеся будут применять стихийные методы, совершая множество ошибок.

Соответственно, немаловажным фактором становится формирование самостоятельности, а также прочие проявления активности студентов. Саморегуляция становится базой для развития самостоятельности. Она является организованным влиянием на свою личность, что осуществляется осознанным действием. Иными словами, саморегуляция является настраиванием себя на последующее регулирование работы, чтобы научиться самостоятельно вести определенные виды деятельности. Это требуется для обеспечения эффективной саморегуляции процесса обучения.

Стоит отметить, что для оптимизации состояния людей немаловажно использовать музыкальное воздействие. Практически все разновидности деятельности обладают своей ритмической формой, в том числе и учебная. Музыкальное воздействие помогает сформировать предварительный ритмический темп перед началом процесса обучения, создавать фон для отдыха при перерывах в учебе, снимать лишнее напряжение.

В современном обществе требуются такие специалисты, которые будут способны к самообразованию, совершенствовать свои профессиональные навыки, адаптироваться к частым изменениям, происходящим в социуме. Оптимизация стиля саморегуляции дает возможность студентам понимать собственное поведение, выполняемые ими процессы, а также контролировать все с целью увеличения успешности выполняемых действий.

Список литературы:

- [1] Журавлев А.Л., Барабанщиков В.А., Воловикова М.И. Психология человека в современном мире / Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г.) / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. - М.: Институт психологии РАН, 2009. - 334 с.
- [2] Краевский В. В. Основы обучения. Дидактика и методика: учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., стер. — М.: Академия, 2008. — 352 с.
- [3] Ковальчук В.К. Ценностно-смысловая сфера личности российских студентов // Образование и право. 2018. № 11. — С. 276-281.
- [4] Психолого-педагогические основы профессионального развития личности в условиях регионального образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. — Пенза: Приволжский Дом знаний, 2013. — 120 с.
- [5] Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / отв. ред. Е. В. Шорохова / 2-е изд. — М.: Педагогика, 1976. — 416 с.

ИБРАШЕВА Бигитгуль Сапашевна,
заместитель ректора по кадрам,
Костанайский инженерно-экономический
университет имени М. Дулатова
e-mail: kadry@kineu.kz

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
e-mail: agroprom3@sky.ru

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ВУЗА НА ОСНОВЕ SWOT-АНАЛИЗА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы разработки стратегии для вуза с применением SWOT-анализа. Актуальность статьи заключается в том, что показаны сильные и слабые стороны при организации образовательного процесса и трудоустройства выпускников. Цель исследования: рассмотреть угрозы и возможности, сильные и слабые стороны вуза. Предоставляя академическую свободу вузам, государство оставило за собой право оценивания качества подготовки специалистов путем мониторинга их трудоустройства по окончании учебы. Поэтому учебные заведения должны серьезно подойти к выработке стратегии развития или выживания.

Ключевые слова: стратегический план, стратегический анализ, SWOT-анализ, образовательные программы, академическая свобода.

IBRASHEVA Bigitgul Sapashevna,
Deputy Rector for Human Resources,
Dulatov Kostanay Engineering and Economic University

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Ural state Agrarian University

ANALYSIS OF FACTORS FOR DEVELOPING A UNIVERSITY STRATEGY BASED ON A SWOT ANALYSIS

Annotation. The article discusses the development of a strategy for a university using SWOT analysis. The relevance of the article is that it considers the strengths and weaknesses in organizing the educational process and employing graduates. Objective: to consider the threats and opportunities, strengths and weaknesses of the university. Giving academic freedom to universities, the state reserved the right to assess the quality of training of specialists by monitoring their employment after graduation. Therefore, educational institutions should seriously approach the development of a development or survival strategy.

Key words: strategic plan, strategic analysis, SWOT analysis, educational programs, academic freedom.

Министерство образования и науки Республики Казахстан проводит планомерную политику реформирования образовательной сферы, предоставляя вузам автономию путем самостоятельности в деятельности вузов, которая, в свою очередь, предполагает активизировать деятельность вузов для того, чтобы иметь возможность самостоятельного финансирования деятельности и активного участия в глобальной конкуренции.[2] С 2019 г. вузы

Казахстана ответственны за конкурентоспособность своих выпускников. Трудоустройство выпускников становится приоритетным показателем рейтинга вуза. Жесткая конкуренция коснулась образовательных учреждений Казахстана, которой способствовала масса проблем: ухудшение демографической ситуации в стране, отсутствие у населения мотивации к обучению, нехватка рабочих мест. Для выживаемости в сложных социально-экономических условиях профессиональ-

ным образовательным учреждениям необходимо осуществлять стратегическое планирование [10].

В сфере образования для выявления эффективности и конкурентоспособности вуза необходима стратегия. В статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» Президент Казахстана Н. Назарбаев отметил, что Казахстан вступил в новый исторический период. Он объявил в своем Послании о начале Третьей модернизации Казахстана. Целью он обозначил – войти в тридцатку развитых государств мира. Говоря о прагматизме, Н. Назарбаев отметил: «Умение жить рационально, с акцентом на достижение реальных целей, с акцентом на образование, здоровый образ жизни и профессиональный успех – это и есть прагматизм в поведении» [8]. В статье особое место отведено академическому сообществу и образованию. Так же указывается, что «образование - самый фундаментальный фактор успеха в будущем. В системе приоритетов

молодежи образование должно стоять первым номером» [8].

На IV заседании Рабочей комиссии, созданной для координации деятельности научно-образовательного консорциума, между высшими учебными заведениями и НИИ Беларуси и Казахстана широкой научной общественности была презентована новая модель университета. В настоящее время «миссия современного университета не может ограничиваться только подготовкой квалифицированных и конкурентоспособных кадров, она должна дополняться формированием истинных граждан своего времени и объединять четыре составляющие: образовательную, исследовательскую, инновационно-предпринимательскую и духовно-нравственную» [7].

Все чаще образовательные учреждения Казахстана кардинально меняют свою направленность посредством (рис. 1):

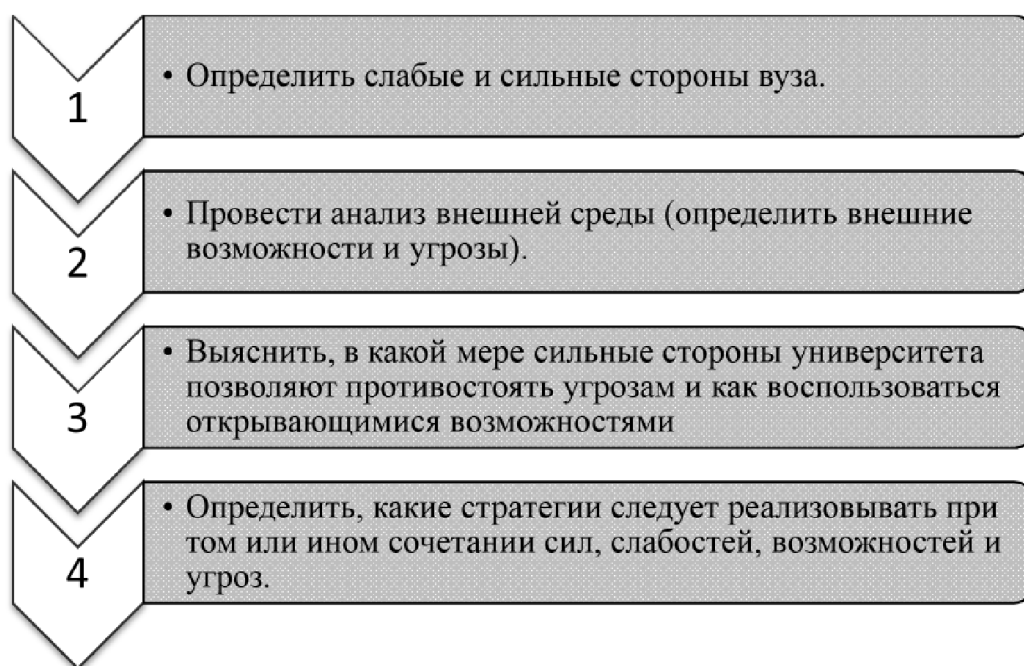

Рис. 1. Изменения направленности образовательных учреждений Казахстана

«Объединяющей эти стратегические направления целью, является подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией, и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне

мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности» [3].

С помощью стратегического анализа создается информационная основа для формирования миссии вуза, определения «его стратегических целей и показателей, выработки программ и мероприятий по реализации стратегии. Объектами

стратегического анализа являются внешняя и внутренняя среда образовательного учреждения» [4; 9].

Внутреннюю среду вуза, как и любой другой организации, выделяют при анализе сильных и слабых сторон. Внешнюю же среду принято отражать в разделе возможности и угрозы. Тем самым,

при проведении SWOT-анализа анализ как внешней, так и внутренней среды организации, будут связаны в единое целое, что позволит исследовать сильные и слабые стороны деятельности вуза.

Рассмотрим задачи SWOT-анализа для вуза в целом (рис. 2).

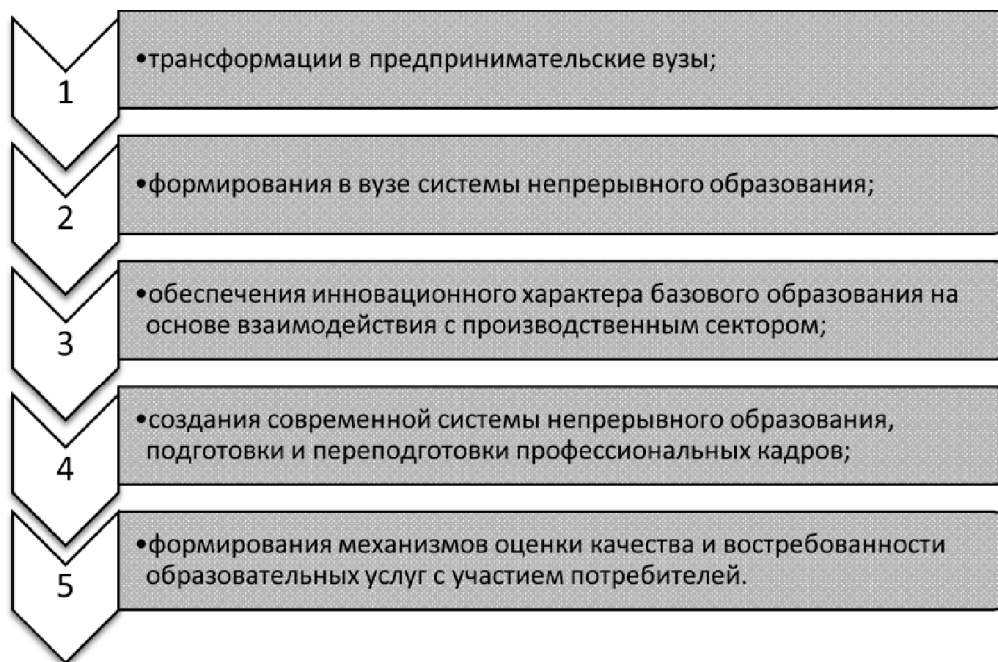

Рис. 2. Задачи SWOT-анализа для вуза

Рассмотрим матрицу связи компонентов SWOT-анализа со стратегией вуза (рис. 3).

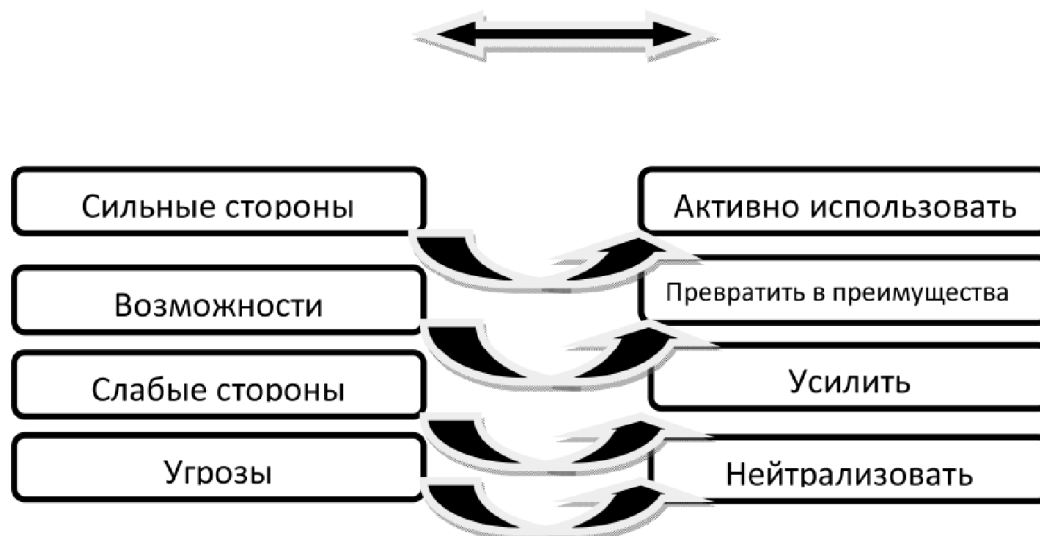

Рис. 3. Матрица связи компонентов SWOT-анализа

Чтобы SWOT-анализ был эффективным, при его составлении необходимо придерживаться некоторых правил:

- 1) анализ должен быть сфокусирован на конкретных деталях;
- 2) положение вуза по отношению к конкурирующим учебным заведениям должно быть выражено через сильные и слабые стороны;
- 3) четкая формулировка задач и распределение их по значимости.

«Классический SWOT-анализ предполагает определение сильных и слабых сторон в деятельности фирмы, потенциальных внешних угроз и благоприятных возможностей и их оценку в баллах относительно среднеотраслевых показателей или по отношению к данным стратегически важных конкурентов. Представлением информации такого анализа являлось составление таблиц сильных сторон в деятельности фирмы ее слабых сторон потенциальных благоприятных возможностей (О) и внешних угроз(Г)» [1].

На примере Костанайского инженерно-экономического университета рассмотрим сильные стороны вуза [5]:

- образовательный и научно-исследовательский процесс вуза ориентирован на потребности Костанайского региона;
- спрос на выпускников вуза с профессиональной подготовкой по инженерным, технологическим и экономическим специальностям;

- вуз имеет свой научно-производственный журнал «Наука» с импакт-фактором 0.005;
- действует технический комитет ТК-44 и Межгосударственный технический комитет МТК-534 «Обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции и продовольственного сырья на основе принципов HACCP»;
- наличие современной материально-технической инфраструктуры, соответствующей требованиям государственных стандартов, наличие современной специализированной лабораторной базы по техническим специальностям;
- в вузе имеется отдельная служба по трудоустройству и карьерному росту выпускников – «Мансап»;
- вуз довольно известен в молодежных кругах региона;
- специализация вуза – техническое образование, которое поощряется политикой государства.

Теперь перейдем к слабым сторонам университета:

- абитуриенты, имеющие высокие баллы ЕНТ, отдают предпочтение престижным вузам Алматы и Астаны;
- отсутствие эффективной системы мотивации академической мобильности;
- недостаточная работа по анализу регионального рынка труда и реализации научных разработок;

- слабое финансирование учебно-издательской деятельности преподавателей;
- недостаточность финансовых ресурсов и низкая заработная плата преподавателей и сотрудников;
- недостаточность социологических и маркетинговых исследований КИНЭУ, направленных на повышение лояльности студентов и конкурентоспособности выпускников;
- низкий уровень публикаций в международных рецензируемых изданиях, соответственно низкий уровень цитируемости, что отражается на показателях рейтинга университета;
- недостаточное количество учебно-методической литературы на государственном языке, особенно для технических специальностей;
- отсутствие финансирования стартапов, результатов выполненных НИР преподавателей, магистрантов и студентов сторонними организациями.

Теперь рассмотрим имеющиеся внешние угрозы, способные оказать негативное воздействие на деятельность вуза:

- тенденция «старения» остепененных преподавателей после закрытия института соискательства;
- близкое расположение Костанайского региона к России, в связи с чем заметна эмиграция абитуриентов в вузы соседнего государства;
- неблагоприятные демографические процессы (снижение рождаемости в период с 90-х до начала 2000-х годов привело к резкому снижению количества абитуриентов);
- снижение количества выделенных грантов;
- снижение качества школьного и профессионального технического образования в регионах.

Далее рассмотрим имеющиеся у университета возможности:

- университет может рассчитывать на государственные образовательные гранты от государства на технические специальности;
- хорошие партнерские связи с производственным сектором;
- «наличие государственных ориентиров и приоритетов развития образовательной, научной и социально-культурной деятельности вуза» [6];
- «реформы по обеспечению соответствия уровня образования в РК мировым стандартам и требованиям» [6];
- реализация Государственной программы форсированного индустриально-иннова-

ционного развития Республики Казахстан и региональной программы развития Костанайской области;

- заинтересованность международных организаций образования, зарубежных вузов в сотрудничестве с КИНЭУ;
- признание КИНЭУ общественностью как центра подготовки специалистов для экономики региона;
- получение сертификатов МОН РК на аккредитацию КИНЭУ и ППС на осуществление научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, несмотря на наличие некоторых слабых сторон, имеющихся у университета, а также угроз во внешней среде, можно рассматривать деятельность университета как достаточно эффективную.

Существует некоторая угроза снижения количества абитуриентов в будущем, но имеющийся позитивный имидж университета, его большая известность в регионе позволят сохранить необходимое количество абитуриентов, этому способствует и трансформация в предпринимательский вуз, и повышение престижности университета.

В вузе имеется необходимая техническая и научная база, в наличии все методические материалы, большое количество современных компьютерных программ, ученые университета, участвуя в современных научных разработках, регулярно получают новые патенты на свои изобретения. Студенты активно представляют свои бизнес-идеи на областных и республиканских конкурсах стартапов. Все вышеизложенное позволит в будущем сохранять высокую репутацию, чтобы быть эффективным, гарантируя тем самым благоприятный сценарий развития вуза в будущем.

Таким образом, во избежание сокращения профессорско-преподавательского состава, а также негативных последствий в будущем руководству университета необходимо разработать более эффективное положение по мотивации кадров с учеными степенями и званиями и развития молодых перспективных специалистов. В университете есть возможность сделать уклон на развитие предпринимательских навыков у студентов как экономических, так и технических специальностей.

Список литературы:

[1] Никулин А.А. Развитие системы стратегического управления негосударственным вузом: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. - М., 2009.

[2] Серикбаев М. Конкурентоспособность вузов Казахстана в условиях глобальной интегра-

ции [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://www.zakon.kz/4845111-konkurentosposobnost-vuzov-kazakhstana.html>

(дата обращения: 20.09.2019).

[3] Сидорин А.В., Сидорин В.В. Разработка стратегии вуза на основе PEST-анализа // Современные наукоемкие технологии. - 2014. - № 11. - С. 31 - 37.

[4] Скоблева Э.И. Экономический механизм модернизации системы высшего профессионального образования в современной России: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. – Волгоград, 2011.

[5] Стратегический план развития КИНЭУ им. М. Дулатова на 2014 - 2020 гг.

[6] [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-66293.html> 34 (дата обращения: 26.05.2019).

[7] [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.kaznu.kz/en/17419/news/one/12188/> (дата обращения: 26.05.2019).

[8] Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 26.05.2019).

[9] Nabokov V.I., Mingalev V.D., Pustuyev A.L., etc. Marketing information analysis on educational service quality in terms of innovative activity. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAS. March 2018 Special Edition, 31 - 38.

[10] Kokovikhin A., Sharapova N., Borisov I. National system of certification of worker's competence and qualification as the institute of labour market // The 10th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings. Prague, Czech Republic, September. Prague, 2016. - P. 871 - 881.

Spisok literatury:

[1] Nikulin A.A. Razvitiesistemystrategicheskogo upravleniya negosudarstvennym vuzom:

teoreticheskie i prakticheskie aspekty: dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.05. - М., 2009.

[2] Serikbaev M. Konkurentosposobnost' vuzov Kazakhstana v usloviyah global'noj integracii [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://www.zakon.kz/4845111-konkurentosposobnost-vuzov-kazakhstana.html> (data obrashcheniya: 20.09.2019).

[3] Sidorin A.V., Sidorin V.V. Razrabotka strategii vuza na osnove PEST-analiza // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. - 2014. - № 11. - С. 31 - 37.

[4] Skobleva E.I. Ekonomicheskij mekhanizm modernizacii sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii: dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.01. – Volgograd, 2011.

[5] Strategicheskij plan razvitiya KInEU im. M. Dulatova na 2014 - 2020 gg.

[6] [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-66293.html> 34 (data obrashcheniya: 26.05.2019).

[7] [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <http://www.kaznu.kz/en/17419/news/one/12188/> (data obrashcheniya: 26.05.2019).

[8] Nazarbaev N. Vzglyad v budushchee: modernizaciya obshchestvennogo soznaniya [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (data obrashcheniya: 26.05.2019).

[9] Nabokov V.I., Mingalev V.D., Pustuyev A.L., etc. Marketing information analysis on educational service quality in terms of innovative activity. The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAS. March 2018 Special Edition, 31 - 38.

[10] Kokovikhin A., Sharapova N., Borisov I. National system of certification of worker's competence and qualification as the institute of labour market // The 10th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings. Prague, Czech Republic, September. Prague, 2016. - P. 871 - 881.

ШАГБАНОВА Хабиба Садыровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры философии,
иностранных языков и гуманитарной подготовки ФГ КУ ДПО
«Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ»
e-mail: khabiba@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАНЦЕВ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье освещаются теоретико-методологические аспекты лингвистической адаптации иностранных студентов к жизни в российском обществе. Отмечается, что степень владения русским языком воздействует на качество жизни иностранцев в рамках академической успеваемости преимущественно в рамках таких показателей, как навыки восприятия и использования устной речи, понимания специфической научной лексики и характерных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: лингвистическая адаптация, иностранные студенты, русский язык, образовательная миграция, образовательная политика, высшее образование.

SHAGBANOV Khabiba Sadyrovna,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy,
Foreign Languages and Humanitarian Training of the Federal State Institution
of Higher Professional Education "Tyumen Institute for Advanced Studies
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

LINGUISTIC ADAPTATION OF FOREIGNERS: ESSENCE, STRUCTURE AND FUNCTIONS

Annotation. The article highlights the theoretical and methodological aspects of the linguistic adaptation of foreign students to life in Russian society. It is noted that the degree of knowledge of the Russian language affects the quality of life of foreigners in the framework of academic performance mainly in the framework of indicators such as the skills of perception and use of oral speech, understanding of specific scientific vocabulary and characteristic syntactic constructions.

Key words: linguistic adaptation, foreign students, Russian, educational migration, educational policy, higher education.

Увеличение численности иностранных студентов в российских ВУЗах из государств Содружества Независимых Государств, Китайской Народной Республики, Республики Корея и др. стран закономерно ставит перед российскими вузами задачу усовершенствования программ адаптации иностранных граждан, в первую очередь – в языковом, лингвистическом плане. Бесспорно, Это касается не только овладения русским языком для выполнения учебных программ в пространстве ВУЗа, но и умения пользоваться им в повседневной жизни. Бесспорно, наличие любых барьеров, в том числе языковых, представляет сложность для человека и существенно затрудняет достижение им поставленных задач, отрицательно влияет на прилагаемые усилия [1, с. 44]. Необходимое знание государственного (русского) языка напрямую определяет качество жизни иностранного гражданина в России. В отсутствие должного уровня владения

языком студент-иностранец не может нормально общаться с окружающими, решать бытовые проблемы, для него становятся недоступными многие сегменты развлечений. Следствием этого становится накопление стресса, возникновение депрессии, снижение мотивации студента к обучению и самому пребыванию за рубежом. При этом важно понимать, что, благодаря развитию социальных сетей и иных форм новых медиа, негативные впечатления о пребывании студента в другой стране станут достоянием не только его близкого окружения, но и многочисленных Интернет-пользователей.

По мере увеличения числа иностранных учащихся (напр., из Китая), обучающихся в российских вузах, пропорционально растет и доля китайских студентов, испытывающих затруднения в плане языковой адаптации. Естественным образом увеличивается и число отзывов в Интернет-пространстве относительно сложности обуче-

ния в России из-за наличия лингвистического барьера. В среднесрочной перспективе этот фактор потенциально способен стать барьером на пути к развитию академического сотрудничества между Россией и КНР. Но даже если эта угроза не будет реализована, важно помнить о том, что уже сейчас потенциальные языковые проблемы выступают в качестве условия, сдерживающего многих граждан от поступления в российские вузы. Таким образом, ее устранение позволило бы еще больше увеличить численность граждан КНР, обучающихся в высших учебных заведениях России.

Безусловно, за многие годы академического сотрудничества российские вузы уже успели накопить богатый опыт языковой адаптации иностранных студентов. Однако необходимо отметить, что этот процесс был ориентирован преимущественно на выработку навыков, необходимых для успешного завершения обучения. Лишь относительно небольшая часть программ лингвистической адаптации была направлена на подготовку иностранных студентов к повседневной жизни в другой стране. Помимо того, содержание программ языкового обучения отчасти успело устареть: оно естественным образом отстает от темпа перемен в жизни как российского, так и китайского общества и требует выработки новых подходов.

Лингвистическая адаптация представляет собой одну из разновидностей социокультурной адаптации. Ее сущность заключается в формировании у субъекта языковых навыков, позволяющих ему эффективно интегрироваться в структуру сообщества, освоить ключевые формы социальной деятельности и приобрести опыт жизнедеятельности в рамках нового культурного пространства [2, с. 443].

Важно подчеркнуть, что лингвистическая адаптация включает в себя не только овладение новым языком. Также необходимо освоить сложный навык грамотной интерпретации коммуникативного поведения представителей новой лингвистической среды. Нельзя забывать, что язык представляет собой не просто инструмент посредством которого осуществляется трансляция форм речевого поведения. Достичь понимания в рамках коммуникации с иноязычным сообществом нельзя, только лишь овладев лексикой, орфографией, грамматикой и синтаксисом. Необходимо осознать культурный компонент значения различных слов, познакомиться с практикой употребления различных слов в реальных жизненных ситуациях. Проходящий процесс лингвистической адаптации иностранец должен ознакомиться с социокультурными единицами, которые формируют смыслы языковых структур. Ключом к решению этой задачи является изучение культуры «прини-

мающей стороны», включая ее массовый пласт. Ознакомление с культурой дает возможность грамотно оценивать языковой контекст [3, с. 117].

В структуре процесса лингвистической адаптации ключевыми элементами являются субъект и объект. Субъект (агент, актор, адаптант) лингвистической адаптации, в соответствии с подходами классической социологии, определяется как носитель предметно-практической деятельности, для которого характерно наличие векторной (направленной на конкретный объект) активности [4, с. 351]. При этом важно понимать, что под субъектом не обязательно подразумевается личность, один отдельно взятый человек. В роли субъекта лингвистической адаптации может выступать и социальная группа (как макро-, так и микроуровня), общественный или государственный институт и даже общество в целом. В качестве иллюстрирующего примера в данном случае можно привести ситуацию в большинстве постсоветских государств, порожденную процессом закрепления языка титульной нации в качестве государственного и сопутствующим ограничением использования русского языка. Однако базовой единицей лингвистической адаптации, за счет которой формируются сложные социальные конструкции, так или иначе выступает личность, отдельно взятый человек, носителем каждого уровня, основной элементарной единицей социальной адаптации является личность [5, с. 118].

Также важно отметить, что лингвистическая адаптация на личностном и коллективном уровнях тесно взаимосвязаны: степень приспособленности сообщества к новой языковой среде всегда влияет на адаптацию на индивидуальном уровне. Это особенно четко проявляется на примере общин мигрантов. Если их члены в целом плохо владеют языком страны пребывания и общаются преимущественно с членами общины, не имея необходимости и желания активно использовать новый язык, то это автоматически снижает мотивацию каждого из членов сообщества двигаться дальше по пути лингвистической адаптации [6, с. 111].

В качестве объекта лингвистической адаптации выступает сложный конструкт, объединяющий социальную и языковую среды, в рамках которой действует субъект. Точнее, объект адаптации формируют актуальные, значимые для актора с точки зрения освоения языка элементы лингвистической и социальной среды [7, с. 102].

Объект и субъект обладают способностью интегрироваться в процесс адаптации благодаря наличию такой характеристики, как деятельность [8, с. 177]. Последняя может быть определена в качестве специфической формы активности, обладающей способностью к слабо неограничен-

ным внешним рамкам пересмотру и совершенствованию заложенных в ее основу программ и алгоритмов. За счет этого деятельность представляет собой открытую систему, обладающую потенциалом к относительно неограниченному саморазвитию [9, с. 13]. Важно отметить, что деятельность предполагает не только воздействие человека на внешнюю среду, но и сопутствующую трансформацию сознания человека [9, с. 17].

Среди представителей различных направлений в российской научной доктрине нет единого мнения относительно взаимоотношений субъекта и объекта адаптации. Так, представители макро-социологии, в первую очередь – объективисты (представители социологического реализма), настаивают на том, что социальная реальность обладает над- и внеиндивидуальным характером. Ее развитие определяется объективными закономерностями, действующими автономно от воли и сознания человека и подчиняющего себе поведение как социальных групп, так и отдельных людей. Эта концепция обусловила понимание преобладающей роли объекта адаптации [10, с. 194].

Как отмечает Л.В. Корель, объект адаптации, выступая в роли внешней среды, выполняет по отношению к субъекту следующие функции. Во-первых, он формирует систему правил и ограничений, в рамках которой действует адаптант. Во-вторых, объект выступает в качестве источника ресурсов для адаптации. В-третьих, объект адаптации может структурно и поведенчески трансформировать субъект, повышая его приспособленность к среде. Также исследователь отмечает, что объект адаптации может выступать в качестве пространства кооперации и обмена деятельностью между различными акторами. Что особенно значимо, объект адаптации [11, с. 96-97].

В то же время объективисты признают, что субъект также оказывает ощутимое воздействие на объект. Не во всех ситуациях адаптант стремится к социальному конформизму, меняя свою модель поведения в соответствии с новыми условиями среды. У него может возникнуть альтернатива в виде возможности удовлетворить свои потребности посредством изменения или смены среды. Также объективисты подчеркивают, что субъект обладает относительно свободой выбора в рамках целеполагания, подборки методов и инструментов адаптации, наделен способностью контролировать ход процесса адаптации [11, с. 262].

Помимо воздействия внешней среды, движущим фактором лингвистической адаптации, с точки зрения объективистов, выступает личный опыт актора. В рамках процесса адаптации субъект постоянно сопоставляет достигнутые результаты с показателями других адаптантов, в первую

очередь – с достижениями представителей своей социальной группы. В случае, если полученный опыт оценивается как отрицательный, адаптант меняет стратегию и методику своих действий, в том числе – за счет заимствования успешных практик прочих адаптантов. Позитивный опыт, напротив, подпитывает стремление закрепить и транслировать собственные подходы к решению проблем адаптации [11, с. 300-301].

Результатом процесса лингвистической адаптации, согласно подходу объективистов, должно стать не только усвоение нового языка, но также частичная трансформация личности субъекта на поведенческом и ментальном уровнях [11, с. 324-326].

Представители концепций микросоциологии (например, социологического субъективизма) убеждены в отсутствии объективных законов развития социальной действительности. Также они убеждены, что сообщество не представляет собой надличностную систему. Его сущность они сводят к совокупности отдельно взятых представителей. Как следствие, субъективистами отрицается существование объективных социальных законов. Развитие социальной реальности, по их мнению, обуславливается только закономерностями, которые проистекают из целей актора. Данный подход закономерно предполагает признание субъекта в качестве главного структурного элемента процесса лингвистической адаптации [12, с. 135]. Последняя рассматривается не как приспособление к условиям новой языковой и социальной среды. Суть процесса адаптации понимается как выработка новых смыслов и расширение языковых форм их выражения. В рамках процесса адаптации актор формулирует перечень допустимых для него адаптивных стратегий, а затем выбирает одну из них на основании собственного прогноза. Результатом лингвистической адаптации, с позиций субъективизма, должно стать изменение не только самого актора, но и языковой и социальной среды, на которую он воздействует [11, с. 66-67].

При этом практикующие социологи предпочитают использовать смешанные, гибридные модели, которые сочетают в себе элементы макро- и микросоциологических подходов. В качестве примера интерпретативной модели такого рода можно привести структурно-комплексную модель адаптации М.В. Ромма, также известную под названием «Реадаптивное кольцо». В рамках этой концепции в процессе адаптации выделены несколько взаимосвязанных этапов, формирующих единый цикл. На первом из них происходит фиксация информации о состоянии внешней (языковой и социальной) среды. На втором этапе действия субъекта приводят к возникновению

адаптивной ситуации. Третьим шагом становится восприятие барьеров адаптации. На четвертом этапе адаптант вырабатывает стратегии преодоления выявленных препятствий. Завершает цикл коррекция итоговых результатов с учетом эмпирического опыта [13, с. 90].

Цикл адаптации, в соответствии с данной концепцией, может быть конечным либо промежуточным. Обратная связь относительно результатов адаптации дает субъекту сведения, на основании которых он определяет, можно ли признать итоги адаптации оптимальными. В случае, если результаты устраивают адаптанта, цикл становится конечным. Если же итоги признаются неудовлетворительными, адаптационный цикл повторяется [14, с. 92].

В целом можно отметить, что результатом процесса лингвистической адаптации является обретение актором как новых знаний и навыков, так и нового опыта в рамках за счет пребывания в нестандартных ситуациях и освоения ранее не знакомых форм деятельности. Благодаря этому повышается способность адаптанта взаимодействовать с новой социальной средой и иным лингвистическим окружением [15, с. 31].

Альтернативная модель структурирования рассматриваемого процесса предполагает разделение лингвистической адаптации на череду ситуаций, в рамках которых актор взаимодействует с новой средой. Существуют три варианта классификации адаптивных ситуаций. В первом случае они разделяются на основании такого признака, как уровень взаимодействия с социальными субъектами. В соответствии с данным подходом, выделяются микро-, мезо- и макроуровневые адаптивные ситуации. Микроуровневая ситуация предполагает возникновение взаимодействия на уровне «личность – личность». Мезоуровневая адаптивная ситуация возникает в случае, если речь идет о взаимодействии между личностью и малой группой (например, семьей, трудовым коллективом, сообществом соседей и т.д.). Наконец, на макроуровне в рамках адаптивной ситуации взаимодействуют личность и общество в целом [11, с. 98-99; 7, с. 101-102].

В соответствии со второй моделью классификации, адаптивные ситуации подразделяются на простые и сложные. В рамках простой адаптивной ситуации протекает изменение незначительного числа параметров социальной реальности. Соответствующие трансформации фиксируются на индивидуально-личностном уровне. Сложная адаптивная ситуация влечет за собой значимые на мезо- и макроуровне изменения социальной реальности. Связанные с ней изменения отмечаются на уровне макросоциальных групп и общественных институтов [11, с. 101].

Третий вариант классификации предполагает выделение позитивных, нейтральных и негативных адаптивных ситуаций. Позитивная адаптивная ситуация способствует безусловно прогрессивному развитию (позволяет приспособиться к новой среде, не воспринимая присущие ей деструктивные качества). Нейтральная ситуация не предполагает возникновения положительных или отрицательных последствий адаптации. Негативная ситуация подразумевает наличие отрицательных последствий даже при условии успешной интеграции в новую среду [16, с. 117].

Проблемная адаптационная ситуация является мотивационной ситуацией, активизирует одни способы поведения и ограничивает другие. Когда развитие ситуации содержит возможность появления позитивных элементов, отношений, результатов, индивид способствует их формированию. В этом случае ситуация способствует противодействию деструктивным воздействиям. Однако ситуация может включать и определенные дезорганизационные моменты. Она может подтолкнуть индивида к девиантным формам поведения или к употреблению различных наркотических веществ, которые способны вне связи с реальностью продуцировать субъективно положительно окрашенные ощущения и переживания [17, с. 10-11]. Это позволяет различать ситуации по степени направленности их влияния на процесс и итог адаптации на позитивные, нейтральные, негативные [7, с. 102]. Позитивная ситуация стимулирует прогрессивное развитие. Ее отличает наличие комбинаций, благоприятных для адаптации. Нейтральная ситуация лишена выраженной позитивной или негативной тенденции. Негативная ситуация отличается наличием нескольких или целого комплекса негативных факторов, препятствующих адаптации [18, с. 629].

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что лингвистическая адаптация параллельно протекает на двух уровнях – повседневном и профессиональном. На повседневном уровне лингвистическая адаптация включает в себя такие коммуникативные структуры, как способность использовать и использовать как устную, так и письменную речь (и привязанные к ним навыки) в рамках бытового общения [19, с. 52].

На специализированном, профессиональном уровне (если обращаться конкретно к кейсу иностранных студентов) лингвистическая адаптация подразумевает освоение официально-делового и научного стилей русского языка, специализированной научной лексики (включая, в том числе широко используемые аббревиатуры), выработку навыков восприятия быстрой устной речи, конспектирования на иностранном языке, а также устного выступления [20, с. 20].

В качестве основных переменных, определяющих уровень лингвистической адаптации (в случае иностранных студентов), выступают, в порядке иерархической значимости:

Общее количество часов, выделяемое на изучение иностранного языка;

Наличие возможности решать повседневные, учебные или рабочие вопросы при помощи родного языка или иного, уже хорошо освоенного иностранного языка;

Степень доступности учебной, учебно-методической и научной литературы;

Наличие и степень ограниченности доступа к сети Интернет, как в рамках пространства учебных корпусов, так и в местах проживания (в общежитиях, в арендуемом жилье) [21, с. 63-69].

Таким образом, можно заключить, что лингвистическая адаптация представляет собой разновидность социокультурной адаптации, включая в себя приспособление как к языковой, так и социальной среде. Она обладает сложной, многоуровневой структурой, в силу чего процесс ее регуляции требует отслеживания и корректировки большого количества параметров. Среди российских исследователей отсутствует единство в интерпретации сущности лингвистической адаптации. Однако экспертное сообщество солидарно относительно того, что развитие данного процесса обуславливается одновременно воздействием как личности, так и внешней среды. Двойственность природы лингвистической адаптации обуславливает наличие у нее двух базовых функций. С одной стороны, она обеспечивает развитие коммуникативных навыков, с другой стороны, требует активной интеграции в социальную среду. Адаптация к новой социальной реальности служит основным стимулом к развитию лингвистического потенциала, и в то же время эффективность освоения языка напрямую определяет успешность процесса приспособления к новой общественной среде. Последнее позволяет заключить, что лингвистическую адаптацию нельзя исчерпывающе интерпретировать только лишь с позиции обретения и усовершенствования языковых навыков.

Список литературы:

- [1] Шагбанова Х.С., Бобкова Е.А. Проблемы языкового барьера в предупреждении незаконной миграции // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 8 (176). С. 44-48.
- [2] Ван М. Система языковой подготовки китайских студентов к обучению в российских вузах: история, современное состояние и опыт инновационного развития // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 3 (70). С. 443.
- [3] Бурдуковская Е.А., Леонов А.К., Чжэн В. Профессиональная подготовка иностранных студентов в вузах России и Китая в контексте социальной адаптации обучающихся // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 10. С. 117.
- [4] Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 351.
- [5] Баранова Н.М., Глазова Т.Д., Кузнецова Е.Е., Лю Х., Чжао И. Процесс адаптации иностранных студентов в России (на примере студентов из Китая) // *Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы второй Международной научно-практической конференции*. Нижний Новгород, 2011. С. 118.
- [6] Бойко З.В., Марин Херес К.Г. Особенности межкультурной адаптации студентов из Китая, обучающихся в различных регионах России // *Адаптация и саморегуляция личности. Материалы IV Международной научно-практической конференции*. Москва. 2012. С. 111.
- [7] Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002. 272 с.
- [8] Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997. С. 177.
- [9] Швырев В.С. Проблема разработки понятия деятельности как философской категории // *Деятельность: теории, методология, проблемы*. М., 1990. С. 13.
- [10] Гурова А.В. Проблема адаптации российских студентов в Китае // *Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции*. Москва, 2017. С. 194.
- [11] Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- [12] Коваль Е.Д., Тютюков В.Г., Перепелица Е.Е. Адаптация студентов из Китая к новой социокультурной среде на Дальнем Востоке // *Физическая культура и спорт в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Хабаровск, 2016. С. 135.
- [13] Мамонтова Д.Д. Особенности социокультурной адаптации российских студентов в Китае // *Академическая мобильность студентов: качество программ, социокультурная адаптация, влияние на профессиональный и личностный рост студента* Москва, 2017. С. 90.
- [14] Бутыльская А.А., Ссыпных А.С. Особенности социокультурной адаптации российских студентов, обучающихся в вузах Китая // *Русский язык в современном Китае Сборник научно-методических статей V Международной научно-практической конференции*. Ответственный редактор А.Е. Горковенко. 2017. С. 92.

[15] Пономарев В.О., Зубарев А.Е. Проблемы социокультурной адаптации российских студентов на образовательном пространстве Китая // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8. № 2. С. 31.

[16] Бурдуковская Е.А., Леонов А.К., Чжэн В. Профессиональная подготовка иностранных студентов в вузах России и Китая в контексте социальной адаптации обучающихся // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 10. С. 117.

[17] Черкасов А.В. Социальная адаптация наркозависимых в современной России. Автореф. дис. канд. социол. н. Ростов –на - Дону, 2008. С.10-11.

[18] Антонова Н.Л. Адаптация иностранных студентов в иноэтничной среде вуза // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества

Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Благовещенск. 2018. С. 629.

[19] Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Китайские студенты в Забайкальском крае: барьеры адаптации в принимающей среде // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 11 (90). С. 52.

[20] Цзяо Юн. Ц. Проблемы адаптации китайских студентов в процессе обучения в Америке // Россия-Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Ч. 2. Чита, 2015. С. 20.

[21] Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов: Социологический анализ. М.: Центр социального прогнозирования, 2002. – 552 с.

ДОЙНИКОВ Игорь Валентинович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: igo4352@yandex

О ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ»

Аннотация. В статье анализируются стратегия осуществляемой в стране политики управления государственной собственностью. Рассмотрено отличие российских реформ в сфере экономики от китайских реформ. Показана неадекватность большинства учебного материала в высших учебных заведениях, построенного на либеральном законодательстве 90-х годов XX в. Рассмотрено содержание курса «Управление государственной и муниципальной собственностью».

Ключевые слова: школа фундаментального либерализма, модель реформ в КНР, утрата интереса к проблемам управления публичной собственностью, диффузия собственности.

DOYNIKOV Igor Valentinovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of business and corporate law,
Kutafin Moscow state law University (MSAL)

ABOUT TEACHING OF DISCIPLINE “MANAGEMENT OF THE STATE AND MUNICIPAL PROPERTY”

Annotation. The article analyzes the strategy of the state property management policy implemented in the country. The difference between Russian reforms in the sphere of economy and Chinese reforms is considered. The inadequacy of the majority of educational material in higher educational institutions, built on the liberal legislation of the 90-ies of XX century. The content of the course “Management of state and municipal property” considered.

Key words: school of fundamental liberalism, model of reforms in China, loss of interest in the problems of public property management, diffusion of property.

1. Появление дисциплины «Управление государственной собственностью» связано с выходом в свет (август 1997 г.) учебника «Управление государственной собственностью» под редакцией проф. В.И. Кошкина. Учебник был рассчитан на студентов экономических вузов и факультетов. С момента опубликования этого учебника в политической и экономической жизни страны произошли существенные изменения.

Второе издание увидело свет в 2002 г. Серьезным изменениям в это время подверглась и такая важная сфера государственной политики, как управление государственной собственностью. Обоснование необходимости и разработка новых подходов были изложены в Концепции управления государственным имуществом, утвержденной

Постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024.

Стратегия осуществляемой в стране политики управления государственной собственностью получила подтверждения в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2009 г., где отмечена необходимость модернизации государственного сектора.

Парадокс заключается в том, что выбор Россией стратегии перехода к рынку был сделан в конце 1991 г. в пользу навязанной определенными западными кругами концепции «шоковой терапии», представляющей собой радикальный вариант крайне либерального подхода к вопросу экономической политики. Выход из кризиса планируется властью в соответствии с рецептами все той же школы фундаментального либерализма.

Отсюда все подходы реформирования политики управления государственной собственностью осуществляются с той же школой фундаментального либерализма. Это накладывает отпечаток на содержание изданного учебника 2002 г., в котором содержание курса сводится к приватизации, аренде, залогоу или банкротству.

2. Главное отличие наших реформ от китайских было в том, что в СССР резко взяли курс на вестернизацию и растворили советскую экономическую модель в западной. Модель же реформ в КНР изначально была национальной и весьма прагматичной: берем всё западное, что полезно для китайского, сохраняя экономическую независимость. Китай широко открыл свой рынок для иностранцев, но сделал это очень аккуратно, закрыв для них целые отрасли. И не только оборонные. Например, было запрещено создавать иностранные предприятия, производящие средства традиционной китайской медицины или выращивающие чай и рис. В этом был не только экономический, но и символический смысл. Начиная реформы, китайцы не отказывались от своего наследия, а усиливали его.

После смерти Мао Коммунистическая партия сказала: 80% в его деятельности было правильным, а 20% – неправильным. Этой формулировкой партия закрыла все споры. Китайцы позитивно относятся к своей истории и не травмируют себя бесконечными рассуждениями о том, кто виноват в бедах страны. Это тоже очень непохоже на европейское и российское общественное сознание, которое критически относится к прошлому: все реформы незавершённые, все правила неудачные.

Правящий класс в Китае всегда был социально ориентированным. Главная тема китайских трактатов древности – как чиновник должен служить народу. Китайских лидеров всегда отличала и отличает высокая ответственность. Поэтому в переломный момент руководство Компартии подчинило свои интересы интересам национального развития и адаптировалось к новой ситуации. А партийная бюрократия в Советском Союзе не захотела или не смогла это сделать.

Китай начал свой взлёт с постепенных экспериментов. Специальные экономические зоны (СЭЗ), ставшие символом иностранных инвестиций, сначала были созданы в нескольких приморских районах, и только затем опробованный в них режим распространили на всю страну.

В отличие от России Китай по-другому сделал, как минимум, четыре вещи. Во-первых, он не продавал госпредприятия, а подталкивал частный бизнес к созданию новых. Государство сохранило в своих руках базовые отрасли экономики: метал-

лургию, энергетику, нефтяную, горнодобывающую промышленность.

Во-вторых, иностранные инвесторы были приглашены в страну на жёстких условиях. Китай предложил им свой огромный потребительский рынок в обмен на технологии. В СЭЗ нельзя было зарегистрировать иностранную оптовую компанию, продающую одежду. Но предоставлялись широкие льготы тем, кто строил фабрики, где такая одежда производилась.

В-третьих, Китай сделал всё, чтобы сохранить доверие населения к своей финансовой системе. Он не экспериментировал с обменом юаней по грабительскому курсу, как в СССР это проделали с рублем при премьере Павлове.

В-четвертых, до конца 1990-х годов из Китая без специального разрешения нельзя было вывозить заработанную иностранную валюту – ни наличную, ни безналичную. Так страна накапливала свои валютные резервы.

Как результат, никто не пытался обмануть эти правила, чтобы отправить капиталы в офшор.

Зарубежные офшоры китайскому бизнесу были не нужны, так как сэкономить на налогах можно было внутри страны. Совместные предприятия, созданные в СЭЗ, первые два года вообще ничего не платили в бюджет, а потом могли продлить налоговые льготы. При этом, если резидент ОЭЗ открывал предприятие в любом другом городе, он также получал освобождение от налогов [1].

3. Содержание курса. С начала проведения радикальных экономических реформ и отсутствия стратегий национального и социального развития в большинстве юридических вузов и факультетов был утрачен интерес к проблемам управления публичной собственностью. Исключение составила кафедра гражданского права и процесса Московского городского университета управления Правительства Москвы. Для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление» факультета менеджмента читалась дисциплина «Правовой механизм управления государственной собственностью». Курс был ориентирован на студентов старших курсов.

Программа курса «Правовой механизм управления государственной собственностью» в своей основе опиралась на Концепцию управления государственным имуществом, утвержденную Постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024.

Для методического обеспечения курса были разработаны учебно-методический комплекс, сборник документов и учебное пособие [2; 3; 4].

Дисциплина «Правовое регулирование управления государственной и муниципальной собственностью» была введена для магистерской

подготовки кафедрой гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ. Эта дисциплина находилась в качестве вариативной части цикла дисциплин по выбору студентами 1-го курса очной формы обучения при подготовке по направлению 081100.68 - Государственное и муниципальное управление (магистерская программа «Управление государственной и муниципальной собственностью») [5].

4. На преподавание юридических дисциплин гражданско-правового цикла решающее значение имеет фактор выбора модели экономического развития (в России это - сырьевая модель с преобладающим положением частного предпринимательства). Социально-экономические итоги 20-летия 1998 - 2018 гг. (даже в неминуемо приглаженном виде) демонстрируют глубокий системный кризис нашего общества и государства [6].

Рассмотрим, как, по данным Центра стратегических исследований, частнопредпринимательский сектор, сформированный в результате приватизации, влияет на экономику России. Как известно, экономику нашей страны либералы очень любят называть государственной. Так, просматриваются следующие тенденции: во-первых, в госсобственности находится 2.3% предприятий, в собственности общественных и религиозных организаций — 3%, в смешанной собственности — 3.9%, в муниципальной — 4.3%, а в частной собственности — 86.5%.

Во-вторых, доля частного капитала велика и в т.н. государственных корпорациях. Во многих сырьевых компаниях до 50% активов и акций принадлежит частным структурам, в том числе зарубежным компаниям. В целом в добыче и реализации нефти в России более 75% объёмов занимают частные структуры. В концерне «Калашников» 49% — частная собственность, в АвтоВАЗе группа «Рено—Ниссан» имеет 75%, а в «Ростехе» — 25%.

Доля государственных и муниципальных предприятий в добыче полезных ископаемых — 0.5%, в химическом производстве — 0.7%, в строительстве — 0.4%, в производстве электронного и оптического оборудования — 0.9%, в производстве кокса и нефтепродуктов и в металлургии их нет вообще. Таким образом, в России, а точнее в её экономике, частный бизнес занимает более 88%. А где результаты?

В-третьих, объёмы производства и производительность труда не растут, 26% всех предприятий страны являются убыточными. Зато общая сумма дивидендов, каждый год выплачиваемых акционерам и владельцам частных и государственных компаний, превышает 2 трлн руб. А бюджет страны остаётся не только дефицитным, но и недопустимо малым, что является причиной

недостаточного финансирования образования, здравоохранения, культуры. Прошлогодний бюджет Российской Федерации на душу населения был в два раза меньше, чем в Польше, в пять раз — чем в Эстонии, в шесть раз меньше, чем в Португалии. И он вовсе не сравним с бюджетом Норвегии, который больше в 30 раз, и Германии — больше в 13 раз. Проект бюджета России на 2018–2020 гг. не сильно отличается от предыдущего.

В-четвертых, частники в нашей стране не только «эффективно» уходят от налогов, они ещё и почти ничего не вкладывают в развитие предприятий.

Так, износ основных фондов в 2016 г. превысил этот показатель 1990 г. и, по данным Росстата, составляет 48.7%. Это критический уровень, не говоря уже о моральном износе средств производства. В то же время износ основных средств производства в США и в странах Западной Европы составляет не более 20%. Обновили же основные фонды в 2016 г. у нас только на 3.7%. Поэтому неудивительно, что рентабельность в среднем по экономике едва превышает 8% и только в нефтехимии достигает 24%. Сопоставимо с нефтехимией только сельское хозяйство, где рентабельность в прошлом году (2016 г. — И.Д.) достигла 16.8%, другие отрасли (кроме, разумеется, розничной торговли и финансовых операций) далеко позади [7].

5. Содержание курса. УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 7 МАЯ 2018 г. № 204 «О НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА» наряду с осуществлением прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации предполагает модернизацию существующей системы управления государственной собственностью на основе принципиально новой Концепции управления государственным имуществом.

При подготовке в 2019 г. учебного пособия автор исходил из того [8], что программа дисциплины «Управления государственной и муниципальной собственностью» по объёму 20-30 часов, курс лекций относительно невелик (как правило составляет третью часть), читается он в магистратуре после изучения административного, гражданского, предпринимательского, финансового и других важнейших отраслей права и, следовательно, не должен повторять то, что уже знакомо студентам. Этим определяются задачи и структура указанного учебного пособия. Оно состоит из трех логически связанных частей: курса лекций дисциплины «Управление государственной и муниципальной собственностью», рабочей про-

граммы дисциплины «Управление государственной и муниципальной собственностью» (Приложение 1) и методических указаний к курсу «Управление государственной и муниципальной собственностью» (Приложение 2).

6. Неадекватность большинства учебного материала в высших учебных заведениях, построенного на либеральном законодательстве 90-х годов XX в., исходившего из идеологического штампа, что частная собственность априори лучше, эффективнее государственной собственности, поэтому государственную собственность следует как можно скорее сделать частной. То, что эффективная собственность является, как правило, негосударственной, верно. То, что частная собственность всегда эффективна, не верно. Доказательства были опущены за неимением времени, желания и просто за невозможностью это доказывать. Был запущен маховик приватизации и акционирования. Чековая приватизация завершила начатое разгосударствление экономики. Был достигнут главный результат – прежде монолитная государственная собственность оказалась распыленной. Диффузия собственности как результат длительного развития капиталистических экономик оказался исходным пунктом построения рыночной экономики в России. Миф об автоматической эффективности частной собственности был развеян самой частной собственностью. Начатая под лозунгом роста эффективности приватизационная компания обернулась дискредитацией как идеи эффективности вообще, так и частной собственности, в частности [9].

Вместо заключения. Перед саммитом G20 в Осаке Президент РФ В.В. Путин (июнь 2019 г.) в интервью «Financial Times» неожиданно заявил о конце эпохи либерализма. «Либеральная идея устарела. Она вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения». Но о либерализме В.В. Путин говорил, прежде всего, с точки зрения сосуществования разных культур и народов. По его словам, либерализм на Западе «пережил свою цель», когда общественность выступила против иммиграции, открытых границ и мультикультурализма. Однако либерализм – отнюдь не только политическая практика в отношении мигрантов, а целая идеология и связанная с ней экономическая модель развития. Осталось неясным, пишет С. Батчиков, понимает ли Президент, что в России в противоречие с интересами подавляющего большинства населения вступила, прежде всего, экономическая политика контролируемых либералами Правительства и Центробанка. Что без кардинального пересмотра этой политики, без замены премьера и ключевых фигур в экономическом блоке Правительства Россия обречена откатиться на обочину истории и отстать

от развитых стран навсегда. Да, высказывания Президента страны можно трактовать как знак грядущих перемен [10].

Список литературы:

- [1] Маслов А. Почему Россия не Китай. Чему китайцы учатся у нас, а чему нам стоит поучиться у них? //Аргументы и факты. – 2018. - № 29.
- [2] Дойников И.В. Правовой механизм управления государственной собственностью: учеб.-метод. комплекс. - М.: МГУУ Правительства Москвы, 2009. - 2012. - 56 с.,
- [3] Управление государственной собственностью: сб. нормативно-правовых актов и документов: в 3 ч. / сост. И.В. Дойников, И.Г. Журина. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007,
- [4] Дойников И.В. Правовой механизм управления государственной собственностью: учеб. пособие для вузов. - М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012. - 184 с.
- [5] Дойников И.В. «Правовое регулирование управления государственной и муниципальной собственностью»: Рабочая программа дисциплины. – М.: ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кафедра «Гражданское право». - М., 2012. - 47 с.
- [6] Сб. Россия в цифрах. - М.: Росстат, 2017.
- [7] Бочаров М. Блатная экономика. Почему частные предприятия неэффективны // Аргументы и факты. – 2017. - № 45 08/11.
- [8] Дойников И.В. Управление государственной и муниципальной собственностью: учеб. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2019.
- [9] Государственная экономическая политика: учеб. пособие / под ред. Т.Г. Морозовой. - М., 2006. - С. 13, 14.
- [10] Батчиков С. Гниль либерализма // Завтра. – 2019. - № 33.

Spisok literatury:

- [1] Maslov A. Pochemu Rossiya ne Kitaj. Chemu kitajcy uchatsya u nas, a chemu nam stoit pouchit'sya u nih? //Argumenty i fakty. – 2018. - № 29.
- [2] Dojnikov I.V. Pravovoj mekhanizm upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu: ucheb.-metod. kompleks. - M.: MGUU Pravitel'stva Moskvy, 2009. - 2012. - 56 s.,
- [3] Upravlenie gosudarstvennoj sobstvennost'yu: sb. normativno-pravovyh aktov i dokumentov: v 3 ch. / sost. I.V. Dojnikov, I.G. Zhurina. – M.: Izd-vo Mosk. гуманит. un-та, 2007,
- [4] Dojnikov I.V. Pravovoj mekhanizm upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu: ucheb. posobie dlya vuzov. - M.: MPSU; Voronezh: MODEK, 2012. - 184 s.
- [5] Dojnikov I.V. «Pravovoe regulirovanie upravleniya gosudarstvennoj i municipal'noj

sobstvennost'yu»: Rabochaya programma discipliny. – M.: FGOBU VPO «Finansovyy universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii», kafedra «Grazhdanskoe pravo». – M., 2012. – 47 s.

[6] Sb. Rossiya v cifrah. – M.: Rosstat, 2017.

[7] Bocharov M. Blatnaya ekonomika. Pochemu chastnye predpriyatiya neeffektivny // Argumenty i fakty. – 2017. – № 45 08/11.

[8] Dojnikov I.V. Upravlenie gosudarstvennoj i municipal'noj sobstvennost'yu: ucheb. – M.: YuSTICIYa, 2019.

[9] Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika: ucheb. posobie / pod red. T.G. Morozovoj. – M., 2006. – S. 13, 14.

[10] Batchikov S. Gnil' liberalizma // Zavtra. – 2019. – № 33.

ХОЛОДОВА Мария Владимировна,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры истории музыки
Сибирского государственного института искусств
им. Дмитрия Хворостовского,
Красноярск
e-mail: holodova-maria@mail.ru

КОЛПЕЦКАЯ Ольга Юрьевна,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки
Сибирского государственного института искусств
им. Дмитрия Хворостовского,
Красноярск
e-mail: colpa69@mail.ru

МАССОВОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы музыкального воспитания обучающихся общеобразовательных учреждений в настоящее время. Подчеркивается ключевая роль искусства в гармоничном развитии личности ребенка. На основе анализа современной социокультурной ситуации и общеобразовательной системы авторы акцентируют внимание на новых стандартах подготовки учителей музыки через включение в движение WorldSkills Russia в рамках компетенции «Преподавание музыки в школе».

Ключевые слова: массовое музыкальное воспитание, учитель музыки, среднее профессиональное образование, WorldSkills Russia, компетенция «Преподавание музыки в школе».

KHOLODOVA Maria Vladimirovna,
candidate of Arts,
associate Professor of History of Music Department,
Dmitri Hvorostovsky Siberian state Academy of Arts, Krasnoyarsk

KOLPETSKEYA Olga Yurievna,
candidate of Arts,
Professor of History of Music Department,
Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Krasnoyarsk

CONTEMPORARY MASS MUSIC EDUCATION OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. The article focuses on the present-day problems of music education of general comprehensive school students. The work highlights the key role of art for harmonious development of a child's personality. The authors have analysed the present-day socio-cultural situation and the general education system, so they attract attention to the new standards of music teachers' training, which implies participating in WorldSkills Russia movement within "Teaching Music at School" competence.

Key words: mass music education, music teacher, secondary vocational education, WorldSkills Russia, "Teaching Music at School" competence.

В многочисленных педагогических исследованиях подчеркивается исключительная роль творческих способностей личности ребенка, от которых в значительной

мере зависят будущее молодого поколения, его нравственно-эстетическое мировоззрение, уровень культуры и профессиональной самореализации. Колоссальный педагогический потенциал

искусства невозможно переоценить. Его уникальная способность без принуждения воздействовать на гармоничное становление духовного мира человека, нравственных принципов и убеждений есть своеобразная аксиома современной педагогики [1; 2; 3].

Музыкальное воспитание всегда выступало важнейшим условием развития личности. Об этом говорили ученые и мыслители с древних времен. Так, например, художественно-эстетическая образованность в античную эпоху считалась платформой образования в целом. Более того, образование у греков было неотделимо от музыкального воспитания, основу которого составляло пение и игра на инструментах, а синонимом слова «мусический» (греч. – «музыкальный») был термин «образованный». Платон справедливо считал, что воспитание ребенка «нужно начинать с воспитания души, то есть с музыки» [4, с. 207]. Не случайно вторыми по значению после Олимпийских игр были Пифийские игры, в рамках которых юноши состязались в пении и инструментальном исполнении.

В настоящее время мы живем в совершенно иных реалиях. Современные педагогические исследования испещрены обеспокоенными высказываниями об упадке общего уровня кругозора молодежи, оторванности от культурной среды. Конечно же, не может не волновать проблема школьного музыкального воспитания, которая осложняется массированным наступлением легкой развлекательной музыки и засильем индустрии развлечения в целом в нашем обществе. Обучающиеся большую часть свободного времени находятся под воздействием достаточно «агрессивной» музыкальной среды (Интернет, радио, телевидение), заполненной зачастую безвкусной, низкопробной музыкой. Как результат – уже с детства происходит подмена понятий, «формируется стереотип потребителя развлечений, что неизбежно ведет к пресыщенности, уничтожая эстетические идеалы, духовные и нравственные ценности» [5, с. 52, 53].

Дени Дидро говорил: «Страна, в которой учили бы рисовать, как учат читать и писать, вскоре превзошла бы все страны мастерством по всем наукам и искусствам» [6]. Это высказывание включает в себе важную мысль – воспитание творчеством, искусством формирует гармонично развитую личность, способную изменить мир к лучшему. Хочется вспомнить еще одну восточную мудрость, которая в свободном переизложении звучит так: чтобы понять уровень нравственности народа интересующей тебя страны – выясни, какую музыку слушают и поют люди. Думается, что, заглядывая в плейлист современного школьника (поп-группы «Тутси», «Френдзона», исполни-

тели Монеточка, Гречка, Ольга Бузова, Гнойный и др.), данное высказывание не нуждается в комментариях, но должно стать призывом к действию.

Подчеркнем и тот немаловажный факт, что на современном этапе развития российского общества музыкально-эстетическое воспитание – обучение детей в музыкальных школах и школах искусств – не носит столь массового характера, как это можно было наблюдать в нашей стране еще 30-40 лет назад. Перегруженность современного школьника учебными дисциплинами, сознательный выбор родителями приоритетных направлений развития своего ребенка, зачастую не включает в себя музыкальное образование. Кроме того, сегодня бытует стереотип, что музыкальная школа – для будущих профессиональных музыкантов, судьбу которых многие родители считают неудачной для своего ребенка (непрестижно, малооплачиваемо и т.д.), а отсюда – родительские дискуссии в глобальной сети Интернет об исключении предмета «Музыка», как ненужного детям, из программы общеобразовательных учреждений и его замены на дополнительные уроки английского и т.д. Как результат, происходит постепенный отрыв от сокровищницы мировой культуры и искусства, воспитывающей коммуникацию, эмпатию и многое другое [7]. Убеждены, что ребенок, слушающий и, главное, пытающийся понять музыку В. А. Моцарта, И. С. Баха, П. И. Чайковского, вряд ли переступит ту страшную черту, за которой прячутся равнодушие, жестокость, насилие, массовое убийство (вспомним трагические события в московской общеобразовательной школе № 263 в 2014 г., в политехническом колледже Керчи 2018 г. и др.).

Проблема формирования интереса у школьников к классической музыке, всемирному культурному наследию отражена в различных государственных программах и документах. В этой связи важнейшей проблемой музыкального воспитания обучающихся становится организация новых педагогических и общественных условий, обеспечивающих духовно-нравственное воспитание школьников средствами искусства [8]. Ключевым условием в организации такого процесса является целенаправленная и высокопрофессиональная деятельность учителей музыки, работающих в общеобразовательных учреждениях. Вызовы времени диктуют адекватную модернизацию системы образования, качественную профессиональную подготовку мобильных специалистов нового поколения.

Один из путей реализации данного тезиса – международное движение WorldSkills. Его целью является повышение престижа рабочих и других специальностей, развитие профессионального образования путем гармонизации лучших практик

с помощью организации и проведения конкурсов профессионального мастерства. Участники соревнуются сегодня более чем в 100 компетенциях (именно так называются специальности / профессии WorldSkills), среди которых «Промышленная автоматика», «Флористика», «Технология моды», «Ветеринарное дело», «Строительство», «Дошкольное образование» и многие другие.

В настоящее время в России при поддержке Президента РФ В.В. Путина провозглашён курс на развитие и восстановление системы среднего профессионального образования. В 2012 г. Министерство образования и науки РФ, Агентство стратегических инициатив, Министерство труда и социальной защиты РФ выступили с инициативой создания эффективного инструмента развития профессионального образования – WorldSkills

Russia (WSR), учредив Союз «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров "Ворлдскиллс Россия"». Уже в 2016 г. впервые в нашей стране в рамках движения WSR был проведен Региональный чемпионат Красноярского края по новой компетенции «Преподавание музыки в школе», в которой соревновались будущие учителя музыки. Право на разработку и открытие компетенции получил Красноярский педагогический колледж № 1 им. М. Горького.

Компетенция «Преподавание музыки в школе» получила большую поддержку со стороны союза WSR. На сегодняшний день более 20 регионов Российской Федерации уже включились в движение по компетенции (табл.) – это отличный показатель валидности в спектре профессий образовательной сферы WSR.

Таблица

Важность продвижения компетенции «Преподавание музыки в школе» продиктована запросами времени, *потребностями в педагогических кадрах определенного профиля*. Мониторинг «демографической» ситуации специальности «Музыкальное образование» в среднем профессиональном звене выявил очевидный ее дефицит

на всероссийском уровне [9], что актуализирует интенсивность проведения мероприятий по популяризации профессии.

Вместе с тем, общеобразовательные и дошкольные учреждения, центры дополнительного образования, центры эстетического развития и детского творчества и т.д. – это далеко непол-

ный перечень организаций, где востребованы выпускники музыкально-образовательных отделений, что подчеркивает положительную перспективу развития профессии на российском рынке образовательных услуг.

Конкурс «Преподавание музыки в школе» включает задание, которое представляет собой кластер профессиональных и общекультурных компетенций, предъявляемых учителю музыки на современном этапе: свободное владение ИКТ-технологиями, практическое применение техники body percussion, управление шумовым оркестром, проведение учебного занятия в рамках «игрового поля» и многое другое. Каждый из модулей задания раскрывает методологические и практические аспекты деятельности учителя музыки в соответствии с ФГОС СПО, демонстрирует инновационные педагогические технологии, внедряемые в общее музыкальное образование детей на международном уровне. Участие в соревнованиях по стандартам WorldSkills для современного студента – это и место для экспериментов в среде единомышленников, и профессиональное самоопределение, и апробация лучших педагогических практик в сфере музыкального образования.

Чем же отличается урок музыки, организованный по стандартам WorldSkills? Прежде всего, максимальной интегрированностью в отношении видов искусств, консолидацией в одном уроке не менее четырех педагогических технологий, креативный подход к любой детали на каждом этапе занятия. По сути, урок музыки по стандартам WorldSkills – это яркое зрелище, на котором обучающимся будет действительно интересно погружаться в мир искусства. А современный учитель, обладая профессиональными компетенциями (skills), сможет открыть этот удивительный мир во всем его многообразии.

Уверены, что дальнейшее продвижение компетенции «Преподавание музыки в школе» общими усилиями экспертного сообщества даст возможность консолидировать усилия специалистов в области музыкального образования на всероссийском уровне, модернизировать существующую систему профессиональной подготовки в средних профессиональных образовательных учреждениях по специальности «Музыкальное образование» и, главное, задать новый вектор развития отечественного образования в сфере музыкальной педагогики.

Список литературы:

[1] Калинина О.П., Айнетдинова Д.Н. Влияние искусства на развитие личности современного младшего школьника // Современные научные исследования и разработки. – Астрахань: Научный центр «Олимп», 2019. – С. 496 - 499.

[2] Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Музыкально-педагогическое образование в России на рубеже XX и XXI столетий. – М.: Изд-во МПГУ, 2002. – 165 с.

[3] Абдуллин Э.Б. На пути к рождению нового «лика» урока музыки // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». – 2014. – № 2. – С. 41 - 47.

[4] Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. – М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1997. – Т. 2. – 336 с.

[5] Семенов В.Я. Формирования интереса к классической музыке у подростков в общеобразовательной школе // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2014. – № 6(33). – С. 52–55. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1405592710.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

[6] Дидро Д. Мудрые мысли. URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/251/txt12.php> (дата обращения: 01.06.2019).

[7] Димова И. Искусство в школе: быть или не быть? // Независимое педагогическое издание «Учительская газета». URL: <http://www.ug.ru/archive/30953> (дата обращения: 10.06.2019).

[8] Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Музыкальное образование: революция без революции (По прочтении учебного пособия «Музыкальное образование в школе») // Музыкант-педагог: спецвыпуск журнала «Преподаватель». – 2001. – № 6-7. – С. 98 - 108.

[9] Холодова М.В. Компетенция «Преподавание музыки в школе»: опыт внедрения в движение «WorldSkills Russia» // Искусство глазами молодых: материалы IX Междунар. (VIII Всероссийской) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: Литера-Принт, 2017. – С. 275 - 278.

Spisok literatury:

[1] Kalinina O.P., Ajnetdinova D.N. Vliyanie iskusstva na razvitie lichnosti sovremennogo mladshogo shkol'nika // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. – Astrahan': Nauchnyj centr «Olimp», 2019. – S. 496 - 499.

[2] Abdullin E.B., Nikolaeva E.V. Muzykal'no-pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii na rubezhe XX i XXI stoletij. – M.: Izd-vo MPGU, 2002. – 165 s.

[3] Abdullin E.B. Na puti k rozhdeniyu novogo «lika» uroka muzyki // Vestnik kafedry YuNESKO «Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie». – 2014. – № 2. – S. 41 - 47.

[4] Jeger V. Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka / per. s nem. M.N. Botvinnika. – M.: GLK Yu.A. Shichalina, 1997. – T. 2. – 336 s.

[5] Semenov V.Ya. Formirovaniya interesa k klassicheskoj muzyke u podrostkov v

obshcheobrazovatel'noj shkole // Grani poznaniya: elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU. – 2014. – № 6(33). – S. 52–55. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1405592710.pdf> (data obrashcheniya: 01.06.2019).

[6] Didro D. Mudrye mysli. URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/251/txt12.php> (data obrashcheniya: 01.06.2019).

[7] Dimova I. Iskusstvo v shkole: byt' ili ne byt'? // Nezavisimoe pedagogicheskoe izdanie «Uchitel'skaya gazeta». URL: <http://www.ug.ru/archive/30953> (data obrashcheniya: 10.06.2019).

[8] Abdullin E.B., Nikolaeva E.V. Muzykal'noe obrazovanie: revolyuciya bez revolyucii (Po prochlenii uchebnogo posobiya «Muzykal'noe obrazovanie v shkole») // Muzykant-pedagog: specvypusk zhurnala «Prepodavatel'». – 2001. – № 6-7. – S. 98 - 108.

[9] Holodova M.V. Kompetenciya «Prepodavanie muzyki v shkole»: opyt vnedreniya v dvizhenie «WorldSkills Russia» // Iskusstvo glazami molodyh: materialy IX Mezhdunar. (VIII Vserossijskoj) nauch. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. – Krasnoyarsk: Litera-Print, 2017. – S. 275 - 278.

УДК 340.114.5; 372.83
ББК 67.0; 60

ЯКОВЛЕВА Татьяна Афанасьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры арктического права и права
стран Азиатско-Тихоокеанского региона юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
e-mail: tanyakovleva@mail.ru
SPIN-код 5369-3130

ВЛИЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ ПРАВА НА ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ СТУДЕНТАМИ КАТЕГОРИИ ЗАКОН (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. Актуальность. Современное Российское государство заинтересовано в правовом воспитании молодежи, формировании законопослушания, высокого правосознания. Для достижения поставленной цели в вузах введено изучение основ права как обязательного федерального компонента. Основываясь на работах ведущих ученых психологии, психолингвистики и других наук, автор полагает, что в процессе изучения и получения знаний об основах права, в сознании студентов понимание категории закон отражается в виде представлений или образов, которые выражаются ассоциативными (смысловыми) связями со словами из их лексикона. Изучение основ права расширяет лексикон студентов и способствует адекватному формированию правосознания. Цель: моделирование репрезентации понимания и отражения категории закон в правосознании современных студентов СВФУ. Методы: свободный ассоциативный эксперимент, моделирование, семантический, статистический и сравнительно-сопоставительный анализы. Выводы: изучение основ права способствует расширению представлений и восприятий о законе, а следовательно, формированию адекватного правосознания студентов, для которых изучение права не является основным.

Ключевые слова: основы права, сознание, правосознание, закон, правовые категории, ассоциативный эксперимент, студенты, высшее образование.

YAKOVLEVA Tatyana Afanasyevna,
PhD in Law,
associate professor of Arctic Law and Law
of the Countries of the Asia-Pacific Region Law,
Faculty of Ammosov North-Eastern Federal University

STUDYING THE BASIS OF THE LAW AFFECTS UNDERSTANDING BY STUDENTS OF THE CATEGORY OF LAW (ON THE MATERIAL OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Annotation. Urgency. The modern Russian state pays attention to the legal education of youth, to comply with the law, to have the mentality of the law. In high schools, they learn the basics of law. Leading scientists of psychology, psycholinguistics and other sciences believe that in the mind of a person the category of law is reflected in the form of representations or images, images are expressed by associative connections with words from their vocabulary. Studying the fundamentals of the law expands the vocabulary of students and helps to understand the law. Purpose: modeling the representation of understanding and reflection of the category of law in the mentality of modern NEFU students. Methods: free associative experiment, modeling, semantic, statistical and comparative analysis. Conclusions: students who are not lawyers study the basics of the law, this expands their vocabulary, correctly understand the law.

Key words: law basics, consciousness, mentality, law, categories of law, associative experiment, students, higher education.

Введение

Современное Российское государство заинтересовано в правовом воспитании молодежи, формировании законопослушания, высокого правосознания. Для достижения поставленной цели в вузах введено изучение основ права как обязательного федерального компонента.

Целью данного исследования был поиск ответов на следующие вопросы: как отражается категория закон в правосознании современных студентов вузов в процессе изучения основ права? существует ли различие в понимании категории закон у студентов, обучающихся по юридическому профилю, от понимания данной категории студентами, обучающихся по неюридическим специальностям? способствует ли формированию адекватного понимания данной категории изучение основ права у современных студентов вузов?

Формулирование цели исследования обусловлено тремя факторами. Во-первых, многозначностью слова «закон». В толковых словарях лексема закон употребляется в значениях законы природы, нравственности, документ, принятый государством, Божий закон. Во-вторых, изменением политического устройства государства, взаимоотношения структуры «личность-общество-государство», вытекающими отсюда последствиями – изменением правосознания. В-третьих, формированием иного отношения у молодого поколения к сущности и ценности права и закона.

Основываясь на работах ведущих ученых психологии, психолингвистики и других наук, полагаем, что в процессе изучения и получения знаний об основах права в правосознании студентов понимание категории закон отражается в виде представлений или образов, которые выражаются ассоциативными (смысловыми) связями со словами из их лексикона. Изучение ассоциаций, согласно К.Г. Юнга, есть один из возможных и доступных способов проникновения в психику человека [8]. G.R. Kiss считает, что «лексикон человека содержит репрезентации слов, которые могут иметь более одного значения, но каждое из значений того или иного слова однозначно связано с понятием». [2, с. 39; 9, с. 704]. Результатом исследования стало моделирование репрезентации понимания и отражения категории закон в правосознании современных студентов вуза (на примере студентов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (СВФУ) и Регионального открытого социального института (РОСИ)).

Описание метода исследования

Выбор свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) в качестве основного метода исследования отражения слова «закон» в правосозна-

нии современных студентов основан на представлении, что ассоциативный словарь, по мнению А.А. Залевской [2, с. 39] является «средством доступа к системе энциклопедических знаний человека».

В ходе ассоциативного эксперимента информант дает свою реакцию на слово-стимул, при этом, между словами возникают определенные связи, которые можно назвать ассоциативными. Именно эти связи есть своего рода индикаторы отношений между единицами лексикона человека, которые, в свою очередь, имеют определенную структуру. Первичная ассоциация человека сигнализирует о наиболее актуальном признаке, включающем данное слово в ту или иную систему связей. Тем самым, ассоциации позволяют «заглянуть» в сознание человека, увидеть репрезентацию его мыслей и чувств и, главное, выявить культурную специфику его восприятия мира. Следовательно, при помощи ассоциативного эксперимента можно исследовать образы и представления, которые образуются в психике индивида в процессе приобретения им знаний и представлений о законе. Этим обусловлен выбор свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) как метода исследования понимания и отражения категории закон в сознании студентов.

В САЭ приняли участие 200 студентов бакалавриата очной формы обучения СВФУ в возрасте 18-25 лет: 100 – 2 и 3 курсов юридического факультета (ЮФ), 100 – не юридического профиля (3 курса инженерно-технического института, 1 и 5 курсов автодорожного факультета) (НЮФ). По гендерной принадлежности: девушек – 54.5% и юношей – 45.5%. 96% респондентов относятся к билингам и являются носителями двух культур (преимущественно якутской и русской). Многие авторы акцентируют внимание на том, что в указанной возрастной группе становление языковой личности в основном завершается. Необходимо отметить, не все участники эксперимента смогли выразить свою ассоциативную связь со словом-стимулом «закон». САЭ проводился в период окончания изучения дисциплины «Основы права» в НЮФ (апрель-май 2018 г).

Для нашего исследования важным является не только выявление ассоциативных связей к слову-стимулу «закон» студентов СВФУ, но и сопоставить с результатами аналогичного САЭ студентов РОСИ, проведенного в 2015 г. [7, с. 118].

Информантам была представлена анкета, состоящая из 100 слов, среди которых было «спрятано» слово-стимул «закон».

Для интерпретации данных, полученных в САЭ, нами были проведены следующие процедуры: 1) все слова-реакции испытуемых были распределены по тематическим группам – ассоци-

ативным (семантическим) полям (АП); 2) подсчитаны, выстроены от наиболее часто встречающихся слов-реакций (частотных) к единичным, статистически обработаны (выявлено процентное соотношение каждой реакции по отношению ко всему количеству ответов и отдельным группам испытуемых); 3) проведен анализ содержания образов и представлений в сознании студентов, отражающие ассоциативные (смысловые) связи в каждой группе испытуемых; 4) сопоставлены ассоциации (слова-реакции) студентов НЮФ и ЮФ СВФУ.

Таким образом, анализ слов-реакций с их распределением по ассоциативным полям (АП) позволил провести:

- репрезентацию восприятия и отражения категории закон в правосознании студентов;
- содержательный анализ образов сознания, раскрывающих понимание, а следовательно, отношение к закону;
- сравнительно-сопоставительный анализ образов и представлений о категории закон двух групп студентов НЮФ и ЮФ, а также с результатами эксперимента РОСИ;
- оценку влияния изучения основ права на формирование, развитие и состояние правосознание студентов НЮФ.

Обоснование и распределение слов-ассоциаций по группам

По З.К. Тарланову, классифицировать слова по тематическим группам можно с различной степенью дифференциации и с разными целями. Детализация тематических групп логически и последовательно ведет к группам лексико-семантическим. При этом, под лексическим значением подразумевается предметное содержание слова, т.е. соотносённость слова с миром вещей, явлений и т.д. [6, с. 159].

В связи с тем, что цель исследования заключается в выявлении влияния изучения основ права на правосознание студентов, объединение слов-ассоциаций в определенные смысловые группы (ассоциативные поля) было проведено по следующим группам:

- 1) ассоциации, связанные со значением слова, представленные в толковых словарях русского языка. Полагаем, что слово «закон» знакомо студентам и из обыденной жизни (передачи социального опыта родителями, знакомыми, учителями);
- 2) ассоциации, связанные с учебной деятельностью (связь слова с правовыми категориями как результат изучения основ права);

3) ассоциации, связанные с эмоциональным отношением к слову «закон»;

4) ассоциации, связанные с другими лицами, явлениями или предметами окружающего мира. В каждой группе ассоциативного поля выделены подгруппы.

Результаты исследования

На слово-стимул «закон» получено 192 слова-реакции (ассоциата), которые сгруппированы нами по четырем основным группам и подгруппам.

1. Ассоциации, связанные со значением слова, представленные в толковых словарях, составили 27.6% от общего количества слов-реакций:

А) не зависящая ни от чьей воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром [4], или объективно существующая связь между явлениями в природе и обществе (законы общественного развития, сохранения энергии, экономические) [3, с. 177]. В данных значениях выявлена ассоциативная связь с физикой (1), в смысле законы физики у одного респондента НЮФ;

Б) постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общеобязательные правила [4]; юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением населения [1; 5, с. 104]; нормативные правовые акты в целом [1]; акт постановления государственной власти [3, с. 177]. В данной подгруппе выделены такие слова-ассоциации: «правило(а)» (19), «кодекс» (6), «Конституция» (4), «Уголовный кодекс» (3), НПА («нормативный правовой акт») (2), «указ» (1), «указание» (1), «устав» (1);

В) общеобязательное и непреложное правило (сложившиеся нравственные устои, нормы), законы морали [4]; общепринятое правило, то, что признается обязательным (законы морали) [3, с. 177]: справедливость (9), честь (2), норма (2), мораль (1), подлость (1).

Наиболее частотным в обеих группах студентов является слово «правило» (35.8% слов в данной группе). Следует отметить, что отсутствуют реакции, связанные с религией (например, Божий закон).

Таблица 1

Ассоциации, связанные со значением слова, представленные в толковых словарях

Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)
физика	1	-	указ	1	-
кодекс	1	5	справедливость	1	8
Конституция	2	2	честь	-	2
Уголовный кодекс	1	2	мораль	-	1
НПА	-	2	подлость	1	-
правило(а)	7	12	указание	1	-
норма	-	2	устав	1	-

2. Ассоциации, связанные с учебной деятельностью, составили 51.6 % от всего количества слов-реакций:

А) с учебным процессом: учеба (3), ЮФ (юридический факультет) (1), работа (1). Лексема закон вызвала ассоциации с учебным процессом только у студентов ЮФ;

Б) с изучением правовых категорий: порядок (25), право(а) (27), правосудие (6), государство (5), преступление (5), нарушение (4), наказание (4), суд (3), законность (2), РФ (Российская Федерация) (2), юрист(ы) (2), власть (2), обязанность (2), ответственность (1), общество (1), соглашение (1), защита (1), статья (1). Данная группа

является наиболее широкой и частотной. Изучение правовых категорий ведется как на ЮФ и НЮФ, и большей частью ассоциации связаны с такими правовыми категориями, как порядок (ЮФ - 9, НЮФ – 16) и право(а) (ЮФ - 16, НЮФ - 11). У студентов НЮФ по частоте выше порядок, видимо, для них важным является установление порядка, у студентов ЮФ – право, так как закон есть источник права. По широте и частотности реакции примерно распределены между группами равномерно, интересным представляется тот факт, что ассоциации, связанные с нарушением и преступлением, более частотны у студентов НЮФ (табл. 2).

Таблица 2

Ассоциации к стимулу-слову «закон», связанные с учебной деятельностью

Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)
учеба	-	3	власть	2	-
ЮФ	-	1	обязанность	1	1
работа	-	1	ответственность	1	-
порядок	16	9	общество	-	1
право(а)	11	16	соглашение	1	-
правосудие	2	4	защита	-	1

государство	2	3	статья	1	-
преступление	4	1	суд	3	-
нарушение	3	1	РФ	1	1
наказание	2	2	юрист(ы)	-	2
			законность	1	1

3. Ассоциации, связанные с эмоциональным отношением (13.5%):

А) характеризующие сам закон: нерушимый (2), строгий (1), твердый (1), суров (1), справедливый (1), сила (1), правда (1), запрет (1), арест (1);

Б) характеризующие отношение к закону: соблюдать (2), не нарушать (2), рамки (2), строго (1), строгость (1), для всех (1), един (1), есть (1), исполнение (1), не действует (1), обязательно (1), интерес (1), подчинение (1).

Будущие юристы большей частью выразили свое отношение к закону как един, есть, исполнение, не действует, обязательно, интерес, подчинение, и охарактеризовали его - суров и справедлив; студенты НЮФ выразили свое отношение в глагольной форме (соблюдать, не нарушать) и охарактеризовали его как нерушимый, строгий, твердый. Следует отметить, что отрицательное отношение современных студентов выражено в единственной форме не действует, большей частью отношение к закону нейтральное.

Таблица 3

Ассоциации, характеризующие эмоциональное отношение студентов (13.6%)

Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)
нерушимый	2	-	рамки	2	-
строгий	1	-	строгость	1	-
твердый	1	-	для всех	1	
суров	-	1	един	-	1
справедливый	-	1	есть	-	1
сила	-	1	не действует	-	1
правда	-	1	обязательно	-	1
запрет	-	1	интерес	-	1
арест	1	-	подчинение	-	1
соблюдать	2	-	строго	1	-
не нарушать	2	-	исполнение	-	1

4. Ассоциации, связанные с окружающим миром вещей и людей (7.3%):

А) с миром вещей: книга (5), паспорт (1), молоток (1), тюрьма (1), оковы (1), граффити (1);

Б) с людьми: Путин (2), человек (1).

Реакции, связанные с миром вещей, с главой нашего государства, отмечены у студентов НЮФ. У будущих юристов закон ассоциируется с человеком и оковами.

Таблица 4

Ассоциации, связанные с окружающим миром вещей и людей

Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)	Ассоциации к слову-стимулу «закон»	НЮФ (кол-во слов)	ЮФ (кол-во слов)
книга	3	2	оковы	1	-
паспорт	1	-	Путин	2	-
молоток	1	-	человек	-	2
тюрьма	1	-	граффити	1	-

У 4% студентов выявлены лакуны (ЮФ - 1, НЮФ - 7).

Анализ слов-реакций на слово-стимул «закон» позволил выделить его ядро – «порядок», «право», «правило(а)», которые составили почти 37% от всего количества ответов.

Аналогичный эксперимент на слово-стимул «закон» был проведен среди студентов РОСИ, результаты которого опубликованы в 2015 г. В эксперименте приняли участие 125 человек: 37 студентов 1 и 2 курсов факультета сервиса и туризма РОСИ; 43 студента 1 и 2 курсов юридического факультета РОСИ в возрасте от 18-25 лет; а также 55 работающих людей в возрасте от 25 до 40 лет. Всего получено 143 ассоциата [68].

Сопоставив данные эксперимента со студентами РОСИ с результатами САЭ студентов СВФУ, приходим к выводу, что слова-ассоциации совпадают, отличие в их частотности, например, у студентов РОСИ наиболее частотны «право», «обязанности», «конституция», «справедливость», менее частотны «порядок» и «правила», но они также присутствуют в числе реакций на слово-стимул «закон».

Выводы

Слова-ассоциации, связанные с правовыми категориями, составили 67.7% от всего их количества, из них 49% связаны с изучением права, что показывает расширение лексикона студентов в процессе изучения права. Наиболее частотными ассоциациями к слову «закон» являются «порядок», «право», «правило(а)», как у студентов нею-

ридического профиля обучения, так и будущих юристов. Сопоставленный анализ результатов САЭ студентов СВФУ и РОСИ позволил прийти к выводу о схожести их лексикона. Следовательно, изучение основ права способствует формированию адекватного состояния правосознания студентов, для которых изучение права не является основным.

Список литературы:

- [1] Большой юридический словарь (более 6000 терминов и определений). URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php
- [2] Залевская А.А. Слово в лексиконе человека (Психолингвистическое исследование) / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 205 с.
- [3] Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 882 с.
- [4] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – 28-е изд., перераб. – М.: Изд-во «Оникс-ЛИТ», 2012. – 1376 с.
- [5] Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 384 с.
- [6] Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1995. – 189 с.
- [7] Щепотина Е.В. Экспериментальное исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки в России и за рубежом:

материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). - СПб.: Свое издательство, 2015. - С. 117 – 119 [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8421/> (дата обращения: 10.04.2019).

[8] Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. - М.: Мартис, 1997. - 320 с.

[9] Kiss G.R. Computer Model for Certain Classes of Verbal Behavior // Proceedings of the International Joint Conference on Artificial Intelligence. - Washington D.C. May 1969a. - P. 703 - 714.

Spisok literatury:

[1] Bol'shoj yuridicheskij slovar' (bolee 6000 terminov i opredelenij). URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php

[2] Zalevskaya A.A. Slovo v leksikone cheloveka (Psiholingvisticheskoe issledovanie) / A.A. Zalevskaya. - Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. un-ta, 1990. - 205 s.

[3] Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkij tolkovyj slovar'. - 7-e izd., ispr. i dop. - M.: Rus. yaz., 2001. - 882 s.

[4] Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. - 28-e izd., pererab. - M.: Izd-vo «Oniks-LIT», 2012. - 1376 s.

[5] Rumyancev O.G., Dodonov V.N. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar'. - M.: INFRA-M, 1996. - 384 s.

[6] Tarlanov Z.K. Metody i principy lingvisticheskogo analiza. - Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodsk. un-ta, 1995. - 189 s.

[7] Shchepotina E.V. Eksperimental'noe issledovanie konceptov freedom, law, svoboda, zakon v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2015 g.). - SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2015. - S. 117 – 119 [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8421/> (data obrashcheniya: 10.04.2019).

[8] Yung K.G. Analiticheskaya psihologiya: proshloe i nastoyashchee / K.G. Yung, E. Semyuels, V. Odajnik, Dzh. Habbek; sost. V.V. Zelenskij, A.M. Rutkevich. - M.: Martis, 1997. - 320 s.

[9] Kiss G.R. Computer Model for Certain Classes of Verbal Behavior // Proceedings of the International Joint Conference on Artificial Intelligence. - Washington D.C. May 1969a. - P. 703 - 714.

ПЕШКОВА Анна Борисовна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов
факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета
e-mail: peril5@yandex.ru

ЭКСПРЕССИВЫ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ, ВЫРАЖАЮЩИХСЯ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению речевых актов экспрессивного типа, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями. На основе уточнения и упорядочивания таксономий русских и зарубежных лингвистов даётся сводная классификация экспрессивных актов, осуществляемых русскими и английскими восклицательными предложениями. В результате исследования были выделены чистые и совмещенные экспрессивные речевые акты, а последние разделены на аналитические и синтетические, а также определены виды экспрессивов, чаще используемые носителями русского и носителями английского языков. Полученные результаты дополняют и расширяют сведения об особенностях выражения эмоций на синтаксическом уровне в русском и английском языках, а также уточняют формулировки значений частных подвидов экспрессивных речевых актов. Данные выводы могут быть использованы при разработке спецкурсов по прагматике и теории речевых актов.

Ключевые слова: экспрессив, восклицательное предложение, чистые речевые акты, совмещенные речевые акты, аналитические речевые акты, синтетические речевые акты.

PESHKOVA Anna Borisovna,
candidate of Philological Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of the English language
for the Humanities at Faculty of Romano-Germanic philology
of Voronezh state University

EXPRESSIVES AS ONE KIND OF THE SPEECH ACTS PERFORMED BY EXCLAMATORY SENTENCES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH TEXTS)

Annotation. This article is devoted to the consideration of speech acts of the expressive type conveyed by Russian and English exclamatory sentences. On the basis of elaboration and ordering of Russian and foreign linguists' taxonomies a summary classification of expressive speech acts performed by Russian and English exclamatory sentences is presented. In the result of the research pure and combined expressive speech acts have been singled out, and the latter have been divided into the analytical and synthetic ones, and the kinds of expressives, most frequently used by Russian and English language speakers, have also been determined. The received results complete and broaden the data concerning the peculiarities of the expression of emotions on the syntactic level in the Russian and English languages, and they also specify the meaning definitions of particular subtypes of expressive speech acts. These findings can be used when developing specialized courses of study in pragmatics and theory of speech acts.

Key words: expressive, exclamatory sentence, pure speech acts, combined speech acts, analytical, speech acts, synthetic speech acts.

Одним из видов речевых актов, представленным во всех классификациях, является экспрессив. Основной целью речевых актов данного типа является выра-

жение эмоционального отношения говорящего к положению дел. Высказывания этого типа представляют собой реакцию на действие, поведение слушающего [1]. Поскольку данная реакция может

быть самой разнообразной, лингвисты используют для обозначения этого вида речевых актов разные термины. Следует заметить, что четкость отсутствует также и в выделении частных подвидов. Вследствие этого представляется целесообразным рассмотреть, как различные лингвисты определяли данный вид речевых актов и выбрать наиболее приемлемый термин, а также выявить частные подвиды данного вида актов основе обобщения и систематизации точек зрения отечественных и зарубежных лингвистов. Полученные результаты позволяют определить виды экспрессивных речевых актов, манифестируемых восклицательными предложениями в русском и английском языках.

Дж. Остин называет эти акты экспозитивами и полагает, что они «показывают, какое место занимает наше высказывание в ходе спора или беседы, как мы используем слова» [2]. К. Бах и Р. Харниш считают данные акты признаниями (acknowledgements) [3], Б. Фрейзер называет их актами, отражающими установку говорящего [4], Д. Вундерлих – сатисфактивами [5]. Что касается отечественных лингвистов, то Г.Г. Почепцов относит экспрессивы к числу перформативов [6]. В классификации Ю.Д. Апресяна выделяется 15 классов или групп речевых актов, из которых экспрессивам соответствуют акты согласия и возражения, одобрения, осуждения и специализированные акты передачи, отчуждения, отказа, отмены и др. [7]. В.И. Карасик называет их эмоционально-каузативными речевыми актами на основании учёта различных перлокутивных эффектов [8], И.В. Труфанова относит их к экспрессивно-эмоциональным речевым актам [9], а Н.М. Вахтель – речевым актам эмоционального воздействия (эмотивам), которые выражаются, как правило, нечленимыми высказываниями [10].

Термин «экспрессив» для обозначения данного вида актов был впервые использован в классификации Дж. Серля [11]. Вслед за ним этот термин стали применять в своих таксономиях Д. Вендервекен, Дж. Лич, Т. Баллмер, В. Бренненштуль, Л.П. Чахоян и Н.А. Комина. В дальнейшем мы также будем использовать термин «экспрессив» для обозначения этого вида речевого акта вследствие того, что он короток, удобен и отражает суть.

Как указывалось выше, выделение частных видов экспрессивов до сих пор достаточно спорно. Например, Дж. Серль выделяет две подгруппы речевых актов экспрессивного типа. К первой группе относятся высказывания, выражающие положительную реакцию говорящего, его удовлетворенность действием, поведением слушающего: благодарность, поздравление, одобрение, выражение признательности и т.д. Ко второй группе относятся высказывания, выражающие отрица-

тельное отношение к имевшему место поступку или действию как слушающего, так и самого говорящего: извинения, упрёки, сожаления и т.д. [11]. Таким образом, Дж. Серль к экспрессивам относит и т.н. формулы социального этикета (извинения, благодарность и т.д.), не выделяя их в отдельный вид речевых актов. Л.П. Чахоян выделяет те же виды речевых актов экспрессивного типа, что и Дж. Серль, однако, относит благодарности, извинения, соболезнования не к экспрессивам, а к формулам социального этикета [12]. Н.А. Комина, как и Дж. Серль, считает, что экспрессивы включают извинения, благодарности, соболезнования, упрёки, сожаления [1]. Н.М. Вахтель среди экспрессивных речевых актов выделяет в качестве их частных видов акты жалобы, осуждения, упрёка, оскорбления, одобрения и неодобрения, шутки, насмешки, удивления, возмущения [10].

Принимая во внимание все рассмотренные классификации частных видов экспрессивов, представляется целесообразным разделить все подвиды экспрессивов на три группы на основе характера выражаемых эмоций: 1) акты, выражающие только положительные эмоции (одобрение, похвала, согласие), 2) акты, выражающие только отрицательные эмоции (возмущение, осуждение, упрёк, неодобрение, оскорбление, насмешка, ирония, издёвка, сарказм, угроза, несогласие, возражение, жалоба, опровержение), 3) акты, выражающие и положительные, и отрицательные эмоции (удивление, оценка).

Как упоминалось выше, основная цель экспрессивов – выражение чувств и эмоций говорящего при реакции на окружающую действительность для достижения определённого перлокутивного эффекта, который может быть представлен следующими конечными результатами воздействия: одобрить или, напротив, не одобрить нечто, кого-то обрадовать или, напротив, испугать или упрекнуть, обвинить и даже оскорбить, вызвать восхищение или удивление [10]. Вследствие того, что восклицательные предложения являются специализированными средствами выражения эмоциональной реакции и связанного с ней эмоционально-оценочного отношения говорящего как к отдельным фактам, событиям окружающей действительности и ситуации в целом, так и к коммуникативному поведению собеседника и самого говорящего [13], то представляется интересным рассмотреть различные частные подвиды экспрессивных речевых актов, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями. Поскольку в лингвистической литературе отсутствует чёткое выделение подвидов экспрессивов, желательно использовать для их разграничения словарные дефиниции.

Материалом исследования послужили восклицательные предложения, полученные методом сплошной выборки из 12 произведений современных русских писателей (М. Беленький «Обсерватория», Н. Елисеев «54», А. Солженицын «Желябугские выселки», Ф. Светов «Отверзи ми двери», А. Марченко «От чего так легко зарыдать», В. Тучков «Генералы», «Водолазы», «Артиллеристы», «Внутренние войска», А. Архангельский «Крышка для элиты», С. Костырко «О роковых тайнах женской души», М. Бутов «Свобода») и 12 произведений американских писателей, преимущественно современных (Н. Fielding "Bridget Jones's Diary", S. King "The Green Mile", I. Welsh "Glue", Ch. Bukowski "Bop Bop Against that Curtain", "The Way the Dead Love", "You and Your Beer and How Great You Are", "Guts", "The Devil Was Hot", "Dr Nazi", A. Gopnik "Alice in Paris", "Lessons From Things", "The Winter Circus. Paris To the Moon").

Следует заметить, что в коммуникации некоторые виды актов экспрессивного типа совмещаются, вследствие этого представляется целесообразным выделить сначала чистые акты экспрессивов, а потом совмещённые. В рамках исследуемого материала экспрессивные речевые акты, выражающиеся как русскими, так и английскими восклицательными предложениями, в соответствии с современной теорией могут быть подразделены на следующие чистые виды, представленные в порядке убывания частотности в процентном соотношении к общему количеству:

1) *оценка* – мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь [14]. Как в русском, так и в английском языках, оценка может быть отрицательной, например: «**Телефонист – ворона!**» (А. Солженицын), «**What a mess!**» (Н. Fielding) и положительной: «**Эффект – захватывающий, восхитительный!**» (А. Солженицын), «**Look, she's beautiful, man!**» (Ch. Bukowski) – 18% в русском и 16% в английском языках. Представляется интересным отметить, что в рамках материала исследования было обнаружено преобладание отрицательной оценки в русском языке (10%), в то время как в английском – положительной (9%);

2) *брань* – слова, которыми ругают [14]. Употребляя эти слова в речи по отношению к другому лицу, коммуниканты, как правило, выражают гнев, злость, ярость, негодование, раздражение, желая оскорбить другого человека: «**Damn you, you evil witch!**» (I. Welsh) – кухарка графа приготовила и подала на стол его любимую овечку, он ругается на неё за это; «**Да иди ты сам к чёрту!**» (М. Беленький) – директор обсерватории ругается на своего подчинённого за то, что он ушел с рабочего места и бросил сейсмограф (15% - в английском языке и 13% - в русском);

3) *ирония* – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме [14]: «**Но куда молодым олигархам до начальников советского разлива!**» (А. Архангельский) – автор иронизирует по поводу бессилия молодых олигархов, их неопытности; «**Her precious Walter!**» (Ch. Bukowski) – Констанция иронизирует по поводу теплых отношений между её сожителем и его матерью (10.5% - в русском языке и 9.5% - в английском);

4) *жалоба* – выражение неудовольствия, обычно словесное, по поводу каких-нибудь неприятностей, боли [14]: «**My back hurts!**» (Ch. Bukowski) – пациент в больнице жалуется на боль в спине; «**Oh, Lorraine, I am so vexed by this journey!**» (I. Welsh) – мисс Мей жалуется своей подруге на то, что ей не понравилось путешествие; «**Флобер жаловался на то, как тяжело ему работать над историческим романом: "Не могу больше! Осада Карфагена, которую я сейчас заканчиваю, доконала меня, военные орудия надоели до смерти!"**» (Н. Елисеев) (9% - в английском языке и 8.5% - в русском);

5) *согласие*: а) разрешение, утвердительный ответ на просьбу; б) единомыслие, общность точек зрения; в) дружественные отношения, единодушие [14]: «**Could you give me a hard job?**», «**O.K., kid, we'll put you to WORK!**» (Ch. Bukowski) – директор завода согласился дать Генри Хинаски тяжёлую работу; «**Хорошо, хорошо – победила!**» (М. Бутов) – Михаил соглашается со своей девушкой, что им сейчас не стоит расставаться (7.5% - в английском языке и 7% в русском);

6) *несогласие*: а) отсутствие единомыслия, разногласие в чем-нибудь; б) отсутствие согласия на что-нибудь, отказ [14]: «**No, no, no! After you!**» (Н. Fielding) – Бриджит отказывается заходить первой в ванную комнату; «**Нет, Норочка, нет! Я невыездная**» (Г. Щербакова) – тетя Василиса отказывает Норе в её просьбе посидеть в квартире, пока чинят перила балкона.

В рамках исследуемого материала несогласие можно разделить на опровержение и возражение. *Опровержение* – речь, в которой доказывается ложность, неверность чего-нибудь [14]: «**Я не сумасшедший пока ещё!**» (М. Беленький) – художник Николай опровергает утверждение продавца маслин о том, что он сошел с ума; «**This was not my work, Sir!**» (I. Welsh) – кухарка миссис Хёрст опровергает заявление графа о том, что это она приготовила и подала на стол его любимую овечку (6% - в русском языке и 5% - в английском). *Возражение* – довод, мнение против чего-нибудь, выражение несогласия с чем-нибудь [14]: «**Coffey doesn't even know her!**» (S. King) – Пол считает, что заключённому Коффи удастся спасти жену Морса, которая больна раком. Гарри не согласен с ним, возражает ему, заявляя, что Коффи даже её

не знает; **«Нет, неправильно!»** (А. Солженицын) – председатель сельсовета одобряет шофёра машины, который после повышения цен перестал возить хлеб в деревню. Старуха возражает ему, считает, что это неправильно (4.5% - в английском языке и 4% - в русском);

7) **упрёк** – неудовольствие, неодобрение или обвинение, высказанное кому-нибудь [14]: **“It isn’t enough of a penalty!”** (А. Горник) – один из журналистов упрекает судью в вынесении слишком мягкого приговора человеку, который совершал массовые убийства детей евреев; **«Над красным гробом Лев Ильич смущенно крестится, дама гневно блеснула: “Как вам не стыдно!”»** (А. Солженицын) – дама выражает своё неодобрение поступком Льва Ильича (4% - в английском языке и 3.5% - в русском);

8) **угроза** – запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло [14]: **“I will have satisfaction!”** (I. Welsh) – полковник Кокс угрожает солдату, что вызовет его на дуэль за неуважительное отношение к знатной даме; **«Подгорелов произвел предупредительный выстрел в воздух, на что женщина закричала яростным рогожинским басом: “Ты под трибунал пойдёшь!”»** (В. Тучков) – солдат, неся караул, увидел приближающуюся к нему женщину, которая, несмотря на его предупреждения, не собиралась уходить. Тогда солдат начал стрелять, а женщина, испугавшись, стала угрожать ему трибуналом (3.5% - в английском языке и 3% - в русском);

9) **сожаление**: а) чувство печали, скорби, огорчения, вызванное какой-нибудь утратой, сознанием невозможности изменить или осуществить что-нибудь; б) жалость, сострадание [14]: **«И скольких уже схоронили!»** (В. Тучков) – автор выражает чувство скорби, печали по поводу того, что во время войны гибнет очень много танкистов; **“It’s a pity that I didn’t come!”** (H. Fielding) – Бриджит сожалеет, что не пришла к подруге на вечеринку (2.6% - в русском языке и 2.4% - в английском);

10) **недоумение** – состояние сомнения, колебания вследствие невозможности понять, в чём дело [14]: **«Какие у этих друзей тараканы в мозгах, кто поймет!»** (М. Бутов) – геолог Андрей говорит о том, что не понимает своих друзей-бандитов и не знает, чего от них ожидать; **“How could you do such a thing!”** (I. Welsh) – граф не понимает, как его возлюбленная могла приказать убить его любимую овечку (2.4% - в русском языке и 2% - в английском);

11) **возмущение** – сильный гнев, негодование [14]: **«“Мы, видите ли, полгода бездельничаем!”**, – возмущался Андрюха» (М. Бутов) –

Андрей (геолог) возмущен тем, что его на работе обязали каждый день ходить в контору; **“All for himself, you understand, all for himself!”** (Ch. Bukowski) – Констанция возмущается по поводу того, что её возлюбленный думает только о себе (1.6% - в английском языке и 1/5% - в русском).

Перейдём теперь к рассмотрению совмещённых речевых актов экспрессивного типа, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями. Следует заметить, что совмещённые речевые акты могут быть двух видов: 1) **синтетические**, в которых оба речевых акта выражаются одной конструктивной единицей (например, **«Нора!»** (Г. Щербакова) – обращение и одновременно приказ прекратить думать о своём и сосредоточиться на роли) и 2) **аналитические**, в которых совмещаются две конструктивные единицы, каждая из которых выражает один речевой акт (например, **«Здорово, Андрюха!»** (М. Бутов) – совмещение приветствия и обращения). В рамках исследуемого материала среди экспрессивов совмещаются следующие виды:

1) **положительная оценка** совмещается с **похвалой**, образуя, как правило, синтетические речевые акты: **«Хороший прибор!»** (М. Беленький) – Менделеев положительно оценивает работу сейсмографа и хвалит прибор; **“John F., yeah, he’s made great pictures, great pictures!”** (Ch. Bukowski) – Джек хвалит работу режиссера, его картины и положительно оценивает их (8% - в русском языке и 7% - в английском);

2) **отрицательная оценка** совмещается с **осуждением**, и при этом образуются, как правило, синтетические речевые акты: **“You are so scandalous!”** (I. Welsh) – леди Хантигдон отрицательно оценивает поведение лорда Харкорта и осуждает его за это; **«Ленишься, Сережа!»** (Б. Екимов) – помощник председателя колхоза осуждает пастуха за то, что он ленится и не пасет скотину на пастбище, и отрицательно оценивает его работу (6.5% - в английском языке и 6% - в русском);

3) **отрицательная оценка** совмещается с **возмущением** и образуются, как синтетические (**«“Лисицы?” - спросил я. “Можно и так сказать”. Я разозлился: “Что за тупой театр!”»** (М. Бутов) – Михаил говорит, что к ним в дом, наверное, забрели лисицы. Андрей возмущен объяснением своего друга и отрицательно оценивает всё происходящее), так и аналитические речевые акты: **“That damn poet fellow has set up such a dust!”** (I. Welsh) – Харкорт отрицательно оценивает поведение поэта (**“that damn poet fellow”**), возмущен тем, что он внес раздор в их компанию (4% - в русском языке и 3.5% - в английском);

4) упрёк совмещается с осуждением и образуются преимущественно синтетические речевые акты: *"She seemed to know little discomfiture on that occasion when you and I visited her; finding her embroiled in the concerns of someone no more than urchin-certainly far beneath the notice of any aspirant to social heights!"* (I. Welsh) – лорд Бемонт и сэр Родни осуждают поведение невесты сэра Родни, упрекают её в том, что она заботится о мальчике из низших слоев общества; *«Чего глаз не кажешь?!»* (Б. Екимов) – агроном Петрович упрекает и осуждает сына председателя колхоза за то, что тот к нему не заходит (3% - в английском языке и 2% - в русском).

Таким образом, в результате исследования были выделены чистые и совмещённые речевые акты экспрессивного типа, выражающиеся русскими и английскими восклицательными предложениями. К чистым речевым актам были отнесены следующие частные виды: оценка (положительная и отрицательная), брань, ирония, жалоба, согласие, несогласие (опровержение и возражение), упрёк, угроза, сожаление, недоумение и возмущение. Русские коммуниканты чаще используют следующие виды экспрессивов: оценку, иронию и опровержение, в то время как носители английского языка предпочитают употреблять такие речевые акты, как оскорбление (брань), жалоба и согласие. Частотность использования остальных видов экспрессивов в обоих языках приблизительно одинакова.

Как в русском, так и в английском, языках в рамках исследуемого материала были выделены совмещённые речевые акты экспрессивного типа. Как правило, в коммуникации совмещаются следующие виды экспрессивов: положительная оценка и похвала, отрицательная оценка совмещается либо с осуждением, либо с возмущением, а осуждение может совмещаться с упреком.

Полученные результаты дополняют сведения об особенностях выражения эмоций на синтаксическом уровне в русском и английском языках, уточняют формулировки частных подвидов экспрессивных речевых актов, выявляют и описывают совмещённые акты, что может быть использовано при разработке курсов по прагматике и теории речевых актов, а также в практике преподавания русского и английского языков как иностранных.

Список литературы:

[1] Комина Н.А. Семантика коммуникативно-прагматических типов высказываний // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: АлтГУ, 1983. – С. 93 - 101.

[2] Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22 - 129.

[3] Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts / K. Bach and R.M. Harnish. – Cambridge: Mass, 1980. – 327 p.

[4] Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. – New York, 1975. - Vol. 3: Speech Acts. – P. 187 - 210.

[5] Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. – Frankfurt a. M., 1976. – 417 p.

[6] Почепцов Г.Г. Прагматика предложения / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – С. 267 - 281.

[7] Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР Сер.: Лит. и яз. - 1986. - Т. 45. - № 3. – С. 208 - 223.

[8] Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 1992. – 330 с.

[9] Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. – М., 2000. – 568 с.

[10] Вахтель Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2004. – 204 с.

[11] Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. - 1986. - № 17. - С. 170 - 194.

[12] Чахоян Л.П. О признаках высказывания // Значение и смысл речевых образований. – Калинин: Изд-во КГУ, 1979. – С. 121 - 126.

[13] Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 17 с.

[14] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 798 с.

Spisok literatury:

[1] Komina N.A. Semantika komunikativno-pragmaticheskikh tipov vyskazyvanij // Pragmaticheskie aspekty funkcionirovaniya yazyka. – Barnaul: AltGU, 1983. – S. 93 - 101.

[2] Ostin Dzh. L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M., 1986. – Vyp. 17. – S. 22 - 129.

[3] Bach K. Linguistic Communication and Speech Acts / K. Bach and R.M. Harnish. – Cambridge: Mass, 1980. – 327 p.

[4] Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. – New York, 1975. - Vol. 3: Speech Acts. – P. 187 - 210.

[5] Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. – Frankfurt a. M., 1976. – 417 p.

[6] Pochepcov G.G. Pragmatika predlozheniya / I.P. Ivanova, V.V. Burlakova, G.G. Pochepcov // Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka. – M.: Nauka, 1981. – S. 267 - 281.

[7] Apresyan Yu. D. Performativy v grammatike i slovar' // Izv. AN SSSR Ser.: Lit. i yaz. - 1986. - T. 45. - № 3. – S. 208 - 223.

[8] Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. – M., 1992. – 330 s.

[9] Trufanova I.V. Pragmatika nesobstvenno-pryamoj rechi. – M., 2000. – 568 s.

[10] Vahtel' N.M. Vyskazyvanie v pozicii gazetnogo zagolovka: semantika i pragmatika. – Voronezh: RIC EF VGU, 2004. – 204 s.

[11] Serl' Dzh. Klassifikaciya illokutivnyh aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevyh aktov. - 1986. - № 17. - S. 170 - 194.

[12] Chahoyan L.P. O priznakah vyskazyvaniya // Znachenie i smysl rechevyh obrazovanij. – Kalinin: Izd-vo KGU, 1979. – S. 121 - 126.

[13] Panicheva P.N. Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki vosklicatel'nyh predlozhenij v anglijskoj dialogicheskoj rechi (v svete antropocentricheskoj paradigmy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol', 2004. – 17 s.

[14] Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M.: Russkij yazyk, 1987. – 798 s.

СЕМЕНОВ Олег Юрьевич,

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры радиоэлектроники и электроэнергетики
Сургутского государственного университета
e-mail: ous.tutor.phinma@mail.ru

ДЁМКО Анатолий Ильич,

кандидат технических наук,
доцент кафедры радиоэлектроники и электроэнергетики
Сургутского государственного университета
e-mail: dai321@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ SMART-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования smart-технологий в образовательной среде. Представлены вопросы применения smart-устройств в учебном процессе, инновационных методик визуализации учебной информации и проектирования концепции интерактивной аудитории. Предлагается техническая реализация взаимодействия датчиков и исполнительных устройств по беспроводной системе связи интерактивной образовательной среды.

Ключевые слова: активизация обучения, smart-технологии, интернет вещей (IoT), планшет, инфографика, датчики, сенсорные сети, цифровая лаборатория, компьютер.

SEMENOV Oleg Yurievich,

Ph.D. physics, associate Professor,
Surgut state University

DYOMKO Anatoly Ilyich,

Ph.D. technics, associate Professor,
Surgut state University

APPLICATION OF INFOCOMMUNICATION SMART TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION

Annotation. The article discusses the use of smart-technologies in the educational environment. The issues of the use of smart devices in the educational process, innovative techniques for visualizing educational information and designing the concept of an interactive audience are presented. A technical implementation of the interaction of sensors and actuators via a wireless communication system of an interactive educational environment are proposed.

Key words: activation of training, smart technologies, Internet of things (IoT), tablet, infographics, sensors, sensor networks, digital laboratory, computer.

В образовательном процессе происходят инновационные изменения в использовании преподавателями на занятиях новых педагогических технологий и методик. Современный преподаватель связывает свои творческие устремления с новыми средствами обучения, которые направлены на выявление и развитие творческих возможностей обучающихся. Новые подходы визуализации учебного матери-

ала способствуют положительной мотивации в процессе обучения.

Современное общество можно назвать новым Smart-обществом, в котором происходит создание с помощью современных информационных и организационных систем новой интеллектуальной, высокотехнологичной, комфортной для человека среды образования. Одной из основных задач современного образования становится

формирование системы образования на базе smart-технологий для повышения качества обучения. Современные smart-технологии доступны каждому обучающемуся, и поэтому использование их на занятиях позволит повысить уровень получаемого образования.

Smart-устройства в образовании. Использование электронных устройств в образовательном процессе вызывает интерес обучающихся, привлекает их к проектной деятельности, позволяет им моделировать сложные эксперименты и производить численные расчёты с синхронной визуализацией процесса в виде анимаций на мониторе персонального компьютера, графиков, статистических таблиц и круговых диаграмм. Работа с программным кодом на планшете, смартфоне и компьютере помогает заглянуть в сущность явления и рассмотреть процессы, которые невозможно пронаблюдать в эксперименте [1 - 8].

Работа с электронными устройствами имеет ряд преимуществ. Преподаватель на занятии может отправлять материал на планшеты, открывать доступ в Интернет, проводить практические работы, связываться с обучающимися других классов на занятиях в школе и групп в вузе; если кто-то из обучающихся отсутствует на занятии, то имеется возможность связываться через веб-камеру с преподавателем. Применение индивидуального обучения через компьютерную сеть с помощью дистанционных методик способствует формированию у обучающихся самостоятельности при освоении материала. Компактные компьютеры помогают строить модели физических явлений в программах. Просмотр учебных фильмов на образовательных сайтах и видеофрагментов демонстрации физических явлений, классических опытов, технических приложений позволяет значительно расширить спектр рассматриваемых тем по учебной дисциплине.

На занятиях по естественным и техническим наукам можно проводить виртуальные лабораторные работы, просматривать энциклопедии, сайты музеев и библиотек, представлять свои идеи и проецировать их на экран, пользоваться удобными приложениями для создания презентаций. Возможным является использовать компьютер как

репетитора, делающим процесс обучения интереснее и эффективнее, он позволяет готовиться к зачётам и экзаменам, работать с ресурсами сети Интернет; на занятиях, обмениваясь информацией с обучающимися, вести научно-исследовательскую работу, оставаться на связи, обмениваться сообщениями и учебными заданиями по электронной почте, строить модели по астрономии и астрофизике (Солнечной системе, галактике, Вселенной). Электронные средства обучения оказывают помощь при формировании материалов для тестового контроля, включаются в занятия различные разработанные задачи для самостоятельной работы обучающихся, соизмеряя их с образцами решений и возможностью проверки результатов, создавать физические модели технических устройств и процессов в специальных программных средах, развивать интуитивное мышление; включать в ход занятия исторический и справочный материал; наборы современных нестандартных упражнений и новых задач для обучающихся.

Интерактивный планшет - это электронное техническое устройство, предназначенное для дистанционной работы с ресурсами персонального компьютера по беспроводной системе связи. Новые смартфоны и планшеты оснащаются большим числом встроенных датчиков, что позволяет применять их как мобильные цифровые лаборатории для проведения физических исследований как на занятиях, так и в проектно-исследовательской деятельности. В научных исследованиях используются датчики температуры и влажности для определения уровня температуры и влажности окружающей среды; датчики измерения интенсивности света; датчик для отслеживания движения смартфона и подсчёта количества шагов, сделанных обучающимся; барометром для измерения атмосферного давления в текущем местоположении владельца смартфона в пространстве и определения высоты над уровнем моря. Например, применение в образовательном процессе цифровой лаборатории «Архимед» для решения экспериментальных и теоретических задач и оптимизации процесса учебной работы (рис. 1).

Рис. 1. Цифровая лаборатория «Архимед» с датчиками

Интерактивная лабораторная система «Архимед» предназначена для проведения широкого спектра исследований, экспериментальных демонстраций, лабораторных работ, проектной и научно-исследовательской деятельности обучающихся; она состоит из мобильного карманного компьютера Palm на базе операционной системы Palm OS; измерительного интерфейса TriLink; 22-х цифровых датчиков и цифрового микроскопа. КПК компьютер и TriLink имеют функцию синхронизации с настольным ПК, данные можно просматривать на персональном компьютере ПК и прово-

дить дальнейшую обработку результатов. При помощи варианта программы MultiLab, возможно производить конвертирование, т.е. перевод файлов в различные форматы без изменения их расширения, включая графические файлы и потоковое видео в формате AVI. Например, при изучении темы «Колебания и волны» можно выполнять эксперименты по изучению движений маятника, после передачи данных в программу MultiLab на экране планшета информация будет выглядеть, как показано на рис. 2.

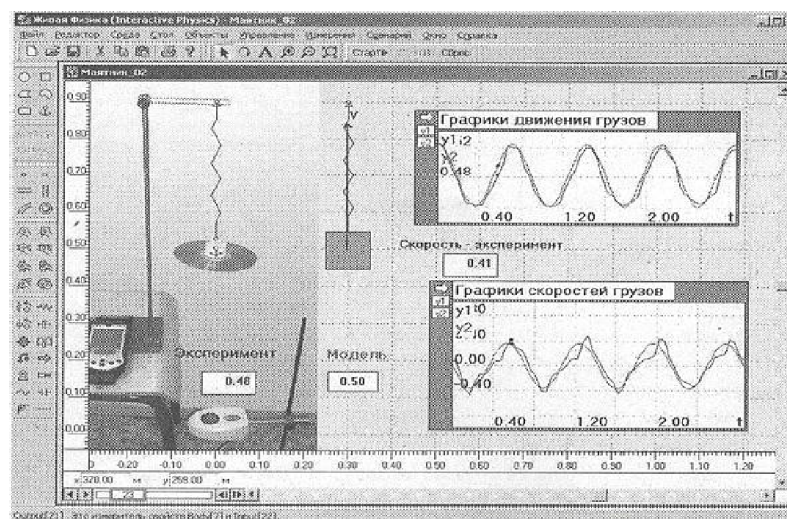

Рис. 2. Графики эксперимента в интерфейсе MultiLab

Устройство может работать с восемью датчиками одновременно как самостоятельно, так и под управлением персонального компьютера. В состав лаборатории по техническим дисциплинам включены датчики тока, расстояния, силы, влажности, освещенности, индукции магнитного поля, давления, микрофонный датчик (звуковой), термомпара, напряжения. Данное оборудование помогает изучать темы проводя демонстрационные и лабораторные эксперименты [5 - 8].

Smart-образование в настоящее время ставит новые задачи перед современным преподавателем. Преподаватель должен владеть знаниями и умениями не только в своей профессиональной области, но также владеть информацией и навыками работы с цифровыми устройствами.

Инфографика. Использование схем, сигнальных карт, опорных конспектов и инфографики относится к образно-знаковой наглядности. В разные времена применялись различные подходы к передаче информации. Можно сказать, что использование инфографики берёт своё начало с первобытнообщинного строя, когда древние художники рисовали сцены охоты на стенах пещер. Далее процесс развития речи и отображения слов на разных носителях (камень, дерево, папирус) мы встречаем в разных уголках мира. Люди стали использовать письменность, что позволило заложить основы обучения следующих поколений.

На сегодня одним из продуктивных способов визуализации является использование инфографики. Инфографика – это графический способ подачи информации. По способу отображения инфографика подразделяется на статичную – одиночные изображения без элементов анимации

и динамическую – с анимированными элементами. Динамическая инфографика делится на видеоинфографику, анимированные изображения и инфограммы-презентации.

Предметно-образный характер учебно-познавательной деятельности более продуктивен, чем вербальный. Новые подходы можно связать с занятием в форме дидактических приёмов наглядности – опорных конспектов – схем и сюжетных картинок, позволяющих управлять познавательной деятельностью обучающегося через его эмоциональное восприятие материала занятия. Опорные конспекты дают возможность излагать материал несколькими темами и даже раздѐлами. Они способствуют наглядности, подчёркивая главную цель занятия, мотивируют обучающихся составлять план пересказа и самостоятельно работать с учебной литературой. Инфографика – значимый инструмент в методике преподавания точных наук (рис. 3).

Одним из первых опорные конспекты стал применять в своей преподавательской практике на системном уровне в курсе физики известный педагог-новатор В.Ф. Шаталов. Учебные листы с опорными сигналами меняют ход обычного занятия, показывая перспективу нового раздела дисциплины. Картинка – развёрнутая программа обобщающего повторения – помогает «зрительно» в системе увидеть содержание изученного материала. В школьной физике есть сложные для понимания обучающимися темы, например, термин связанный с теорией относительности – пространство, под которым понимается трёхмерное пространство нашего мира, в нём происходит геометрическое перемещение различных физических тел и объектов.

Рис. 3. Слайд инфограммы-презентации

Для формирования таких понятий и процессов, связанных с гравитацией, можно также применять инфографику (рис. 4). На лекциях и практических занятиях по радиоастрономии обучающиеся учатся работать с научно-популярной и

справочной литературой, картами и атласами, астрономическими календарями для определения условий излучения и видимости небесных тел.

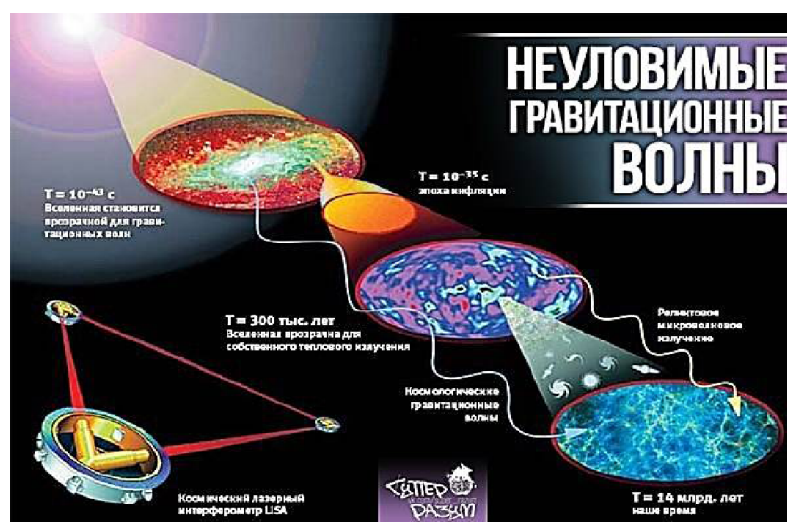

Рис. 4. Гравитационные волны в инфографике

Использование инфографики позволяет обучающимся делать оценки измеряемых величин, замечать закономерности небесных явлений, обобщать результаты наблюдений и формулировать выводы [8 - 11]. Методика применения инфографики помогает качественному усвоению и закреплению пройденных тем дисциплины, развивает логическое мышление, позволяет устанавливать связи между явлениями и понятиями, при выполнении лабораторных работ и решении практических задач.

Интерактивная аудитория. Методология подачи информации развивается с точки зрения использования современных технологий. Внедрение инфокоммуникационных технологий в образовательную среду оказывает помощь преподавателям в повышении мотивации обучающихся в учебном процессе. Системы интернет-вещей -

Internet of Things (IoT) – дают возможность дистанционно управлять работой электронных технических устройств в концепции интерактивной аудитории образовательного пространства [9 - 17].

Системы дистанционного управления предоставляют функционально контролировать производительность электронных технических устройств (машин, приборов, инструментов) при отсутствии непосредственного контакта с ними. Смартфон обладает множеством различных интерфейсов, которые можно использовать в связке с цифровыми устройствами и интернет-вещами. Технология интернет-вещей связана с радиочастотной идентификацией - RFID и беспроводными сенсорными сетями. Применение данной системы - одно из современных решений автоматизации различных структур, в нашем случае образовательных (рис. 5).

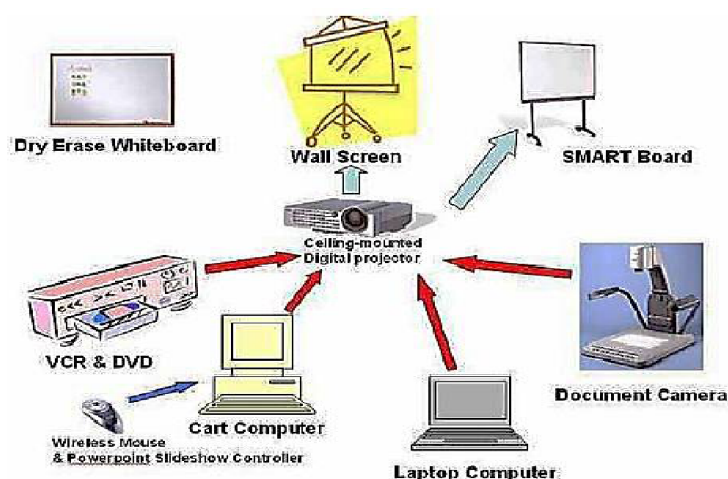

Рис. 5. Устройства интерактивной аудитории

Преподаватель с помощью цифрового интерактивного устройства может управлять освещенностью в аудитории, работой планшетов, компьютеров и проекторов. Элементы и системы дистанционного управления цифровыми мультимедийными устройствами могут быть задействованы в

обеспечение учебного процесса на новом уровне – интерактивной аудитории.

Освещение. В аудитории может быть настроено светодиодное освещение с датчиками освещенности помещения, регулируемые жалюзи, датчики движения, входящие в систему управления через смартфон (рис. 6).

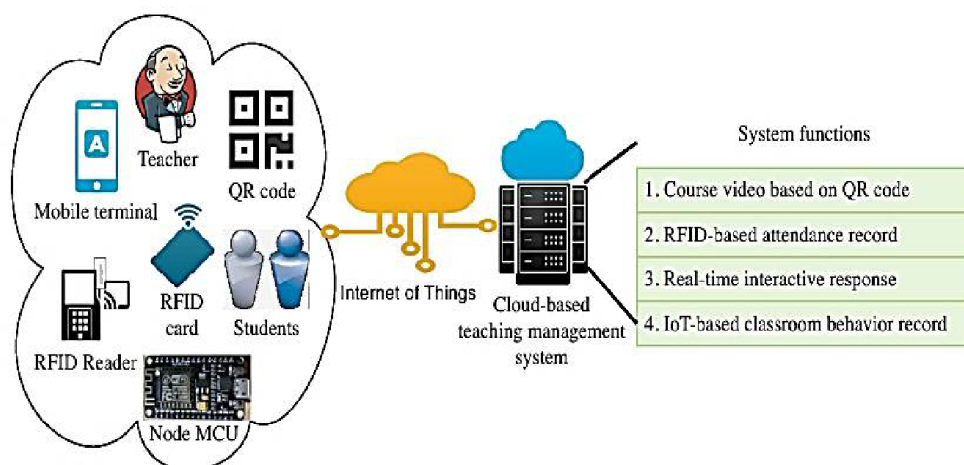

Рис. 6. Управление датчиками в аудитории

Датчики движения способствуют повышению эффективности использования электроэнергии; датчики освещенности, применяемые в аудиториях, могут переключаться с искусственного освещения на естественное посредством замера света в аудитории и регулирования работой жалюзи. Преподаватель также будет иметь доступ к управлению элементами аудитории с помощью RFID, беспроводных сетей; система имеет возможность синхронизироваться с облачным пространством.

Датчики освещенности, входящие в систему в комплексе аппаратно-программных средств,

связаны с элементами автоматики и робототехники, например Intel Edison, применяющий USB-интерфейс (рис. 7).

Электричество и розетки. Использование цифровых розеток поможет повысить техническую безопасность всего здания и защиту от различных несчастных случаев, например, учебные стенды, в которых идут работы непосредственно с электрическим током. С помощью цифровой системы освещения, на базе платы Intel Edison, можно управлять мультимедийными устройствами через сенсорную сеть.

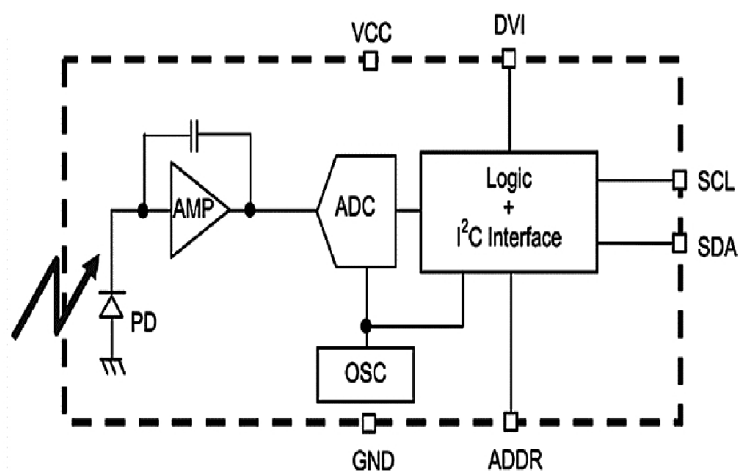

Рис. 7. Схема подключения датчика освещенности к автоматизированной системе робототехники Intel Edison

Тепло. Применение датчиков тепла в совокупности с дополнительным отоплением может помочь снизить заболеваемость обучающихся в неотапливаемые промежутки времени, а также сохранить тепло в аудиториях учреждений регионов Крайнего Севера, где данная проблема актуальна. Мониторинг тепла также может помочь для ремонта и реконструкции строительных решений.

Безопасность. Применение датчиков открытия для мониторинга состояния окон и дверей, дымовых и газовых датчиков для отслеживания уровня различных химических газов, что актуально при химических опытах в лабораториях, повысит безопасность образовательного учреждения. В разработке системы интерактивной аудитории используются также датчики движения – устройство, регистрирующее движение объектов. Его работа основывается на анализе различных типов волн, поступающих из окружающей

среды, в зависимости от типа используемой длины волны они делятся на фотоэлектрические, инфракрасные, микроволновые, ультразвуковые, томографические. Датчик освещенности – это устройство, позволяющее определять уровень падающего на датчик света в видимом диапазоне, его работа основана на действии фоторезистора, сопротивление которого меняется в зависимости от количества падающих на него фотонов. Датчик температуры – устройство, преобразующее измеряемую температуру в электрическую величину: терморезисторы, термопары, пирометры. Наиболее подходящий вариант – использование термопар за счет своей распространенности, несложной конструкции, простоты использования, скорости реакции, малогабаритных размеров. Датчик открытия – датчик, фиксирующий открытие и закрытие дверей и окон. Принцип действия основан на двух элементах, устанавливаемых на

раму и откосы, при изменении расстояния между ними изменяется и сила магнитного поля, что сигнализирует об открытии или закрытии двери, окна и т.п. Датчик газа – чувствительный элемент или измерительный преобразователь для определения количественного состава газовой смеси. Они подразделяются на следующие категории: термохимические, инфракрасные, электрохимические, полупроводниковые, фото-ионизационные.

Данные блоки должны работать в единой структуре, в приложении для смартфона. В приложении возможно запрограммировать различные планы сценариев поведения нескольких видов цифровых устройств в аудитории. Технологическое решение системы интернет-вещей представ-

лено на *рис. 8*. Компьютерные серверы для поддержки и передачи информации располагаются на базе образовательного учреждения. В системе проводится расчет покрытия и расположение точек Wi-Fi для передачи информации от роутера до смартфонов по протоколу IEEE 802.11. Взаимодействие управляющего модуля и остальных устройств – по протоколу Bluetooth. При таком подключении устройств разграничиваются две среды передачи информации. Доставка информации между модулем управления и smart-устройствами может осуществляться по каналу связи. Информационные потоки сопровождаются программами антивирусной безопасности.

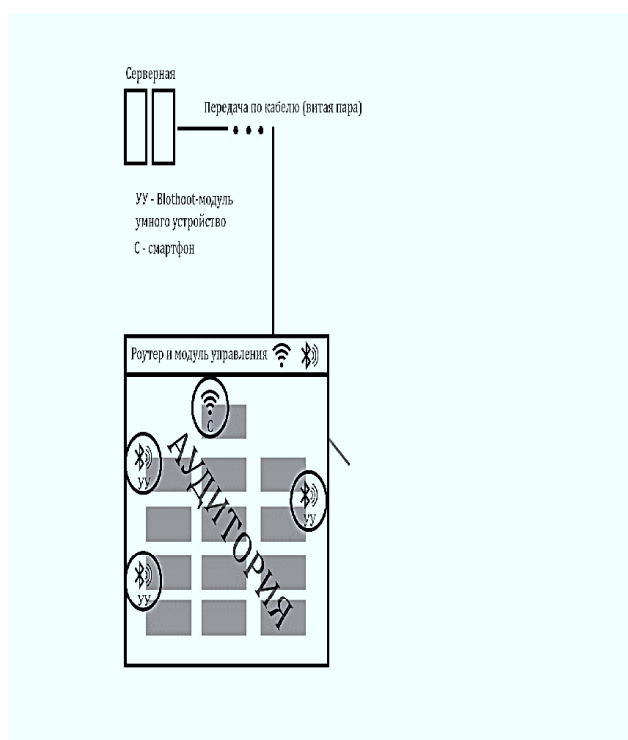

Рис. 8. Схема передачи информации в аудитории

Использование данной системы в наше время актуально и соответствует направлению по автоматизации инфокоммуникационных процессов в образовании. Система помогает сократить расходы, уменьшить время на прямой контакт с устройствами, автоматизировать различные процессы, увеличить безопасность и контроль. Образовательная интерактивная аудитория с видеока-

мерами, микрофонами, электронными досками, планшетами, компьютерами, принтерами, смартфонами, элементами экспериментальной и лабораторной техники, выходом в глобальную сеть Интернет, интеллектуальной системой вентиляции и кондиционирования, светильниками, подстраиваемыми под уличное освещение, создает комфортные условия для учебы.

Мультимедийная система позволяет проводить семинары и лекции на новом технологическом уровне. Проектирование системы **интернет-вещей для интерактивной аудитории**, применение инфографики и smart-технологий на сегодняшний день являются неотъемлемым элементом обеспечения современного образовательного процесса.

Список литературы:

[1] Борисенко И.Г. Виртуальные тенденции в глобальном образовательном пространстве: smart-технологии // *Философия образования*. - 2015. - № 3 (60). - С. 55 - 64.

[2] Кийкова Е.В., Лаврушина Е.Г., Слугина Н.Л. Использование интегрированной образовательной среды в учебном процессе // *Вестник Тихоокеанского гос. экономического ун-та*. - 2009. - № 1 (49). - С. 51 - 57.

[3] Маслов В.М., Смирнова В.М. Роль инфографики в активизации самостоятельной работы студентов // *Современные проблемы науки и образования*. - 2017. - № 2. - С. 208.

[4] Поллак Г.А. Smart-образование: новые вызовы и новые возможности // *Педагогические и информационные технологии в образовании*. - 2015. - № 14.

[5] Семенов О.Ю. Компетентностный подход в проблемном обучении на уроках физики // *Образование. Технология. Сервис*. - 2012. - Т. 1. - № 1 (3). - С. 201 - 205.

[6] Соловьева Т.В. Инфографика в медийном и учебном текстах // *Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого*. - 2010. - № 57. - С. 76 - 79.

[7] Цифровая лаборатория «Архимед». Методические рекомендации для учителя. - М.: ИНТ, 2007. - 80 с.

[8] Семенов О.Ю. Инновация методика применения инфографики в учебном процессе, Современная наука: теоретический и практический взгляд: материалы X Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. / науч. ред. А.Н. Ромеро. - 2018. - С. 33 - 36.

[9] Иванченко Д.А. Управление мобильными технологиями в информационном пространстве современного вуза // *Высшее образование в России*. - 2014. - № 7. - С. 93-100.

[10] Ганиев М.И., Дёмко А.И., Семенов О.Ю., Шафикова А.Ф. Моделирование передачи данных с применением технологии ортогонального частотного мультиплексирования // *Научный потенциал молодежи и технический прогресс: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.* - СПб.: СПбФ НИЦ МС, 2019. - С. 69 - 71.

[11] Гриншкун В.В. Взаимосвязь компьютерной техники, датчиков и исполнительных устройств в рамках реализации основных принципов «умной аудитории» // *Вестник РУДН. Сер. «Информатизация образования»*. - 2016. - № 1. - С. 42-46.

[12] Давлетов Р.Р., Семенов О.Ю. Организация связи передачи данных в SCADA-системе с нижним уровнем в автоматизированной системе управления технологического процесса // *Роль физико-математического и инженерного образования в современном обществе: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Сургут, 7 ноября 2017 г.)*. - Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. - С. 22 - 26.

[13] Усенков Н.О., Семенов О.Ю. Управление электронными устройствами через Bluetooth с помощью смартфона // *Наука 60-й параллели: тезисы докладов XXII Открытой регион. студ. науч. конф. им. Г.И. Назина*. Сургут, 4 апреля 2018 г. - Сургут: ИЦ СурГУ, 2018. - С. 255, 256.

[14] Ali N., Santos I.M., Aarepattamannil S. Pre-Service Teachers' Perception of Quick Response (QR) Code Integration in Classroom Activities. *Turkish Online J. Educ. Technol.-TOJET*. - 2017. - V. 16. - P. 93 - 100.

[15] Anshari M., Almunawar M.N., Shahrill M., etc. Smartphones usage in the classrooms: Learning aid or interference? *Educ. Inf. Technol.* - 2017. - V. 22. - P. 3063-3079.

[16] Li Rita Yi Man, Li Herru Ching Yu, Mak Cho Kei, Tang Tony Beiqi. "Sustainable Smart Home and Home Automation: Big Data Analytics Approach" (PDF) // *International Journal of Smart Home*. - 10 (8). - P. 177-198.

[17] Rogers D.L. "A paradigm shift: Technology Integration for Higher Education in the New Millennium" // *Educational Technology Review*. - 2000. - P. 19 - 33.

Spisok literatury:

[1] Borisenko I.G. Virtual'nye tendencii v global'nom obrazovatel'nom prostranstve: smart-tehnologii // *Filosofiya obrazovaniya*. - 2015. - № 3 (60). - S. 55 - 64.

[2] Kijkova E.V., Lavrushina E.G., Slugina N.L. Ispol'zovanie integrirovannoj obrazovatel'noj sredy v uchebnom processe // *Vestnik Tihookeanskogo gos. ekonomicheskogo un-ta*. - 2009. - № 1 (49). - S. 51 - 57.

[3] Maslov V.M., Smirnova V.M. Rol' infografiki v aktivizacii samostoyatel'noj raboty studentov // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. - 2017. - № 2. - S. 208.

[4] Pollak G.A. Smart-obrazovanie: novye vyzovy i novye vozmozhnosti // *Pedagogicheskie i*

informacionnye tekhnologii v obrazovanii. - 2015. - № 14.

[5] Semenov O.Yu. Kompetentnostnyj podhod v problemnom obuchenii na urokah fiziki // *Obrazovanie. Tekhnologiya. Servis.* - 2012. - T. 1. - № 1 (3). - S. 201 - 205.

[6] Solov'eva T.V. Infografika v medijnom i uchebnom tekstah // *Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo.* - 2010. - № 57. - S. 76 - 79.

[7] Cifrovaya laboratoriya «Arhimed». Metodicheskie rekomendacii dlya uchitelya. - M.: INT, 2007. - 80 s.

[8] Semenov O.Yu. Innovaciya metodika primeneniya infografiki v uchebnom processe, *Sovremennaya nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. nauch. tr. / nauch. red. A.N. Romero.* - 2018. - S. 33 - 36.

[9] Ivanchenko D.A. Upravlenie mobil'nymi tekhnologiyami v informacionnom prostranstve sovremennogo vuza // *Vysshee obrazovanie v Rossii.* - 2014. - № 7. - C. 93-100.

[10] Ganiev M.I., Dyomko A.I., Semenov O.Yu., Shafikova A.F. Modelirovanie peredachi dannyh s primeneniem tekhnologii ortogonal'nogo chastotnogo mul'tipleksirovaniya // *Nauchnyj potencial molodezhi i tekhnicheskij progress: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* - SPb.: SPbF NIC MS, 2019. - S. 69 - 71.

[11] Grinshkun V.V. Vzaimosvyaz' komp'yuternoj tekhniki, datchikov i ispolnitel'nyh ustrojstv v ramkah realizacii osnovnyh principov «umnoj auditorii» //

Vestnik RUDN. Ser. «Informatizaciya obrazovaniya». - 2016. - № 1. - S. 42-46.

[12] Davletov R.R., Semenov O.Yu. Organizaciya svyazi peredachi dannyh v SCADA-sisteme s nizhnim urovnem v avtomatizirovannoj sisteme upravleniya tekhnologicheskogo processa // *Rol' fiziko-matematicheskogo i inzhenernogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. (Surgut, 7 noyabrya 2017 g.).* - Surgut: IC SurGU, 2017. - S. 22 - 26.

[13] Usenkov N.O., Semenov O.Yu. Upravlenie elektronnyimi ustroystvami cherez Bluetooth s pomoshch'yu smartfona // *Nauka 60-j paralleli: tezisy dokladov XXII Otkrytoj region. stud. nauch. konf. im. G.I. Nazina.* Surgut, 4 aprelya 2018 g. - Surgut: IC SurGU, 2018. - S. 255, 256.

[14] Ali N., Santos I.M., Areepattamannil S. Pre-Service Teachers' Perception of Quick Response (QR) Code Integration in Classroom Activities. *Turkish Online J. Educ. Technol.-TOJET.* - 2017. - V. 16. - P. 93 - 100.

[15] Anshari M., Almunawar M.N., Shahrill M., etc. Smartphones usage in the classrooms: Learning aid or interference? *Educ. Inf. Technol.* - 2017. - V. 22. - P. 3063-3079.

[16] Li Rita Yi Man, Li Herru Ching Yu, Mak Cho Kei, Tang Tony Beiqi. "Sustainable Smart Home and Home Automation: Big Data Analytics Approach" (PDF) // *International Journal of Smart Home.* - 10 (8). - P. 177-198.

[17] Rogers D.L. "A paradigm shift: Technology Integration for Higher Education in the New Millennium" // *Educational Technology Review.* - 2000. - P. 19 - 33.

МЕЛЕНТЬЕВ Андрей Валерьевич,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск
e-mail: ANDREI30303@yandex.ru

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА В ВОЕНИЗИРОВАННОМ ВУЗЕ (АЛЬПИНИЗМ)

Аннотация: В статье проведен анализ военно-патриотического воспитания экстремальными видами спорта в военизированном ВУЗе по направлению альпинизм. Методология исследования – анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта. Научная новизна статьи заключается в демонстрации актуальных данных в контексте современного взгляда на патриотическое воспитание.

Ключевые слова: патриотизм, военно-патриотическое воспитание, экстремальные виды спорта, военизированный вуз, гражданская позиция.

MELENTIEV Andrey Valerievich,
teacher of the Department of professional training
East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Irkutsk

MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION BY EXTREME SPORTS IN A PARAMILITARY UNIVERSITY (MOUNTAINEERING)

Annotation. The article analyzes the military-Patriotic education by extreme sports in a paramilitary University in the direction of mountaineering. Research methodology-analysis of scientific literature on a given problem, as well as practical domestic experience. The scientific novelty of the article lies in the demonstration of actual data in the context of the modern view of Patriotic education.

Key words: patriotism, military-Patriotic education, extreme sports, paramilitary University, civic position.

В XXI веке Россия, как и в течение всего времени, вынуждена защищать собственные военные и политические интересы по всему миру. В складываемой обстановке наше государство нуждается в сохранности духовно-нравственных ценностей и создании патриотических качеств граждан [1].

Патриотизм представляет собой очень важный аспект функционирования мыслительной деятельности человека в рамках конкретной страны. Именно благодаря исследованию уровня патриотизма в стране можно сделать вывод о рационально применяемой политике работы с гражданами. Потому воспитание патриотизму должно обязательно проводиться на каждом этапе становления человека: в маленьком возрасте при помощи родителей, в школьном возрасте при помощи образовательных социальных институтов, во взрослом возрасте благодаря ВУЗам и другим учреждениям, которые способствуют формированию патриотического мышления у современной молодежи. Согласимся со справедливым мнением Х.С. Шагбановой о том, что идея патриотизма в российской полиции как одна из ведущих мест в системе национальных приоритетов является фундаментальным направлением не только в духовной жизни полицейских, но и во всех важнейших сферах ее деятельности [6, с. 263].

Первостепенную роль в развитии военно-патриотического воспитания будущих офицеров выполняют военные учебные учреждения. Основы военно-патриотического воспитания офицеров начинают закладываться в момент получения образования в военных ВУЗах, за счет создания и развития патриотических качеств у курсантов. Образовательная среда военного ВУЗа предоставляет огромные возможности для формирования фундамента патриотических ценностей у будущих офицеров.

В существующей действительности очень важно изучить задачи офицеров, можно утверждать, что первостепенной из них является процесс получения теоретической и практической информации о воспитании служащих, а также способствовать дальнейшей их подготовке к азам военной службы.

Теоретическое обоснование технологий военного и патриотического воспитания курсантов военных ВУЗов считается важнейшим ресурсом для увеличения качества данной работы. Также основным компонентом педагогических технологий считаются средства воспитания. Развитие информационных технологий помогает применять в военном и патриотическом воспитании такие инновационные средства, как мультимедийные ресурсы, документальные материалы и видео, аудио информацию [2].

Основной проблемой применения технологий военного и патриотического воспитания считается выбор грамотного способа обучения. Нет способов плохих или хороших, ни один из них не способен быть заранее объявлен неэффективным, все будет зависеть от тех условий, в которых он используется. Чем точнее командир и педагог понимают причины появления определенного способа, чем лучше осведомлены об их специфике, тем результативнее в целом протекает процесс воспитания.

Альпинизм является средством обретения личных качеств, знаний и опыта, нужных офицеру и курсанту для успешных действий в трудных и суровых условиях высокогорья. Военный альпинизм применялся в определенной форме с тех пор, как люди с военными целями начали появляться в горах. История прямо обозначает факты побед и поражений войск в горах в прямой зависимости от того, как подготавливались войска к таким действиям. Значимость альпинизма отчетливо проявляется в момент военных действий, когда боевые действия с равнинных плацдармов перемещались в горы Кавказа, Карпат, Татр, Альп.

В ВУЗе педагоги применяют определенные методы – в военном и патриотическом воспитании используют элемент военного альпинизма.

В учебном учреждении рассматривается работа на созданной искусственной горной полосе препятствий, с несколькими подъемами по вертикальным перилам с жумаром; по переправе, перильным веревкам, навешанных для безопасного прохождения, спусковым и подъёмным веревкам в опорном и безопорном пространстве. Протяженность этапов составляет от 15 до 35 метров. Крутизна стен с рельефом 60-90-120 градусов – стена фанерная с искусственным рельефом высотой 8 метров с боулдеринговыми и скалолазными трассами, оборудованных соответствующими точками страховок.

Спортивный экстрим связывается в основном с физическими и психологическими перегрузками. И для достижения спортивного результата жизненно нужны такие качества, как взаимовыручка, коллективизм, терпимость к чужим недостаткам, уважительное отношение друг к другу.

В приоритетном порядке рассматривается направление моделирования критических ситуаций и роль экстремальных видов спорта (далее – ЭВС) в формировании системы спасения самозащиты и технологий активной безопасности. Прогнозируются экстремальные и критические ситуации и реализуется переоценка роли ЭВС в профилактике экстремальных ситуаций и чрезвычайных положений в работе силовых подразделений специального назначения.

Имеются экспериментально подтвержденные доказательства, что применение средств ЭВС значимо повышает физическую надежность и готовность профессионалов в условиях влияния экстремальных факторов: значимо уменьшает профессиональную и профессионально обусловленную заболеваемость, число травм, отказов в работе по вине человеческого фактора.

Сложно переоценить значимость планирования военной и патриотической работы. Особенное внимание при проведении спортивных соревнований по военным и прикладным видам уделяется Спартакиадам, соревнованиям как итоговой работе за периоды учебы. Успеху на данных соревнованиях в большинстве своем способствует военная и патриотическая работа, помогающая сплотить команду для достижения высоких результатов [3].

Обязательным условием является комплексный и индивидуальный подход к созданию и подготовке команды. Важно проводить ротацию спортсменов с осуществлением обмена опытом участия в соревнованиях старших товарищей. Это больше всего характерно для сборной команды и тут без помощи инструкторов нельзя обходиться.

Работа по военному и патриотическому воспитанию считается важной частью обязательной подготовки курсантов и от ее проведения будет зависеть, каким будущий сотрудник сможет прийти на службу Отечеству в определенной сфере. Педагогическая работа с молодежью может осуществляться при подготовке и проведении спортивных мероприятий.

Военное и патриотическое воспитание характерно специфической направленностью студенческой молодежи на создание у нее готовности к воинской службе, высокой индивидуальной ответственности за исполнение требований воинских уставов, убеждением в важности развития военно-прикладных навыков, физических качеств и умений для успешного исполнения воинского долга.

Разработанная педагогическая технология военного и патриотического воспитания студенческой молодежи вуза при подготовке к воинской службе с применением методики альпинизма, включает 5 этапов начальной, общефизической,

военной и прикладной подготовки, психической готовности к службе, готовности к действиям в экстремальных условиях [5].

На личностном уровне патриотизм будет выступать в виде важной, устойчивой характеристики человека, которая выражается в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения. При учете современных требований к построению учебного и воспитательного процесса, можно выделить такие важные аспекты образовательной системы, как принцип адресного подхода в создании патриотизма, который предполагает применение особенных форм и способов патристической работы при учете возрастной, социальной, профессиональной категории учеников.

Таким образом, в современной России процессу формирования ценностей патристического характера у курсантов военных вузов уделяется достаточное внимание: разрабатываются законы, методические рекомендации, публикуются учебные пособия по организации воспитания, определяющие технологии патристического воспитания, на федеральном уровне организуются мероприятия по развитию у молодого поколения патристических качеств. Для того, чтобы уровень воспитания продолжал расти нужно постоянно контролировать результативность применяемых педагогами способов, форм, средств воспитания, улучшать педагогический опыт командиров, формировать условия для надления курсантов способности самостоятельно воспитываться, а также стимулировать у них развитие внутренних мотивов самосовершенствования.

Патристическое воспитание курсантов является систематической и целенаправленной деятельностью органов государственной власти, определенных социальных и государственных институтов, общественных организаций и объединений по созданию у граждан высокого патристического сознания, чувства верности собственному Отечеству, готовности к исполнению гражданского долга и конституционных обязательств по защите интересов Родины. Это трудная система социальной и педагогической деятельности, которая связывается с передачей жизненного опыта от поколения к поколению, с основательной подготовкой курсантов к созидательному труду на благо Отечества.

Стоит понимать, что в современных реалиях очень важно реализовывать различные подходы к организации воспитания курсантов. Ведь мир не стоит на месте, а модернизируется и совершенствуется, соответственно, должны происходить и качественные изменения в военно-патристическом воспитании курсантов. Так, необходимо разрабатывать ряд комплексных эффективных мер,

который будет базироваться на сочетании психологического, физического и образовательного процессов. Причем, каждый пункт и элемент данного комплекса должен базироваться на перво-степенной задаче – привитие чувства патристизма курсантам. Ведь без данного чувства невозможно представить эффективную службу во благо страны.

Практический опыт в области ЭВС помогает побороть страх у курсантов и подготовить их к вероятным сложным этапам на службе. Также такие неординарные подготовки возрождают гражданственность и патриотизм, духовные, нравственные, социальные ценности, направлены на создание и развитие личности ученика, который имеет важные активные социально значимые качества. Горная подготовка военнослужащих по собственным методикам мало отличается от спортивной. Снаряжение у военных и гражданских альпинистов одно и то же, техника восхождения и действий примерно одинаковые. Иное дело, что на офицеров ложится огромная физическая нагрузка – кроме требуемого снаряжения, запаса провизии и воды каждый несет с собой средства защиты, наблюдения, обнаружения, оружие и боекомплект.

В особенности будущие бойцы спецподразделений в обязательном порядке проходят горнолыжную подготовку и имеют на вооружении особенные лыжи с камусом для подъема в гору. На данный момент все снаряжение поставляемое в спецподразделения стараются заменить на – снаряжение российского производства. Вместе с тем, полноценное обучение альпинизму проходят будущие офицеры, которые по своим морально-волевым качествам и физической подготовленности смогут проходить службу в спецназе. Чтобы получить из курсанта полноценного специалиста-высотника, ему требуется пройти несколько этапов обучения. К примеру, побывать на нескольких альпинистских сборах в горах, совершить учебные и тренировочные восхождения по категорийным маршрутам после окончания ВУЗа, при постановке на должность и т.д. Пройти начальную подготовку и переподготовку в должности оперуполномоченный-высотник в ведомственном военном ВУЗе МВД РФ. В результате получить спортивные разряды по альпинизму и выполнять задачи в соответствии с должностным регламентом.

Для того, чтобы поддерживать необходимую форму, важно заниматься самостоятельной подготовкой и переподготовкой. Для этого в подразделении по годовому плану обучения для стоящих на должности сотрудников уделяется 70 часов. И раз в два года сотрудник отправляется в ВУЗ на повышение квалификации, продолжительность

которой 136 часов, чтобы он был полностью готов к предстоящим специальным операциям с использованием альпинистского снаряжения в боевых или учебных действиях [4].

Список литературы:

[1] Концепция патриотического воспитания граждан РФ // Воспитание школьников. 2015. № 1.

[2] Медведев, А. А. Выступление на заседании Президиума Государственного Совета в Санкт-Петербурге 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://president.kremlin.ru> (дата обращения: 12.07.2019).

[3] О военно-патриотических, молодежных и детских объединениях: постановление правительства РФ // Российская газета. 2016. № 144.

[4] Основная программа профессионального обучения (повышения квалификации) Горная высотная подготовка сотрудников отряда специального назначения «Гром» подразделения по контролю за оборотом наркотиков территориального органа МВД России на региональном уровне для повышения квалификации старших оперуполномоченных боевого (высотника) отделения, оперуполномоченных боевого (высотника) отделения ОСН УНК МВД России. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. – 55 с.

[5] Патриотическое воспитание граждан РФ на 2017-2020 годы: государственная программа // Собрание законодательных актов РФ. 2016. № 29.

[6] Шарбанова Х.С. Из опыта реализации патриотического воспитания полицейских в зарубежных странах // Образование и право. 2018. № 12. – С. 262-267.

СИМОНОВА Ольга Алексеевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
БУ ВО «Сургутский государственный университет»
e-mail: simonova_oa@surgu.ru

ЧМЫХ Инна Евгеньевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
БУ ВО «Сургутский государственный университет»
e-mail: inna_eug@mail.ru

КОККЕЗОВ Динислам Умарович,
магистрант 2 курса направления «Лингвистика»
БУ ВО «Сургутский государственный университет»
e-mail: kokkezo vd@icloud.com

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОМУ ГОВОРЕНИЮ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности обучения иноязычному говорению с применением технологии критического мышления. Представлены этапы и приемы реализации технологии развития критического мышления при обучении говорению на иностранном языке.

Ключевые слова: технология критического мышления, обучение говорению, приемы обучения.

SIMONOVA Olga Alekseevna,
candidate of Pedagogical Sciences,
associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies,
Surgut state University

CHMYKH Inna Evgenievna,
candidate of Pedagogical Sciences,
associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies,
Surgut state University

KOKKEZOV Dinislam,
Second -year Student of Master's Degree Course in Linguistics,
Surgut state University

TEACHING SPEAKING SKILLS WITH THE USE OF CRITICAL THINKING TECNOLOGY

Annotation. The article discusses the features of teaching speaking skills on the basis of critical thinking technology. The stages and types of independent work when teaching English speaking skills to high school students are presented.

Key words: critical thinking technology, teaching speaking skills, teaching techniques.

Основной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, как способности вести межкультурное общение на иностранном языке. Как отмечает Е. Стеганцов,

«в последние два десятилетия Россия стала полноценным игроком на мировом пространстве, что повлекло увеличение международных контактов практически во всех сферах жизни общества. В этой связи понятие «обучение иностранным язы-

кам» обретает качественно иные очертания, трансформируясь из одного из видов учебной деятельности в практическую необходимость. Например, большинство современных работодателей, приглашая на квалифицированную работу новых сотрудников, требуют от них, помимо качественно высокой профессиональной квалификации, качественного владения иностранными языками» [3].

Однако, как показывает практика, при традиционном подходе к изучению иностранного языка у учащихся нет возможности анализировать, сравнивать, оценивать, образовательный процесс сводится к механическому запоминанию и последующему воспроизведению изучаемых структур, или речевых образцов. В частности, для успешной сдачи выпускного экзамена ОГЭ или ЕГЭ обучение иностранному языку сводится к заучиванию тем или речевых клише. Все это обусловило поиск эффективных технологий обучения устно-речевому общению, которые способствуют развитию умений выносить обоснованные суждения, решения и применять их к различным ситуациям и проблемам.

Одной из таких технологий обучения является технология развития критического мышления (далее - ТРКМ), которая представляет собой вид интеллектуальной деятельности человека, которая характеризуется высоким уровнем понимания, восприятия и объективности отношения к окружающему миру.

Технология развития критического мышления была разработана в 80-е годы XX в. американскими исследователями: К. Мередит, Д. Стил, Ч. Темпл, Д. Халперн, С. Уолтер и др. В России данная технология получила распространение позднее, ее развитием занимаются ученые И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек, М.В. Кларин, И.В. Муштавинская и др.

В технологии развития критического мышления обобщены идеи и методы технологий коллективных и групповых способов обучения, а также сотрудничества и развивающего обучения. По сути, она является системой стратегий и методических приемов, предназначенных для использования в различных предметных областях, видах и формах работы.

Использование ТРКМ позволяет формировать универсальные учебные действия: личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные. Технология помогает развивать умения работать с увеличивающимся и постоянно обновляющейся информацией на иностранном языке; умение выражать свои мысли (устно и письменно) ясно и понятно; умение вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений; умение решать про-

блемы; способность самостоятельно заниматься иностранным языком; умение сотрудничать и работать в группе и т.д.

Критичность ума, как отмечал Д. Халперн, - «такое его свойство, когда человек умеет правильно оценивать мысли, свои и чужие, критически относиться к информации, когда он способен анализировать все выдвигаемые положения и выводы, а не принимать их на веру» [4].

Под критическим мышлением в обучающей деятельности «понимают совокупность качеств и умений, обуславливающих высокий уровень исследовательской культуры студента и преподавателя, а также «мышление оценочное, рефлексивное», для которого знание является не конечной, а отправной точкой, аргументированное и логичное мышление, которое базируется на личном опыте и проверенных фактах» [1; с. 45].

В работе Дж. Хьюза и П. Думметта отмечается, что «критическое мышление нужно рассматривать как три "R": 1) Reflectively - как образ мыслей, который включает в себя мышление рефлексивно (любопытно); 2) Rationally - рационально (мышление аналитически) и 3) Reasonably - разумно (приходит к разумным выводам)» [5].

Технология развития критического мышления включает три этапа:

- **стадия «Вызов»** (Evocation). Активизирует полученные ранее знания, помогает в обнаружении недостатка в этих знаниях и определяет цели к получению новой информации;

- **стадия «Осмысление»** (Realization of meaning). На этой стадии происходит осмысленная работа с текстом или видеоматериалом, в ходе которой человек делает маркировку, составляет таблицы и ведет дневник, которые позволяют отслеживать собственное понимание информации;

- **стадия «Рефлексия»** (Reflection). Позволяет вывести знания на уровень их понимания и применения на практике. На этой стадии происходит формирование личного отношения человека к тексту, которое он записывает своими словами либо обсуждает во время дискуссии. Метод обсуждения имеет более важное значение, поскольку в ходе обмена мнениями отрабатываются коммуникативные навыки.

В технологию РКМЧП входят различные методические приемы.

1. Прием *KWL* (знаем - хотим узнать - узнали). При работе с текстом в тетради рисуется таблица, в которой ученик вписывает свои мысли в соответствующие поля и затем анализирует написанное.

2. Прием *Insert* (Вставка) - чтение с маркировкой. При чтении текста ученик ставит на полях заметки, соответствующие его отношению к

информации. В процессе работы используется 4 маркера: 1) «V» – написанное соответствует тому, что ученик уже знал ранее или думал, что знает; 2) «-» – написанное противоречит тому, что ученик уже знает или думал, что знает; 3) «+» – написанное является для ученика новым; 4) «?» – написанная информация не понятна, либо ученик хотел бы получить более подробные сведения по читаемой тематике. Таким образом, так как вся записанная информация заносится в маркировочную таблицу «Insert», этот прием позволяет классифицировать информацию в зависимости от опыта и знаний.

При реализации данной технологии учитель становится связующим звеном между учеником и основой для его постоянного развития и образования. Ученики – партнеры в процессе общения, испытывающие все больше позитивных эмоций и видящие практическое применение своих языковых навыков и умений.

В контексте нашего исследования было установлено, что приемы ТРКМ можно эффективно применять не только для обучения чтению и письму, но также для развития умений говорения.

На первой стадии «Вызова» положительным моментом является важность всех высказываемых идей, среди них нет правильных или неправильных, учащиеся свободны в своих мнениях. Такой обмен информацией способствует актуализации знаний уже на начальном этапе урока, выработке оригинальных идей, появлению интересных предположений. Не секрет, что на уроке учащиеся обычно отвечают на вопросы, подготовленные учителем или авторами УМК. Это традиционный подход, не соответствующий принципам технологии развития критического мышления. Здесь же сами ученики задают вопросы, что, кстати, соответствует одному из заданий при сдаче выпускного экзамена. *Self-direct questions* – это несколько вопросов по изучаемой теме, которые учащиеся самостоятельно записывают на карточках и обмениваются ими с партнером. Оригинальность этого приема в том, что эти вопросы ученики готовят для себя, их собеседники задают эти вопросы им же. Как вариант взаимодействия и активизации познавательной деятельности учащихся эти вопросы становятся *Partner-direct*, и некоторые из них, оставшиеся без ответа, выносятся на групповое обсуждение или становятся стимулом для дальнейшего изучения темы.

На стадии осмысления организуется работа учащихся с целью получения новой информации, сохранения интереса к теме, продвижение от старого к новому. На занятиях активно используются *Ranking tasks*, например, прием *Values ladder*. Учащиеся оценивают предложенные учителем или тематическим текстом утверждения, ключе-

вые слова из которых они располагают на ступеньках воображаемой лестницы по степени важности. Рисуются эта лестница на доске, но иногда и на полу мелом, тогда учащиеся становятся на определенную ступеньку, что способствует положительному настрою на обсуждение проблемы.

Наконец, на стадии рефлексии ученики формируют и высказывают свое личное отношение к проблеме, активно переосмысливают первоначальные собственные представления с учетом новых знаний, отбирают, систематизируют и оценивают полученную информацию, устанавливают причинно-следственные связи.

В качестве итоговой дискуссии по отдельным темам или проблемам практикуется проведение дебатов. Учащихся знакомят с правилами проведения дебатов на родном языке, позже на уроках иностранного языка они обучаются сбору аргументов на английском языке. Умение доказать свою позицию, подкрепив ее фактами, конкретными данными, «разбить» аргумент противника и убедить в правильности своей точки зрения – все это элементы технологии развития критического мышления. «Дебаты позволяют организовать контрольно-оценочную деятельность без тестов и контрольных работ, учащиеся не воспринимают этот этап урока как жесткий срез знаний, а как возможность обобщить полученные знания, актуализировать изученную лексику и высказать свое отношение к проблеме» [2].

Критическое мышление – не отдельный навык, а комплекс многих навыков и умений, которые формируются постепенно, в ходе развития и обучения ребенка. Оно формируется быстрее, если на уроках дети являются не пассивными слушателями, а постоянно активно ищут информацию, соотносят то, что они усвоили с собственным практическим опытом. Обучающиеся подвергают сомнению достоверность и авторитетность информации, проверяют логику доказательств, делают выводы, принимают решения.

Каждому этапу присущи методические приемы и техники, направленные на выполнение задач этапа. В качестве примера рассмотрим прием «Brainstorm» («мозговой штурм»).

Основная цель «мозгового штурма» на уроках английского языка – это развитие творческого типа мышления, от него зависит выбор темы исследовательской деятельности на уроке. На первом этапе «мозгового штурма» идет создание банка идей, возможных решений проблемы урока. Принимаются и фиксируются на доске или плакате любые предложения. Критика и комментирование пока не допускаются. На втором этапе идет коллективное обсуждение идей и предложений. Здесь главное – найти рациональное в любом из предложений, попытаться совместить их в

целое. Третий этап – выбор наиболее перспективных решений с точки зрения имеющихся на данный момент ресурсов. Этот этап может быть даже отсрочен во времени и проведен на следующем уроке. Результатом «мозгового штурма» является правильный выбор направления решения проблемы урока, темы исследовательской работы и т.д.

Прием «Разбивка на кластеры» (Clusters), где кластер («гроздь») – выделение смысловых единиц текста и их графическое оформление в определенном порядке в виде грозди. Кластеры являются ведущими приемами на стадии вызова, рефлексии, они могут стать стратегией урока в целом. Делая какие-то записи, зарисовки для памяти, учащиеся интуитивно распределяют их особым образом, komponуют по категориям. Кластер – графический прием систематизации материала. Прием кластера на уроке прост: в центре – это наша тема урока, а вокруг нее – крупные смысловые единицы. Система кластеров охватывает большее количество информации, чем мы получаем при обычной работе. Этот прием мною реализуется на стадии ответа, на уроке, когда идет систематизация информации, полученной до знакомства с основным источником (текстом) в виде вопросов или заголовков смысловых блоков. Данный прием имеет большой потенциал и на стадии рефлексии: исправление неверных предположений в предварительных кластерах, заполнение их на основе новой информации. Очень важным этапом является презентация новых кластеров. Задачей этой работы является не только систематизация материала, но и установление причинно-следственных связей между «гроздями».

Прием «Тонкие» и «толстые» вопросы (Low Order and High Order questions) может быть использован на любой из трех стадий урока. Если его использовать на стадии опроса, учащимся предлагается сформулировать вопросы к теме в форме вопросов: «тонких» (What? Where? etc.) и «толстых» (What do you think of...?), которые записываются на доске, а далее учащиеся (индивидуально или в группах) попробуют на них ответить, аргументируя свои предположения. В левую колонку таблицы записываются вопросы, требующие простого односложного ответа, а в правой колонке – вопросы, требующие подробного, развернутого ответа; либо вопросы, на которые они сами пока не могут ответить, но хотели бы найти на них ответы. После того, как прозвучат ответы на данные вопросы, учащимся предлагается прочитать или прослушать текст, найти подтверждения своим предположениям и ответы на «тонкие» и «толстые» вопросы. На стадии осмысления содержания прием служит для активной фиксации вопросов по ходу чтения, слушания; при реф-

лексии – для демонстрации понимания пройденного.

Регулярно используя технологию критического мышления, учитель создает в классе доброжелательную атмосферу, атмосферу открытости и сотрудничества; способствует лучшему усвоению трудного материала; побуждает интерес к изучаемому материалу; повышает качество урока.

Использование технологии развития критического мышления в обучении иностранному языку способствует развитию когнитивных, аналитических и перцептивных умений установить проблему в иноязычной информации, определить ее значимость для решения проблемы, а также дать оценку и провести поиск альтернативных решений, высказать свою точку зрения. Вместе с развитием критического мышления формируется новый стиль интеллектуальной работы, который включает в себя осознание многозначности различных точек зрения и альтернативности принимаемых решений, что обеспечивает формирование личностных качеств, необходимых для успешной межкультурной коммуникации, таких как, коммуникабельность, креативность, самостоятельность и ответственность за результаты своей деятельности.

Список литературы:

[1] Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб: Альянс «Дельта», 2003. – 284 с.

[2] Ситникова А.Ю., Симонова О.А. Формирование социальной активности студентов университета средствами иноязычных интерактивных технологий (на примере клуба дебатов «Спикер») // Север России: стратегии и перспективы развития: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф., Сургут, 27 мая 2016 г. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2016. – С. 153–157.

[3] Стеганцов Е. Цели обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://stegantsov.com/pedagogika/celi-obucheniya-inostrannym-yazykam/> (дата обращения: 12.07.2019).

[4] Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб., 2000. – 126 с.

[5] Hughes, J., Dummett, P. Critical Thinking in ELT: A Working Model for the Classroom [Электронный ресурс] // Chapter I. A working model for Critical thinking in ELT. URL: https://eltngl.com/assets/downloads/ctinelt_9780357044728/unit1.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Spisok literatury:

[1] Zagashev I.O., Zair-Bek S.I. Kriticheskoe myshlenie: tekhnologiya razvitiya. – SPb: Al'yans «Del'ta», 2003. – 284 s.

[2] Sitnikova A.Yu., Simonova O.A. Formirovanie social'noj aktivnosti studentov universiteta sredstvami inoyazychnyh interaktivnyh tekhnologij (na primere kluba debatov "Spiker") // Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya: materialy II Vseross. nauch.-prakt. konf., Surgut, 27 maya 2016 g. - Surgut: Izd-vo SurGU, 2016. - S. 153–157.

[3] Stegancov E. Celi obucheniya inostrannym yazykam [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: URL: [https://stegantsov.com/pedagogika/celi-obucheniya-](https://stegantsov.com/pedagogika/celi-obucheniya-inostrannym-yazykam/)

[inostrannym-yazykam/](https://stegantsov.com/pedagogika/celi-obucheniya-inostrannym-yazykam/) (data obrashcheniya: 12.07.2019).

[4] Halpern D. Psihologiya kriticheskogo myshleniya. - SPb., 2000. - 126 s.

[5] Hughes, J., Dummett, P. Critical Thinking in ELT: A Working Model for the Classroom [Elektronnyj resurs] // Chapter I. A working model for Critical thinking in ELT. URL: https://eltngl.com/assets/downloads/ctinelt_9780357044728/unit1.pdf (data obrashcheniya: 12.07.2019).

ИЗВЕКОВА Анастасия Андреевна,
магистр ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: anastasiya_izvekova@mail.ru

Научный руководитель:
КОРОТКОВА Мария Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ ПО ПРАВУ РОССИИ, ФРГ И США

Аннотация. В статье рассматриваются особенности заключения договора международной купли-продажи товаров при выборе подлежащего применению права на примере таких стран, как Российская Федерация, ФРГ и США. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время, несмотря на международные санкции, между этими странами происходит интенсивный товарообмен, т.е. можно говорить о том, что рост внешней торговли в России напрямую зависит от успешного заключения и исполнения таких договоров. Автор проводит исследование по данному вопросу с использованием методов анализа и проведения аналогии для его дальнейшего применения как на теоретическом, так и на практическом уровнях. В статье делается вывод, что в случае возникновения спора суд должен принять во внимание особенности, касающиеся формы заключения договора, обмена офертой и акцептом, а также требований к их содержанию в соответствии с применимым правом.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи товаров, заключение договора, применимое право, форма договора, обязательственный статут, оферта, акцепт, момент заключения договора, существенные условия договора.

IZVEKOVA Anastasiya Andreevna,
master's student at the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Research Advisor:
KOROTKOVA Maria Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor,
associate Professor of Department of legal regulation of economic activity
at the Financial University under the
Government of the Russian Federation

SPECIFIC ASPECTS OF ENTERING INTO A CONTRACT FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS ACCORDING TO THE NATIONAL LAW OF RUSSIA, THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND THE USA

Annotation. In the article peculiar requirements of entering into a contract for the international sale of goods when choosing the law to be applied through the example of such countries as the Russian Federation, Germany and the USA are examined. The relevance of this topic is due to the fact that despite international sanctions imposed, there is an intensive exchange of goods between these countries at the present day, that is, the growth of external trade in the Russian Federation

directly depends on the successful entering into such contracts and their execution. The author conducts research on this issue using the methods of analysis and analogy for its further application at both theoretical and practical levels. The article concludes that in case of a dispute the court should pay special attention to the specific aspects regarding the form of a contract, the process of offer and acceptance, as well as the requirements for their content.

Key words: *contract for the international sale of goods, entry into a contract, applicable law, form of a contract, lex obligationis, offer, acceptance, moment of entering into a contract, essential terms of a contract.*

На сегодняшний день, заключая договор международной купли-продажи товаров, стороны договора стараются предусмотреть все возможные обстоятельства, которые могут возникнуть в ходе его исполнения, неисполнения или ненадлежащего исполнения, а также максимально защитить свои собственные интересы, поэтому при заключении такого договора они включают в него положения о применимом праве. Но стоит отметить, что нормы национального права в отношении данных договорных отношений подлежат применению только в тех случаях, когда они прямо не урегулированы унифицированным международным соглашением – Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. или стороны исключили действие её положений. Так как в настоящий момент до сих пор сохраняется коллизия правовых норм, при наличии спора о действительности или заключённости договора международной купли-продажи товаров, судам следует принимать во внимание особенности правового регулирования в отношении его заключения, если возникают проблемы в регулировании со стороны Конвенции ООН 1980 г.

Выбор сторонами сделки подлежащего применению права не должен противоречить принципу автономии воли (*lex voluntatis*). В российском законодательстве данный принцип закреплён в ч. 1 ст. 1210 ГК РФ.

Е.Е. Веселкова отмечает, что, выбрав подлежащее применению право, стороны договора тем самым «установили собственный обязательственный статут» [7]. В соответствии со ст. 1215 ГК РФ сфера действия обязательственного статута распространяется на такие вопросы, как толкование, исполнение, прекращение договора, определение прав и обязанностей сторон и т.д.

Статья 1209 ГК РФ относительно формы сделки закрепляет общую коллизионную привязку к праву страны, подлежащему применению к самой сделке. Так, если контрагенты выбрали, что применимым к договору правом будет являться право США, то при обращении к Единообразному торговому кодексу США (далее – ЕТК) можно найти следующую правовую позицию, которая была заимствована из английского права: договор международной купли-продажи товаров не обяза-

тельно должен быть заключен в письменной форме. Согласно § 2-201 ЕТК, который посвящен формальным требованиям к договору, по общему правилу договор купли-продажи товаров имеет полную юридическую силу, если:

1) при заключении на сумму свыше 500 долл. он был составлен в письменной форме, хотя допускается, что в отсутствие договора в письменной форме стороны могут подтверждать свою договоренность путем предоставления любого письменного документа с обязательной подписью той стороны, к которой в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств предъявляются соответствующие иски;

2) в тексте договора или иного письменного подтверждения заключения такого договора обязательно указывается количество товара, являющегося предметом сделки.

Исключения из этого общего правила также обозначены в п. 3 §2-201 ЕТК, т.е. согласно праву США, договор международной купли-продажи товаров может считаться заключенным и без соблюдения перечисленных выше условий, если, например, товары были получены и оплачены покупателем или получены и приняты им, т.е. заключение договора путем конклюдентных действий.

Если контрагенты выбрали в качестве применимого права право ФРГ, то при анализе положений Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) можно прийти к выводу, что простая письменная форма в отношении заключения договора международной купли-продажи товаров также не является обязательной. В данном нормативно-правовом акте лишь содержится общее положение о том, что договор заключается в письменной форме в силу прямого указания закона (такое императивное указание в отношении заключения договора купли-продажи товаров отсутствует) и письменная форма может быть заменена на нотариальное удостоверение документа (§ 125, 126 ГГУ).

В деле А54-9783/2017 немецкая компания (истец) обратилась с иском к российской компании (ответчик) о взыскании задолженности, определив, что применяемым правом будет исключительно право ФРГ. Истец утверждал, что суще-

ственные условия договора были согласованы сторонами посредством электронной переписки. Так как «Конвенция ООН 1980 г. не определяет понятие “письменной формы” и её соотношение с иными формами, в том числе электронной, в отношении договора купли-продажи, его изменения или прекращения соглашением сторон либо оферты, акцепта или любого иного выражение намерения сторон», то, сославшись на § 126 ГГУ, суд пришел к выводу, что электронная переписка не отвечает требованиям письменной формы, и принял решение, что между истцом и ответчиком не возникли договорные обязательства [8]. Получается, что тем самым суд фактически признал, что письменная форма заключения договора по праву ФРГ является единственно возможной и обязательной. Таким образом, в правоприменительной практике складывается позиция, основывающаяся на неверном толковании и применении правовых норм судом о действительности или заключённости договора международной купли-продажи товаров по праву ФРГ.

Следует отметить, что до недавнего времени нормы о форме заключения договора международной купли-продажи товаров по российскому законодательству значительно отличались от норм, закрепленных по данному вопросу в ЕТК и ГГУ. Так, до 1 ноября 2013 г. имела силу сверхимперативная норма, содержащаяся в п. 3 ст. 162 ГК РФ и указывающая на то, что несоблюдение простой письменной формы влечет недействительность внешнеэкономической сделки. Поэтому даже если стороны соглашения выбрали для применения зарубежное право, договор международной купли-продажи товаров с российским контрагентом должен был быть обязательно составлен в письменной форме.

На сегодняшний день данный пункт утратил свою силу в соответствии с Федеральным законом от 7.05.2013 № 100-ФЗ, и данное решение одобряется в юридической науке, поскольку, как указывает в своих комментариях В.В. Григорьев, «в настоящее время подобное правило неоправданно ставит стороны внешнеэкономических сделок в неравное положение по сравнению со сторонами обычных сделок» [9].

Таким образом, после проведения сравнительного анализа законодательства России, ФРГ и США в отношении вопроса о форме заключения договора международной купли-продажи товаров можно прийти к выводу, что на сегодняшний день в соответствии с принципом автономии воли сторон заключение такого договора в письменной форме не является обязательным условием для признания его заключенным и контрагенты не могут настаивать на оформлении договорных

отношений в письменной форме в обязательном порядке.

Что касается самого процесса заключения договора международной купли-продажи товаров, то он состоит из двух этапов: направления предложения заключить такой договор (оферта) и принятия предложения (акцепта). Заключая договор международной купли-продажи товаров и при этом, выбирая применимое право, стороны, относящиеся к странам романо-германской или англо-американской правовой семьи, должны знать особенности содержания и применения данных понятий, а также момент, с которого данный договор будет считаться заключенным.

По праву России договор считается заключенным только в тот момент, когда оферент получил акцепт (ст. 433 ГК РФ), т.е. акцептант должен выразить свою волю путем направления встречного согласия.

Согласно праву США, договор считается заключенным и имеющим юридическую силу, если одна из сторон получила направленное другой стороной письменное подтверждение в отношении возникших прав и обязанностей сторон по договору в течение разумного срока и в течение 10 дней после его получения не направила письменного возражения по поводу его содержания (§ 2-201 ЕТК). Таким образом, правом США признается, что молчание, бездействие акцептанта и будет его согласием на заключение такого договора, и получается, что моментом заключения соглашения будет считаться истечение 10-дневного срока после получения оферты.

В праве ФРГ существует двойственный подход к данному вопросу: как и в российском праве, акцепт, квалифицирующийся как волеизъявление, согласно § 130 ГГУ, обретает юридическую силу с момента получения его оферентом, что и будет считаться моментом заключения договора. Однако, согласно § 151, договор может быть признан заключенным и без принятия акцепта, если такое уведомление не обязательно в силу существующих обычаев гражданского оборота (например, в § 362 Торгового кодекса Германии указано, что молчание лица, которому направлена оферта, тоже может быть расценено как акцепт) или оферент сам отказался от обязательного получения акцепта.

В соответствии с российским законодательством оферта должна быть достаточно определенной, т.е. она должна содержать существенные условия договора (ст. 435 ГК РФ). Стороны должны достигнуть соглашения по всем существенным условиям договора, иначе такой договор не будет считаться заключенным (ст. 432 ГК РФ). Понятие «существенные условия договора»

не закреплено в немецком гражданском законодательстве.

В праве США наблюдается противоположный российскому подход к пониманию оферты. Как указывает А.А. Петруша в своей научно-исследовательской работе, «в настоящее время тенденцией развития права США является уклон сторону все большей неопределенности» [9], т.е. для суда большую важность будет иметь определимость оферты при оценке действий сторон и содержания их договоренности. При этом по праву США договор международной купли-продажи товаров все же должен содержать такое условие, как количество товара (§ 2-201 ЕТК), что соотносится с положением п. 3 ст. 455 ГК РФ, а остальные условия остаются открытыми.

Соответственно, при выборе сторонами договора права США на практике может возникнуть ситуация, когда российская компания пытается согласовать, например, цену товаров, считая её существенным условием договора международной купли-продажи товаров, а американская компания не соглашается с её предложением, понимая, что договор всё равно будет считаться заключенным (при условии, что рассмотренные выше положения ЕТК полностью соблюдены).

Согласно российскому гражданскому законодательству, «акцепт должен быть полным и безоговорочным» (ст. 438 ГК РФ), т.е. контрагент должен согласиться со всеми условиями, указанными в оферте, без внесения иных дополнительных условий, иначе в соответствии со ст. 443 ГК РФ акцепт рассматривается как новая оферта, а значит, договор не может считаться заключенным. В ГГУ также презюмируется, что предложение, содержащее дополнения, ограничения или иные изменения, нужно считать новым предложением.

В отличие от права России и ФРГ право США допускает акцепт, содержащий отличные или дополнительные к оферте условия (данное положение прямо отражено в п. 1 § 2-207 ЕТК), при этом договор будет считаться заключенным. Из этого общего правила существует единственное исключение: если содержание акцепта зависит от согласия оферента на включение в него отличных или дополнительных условий, то в этом случае договор не будет заключён. Кроме того, не все выдвигаемые в акцепте условия будут приняты и включены в текст договора международной купли-продажи товаров, а лишь те, что не будут менять содержание оферты существенным образом (п. 2 § 2-207 ЕТК).

Таким образом, если между сторонами возникает спор и суд начинает рассматривать вопрос о действительности или заключённости договора международной купли-продажи товаров,

то ему следует принять во внимание следующие особенности правового регулирования в отношении его заключения в соответствии с правом ФРГ или США в отношении положений, неурегулированных со стороны Конвенции ООН 1980 г. или исключённых из сферы действия данного соглашения.

1. Согласно праву США и ФРГ простая письменная форма в отношении заключения договора международной купли-продажи товаров не является обязательной. В это связи если стороны отказываются от заключения договора в письменной форме, то целесообразно составить иной письменный документ, подтверждающий факт существования договорных отношений сторон, в который обязательно следует включить условие о наименовании и количестве товара, и потребовать подписи той стороны, к которой могут быть предъявлены иски в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств.

2. Право США и ФРГ допускает в качестве акцепта молчание, бездействие акцептанта, и моментом заключения договора будет считаться истечение того срока, когда он мог направить свои возражения.

3. В праве США существует более гибкий подход к процессу заключения договора. Оферта может быть неопределённой и не включать всех существенных условий договора, а акцепт может содержать отличные или дополнительные к оферте условия, при этом договор будет считаться заключённым.

Список литературы:

[1] Uniform Commercial Code [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/12/10/1133682938/UCC.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

[2] Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE014002377> (дата обращения: 15.09.2019).

[3] Германское торговое уложение [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=308> (дата обращения: 20.09.2019).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/#dst0 (дата обращения: 20.09.2019).

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от

29.07.2018, с изм. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/> (дата обращения: 20.09.2019).

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-3/> (дата обращения: 20.09.2019).

[7] Веселкова Е.Е. Коллизионное и материально-правовое регулирование договора международной купли-продажи [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://center-bereg.ru/g80.html> (дата обращения: 12.09.2019).

[8] Решение от 18 февраля 2019 г. по делу № А54-9783/2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.09.2019).

[9] Григорьев В.В. Реализация Концепции развития гражданского законодательства РФ. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (Постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». – 2014.

[10] Петруша А.А. Регулирование договора международной купли-продажи товаров по праву Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 189 с.

Spisok literatury:

[1] Uniform Commercial Code [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/12/10/1133682938/UCC.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

[2] Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE014002377> (дата обращения: 15.09.2019).

[3] Germanskoe torgovoe ulozhenie [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=308> (дата обращения: 20.09.2019).

[4] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 18.07.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/#dst0 (дата обращения: 20.09.2019).

[5] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 29.07.2018, s izm. ot 03.07.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 30.12.2018) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/> (дата обращения: 20.09.2019).

[6] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 N 146-FZ (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.06.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-3/> (дата обращения: 20.09.2019).

[7] Veselkova E.E. Kollizionnoe i material'no-pravovoe regulirovanie dogovora mezhdunarodnoj kupli-prodazhi [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://center-bereg.ru/g80.html> (дата обращения: 12.09.2019).

[8] Reshenie ot 18 fevralya 2019 g. po delu № А54-9783/2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.09.2019).

[9] Grigor'ev V.V. Realizaciya Konceptii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva RF. Kommentarij k razdelu VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa RF (Postatejnyj) // СПС «КонсультантПлюс». – 2014.

[10] Petrusha A.A. Regulirovanie dogovora mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov po pravu Anglii i SShA: dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 2013. – 189 с.

КОРОЛЁВ Сергей Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора международного права
Института государства и права РАН,
заведующий кафедрой государственного права
Государственного университета землеустройства (ГУЗ)
e-mail: sko.05@mail.ru

ЛЯЛИНА Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора международного права
Института государства и права РАН
e-mail: irlyalina@yandex.ru

НЕГАТОРНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ, ТРУДОВОМ И ИНТЕРНЕТ-ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-29-16012
«Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного
законодательства: использование цифровых технологий».

Аннотация. В статье проанализирован институт негаторного предупреждения по аналогии с институтом побудительного предупреждения германской цивилистики. Используя одновременно систематический и сравнительный методы, авторы, во-первых, сопоставили действие указанных институтов в различных отраслях германского правопорядка и, во-вторых, в части трудового права провели сравнительный анализ между Германией и Россией.

Ключевые слова: негаторное предупреждение, побудительное предупреждение, правовая эмоция, деликтное право, трудовое право, интернет-право.

KOROLEV Sergey Viktorovich,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the International Law Sector
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of State Law of the State University of Land Management

LYALINA Irina Sergeevna,
PhD in Law,
Researcher, Sector of International Law,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

THE DETERRENT WARNING IN GERMAN CIVIL, LABOUR AND INTERNET LAW

Annotation. The authors have focused their attention upon the deterrent warning of German Civil Law, which is counterpart of the German inducement warning. Using both systemic and comparative methods, the authors pursued the functioning of the deterrent warning in various branches of German law. Moreover, as far as Labour Law is concerned, the authors made a brief comparative study of the German and Russian Labour Law.

Key words: deterrent warning, inducement warning, legal emotion, law of torts, Labour Law, Internet Law.

Негаторное, или запретительное предупреждение (Abmahnung) – это требование кредитора к должнику «изме-

нить нежелательное поведение» [1, с. 3]. Терминологически негаторное предупреждение встает рядом с классическим побудительным предупре-

ждением (Mahnung, далее – ПП). Ведь негативное предупреждение представляет собой юридически значимое побуждение в адрес должника прекратить вредоносное для кредитора поведение в смысле § 286 Абз. 1 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ).

ПП со стороны кредитора, а также назначение срока (Fristsetzung) должнику для исполнения договорного обязательства занимают особое место в догматике [2] немецкого гражданского права: «Догматика разработала дополнительную категорию между реальными актами и правовыми сделками, а именно сделкоподобное действие (geschäftsähnliche Handlung). С реальными актами сделкоподобное действие объединяет то, что закон устанавливает правовое последствие независимо от того, направлена ли воля действующего лица на реализацию данного правового последствия или нет. С правовыми сделками сделкоподобные действия объединяет наличие заявления, т.е. волевого акта. Чаще всего воля действующего субъекта не составляет содержание заявления, а является для него лишь мотивом. Важнейшие сферы применения этой категории – побудительное предупреждение (§ 286 Абз. 1) и назначение срока исполнения (§ 281 Абз. 1 и § 323 Абз. 1)» [3, с. 41].

В случае классического ПП от должника требуется незамедлительно – в виде исключения с указанием разумного срока – приступить к (позитивному) предоставлению (Leistung) взятых на себя обязательств. ПП выполняет, как минимум, две функции. Во-первых, оно информирует должника о необходимости приступить к исполнению своих обязательств, лишая его возможности ссылаться на забывчивость, чрезмерную занятость и т.п.

Во-вторых, ПП порождает правовые последствия, а именно - инициирует отсчёт просрочки (Verzug). До момента выставления кредитором ПП несоблюдение должником сроков предоставления своих обязательств не имеет юридической значимости. Однако после реализации кредитором акта ПП на должника распространяются неблагоприятные последствия просрочки, прежде всего, необходимость возмещения вреда, причиненного кредитору в результате непредоставления актов, предусмотренных договорными обязательствами должника. ПП в адрес должника переводит его - до того юридически нейтральное - непредоставление (Nichtleistung) в публичную плоскость, а именно: обозначает непредоставление вовне как нарушение должником его договорных обязательств [4, с. 89]. Иными словами, ПП является сигналом должнику, что отныне кредитор готов защищать свои интересы в судебном порядке.

ПП представляет особый интерес с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого. В терминах его теории следует иметь в виду, что «[о]быкновенно наслаждения вызывают по своему адресу притягательные, аппульсивные, аттрактивные эмоции, страдания—отталкивающие, репульсивные эмоции» [5, с. 14]. В перспективе социальной психологии права Л.И. Петражицкого указанные эмоции неизбежно удваиваются: эмоции ассоциируются не только с тем, что нам приятно или неприятно получать или делать, но и с теми людьми, т.е. субъектами права, поведения или запреты которых инициируют наши первичные аппульсивные или же, напротив, репульсивные эмоции. Соответственно, должник не питает к кредитору положительных эмоций даже в тех случаях, когда «вина» кредитора заключается лишь в том, что он стал кредитором ненадлежащего, или даже недостойного должника.

С другой стороны, и сам автор предписания, т.е. инициатор ПП, также никогда не является эмоционально нейтральным. Лицо, предоставляющее нам желаемые нами акты или вещи, вызывает приятные эмоции с нашей стороны. То же самое – но уже в контексте негативных эмоций – верно в отношении субъекта непредоставления актов или вещей, если мы имеем законные основания ожидать такого предоставления именно от данного субъекта. В терминах Петражицкого указанный кредитор, т.е. инициатор ПП, является носителем репульсивно-атрибутивной эмоции, поскольку он даёт знать должнику о своей отрицательной оценке поведения последнего. Кредитор как бы «приклеивает» свою репульсию к репутации должника и сообщает об этом публично посредством ПП.

Что касается должника, то в принципе здесь возможны две противоположные психические реакции. Если адресат побудительного предупреждения является носителем развитого правосознания и, соответственно, человеком чести и внутреннего достоинства, то в первую очередь он будет руководствоваться голосом совести и чувством вины. Такой должник постарается незамедлительно выполнить требования кредитора вовсе не потому, что он боится наступления неблагоприятных правовых последствий, а потому, что он дорожит своей честью и репутацией.

Однако гораздо чаще адресат побудительного предупреждения реагирует иначе (см. выше) и психологически его также можно понять (но не оправдать). На дорассудочном уровне наша психика ничем не отличается от психики других высших животных, для которых действует правило: любая репульсия неизбежно порождает контррепульсию. В нашем примере репульсивная эмоция

кредитора нередко порождает контррепульсивную эмоцию со стороны должника в адрес кредитора.

Договорные отношения предполагают некоторую степень взаимного доверия, поэтому, прибегая к ПП, недовольный или обиженный контрагент фактически даёт знать другой стороне, что она исчерпала лимит его доверия. ПП всегда сигнализирует возможность иска со стороны инициатора ПП и вероятное появление судьи как третьего незаинтересованного лица. Таким образом, реализация ПП ex facto прекращает режим доверительности, характерный для договорных отношений. Соответственно, разумный кредитор, даже если он недоволен поведением другой стороны, обычно не спешит воспользоваться ПП. Он старается обойтись без обнародования своей репульсивно-атрибутивной эмоции в адрес должника. Разумный кредитор старается по возможности исцелить действующий договор без ПП, влекущего за собой обращение в суд, например, посредством института медиации [6].

Негаторное предупреждение (Abmahnung, далее - НП) есть инструмент не только договорного, но также деликтного, трудового и предпринимательского права Германии. Поскольку предпринимательское право Германии во многом интегрировано с немецким же интернет-правом, то возникает необходимость учитывать применение НП в интернет-пространстве. НП по определению не требует от своего адресата определенного позитивного предоставления (Leistung). Оно требует от адресата незамедлительного прекращения посягательств на законные права кредитора.

НП как институт деликтного интернет-права Германии не предполагает какой-либо доверительности между участниками социальной интеракции (в виде электронного письма или всплывающих окон с предложением персонализации будущего контрагента электронного договора и т.п.). Как раз наоборот, НП как инструмент деликтного права презюмирует принципиальную отчужденность между инициатором и адресатом НП. Основная цель НП в деликтном интернет-праве заключается в защите личной сферы, а точнее, в ограждении негативной свободы физических и юридических лиц.

Хотя институт НП ещё не кодифицирован и, соответственно, отсутствует его легальная дефиниция, в литературе уже сформировалось доктринальное понимание того, что он собой представляет: «Под негаторным предупреждением понимают побуждение (адресованное. – С.К.) должнику (правонарушителю, участнику, посягателю) воздержаться на будущее от уже совершенного или грозящего правонарушения, сопровождаемое

угрозой судебных шагов в случае отклонения (этого побуждения. – С.К.)» [7, s. 40].

В рамках интернет-права речь может идти, например, об использовании правонарушителем на своём сайте в виде фирменного знака символику, трудно отличимую от фирменного обозначения другой компании. Для последней при этом открыты два пути: либо сразу обращаться в суд, либо применить негаторное предупреждение. «В конкурентном праве исходят из того, что примерно 90% всех случаев разрешаются этим (вторым. – С.К.) путём» [8].

НП является односторонним волеизъявлением заинтересованного лица и порождает следующие правовые последствия: между инициатором и адресатом НП тут же возникает особое правоотношение, в рамках которого правонарушитель по сложившейся судебной практике обязан отреагировать на полученное НП. Кроме того, в случае несоблюдения правонарушителем приемлемого срока, предоставленного для ответа, инициатор НП получает право требовать возмещения вреда, возникшего в результате такой задержка на основании § 280 I, 286 I ГГУ [7, s. 41].

Следует особо отметить, что на основании § 780, 781 ГГУ правонарушитель обязан предоставить потерпевшей стороне письменный ответ, который выполняет три функции. Во-первых, он служит доказательством того, что правонарушитель признаёт содеянное правонарушение в качестве *le fait accompli*¹. Во-вторых, заявление о воздержании от рецидива иницирует новое - для правонарушителя самостоятельное - договорное обязательство в адрес инициатора НП. В-третьих, в рамках этого договорного обязательства заявитель, как правило, берёт на себя обязательство уплатить договорный штраф в случае несоблюдения своего заявления.

Вторая функция заявления о недопущении рецидива одновременно порождает и защищает права заявителя и соответствующие обязанности инициатора НП. В частности, инициатор НП после получения указанного заявления уже не может передать спор на рассмотрение в суд, а если дело уже находится в суде, то инициатор НП обязан его отозвать [9, s. 400 - 402]. Данное обстоятельство наглядно демонстрирует специфику НП как инструмента досудебного разрешения споров.

Институт НП, как сказано выше, применяется не только в деликтном, но и в трудовом праве Германии. Поскольку трудовые отношения возникают, изменяются и прекращаются на основе трудового договора, то они в некоторой степени предполагают доверительность между работодателем и наёмным работником. Указанная доверительность позволяет работодателю применять

¹ С фр. яз. - «свершившийся факт».

институт возмещения вреда в отношении провинившегося работника гораздо жестче, чем это допустимо в деликтном праве между внешними (одноразовыми) участниками деликтного правоотношения [10].

С другой стороны, в отличие от деликтного (конкурентного) права, в рамках которого подавляющее количество споров разрешается посредством НП, специфика трудового права требует дифференцированного подхода к применению этого инструмента и тщательного учёта всех деталей конкретной ситуации. Например, если работник в рабочее время «гулит» в Интернете и был застигнут начальником, то с точки зрения неофициального (конвенционного) трудового права применять к нему инструмент НП внезапно и сразу нельзя. В договорном праве вообще, а в трудовом праве, в особенности, виновная сторона должна сначала получить шанс на исправление.

Для сравнения: в трудовом праве России уже давно была разработана шкала ступенчатого ужесточения реакции работодателя на нерадивое поведение сотрудников. Разумный работодатель обычно начинает с того, что указывает наёмному работнику на допущенные им нарушения трудовых обязанностей. Такое указание одновременно информирует наёмного работника о той сфере трудовых обязанностей, о которой он, быть может, ещё не знает, и косвенно предупреждает его о том, что ему следует изменить свое поведение. Если неразумный работник не воспринимает указание начальника как информацию к размышлению, то недовольство работодателя формализуется: сначала в виде формального (официального) замечания, затем в виде формального выговора и, наконец, в виде увольнения сотрудника по инициативе работодателя. Другой ныне распространенный способ контроля работодателя над работником – это срочный трудовой договор, который позволяет работодателю фактически без объяснения истинных причин расстаться с любым наёмным работником [11].

В трудовом праве Германии наёмный работник имеет лишь один шанс для неформального исправления: получив указание от начальника не только информативного, но и предупредительного характера, он тут же должен исправиться. В противном случае ему грозит негативная санкция в виде (формализованного) НП. Последнее не содержит для адресата информативной компоненты, т.е. нового знания, кроме инвективы, что его поведение порицается начальством и что следующей санкцией будет увольнение. Повторный «серфинг» наёмного работника в Интернете в рабочее время вполне может стать основанием для НП [12, s. 119], которое является предпосылкой последующего увольнения в случае рецидива.

Следует иметь в виду, что НП в немецком трудовом праве может применяться только в т.н. предоставительной (производительной) сфере. Объектом негативного предупреждения могут стать лишь низкая производительность труда, низкое качество выпускаемой продукции, серьезные и систематические нарушения трудовой дисциплины, халатность и небрежность на рабочем месте.

Что касается доверительной сферы взаимоотношений на рабочем месте, то при посягательстве работника на эту сферу предварительное – перед увольнением – применение НП не требуется. Соответственно, такие тяжкие проступки работника, как намеренная порча оборудования, кража, агрессивное поведение по отношению к коллегам и начальству есть достаточное основание для немедленного расторжения трудового договора по инициативе работодателя.

До сих пор мы рассматривали институт НП в позитивном ключе, однако немецкий законодатель не случайно не торопится кодифицировать этот институт, поскольку он открыт для злоупотреблений со стороны не только предпринимателей, но и адвокатского сообщества. С некоторых пор инструмент НП некоторыми участниками рыночных отношений стал рассматриваться как новый источник непроизводительного дохода. Речь, прежде всего, идёт о завышенных притязаниях инициатора НП в части нередко субъективной оценки причиненного вреда со стороны адресата НП, когда наблюдается явная диспропорция между действительными издержками и потерями инициатора НП и величиной компенсационных выплат, требуемых от адресата НП в качестве условия досудебного разрешения спора.

«Во всяком случае, судебная практика всё больше склоняется к непризнанию наличия (у адресата НП. – С.К.) обязанности возмещать издержки (инициатору НП. – С.К.). Так, не будет признано притязание ангажированного адвоката на возмещение издержек, если он допустил злоупотребления в смысле § 12 Abs. 1 Закона против недобросовестной конкуренции. Это тот случай, когда НП лишь преследует цель спровоцировать у адресата по возможности высокие издержки (на компенсационные выплаты. – С.К.)» [13, s. 294].

Подобный сценарий фактически превращает НП из средства правовой защиты в средство злонамеренной борьбы против конкурентов, но под формальной вывеской «законной меры воздействия». В литературе подобные сценарии получили название «правовое преследование должника в чужих интересах» (*fremdbestimmte Rechtsverfolgung*) [14, s. 43]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда самозанятые адвокаты берут заказ от некоей компании отсле-

живать в Интернете всё, что можно квалифицировать как нарушение права интеллектуальной собственности этой компании, как акт недобросовестной конкуренции или как посягательство на деловую репутацию корпоративного заказчика и т.п.

«Другими типовыми случаями (Fallgruppen) являются сдерживание конкуренции (Wettbewerbsbehinderung) и (дискриминирующий) селективный выбор должников» [14, с. 43]. Сценарий под названием «сдерживание конкуренции» преследует ту же цель, что и рассмотренная выше констелляция «правовое преследование должника в чужих интересах», только в первом случае нет внешнего (чуждого) управления, вся антиконкурентная политика осуществляется собственными силами агрессивной компании.

Сценарий под названием «(дискриминирующий) селективный выбор должников» работает следующим образом: среди компаний, замеченных в нарушении права интеллектуальной собственности или в недобросовестной конкуренции, или в посягательстве на деловую репутацию корпоративного инициатора НП, выбираются лишь самые успешные и/или самые конкурентоспособные. На аналогичные нарушения всех других компаний инициатор НП закрывает глаза, поскольку они ему не интересны в финансовом отношении. Как видим, между рассмотренными сценариями злонамеренного применения НП нет непреодолимой грани: как правило, целью злоупотребления является финансовая выгода, не связанная с реальным производством товаров и действительным предоставлением услуг.

Выводы: Институт НП без каких-либо проблем можно интегрировать в российское предпринимательское право. Он может найти применение, прежде всего, в сфере электронного мониторинга за соблюдением права интеллектуальной собственности, свободы конкуренции и прочих прав предпринимателей. Однако письменный ответ правонарушителя не должен содержать согласие на выплату штрафа при рецидиве в пользу инициатора НП. Прежде всего, нецелесообразно предоставлять инициатору НП свободу усмотрения в части одностороннего установления величины компенсационных выплат как условие досудебного прекращения его притязаний к правонарушителю.

На наш взгляд, зафиксированное (например, в Интернете) инициатором НП нарушение его исключительного права на фирменный или товарный знак и проч. должно повлечь за собой финансовое правопритязание инициатора НП к правонарушителю, скажем, в размере 2% от его объёма производства или оборота товаров и услуг. Однако, в отличие от немецкой практики, целесообразно, на наш взгляд, чтобы инициатор

НП оставлял у себя лишь половину полученной компенсации. Вторую половину следовало бы направлять в сферу поддержки малого и среднего бизнеса.

Список литературы:

- [1] Köbler G. Juristisches Wörterbuch. 10te Aufl. - München: Verlag Franz Wahlen. - 2001. - S. 3.
- [2] Schuhr J.C. Rechtsdogmatik als Wissenschaft: Rechtliche Theorien und Modelle. - Berlin: Duncker und Humblot, 2006.
- [3] Staudingers J. von. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Eckpfeiler des Zivilrechts. - Berlin: Selier, de Gruyter, 2005. - S. 41.
- [4] Schur W. Leistung und Sorgfalt. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. - S. 89.
- [5] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. - СПб.: Екатеринбургское Печатное Дело, 1909. - Т. 1. - С. 14.
- [6] Hennig J. Mediation als rationaler Diskurs: Überpositive Legitimation der Mediation und Vergleich zum Gerichtsprozess als Maßstab der Alexischen Diskurstheorie. - Berlin: Duncker und Humblot, 2014.
- [7] Hartmann A. Unterlassungsansprüche im Internet. - München: Verlag C.H. Beck, 2009.
- [8] Beater A. Unlauterer Wettbewerb. - München: Verlag C.H. Beck, 2002. - § 30, Rn. 154.
- [9] Bernreuther F. Zusammentreffen von Unterlassungserklärung und Antrag auf Erlass einer einstweiligen Verfügung // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. - 2001. - S. 400-402.
- [10] Zollner J., Felten E., Neumayr M. Schadensersatz und Arbeitsvertrag. - Wien: ÖGB GmbH, 2011.
- [11] Reinhardt A. Befristete Arbeitsverträge nach russischem und deutschem Recht. - Lohmar: Josef Eul Verlag, 2009.
- [12] Speichert H. Praxis des IT-Rechts. 2te Aufl. - Wiesbaden: Vieweg Verlag, 2007. - S. 119.
- [13] Hoeren Th. Internetrecht. - Münster: WWU, 2011. - S. 294.
- [14] Hartmann A. Unterlassungsansprüche im Internet. - München: Verlag C.H. Beck, 2009. - S. 43.

Spisok literatury:

- [1] Köbler G. Juristisches Wörterbuch. 10te Aufl. - München: Verlag Franz Wahlen. - 2001. - S. 3.
- [2] Schuhr J.C. Rechtsdogmatik als Wissenschaft: Rechtliche Theorien und Modelle. - Berlin: Duncker und Humblot, 2006.
- [3] Staudingers J. von. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und

Nebengesetzen. Eckpfeiler des Zivilrechts. - Berlin: Selier, de Gruyter, 2005. - S. 41.

[4] Schur W. Leistung und Sorgfalt. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. - S. 89.

[5] Petrazhickij L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej нравstvennosti. 2-e izd. - SPb.: Ekateringofskoe Pechatnoe Delo, 1909. - T. 1. - S. 14.

[6] Hennig J. Mediation als rationaler Diskurs: Überpositive Legitimation der Mediation und Vergleich zum Gerichtsprozess als Maßstab der Alexischen Diskurstheorie. - Berlin: Duncker und Humblot, 2014.

[7] Hartmann A. Unterlassungsansprüche im Internet. - München: Verlag C.H. Beck, 2009.

[8] Beater A. Unlauterer Wettbewerb. - München: Verlag C.H. Beck, 2002. - § 30, Rn. 154.

[9] Bernreuther F. Zusammentreffen von Unterlassungserklärung und Antrag auf Erlass einer einstweiligen Verfügung // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. - 2001. - S. 400-402.

[10] Zollner J., Felten E., Neumayr M. Schadensersatz und Arbeitsvertrag. - Wien: ÖGB GmbH, 2011.

[11] Reinhardt A. Befristete Arbeitsverträge nach russischem und deutschem Recht. - Lohmar: Josef Eul Verlag, 2009.

[12] Speichert H. Praxis des IT-Rechts. 2te Aufl. - Wiesbaden: Vieweg Verlag, 2007. - S. 119.

[13] Hoeren Th. Internetrecht. - Münster: WWU, 2011. - S. 294.

[14] Hartmann A. Unterlassungsansprüche im Internet. - München: Verlag C.H. Beck, 2009. - S. 43.

ФАРНИЕВА Марианна Герсановна,
кандидат педагогических наук,
декан факультета педагогики и психологии,
доцент кафедры педагогики и психологии
НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт»
e-mail: marianna7007@mail.ru

ОБОРотова Светлана Алексеевна,
заведующая сектором учебно-методической работы
управления подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации
Института стратегии развития образования РАО
e-mail: oborotova73@mail.ru

ИГНАТОВА Ольга Валентиновна,
начальник отдела социальной работы Управления воспитательной
работы и молодежной политики Московского
педагогического государственного университета (МПГУ)
e-mail: ov.ignatova@mpgu.su

ЧЕРНОУСОВА Наталия Васильевна,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права Московского
педагогического государственного университета (МПГУ)
e-mail: leva100789@gmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПРИЗРЕНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье раскрываются аспекты, связанные с социальной защитой человека в Российской Империи в конце XIX в. При этом, отмечается, что как в дореволюционный период, так и в настоящее время не существует системы социальной защиты граждан, объединяющей в себе все ресурсы: государственные, общественные и частные. Нет административного органа, аккумулирующего в себе все возможности оказания социальной помощи на разных уровнях: государственных средств защиты и благотворительных общественных организаций и частных благотворителей, оперативно реагирующих на потребности населения в масштабах страны.

Ключевые слова: общественное призрение, благотворительность, незащищенные слои населения, социальная защита, социальное законодательство, органы власти, работные дома, исправительные дома, Россия.

FARNIEVA Marianna Gersanovna,
candidate of Pedagogical Sciences,
Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology
of the Moscow Social-Pedagogical Institute,
associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

OBOROTOVA Svetlana Alekseevna,
Head of the educational-methodical work sector
Department for the Training of Scientific and Pedagogical Personnel
of Higher Qualification of the Institute for Education Development Strategy
of the Russian Academy of Education

IGNATOVA Olga Valentinovna,
Head of the Department of social work,
of the management of educational
work and youth policy
of Moscow state Pedagogical University

CHERNOUSOVA Natalia Vasilievna,
Senior Lecturer, Department of theory
and the history of state and law
of Moscow state Pedagogical University

BACKGROUND OF REFORMING RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF CHARITY AND APPEARANCE AT THE END OF THE XIX CENTURY

Annotation. *The article reveals aspects related to the social protection of man in the Russian Empire at the end of the 19th century. At the same time, it is noted that both in the pre-revolutionary period, and at present, there is no system of social protection of citizens combining all resources: state, public and private. There is no administrative body accumulating in itself all the possibilities of providing social assistance at all levels: state remedies and charitable public organizations, and private philanthropists who are promptly responding to the needs of the population throughout the country.*

Key words: *public charity, charity, unprotected segments of the population, social protection, social legislation, authorities, work houses, correctional houses, Russia.*

Дело общественного призрения в России до 1892 г. не имело системного характера и складывалось в соответствии с социокультурными представлениями общества об оказании помощи в ней нуждающимся незащищенным слоям населения. Не существовало ни одного органа, в обязанности которого входило бы объединение всех сил общества в целом, и не было ни одного ведомства системно, повсеместно и всесторонне заботящегося об организации деятельности социальной помощи гражданам в провинции. Отсутствие постоянно действующих правительственных благотворительных органов особенно ярко выразилось в неурожайные голодные 1891 - 1892 гг.

К концу XIX в. на территории Российской Империи действовало более 19 000 благотворительных заведений, правовая деятельность которых регулировалась уставом, изданным еще в 1857 г. [1, с. 5; 2, с. 3, 4]. Воспользовалось же помощью благотворительных заведений более 2.5 млн человек [3, с. 34 - 52, 66].

Для Российского государства с его необъятными территориями этого количества благотворительных заведений было недостаточно, а правовая база существенно устарела. К этому периоду времени возникают новые правоотношения в сфере экономики, порожденные ускоренной модернизацией производственных сил в государстве, следствием которой становится обострение социальных противоречий в обществе.

Накануне создания правительственной комиссии, озаботившись назревающими вопросами, неразрешимыми без реформирования дела призрения бедных, директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел поручил в феврале 1889 г. действительному статскому советнику, барону О.О. Буксгевдену посетить некоторые губернии для сбора сведений о частной благотворительности. По результатам инспекции были представлены проект и записка в виде брошюры «О настоятельной необходимости учредить у нас особые органы общественного призрения» [4].

По проекту О.О. Буксгевдена в России надлежало учредить для заведывания делом призрения:

а) волостные попечительства при волостных правлениях для призрения нуждающихся крестьян и других лиц, проживающих в волости;

б) уездные попечительства при уездных земских управах для контроля, руководства и единообразного согласованного направления деятельности волостных попечеств;

в) городские попечительства при городских управах для призрения нуждающихся горожан;

г) губернские попечительства для правильной организации призрения в губернии.

Раскрывая указанные выше положения, Буксгевден предлагал:

1) к обязанностям волостных попечеств (состав, которых должен быть образован из трех

или более попечителей по призрению, избираемых волостным сходом из состоятельных и добропорядочных крестьян, местного священника и земского врача) отнести:

- составление ежегодных списков бедных и больных членов общества, нуждающихся в помощи, причем, определять таковое положение в соответствии с обстоятельствами мерами помощи для каждого неимущего. Подготовленный список должен подлежать предварительному рассмотрению и утверждению волостного схода, после чего на каждое изменение или дополнение указанного в списке оклада должно быть вновь согласовано разрешение волостного схода. Наблюдение за исполнением этого закона возлагалось на уездные попечительства по призрению, которые истребуют указанные списки из всех волостных попечительств;

- изыскание средств на устройство в волости крестьянской богадельни с отделением для сирот;

2) возложить на уездные попечительства (состав, которых формируется из членов Управы и трех гласных, избираемых уездным земским собранием, с представлением права попечительству самому пополнять свой состав лицами, компетентными в деле призрения) следующие обязанности:

- наблюдать за правильным ведением в волостных попечительствах списков лиц, нуждающихся в призрении, определять, на основании собранных данных, общее число нуждающихся и существующие способы призрения в данном уезде;

- представлять годовые отчеты в Министерство внутренних дел о положении общественного призрения в уезде и деятельности уездного попечительства;

- ходатайствовать перед уездным земским собранием о назначении необходимых средств для функционирования призрения и проявлять собственную инициативу в составлении необходимого фонда;

- заботиться об устройстве домов трудолюбия в уездных городах и домов призрения в волостях, в противном случае неупорядоченность призрения может привести к тому, что нищенство как социальное явление, будет угрожать не только общественной безопасности, но и устоям российской государственности [5, с. 9];

3) городские попечительства под председательством городского головы или его заместителя (с правом приглашать в качестве членов и других лиц, известных своей благотворительной деятельностью) в соответствии с проектом Буксгевдена обязывались:

- осуществлять деятельность по надлежащему обеспечению организации призрения на

вверенной территориальной единице и контролировать число нуждающихся в призрении, представлять отчеты Государственной думе через губернское попечительство, в Министерство внутренних дел;

- ходатайствовать перед городской Думой и сословными обществами о назначении средств для призрения и привлекать из всех слоев общества лиц, готовых безвозмездно трудиться для облегчения участи бедных;

4) возложить общий контроль за деятельностью уездных и городских попечительств и собраний на губернские попечительства, образуемые под председательством начальника губернии в составе: местного архиерея, губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы и двух губернских гласных, городского головы губернского города и двух городских гласных. Основанием для исполнения данных требований являлась утвержденная программа Министерства внутренних дел о предоставлении статистических данных по положению призрения в губерниях, включающая ежегодный отчет по призрению [6, с. 63, 64].

На представленный проект О.О. Буксгевдена о модернизации дела призрения в Российском государстве по поручению министра внутренних дел был составлен циркуляр, который обязывал начальников губерний предоставить свои соображения на предмет: 1) необходимости принятия мер, указанных в записке; 2) реальной потребности в создании представленных учреждений в соответствии с особыми местными условиями; 3) целесообразности преобразований уже существующих учреждений.

Полученные во исполнение указанного выше циркуляра отзывы губернаторов дают возможность провести анализ по нескольким направлениям одновременно: 1) исследовать механизм взаимодействия центра и территориальных единиц; 2) выявить количественные и качественные показатели в потребности оказания помощи различным категориям граждан; 3) уяснить мнения начальников губерний по вопросу о необходимых преобразованиях в местных организациях общественного призрения.

Далее приводим отзывы нескольких губернаторов на циркуляр министра внутренних дел.

Отзыв тамбовского губернатора был получен безмотивировочный о том, что учреждение особых органов общественного призрения признается целесообразным и удобоисполнимым.

Отзыв костромского губернатора. Существующие в силу действующих законов местные и центральные учреждения соответствуют своему назначению полностью и не нуждаются в создании дополнительных органов. Устав об обще-

ственном призрении с полной определенностью указывает все способы призрения лиц, имеющих право на обязательную помощь, что не требует дополнений. Образование особых попечительств при волостных правлениях считаю совершенно излишними учреждениями, так как сельское и волостное общество хорошо знают своих членов, действительно нуждающихся в призрении, и не требуют содействия особого попечительства для обнаружения бедных. Проектируемому же попечительству не удастся безошибочно определить лиц, действительно нуждающихся, так как в состав его входят лица, район деятельности которых составляет несколько волостей. Земства и города при обнаружении потребности учреждения особых попечительств могут самостоятельно это осуществить, по примеру Псковского уездного земства, не прибегая к изданию дополнительных нормативно-правовых актов.

По вопросу же устройства в волостях специальных работных домов для крестьян, костромской губернатор высказал свою точку зрения, в соответствии с которой натуре крестьянина не подходит указанный вид призрения в силу восприятия им дома призрения тюремным заключением. Работные дома представляли собой учреждения закрытого типа, деятельность которых реализовывалась по принципам: «закрытый характер деятельности и жесткий контроль за поведением и трудом лиц, находящихся в данном заведении; предлагаемая помощь должна быть менее привлекательной, чем привычная работа, и представлялась бы неудобной и малоценной; поддержание в заведении строгого режима, содержание женщин и мужчин раздельно, запрет на употребление табака, спиртного, т.е. временное ограничение привычного образа жизни» [7, с. 33].

Отзыв пензенского губернатора. Призрение бедных в Пензенской губернии находится в неудовлетворительном состоянии по причине того, что нет специальных органов призрения, поэтому предложенный проект преобразований в записке барона Буксгевдена представляется желательным [8]. Но, вместе с тем, в проект предлагалось внести следующие коррективы. Образование уездных попечительств при уездной земской управе не достигло бы цели в виду, так как существующие и действующие в течение 25 лет земские органы призрения ничего не сделали для улучшения ситуации на своей территории [6, с. 65].

Предложения пензенского губернатора состояли в следующем. При уездном по крестьянским делам Присутствии учредить уездные попечительства по рассмотрению крестьянских дел, ввести предупредительные меры по распространению профессионального нищенства [9, с. 72 -

77]. Для этого увеличить наказание за прошение милостыни трудоспособными лицами по их нежеланию трудиться, такой категории граждан в губернии до 60-70%. Одной из действенных мер со стороны государства по призрению «лиц, занимающихся бродяжничеством, собиранием милостыни, иными словами, ведущими нищенствующий образ жизни и принуждающих своих близких к совершению аналогичных действий» является помещение их в исправительные дома, заведения закрытого типа [7, с. 35].

Ответ Московского губернатора. Московский губернатор высказался по поводу проекта своими возражениями и предложениями. Он считал, что целесообразным было бы взамен предлагаемого волостного попечительства, как низшей ступени в ряду предложенных органов, учредить приходское попечительство, установленное положением от 2 августа 1864 г. (Учреждением о земствах). Приход представлял бы собой такую административную единицу, понятие о которой несравненно глубже проникло в народное сознание, чем понятие волости и уезда. В приходе все друг друга знают, в волости этого же нет и быть не может, особенно в волостях в состав которых входит несколько десятков селений. Существующие уже во многих селениях, и особенно в городах, приходские попечительства принесли более значимую пользу. В связи с вышесказанным, московский губернатор предложил дополнить Положение 1864 г. обязанностью привлечения администрации, дворянства и земства к участию в надзоре за попечительствами [6, с. 67].

Отзыв саратовского губернатора. Саратовский губернатор одобрил учреждение специальных органов, указав на недостаточное количество существующих в городах учреждений для призрения, а в селениях общественное призрение и вовсе отсутствовало.

При подготовке ответа на циркуляр из Министерства внутренних дел саратовский губернатор сделал запросы в губернские, уездные, земские и городские управы, а также уездные по крестьянским делам по вопросам наличия учреждений и средств для призрения бедных.

Отзыв воронежского губернатора. Устройство в городах и селениях приютов для призрения «окончательно неспособных» к личному труду дряхлых калек и нищих и учреждения над этими приютами попечительств как законоположений вполне соответствующих системе общинного призрения, признанной всей Европой наилучшей, является полезным и желательным [6, с. 68, 69].

Отзыв олонецкого (Карелия) губернатора. По мнению олонецкого губернатора, учреждение проектируемых попечительств не может принести существенной пользы для беднейшего населения

губернии. Предложенные автором проекта специальные органы призрения могут оказаться полезными лишь в том случае, если в их распоряжении будут назначены городскими и сельскими обществами и земскими учреждениями необходимые материальные средства на содержание призрения. Неудовлетворительное положение дела призрения бедных в Олонецкой губернии по изысканию материальных средств на удовлетворение всех возложенных потребностей, лежащих по закону на обязанности существующих учреждений и сословий, то на введение новых органов по новому проекту также потребуются средства, что только усилит финансовую нагрузку, а в результате ситуацию только усугубит. В настоящее время в губернии имеется: 5 богаделен, 3 попечительных комитета призрения бедных, 3 благотворительных общества и 1 инвалидный дом призрения отставных нижних чинов. Все эти учреждения содержатся отчасти на средства земства, а отчасти на частные пожертвования [6, с. 72, 73].

Отзыв смоленского губернатора. Благотворительная часть в Смоленской губернии не имеет никакой правильной организации. Со времени передачи дела призрения бедных в ведение земства ни в одном из 12 уездов Смоленской губернии не было открыто и не было учреждено ни одного благотворительного учреждения для призрения увечных, дряхлых, не трудоспособных, а также лиц, без средств к существованию и близких, могущих принять на свое попечение. Существующая в Смоленске при губернской земской больнице богадельня, в которой призревается около 25 лиц разных сословий, преимущественно из отставных солдат (инвалидов), обязана своим созданием бывшему приказу общественного призрения. Все остальное нуждающееся в помощи население занимается выпрашиванием подаяния.

Указанное состояние дел в Смоленской губернии, по мнению губернатора, зависит не только от индифферентного отношения крестьян к своим бедствующим сочленам, сколько от недостатка инициативы в этом деле со стороны администрации учреждений, которым вверено попечение о нуждах и пользах края. В то же время земство не жалело собственных средств на распространение в среде населения образования, а также на устройство учреждений по оказанию медицинской помощи. Поэтому по причине иного распределения материальных средств делу призрения бедных незаслуженно было уделено недостаточное внимание.

Впрочем, сами земские деятели объясняли отчасти недостаточностью материальных средств для удовлетворения всех общественных нужд населения, отчасти же тем обстоятельством, что

по закону сами сельские общества обязаны заботиться о своих нуждающихся членах. Так же смоленский губернатор сообщал о включении в перспективные планы строительство в трех уездах богаделен для обоого пола на 70 человек, а для получения положительного результата дело благотворение должно быть поставлено на постоянную основу специальными учреждениями.

По вопросу введения в состав волостного попечительства земского врача смоленский губернатор пояснил, что не представляется возможным подобное включение в силу ограниченного количества врачей в уездах (не более двух, из которых один не отлучаясь, находится при городской земской больнице).

В то же время смоленский губернатор предлагает включить в состав волостного попечительства должностное лицо старшину, который пользуется влиянием на крестьян и мог бы оказать существенное воздействие в деле организации призрения среди крестьянского населения. Целесообразным он считает включение в состав волостного попечительства учителей народных школ, возложив на них обязанность письменной работы, в противном случае, эта нагрузка ложится на волостных писарей.

Еще одно предложение о дополнении касается введения правила включать в списки нуждающихся в призрении не только лиц, обладающих правом на призрение общественных учреждений, но и тех неимущих и престарелых, неизлечимо больных, которые находятся на попечении родственников. Подобные сведения дали бы необходимые статистические данные, имеющие важное значение во время неурожайных годов для учреждений, на которые возложено попечение о народном продовольствии.

В уездных попечительствах предлагалось включить в состав попечительства земских начальников. В городах предлагалось организовать, помимо городского попечительства, более мелкие постоянные органы призрения, по примеру приходских попечеств, но с условием участия прихожан попечительства в той или иной мере в расходах по призрению неимущих своего прихода. Только при соблюдении и включении всех перечисленных дополнений в проект барона Буксгевдена можно ожидать, по мнению смоленского губернатора, что пособие и призрение получат действительно нуждающиеся [10, с. 87 - 89].

Рассмотрев несколько откликов губернаторов, можно с уверенностью сказать, что направление борьбы с бедностью было выбрано верно. Земство избрало борьбу с причиной нужды, а не со следствием. Искоренив причины бедности, кроющиеся в отсутствии получения образования, профессиональных навыков, востребованных на

рынке труда, и изменившейся экономической обстановке в государстве, многие из призреваемых смогли бы получить работу, т.е. средства к самостоятельному существованию. Аналогичные действия земства по оказанию медицинской помощи населению направленные на искоренение бедных: количество вылеченного населения пропорционально количеству трудоспособного, занятого трудом населения.

Такое ненормальное положение дел в столь важной отрасли государственного и общественного управления и послужило поводом к учреждению в ноябре 1892 г. по велению императора Александра III к созданию комиссии в рамках правительства под председательством К.К. Грота.

Еще в 1891 г. К.К. Грот подготовил обращение к министру внутренних дел по вопросу об общественном призрении и благотворительности: «В нашем Отечестве дело общественного призрения не представляет никакой системы, мало того – оно не имеет ни единого органа, на обязанности которого лежало бы управление по делам призрения» [11, с. 296].

Потребность в проведении реформы в сфере организации и нормативного правового обеспечения деятельности государства и общества в области благотворительности и призрения назрела и была очевидной.

К тому времени в европейских государствах был накоплен обширный опыт в устройстве призрения бедных. Целенаправленное изучение и обращение к западному опыту становится актуальным и для российского общества. К.К. Грот, будучи председателем Совета Попечительства о слепых, выезжал в Германию, Австро-Венгрию, Швейцарию, Францию и Италию, посещая ряд учебно-воспитательных заведений с целью изучения подобного опыта и применения его в России [12, с. 23, 24]. Последнее влияло на правосознание общества [13, с. 233, 234] и вносило коррективы в социальную функцию государства.

Список литературы:

- [1] Благотворительность в России. - СПб., 1907. – Т. 1.
- [2] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2005.
- [3] Максимов Е.Д. Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. - СПб., 1907.
- [4] Мнения начальников губерний по вопросу о необходимых преобразованиях в местной организации общественного призрения // Дело хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. -1889. - Отд. 2. - Ст. 2. - № 490.

[5] Ширяева С.В. Генезис социальной помощи в России (с момента появления христианства до рубежа XVIII - XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. - 2015. - № 2. - С. 5 - 15.

[6] Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра действующих законов о призрении бедных: мнения начальников губерний по вопросу о необходимых преобразованиях в местных организациях общественного призрения // Детская помощь. - 1893. - № 3. - С. 63 - 74.

[7] Ширяева С.В. Направления деятельности государства и общества по призрению безработных в России в XIX веке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. - 2016. - № 1. - С. 32 - 36.

[8] РГИА. - 1888. - Оп. 861. - Д. 174. - Л. 128. Отчеты богоугодных заведений Пензенской губернии.

[9] Лысенко В.В. Полиция и нравственность. - СПб., 1996. – 126 с.

[10] Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра действующих законов о призрении бедных: мнения начальников губерний по вопросу о необходимых преобразованиях в местных организациях общественного призрения // Детская помощь. - 1893. - № 5. - С. 87 - 89.

[11] Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3 т. - СПб., 1915. - Т. 1–2. - 489 с.

[12] Хитров А.А. Константин Карлович Грот организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века // Известия РГПУоссийского им. А.И. Герцена. - 2009. - № 99. - С. 23, 24.

[13] Шеяфетдинова Н.А. Кризисное правосознание: сущность и специфика управления // Вопросы управления. - 2015. - № 3 (34). - С. 233 - 235.

Spisok literatury:

- [1] Blagotvoritel'nost' v Rossii. - SPb., 1907. – Т. 1.
- [2] Ul'yanova G.N. Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii, konec XVIII - nachalo XX veka: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. - M., 2005.
- [3] Maksimov E.D. Oчерk istorii razvitiya i sovremennogo polozheniya obshchestvennogo prizreniya v Rossii // Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii. - SPb., 1907.
- [4] Mneniya nachal'nikov gubernij po voprosu o neobhodimyh preobrazovaniyah v mestnoj organizacii obshchestvennogo prizreniya // Delo hozyajstvennogo departamenta Ministerstva vnutrennih del. -1889. - Otd. 2. - St. 2. - № 490.

[5] Shiryayeva S.V. Genezis social'noj pomoshchi v Rossii (s momenta poyavleniya hristianstva do rubezha XVIII - XIX vv.) //Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. - 2015. - № 2. - S. 5 - 15.

[6] Vysochajshe uchrezhdennaya komissiya dlya peresmotra dejstvuyushchih zakonov o prizrenii bednyh: mneniya nachal'nikov gubernij po voprosu o neobhodimyh preobrazovaniyah v mestnyh organizatsiyah obshchestvennogo prizreniya // Detskaya pomoshch'. - 1893. - № 3. - S. 63 - 74.

[7] Shiryayeva S.V. Napravleniya deyatel'nosti gosudarstva i obshchestva po prizreniyu bezrabortnyh v Rossii v XIX veke // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. - 2016. - № 1. - S. 32 - 36.

[8] RGIA. - 1888. - Op. 861. - D. 174. - L. 128. Otchety bogougodnyh zavedenij Penzenskoj gubernii.

[9] Lysenko V.V. Policiya i npravstvennost'. - SPb., 1996. - 126 s.

[10] Vysochajshe uchrezhdennaya komissiya dlya peresmotra dejstvuyushchih zakonov o prizrenii bednyh: mneniya nachal'nikov gubernij po voprosu o neobhodimyh preobrazovaniyah v mestnyh organizatsiyah obshchestvennogo prizreniya // Detskaya pomoshch'. - 1893. - № 5. - S. 87 - 89.

[11] Konstantin Karlovich Grot kak gosudarstvennyj i obshchestvennyj deyatel' (12 yanvarya 1815 – 30 oktyabrya 1897): materialy dlya ego biografii i harakteristiki. K stoletiyu so dnya ego rozhdeniya: v 3 t. - SPb., 1915. - T. 1–2. - 489 s.

[12] Hitrov A.A. Konstantin Karlovich Grot organizator blagotvoritel'nosti i prizreniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka // Izvestiya RGPUossijskogo im. A.I. Gercena. - 2009. - № 99. - S. 23, 24.

[13] Sheyafetdinova N.A. Krizisnoe pravosoznanie: sushchnost' i specifika upravleniya // Voprosy upravleniya. - 2015. - № 3 (34). - S. 233 - 235.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

МАЙСТРЕНКО Анна Григорьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ
e-mail: annamajstrenko@yandex.ru

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА КНР: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты семейной политики КНР. Представлены механизмы регулирования демографического роста населения. Уделяется внимание результатам многолетней государственной программы – «одна семья – один ребенок». И современным демографическим тенденциям в китайском обществе.

Ключевые слова: семья, семейная политика, демография, традиции, правовое регулирование, Китай.

MAISTRENKO Grigory Alexandrovich,
candidate of law,
Senior Researcher of Research Institute Of the
Federal Penitentiary Service of Russia

MAISTRENKO Anna Grigoryevna,
candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil and Business Law,
All-Russian Academy of Foreign Trade
of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation

FAMILY POLICY OF THE PRC: HISTORICAL VIEW AND PRESENT CONDITION

Annotation. The article discusses aspects of the PRC family policy. The mechanisms of regulating population growth are presented. Attention is paid to the results of a multi-year state program - "one family - one child". And modern demographic trends in Chinese society.

Key words: family, family policy, demography, traditions, legal regulation, China.

Традиционная семья в Китае

Семья - один из главных социальных институтов в жизни человека. А.Г. Харчев определяет семью как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [10, с. 5].

Издавна в представлении китайцев семья - это локальная модель государства. Возглавляет

семью отец, который, как и император в государстве, имеет практически неограниченную власть. Интересно, что «семья» обозначается в китайском языке иероглифом «цзя», который является сочетанием знаков «свинья» (которая традиционно являлась главным жертвенным животным семьи) и «крыша дома», что отражает исконные семейные признаки: родство, проживание под одной крышей, общее питание и имущество, хозяйственная и культурная самостоятельность семьи как ячейки общества.

Испокон века в основе китайской семьи лежит институт вступления в брак, который легитимизирует создание союза мужчины и женщины

и, затем рождение в данном союзе детей. Отметим, что китайцы различают два типа семей: цзун и цзун-цзу - соответственно большие и малые кровнородственные семьи. Считается, что «цзун» объединял до тысячи семей, а порой и более, причем объединял цзун исключительно семьи мужчин, являющихся потомками одного предка.

Отметим, что «цзун» служила гарантией престарелым родителям от голода и лишений в старости, а молодым обеспечивала возможность, например, найти средства на свадьбу [2, с. 7; 5, с. 146].

Важнейшим фактором, цементирувавшим китайскую семью, были традиционные семейные культы - культ предков, очага и культ сыновней почтительности «сяо» [1, с. 2] (который поддерживался на государственном уровне, начиная с династии Хань (206 до н.э. - 220 н.э.), то есть государство ввело в силу закона обязанность уважительно-почтительного и подчинительного отношения сыновей (детей) к отцам, к старшим по возрасту, должности, статусу.

Вообще, «цзун» исполняла несколько важных ролей:

- роль своеобразной кассы взаимопомощи, софинансируя фамильные церемонии, свадьбы, похороны,

- роль арбитражного судьи, разрешая конфликты внутри семьи,

- роль представителя, делегируя переговорщиков для улаживания различных проблем и разрешения вопросов между членами разных цзун и публичной властью [5, с. 553]. Можно констатировать, что функционал и вытекающая из него система организации большой китайской семьи определялись как хозяйственной автономией и экономической самостоятельностью, так и необходимостью сохранения преемственности по мужской линии и почитания культа предков и культа очага [6, с. 122].

Как правило, малая китайская традиционная семья (цзун-цзу) должна была объединять три поколения, что составляло обычно около двух десятков родственников, которые живут в одном доме и ведут общее хозяйство. В традиционной китайской семье четко соблюдается иерархичность построения, причем члены семьи делились на «нэй цзу» (родственники по линии отца) и «вай цзу» (родственники по линии матери). Власть в семье имел самый старший мужчина, а после его смерти власть переходила к старшему сыну или самой старшей женщине [2, с. 165]. Младшие были практически бесправны по отношению к старшим: так, они были обязаны при приближении опустить взгляд вниз, отвечать, униженно кланяясь, постоянно упоминая о своей недостойности, малознании и т.д. Китайцы придавали особый

авторитет возрасту, почтение и поклонение старшим было возведено в культ. Младшим запрещалось тревожить старших, нельзя было в их присутствии не только кричать или смеяться, но даже просто смотреть в глаза. Отметим, что стабильные, постоянно существующие трехпоколенные семьи были нормой для сравнительно обеспеченных слоев населения [6, с. 121].

В менее обеспеченных слоях населения после смерти главы семьи обычно происходило разделение трехпоколенных семей, после чего образовывались средние (8-9 человек) и малые семьи (5-6 человек) [5, с. 123].

Отметим, что во времена династии Хань в Китае были целые местности, принадлежавшие одной цзун [7, с. 20]. Даже в середине XX в. «цзун» имели широкое распространение, описаны цзун, состоявшие из восьми ветвей и насчитывающие до 3 тыс. членов, населявших восемь соседних населенных пунктов [5, с. 149]. Цзун в итоге по факту формировали местные элиты [6, с. 150-151]. При этом цзун формировали мировоззрение преваляирования интересов клана перед личными.

Многие традиции китайской семьи представляются современному взгляду излишне жесткими, так, например:

- Муж и жена не имели права идти рядом - если они и появлялись в публичном месте вместе, то супруга обязана была семенить сзади мужа;

- Мужчинам и женщинам от 7 до 60 лет было запрещено не только есть вместе, но даже и сидеть рядом

- Муж, если заходила речь о жене, должен был ее всячески унижать, называя, например, «презренной обительницей внутренних покоев» [4, с. 284].

Вообще, в традиционном китайском обществе женщина могла быть служанкой, услужливой дочерью, покорной невесткой, дочерью или женой, или безутешной вдовой [6, с. 356-357].

В конфуцианской традиции, предназначение человека - иметь детей, а потому в Китае до середины XX века была очень высокая рождаемость детей. Особое значение придавали рождению мальчика как хранителя рода и продолжателя клана. При отсутствии сыновей семья предпринимала самые разнообразные меры для того, чтобы ветка не угасла, так, в порядке приоритетов, производились усыновления:

- из семей кровных родственников по мужской линии,
- из детей сестер,
- из чужих семей,
- покупка младенца.

Отметим некоторые особенности китайской семьи в отношении к детям:

- дата рождения ребенка считалась с момента зачатия

- до достижения 3-х летнего возраста ребенок еще не считался человеком и, если он умирал, похорон для него не устраивали.

- полагали, что жизнь мужчины регулируется числом восемь: в восемь месяцев у него появляются молочные зубы, в восемь лет он их теряет, в 16 лет (дважды восемь) достигает зрелости, а в возрасте 64 лет мужская сила оставляет его.

Идеал китайского воспитания был сформирован Конфуцием как формирование «совершенного мужа» и главная парадигма семейного воспитания требовала получение в итоге «зависимо пассивной» личности [1, с. 3], проявляющей ярко выраженные «сыновнее благочестие или почтительность» было неперенным условием воспитания. Постоянно обращались при воспитании детей «двадцати четырем главным историям о почитании детьми родителей» [9, с. 174].

Таким образом, традиционная китайская семья являлась эффективной школой воспитания детей и молодежи, воспроизводя нормы конфуцианской морали, контролируя дисциплину, систему отношений, обеспечивая разнообразные виды как поддержки, так и санкций на разных уровнях (родственном, клановом, общественном).

Китайская семья во второй половине XX века – начало XXI века.

Политика «Одна семья - один ребенок»

Во второй половине XX века в КНР была сформулирована идеология китайской семьи, которая сформулирована как «пять хороших»:

- уважение к старшим и любовь к юным;
- гармония между мужем и женой;
- добрые отношения с соседями;
- трудолюбие и бережливость в семейном быту;
- охрана окружающей среды;

Эти правила в 1997 г. были дополнены еще девятью:

- любовь к родине;
- соблюдение закона;
- участие в общественных делах;
- хорошая работа;
- хорошая учеба;
- соблюдение равенства полов;
- планирование рождаемости;
- растить здоровых детей;
- не держаться за вредные традиции и привычки [11].

После создания Китайской Народной Республики (далее - КНР) некоторое время позитивное отношение к высокой рождаемости сохранялось, и рождение нескольких детей поощрялось. Однако

уже через несколько лет демографическая политика изменилась и в 1956 г. была первая попытка на государственном уровне ограничить рождаемость. Однако, эта попытка не привела к заметным результатам, равно как и более поздние: 1962 и 1971 гг. Рост населения КНР шел опережающими темпами и население Китая, уже к 1983 г. составило более миллиарда человек, то есть выросло с 540 млн. в 1956 г. (менее чем за 30 лет) почти в 2 раза [12, с. 102].

Большое количество детей порождало существенные проблемы: требовалось все большее и большее количество дошкольных учреждений, школ, больниц и т.д. Матери выпадали из производства, возникали трудности с обеспечением минимального прожиточного уровня семей. На фоне данных проблем в 1979 г. государство дало старт новой демографической программе, которую за рубежом КНР называют «политика одна семья – один ребенок». Эта государственная программа исходила из того, что низкий уровень рождаемости приводит к повышению качественных характеристик населения. В одном из ведущих журналов, занимающихся вопросами демографии, в 1979 г. китайский демограф Ю, сообщил, что данная реформа обусловлена:

- изменением общественного положения женщины,
- ростом городского населения,
- изменением структуры и функций китайской семьи,
- развитием общественного здравоохранения [16].

Данная политика, в целом, привела к желаемому результату. Средний размер китайской семьи получил динамику к снижению, т.к. резко уменьшились показатели рождаемости. Что подтверждается статистическими данными ООН [15].

При этом, хотя к концу XX века реформа «одна семья-один ребенок» значительно повлияла на количественные показатели в семье, семейная идеология в целом сохраняла инерцию влияния традиционной китайской семьи, что привело к значительным искажениям в реальной жизни обычных китайских семей, в частности получил распространение отказ от девочек в пользу сына, поскольку в конфуцианской идеологии, дочь после выхода замуж живет в семье мужа, никак не помогая своим родителям, то есть воспитание дочери не приносит родителям гарантий в старости при финансовых затратах сегодня.

В рамках политики «одна семья – один ребенок», второй ребенок в семье в значительной мере лишался социальных прав, в частности он не имел права на бесплатное медицинское обслуживание и не мог получить бесплатное образование.

Повышение уровня жизни китайского населения привело к тому, что участились попытки обойти китайское законодательство путем рождения детей за границей. Однако эта тенденция была в значительной мере пресечена государством. На женщин, родивших вторых детей за границей, чтобы обойти китайское законодательство, накладывалось обязательство выплачивать большой штраф. Единственным исключением были студенты, обучающиеся в зарубежных ВУЗах, и семейные пары, которые оставались вместе с ребенком за границей или оставляли там рожденного ребенка.

Отметим, что подход «одна семья – один ребенок» предполагал некоторые исключения из данного правила [14]. Так, ограничения рождаемости не действовали для малочисленных национальных меньшинств. Кроме того, если единственный ребенок умер, то обычно родителям разрешалось родить следующего.

В дальнейшем происходили последовательные смягчения данной политики «одна семья – один ребенок», перечислим их в хронологическом порядке:

- было разрешено заводить второго ребенка семьям крестьян, если первым ребенком была девочка
- иметь второго ребенка было разрешено парам, в которых оба родителя были единственными детьми в семье
- заводить второго ребенка было разрешено парам, где хотя бы один из супругов единственный ребенок.

В итоге в октябре 2015 г. 5-й Пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Китая 18-го созыва принял решение об отмене политики «одна семья – один ребенок» [8]. После чего уже 27 декабря 2015 г. были внесены поправки в Закон о населении и планировании семьи и с 1 января 2016 г. был снят запрет на наличие второго ребенка в семье [13].

Тенденции изменения современной китайской семьи

Конечно, имеющиеся издержки от реализации такого рода государственных установок подвигли китайское руководство к дальнейшим реформам.

На смену этой политики пришла новая – «одна семья – два ребенка». Эта политика должна, по мысли китайского руководства, решить социально-экономические сложности, имеющиеся в стране.

Можно констатировать, что продолжает сохраняться тенденция к низкому уровню рождаемости в стране. Так, одним из результатов многолетней политики – «одна семья – один ребенок»

продолжает оставаться ситуация, при которой, имеет место семья «4–2–1», называемая китайскими демографами «сы-эр-и цзятин» или «сы-эр-и цзятин моши» (4 – это бабушки и дедушки, 2- родители, 1- ребенок). Бесспорно, необходимо на государственном уровне создать экономические предпосылки для большей реализации программы «одна семья-два ребенка», стимулируя китайские семьи на рождение второго ребенка.

Проблемой является, напр., увеличение числа разводов. Острый вопрос, с кем останутся после развода дети, в стране решается следующим образом: оба родителя имеют равные права на ребенка, но, в случае, когда ребёнку меньше двух лет, то приоритет у матери. Если ребенок старше 2-х, но младше 10-ти, то, как правило, его присуждают тому из супругов, кто может обеспечить лучшие условия для проживания и образования. Если же ребенку более десяти лет, то он имеет право решать сам, с кем будет жить.

На сегодня китайская молодежь значительно позже вступает в брак: средний возраст брачующихся мужчин составляет 27 лет, а у женщин – 25 лет, при этом, наблюдается существенное увеличение числа молодых китайцев, не состоявших в браке.

Пропаганда малодетности привела к тому, что у молодежи сформировался приоритет карьеры и на сегодня в Китае многие супружеские пары сознательно отказываются от детей. Данная позиция в получила в научном сообществе обозначение «DINK» («Double Income No Kids» — «двойной доход без детей»). Другое новое явление для Китая — однополые союзы, число которых имеет тенденцию к увеличению. Более того, на уровне ведущих экспертов по вопросам семьи и брака Академии общественных наук Китая, выдвигаются проекты легализации однополых браков в Китае [3].

Ближайшее будущее покажет, в какой степени проводимые реформы в социально-экономической сфере модернизируют жизнь китайского общества.

Список литературы:

- [1] Васильева М.С. Конфуцианские идеи в народной педагогике китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Педагогика. - 2012. - № 1. - С. 2 -7.
- [2] Доменак Ж.-Л., Хуа Шанмин. Семейные отношения в Китае. - М.: Наука, 1991. – 322 с.
- [3] Китайский социолог предложил легализовать однополые браки [Электронный ресурс] // URL: <http://obozrevatel.com/news/2006/3/4/94577.htm> (дата обращения 25.06.2019).

[4] Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. Жизнь и нравы старого Китая. - Смоленск: Русич, 2003. – 356 с.

[5] Малявин В.В. Китайская цивилизация. - М.: Астрель, 2000. – 632 с.

[6] Малявин В.В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. - М.: Молодая гвардия, 2008. – 451 с.

[7] Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. - М.: Наука, 1993. – 271 с.

[8] Полный текст доклада 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва // Агентство Синьхуа. 29.10.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://news.china.com.cn/2015 - 10/29/content_36929260.html (дата обращения 25.06.2019).

[9] Припрятать мандарины для матери // Китай. - 2011. - №6. - С.174

[10] Харчев А.Г. Социология семьи. Проблемы становления науки. - М., Центр социального прогнозирования, 2003. – 175 с.

[11] China.org.cn [Электронный ресурс] // URL: <http://www.china.org.cn/english/features/cw/139821.htm> (дата обращения 25.06.2019).

[12] China Statistical Yearbook 2006 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/indexeh.htm> (дата обращения 25.06.2019).

[13] Top legislature amends law to allow all couples to have two children // Xinhuanet.com/english.

[14] Yadan Ouyang. China relaxes its one-child policy. The Lancet, 2013, 382.

[15] World Population Prospects: The 2012 Revision.

[16] Yu Y. C. The population policy of China. Population Studies 1979. 33,1:125-142// Демоскоп Weekly, № 639 - 640, 20 апреля - 3 мая 2015 (издается при поддержке: Фонда ООН по народонаселению (UNFPA), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров , Фонда некоммерческих программ «Династия» , Российского гуманитарного научного фонда , Национального института демографических исследований (INED) , ЮНЕСКО, Бюро ЮНЕСКО в Москве , № 639 - 640 20 апреля - 3 мая 2015 г.

КВАЧАДЗЕ О.Б.,

старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права института экономики,
управления и права ФГБОУ ВО «ВГУВТ»,
кандидат юридических наук
г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, д.5
e-mail: mail@law-books.ru

МИГУНОВА Т.Л.,

заведующая кафедрой теории и истории
государства и права института экономики,
управления и права ФГБОУ ВО «ВГУВТ»,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: mail@law-books.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПО СРЕДНЕВЕКОВОМУ ПРАВУ ГЕРМАНСКИХ ГОРОДОВ XI-XIV ВВ.

Аннотация. Статья посвящена анализу юридического оформления политических прав человека в средневековом праве германских городов. В результате автор приходит к выводу о том, что общие черты и различия в содержании политических прав человека, зафиксированных в правовом пространстве разных германских городов, были обусловлены дифференциацией их правового статуса, а также различиями в политическом и социально-экономическом положении этих городов.

Ключевые слова: Германские города, Средние века, городское право, правовой статус горожан, политические права.

KWACHADZE O.B.,

Senior Lecturer of the Department of Theory and History
of the State and Law of the Institute of Economics,
Management and Law of FSBOU "VGUVT,"
Candidate of Legal Sciences

MIGUNOVA T.L.,

Head of the Department of Theory and History
of the State and Law of the Institute of Economics,
Management and Law of FSBOU "VGUVT,"
Doctor of Legal Sciences, Professor

CONCEPT OF POLITICAL HUMAN RIGHTS UNDER THE MEDIEVAL LAW OF GERMAN CITIES XI-XIV BB.

Annotation. The article is devoted to an analysis of the legal design of political human rights in the medieval law of German cities. As a result, the author concludes that the commonalities and differences in the content of political human rights recorded in the legal space of different German cities were due to the differentiation of their legal status, as well as differences in the political and socio-economic situation of these cities.

Keywords: German cities, Middle Ages, city law, legal status of citizens, political rights.

Проблема соотношения средневековых городских институтов, действовавших в рамках системы права одного государства, остаётся мало изученной современными учеными по истории зарубежного государства и

права. Политическая жизнь городов Западной Европы XI-XIV веков являлась уникальным общественным явлением своего времени и предопределила развитие современной европейской городской действительности [1], [2]. В настоящем

исследовании представляется сравнительно-правовой анализ прообразов политических прав человека по средневековому праву германских городов XI-XIV веков.

Уникальность исследуемого нормативного материала обуславливается тем, что в рамках одного государства, ставшего правопреемником Восточно-Франкского королевства, сосуществовали города, обладавшие разным правовым статусом, а также политическим и социально-экономическим положением.

В юридической литературе по теме исследования не содержится какого-либо термина, характеризующего городского жителя, наделенного политическими правами. В правовых источниках городов его наименования также разнятся: обычно встречаются названия «горожанин» [3] или «бюргер» [4]. В связи с этим автор считает необходимым ввести дефиницию «гражданин города». Под гражданином города в данной статье будет пониматься физическое лицо, установившее с городом постоянную юридическую связь на законном основании, различающемся в каждом конкретном городском образовании в зависимости от его правового статуса. Например, по праву княжеского города Фрайбурга (в Брейсгау) основанием для получения городского гражданства являлось наличие построенного дома на собственном участке [5], по праву имперского Хагенау - выплата установленного денежного взноса [6].

Под германскими городами в настоящей статье понимаются городские образования Римской империи (с XI по XIII века) и Священной Римской империи (начиная с XIII века), статус которых закреплялся в нормативно-правовых актах конституционного характера (хартиях, грамотах, привилегиях, пожалованиях и постановлениях).

В XI-XIV веках в источниках права германских городов получает развитие система политических прав человека. Порядок предоставления и уровень разработанности вышеуказанных прав зависел от совокупности различных факторов, которые будут рассмотрены ниже.

Юридическое оформление политических прав гражданина германского города ранее всего началось в новооснованных княжеских городах: Фрайбурге (в Брейсгау), Вене, Хамме, Липпштадте, которые возникли во время или после существования Франкского государства. Они по феодальному праву были подчинены территориальным сюзеренам. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что территориальные князья были экономически заинтересованы в предоставлении политических вольностей гражданам таких городов (в основном, привилегий в сфере избирательного права) и не имели в нём полностью уком-

плектованного и готового к функционированию феодального аппарата управления.

В хартии, предоставленной городу Фрайбургу (в Брейсгау) 1120 года, было определено: «никогда я [герцог Конрад – О.К.] не назначу моим горожанам другого фогта [светское должностное лицо, осуществлявшее высшую судебную власть в церковных вотчинах – О.К.] ... но кого для этого изберут, того и будут иметь после моего утверждения» [7]. В 1198 году в грамоте, полученной городом Липпштадтом, было запрещено сеньору «назначать градоначальника без общего согласия горожан», а также «назначать городу судью без согласия консулов и горожан» [8]. В хартии, данной городу Хамму 1213 года, устанавливалось, что «сеньор города будет назначать своего судью с согласия консулов» [9]. Таким образом, горожане здесь получили возможность участвовать в учреждении новых сеньориальных органов городского управления, в первую очередь, судебных.

К нормативным источникам вышеуказанных городов относятся и первые упоминания о предоставлении гражданам города права избираться в непосредственно городские по своей природе органы, но отраслевого характера, то есть ведавшие лишь отдельными сферами хозяйственной жизни в городе. Здесь имеется в виду институт «присяжных рынка» [10], коллегии выборных лиц, ведавших рыночными и имущественными делами. Описание полномочий присяжных рынка можно встретить, в частности, в нормативно-правовых актах Вены «...мы постановили, чтобы 24 горожанина, наиболее благоразумные в городе, подтвердили присягой, что все дела в торговле и во всем, что относится к чести и пользе города, они будут решать наилучшим образом».[11] К середине XII века совет присяжных рынка преобразовался в совет городских консулов, который осуществлял управление уже всеми городскими делами.

Право горожан избираться в такой совет впервые было закреплено в княжеских городах. В 1188 году такой институт появился в Любеке [12], в 1200 году – во Фрайбурге (в Брейсгау) [13]. Нередко вместе с созданием совета граждане города добивались и упразднения какого-либо из сеньориальных органов городского управления, как это было, например, в Стендале, где маркграф бранденбургский Альберт II своим постановлением от 1215 года отменил должность бурграфа [высший городской и земский судья, назначаемый сеньором – О.К.] [14].

Юридическое закрепление политических прав гражданина в имперских и епископских городах, ведущих свою историю, как правило, со времен Римской империи, происходило иначе, чем в княжеских городах. Правовое положение имперских и епископских городов не сильно отличалось

друг от друга, так как в Священной Римской империи действовал принцип верховной имперской собственности над церковными землями. Начиная с XII века, те города, которые смогли освободиться от власти епископа и вступили в непосредственные отношения с императором, получили наибольшие политические привилегии и даже статус вольного города. Вольный город, в отличие от имперских или епископских городов, которые даже при наибольшей степени самоуправления продолжали нести по отношению к своему сеньору военную и налоговую повинности, приобрел почти все права государственной власти: самостоятельно взимали налоги, производили набор войска и обладали высшей судебной властью на своей территории.

В имперских и епископских городах существовал развитый сеньориальный аппарат управления, в который обычно входили такие должностные лица, как бурграф, фогт, шультгейс [судебные чиновники сеньориальной курии, рассматривавшие имущественные споры – О.К.], староста [чиновник, назначаемый сеньором из числа низшего слоя своих служилых людей, для рассмотрения мелких судебных дел – О.К.], а также коллегия скабинов или шеффенов [судебные заседатели, избираемые сеньором из числа своих вассалов, для участия в судебном процессе – О.К.].

Древнейшее право епископского города Страсбурга (относится приблизительно к концу XII века) определяло «четырёх должностных лиц, на которых лежит управление городом...а именно: шультхейса, бурграфа, мытника и начальника монеты» [15]. Поэтому у горожан не было возможности занять одну из этих должностей. Вышеуказанные должностные лица назначались императором или епископом из своего аппарата. В силу этого здесь горожане, в первую очередь, добивались возможности участвовать в формировании уже действующих структур сеньориальной власти.

В хартии, предоставленной Вормсу (1190 год), указывалось, что шультгейс Вормса избирался и назначался «господином епископом и консулами» [16]. В Кёльне в 1169 году горожанам разрешалось избираться в скабинат (коллегию шеффенов) [17], а по грамоте, пожалованной городу Медебаху в 1165 году, горожане получили возможность избирать судей, «которые должны судить вас [горожан – О.К.] за кражу в пределах двенадцати нуммов [латинское наименование мелкой монеты незначительной стоимости – О.К.]». В ней же предусматривалось, что «за крупную кражу... наш виллик [управляющий поместьем церковного сеньора – О.К.] должен судить вместе с горожанами и без принуждения» [18]. Граждане города не случайно пытались получить, в первую оче-

редь, возможность влиять на избрание именно судебных должностных лиц: судебный орган, полностью сформированный сеньором из его министериалов [представитель низшего слоя служилых людей духовных или светских феодалов – О.К.] не мог обеспечить законную и справедливую защиту прав городских жителей.

В хартиях второй группы рассматриваемых городов также предусматривалась возможность горожан формировать органы, выполнявшие функции присяжных рынка: в Вормсе, например, к ним обносились хеймбюргеры (выборный коллегияльный орган) [19], а в Регенсбурге – купеческий старшина (выборный единоличный орган) [20].

Советы в городах продолжали формироваться весь XIII век: в Госларе – в 1219 году, в Кельне – в 1242 году, в Магдебурге – в 1244 году, в Дортмунде – в 1254 году, во Франкфурте-на-Майне – в 1266 году [21]. Одним из первых совет появился в Страсбурге. Второе городское право Страсбурга (1214 год) постановляло, «чтобы двенадцать человек, а если нужно и больше... как среди министериалов, так и среди горожан, ежегодно назначались городскими консулами» [22]. В данном случае термин римского происхождения «консулы» использовался в качестве наименования членов городского совета, а кандидатами в консулы вместе с горожанами могли выступать и министериалы.

В отличие от княжеских городов, здесь сеньориальные органы первоначально, после образования совета, не упразднялись, а продолжали функционировать вместе с городскими. В Магдебурге «на совет созывали горожан, чтобы они избрали шеффенов и советников...» [23]. Во многих германских городах коллегия шеффенов (или скабинов), вообще стала судейской коллегией совета.

Иногда органы сеньориального управления даже осуществляли руководство советом. Во Франкфурте-на-Майне главой совета с 1266 по 1312 год оставался шультгейс, назначаемый императором на пожизненный срок из состава феодальной знати [24].

Состав, срок полномочий и компетенция советов в имперских, епископских и княжеских городах, практически не отличались.

В совет входили, во-первых, коллегия консулов (количеством от двух до тридцати членов), которая уже упоминалась выше, а во-вторых – глава совета, бургомистр (или бюргермейстер). Должность последнего появилась позднее, когда совет, как орган независимой общины, уже успел сложиться. Например, во Франкфурте-на-Майне двух бургомистров стали избирать из состава совета только в 1312 году [25]. Количество бургомистров в разных городах дифференцировалось

от одного до четырех или восьми. Консулы, как и бургомистры, являвшиеся членами совета, избирались на достаточно короткий срок: как правило, на один год [26].

Выражающий интересы городской общины, совет был призван «блюсти честь и добрую славу города» [27]. В компетенцию городского совета входило: налогообложение, надзор за ремеслом и торговлей, в том числе и за ярмарками, за установление политических и экономических связей с соседними городами.[28] Кроме того, общегородской орган управления издавал обязательные для всех горожан постановления, обеспечивающие безопасность жизни и собственности членов общины [29]. Судебная коллегия совета рассматривала следующие дела: о «нарушении правил относительно мер и весов и продажи съестных припасов» [30], «о хлебах и напитках, и о подобных вещах, а также о ранах, нанесенных без оружия, и об общих заботах города».[31] Подчеркнем, что в имперских городах совет руководствовался в своей деятельности волей императора, когда в вольных городах XIII-XIV века (в Кёльне, Страсбурге, Магдебурге) вышеуказанный орган представлял собой уже верховную муниципальную структуру, как в сфере исполнительной власти, так и в области правотворчества и суда.

В разных германских городах порядок избрания горожан в советы различался. Причина не была связана с правовым статусом конкретного города, а состояла в политической и социально-экономической ситуации сложившейся внутри него.

В городах, в которых к моменту образования общегородских органов управления не успели сформироваться зажиточные слои городского купечества, право избрания в совет получили ремесленники. Например, в состав первого городского совета Хамма в начале XIII века входили: «мельник ... Герман, мельник Теодорик, мельник Вальтер, мельник Генрих, сапожник ... Зигебод» [32]. В грамоте 1171 года, данной архиепископом города Андернаху, указывается на то, что скабины, составлявшие судебную коллегия совета «в течение долгих прошлых лет... избирались... из...простолюдинов и бедняков» [33].

В городах, где сложилась купеческо-патрицианская элита, правом избрания в совет пользовались только знатные представители городских родов. Из представителей патрициата во второй половине XIII и первой половине XIV века состоял совет во Франкфурте-на-Майне [34]. По второму городскому праву Страсбурга (1214 года) членами коллегии консулов могли быть только «честные и достойные» [35], а по договору 1258 года между городом Кельном и архиепископом – лишь «некоторые почтенные и благоразумные граждане» [36]. При этом практика политической жизни этих

городов показывала, что в вышеперечисленных определениях моральный критерий имел второстепенное значение. Членом совета мог стать только знатный или зажиточный горожанин.

В Кёльне в итоге сложилась уникальная для германских городов система управления. В XIV веке она включала два городских совета: Малый и Большой. Главенствующее положение изначально занимал Малый. Все его пятнадцать членов являлись исключительно представителями городского патрициата, которые избирались посредством многоступенчатых выборов из Рихерцехе, привилегированной корпорации богатейших кельнских горожан, составившей самостоятельное братство. Обновлялся Малый совет кооптацией: каждый член Малого совета после освобождения от должности назначал себе преемника, как правило, из своего же рода. В Большой совет, сформировавшийся позднее, к середине XIV века избирались представители отдельных приходов города (Кельн состоял из самоуправляющихся светских приходских общин), которые являлись его административно-территориальными единицами. Новые члены Большого совета получали в нём места также кооптацией. Кроме того, Рихерцехе назначал двух бургомистра города.

Политические столкновения кельнского патрициата и ремесленных цехов (характерные и для других германских городов того времени) изменили положение этих советов. Ремесленные организации добились того, что формирование Большого совета стало осуществляться на основе представительства от всех цехов и торговых обществ. В результате, в конце XIV века превалирующая роль в управлении Кёльном перешла к Большому совету, получившему всю полноту законодательной власти в городе.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что процесс получения гражданами германских городов политических прав происходил в два этапа. На первом, в XI-XIII веках, члены городской общины, объединяясь против сеньора, добивались вольностей, закрепленных в городских хартиях. На втором, с конца XIII века по XIV век, горожане, преодолевая имущественное и социальное неравенство, пытались обеспечить равный доступ всех слоев населения к городскому самоуправлению.

В зависимости от степени политической свободы человека, закрепленной сеньором в городских хартиях, грамотах и пожалованиях, следует выделить три группы германских городов.

К первой относятся вольные города (Страсбург, Магдебург, Вормс, Шпейер [37]) во главе с Кельном, в котором действовало два общегородских органа местного самоуправления,

а верховным являлся Большой совет, формировавшийся на основе всенародного представительства. Вольные города не имели органов сеньориальной власти и формально не зависели от власти императора Священной Римской империи.

Ко второй группе следует отнести имперские города (Франкфурт-на-Майне, Дортмунд, Гослар [38]), добившиеся ограниченного права самоуправления. Имперские города несли рекрутскую и финансовую повинность, но только по отношению к императору. Высшим городским органом в них являлся совет консулов, избираемый из граждан города. При этом возглавлялся данный совет обыкновенно сеньориальным чиновником, а консулами могли стать лишь представители городского патрициата.

Наконец, в третью группу городов необходимо включить германские княжеские города (Фрайбург (в Брейсгау), Хамм, Липпштадт [39], в которых общегородской выборный орган, совет, появился раньше всего, а доступ в него получили, в том числе, и представители ремесленников, то есть незнатных слоев населения. При этом княжеские города были обязаны нести повинности, как в отношении императора, так и в отношении территориальных князей. А сеньориальные органы управления здесь функционировали параллельно с советом.

Список литературы:

[1] Дживелегов А. К. Городская община в средние века: Некоторые новые теории о происхождении средневековых городов. М.: Издание магазина «Книжное дело», 1901. – 84 с.

[2] Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. – 191 с.

[3] Speyer: Heinrich V. befreit die Bürger a) vom Buteil, b) von verschiedenen Abgaben und von auswärtiger Gerichtsbarkeit, verbietet jede Verschlechterung der Münze ohne ihre Zustimmung, und bestimmt die Verjährung des Grundbesitzes in Jahr und Tag. U. VIII. 1111 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.04.2019)

[4] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass. 1190 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / <http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/>

urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 14.04.2019)

[5] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 15.04.2019)

[6] Hagenau: Stadtrecht. 15. VI. 1164 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 16.04.2019)

[7] Freiburg im Breisgau: Stadtrecht. Aeltester Teil (1120) // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 15.04.2019)

[8] Lippstadt: Stadtrecht (1198) // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 17.04.2019)

[9] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 18.04.2019)

[10] Freiburg im Breisgau: Stadtrecht. Aeltester Teil (1120) // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 15.04.2019)

[11] Wien: Stadtrecht Leopolds VI. 18. X. 1221 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 19.04.2019) [12] Любек. Городское право императора Фридриха I от 19 окт. 1188 г. // Средневековье в его памятниках / под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – С. 119

[13] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 15.04.2019)

[14] Основание и дальнейшее развитие города Стендаля // Средневековые в его памятниках / под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – С. 141

[15] Страсбург. Древнейшее городское право (приблизит. конец XII в.) // Средневековые в его памятниках / под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – С. 124

[16] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass.

1190 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 14.04.2019)

[17] Köln: Recht des Burggrafen. 1169 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 19.04.2019)

[18] Medebach: Stadtrecht. 31. VIII. 1165 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 20.04.2019)

[19] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass.

1190 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 14.04.2019)

[20] Regensburg: Stadtrecht Friedrichs II. 4. IX. 1230 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 21.04.2019)

[21] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - /http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019)

[22] Второе городское право Страсбурга (1214) // Средневековые в его памятниках / под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – С. 134

[23] Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Герлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961. – С. 388

[24] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - /http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019)

[25] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - /http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019)

[26] Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Герлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961. – С. 388

[27] Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Герлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961. – С. 388

[28] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - /http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019)

[29] Köln: Schiedsspruch zwischen der Stadt und Erzbischof Konrad von Hochstaden. 28. VI. 1258 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurst01keutgoog/urkundenzurst01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 19.04.2019)

[30] Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Герлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961. – С. 388

ства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961. – С. 388

[31] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 18.04.2019)

[32] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 18.04.2019)

[33] Andernach: Schöffenordnung. 16. IX. 1171 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 22.04.2019)

[34] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - / http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019)

[35] Второе городское право Страсбурга (1214) // Средневековые в его памятниках / под ред. Д.Н. Егорова. М.: Типо-Лит. «Я, Данкин и Я, Хомутов», 1913. – С. 134

[36] Köln: Schiedsspruch zwischen der Stadt und Erzbischof Konrad von Hochstaden. 28. VI. 1258 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 19.04.2019)

[37] Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002. – С. 72

[38] Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV—XV вв. - / http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Электронный ресурс] (Дата обращения 12.03.2019); Dortmund: Gerichtsbarkeit des Rates, 1254, Goslar: Stadtrecht Friedrichs II. 13. VII. 1219 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 23.04.2019)

[39] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200, Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213, Lippstadt: Stadtrecht (1198) // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Электронный ресурс] (Дата обращения 15.04.2019)

Spisok literatury:

[1] Dzhivelegov A. K. Gorodskaya obshchina v srednie veka: Nekotorye novye teorii o proiskhozhdenii srednevekovykh gorodov. M.: Izdanie magazina «Knizhnoe delo», 1901. – 84 s.

[2] Pirenn A. Srednevekovye goroda i vrozozhdenie torgovli / Per. s angl. S. I. Arhangel'skogo. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2009. – 191 s.

[3] Speyer: Heinrich V. befreit die Bürger a) vom Buteil, b) von verschiedenen Abgaben und von auswärtiger Gerichtsbarkeit, verbietet jede Verschlechterung der Münze ohne ihre Zustimmung, und bestimmt die Verjährung des Grundbesitzes in Jahr und Tag. U. VIII. 1111 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.04.2019)

[4] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass. 1190 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 14.04.2019)

[5] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 15.04.2019)

[6] Hagenau: Stadtrecht: 15. VI. 1164 // Keutgen F. Urkunden zur staedischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 16.04.2019)

[7] Freiburg im Breisgau: Stadtrecht. Aeltester Teil (1120) // Keutgen F. Urkunden zur staedischen

Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 15.04.2019) [8] Lippstadt: Stadtrecht (1198) // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 17.04.2019)

[9] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 18.04.2019)

[10] Freiburg im Breisgau: Stadtrecht. Aeltester Teil (1120) // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 15.04.2019)

[11] Wien: Stadtrecht Leopolds VI. 18. X. 1221 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 19.04.2019)

[12] Lyubek. Gorodskoe pravo imperatora Fridriha I ot 19 okt. 1188 g. // Srednevekov'e v ego pamyatnikah / pod red. D.N. Egorova. M.: Tipo-Lit. «YA, Dankin i YA, Homutov», 1913. – S. 119

[13] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 15.04.2019)

[14] Osnovanie i dal'nejshee razvitie goroda Stendalya // Srednevekov'e v ego pamyatnikah / pod red. D.N. Egorova. M.: Tipo-Lit. «YA, Dankin i YA, Homutov», 1913. – S. 141

[15] Strasburg. Drevnejshee gorodskoe pravo (priblizit. konec XII v.) // Srednevekov'e v ego pamyatnikah / pod red. D.N. Egorova. M.: Tipo-Lit. «YA, Dankin i YA, Homutov», 1913. – S. 124

[16] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass. 1190 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte

Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 14.04.2019) [17] Köln: Recht des Burggrafen. 1169 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 19.04.2019)

[18] Medebach: Stadtrecht. 31. VIII. 1165 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 20.04.2019)

[19] Worms: Wahl von Beamten durch die Bürgerschaft, anderer durch ein Handwerk. Gerichtsbarkeit über das Mass. 1190 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 14.04.2019) [20] Regensburg: Stadtrecht Friedrichs II. 4. IX. 1230 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 21.04.2019)

[21] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id=5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019), Dortmund: Gerichtsbarkeit des Rates, 1254, Goslar: Stadtrecht Friedrichs II. 13. VII. 1219 // Keutgen F. Urkunden zur staetischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. – / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 23.04.2019)

[22] Vtoroe gorodskoe pravo Strasburga (1214) // Srednevekov'e v ego pamyatnikah / pod red. D.N. Egorova. M.: Tipo-Lit. «YA, Dankin i YA, Homutov», 1913. – S. 134

[23] Pravo, poslanoe (soobshchenoe) sheffenami Magdeburga gorodu Gerlicu v 1304 godu // Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V. M. Koreckogo. M.: YUrid. lit., 1961. – S. 388

[24] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id =5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019)

[25] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id =5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019)

[26] Pravo, poslannoe (soobshchennoe) sheffenami Magdeburga gorodu Gerlicu v 1304 godu // Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V. M. Koreckogo. M.: YUrid. lit., 1961. — S. 388

[27] Pravo, poslannoe (soobshchennoe) sheffenami Magdeburga gorodu Gerlicu v 1304 godu // Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V. M. Koreckogo. M.: YUrid. lit., 1961. — S. 388

[28] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id =5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019)

[29] Köln: Schiedsspruch zwischen der Stadt und Erzbischof Konrad von Hochstaden. 28. VI. 1258 // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 19.04.2019)

[30] Pravo, poslannoe (soobshchennoe) sheffenami Magdeburga gorodu Gerlicu v 1304 godu // Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V.M. Koreckogo. M.: YUrid. lit., 1961. — S. 388

[31] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213) // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 18.04.2019)

[32] Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213) // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / <http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/>

[urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt](http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt) [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 18.04.2019)

[33] Andernach: Schöffenordnung. 16. IX. 1171 // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 22.04.2019)

[34] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id =5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019)

[35] Vtoroe gorodskoe pravo Strasburga (1214) // Srednevekov'e v ego pamyatnikah / pod red. D.N. Egorova. M.: Tipo-Lit. «YA, Dankin i YA, Homutov», 1913. — S. 134

[36] Köln: Schiedsspruch zwischen der Stadt und Erzbischof Konrad von Hochstaden. 28. VI. 1258 // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 19.04.2019)

[37] Dzhivelegov A. K. Srednevekovye goroda v Zapadnoj Evrope. M.: Izdatel'skij dom «Knizhnaya nahodka», 2002. — S. 72

[38] Istochniki po istorii goroda Frankfurta-na-Majne XIV—XV vv. - /http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Germany/XIV/1340-1360/Frankfurt_quellen/text.phtml?id =5770 [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 12.03.2019); Dortmund: Gerichtsbarkeit des Rates, 1254, Goslar: Stadtrecht Friedrichs II. 13. VII. 1219 // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 23.04.2019)

[39] Zweite Redaktion des Freiburger Stadtrechts, s. g. Stadttrotel, von um 1200, Hamm: Stadtrecht. 1. XI. 1213, Lippstadt: Stadtrecht (1198) // Keutgen F. Urkunden zur staedtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 134. Berlin, 1901. — / http://www.archive.org/stream/urkundenzurstdt01keutgoog/urkundenzurstdt01keutgoog_djvu.txt [Elektronnyj resurs] (Data obrashcheniya 15.04.2019)

УДК 342.7
ББК 67.400.3

КЛЮКОВ Василий Дмитриевич,
аспирант кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
юрист, член общественной наблюдательной комиссии Республики Татарстан,
общественный помощник уполномоченного по правам человека
в Республике Татарстан,
e-mail:osnova16@ya.ru

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРАВО НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

Целью статьи является исследование таких конституционно-правовых понятий как право на информацию и право на доступ к информации с точки зрения их взаимодействия и взаимовлияния. В процессе написания использовались сравнительный анализ и формально юридический метод. В статье рассматриваются такие понятия как «право на информацию» и «право на доступ к информации». Установлено, что, не смотря на то, что второе выступает в качестве составляющего первого, нельзя расценивать эти понятия как тождественные правовые явления, исходя из их существенных различий по таким, прежде всего, признакам как объем, содержание, а также регулирование. Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку в ней рассматриваются относительно новые для российской юридической науки правовые явления, такие как право на информацию и право на доступ к информации, впервые эти понятия анализируются, выделяются схожие и особенные признаки, а также ключевые отличия.

Ключевые слова: Право на доступ к информации, право на информацию, конституция, конституционно-правовое регулирование, информация, свобода, государственные органы.

KLUKOV Vasily Dmitrievich,
graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law
of Kazan (Volga) Federal University, lawyer, member of the Public Supervisory Commission
of the Republic of Tatarstan, public assistant to the Commissioner for Human Rights
in the Republic of Tatarstan

THE RIGHT TO INFORMATION AND THE RIGHT TO ACCESS FOR INFORMATION: THE CONCEPT AND THE RELATION

The aim of the article is to study such constitutional legal concepts as the right to information and the right to access information from the point of view of their interaction and mutual influence. In the writing process, comparative analysis and a formal legal method were used. The article reveals such concepts as «the right to information» and «the right to access for information». Despite the fact that it is established that the second acts as a component of the first one, these concepts cannot be regarded as identical legal phenomena. At the first time these concepts are analyzed, similar and special features are highlighted, as well as key differences. The article contributes a pricelessly huge scientific value because relatively new legal phenomena is considering for the Russian legal science as «the right to information» and «the right to access for information». At the first time these concepts are analyzed, similar and special features are highlighted, as well as key differences.

Keywords: the right to access for information, the right to information, constitution, constitutional and legal regulation, information, liberty.

В настоящее время в юридической литературе можно выделить два основных взгляда в изучении права человека и гражданина на информацию.

Согласно первому из них право человека и гражданина на информацию представляет собой лишь составную часть свободы слова и печати.

Так, Ю.А. Дмитриев и А.А. Златопольский рассматривают право на информацию как составную часть права на свободу слова и печати [10, с. 37], обосновывая тем, что свобода слова и печати состоит из правомочий, охватывающих различные формы распространения мнений и информации. Таким образом, они различают право на инфор-

мацию и право на свободу слова и печати по объему, т.е. право на информацию выражается через право на свободу слова и печати и, по сути, приравнивается к праву на доступ к информации.

В соответствии с представленной позицией право на информацию понимается как получение гражданином информации от государственных органов, т.е. сведений, которыми располагают органы публичной власти в связи с реализацией ими своих полномочий (узкий подход), а все остальные правомочия, а именно: искать, производить, распространять информацию отражают свободу слова, свободу выражения мнения [16, с. 46-53]. С.Н.Шеввердяев, развивая данную мысль, также утверждает, что право на информацию является прямым следствием развития теории и практики свободы слова и печати и соответственно, Конституция Российской Федерации не закрепляет самостоятельного субъективного права человека на информацию [17, с. 187].

Учитывая данный подход можно установить исторические и генетические связи между правом свободы слова, выражения мнения, свободы печати и правом на информацию. Рассматриваемые права различаются по времени возникновения, относятся к различным поколениям прав человека, но имеют единую генетическую природу, выраженную в информационном обмене. Именно появление права свободы слова, выражения мнения и свободы печати исторически приводит к становлению право на информацию (в узком подходе права на доступ к информации), относимому к третьему поколению прав. Вместе с тем, имеет место другая позиция, согласно которой, свобода информации — это «условное обозначение целой группы свобод и прав: свободы слова или свободы выражения мнений, свободы печати и иных средств массовой информации, права на получение информации, имеющей общественное значение, свободы распространения информации» [13, с. 102].

И.Л. Бачило также рассматривает конституционное право на информацию как комплексное субъективное право гражданина, которое означает возможность свободно производить различного рода действия (манипуляции) с информацией независимо от того, каково ее назначение и что она представляет собой по своему содержанию [5, с. 18-26].

Возможной причиной неоднозначного понимания права на информацию является процесс его становления и развития в пространстве и во времени.

Анализ различных позиции авторов по рассматриваемой проблеме позволяет признать наиболее логичным и правильным рассматривать

право человека на информацию как самостоятельное конституционное право.

Конституционным указанное право можно считать потому, что Конституция Российской Федерации закрепляет в качестве основных прав и свобод человека и гражданина «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч.4, ст. 29), а также обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч.2, ст. 24). Кроме того, сам перечень прав и свобод человека и гражданина является открытым, если исходить из буквального толкования ч. 1, ст. 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Что касается права на доступ к информации, то исходя из закрепленных в Конституции Российской Федерации положений, как-то свободно получать законным способом информацию, произведенную, переданную или распространенную законным способом, доводить до всеобщего сведения нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации), обеспечивать возможность ознакомления заинтересованного лица с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации), из права каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции Российской Федерации) можно сделать вывод, что оно, как и право на информацию, также является конституционным правом человека.

Аналогичного мнения придерживаются и многие исследователи, вполне справедливо относя право на доступ к информации к числу конституционных прав человека [11].

Право на доступ к информации, будучи конституционным правом любого человека и гражданина, порождает вопрос об определении его внутренней сущности. Иными словами, естественным или позитивным является природа права на доступ к информации? Одна из распространенных позиций, аргументированных в юридической литературе, заключается в том, что право на доступ к информации расценивается как позитивное право, которое исходит в основном от государства и его властных структур. По мнению А.А.

Задкова, право на доступ к информации по своему содержанию значительно отличается от таких прав и свобод, как: свободы мысли и слова, права производить и распространять информацию, свободы массовой информации, провозглашая новый этап развития конституционализма, так называемого «четвертого поколения прав человека» [11, с. 12].

Принципиальное отличие рассматриваемых прав человека выражается в том, что свободы мысли, слова и печати обусловлены невмешательством государства в их реализацию, а право на доступ к информации предполагает непосредственное взаимодействие государства и конкретного гражданина, при котором государство, играя решающую роль, создает необходимые предпосылки и условия к тому, чтобы человек имел возможность воспользоваться своим правом. Действительно, без существования государства, государственных органов и муниципальных органов и их обязанности предоставлять информацию о своей деятельности говорить о наличии права на доступ к информации было бы затруднительно. В данном плане можно согласиться с исследователями, утверждающими, что данное право является позитивным.

В свою очередь, необходимо подчеркнуть, что существование человека (даже на биологическом уровне) невозможно без постоянного обмена информацией с окружающим миром. Следовательно, право на информацию в самом общем понимании является естественным правом человека и необходимым условием его выживания. Данной позиции придерживается и А.В. Штырев, который утверждает, что информация, как феномен социальной среды, относится к области естественного права [19]. Учитывая изложенное, а также то, что право на доступ к информации является частью права на информацию, можно увидеть естественную природу этого явления. Следовательно, базисом для позитивного права на доступ к информации является естественное право человека на информацию как условие его бытия в природной и социальной среде.

Вместе с тем, по мнению С.Н. Шевердяева, право на доступ к информации является специальным правом (этим оно отличается от общего права на информацию) и находит это право свое применение именно при взаимодействии гражданина и государства в сфере раскрытия или ограничения доступа к информации о деятельности государственных и муниципальных органов [18, с. 217]. Действительно, право на доступ к информации регулирует конкретные отношения государства и гражданина по информационной открытости государственных органов, выделяя специаль-

ным субъектом таких отношений государственные и муниципальные органы.

Ряд авторов относят право на доступ к информации к системе политических прав, но одновременно указывают возможность отнесения его и к числу личных прав [7]. Другие рассматривают его исключительно как политическое право, утверждая, что право на доступ к информации имеет не личную, а публичную, государственно-гражданскую природу, т.к. оно вытекает не из свободы человека как правоспособного существа, а из учреждения и функционирования государства как гражданской общности, как нации [1, с. 149]. В этой связи, следует отметить, что право на доступ к информации является составляющим конституционно-правового статуса человека в государстве, что обуславливает необходимость отнесения данного права к политическим правам. Без существования государства и государственных институтов право на доступ к информации было бы лишено значения и смысла.

Право на доступ к информации является субъективным правом. Так, по мнению И.Ю. Гришаевой, в отношении права на доступ к информации применена зеркальная форма его отражения в конституционном тексте через обязанность ответственных за реализацию субъективного права лиц. Но так же, как и при провозглашении субъективного права всегда имеется в виду корреспондирующая ему обязанность государственных органов и других субъектов права, так и здесь обязанность органов власти корреспондирует праву гражданина. Этот юридико-технический прием является вполне уместным в отношении дополнительного гарантирования осуществления субъективного права в том смысле, что ориентирован на однозначное прочтение нормы обязательными лицами [8, с. 275].

Существенный теоретический и практический интерес представляет также вопрос о соотношении права на информацию и права на доступ к информации. Многие исследователи отождествляют понятия «право на информацию» и «право на доступ к информации» [6, с. 4-53], [15, с. 46-53], уравнивая их и по объему, и по содержанию. Таким образом, право на информацию они рассматривают в узком ключе, как правовое регулирование получения гражданином информации о деятельности государственных и муниципальных органов. Подобное отождествление рассматриваемых категорий представляется не вполне верным и аргументированным в силу наличия существенных отличий как по содержанию, так и по объему указанных понятий.

Другие исследователи, например Е.С. Лисицына, представляют право на информацию в качестве самостоятельного комплексного конституци-

онного права, которое объединяет в себе, как право на информацию, так право и на доступ к информации [12]. Похожего взгляда придерживается и М.А. Григорьев, который считает, что право на доступ к информации содержательно вытекает из комплексного права на информацию, взаимодействующего со всей системой конституционных прав и свобод.

Подобное расширительное понимание права на информацию, содержательно охватывающее все субъективные права, которые нацелены на информацию или операции с ней, является весьма распространенным среди ученых-конституционалистов [9, с. 106]. Так, по мнению Н.Б. Баранова, исследуемое право представляет собой составляющий элемент общего права на информацию [4].

Вместе с тем, ряд авторов убеждены в самостоятельном характере права на доступ к информации и отграничивают его от иных смежных информационных прав человека. В частности, О.В. Парахина отмечает, что право на доступ к информации, подобно иным устоявшимся в правовой системе информационным правам личности, имеет самостоятельную природу и может рассматриваться как отдельное право [14]. Аналогичной позиции придерживается И. Ю. Богдановская, которая на уровне конституционного права разграничивает право на информацию и право на доступ к информации, рассматривая их, как содержательно отличающейся друг от друга права [3, с. 15].

Аналогичного мнения придерживается и Т.В. Пашнина, обосновывая самостоятельность права на доступ к информации, при этом подчеркивая, что право на доступ к информации является отдельным правомочием права на информацию (наряду с правомочиями на произведение, распространение информации, на тайну и др.) [15, с. 100]. А.А. Задков также разграничивает между собой право на доступ к информации от таких конституционных прав и свобод как: свободы мысли и слова, права производить и распространять информацию, свободы массовой информации, при этом подчеркивая их различное содержание. Так, для реализации свободы мысли, слова и печати, права производить и распространять информацию не требуются вмешательство государства (скорее наоборот – любое вмешательство может привести к их нарушению и ограничению), то есть указанные права являются правами «негативного характера». В свою очередь, право на доступ к информации может быть осуществлено только в результате прямого взаимодействия государства и гражданина, в рамках которого государство выступает основным субъектом, создающим необходимые предпосылки и

условия для реализации гражданином своего права на доступ к информации. Таким образом, право на доступ к информации по своему содержанию является позитивным правом [11]. В этом проявляется существенное отличие права на доступ к информации от остальных прав с информационным компонентом.

Учитывая указанные выше позиции исследователей можно заключить, что право на информацию, включающее в себя и иные информационные права, является материнским (основополагающим) правом по отношению к праву на доступ к информации. Но, учитывая иную природу права на доступ к информации, необходимо выделить его как самостоятельное право, но при этом не забывать об основополагающей роли информационного права.

Иная природа, как указывают Т.В. Пашина и А.А. Задков, выражается в различном способе «добывания» информации и участия в данном процессе государства, что и является источником различия между правом на информацию и правом на доступ к информации [16, с. 101].

В заключении считаю необходимым привести мнение О.В. Афанасьевой, которая считает, что «право на информацию» настолько общее понятие, что любое его научное обсуждение и сопоставление с другими правами только затрудняет его понимание и приводит к терминологической путанице. Она предлагает такой подход: правомочия по поиску, обмену, производству и распространению информации называть свободой информации; правомочия автора в отношении его произведения называть авторским правом; правомочия каждого по доступу к находящейся в распоряжении органов власти и управления информации называть правом на доступ к официальной информации; правомочия лица в отношении информации о себе именовать неприкосновенностью частной жизни, конфиденциальностью персональных данных и правом на доступ к информации о себе [2, с. 161]. Данная позиция имеет право на существование, но необходимо учитывать, что объединяющим понятием для всех перечисленных выше прав является право на информации, необходимость его исследования вызывает сомнения. Не зная общего – не поймешь частного.

Иными словами, такие понятия как «право на информацию» и «право на доступ к информации», не смотря на то, что второе выступает в качестве составляющего первого, нельзя расценивать как тождественные правовые явления, исходя из их существенных различий по таким, прежде всего, признакам как объем, содержание, а также регулирование.

Список литературы:

- [1] Афанасьева О.В. Доступ к информации как институт национального государства // Полис: Политические исследования. - 2010. - № 5. - С.149.
- [2] Афанасьева О.Ф. Доступ к информации. Мировой тренд в реформировании государства // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2012. - №3. - С.161.
- [3] Богдановская И.Ю. Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации. Монография. - М.: Юстицинформ, 2009. - С.15.
- [4] Баранова Н.Б. Конституционное право граждан на информацию и его реализация в Российской Федерации: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - Пенза, 2005.
- [5] Бачило И.Л. О праве на информацию в Российской Федерации. - М., 1997. - С.18–26.
- [6] Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А., Информационное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. - С.789.
- [7] Галеев С.А. Административно-правовые отношения в обеспечении права граждан на информацию: Автореф.дис. канд. юрид. наук. - Москва, 2002.
- [8] Гришавеа И.Ю. Конституционные основы информационно-правового статуса человека и гражданина // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2005. - С.275.
- [9] Григорьев М.А. Теоретические основы конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации // Бизнес в законе. - 2008. - № 4. - С.106.
- [10] Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А. Гражданин и власть. - М., 1994. - С.37.
- [11] Задков А.А. Конституционное право на доступ к информации в Российской Федерации: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - Москва, 2006;
- [12] Лапин С.Ю., Обеспечение доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в российской федерации: информационно-правовой аспект: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - Саратов, 2011.
- [13] Лисицына Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - Москва, 2003.
- [14] Маклаков В.В., Страшун В.А. Свобода информации / Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. - М., 1993. - С.102.
- [15] Парахина О.В. Конституционное право на доступ к информации и проблемы его реализа-

цию. URL: <http://confifap.crip.ru/spb2004/russian/org> (дата обращения: 26.09.2019)

- [16] Пашина Т.В. Дискуссионные аспекты определения права на информацию, Вестник ЮУрГУ. - Серия: Право, 2017. - С.100.
- [17] Терещенко, Л. К. Доступ к информации: правовые гарантии // Журнал российского права. - 2010. - № 10. - С.46-53.
- [18] Шевердяев С.Н. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства // Актуальные проблемы обеспечения доступа к информации. - М.: Институт проблем информационного права, 2004. - С.187.
- [19] Штырев А.В. Общедоступная информация как гражданско-правовая категория: Авторф. дис. канд. юрид. наук. - Рос. гос. акад. интеллектуальной собственности. - Москва, 2011.

Spisok literatury:

- [1] Afanas'eva O.V. Dostup k informacii kak institut nacional'nogo gosudarstva // Polis: Politicheskie issledovaniya. - 2010. - № 5. - S.149.
- [2] Afanas'eva O.F. Dostup k informacii. Mirovoj trend v reformirovanii gosudarstva // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. - 2012. - № 3. - S.161.
- [3] Bogdanovskaya I.YU. Pravo na dostup k informacii. Dostup k otkrytoj informacii. Monografiya. - M.: YUsticinform, 2009. - S.15.
- [4] Baranova N.B. Konstitucionnoe pravo grazhdan na informaciyu i ego realizaciya v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk. - Penza, 2005.
- [5] Bachilo I.L. O prave na informaciyu v Rossijskoj Federacii. - M., 1997. - S. 18–26.
- [6] Bachilo I.L., Lopatin V.N., Fedotov M.A., Informacionnoe pravo. SPb.: YUrid. centr Press, 2001. - S. 789.
- [7] Galeev S.A. Administrativno-pravovye otnosheniya v obespechenii prava grazhdan na informaciyu: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk. - Moskva, 2002.
- [8] Grishavea I.YU. Konstitucionnye osnovy informacionno-pravovogo statusa cheloveka i grazhdanina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2005. - S.275.
- [9] Grigor'ev M.A. Teoreticheskie osnovy konstitucionnogo prava grazhdan na informaciyu v Rossijskoj Federacii // Biznes v zakone. - 2008. - № 4. S.106.
- [10] Dmitriev YU.A, Zlatopol'skij A.A. Grazhdanin i vlast'. - M., 1994. - S.37.

[11] Zadkov A.A. Konstitucionnoe pravo na dostup k informacii v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. – Moskva, 2006;

[12] Lapin S.YU., Obespechenie dostupa grazhdan k informacii o deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya v rossijskoj federacii: informacionno-pravovoj aspekt: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. – Saratov, 2011.

[13] Lisicya E.S. Pravo na informaciyu i informacionnyu deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye aspekty: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. – Moskva, 2003.

[14] Maklakov V.V., Strashun V.A. Svoboda informacii / Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran. T. 1. – M., 1993. – S.102.

[15] Parahina O.V. Konstitucionnoe pravo na dostup k informacii i problemy ego realizaciyu. URL:

<http://confifap.crip.ru/spb2004/russian/org> (data obrashcheniya: 26.09.2019)

[16] Pashina T.V. Diskussionnye aspekty opredeleniya prava na informaciyu, Vestnik YUUrGU. – Seriya: Pravo, 2017. – S.100.

[17] Tereshchenko, L. K. Dostup k informacii: pravovye garantii // Zhurnal rossijskogo prava. – 2010. – № 10. – S.46-53.

[18] Sheverdyayev S.N. Pravo na dostup k informacii v Rossii: problemy teorii i zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy obespecheniya dostupa k informacii. – M.: Institut problem informacionnogo prava, 2004. – S.187.

[19] SHtyrev A.V. Obshchedostupnaya informaciya kak grazhdansko-pravovaya kategoriya: Avtorf. dis. kand. jurid. nauk. – Ros. gos. akad. intellektual'noj sobstvennosti. – Moskva, 2011.

КОРОТКО О КНИГАХ

РЕЦЕНЗИЯ

КУРКИН Борис Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права Юридического института
Тамбовского государственного технического университета,
эксперт Германской службы академического обмена (DAAD)
e-mail: mail@law-books.ru

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1917 ГОДУ:
МОНОГРАФИЯ / ОТВ. РЕД. С.А. БОГОЛЮБОВ, Д.А. ПАШЕНЦЕВ,
В.А. СЕЛЕЗНЕВ. — М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2018. — 292 С.
ISBN 978 – 5 – 7205 – 1478 – 5**

Аннотация. Рецензируемая монография освещает проблемы, связанные в основном с деятельностью Временного правительства. Рассмотрены также события Октябрьской революции. Рецензент отмечает, что все главы написаны обстоятельно и в полной мере отражают содержание и значение исследуемых в монографии аспектов деятельности Временного правительства, его основные направления.

Ключевые слова: Временное правительство, Октябрьская революция, народное просвещение, свобода совести и вероисповедания, международное право.

KURKIN Boris Alekseevich,
Doctor of Law, Professor,
Professor, Department of International Law,
Law Institute, Tambov state technical University,
expert of the German academic exchange service (DAAD)

**THE RUSSIAN STATE IN 1917:
MONOGRAPH / REV. ED. S.A. BOGOLYUBOV, D.A. PASHENTSEV,
V.A. SELEZNEV. - MOSCOW: JUSTICINFORM, 2018. - 292 P.
ISBN 978 – 5 – 7205 – 1478 – 5**

Annotation. The peer-reviewed monograph highlights the problems associated mainly with the activities of the Provisional government. The events of the October revolution are also considered. The reviewer notes that all the chapters are written in detail and fully reflect the content and importance of the aspects of the Provisional government, its main directions, studied in the monograph.

Key words: Provisional government, October revolution, people's education, freedom of conscience and religion, International Law.

Настоящая монография посвящена проблемам, связанным в основном с деятельностью Временного правительства по преобразованию государственного аппарата и его попыток выработать эффективную политику, в том числе и правовую, в чрезвычайных условиях — условиях продолжавшейся мировой войны. Особое внимание уделяется политике Временного правительства и правовому регули-

рованию в наиболее важных сферах государственной жизни — в военной, юстиции, народного просвещения и т.д.

В работе рассмотрены также, хотя и в меньшем объеме, события, связанные с Октябрьской революцией, раскрывается содержание основных направлений в правотворческой деятельности Временного правительства, анализируются соответствующие государственно-правовые акты.

Затрагиваются в ней, правда, в весьма ограниченном объеме и первые шаги новой власти. Но, поскольку заявленные авторами временные рамки ограничиваются исключительно 1917-м годом, это видится логичным и даже неизбежным.

Объем рецензии, в силу сложившейся традиции, весьма ограничен, материалы, представленные в книге, – автономны, а посему рецензирование неизбежно должно выражаться в анализе каждого самостоятельного фрагмента книги, в котором будут отмечены его наиболее важные, с точки зрения рецензента, положения, их значимость и обоснованность.

Отметим сразу: все главы написаны обстоятельно и в полной мере отражают содержание и значение исследуемых в монографии аспектов деятельности Временного правительства, его основные направления.

Необходимо подчеркнуть, что все вопросы, обозначенные в монографии, рассмотрены достаточно полно с учетом результатов новейших исследований в этой области, что делает работу актуальной и значимой.

Глава 1 «Российская государство в процессе становления», написанная д-ром юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцевым, задает тон всему исследованию.

«Общим признаком членов Временного правительства, – справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, – можно считать принадлежность подавляющего большинства из них к масонству. А.Ф. Керенский, который возглавил Временное правительство после князя Г. Львова, оказался не тем политиком, который был нужен России в условиях кризиса» (с. 40).

К сожалению, тема масонства и его роль в перевороте оказалась упомянутой лишь вскользь. А ведь события были по внешнему виду, совершенно парадоксальные. Спрашивается, с какой стати министр иностранных дел П.Н. Милюков мчит на поклон английскому послу с просьбой освободить из-под ареста задержанного в Канаде Л.Д. Бронштейна (Троцкого)? Это Милюков, в соответствии с дипломатическим протоколом, должен был вызвать на ковер английского посла, хотя повод для этого по своей значимости был едва отличен от нуля!

Д.А. Пашенцев выделяет, среди прочих, три основных момента в деятельности Временного правительства, ставших особо значимыми в государственно-правовом плане и определивших во многом государственно-правовую и национально-государственную политику большевиков.

Итоги деятельности Временного правительства автор характеризует на основе следующих положений.

1. Временное правительство юридически оформило переход от монархии к республике.

2. Временное правительство окончательно ликвидировало думский парламентаризм.

Временное правительство установило ряд важных демократических прав и свобод, провело реформу избирательного права на основе демократических начал (с. 27).

Так, были ликвидированы высшие органы государственной власти – Государственный совет, Совет министров и Государственная дума. Их полномочия перешли к Временному правительству. Сенат и Синод были сохранены и подчинены Временному правительству, ставшему одновременно как законодательным, так и исполнительным органом. «С одной стороны, – отмечает автор, – в революционных условиях в качестве временной меры этого могло быть оправданно. С другой стороны, такая ситуация противоречила тем политическим ценностям, которые провозглашало само Временное правительство» (с. 23).

Второй момент (объявление России республикой). Самостоятельно решив вопрос о форме правления, Временное правительство, тем самым, несколько вышло за пределы своих объявленных полномочий, узурпировало вопрос, возлагавшийся ранее на Учредительное собрание (с. 27).

Третий момент касается национально-государственной политики Временного правительства. Как справедливо отмечает автор, «в период правления Временного правительства деструктивные тенденции стремительно нарастали. Усилились центробежные тенденции на национальных окраинах. В этих условиях правительство, составленное из представителей интеллигенции и предпринимателей, явно не справлялось» (с. 19). Далее автор затрагивает обсуждавшийся Временным правительством вопрос о предоставлении автономии Украине, «так как после Февральской революции на Украине возникло возглавляемое Центральной Радой движение за автономию.

Но Временное правительство не пошло на эту меру, отложив вопрос до Учредительного собрания < > в 1917 году национальный вопрос обострялся действиями тех сил, которые видели в нем еще одну возможность для дестабилизации режима» (с. 33).

В связи с этим автору следовало подчеркнуть, что Временное правительство само способствовало развалу государства и делало это вполне сознательно, т.е. отдавая себе отчет в своих действиях.

Вспомним, чем было занято Временное правительство: был упразднен пост генерал-губернатора в Закавказье и Туркестане, власть передана

«комитетам», созданным из депутатов Думы, являвшихся местными уроженцами.

Три главные политические партии Кавказа — азербайджанская Мусульманская Демократическая Партия (Мусават), армянская Дашнакцутюн и грузинская Социал-демократическая, сразу же после Февральской революции в обмен на признание Временного правительства получили гарантии автономии в рамках федеративной России. Автору следовало бы отметить, что Временное правительство открыто попустительствовало сепаратизму «окраин» («украин», как говаривали в старину) или даже поощряло его.

В марте в Киеве создаётся некая Центральная Рада, куда входят представители 25 партий, от всем известных, вроде эсеров, до совсем крошечных и карикатурных «националистических». В дискуссиях, ведущихся в Раде, впервые зазвучало слово «Украина». Все эти «дебаты» были пустым сотрясанием воздуха, никого и ни к чему не обязывали, так как Рада не признавалась Временным правительством. Через три месяца, в июне 1917 г., Рада создала «правительство», которое возглавил некий неведомый миру писатель В. Винниченко. Позже он попытается выторговать для себя пост Председателя Политбюро ЦК РКП(б). В Киев он приедет из... Москвы. Что представляла из себя Центральная Рада и созданное ею «правительство», видно было хотя бы из того, что новоявленное «украинское правительство» использовало в качестве своей резиденции самовольно занятые две комнаты в здании киевского Педагогического музея.

Далее, как известно, происходило нечто совсем невероятное: в Киев в сопровождении министров Временного правительства Терещенко и Церетели немедленно прибыл Керенский и начал вести переговоры с «правительством Украины», в которое входил в качестве «Генерального Секретаря Военных Дел» еще один литератор-любитель — С. Петлюра. Он так же, как и Винниченко, попал в Киев только в феврале 1917 г. из Москвы, где издавал гламурный журнал под названием «Украинская жизнь».

Таким образом, самым фактом ведения переговоров с каким-то смехотворным «правительством» Керенский узаконил самозванцев. Пройдёт всего четыре месяца, и в октябре 1917 г., ещё ДО формального большевистского переворота, всё тот же Винниченко выпустит «Воззвание к народу и армии Украины». Итак, четыре месяца назад не было ничего, было несколько русских губерний, населённых русскими, а сегодня уже появились Украина, украинский народ, состоящий из «украинцев», и украинская армия! Возникли из ничего украинский парламент, принимающий украинские законы, и Правительство Украины,

обращающееся к украинскому народу и к невесть откуда взявшейся украинской армии.

Думать, что Керенский действовал по собственной инициативе, разваливая ставшую уже свою державу, было бы крайне наивно. К сожалению, эта тема — тема закулисья — не получила своего развернутого освещения в монографии, хотя и была обозначена. Возможно, виной тому стали неизбежные ограничения по объёму главы. Однако от исторической иллюстрации выводы автора выглядели бы еще убедительнее.

Во второй главе, автором которой является государственный советник юстиции Российской Федерации 1-го класса, канд. экон. наук, доц. В.А. Селезнев, рассматривается вопрос о государственном управлении в сфере юстиции в период 1917 г. При этом основное место в главе уделено действиям Временного правительства, хотя захватывает и краткий период, предшествующий мартовскому перевороту, и не менее краткий октябрьского переворота.

Автор отмечает, что инициированные Временным правительством демократические преобразования осуществлялись при активном участии Министерства юстиции, главными направлениями деятельности которого стали изменение уголовной политики и преобразование судебной системы (с. 51).

Особое место в главе занимает вопрос о деятельности т.н. «Верховной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главнуправляющих и других высших должностных лиц». К сожалению, автор (возможно опять-таки ввиду ограниченности объёма работы) не рассмотрел подробнее деятельность сего органа, к которому весьма подошла бы поговорка «гора родила мышь».

Известно, что показания этой «чрезвычайной следственной комиссии» (ЧСК — так хочется использовать сокращение — ЧК), в работе которой принимал участие А. Блок, давал и вернувшийся из эмиграции журналист В.И. Ульянов. К сожалению, показания его не опубликованы и по сию пору. Думается, автору нелишне было бы отметить, что предназначавшаяся в основном для «обличения самодержавия» комиссия так и не выявила за царем решительно никаких преступлений (надо полагать, к великому неудовольствию заговорщиков-февралистов).

Любопытно, что никто иной, как А.Ф. Керенский в статье «Короткая память», написанной еще в 1920 г., признал: «Нам всем вместе — демократии и буржуазии — пришлось наспех, среди дьявольского урагана войны и анархии налаживать кой-какой самый первобытный аппарат власти» [6, с. 165].

Заслугой автора является и хорошее знакомство с научной литературой по данному вопросу, в частности с работами Н.Н. Ефремовой, известной своими публикациями по теме органов царской юстиции и краткого периода существования Временного правительства. В связи с этим можно посоветовать на то, что оказались не использованными ее последние работы [5, с. 396–397].

Автор справедливо отмечает, что «несмотря на наличие определенного потенциала министров для надлежащего выполнения своих обязанностей (это относится и к руководителям других министерств Временного правительства), частые смены их состава в правительстве не позволяли последовательно реализовывать намеченные преобразования в государственном устройстве России в условиях кризиса верховной власти, в том числе и в сфере юстиции» (с. 50).

Действительно, период с марта по октябрь 1917 г. ознаменовался в Министерстве юстиции чехардой, когда в силу ряда причин в России сменилось шесть министров юстиции: А.Ф. Керенский, П.Н. Переверзев, И.Н. Ефремов, А.С. Зарудный, А.А. Демьянов, П.Н. Малянтович.

Подробно освещается в статье и тема политической амнистии, осуществленной Временным правительством, в частности, подвергнут скрупулезному анализу Указ от 6 марта 1917 г. «Об амнистии» и прослежена его реализация. Интересно и документально обоснованно изложена также тема «реформирования» ненавистного февралистам МВД. Судьба последнего Министра внутренних дел Империи А.Д. Протопопова, проливающая свет на суть феврализма и февралистов, а также пришедших им на смену большевиков: 27 октября 1918 г. он был расстрелян в Москве в порядке «административного усмотрения (расстройство психики)».

Читая эту часть главы, поневоле вспоминаются слова героя «Дневника провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «И не такие бы реформы можно вытерпеть, кабы страх был!».

Следует согласиться с мнением автора, что «предпринимаемых Временным правительством мер практически во всех сферах государственного управления, в том числе в сфере юстиции, оказалось явно недостаточно для предотвращения последствий политического и экономического кризисов в условиях участия России в первой мировой войне» (с. 80). Однако в таком случае следовало бы добавить: Временное правительство само плодило кризисы, неведомые свергнутому царизму.

И как тут не вспомнить ценные признания А.Ф. Керенского, которому пришлось буквально кричать в 1920 г. в ответ на обвинения в некомпе-

тентности министров Временного правительства: «Допустим, что, действительно, вожди демократии оказались вовсе неподготовленными к делу государственного управления. Что же удивительного в том, что люди, в большинстве своем всю свою сознательную жизнь прошедшие по ссылкам, в тюрьмах, в изгнании и т. д. почувствовали себя не совсем уверенно на министерских креслах?!».

Как тут не вспомнить слова незабвенного М.С. Собакевича, сказанные о другом таком же субъекте, которому «ничто не может быть поставлено в вину»: «Он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил».

Глава 3 «Народное просвещение на переломе общественного устройства», автором которой является д-р пед. наук, доц., почетный работник науки и техники Российской Федерации Л.Л. Алексеева, посвящена теме, остававшейся, как правило, в тени прочих исследований об истории Временного правительства и его деятельности. Тем ценнее для специалиста работа автора.

«После Февральской революции, – как подчеркивает Л.Л. Алексеева, – с марта и до момента свершения Октябрьской революции, руководство Министерства народного просвещения менялось трижды — ведомство возглавляли А.А. Мануйлов, С.Ф. Ольденбург, С.С. Салазкин. Вследствие кризиса всего кабинета министров Временного правительства был период, когда в течение почти целого месяца Министерство оставалось вообще без главы, при одном товарище министра, исполняющем обязанности», что не мешало Государственному Комитету по народному образованию при Министерстве народного просвещения вырабатывать законопроекты и постановления. Тем самым, министерство активно погрузилось в сферу правотворчества (с. 90).

Как показывает автор, «несмотря на принципиальное единство взглядов всех заинтересованных руководителей и сотрудников в отношении необходимости скорейшего проведения реформ, обсуждение планов и проектов и тем более продвижение и претворение намеченного в реальную жизнь шло медленно ввиду много численных причин (рассогласованность, большое количество поправок и предложений, технические трудности, тревожная ситуация в целом и т.п.)» (с. 90, 91).

Автор анализирует законопроекты, выработанные представителями Государственного комитета по народному образованию, и приходит к выводу, что их отличительной чертой является идея децентрализации управления учебными и образовательными учреждениями, когда «все школьное дело планировалось передать органам местного самоуправления» (с. 112).

Непосредственное «общее руководство», т.е. управление системой образования в стране, как отмечает Л.Л. Алексеева, проанализировав-

шая архивные материалы, поручалось «впредь до Учредительного собрания» Государственной комиссии по народному просвещению, которая отнюдь не является центральной властью» (с. 115).

Представляется, что данное исследование будет весьма полезным для всех изучающих историю отечественного образования.

Глава 4 монографии, автором ее является д-р юрид. наук, проф. А.А. Дорская, посвящена проблемам свободы совести и вероисповедания в 1917 г., активно обсуждавшимся и так или иначе решавшимся в течение восьми месяцев существования Временного правительства.

Как отмечает А.А. Дорская, в России о свободе совести как юридической категории впервые заговорили юристы-международники и специалисты в области церковного права. «С точки зрения международного права вопрос о свободе совести был решен уже к 80-м годам XIX столетия. К примеру, в работах известного русского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса прослеживался путь придания свободе совести правового оформления» (с. 127).

В период первой русской революции, как подчеркивает автор, большое значение приобрели работы М.А. Рейснера, сосредоточившего свое внимание не на взаимоотношениях государства и религиозных конфессий, а на индивидуальной свободе совести. «Когда в 1906 году, в условиях Первой российской революции, одним из лозунгов которой была свобода вероисповеданий и веротерпимость, Департаменту духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел было поручено составить подробную справку о свободе совести, были использованы в основном конструкции, понятия и определения М.А. Рейснера, выработанные в ходе работы над докторской диссертацией об отношении государства к церкви и верующей личности, а затем опубликованные в сборнике «Государство и верующая личность»» (с. 129).

Автор указывает, что в отношении свободы совести, как и по другим вопросам, «Временное правительство сначала ограничивалось только заявлениями о готовности решать наболевшие вопросы. Предпринимаемые меры носили чисто декларативный характер» (с. 136).

В работе анализируется конкретизирующее прежние заявления и декларации Постановление Временного правительства от 22 марта (4 апреля) 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».

Представляется необходимым раскрыть содержание понятия «свободы совести», которое в думских законопроектах и научных работах стало представать в виде свободы от совести.

В связи с этим А.А. Дорская приводит, к сожалению, далеко не полностью, высказывание члена Государственного совета Архиепископа Вологодского и Тотемского Никона, писавшего о свободе совести так: «В последнее время много напущено таких слов не только в газеты, но и в законопроекты. Последнее уже представляет немалую опасность, потому что, проникнув в законы, неточные, недостаточно определенные и растяжимые понятия могут замутить жизнь. Таково, например, слово «свобода совести». Что такое совесть? Это – вложенный Богом в духовную природу человека закон для нравственной и религиозной жизни разумного существа. А что такое свобода? Само по себе это слово представляет какую-то пустоту, которую надобно наполнить. В самом деле оно означает просто отсутствие ограничений для деятельности, и только. Какой деятельности – из этого слова еще ничего не видно. Между тем, совесть потемненная грехопадение первозданного человека, вовсе не одинакова у людей» [1, с. 61].

Далее Архиепископ Никон на конкретных примерах показывал, что понимание совести в различных религиях весьма различно, а посему «свобода совести» в содержательном плане может вести к чудовищным последствиям. К сожалению, эта тема осталась фактически вне поля зрения автора, выразившего сожаление, что ни один из семи законопроектов, разработанных в период между I и II Государственной думой, так и не стал законом (с. 133).

Увы, православное понимание «свободы совести» осталось за кадром, а роль Церкви и по сию пору оказывается «землей незнакомой», равно как и роль православного государства, каковым была Российская Империя.

Уместно привести документально зафиксированный пример духовной опеки русского государства над человеком. Речь пойдет о 19-летнем Алексее Пешкове, совершившем в Казани попытку самоубийства. Вот что пишет о «казусе Пешкова» известный литератор П.В. Басинский: «Только номерных документов по поводу поступка Алеши Пешкова было подписано четыре! Это те, о которых мы знаем. Смотритель земских заведений общественного призрения доносит о Пешкове в духовную консисторию. Немедленно собирается синклит из протоиереев и просто иереев, двух настоятелей и двух просто священников. Они выносят постановление о предании юноши епитимии (напомним, что епитимия – означает не наказание, но воспитание, могущее выражаться в более продолжительных молитвах, усиленном посте, паломничестве и т.д. – Б.К.). Непосредственным вразумлением должен заняться свя-

щенник его прихода по месту жительства» [2, с. 63].

Вместо этого будущий Горький попросту нахамил священнику и всему священноначалию. Вывод из всего этого следует весьма неожиданный: «До какой же степени ценилась единичная жизнь и душа человеческая в России в эпоху “свинцовых мерзостей жизни”! Насколько внимательной к личности была эта Система. Да, громоздкая, грубоватая. Да, не учитывавшая, что только что отошедшего от шока молодого человека нельзя вести в церковь “на веревочке”. Но это была Система, в которой каждый человек был ценен.

Сегодня самоубийцу отвезут в морг, и никто в городе об этом не узнает» [2, с. 64]. Этим и отличается православный взгляд на совесть от либеральной «свободы совести», едва отличимой уже от «свободы от совести». В императорской России человек понимался в качестве раба Божьего, то в революционно-мартовской — как самодостаточный, самоценный, не связанный никакими предрассудками индивид, «верховная ценность», по выражению П.Б. Струве [8, с. 157]. Об этом уже достаточно подробно говорилось в отечественной юридической и философско-социологической литературе в работах В.И. Карпеца, Б.А. Куркина, С.Г. Кара-Мурзы.

К сожалению, эта тема не была затронута автором, хотя тема «свободы совести» к тому весьма располагала. Однако нельзя не признать правоту А.А. Дорской, сделавшей вывод о том, что «с точки зрения общих тенденций в 1917 году, Россия переходила на новый этап развития, когда борьба за права и свободы граждан возводилась в культ. Данный период наблюдался в истории многих европейских стран. Однако стратегически была заложена “бомба замедленного действия”, проявление которой стало хорошо ощутимо в конце XX — начале XXI века» (с. 152).

В главе 5 «Военное управление», написанной канд. юрид. наук, государственным советником Российской Федерации 3-го класса В.И. Кузнецовым, рассматривается вопрос о механизме управления в военной сфере с начала XX в. до 1918 г.

Следует отметить, что значительная часть работы посвящена системе военного управления, предшествующей февральскому перевороту.

Автор весьма подробно описывает эволюцию органов военного управления в России перед Первой мировой войной и во время войны. Увы, оказался обойден вниманием один важный вопрос: «С какой целью и по каким организационным соображениям Государь назначил себя Верховного главнокомандования Русской армией?» Иными словами, остался не рассмотренным вопрос о про-

блемах управления армией и тылом и их взаимодействия.

Не прозвучал в должной мере и вопрос о параллельных структурах военного управления, возникших в результате т.н. «двоевластия» — мнимого противостояния Временного правительства и Петросовета, деятельность которых направлялась из одного и того же центра.

В главе достаточно подробно изложен последний из упомянутых нами вопросов. К сожалению, тема Русской армии и Временного правительства оказалась малой по объему, а решающая роль (ЦИК) Петроградского, по существу, Всероссийского — совета рабочих и солдатских депутатов в деле уничтожения армии предстала в монографии лишь эпизодом. А между тем именно он и задал вектор всем последующим событиям.

Нельзя не отметить, что вопрос о знаменитых приказах № 1, разосланном в количестве девяти миллионов (!!! — Б.К.) экземпляров [3, с. 207], и № 213 освещен крайне скупо, а ведь, по общему признанию, именно с выхода в свет Приказа № 1, подготовленного известным деятелем российского масонства знаменитым адвокатом Н.Д. Соколовым, специализировавшимся на защите террористов, и начался развал армии. Яркую характеристику ему, прекрасно сохранившимся и при большевиках, дал П.Н. Милюков — «фанатик», «бездарный», «ограниченный и узкопартийный» [7, с. 227]. К сожалению, о Керенском как военном министре не сказано ничего, кроме того, что он занимал пост военного министра.

Возможно, В.И. Кузнецов полагал, что эти темы уже изложены и проанализированы в работах других авторов, в числе которых необходимо назвать в первую очередь Н.Н. Яковлева, В.В. Кожина, В.И. Старцева.

Без комментариев говорится в статье и о разгуле анархии в Петрограде. Автор приводит цитату: «26 февраля 1917 года были разгромлены Окружной суд, Главное артиллерийское управление и Арсенал, в результате чего в руки восставших попало около 40 тысяч винтовок, полицейские участки» [4, с. 294].

К сожалению, автор не рассматривает причины и тайный механизм этих событий, так что можно подумать, что все совершилось стихийно.

Вместе с тем, как справедливо отмечает В.И. Кузнецов, «последовавшее в начале марта падение самодержавия и отсутствие высшей власти в государстве породили вакуум в военном управлении. При этом войсковой военно-административный аппарат, включая ставку верховного главнокомандующего, и военное и морское министерство сохранились» (с. 171).

В главе 6 «Деятельность государства в аграрной, продовольственной и земельной сфе-

рах», написанной д-ром юрид. наук, проф., заслуженным деятелем науки Российской Федерации С.А. Боголюбовым, исследуются в политико-правовом плане действия Временного правительства по обеспечению страны продовольствием в условиях мировой войны.

Постановлением от 9 марта 1917 г. Временное правительство России учредило Общегосударственный продовольственный комитет под председательством министра земледелия для выработки общегосударственного продовольственного плана, руководящих принципов и общих мер по продовольственному делу.

Как подчеркивает С.А. Боголюбов, «образование и состав комитета были продиктованы желанием решать коренную проблему социально-общественной жизни, опираясь на весьма представительный общественный орган. Но возглавляемый министром и подчиняемый ему через подписываемые им приказы, собранный из достаточно разных слоев населения (многие из которых не имели достаточной квалификации и опыта работы), опирающийся на аппарат министерства, Продовольственный комитет был, по-видимому, обречен на неудачу» (с. 189).

Автор внимательно прослеживает деятельность Временного правительства и приходит к выводу, что в основе кризиса продовольствия лежал нерешенный и постоянно откладываемый на потом земельный вопрос.

Кроме того, как пишет С.А. Боголюбов, с самого начала деятельности Временного правительства предпринимались отчаянные и безуспешные попытки правового регулирования продовольственного вопроса.

Выводы, которые делает автор, сводятся к следующему.

На уровень эффективности аграрно-земельных преобразований 1917 г. влияли отсутствие должного организационного механизма применения законов, произошедшее ввиду роспуска, а затем и разгрома предыдущего (имевшего богатый опыт, навыки и квалификацию) государственного, в том числе административного, судебного, аппарата.

Давали себя знать некомпетентность руководителей, их неумение прогнозировать последствия правовых решений даже при их высокопрофессиональном формулировании и использовании надлежащей юридической техники.

Игнорирование мнения обществ, прежде всего, крестьянства.

Постоянное откладывание решения и реализации аграрно-земельного вопроса до созыва Учредительного собрания.

Последний вывод автора представляется спорным. Нетрудно вообразить себе, чем бы кон-

чилось проведение важнейшей для России аграрной реформы в условиях мировой войны, о чем, собственно, и говорили правые: армия просто рассыпалась; крестьяне, составлявшие ее основу, побежали бы с фронта делить землю.

Следует подчеркнуть, что глава, написанная С.А. Боголюбовым, отличается логичностью, последовательностью, достаточностью нарративного материала и наличием обоснованных в научно-практическом плане выводов.

Глава 7 «Россия в международно-правовом пространстве», автором которой является канд. юрид. наук, проф. С.В. Шульга, представляет особый интерес. Она всецело посвящена положению России в системе международных отношений и международно-правовому обеспечению ее участия в них в 1917 г., а также в непосредственно предшествующий ему и в последующий краткий период.

Автор отмечает, что перед ним «не стоит задача личной оценки произошедших событий, которые одной группой специалистов именуются Великой Октябрьской социалистической революцией, а другой — октябрьским антиконституционным переворотом. Автор видит свою цель в констатации имевших место исторических фактов и в исследовании их международно-правовых аспектов, определивших место России в международно-правовом пространстве 1917 года, не более того» (с. 249).

Вступление России в войну, по мнению С.В. Шульги, было обусловлено «геополитическими, стратегическими планами России сохранять свое влияние на юге Европы, противодействовать укреплению и территориальному расширению Турецкой Османской империи, пресечь попытки европейских государств, прежде всего Великобритании, колонизировать этот регион, а также попытаться установить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, разрешив стоявшую перед Россией (Русью) с момента ее образования «проблему черноморских проливов»» (с. 227).

Здесь автор вступает на зыбкую почву предположений. Безусловно, Черноморские проливы были жизненно важны России, равно как они были важны и для СССР, как жизненно важны они и для современной России. Однако были не менее важные соображения, в частности стремление обезопасить себя от Германии, ибо еще со времен А.Л. Ордин-Нащокина (если не ранее) утвердилось правило: «Дружи не с соседом, а через соседа». Однако здесь мы рискуем окончательно уйти в область теории и истории международных отношений, не являющихся предметом настоящей главы.

Еще одним тезисом автора является квалификация Декрета о мире в качестве международ-

но-правового акта. В качестве дополнительного подтверждения правомерности своего тезиса С.В. Шульга усматривает, что провозглашенное в Декрете о мире право наций на самоопределение присутствует и в «Четырнадцати пунктах Вильсона об условиях установления мира» [С. 227].

Думается, что следует говорить не о том, что Декрет о мире стал международно-правовым документом – обязанностей для других государств он не создал и не мог создать в принципе, а о международно-правовом характере этого одностороннего документа. Вернее сказать, односторонняя декларация, затрагивающая международно-правовые вопросы. То, что некие положения его совпадают с «пунктами Вильсона», также не делает его международно-правовым, хотя и указывает на схожесть позиций сторон. Но такая схожесть, пусть даже полное совпадение внешнеполитических принципов, не есть договор между странами эти принципы провозглашающими. Речь в данном случае может идти о схожести или совпадении политических позиций. Не более того.

В завершение своей работы автор говорит о том, что «анализируя место России в международно-правовом пространстве в 1917 году, качество и объем ее участия в отношениях, урегулированных международным правом того времени, представляется возможным сделать вывод о том, что все они детерминировались воздействием на Российское государство двух основных факторов: участия в Первой мировой войне и реализации программы распространения большевистской идеологии на внешнюю политику государства с целью обеспечения практического воплощения в системе международно-правовых отношений формирующегося принципа самоопределения народов как средства инициации революционных событий в других странах для установления диктатуры пролетариата, достижения торжества мировой революции во имя уничтожения эксплуатации, неравенства, нищеты и привилегий одних за счет других» (с. 263).

С этим трудно спорить, да и не нужно. В целом же глава получилась информативно насыщенной, что безусловно является ее положительной стороной.

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: коллективная монография написана на достаточно высоком теоретическом уровне, а авторы ее проявили умение оперировать тем историческим материалом, каким располагают современная наука и практика. Конечно же, ложку дегтя добавляет то обстоятельство, что не все авторы удосужились четко сформулировать выводы из своего исследования, а предпочли оставить их «растворенными» в тексте.

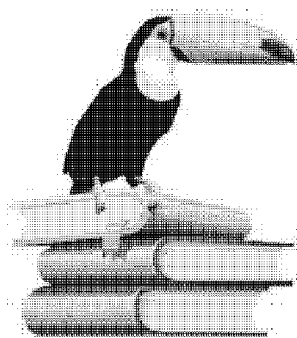
Тем не менее, можно с достаточным на то основанием полагать, что настоящая работа будет благосклонно воспринята научным сообществом и станет подспорьем для тех, кто профессионально работает в сфере истории государства и права и государственного строительства.

Список литературы:

- [1] Архиепископ Никон (Рождественский). «Козни врагов наших сокруши...». Дневники. - М.: Сибирская Благовонница, 2008/ – С. 61.
- [2] Басинский П.В. Горький: страсти по Максиму. - М.: «АСТ», 2018.
- [3] Верховский А.И. На трудном перевале. - М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1959. – С. 207.
- [4] Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Историческо-теоретический труд. - М.: ВАГШ, 2003. – Ч. 1.
- [5] Ефремова Н.Н. Министерство юстиции // БРЭ. - М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2012. – Т. 20.
- [6] Керенский А. Издалёка: сб. ст. (1920—1921 г.). - . Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого, 1922.
- [7] Милуков П.Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991.
- [8] Струве П.Б. Индивидуализм и социализм // Струве П.Б. Избр. соч. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

Spisok literatury:

- [1] Arhiepiskop Nikon (Rozhdestvenskij). «Kozni vragov nashih sokrush...». Dnevnik. - M.: Sibirskaya Blagovonnica, 2008/ – S. 61.
- [2] Basinskij P.V. Gor'kij: strasti po Maksimu. - M.: «AST», 2018.
- [3] Verhovskij A.I. Na trudnom perevale. - M.: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuzs SSR, 1959. – S. 207.
- [4] Gosudarstvennoe i voennoe upravlenie Rossii i SSSR v vojnah XVIII–XX vekov. Istoricheskoteoreticheskij trud. - M.: VAGSh, 2003. – Ch. 1.
- [5] Efremova N.N. Ministerstvo yusticii // BRE. - M.: Nauch. izd-vo «Bol'shaya Ros-sijskaya Enciklopediya», 2012. – T. 20.
- [6] Kerenskij A. Izdalyoka: sb. st. (1920—1921 g.). - . Parizh": Russkoe knigoizda-tel'stvo Ya. Povolockago, 1922.
- [7] Milyukov P.N. Vospominaniya. — M.: Politizdat, 1991.
- [8] Struve P.B. Individualizm i socializm // Struve P.B. Izbr. soch. - M.: «Ros-sijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 1999.

Объединенная электронная
редакция
ЮРКОМПАНИ

Научно-издательская группа «ЮРКОМПАНИ»

осуществляет оперативную полиграфию и издание рукописей (монографий, учебников, учебных пособий, учебно-методических изданий и др.). Редакционно-издательский цикл включает несколько стадий:

- ✓ рецензирование рукописи;
- ✓ редактирование рукописи;
- ✓ первая корректура рукописи;
- ✓ форматирование и подготовка рукописи к верстке
- ✓ верстка рукописи;
- ✓ вторая корректура рукописи и снятие вопросов, возникших в процессе верстки текста,
- ✓ согласование с автором сверстанного текста рукописи в формате pdf (по желанию автора),
- ✓ согласование с автором макета обложки рукописи (по желанию автора).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;

2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

3. Название статьи (буквы – прописные);

4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (//), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (//) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское Р. (р.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // AdultLearning.2016.Vol.27.N2.P.68-75.Режимдоступа:<https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // AdultLearning.2016.Vol.27.N2.P.68-75.Rezhimdostupa:<https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8].

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Сдано в набор 06.08.2019. Подписано в печать 20.08.2019.

Формат 60х90/8. Печать офсетная. Печ. л. 45,75.

Тираж 1200 экз. Заказ № 92.

ОАО "Орехово-Зуевская типография"

г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д.1